

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И.И. Калиганов

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

МОСКВА
2015

УДК 930.85(4)''9–20''

ББК 63.3(4)

К17

Рецензенты:

доктор филологических наук *Г.К. Венедиктов*

доктор философских наук, профессор *М.Н. Громов*

Калиганов И.И.

К17 Проблемы истории и культуры славянских народов. —
М.: Институт славяноведения РАН, 2015. — 480 с.

ISBN 978-5-7576-0331-5

Книга свидетельствует о разнообразии научных интересов автора, затрагивающего в своих исследованиях проблемы истории и культуры славянских народов с IX по XX в. включительно. Она посвящена темам, успешно разрабатываемым им на протяжении последних 10–15 лет.

Публикуемые в ней материалы сгруппированы в три раздела: «Южнославянские литературы», «Русские и болгары: взаимное познание» и «Славянские распри». Материалы отличает глубина научного анализа, нетрадиционность подхода ко многим фактам из истории и культуры славян, неординарная трактовка на фоне выстраиваемого автором нового исторического и историко-культурного контекста.

Книга рассчитана на филологов, историков, литературоведов, преподавателей, студентов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой славян.

УДК 930.85(4)''9–20''

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7576-0331-5

© И.И. Калиганов, 2015

© Институт славяноведения РАН, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Зарождение и развитие болгарской литературы
в конце IX — первой половине XVIII в. 10

Южнославянские литературы в эпоху Средневековья
(Краткий историко-литературный очерк)126

Движение южнославянских литератур от Средневековья
к Просвещению и Национальному возрождению
(XV — первые десятилетия XIX в.)145

«Недельник» Софрония Врачанского и его время
(историко-культурные аспекты)202

РУССКИЕ И БОЛГАРЫ: ВЗАИМНОЕ ПОЗНАНИЕ

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. на Балканах
и воспоминания о Болгарии и болгарях
ее русских участников214

Начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
и переправа наших войск через Дунай.238

Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии
(в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) 248

Русские стереотипы в отношении болгар
и Болгарии накануне ее освобождения от турок
(очерк о стране Е.Н. Водовозовой)278

Болгария и болгары глазами русских женщин XIX в.
во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
(мемуары медсестры С.А. Кёниг и врача Н.Г. Драгневич)....287

Болгарский народ глазами русских в XIX столетии
(национальный характер и взаимное восприятие)299

Конец турецкого господства и первые годы свободной жизни (малоизвестные публикации и эмоции в болгарской печати конца 70-х — 80-х годов XIX в.)	331
Гоголь и развитие болгарской культуры во второй половине XIX — начале XXI в.	353
 СЛАВЯНСКИЕ РАСПРИ	
Сквозь прорезь ружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже осенью 1916 г.	372
Большевистская Россия в болгарской маргинальной литературе 20-х — 40-х годов XX в.	395
Россия и славяне вчера, сегодня и завтра (польские и чешские ракурсы)	423
 Список сокращений	 444
Указатель имен	445
Указатель географических названий	464
Справка о публикуемых в книге материалах	475
Справка об авторе	479

ВВЕДЕНИЕ

Помещенные в данной книге работы в общих чертах отражают то, чем я занимался и продолжаю заниматься последние десять — пятнадцать лет. Разумеется, в нее не вошло всё написанное мною за этот период¹. Жизнь и сфера научной деятельности академических ученых стали более интенсивными и разнообразными. Редко кому сегодня удается спокойно корпеть над созданием запланированной монографии и, подобно золотоискателю, разрабатывать свою «золотую жилу» на своем застолбленном участке. Ныне принято обязательное участие в коллективных проектах, прочно вошли в научный обиход такие понятия, как финансовая поддержка в виде конкурсных грантов, рейтинг ученого, определяемый суммой набранных им баллов и коэффициентом цитирования его работ, и много чего другого — полезного и вредного. Но я не стану обсуждать здесь эти новации; главное — это то, что ученому теперь часто приходится менять направление своих исследований и браться за то, к чему у него душа не лежит. Поэтому почти у каждого академического ученого появляется немало работ, далеких от сферы его индивидуальных интересов. Появились, конечно, они и у меня, но ни в эту, ни в предыдущую мою книгу они не вошли.

Читатель увидит в ней работы, связанные с тремя главными научными направлениями, к разработке которых я постоянно возвращался и намереваюсь возвращаться и впредь. Первое из них связано с изучением и преподаванием мной

студентам истории славянских литератур в качестве профессора Гос. академии славянской культуры (ГАСК). Чтение лекций по данной дисциплине понуждает меня к оптимизации объема излагаемого материала и выделению в нем главного. В противном случае в сознании студентов возникает информационная каша, которую им трудно затем самостоятельно структурировать. В идеале истории литератур должны писаться профессорами институтов и университетов в одиночку. Таковы, например, созданные в Болгарии в разное время литературные истории профессоров Бояна Пенева и Светлозара Йгова². Стоящая передо мной задача является более сложной, поскольку для чтения годового курса лекций «История славянских литератур» следует привлекать материалы не одной из славянских литератур, а всех их в совокупности. Ясно, что быстро решить задачу по написанию истории всех славянских литератур одному человеку не под силу, и даже частичная ее реализация растянется на многие годы. Материалы первого раздела книги «Южнославянские литературы» есть промежуточный этап в подготовке к изданию мной курса лекций по данной дисциплине. Первый выпуск будет посвящен эпохе Средневековья и охватывать литературное развитие славян в IX — XV вв.

Второй раздел книги «Русские и Болгары: взаимное познание» непосредственно связан с историей Болгарии XIX — первой половины XX в. Массовые контакты между двумя народами в XIX столетии происходили по большей части во время русско-турецких войн на Балканах в 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 гг. В статьях используются данные из дневников, воспоминаний и писем русских военных и гражданских лиц, побывавших в болгарских землях во время ведения там боевых действий против турок. Основная цель анализа таких материалов заключалась в показе того, как в сознании русских людей всё более отчетливым становился образ Болгарии как страны и углублялись их представления о болгарях как народе. Процесс этот был длительным и трудным — на пути взаимного познания болгар и русских возникло много ошибок, связанных с незнанием языка и обычаев друг друга. Третья часть книги названа «Славянские распри».

Эта тема возникла при чтении мной студентам ГАСК курса лекций «Введение в славяноведение», в который входит раздел «Болевые точки во взаимоотношениях между славянами». Его появление не было заранее запланировано — он сложился сам собой потому, что студенты ГАСК, побывавшие в Польше, Чехии или Болгарии, во время занятий задавали мне непростые вопросы. Например, после экскурсии в Прагу у них, как правило, возникает интерес к событиям августа 1968 г. и причинам ввода наших танков в чешскую столицу. Точно так же студенты, прослышавшие, что дружественная нам Болгария становилась в двух мировых войнах союзником Германии, обычно любопытствуют: а не сражались ли болгары против русских на фронтах этих войн? Дать односложные ответы на эти вопросы невозможно, потому что они сразу же влекут за собой другие. Так появились статьи, помещенные в третьем разделе книги.

Занятия историей не были для меня в новинку. В отличие от академических ученых, обычно разрабатывающих материалы сравнительно небольшого хронологического периода (нередко это материалы не более двух-трех десятилетий), вузовским профессорам часто приходится осваивать по несколько столетий. Им зачастую поручается брать на себя не одну страну, а целые регионы, они поставлены перед необходимостью всё глубже осваивать не только свою, но и смежные научные дисциплины. На заре своего преподавания в ГАСК в начале 90-х гг. XX в. я читал курс лекций «История и культура славянских народов», а затем и отдельные курсы «История страны изучаемого славянского языка». Уже много лет существует написанная мной программа преподавания дисциплины «История Болгарии VI — XX вв.»³ К тому же я начинал свой путь в науке с занятий медиевистикой, где историю невозможно отделить от литературы — настолько они тесно спаяны между собой. Появлению этой книги способствовало также то, что темы моих исследований удачно вписывались в научные направления современной славистики, разрабатываемые Институтом славяноведения РАН, где я постоянно работаю. (См. справку об авторе и публикуемых в сборнике материалах в конце книги).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Часть работ этого периода вошла в мою книгу «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (М., 2006).

² См. *Пенев Б.* История на новата българска литература. София, 1930–1936. Т. 1–4; *Игов С.* История на българската литература. 1878–1944. София, 1990.

³ См. *Калиганов И. И.* История Болгарии VI — XX вв. Учебно-методический комплекс. М., ГАСК. 2007.

**ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНЦЕ IX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. Эпоха Первого Болгарского царства (конец IX—X век). «Золотой век» литературы при царе Симеоне

Зарождение и стремительное развитие болгарской литературы в конце IX — первых десятилетиях X в. было тесно связано с приходом в Болгарию в 886 г. кирилло-мефодиевских учеников. Быстрое усвоение славянской письменности и почти мгновенное возникновение славянских оригинальных произведений на болгарской земле выглядят поистине невероятными, если не учитывать ряд благоприятных факторов. Важнейшими из них можно считать распространенность христианского вероучения в болгарской державе еще до появления в ней учеников Кирилла и Мефодия. Это объясняется не только официальным принятием христианства в 865 г. болгарским князем Борисом I (852–889) и введением богослужения на греческом языке — в стране задолго до этого имелось много христиан на бывших византийских землях, которые были включены в границы Болгарии в результате завоевательных войн VIII — первой половины IX в. Не менее важно и другое обстоятельство: в основе литературно-книжного языка, заложенного Кириллом и Мефодием, лежал диалект солунских славян, генетически близкий диалекту славян, обитавших в болгарском государстве. И, наконец, третьим благоприятным обстоятельством было то, что нашедшие приют в Болгарии ученики Кирилла и Мефодия были зрелыми книжниками и уже успели сформироваться как творцы в Великой Моравии. Совокупность этих факторов (сопровождаясь всемерной поддержкой славянской письменности со стороны болгарских правителей) создала исключительные предпосылки для развития древней болгарской литературы. Особенно пышно она расцвела при сыне Бориса князе Симеоне I (893–927), ставшем

первым болгарским царем. Большинство исследователей справедливо называют Симеоновскую эпоху «золотым веком» в истории древнеболгарской литературы.

Поскольку христианская литература, распространявшаяся в Болгарии в период с 865 по 886 г., была грекоязычной и, следовательно, недоступной для болгарской паствы, остро ощущалась нужда в переводе ее на славянский. При переводах вначале использовалась созданная Кириллом глаголица, а спустя некоторое время — кириллица. Последняя была более удобной для графического воплощения и более привычной для болгарских книжников, знавших греческий язык (основу кириллицы составляли графемы византийского унциального письма наряду с модифицированными глаголическими графемами, изобретенными первоучителем Кириллом). Переход к ней, вероятнее всего, осуществился в северо-восточной Болгарии и был связан со знаменитым Преславским собором (893), принявшим решение о замене греческого богослужебного языка на славянский и о переносе болгарской столицы из Плиски в Преслав. В пользу «преславского происхождения» кириллицы говорят сравнительно недавно открытые археологами надписи начала X в. в руинах монастыря близ села Равна неподалеку от Преслава. Эту версию подтверждают и древнейшие датированные кириллические надписи из других мест болгарского северо-востока: Крепчанская (921), две Преславские (931) и Добруджанская (943).

Подбор литературы для переводов облегчался благодаря контактам с Афоном (Святой Горой) — своеобразной монашеской республикой, располагавшейся на греческом Халкидическом полуострове. Здесь имелось около двух десятков монастырей, среди которых в X в. появилась болгарская Зографская обитель св. великомученика Георгия. Согласно легенде, монастырь был основан тремя болгарскими братьями Моисеем, Ароном и Иваном Селимой, а свое название он получил в результате чуда — самопроизвольного возникновения на доске лика св. Георгия. То есть великомученик чудотворно выступил «зографом» (иконописцем) собственного изображения. Существование этого очага болгарской религиозности приобрело исключительное значение для развития национальной культуры. В Средние века Афон был центром культурного общения различных православных на-

родов: русских (монастырь св. Пантелеймона), сербов (монастырь Хиландарь, или Хилендар), грузин (монастырь Иверон) и, разумеется, греков, поскольку большинство обитателей принадлежало греческим насельникам. Военные столкновения Византии с Болгарией не препятствовали хождению болгарских книжников на Афон, где они получали возможность знакомиться с книжными богатствами монастырских библиотек.

Репертуар литературы, подбиравшейся болгарскими книжниками по поручению церковной и светской власти, ограничивался в основном содержанием монастырских религиозных книг, которые хранились не только в обителях Афона, но и Константинополя и его окрестностей. Болгария не восприняла от Византии изучение «еллиньских» светских наук — «тривиума» и «квадриума», составлявших основы византийской системы образования (в которые входили античная философия, поэзия, геометрия и другие дисциплины). В то время как в Византии с ее многовековой традицией христианства античное наследие воспринималось как омертвевшая классика, в Болгарии, только что официально принявшей учение Христа, «еллиньские хитрости» по вполне понятным причинам вызывали серьезное опасение. Они могли ввести в искушение новоиспеченную паству, вызвать в ней соблазн языческого «еллиньского» многобожия и послужить источником различных «ересей».

Для перевода болгарские книжники отбирали преимущественно произведения раннехристианских писателей, которые зарекомендовали себя как столпы христианской церкви. Они благоговели перед именами таких творцов, как Василий Великий (около 330–379), Григорий Богослов (329–390), Иоанн Златоуст (около 345–407) и др., крайне редко обращаясь к сочинениям византийских писателей–современников. Это происходило, видимо, потому, что тогдашняя византийская богословская мысль не отличалась прежним блеском и в ее развитии наблюдалось некоторое замедление.

Главные переводческие центры сформировались в столице болгарского государства Плиске, а чуть позднее в Преславе и Охриде. Наиболее талантливыми учителями и переводчиками среди кирилло-мефодиевских учеников проявили себя Климент Охридский (около 840–916), Константин Преславский

(вторая половина IX — начало X в.) и Наум Охридский († 910). История донесла также и имена некоторых их воспитанников: Иоанн Экзарх, пресвитер Григорий, пресвитер Иоанн, книжник Тудор Доксов, приходившийся родственником князю Борису. Переводческой деятельностью, вероятно, занимался и царь Симеон, которого византийские хронисты за прекрасное образование и отличное знание греческого языка называли «полугреком».

Под руководством Климента, Константина и Наума первоначально, видимо, были восстановлены частично утраченные во время бегства из Великой Моравии в Болгарию кирилло-мефодиевские переводы богослужебных книг. Кроме того, началась работа по переводу еще недопереведенных книг. Константин Преславский и Климент Охридский занялись переложением на славянский Постной и Цветной Триодей — гимнографических сборников, название которых означает в переводе с греческого «трипеснец». Он стал складываться в греко-византийском мире до появления у славян собственной письменности: в VII, VIII и IX вв. Входящие в него культовые песнопения создавались в разное время в огромной Византийской империи широким кругом лиц, различных по своему социальному положению. Культовые песнопения сочиняли Роман Сладкопевец, Иерусалимский патриарх Софроний, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Козьма Маюмский, Андрей Пир, патриарх Сергей, монахиня Касия, патриарх Фотий, Феодор Студит, Иосиф Песнописец и другие авторы.

Другой болгарский книжник пресвитер Григорий по распоряжению Симеона осуществил перевод части ветхозаветных книг: Пятикнижия Моисея, «Книги Иисуса Навина», «Книги Судей» и «Книги Руфь».

Константин Преславский потрудился над переложением с греческого «Учительного Евангелия». Оно состояло из 51 толковой беседы Иоанна Златоуста (и толкований Кирилла Александрийского) на все воскресные дни. Композиция этих слов проста и доступна, обычно они состоят из краткого введения в форме вопроса, толкования и заключения. Беседы предназначались для чтения в церкви и должны были обладать понятностью и доступностью для недавно обращенного в христианство народа. В них часто используются прямые обращения к пастве и содержатся призывы крепить веру, хранить благочес-

тие, не забывать о милосердии, помнить о том, что добродетели помогают обрести вечное блаженство и т. д.

Интерес вызывали и другие сочинения Златоуста. По распоряжению царя Симеона, который, возможно, и сам принимал участие в переводческой работе, была осуществлена подборка слов этого автора и составлен сборник под названием «Златоструй». Впоследствии «Златоструй» широко распространился среди южных и восточных славян. Число слов в этого рода сборниках колеблется от 61 до 138, причем часть их была добавлена позднее и не имеет отношения к первоначальному славянскому переводу. Они представляли собой извлечения из бесед Златоуста на новозаветные книги: Деяния и Послания апостолов, а также Евангелие от Иоанна. В них также советовалось, как следует вести себя в церкви, рекомендовалось соблюдать пост, чтить родителей, помнить о необходимости милосердия, щедрости, терпимости — т. е. проповедовался кодекс нравственно-этического поведения для истинно благочестивого и христоролюбивого читателя и слушателя.

В конце IX — начале X столетия в Болгарии стали основываться монастыри, пользовавшиеся ктиторской поддержкой болгарских властителей, которые и сами на склоне лет нередко постригались в монахи: князь Борис I, царь Петр († 970) и, очевидно, другие крупные светские феодалы. В этой связи возникала потребность в переводе «монашеской» литературы, дававшей представление о религиозно-нравственных идеалах посвятившей себя Богу братии. К такой литературе относился Азбучно-Иерусалимский патерик — огромный сборник рассказов и изречений отцов церкви, возникший в среде палестинского монашества в IV—V столетиях и состоявший из более чем 1050 произведений. По мнению большинства исследователей, этот патерик был переведен в Болгарии, скорее всего, учениками Кирилла и Мефодия в начале X столетия. Чуть позднее болгарские книжники перевели и Египетский патерик, повествовавший о подвижничестве египетского монашества. Этот свод сформировался в IV—V столетиях, имел нравственно-назидательные цели и содержал проповедь аскезы. Помимо патериковых рассказов, в него вошли сочинение Палладия «О народах Индии и брахманах», написанное в форме диалогов Александра Македонского с брахманами, одно из поучений Василия Великого, отрывки

из церковных историй Феодорита Киррского, Созомена и другие произведения.

До сих пор не утихают споры о времени и месте перевода на славянский язык Римского патерика, написанного в форме диалогов Григория Двоеслова (около 540–604) и диакона Петра. Этот свод состоял из четырех книг, разделенных на 148 глав, и описывал подвиги итальянских монахов. Кроме того, в нем читается агиографическое повествование о Бенедикте Нурсийском и предсмертные видения монашествующих. Некоторые ученые склонны видеть в Римском патерике загадочный «Отечник», о переводе которого Мефодием сообщается в его пространным житии. Однако большинство исследователей придерживается мнения, согласно которому Римский патерик был переведен в Болгарии усилиями учеников Кирилла и Мефодия в начале X столетия. Видимо, на болгарской земле был осуществлен и перевод Синайского патерика, в который вошло объемное произведение «Луг духовный» Иоанна Мосха (VII в.). В нем речь ведется не только о синайских монахах, но и подвижничестве монашеской братии Египта, Сирии, Кипра, Самоса, Рима, а также мирян различного социального происхождения. Общее количество глав в нем превышает три сотни. Чуть позднее этот патерик был сокращен, получив название «Лимонис» (Луг). Сокращение, вероятно, произошло в Болгарии, так как в новой редакции проявились тенденции, направленные против богомилства — еретического движения, начавшего распространяться в стране в X столетии.

Внутренним сводом являлся и патерик Скитский, состоявший из 1136 рассказов и изречений, разделенных на двадцать девять глав и две дополнительные группы. В нем содержалось более десятка сочинений непатерикового жанра: извлечения из произведений Стефана Фивейского, Макария Великого, Моисея Египетского, аввы Исайи, Иоанна Златоуста, Евсевия и других авторов.

В целом спектр мнений о жанровых особенностях патериков столь же пестр, как и их состав. Входящие в них произведения называют житиями, новеллами или анекдотами, которые иногда сопровождаются изречениями и легендами. Среди множества точек зрения более правомерным представляется разделение патериковых произведений на поучения и рассказы. Их жанровая форма отличается чрезвычайной гибкостью

и подвижностью. Она способствовала проникновению этого рода сочинений в более поздние рукописные формирования южных и восточных славян: прологи, сборники смешанного содержания, четьи-минеи и др. Патериковые рассказы иногда действительно отчасти напоминают житийные эпизоды, но одновременно существенно от них отличаются. В них могут действовать не только положительные, но и отрицательные герои, причем последние порой выступают на передний план, превращаясь в главных персонажей. Основная тема утверждения христианской нравственности в патериках часто заглушается звучанием социальных мотивов, берущих истоки в монашеском быте и монашеском фольклоре.

Близость к фольклору многих патериковых рассказов прослеживается в общности композиционных особенностей, использовании одинаковых сюжетных схем, повествовании от лица непосредственного участника действия или очевидца. Их авторы часто прибегают к диалогам, лишены риторики и усложненности. Некоторое типологическое сходство патериковых рассказов со сказками (например, трехкратное повторение действия) приводило к миграции их в устное народное творчество. В частности, патериковые рассказы «Божье правосудие» и «Монах и архангел Михаил» широко распространились в болгарской народной среде и превратились в сказки. При переходе из книжности в фольклор патериковые рассказы утрачивают черты литературных произведений. При устной передаче от сюжета остается лишь общая схема, обрастающая конкретным, предметным фоном, который придает большую живость повествованию. Таким образом, жанр патерикового рассказа служит примером круговорота «фольклор — литература — фольклор». Возникнув на Балканах, или Ближнем Востоке, в среде, близкой к народной, и пройдя через литературно-книжную традицию, отдельные образцы этого жанра через несколько веков могли вновь возвращаться в фольклор, но уже другого народа.

Говоря о переводной литературе Болгарии конца IX — начала X в., невозможно обойти вниманием и «Паренесис» (Увещевание) — сборник из более чем ста нравоучительных слов, написанных в IV столетии Ефремом Сирином (т. е. Сирийцем). Подборка произведений этого автора, обращенных главным образом к египетским монахам, быстро приобрела популяр-

ность не только в Болгарии, но и в других южно- и восточнославянских странах.

Одним из наиболее ранних «монашеских» памятников, переведенных в Болгарии в конце IX — начале X в., стала и «Лествица» Иоанна Синайского, сформировавшаяся в Византии в VI—VII столетиях. Ее костяк образовали тридцать глав «степеней восхождения» монашества к совершенству, причем двадцать три степени посвящались преодолению грехов, а остальные семь — развитию добродетелей. Из содержания сборника явствует, что Иоанн написал «Лествицу», будучи игуменом Синайского монастыря, по просьбе другого Иоанна — игумена Раифской обители. В жанровом отношении состав «Лествицы» довольно пестр. Поучения Иоанна, помимо прочего, содержат несколько десятков поговорок и пословиц, каждая из них начинается небольшим вступлением и завершается стихотворным резюме. Кроме того, в начале сборника обычно помещается краткое житие Иоанна Лествичника, сочиненное его учеником Даниилом, послания, которыми обменялись два Иоанна, и четыре патериковых рассказа, описывающих подвиги автора.

Огромным сводом произведений, переведенных с греческого в Болгарии в первой трети X столетия, был «Изборник» царя Симеона, составленный по инициативе последнего. Он включал в себя сочинения 25 авторов, помещенные в 380 статьях книги. Основную его часть представляли Ответы Анастасия Синаита — выписки из библейских книг и сочинений известных византийских деятелей церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Максима Исповедника. Перевод «Изборника» не был связан лишь с необходимостью популяризации христианской догматики и проповеди нравственности. Он являлся одновременно первой переводной славянской энциклопедией: в нем имелись сведения по астрономии, минералогии, ботанике, зоологии, медицине, философии, грамматике и поэтике. В качестве примера можно упомянуть помещенный в сборнике трактат «О образех» византийского писателя VI—VII вв. Георгия Хировоска. Здесь приводились 25 поэтических терминов и иллюстрировалось содержание каждого из данных понятий на конкретных образцах литературы. Древнеславянские книжники впервые для себя узнавали, что есть метафора, аллегория, метонимия, перифраза и другие поэтические приемы. Иллюстрациями при

толковании служили образцы не только из Библии, но и из гомеровских поэм «Одиссея» и «Илиада».

Название данного сборника («Изборник» — от слова «избирать», «выбирать») подсказывает, что переводческая деятельность в период Первого Болгарского царства осуществлялась не механически посредством перевода подряд всего, что попадалось под руку в виде готовых греческих сборников, а являлась плодом планомерного поиска произведений, наиболее полно отвечавших нуждам недавно христианизированного болгарского государства.

Большую роль в формировании представлений об идеальном христианине играла агиографическая литература. В агиографических памятниках описывалась жизнь различного рода христианских подвижников: основателей монастырей, пустынножителей, высших церковных иерархов, государей-крестителей языческих народов, мучеников за веру и т. д. Часть житий переводилась в Болгарии в составе сборников разнообразного содержания. Нами уже упоминалось о переводе помещенного в «Лествице» жития Иоанна Синайского. Переведено было и житие Алексея Человека Божьего, читающееся в древнейшем списке «Златоструя». В связи с основанием монастырей в Болгарии был осуществлен перевод жития отшельника Антония Великого (IV в.), написанного известным писателем Афанасием Александрийским. Полная аскезы жизнь подвижника Антония, сознательное самоограничение, строгость и добровольные тяжкие испытания должны были стать примером для подражания. Перевод этого жития выполнил болгарский пресвитер Иоанн по распоряжению одного из высшестоящих церковных иерархов. Ему же принадлежит и перевод жития Панкратия Тавроменийского — священномученика, пострадавшего за веру в I столетии.

По всей вероятности, еще в X в. один из болгарских книжников перевел в Преславе житие Иоанна Златоуста. Высказывались предположения, что переводчиком памятника выступил Иоанн Экзарх Болгарский. Житие служило образцом «святительского» типа. Оно описывало сложный жизненный путь указанного Константинопольского архиепископа, который, в конце концов, был причислен к лику святых благодаря своей христоролюбивости, благочестию и блестящему проповедническому таланту.

Весьма поучительным было и житие Саввы Освященного, составленное Кириллом Скифопольским еще в VI столетии. В нем описывалась жизнь благочестивого Саввы в пещере, вокруг которой со временем образовался монастырь. Авторитет Саввы способствовал его участию в церковном Халкидонском соборе.

Произошло в то время и знакомство болгар с «Мучением Димитрия Солунского» — великомученика и чудотворца, жившего в IV в. при двух римских императорах Диоклетиане и Максимиане. В отличие от других святых, подвизавшихся вдали от болгарских земель, этот страдалец явил свои чудеса поблизости, в Солуни (Фессалониках), где имелось много славян. Интерес к Димитрию Солунскому был повышенным и благодаря тому обстоятельству, что уроженец Солуни первоучитель Мефодий составил канон этому подвижнику.

Из выборочных переводных византийских житий в Болгарии составилась четы-минейный цикл — свод жизнеописаний, читавшийся в течение целого года. Представление о первоначальном составе такого цикла отчасти дает Супрасльский сборник XI в. (хранившийся в Супрасльском монастыре в Польше) и некоторые рукописные богослужебные сборники.

Вхождение болгар в семью христианских народов, обладавших письменностью, позволяло познакомиться с историей рода человеческого от «самого начала» и до современности. Важнейшими источниками здесь служили византийские «монашеские» хроники. Одной из них являлась хроника Иоанна Малалы (в переводе с сирийского — Ритора, Оратора, Проповедника), составленная в VI в. и в начале X в. переведенная на болгарский язык. В ней было 18 книг и приводились известия с древнейших времен до эпохи правления византийского императора Юстиниана. Большое место отводилось в хронике пересказу древнегреческих мифов о Зевсе, Кроне, Ио, Персее и других античных богах и героях. Читатель обнаруживал здесь истории Троянской войны, описание подвигов Александра Македонского, Юлия Цезаря и других исторических лиц.

Чуть позднее была переведена и византийская хроника Георгия Амартола (т. е. Грешника), излагавшая события всемирной истории от «сотворения мира» до 842 г. Она строилась на материалах библейских книг и хроник более древних авторов: Иоанна Малалы, Юлия Африкана, Диона Кассия, Евсевия и дру-

гих. Позднее хроника была доведена до 948 г. и, следовательно, могла появиться в Болгарии не ранее второй половины X в. Она состояла из 4 книг и отличалась весьма разнообразным содержанием. Помимо изложения исторических фактов в ней присутствуют обширные отступления богословского и церковно-догматического характера: полемика с различного рода ересями, споры с иконоборцами и т. п.

Принятие христианства в Болгарии неизбежно влекло за собой отказ от прежних языческих представлений и переход к новым христианским воззрениям на сотворение мира и его устройство, природу, ее стихии и всю вселенную в целом. Такие познавательные сведения в классической византийской литературе обычно содержались в «Шестодневах» — сводах комментариев к библейскому рассказу о сотворении Господом мира за шесть дней. Авторами этих сводов выступили признанные христианские писатели: Василий Великий (329–379), Севериан Гевальский (IV–первая треть V в.) и Георгий Писидда (VII в.), составивший свое сочинение в стихах. Выборку из первых двух «Шестоднегов» по поручению болгарского владетеля Симеона произвел трудившийся в Преславе книжник Иоанн Экзарх. К произведениям Василия Великого и Севериана Гевальского он присовокупил также различные сочинения Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодорита Киррского и таких античных философов, как Аристотель, Парменид, Демокрит, Фалес, Платон. Компилятивный труд болгарского книжника, несмотря на его богословский характер, служил важным источником естественнонаучных знаний о повадках животных, рыб и птиц, строении человеческого тела. Иоанн Экзарх горячо спорит со многими античными философами, используя известные ему византийские полемические произведения. Отталкиваясь от учений этих философов, он тем самым дает возможность болгарам познакомиться с различными мировоззрениями. Прямые обращения к читателю и стремление к поучению приближают стиль некоторых мест «Шестоднева» к торжественной ораторской прозе. Всё произведение пронизывает мысль о совершенстве и гармоничности мира, созданного Творцом.

К разряду таких же познавательных памятников относился и знаменитый «Источник знания» византийского писателя Иоанна Дамаскина (VIII в.). Иоанн Экзарх перевел из него наибо-

лее интересный раздел, который начал распространяться среди славян под названием «Небеса». Богословские рассуждения в нем перемежались с астрономическими и географическими знаниями. Здесь назывались планеты Меркурий, Марс, Венера и Сатурн, говорилось о шарообразной форме земли, которая движется вместе с небесными светилами, рассказывалось о солнечных и лунных затмениях, знаках зодиака, их значениях и т. п.

Разнообразные сведения об устройстве мира давались и в апокрифах (от греческого *‘ἀπόκρυφος’* ‘тайный, недоступный’, позднее — ‘запрещенный’). Большинство из них имеет палестинское, египетское и сирийское происхождение. Они попали на славянский юг через византийское посредство, нередко в новых редакциях. Их чтение возбранялось церковью, составлявшей «индексы» — списки запрещенных книг. «Апокриф» не обозначает жанр — это понятие, которое дает название целому роду литературы, которая существует наряду с канонической. Она имеет с ней много точек пересечения и по этой причине колебания по поводу причисления некоторых произведений к апокрифическим испытывали не только рядовые средневековые составители сборников, но и авторитеты христианской церкви. Последние нередко вступали в полемику на церковных соборах по поводу того или иного произведения.

Во многих апокрифах содержалась своя модель устройства земли и небес как бы в вертикальном разрезе. В «Разумнике», например, утверждалось, что земля плавает на воде, держащейся на огромном плоском камне; тот, в свою очередь, несут на спинах золотые киты, плавающие в огненной реке; река же струится по огню, полыхающему на железном дубе, а корни этого дуба опираются на Божью силу.

Согласно апокрифической «Книге Еноха», небеса представляют некий семислойный «пирог». Каждое из семи небес обладает собственным строением, обитателями и размерами. Над землей за воздухом следует ээр, затем первое небо. Его населяют двести ангелов, ведающих движением облаков и обращением звезд. На втором дожидаются Страшного суда блудники. Третье небо отводилось раю с благоухающими деревьями и двумя источниками: один из молока и меда, другой из еля и вина. Посреди рая растет дерево, на котором почивает Бог, когда спускается туда с седьмого неба. Охраняют райские

кущи триста ангелов, поющих несмолкающие песни. В северной стороне третьего неба помещен ад. Там пылает мрачный огонь, царит непроглядная тьма и немилосердные ангелы мучают грешников страшными орудиями пыток. По четвертому небу шествуют солнце, луна, здесь же расположены и звезды. Солнце и луна в урочные часы восходят и заходят через специально отведенные для этого огромные ворота и появляются над землей в строго определенное время. Пятое небо — место обитания мрачных исполинов григореев, отправленных сюда за кровосмесительство. Шестое небо предназначено для многоглавых архангелов, занимающихся движением звезд, луны и солнца. Они также создают поучения и заповеди для людей и записывают их добрые и злые дела. Седьмое небо — самое верхнее и целиком принадлежит Всевышнему, восседающему на престоле, сплошь покрытом шестикрылыми существами. Рядом в строгом порядке выстроились архистратиги, херувимы, великие архангелы и бесплотные силы. К ним присоединяется и десять полков многоокого светлостояния. Всё заливают невиданно яркий свет, и раздается никогда не смолкающее пение.

В апокрифах можно уловить некое стремление к точности. Они преподносили читателю конкретные цифры, мнимо выверенные данные. При сравнении солнца и луны автор «Книги Еноха» не преминул отметить, что яркость солнечного света превосходит яркость лунного в семь раз. Читателю было интересно точно знать, что солнце якобы несет 150 тысяч ангелов, что число григореев — 200 тысяч, что каждый день умирает и рождается 12 тысяч 24 человека, что звезд на небе 8 тысяч и т. д.

Так же как и в официальной литературе, в апокрифической литературе проводилась мысль о гармонии, царящей в природе. Она рассматривается как Божье творение, и поэтому в ней всё продумано, уравновешенно, совершенно. Совершенным Божьим творением был, разумеется, и человек, которому в апокрифах отводилось немало поэтических строк. Поэзия наполняла душу анонимного автора «Разумника», писавшего о сотворении первого человека Адама: тело его — из земли, кости — из камня, душа — из ветра и Божьего духа, разум — из облака, очи — из солнца и росы, мысль — из ангельской быстроты, смеха и плача.

Современные научные данные говорят о том, что в IX—XI столетиях в Болгарии доминировали преимущественно

космогонические апокрифы о видениях и вознесениях пророков и библейских лиц типа «Откровения Варухова», «Видения Исаиева», «Книги Еноха» или вопросов-ответов вроде упомянутого «Разумника» и ему подобных.

Границы между апокрифической литературой и фольклором еще более зыбки, чем у патериковых рассказов. Слушателю легко было запомнить отдельные эпизоды апокрифических произведений и передать их в устной форме, сохраняя сюжет и общую канву повествования. Влияние апокрифов на фольклор проявлялось не только в прозе (рассказ, сказка), но и в поэзии. Известны болгарские песни о жертвоприношении Авраама и мучении грешников в аду, созданные под влиянием апокрифического «Хождения Богородицы по мукам». Об условности границы между апокрифической литературой и фольклором красноречиво свидетельствуют и такие переводные гадательные книги, как «Месяцеслов», «Коледник», «Трепетник». В них предсказывается исход болезни в зависимости от дня, когда она началась, судьбы царей, бояр, мужчин, женщин, детей, целых народов и государств смотря по тому, на какой день недели пришлось Рождество Христово или какая часть человеческого тела затрепетала. Возникновение такого рода книг было результатом прямого переноса народных верований в письменность.

Даже частичный перечень произведений византийской литературы, переведенной в Болгарии в конце IX и в X столетии, позволяет судить о величине того фундамента, который был заложен для возникновения и развития у славян литературы оригинальной. Количество переводных византийских сочинений, ставших доступными для славянского читателя, поистине впечатляет. Оно исчисляется несколькими тысячами и, если говорить объективно, почти всегда превосходило количество оригинальных славянских памятников, которые создавалась древнеболгарскими и другими славянскими книжниками. Переводная литература была представлена произведениями практически всех жанров*, которые стали развиваться не только у болгар, но и у других народов ареала Pax Orthodoxa — украинцев, русских, сербов, белорусов, молдаван и валахов.

* Жанровая стратификация древних славянских литератур православного региона исчерпывающе охарактеризована в работах Н. И. Толстого.

Деятельность болгарских переводчиков эпохи царя Симеона и их последователей имела своим результатом формирование своеобразной «литературы образцов» (Р. Пиккио) для всего славянского мира, оказавшегося в сфере культурно-религиозного влияния Византии. В дальнейшем по мере приобщения славян к кругу литературно образованных народов древнеболгарская литература по сути дела стала «литературой-посредницей» (Д. С. Лихачев), создав «золотой фонд» византийских переводных памятников. Однако оригинальные болгарские сочинения (о которых речь пойдет ниже) в таком случае оказываются вне «литературы-посредницы». Поэтому более удачным представляется определение этого золотого фонда как «пласт-посредник» (А. Наумов). В дальнейшем свой вклад в этот фонд наряду с болгарскими начали вносить русские и сербы.

Помимо переводной литературы быстро начала развиваться в Болгарии и литература оригинальная. Главную роль в создании первых оригинальных сочинений в стране сыграли ученики Кирилла и Мефодия. Направленность их литературного творчества предопределяли принадлежность книжников к высшему духовному сословию (Климент и Константин, в частности, были епископами в Охриде и Преславе) и задачи христианизации населения посредством введения славянского богослужения и проповеди нового вероучения на понятном славянском языке. Кирилло-мефодиевские ученики не только переводили с греческого необходимые богослужебные тексты, но и вносили свой вклад в менявшуюся литургическую практику региона *Byzantino-Slavica*. Объем этого вклада установить чрезвычайно трудно, ибо древнеславянские книжники придерживались принципов анонимного и коллективного творчества — традиций, пришедших в славянский мир из литературы христианского Рима и Ближнего Востока. Воспринимая Бога как единственного и всеобщего Творца, славянские книжники считали себя простыми комментаторами и проводниками нисходящего свыше Слова. Поэтому у них почти полностью отсутствовало у чувство личного авторства и они без угрызения совести компилировали или подражали своим авторитетным предшественникам.

Всё это прекрасно иллюстрируется на примере перевода с греческого уже упоминавшейся Постной Троицы — сборника

богослужебных песнопений от Недели о мытаре и фарисее по службу Великой субботы. Сравнительно недавно удалось установить, что в пополнении этого важнейшего сборника принял участие Константин Преславский, зашифровавший свое имя в акростихах песнопений. Оригинальная часть славянской Триоды, принадлежащая указанному кирилло-мефодиевскому ученику, весьма внушительна и насчитывает более четырехсот песнопений. Кроме того, вместе с Климентом Охридским Константин Преславский создал цикл минейных песнопений, посвященных Рождеству Христову и Богоявлению. Оба книжника опирались на своих предшественников: некоторые стихиры Константина навеяны творчеством Феодора Студита, а Климент искусно подражал «ангельским стихирам» Романа Сладкопевца. Эта преемственность не умаляла, а лишь увеличивала значение их вклада в формирование славянского свода литургических текстов. Благодаря этому вкладу эти книжники сразу же стали вровень с самыми авторитетными гимнографами византийского Средневековья.

Гимнографическое творчество кирилло-мефодиевских учеников не исчерпывалось созданием триодных и минейных «трипеснцев». Для Общей минеи (в которой обычно помещались службы, не связанные с определенными датами и именами святых) Климент Охридский составил службы пророку, апостолу, святителю, мученику, мученице. Кроме того, он написал канон Евфимию Великому. Константин Преславский и другой ученик солунских братьев пресвитер Наум создали каноны архистратигу Михаилу и апостолу Андрею соответственно. Ряд гимнографических сочинений был призван сакрализовать славянскую азбуку и апостолов славянского просвещения Кирилла и Мефодия. Имена последних были включены в славянскую Триодь Климентом и Константином сразу же после прибытия в Болгарию. С этой же целью возникли службы Кириллу, Мефодию и служба, посвященная обоим солунским братьям одновременно. Их создание приписывается указанным ученикам первоучителей. В этих произведениях сжато перечисляются основные заслуги подвижников, отмеченные в их славянских пространных житиях: изобретение славянской азбуки, торжество Кирилла в спорах с иконоборцами и иудеями, неустанная борьба братьев с «триязычниками», их апостольская миссия среди славян с проповедью Слова Божьего и т. д. Единс-

твенным новым известием по сравнению с житийными памятниками является упоминание о том, что Мефодий до вступления на путь просветительства был женат и имел детей. Подвиг апостолов славянства поднимается гимнографами на невиданную высоту. Они сравниваются с солнцем и звездой, которые своим светом осветили всю вселенную и рассеяли мрак неведения у народов на юге и севере, на западе и востоке. Святость славянской азбуки прославляется в песнопении, где говорится, как Кирилл, словно «драгоценный бисер», извлек свои книги из пучины небытия и обогатил славянские «языки» Божиим Законом благодаря покровительству Духа Святого.

Быстрая христианизация населения Болгарии была немыслима без церковной проповеди. Наиболее плодовитым автором в этом жанре зарекомендовал себя Климент Охридский, составивший несколько десятков учительных и похвальных слов. Сообразуясь с уровнем паствы, Климент сознательно избегал сложности и замысловатости при создании своих сочинений. Византийский биограф Климента писатель XI — XII вв. Феофилакт писал позднее, что подвижник «составил на все праздники простые и ясные слова — не сложные, не требующие осмысления, а доступные даже самому неискушенному из болгар». По своей тематике климентовские слова первого вида подразделяются на общие слова-образцы и конкретные календарные. Слова-образцы имеют универсальный характер и объясняют, что нужно говорить в подходящем случае священнослужителю об апостоле, пророке, преподобном отце, мученике и т. д. Их имена книжник обычно не называет, а лишь дает указание: «назови имя». В них также давались наставления, как вести себя перед причастием, покаянием, исповедью, рассказывалось о религиозных таинствах. Во вторых речь идет о конкретных христианских праздниках или прославленных подвижниках. Таковы поучительные слова о Святой неделе, Григории чудотворце, великомученике Георгии, евангелисте Марке и др.

Похвальные слова Климента, так же как и общие, касались наиболее известных библейских подвижников или христианских праздников: Слово о пророке Захарии и зачатии Иоанна Предтечи, слова, посвященные Клименту Римскому, архангелам Михаилу и Гавриилу, Воскрешению Лазареву, Успению Богородицы и другие. При написании слов Климент следовал

византийским композиционным моделям и стилистическим образцам. Он не просто копировал их, а творчески варьировал в зависимости от темы и обстоятельств произнесения слова. Границы между его похвальными и учительными словами не всегда отчетливы, что порождает у исследователей затруднения при определении их жанра. Это ощущалось уже древнеславянскими переписчиками при составлении рукописных сборников. В одних случаях слово на Пасху, например, озаглавливалось ими как поучительное, в других — как слово похвальное. Да и сам Климент, по всей вероятности, переделывал свои сочинения, превращая поучение в похвальное слово и наоборот. Эти особенности творчества Климента стали характерными и для других древнеславянских создателей слов.

Истинным шедевром древнеболгарской литературы является климентовское «Слово похвальное Кириллу». Если в гимнографических сочинениях авторские строчки в соответствии с законами жанра постоянно перемежаются со стихами и вставками из творений других гимнографов, то здесь авторская самостоятельность в реализации замысла смогла осуществиться сполна. Мы не случайно говорим здесь о гимнографии, ибо данное произведение Климента — настоящий гимн славянскому первоучителю, пронизанный чувством безграничной любви и восхищения. Сравнивая Кирилла с орлом (христианский символ евангелиста Иоанна), книжник ставит великого славянского просветителя вровень с апостолами. «Если отдать должное его трудам и странствиям, — восклицает Климент, — то нет никого более достойного такой похвалы! Ибо хоть и воссиял он позже других, но всех превзошел. Какое место осталось для него неведомым и не освятилось его стопами? Какое искусство осталось непознанным его блаженной душе? Ибо всем народам доступно раскрыл он сокровенные тайны словесных форм: одним — письменами, другим — учением». Книжник «блажит» (славит) не только дело своего учителя, но и весь его духовный и физический облик: источавшие духовную сладость уста Кирилла, его богогласный язык, искоренивший многобожное заблуждение; его златозарные очи, от которых воссиял свет богоразумения; его богодвижимые персты, которыми писалась народу свобода от духовного ига; его светозарные ноги, коими учитель обошел весь мир, и т. д. Оригинальность и художественная завершенность произведения

свидетельствует о том, что оно было создано на одном дыхании, в минуты высшего творческого вдохновения.

Задаче религиозного просвещения служило, как уже отмечалось, и «Учительное Евангелие» Константина Преславского. И здесь среди переводных материалов, вероятно, имеется оригинальная часть. Византийский протограф одной из Бесед памятника (42-й) до сих пор не установлен, и не исключено, что она была написана самим Константином Преславским.

Перечисленные нами произведения относятся к литературе, непосредственно связанной с церковно-религиозным бытом. В составе богослужебных сборников они переходили в зарождавшуюся русскую и сербскую литературу, и у них имелось гораздо больше шансов дойти до нашего времени, чем у произведений полусветского и светского характера, помещавшихся в четырех-сборниках или бытовавших порой в единичных списках. Трагическая история болгарского народа, перенесшего в общей сложности почти семь веков иноземного владычества — сначала византийского, а затем и османского, не могла не сказаться на судьбе рукописей. Огромное их количество погибло в пожарах при нашествиях, уничтожались они и в периоды ига. По этой причине от некогда богатейшего болгарского рукописного наследия уцелели только отдельные фрагменты.

Фрагментарно сохранилась, например, древнеболгарская агиография. По аналогии с византийской житийной литературой в Болгарии должны были возникнуть разнообразные агиобиографические повествования, славящие подвиги местных церковных и светских деятелей. Канонизировались обычно князь-креститель, высшие иерархи церкви, основатели известнейших монастырей, аскеты-пустынники, мученики, пострадавшие за Христа, и т. д. Создание собственного пантеона святых отвечало стремлению Болгарии достичь церковной самостоятельности (что на какое-то время ей удалось: вопреки желанию Константинополя между 920–944 гг. был поставлен первый Болгарский патриарх Дамян Дрыстрский). Вероятно, во второй половине X — начале XI в. был написан целый ряд болгарских житий: князя Бориса, при котором страна приняла христианство, Климента Охридского — основателя монастыря и просветителя, Ивана Рильского (около 876–946) — пустынножителя, подвизавшегося в горах западной Болгарии; царя

Петра (927–969) — известного ктитора и автора произведений в духе монашеской аскезы. Однако ни один из этих памятников до нас не дошел. В их существовании в прошлом сомневаться не приходится: они упоминаются древними авторами, извлечения из них вливались в другие сочинения или бытовали в более поздних рукописях в виде отрывков.

Здесь уместно привести так называемое житие Наума, которое, по мнению ученых, является отрывком из древнейшего не уцелевшего жития Климента Охридского. Оно лишено традиционного вступления с описанием детства и совершенствования подвижника на пути благочестия. Нет в нем и перечисления посмертных чудес святого. Читателю неясно, как Наум очутился в Болгарии, поскольку о моравской миссии Кирилла и Мефодия не сказано ни слова. Повествование начинается с момента отправки подвижника царем Симеоном в Македонию, где тот должен был заменить Климента, рукоположенного в епископы. Наум основывает там монастырь св. Архангелов у Охридского озера, в течение семи лет занимается подготовкой учеников, а затем принимает монашеский постриг и умирает. Известию о деятельности Наума отводится лишь несколько строк. Остальное место занимает рассказ о судьбах других кирилло-мефодиевских учеников, о Божьем наказании, которое по пророчеству Мефодия постигло Моравию за ереси и безбожие, и о покаянной молитве с объяснением мотивов, побудивших книжника взяться за перо.

Незавидная участь постигла и древнеболгарские летописи, следы которых обнаруживаются в некоторых более поздних исторических источниках или летописных сочинениях других славянских народов. К болгарским летописям с известной оговоркой можно причислить лишь два памятника. Одним из них является «Именник болгарских ханов», возникший, по всей вероятности, еще в дописьменный период. Вначале он, видимо, существовал как устное предание или в виде надписи, которая была высечена на скале на греческом языке. В дальнейшем «Именник» был переведен на славянский язык и сделался достоянием славянской книжности. Памятник невелик по объему и предельно лаконичен. В нем даны исторические справки о сменявших друг друга 13 болгарских ханах: имя, число прожитых лет или лет правления, указание на род, от которого вели свое происхождение ханы, а также протоболгар-

ское название года вступления на престол. Некоторое разнообразие этому скудному перечню придает известие о том, что первые пять ханов правили за Дунаем и были бритоголовыми и лишь шестой по счету (Аспарух) переправился через реку, сделавшись правителем новых земель.

Несмотря на свою краткость, «Именник» представляет ценность для истории болгарской литературы по нескольким причинам. Во-первых, он являет собой яркий образец перехода устных сказаний дописьменной поры в литературу. Во-вторых, он демонстрирует неизбежность трансформации устной легенды при обретении статуса литературного памятника (обрабатывавший «Именник» книжник слегка оформил ее в духе библейской монументальности). И, в-третьих, он служит примером синтеза протоболгарской языческой культуры со славянской христианской.

Если «Именник» охватывал чуть более семи столетий, то следующий дошедший до нас болгарский летописный памятник — «Историкии» Константина Преславского — имел гораздо больший хронологический диапазон. Это сочинение скорее переводное, чем оригинальное: оно было составлено около 893/894 г. на основе «Летописца вкратце» византийского патриарха Никифора. В нем перечислялись имена и годы правления некоторых библейских, персидских, греческих и византийских властителей «от сотворения мира» до византийского императора Льва Философа (886–912). Перечень владык в «Историкиях» порой прерывается объяснением, как при помощи солнечного и лунного круга исчислять день наступления Пасхи, или обогащается дополнением, непосредственно касающимся болгарской истории.

Как и в случае с «Историкиями», границы между переводными и оригинальными памятниками древнеболгарской литературы проводить иногда весьма затруднительно. Болгарские книжники обычно не переводили сочинения византийских авторов дословно (но, разумеется, не в богослужении, где точность перевода блюлась неукоснительно). Они сокращали и переделывали сочинения своих предшественников, дополняли их собственными оригинальными вставками и вкраплениями. Эта традиция сотворчества, как уже отмечалось, пришла к славянам из литератур христианского Рима и Ближнего Востока. В конце IX — начале X в. она получила литературно-эсте-

тическое обоснование у болгарского писателя Иоанна Экзарха. Составляя «Шестоднев» — компилятивный свод сочинений античных и византийских авторов, книжник снабдил его поэтическим Прологом (Введением), где сравнил написание произведения с возведением дворца, для которого отовсюду собирают мрамор, кирпич и другие дорогие строительные материалы. Свой личный вклад в созидание такого дворца Иоанн Экзарх уподобил жалким соломе и прутьям. Но эти слова были лишь данью христианскому смирению, которым были проникнуты глубоко религиозные средневековые книжники. В действительности же оригинальные дополнения писателя не уступают по мастерству соседствующим в сборнике статьям. Кроме Пролога, Иоанн Экзарх поместил в «Шестодневе» великолепное описание дворца Симеона в Преславе. Живописно обрисовав величественность строения, книжник поведал и о том трепете и восхищении, которые охватывают простолюдина или странника, когда они сподобятся узреть самого правителя, восседающего в роскошной мантии в окружении богато облаченных бояр.

Своеобразными драгоценными обрамлениями основных текстов внушительных рукописных сборников выступают и образцы древнеболгарской поэзии: «Азбучная молитва» и «Похвала Царю Симеону». Первоначально эти произведения не имели самостоятельного значения и создавались как своего рода введения. Они скромны по объемам, не превышают 30–40 стихотворных строк и написаны двенадцатисложным стихом. Специфика каждого произведения определенным образом соотносится с особенностями тех сборников, в которых они помещались. «Азбучная молитва» предваряла «Учительное Евангелие» и была призвана помочь читателю запомнить славянскую азбуку, поскольку ее стихи начинались с очередной буквы славянского алфавита. Ее автор Константин Преславский молит Бога дать ему силы на завершение его благого дела и славит славянское племя, устремившееся в духовный полет. «Похвала царю Симеону» помещалась в начале «Изборника» и воспевала болгарского властителя, по поручению которого и был составлен этот сборник. Создававший ее анонимный книжник делает акцент на учености и любви царя к книгам. Симеон, словно «добродетельная пчела», заполнил книгами свой дворец, он — «новый Птолемей», оставивший по себе вечную память «много-

честными божественными книгами», он вразумляет бояр, изливая свои мысли, будто некий сладкий мед.

К кругу элитарных книжников, вероятно, принадлежал и создатель «Сказания о письменах» болгарский писатель IX–X вв. Черноризец Храбр. Некоторые ученые полагают, что за фигурой Черноризца кроется сам царь Симеон. Это сочинение возникло как отповедь на попытку провизантийски настроенных бояр выступить против распространения славянской письменности. Оно словно продолжает борьбу Кирилла с «триязычниками» и отстаивает апостольское дело солунских братьев. «Славянские письмена святы, — пишет Черноризец Храбр, — и более достойны почитания, ибо их создал святой муж, а греческие — язычники элины». В защиту созданной Кириллом азбуки он приводит и иные весомые доводы. Греческая азбука более проста, но не столь совершенна, как славянская. Хотя первая насчитывает 24 буквы, а не 38, грекам тем не менее пришлось прибавить к ней 11 «двогласных». Кроме того, ее создавало несколько человек и усовершенствовали многие другие, а славянскую азбуку создал один книжник — Кирилл. При обращении к тексту Сказания его воспринимаешь поначалу как филологический трактат. Однако по мере дальнейшего чтения памятника всё более убеждаешься, что это впечатление ошибочно. Прямые обращения автора к читателю, использование им риторических вопросов и яростный накал его полемики неопровержимо свидетельствуют об апологетическом характере произведения.

Много светских черт наблюдается и в рассказе «Чудо о кресте и болгарине», написанном книжником Христодулом в X в. Чудесное избавление в нем героя благодаря молитве св. Георгию — лишь одна из линий повествования, но отнюдь не самодовлеющая. Гораздо больше внимания автор отводит освещению событий болгарской истории: крещению страны князем Борисом, искоренению язычества, неоднократным войнам царя Симеона с «уграми». Да и само чудо преподносится не в сакрально-возвышенном, а в заземленно-бытовом интонационном ключе. Спасаясь в битве от неприятельской конницы, болгарин едва не погибает из-за сломавшего ногу коня. Но после молитвы героя буланый мчится дальше как ни в чем не бывало, унося седока от преследователей. И лишь спустя время, когда по пророчеству св. Георгия животное околело в точ-

но предсказанный срок, болгарин разгадывает тайну своего избавления от неминуемой смерти. Он обнаруживает невесть откуда взявшиеся три железных обруча, которые стягивали поврежденную ногу коня под кожей. Из обруча болгарин приказал выковать крест, сотворивший многие чудеса. Этот первоначально грекоязычный памятник возник как описание одного из чудес св. Георгия и следовал за житием великомученика, но позднее отпочковался от него, перешел в славянскую книжность и обогатился новыми занимательными подробностями и деталями.

К оригинальной болгарской литературе традиционно относят «Сказание о крестном древе», созданное в X в. пресвитером Иеремией. Скомпоновав ряд византийских апокрифов и добавив к ним свои собственные, книжник создал захватывающую историю о библейских лицах и событиях. Болгарский читатель получал ответы на многие вопросы, которые возникали у него при чтении Священного Писания и святоотеческой литературы. Он узнавал, где и когда выросло дерево, из которого затем изготовили крест для распятия Иисуса Христа, или каким образом была освидетельствована непорочность Девы Марии, родившей Сына, ему рассказывалось, как Иисус помог уставшему пахарю обработать ниву или что случилось с головой Адама после смерти. Произведение пресвитера Иеремии обладало открытой композиционной структурой, в которую при желании можно было включить новые эпизоды и сцены, дополняющие авторское повествование. Впоследствии к нему творчески обращались многие средневековые книжники.

К апокрифической литературе непосредственно примыкает и богомильская книжность. Она создавалась представителями богомильского движения, распространившегося в болгарских землях в X в. при царе Петре. Богомилство — умеренное дуалистическое учение, корнями уходящее в еще более древние ереси: павликианство, манихейство и массалианство. Богомилы выдвинули свои космогонические, христологические и эсхатологические концепции, отличные от церковных. Они разработали свои версии происхождения мира, человека, появления Христа на земле и конечной судьбы человечества после второго пришествия. Всё видимое — землю, ее физическое и общественное устройство с царем, боярами, церковью — богомилы объявляли плодом деятельности дьявола, низверг-

нутого с небес со своими подручными за заговор против Бога. Ими признавалось только духовное, и прежде всего душа, которую сатана не смог вдохнуть в созданные им тела Адама и Евы и упросил сделать это Бога. На земле, таким образом, фактически царит власть сатаны, конец которой наступит лишь после второго пришествия.

Богомилы подвергали острой критике духовенство, официальные религиозные символы и церковные обряды. Они не признавали церковь, храмы, отвергали литургию, крест, иконы, крещение, причастие, церковный брак. Они отрицали культ христианских святых, почитание Богородицы, существование чудес. К сожалению, сочинения богомилов в славянских списках до нас почти не дошли. Некоторое влияние богомильской книжности ощущается в апокрифических «Легенде о Тивериадском море» и «Слове об Адаме и Еве». Благодаря распространению богомильства за пределы Болгарии фрагменты богомильской книжности уцелели на неславянских языках. Это, прежде всего, «Тайная книга», которая была переведена на латинский язык в XII столетии и по праву считается «библией богомилов». Повествование в ней строится на вопросах любимого Иисусова ученика Иоанна во время тайной вечери и ответах на них Христа. Однако композиционную схему произведения нельзя считать диалогической. Вопросы Иоанна имеют наводящий характер, лишь побуждая Иисуса Христа к продолжению повествования. По форме «Тайная книга» напоминает каноническое «Откровение Иоанна Богослова», но речь в нем идет не о грядущем втором пришествии, а о космогонической и богословской системе богомилов, излагаемой категорично как непреложные библейские истины.

Больше всего данных о еретическом учении богомилов обнаруживается в «Беседе против богомилов» болгарского писателя X в. Козьмы Пресвитера. Как обличитель богомильства и критик современных ему нравов автор не имел предшественников. Его «Беседа» — одно из самых пространных болгарских оригинальных сочинений. Оно состоит из двух больших частей. В первой из них разворачивается острая, хорошо аргументированная полемика с богомилами. Козьма был отлично осведомлен в истории еретических учений и прекрасно разбирался в тонкостях богомильских «прелестей». Он не жалеет отрицательных эпитетов для еретиков, награждая их всевоз-

можными проклятиями. Вторая часть адресована главным образом белому и черному духовенству. Она тематически связана с первой, поскольку Козьма старался оградить своих собратьев от заблуждений и поступков, ведущих к «ересям». Причины ересей он усматривал в падении нравственности, невежестве, лени, корыстолюбии и других грехах монахов и священнослужителей. Жанровой форме «Беседы» присуща своеобразная двуслойность. Это произведение объединяет в себе апологето-полемическую и гомилетическую традиции. Не случайно в первой его части чувствуется дух полемических слов против ариан Афанасия Александрийского, а во второй ощущается воздействие поучений и нравоучительных слов Иоанна Златоуста. Объектом критики служит не только духовное, но и светское сословие. Писатель бичует надменность, скупость и горделивость светских феодалов. Смелость обличения существующих пороков заставляет думать, что Козьма, очевидно, был пресвитером при царском дворе.

Резюмируем материалы, изложенные в разделе о литературе Первого Болгарского царства.

1. Ее быстрый, почти мгновенный расцвет объясняется стечением благоприятных исторических обстоятельств: относительно высокой степенью христианизации болгарской державы еще до официального крещения; близостью кирилло-мефодиевского литературно-книжного языка диалекту славян, живших в Болгарии; литературной зрелостью кирилло-мефодиевских учеников, которые заложили основы болгарской литературы; поддержкой литературных начинаний князем Борисом и царем Симеоном. Укажем на еще одно важное обстоятельство: знание многими болгарскими книжниками греческого языка благодаря географической близости Византии и существованию более чем тридцатилетней грекоязычной богослужебной практики в стране от ее крещения до Преславского собора.

2. Болгарии первой из славянских стран удалось реализовать у себя задачу, которую ставила Византия в Великой Моравии: приобщить население страны к христианству в его восточном, византийском, варианте через посредство славянского языка. Именно здесь впервые был переведен на славянский огромный корпус произведений раннехристианских писателей, который вкупе с кирилло-мефодиевским наследием сформирова-

ровал фундамент новой цивилизации *Slavia Orthodoxa*. Этот «золотой фонд» стал истинной сокровищницей в дальнейшем для многих народов, ориентировавшихся на Византию (украинцев, русских, сербов, черногорцев, белорусов, а также молдаван и валахов, у которых утвердилось славянское письмо). Он значительно ускорил процесс усвоения им христианства и становление собственных оригинальных литератур.

3. Важной заслугой литературы Первого Болгарского царства являлось продолжение апостольского дела первоучителя Кирилла и его борьбы за равноправие славянского языка среди других сакральных (богослужебных) языков. Но если Кирилл защитил его перед Римом, то Болгария отстаивала его перед Византией, которая уже и сама была не рада своей миссионерской инициативе в Великой Моравии, а затем в Болгарии, ибо последняя начала превращаться в ее державу-соперницу не только в военном, но и в культурно-религиозном плане. И другое. Культ Кирилла и Мефодия, зародившийся среди славян в Великой Моравии, окреп именно на болгарской земле.

4. Продолжение Болгарией апостольского дела Кирилла заключалось не только в этом. Отсутствие каких-либо исторических свидетельств о деятельности болгарских христианских миссионеров на Руси или в Сербии в X–XII вв. не противоречит соображению о том, что миссионерскую роль в этих странах выполняли переводные и оригинальные сочинения таких болгарских книжников, как Климент Охридский, Константин Преславский, пресвитер Наум, Иоанн Экзарх и др. Древнейшие из уцелевших списков их произведений имеют главным образом русское или сербское происхождение (слово Климента Охридского «Заповедания о праздниках» и поучение на св. Воскресение — русские списки конца XII — начала XIII в., «Учительное Евангелие» Константина Преславского и его «Азбучная молитва» — русские списки второй половины XII в. и сербский 1286 г., «Шестоднев» Иоанна Экзарха — сербский список 1263 г., экзарховские слова на Воскрешение Лазаря и поучение на Пасху — оба списка XII в. русского происхождения, слово на Вознесение — русский список конца XII — начала XIII в. и т. д.).

5. В силу своего пионерского начинания (Болгария первая из славянских стран будущего ареала *Pax Slavia Orthodoxa*

осуществила широкомасштабную христианизацию своего населения) зарождавшаяся болгарская литература носила преимущественно церковно-религиозный характер. Основная масса появлявшихся в ней произведений была главным образом переводной, а объем оригинальных сочинений был сравнительно небольшим и значительно уступал объему переводному. Ведущую роль в оригинальной болгарской литературе IX — X вв. играли жанры гимнографический, церковной проповеди, похвального слова и полемической прозы.

2. Болгарская литература эпохи византийского господства (XI — XII века)

Превращение Болгарии в крупнейшую державу на Балканах и усиление ее патриаршей церкви неизбежно вели к столкновению с Византией. Последняя не могла безучастно наблюдать за поглощением своих земель воинственной соседкой. При князе Борисе и царе Симеоне границы болгарского государства расширились до Адриатического моря на западе и до Эгейского моря на юге. Болгарские военные гарнизоны располагались в опасной близости от стен Фессалоник и Константинополя. Нависавшая с севера угроза стала для Византии неприятным повседневным фактом. Ответные меры, предпринятые ею при императорах Иоанне I Цимисхии (969–976) и Василии II Болгаробойце (976–1025), завершились победой Византии. В результате кровопролитных войн, длившихся с переменным успехом почти столетия, Болгария была разгромлена. Она утратила национальную независимость, был ликвидирован и институт Болгарского патриаршества. Судьба двух главных литературных центров страны, Преслава и Охрида, оказалась различной. Первый практически прекратил свое существование после завоевания северо-восточной Болгарии византийцами (971). Почти все болгарские епархии, находившиеся в этой части страны, были переданы в ведение Константинопольской патриархии. Участь Охрида была менее трагичной. Он сумел противостоять натиску неприятеля значительно дольше и после покорения Западной Болгарии (1018) являлся престольным градом Болгарского автокефального архиепископства. Однако вскоре по воле Константинополя архи-

епископами начали избираться греческие иерархи. Местное духовенство постепенно вытеснялось греческими священнослужителями, совершился и переход к греческому богослужебному языку.

Ликвидация болгарской государственности, института патриаршества и постепенная денационализация болгарской церкви, которая превратилась в некий филиал византийской, не могли не сказаться на характере литературной жизни страны. Возможности болгарского литературного развития резко сузились. В период византийского ига исчез тип элитарного болгарского книжника, переводившего и творившего на славянском языке по заказу светской и церковной власти. На смену ему пришел другой тип писателей — образованных пришлых византийцев, которые писали по-гречески, но учитывали потребности местной церкви и паствы. В своем творчестве такие книжники использовали местный литературный и устный материал, проявляя заботу об укреплении местного пантеона святых. Ряд их произведений был переведен на славянский и сделался доступным даже для читателей, не знавших греческого.

К подобному типу писателей относился византиец Феофилакт Охридский, стоявший во главе Охридского архиепископства (1084–1107). В историю византийской и болгарской литературы он вошел как один из наиболее блестящих, образованных и плодовитых авторов. Его перу принадлежат экзегетические, догмато-полемические, нравственно-воспитательные, исторические и гимнографические сочинения. До назначения на болгарскую архиепископскую кафедру он был патриаршим дьяконом церкви св. Софии в Константинополе и за свое красноречие получил статус магистра риторики.

Наибольшую известность в православном мире принесло ему составленное им «Толковое Евангелие». Возглавив Охридское архиепископство, он отстаивал его самостоятельность, выступал против вмешательства в «болгарские дела» византийских столичных сановников. Феофилакт стремился повысить значение Охрида как самостоятельного религиозного центра не только с помощью тонкой дипломатии, но и посредством прославления местных подвижников. В этой связи им были написаны житие Климента Охридского, служба святому и житие Тивериупольских мучеников.

Созданное им житие Климента Охридского или так называемая «Болгарская легенда» — один из интереснейших источников о жизни и деятельности славянских первоучителей и их учеников. При написании этого сочинения Феофилакт черпал сведения из не дошедшего до нас славянского жития Климента и устных преданий о славянских просветителях Кирилле и Мефодии. Стиль произведения, торжественный и витиеватый, заставляет вспомнить о приемах Симеона Метафраста — известного византийского агиографа X в., обрабатывавшего древние безыскусные жития в риторическом духе. Житие Климента пестрит цитатами из Библии, восклицаниями, риторическими вопросами, прямыми обращениями к читателям. Его автор постоянно прибегает к эпитетам, сравнениям и аллегориям, часто использует синонимические повторы и повторы однокоренных слов. Его редкая начитанность и незаурядная эрудиция проявляются в знании им сочинений как раннехристианских, так и античных писателей.

С точки зрения истории болгарской литературы и культуры, большую ценность, однако, имеют не эти стилистические особенности, а целый ряд фактов о славянских первоучителях и их последователях, не упоминаемых в других источниках. Феофилакт рассказывает об обстоятельствах бегства кирилло-мефодиевских учеников из Великой Моравии, их появлении в Болгарии, добавляет новые штрихи к облику Климента Охридского, выступающего в житии не только создателем множества произведений и разветвленной сети славянских училищ, но и талантливым педагогом. Лестно отзываясь о первых славянских просветителях и высоко оценивая их подвижничество, Феофилакт тем не менее по вполне понятным причинам сознательно смещает акценты. Главным делом Кирилла и Мефодия в его сочинении становится не борьба за включение славянского языка в число сакральных языков богослужения, а полемика с «латинянами» — конфликт, обострившийся со второй половины XI в. вслед за разделением христианской церкви на православную и католическую. Такая подмена выглядит вполне логичной и даже закономерной. В условиях запрета в стране славянского богослужения какое-либо упоминание о торжестве славянского письменного слова выглядело бы крайне неуместным и нежелательным. Поэтому Феофилакт неоднократно говорит

о достоинствах греческого языка по сравнению с «грубым» болгарским.

В метафрастовском ключе написано и феофилактово житие Тивериупольских мучеников. Это сочинение, очевидно, предназначалось для заполнения известной лакуны в местном пантеоне, ибо мученический жанр до этого был представлен в болгарской литературе переводными житиями страдальцев за веру Христову, принявших кончину вне болгарских земель и в отдаленные времена. Феофилакт как бы устраняет этот недостаток, избирая местом действия в своем произведении македонский город Тивериуполь (Струмицу), где находят пристанище от гонений 15 христиан-подвижников. Мученики символизируют собой почти всю социальную страту феодального общества. Среди них были епископы, пресвитеры, дьяконы, монахи, бывший воин, они подавали пример радения за христианство различным социальным группам местного населения. Начиная рассказ с эпохи римских императоров Констанция Хлора и его сына Константина Великого, Феофилакт постепенно переносится в близкое прошлое, повествуя о переправе болгар через Дунай, расселении их на завоеванных землях, крещении при князе Борисе и утверждении христианства при его сыновьях Владимире и Симеоне. Не преминул он упомянуть и о подвижнике из болгарской среды по имени Энравота, казненном за приверженность к Христу по приказу своего брата, языческого хана Маламира.

Большинство сведений о болгарской истории Феофилакт, скорее всего, позаимствовал из не дошедшего до нас славянского жития князя Бориса и устных преданий, которые еще были живы в народной памяти.

Иной характер повествования имели создававшиеся в болгарских землях сочинения на языке славянском. Они, как правило, писались анонимными книжниками и не отличались изысканностью слога, возникая на стыке официально-книжной и народно-демократических тенденций. Эту линию в развитии болгарской литературы того времени прекрасно иллюстрирует «Народное житие Ивана Рильского». Его безымянный автор XII в. был достаточно образован и хорошо знаком с официально-книжной агиографической традицией. Описание подвигов пустынножителя Ивана Рильского иногда перекликается с житием знаменитого пустытника Антония Велико-

го. Происходивший из бедной семьи, Иван покидает родных и удаляется в непроходимые чащи, где изнуряет свою плоть постом и ночным бдением. Он обитает то в темной пещере, то на вершине высокой скалы, где непрестанно молится и борется с соблазнами дьявола. На знание автором жития образцов агиографической литературы указывает также использование житийных формул, библейских цитат и образов. Среди персонажей произведения — ангел, приносящий с небес шиповник Ивану для пропитания, Иоанн Богослов, укрепляющий дух подвижника в минуты тяжких испытаний, Божий глас, направляющий стопы святого по пути подвижничества. Вероятно, эти моменты скомпилированы автором из древнего жития Ивана Рильского.

Прослеживается в памятнике и фольклорный пласт, присутствие которого очень выпукло и доказательно. Об этом свидетельствуют прямые указания книжника, когда он говорит о следах ног и крови Ивана на скале, где того истязали бесы, или о якобы сохранившемся и поныне отпечатке веревки, которой подвижник привязал к дубу единственного вола. Автор, несомненно, почерпнул эти факты из легенд, ходивших о святом в той местности, где он подвизался.

В памятнике отсутствует традиционная заставка с описанием рождения и отроческих лет героя. Его начало просто и безыскусно: из страха перед Богом Иван «взял да оставил мирскую жизнь». Подвижник не остается долго на одном месте — он постоянно перемещается: из Рильской пустыни отправляется к горе Руен, потом оказывается в местности Скрино, затем уходит к Пернику, потом оказывается на реке Струме, некоторое время живет на горе Витоше и снова возвращается в Рильскую пустынь. Хотя переходы Ивана совершаются главным образом по велению Божьего гласа, они, видимо, были связаны с желанием подвижника обрести более спокойное, безлюдное место. Люди не оставляют подвижника в покое. После ухода Ивана из дома они настигают его в поле и пытаются силой вернуть. Лишь молитва святого заставляет их изменить свое решение, но они отбирают у него вола, которого тот взял с собой. Разыскивает Ивана в пустыне и его поддученный дьяволом брат. Он бьет, унижает и осыпает подвижника проклятиями, требуя отдать назад сына, который тайком сбежал из дома, вознамерившись присоединиться к пустынножителю. Больше

всего святому досаждают дьявол. Это он науськивает на него брата, является в образе ангела, искушает его, принимает личину разбойников, которые истязают Ивана, волочат его по острым камням и сбрасывают со скалы. Но пустынножитель каждый раз упорно карабкается по скальной крутизне именно там, где его сталкивают. Эти пассажи отчасти походят на истории о бесовских наваждениях из патериков, в которых также ощущается фольклорное начало.

Явно легендарное происхождение имеет и эпизод встречи Ивана с царем Петром. Прослышав о подвижнике, царь посылает ловчих на поиски святого, а затем сам отправляется в путь, чтобы лично его узреть. Однако из-за непроходимости горных круч свидание не состоялось. Подвижник и царь лишь подали друг другу знаки: царь раскинул шатер на одной из горных вершин, а Иван на соседней вершине явил столб дыма, устремившийся к небу. Кроме того, они обменялись взаимными поклонами.

Отдал дань памяти Ивану Рильскому и византийский наместник в Софии писатель Георгий Скилица (1143–1180), написавший житие и канон подвижнику. При создании агиографического повествования о пустынножителе он привлек древнее и народное жития святого. Обработав их в соответствии с нормами византийской агиографии, Георгий Скилица опустил ряд эпизодов и сцен, которые не укладывались в традиционные агиографические клише.

Помимо агиографии и гимнографии продолжали развиваться в болгарских землях и некоторые другие виды литературы. Несколько неожиданную направленность приобрела эволюция апокрифов. В условиях ига чужеземцев они восприняли на себя функцию приостановленного болгарского официального летописания. Здесь, прежде всего, следует назвать «Болгарскую апокрифическую летопись», датируемую приблизительно концом XI — началом XII в. Заставка произведения скроена по образцу известного апокрифа о вознесении пророка Исаяи на небеса, где Божий глас возвестил ему о последних годах рода человеческого. В дальнейшем повествование расходится с содержанием упомянутого памятника. Перед читателем разворачивается полная вымысла история царствований мифических и реально существовавших болгарских властителей. В апокрифической летописи смешаны раз-

личные исторические эпохи, нарушена генеалогия правящих династий, неверно указаны годы правления отдельных царей. Не имея ценности как исторический источник, летопись интересна в другом отношении. В ней идеализируется былое время, когда страна еще не утратила политической независимости после поражения от византийцев. Болгарский «царь» Борис обрисован как благочестивый и благоверный правитель. Такими же качествами наделен и царь Петр, при котором на болгарской земле якобы наступило полное изобилие и достаток. Размеры дани, взимавшейся при царе Симеоне, по словам анонимного автора, были чисто символическими: моток пряжи, ложка масла и одно яйцо в год. Главное занятие царей — не война, а созидательная деятельность. Они возводят города и крепости, строят монастыри и храмы.

Реальные события болгарской истории проглядывают, хотя и смутно, в апокалиптических видениях-пророчествах, появившихся в Болгарии во второй половине XI — XII в.: «Видение Даниилово», «Толкование Даниилово» и «Сказание пророка Исаяи о грядущих летах». Предсказания Даниила и Исаяи касались обширного географического ареала, затрагивая будущие судьбы Иерусалима, Рима, Константинополя и других реально существовавших или вымышленных городов и царств. Для болгарского читателя наиболее захватывающими были те строчки, где велась речь о грядущей участи родной земли, отдельных городов и местечек. И таких строчек в этих сочинениях встречалось немало. Он узнавал о том, что случится в Средце (Софии), Бояне, на горе Витоше или кто из царей одержит победу в войнах с недругами и сколько лет просидит на престоле. Среди вереницы полуфантастических персонажей и событий угадывается фигура предводителя антивизантийского восстания Петра Деляна (1040–1041) и набеги задунайских печенегов в середине XI в., что позволяет отнести создание данных апокрифов к северно-западной Болгарии.

Анализируя развитие болгарской литературы XI — XII вв., очевидно, следует говорить о нем как о явлении своеобразного литературного симбиоза, при котором произведения болгарских авторов и пришлых византийских писателей образовывали неразрывную связь, взаимно дополняли друг друга и создавали скорее единое «литературное поле», чем литературную оппозицию. Забегая вперед, можно отметить, что

это состояние продолжалось в Западной Болгарии и в XIII в., ибо и тогда византийское церковное влияние там не ослабло. Свидетельством тому служат краткое житие и канон Клименту Охридскому, которые были написаны византийским писателем Димитрием Хоматианом, являвшимся главой Охридского архиепископства в 1216–1234 гг. Создавая эти произведения, Хоматиан шел по стопам своего предшественника Феофилакта Охридского, творчески используя письменные и устные сказания о святителе. Его чрезмерное доверие к легендарным известиям о Клименте привело ко многим историческим несуразностям в житии святого. По словам книжника, Кирилл переводил Священное Писание без помощи своего брата, Римский папа поставил Мефодия епископом не только Моравии, но и Болгарии, тот в свою очередь поставил епископом Иллирика и болгарских земель Климента, который крестил болгарского князя Бориса и открыл «другие образы букв, более понятные, чем изобретенные премудрым Кириллом». Последнее утверждение, очевидно, следует толковать не как замену глаголицы кириллицей, а как один из этапов продолжавшегося совершенствования славянской азбуки.

Таким образом, следует констатировать, что византийское иго в целом отрицательно сказалось на болгарской литературе XI — XII вв. Затормозилось или даже полностью застопорилось развитие практически всех ее жанров. В особенности это касалось северо-восточной Болгарии и ее бывшего литературного центра Преслава. До сих пор не открыто ни одного болгарского оригинального литературного памятника XI — XII вв., создание которого можно бы было отнести к этому ареалу. В связи с ликвидацией болгарской государственности зачатки жанров болгарского летописания («Именник» и «Историкии») так и не оформились в полнокровный литературный жанр. Любопытная картина наблюдается при рассмотрении некоторых тогдашних апокрифов: они «мутируют» в некое подобие летописей. Этот феномен иллюстрирует явление литературно-жанровой компенсации — ситуацию, при которой произведения одного литературного жанра берут на себя функцию другого. Фактически приостановилось в XI — XII вв. пополнение сонма местно почитаемых святых. Его свободные ниши оставались незаполненными около двух столетий. (Здесь нужно отметить, что феофилактовское житие Тивериупольских

мучеников не было переведено на славянский язык и не вошло в контекст славянской средневековой культуры). По вполне понятным причинам произошел перерыв в развитии жанров гимнографии, церковной проповеди, похвального слова, владетельской похвалы, полемической прозы. Возобновление и совершенствование некоторых из них начнется в Болгарии спустя большой промежуток времени.

3. Литература Второго Болгарского царства и ее традиции (XIII — первая половина XV века)

Возобновление болгарской государственности после успешного антивизантийского восстания под предводительством тырновских бояр братьев Асена и Петра (1186) привело к закономерным изменениям в развитии болгарской литературы. Вновь обретенная национальная независимость возвращала болгарской литературе ее главных «меценатов», вдохновителей и заказчиков — институты национальной церкви и государства. Немногочисленные болгарские официальные памятники, создававшиеся на протяжении XIII столетия, несут на себе печать официальной идеологии. Она явственно присутствует в «Синодике царя Борила» — церковно-государственном документе, который появился в результате антибогомильского церковного собора, созванного в Болгарии в 1211 г. Этот памятник не является вполне оригинальным. Значительная его часть представляет собой компиляцию из греческого «Синодика Недели торжества православия» (843), написанного по поводу восстановления иконопочитания. Да и само начало весьма напоминает эпизод с изобличением богомильского вожака Василия из «Алексиады» византийской писательницы Анны Комниной. Болгарский царь Борил, как и византийский император Алексей Комнин, одерживает верх над богомилами благодаря хитроумной уловке. Он притворно высказывает благорасположение богомильским проповедникам и просит их изложить свое учение, не опасаясь за последствия, и лишь затем вкупе с высшим духовенством в полемике изобличает «зломысленное их мудрствование».

Важное место в Синодике Борила отводится анафемам, в которых предавались троекратным проклятиям все те, кто не

почитает Деву Марию, не признает закон Божий, не следует апостольским преданиям или занимается магией, волхвовани-ем и прорицательством. Составители Синодика делают акцент на церемониальной стороне дела: описании того, как Борил, собрав множество епископов, священников и иноков, а также бояр и выборных от народа, появляется в своей «багрянице» и торжественно восседает в одном из тырновских храмов. Победа над «злокозненной» богомильской ересью одерживается по причине не только исключительного благочестия Борила, но и его мудрости и отличному знанию Священного Писания. Царю приписывается главная заслуга в борьбе с вероотступниками. Именно он, а не церковники, выступает инициатором созыва антибогомильского собора, именно он, а не находящиеся на втором плане епископы и священники, искусно дирижирует полемикой с богомилами и своими вопросами доводит ее до победного конца; именно по царскому приказу еретики заключаются в тюрьмы, раскаявшиеся прощены, а непокорные наказаны; именно Борил распоряжается перевести с греческого языка соответствующий «Соборник», в котором антибогомильский собор 1211 г. призван занять подобающее ему место. Позиция составителей Синодика в этом смысле отчетливо выражена в патетической фразе: «Никто другой до его (Борилова. — *И. К.*) царствования не созывал такого собора». Роль церковных иерархов в памятнике сведена к минимальной. Они приглашены на собор вместе со светскими лицами и участвуют в духовном единоборстве с богомилами наряду со всеми праведными во главе с царем. Лишь в завершающем Синодик славословии они поставлены перед боярами, что несколько уменьшает явный дисбаланс в пользу светской власти. Подобный крен отчасти объясняется отсутствием церковной самостоятельности в то время.

Обладая силой документа, «Синодик царя Борила» стал своеобразной отправной точкой для упрочения идей незыблемости светской и духовной власти в официальной болгарской литературе. В дальнейшем памятник неоднократно дополнялся. В него вошло более ста анафем, в которых проклинались носители богомильской ереси и все разделяющие отдельные положения их учения. Увеличивался и список славословий, в которых восхвалялись духовные и светские феодалы, а также члены семей последних.

Включен был в Синодик позднее и «Рассказ о возобновлении Болгарской патриархии». Лаконичный характер излагаемых в нем событий напоминает летописные сочинения. Начало рассказа выполнено в стиле монументального историзма. Оно представляет собой краткий панегирик царю Ивану Асену II (1218–1241), сумевшему в 1235 г. добиться самостоятельности болгарской церкви. По словам книжника, болгарский властитель не только христолюбив, но и «прославил и просветил болгарское царство больше, чем все предшествовавшие ему болгарские цари», на его жертвоприношения строились и украшались многочисленные храмы и монастыри, он освободил церковь от поборов и осыпал почестями весь священнический чин. Стиль дальнейшего повествования тяготеет к строгости документа. Составителю рассказа важно было показать законность происшедшего события, подчеркнуть его всестороннюю юридическую обоснованность. Отсюда простекало стремление автора к максимальной убедительности. Он дотошно перечисляет имена всех Вселенских патриархов, поддержавших инициативу Ивана Асена II, пересказывает содержание официальной переписки, которая предшествовала возобновлению Болгарской патриархии. Особо подчеркивает автор то, что решение было принято не просто устно, а засвидетельствовано «писанием патриарха Германа, которое все восточные патриархи подписали и скрепили печатью» и лишь затем передали царю и новоизбранному болгарскому патриарху Иоакиму I.

Летописным по своему содержанию является и «Рассказ о Зографских мучениках», написанный в последние десятилетия XIII в. В нем отражен реальный исторический факт: отказ монахов афонского Зографского монастыря признать церковную унию между Восточной и Западной церквями (которую пытался заключить византийский император Михаил Палеолог) и последовавшие затем карательные меры «латинян». Они были предприняты 10 октября 1275 г., когда нападавшие ворвались в Зографский монастырь и спалили главный храм вместе с монастырской башней, где укрылись иноки и миряне. Некоторые исследователи склонны видеть в этом произведении краткое житие из-за наличия в нем небольшого вступления с библейскими параллелями и риторически окрашенной концовки, похожей на молитву-похвалу. Однако такое мнение

едва ли правомерно. И в начале, и в конце рассказа автор словно извиняется за избранную тему. Принявшие смерть афонские монахи и миряне не возводятся здесь в ранг святых, и, следовательно, создание сочинения не было связано с подготовкой их канонизации. Скорее всего, взявшись за перо книжника побудило чувство братолюбия к соплеменникам, о котором он пишет, приводя в пример тризны Иуды Маккавея по своим погибшим воинам-иноверцам.

Летописную суть произведения подтверждает и беспристрастность основной части повествования, где описываются обстоятельства подписания унии и пожар, в котором погибли не только люди, но и 193 древние книги и дорогостоящая церковная утварь, дарованная болгарскими царями монастырю. Предельно краток и перечень имен погибших с упоминанием о том, как расстался с жизнью последний из 26 зографских мучеников, еклессиарх Парфений. Не стерпев жара пламени, он бросился с башни и почил от ушибов и переломов ровно через тридцать дней после пожара.

Три названных сочинения служат иллюстрацией возобновления и ведения официального летописания в течение XIII столетия. Очевидно, произведений подобного рода в этом веке имелось гораздо больше. В качестве доказательства можно привести упоминание русского ученого В. И. Григоровича о болгарском летописце времен Ивана Асена в одной из рукописей библиотеки Бухарестской митрополии, однако данный летописец до сих пор исследователями не открыт.

Произошло в болгарской литературе XIII в. и некоторое движение в области агиографического и гимнографического жанров. Оно было тесно связано с необходимостью возобновления Болгарской патриархии и закрепления её статуса. В новую болгарскую столицу Тырново из различных концов болгарских земель и даже из других пределов свозятся не только строительные материалы для новых монастырей и церквей, но и то, что было призвано повысить их вес во всем христианском мире: мощи святых угодников. В конце XII — первой трети XIII в. болгарские цари Иван Асен I (1186–1196), Калоян (1197–1207) и Иван Асен II перевозят в Тырново мощи Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Михаила Воина из Потоуки, Петки Эпиватской (которую стали позднее называть Тырновской) и др. По этому поводу появляются произведения, посвя-

щенные упомянутым подвижникам, и в первую очередь краткие проложные (синаксарные) жития. Этот тип сочинений первоначально возник в Византии, распространившись затем в Болгарии и во всех православных странах. Обычно они входили в состав служб и предназначались для чтения в церкви по исполнению шестой песни канона в день памяти святого. Это обстоятельство оказывало воздействие на словесную организацию текстов синаксарей, придавая ей ритмическое звучание. Известны, однако, и другие случаи, когда проложные жития создавались в результате элементарного сокращения пространственных агиографических повествований и бытовали вне гимнографического контекста.

Установка на конспективное изложение основных биографических фактов и событий из жизни святых не позволяла авторам синаксарей раскрыть свои творческие возможности в полную силу, и сами эти памятники не отличаются большими художественными достоинствами. Таково, например, славянское проложное житие Петки Тырновской, которое представляет собой сокращенный вариант житийной повести о святой, написанной в XII в. византийским дьяконом Василиком, или проложные жития Ивана Рильского, безымянные авторы которых сократили древнейшее и народное жития пустынножителя. Для истории литературы синаксари интересны, прежде всего, тем, что в них порой встречаются любопытные факты, отсутствующие в других дошедших до нас сочинениях о подвижниках. Так, в частности, в проложных житиях Ивана Рильского приводится название пещеры, в которой подвизался пустынножитель (Вартопен), название местности близ Тырнова, где царь Иван Асен I встречал процессию с мощами святого (Окоп). Особую ценность имеют синаксари в том случае, когда подробные жития о подвижника, написанные по свежим следам событий, не уцелели. Проложное житие Михаила из Потуки до сих пор является единственным надежным историческим источником об этом агиографическом герое. Его культ зародился в Потуке (селение между Казанльком и Стара-Загорой) в IX — XI столетиях и навеян сказанием о Георгии Победоносце. Подобно этому известному змеборцу Михаил Потукский избавляет девушку от дракона, но умирает от полученных в схватке ран.

С задачей повышения авторитета Болгарской патриархии в православном мире было связано и создание проложного жития Иоакима (1234–1246) — первого болгарского патриарха возрожденной национальной церкви. Оно дошло до нас в не вполне исправном списке, но дает представление об основных жизненных вехах и облике этого болгарского иерарха: его подвижничестве на Афоне, основании им пещерного монастыря в Северной Болгарии, активном милосердии, проявившемся в заступничестве за мирян перед царем.

Агиографические произведения писались не только в столице, но и на периферии. В болгаро-сербском пограничье возникают жития местных пустынножителей, закладывавших монастыри в XI в.: Иоакима Осоговского, Прохора Пшинского и Гавриила Лесновского. Их культ имел локальное значение и не достиг тогда тырновских пределов. Из гимнографических сочинений в честь упомянутых подвижников уцелели службы и песнопения Ивану Рильскому, Петке Тырновской, Михаилу Потукскому, Филофее, Иоакиму Осоговскому и Илариону Мыгленскому.

В оригинальных памятниках того времени, создававшихся в официальных скрипториях, легко различимы национально-патриотические тенденции и радость по поводу расцветающей государственности. Болгарская столица Тырново предстает перед читателем как «богохранимый» и «богоспасаемый» град, призванный стать «новым Царьградом»; болгарские цари характеризуются как великие и могучие властители, одерживающие славные победы над греками, франками, сербами и албанцами, благодаря чему границы болгарского государства расширяются от Черного до Адриатического моря. В агиографических и гимнографических сочинениях обычно подчеркивается болгарское происхождение подвижников, причем даже тогда, когда оно таковым не являлось. Это хорошо видно на примере «Успения Кириллова», возникшего в результате сокращения пространного жития славянского первоучителя. В целом оно сжато повторяет сюжетную канву первоисточника, но есть в нем и авторские интерполяции. По словам безымянного книжника, Кирилл был «родом болгарин» и славянская азбука предназначалась изначально не для моравян, а для болгар, которых он крестил на реке Брегалнице. Производя эти добавления, автор желал усилить пиетет к славянской азбу-

ке, традиции которой ослабли за годы византийского культурного засилья. Аналогичную цель преследовал, очевидно, и создатель новой редакции «Сказания о письменах» Черноризца Храбра, где еще более энергично защищались преимущества славянской азбуки по сравнению с греческой.

Патриотическую окраску приобретали и апокрифические произведения, бытовавшие в Болгарии в XIII столетии. В «Солунской легенде» проводилась идея богоизбранности болгарского народа. Этот апокриф несколько необычен по форме. Повествование ведется в нем от лица создателя славянской азбуки Кирилла, родившегося, по его собственным словам, в Каппадокии и отправившегося по божьему велению крестить болгар, о существовании которых он ранее даже не подозревал. Открыть местонахождение неведомого народа ему удалось после продолжительных странствий и прибытия в Солунь. Изобретение славянской азбуки в апокрифе происходит в результате чуда. На Пасху голубь уронил на Кирилла 32 веточки смоковницы, которые растворились в его теле, и он сразу же забыл греческий язык и заговорил по-болгарски. Однако коварные греки долго скрывали подвижника от болгар и отдали его лишь после трехлетней осады Солуни и страшного кровопролития. Автор пишет, что только болгарский народ способен передать Богу православную веру незапятнанной.

Последняя мысль была позаимствована книжником из «Сказания о Сивилле» — византийского апокрифа VI–IX вв., переработанного в Болгарии в начале XIII в. Он также проникнут идеей мессианства болгарского народа — доброго, гостеприимного, незлобивого, первого среди девяти родов человеческих и превосходящего весь мир. Сходные мотивы отразились и в апокрифическом «Разумнике–Указе Господа», где, помимо прочего, говорится о покровительстве Духа Святого над болгарскими землями, а населяющий их народ включается в число трех избранных народов, обладающих правоверными книгами.

Таким образом, в XIII столетии болгарское литературное развитие протекало под знаком усиления национально-патриотических тенденций как в официально-государственной, так и в народно-демократической литературе. И хотя этот век не отличался обилием литературных памятников, именно в этот период были заложены основы для взлета болгарской литературы в дальнейшем.

Следующее столетие в истории Болгарии было чрезвычайно противоречивым. Для него было характерно постепенное дробление страны на ряд удельных княжеств. Центробежные тенденции особенно усилились во второй половине XIV в., когда от Тырновского царства отошли северо-западные земли с центром в Бдине (Видине), а также северо-восточные области и часть Причерноморья, во главе которых стояли деспоты Добротица и Иванко. Политическая раздробленность страны усугублялась и перекройкой владений Тырновской патриархии: под церковной юрисдикцией Константинополя находились Бдинская митрополия и ряд территорий Причерноморья. Болгария вела частые неуспешные войны со своими соседями, Сербией и Византией. После неудачной для болгар Вельбуждской битвы (1343) с армией сербского короля Стефана Душана (1331–1345) их позиции еще более ослабли. Пока эти христианские государства силились одолеть друг друга, из Азии на Балканы надвигалась страшная угроза в лице османских завоевателей. В 1352 г. турки переправились через Дарданеллы, пядь за пядью поглощая земли балканских народов. Попытка сербских деспотов, братьев Вукашина (1366–1371) и Углеша (неизв. –1371) разбить завоевателей у Черномена на реке Марице (1371) окончилась сокрушительным разгромом сербского войска и гибелью обоих его предводителей. Книжник Исаяя Серский писал, что после Черноменского сражения «измаильтяне полетели по всей земле, как птицы по воздуху, и одних христиан мечом закалывали, других в плен уводили, а оставшихся пожирала безвременная смерть». Через несколько лет завоеватели двинулись в болгарские пределы и овладели Пловдивом, Стара-Загорой, Самоковым и Софией. Сербам и болгарам удалось одержать временную победу над османами у Плочника (1387), но неудача лишь подхлестнула неприятеля. Два года спустя на Косовом поле сербская армия потерпела полное поражение, и участь болгар и сербов была предрешена. В 1393 г. после трехмесячной осады пало Тырново, а спустя три года и последний оплот болгарского сопротивления — Видин. Установившееся в стране почти пятивековое османское иго прервало естественный ход болгарского культурного развития.

Вопреки общей неблагоприятной ситуации, Болгария сумела добиться в XIV столетии впечатляющих литературных

достижений. Для литературной жизни той эпохи характерны широкие параметры, которые не совпадали с национальными границами. Афон стал не просто школой для болгарских книжников, но и местом, где создавались книги для отправки в Болгарию. Усилилась и культурно-религиозная близость с византийской столицей и ее окрестными монастырями. Почти все болгарские культурно-религиозные деятели XIV в. прошли афонскую и константинопольскую школы, они прекрасно владели греческим языком, жили в одном духовном ритме со своими блестящими византийскими наставниками. О прочности этой духовной связи ярко свидетельствует один уникальный факт: Константинопольский патриарх Каллист (1350–1354, 1355–1363) создает жития своего единомышленника болгарского исихаста Феодосия Тырновского (около 1300–1362) и другого своего современника, — религиозного мистика Григория Синаита (1256–1346), подвизавшегося на византийско-болгарском пограничье. Присутствие Византии в истории болгарской культуры наблюдалось и прежде, но ранее оно не принимало такое обличье. При этом византийская культура не подавляла болгарскую, а обе они выглядели одинаково равноправными и развивались с одинаковой степенью интенсивности.

Одновременно с расширением ареала распространения болгарской литературы в ней наметилась тенденция к увеличению числа творческих скрипториев. Главным литературным центром по-прежнему оставалось Тырново, куда устремлялся основной поток щедрых пожертвований светских и духовных феодалов. Тырновские столичные и окрестные обитатели, образывавшие своеобразную малую «Святую Гору» (особенно Килифаревская, основанная в 1350 г., и монастырь Св. Троицы), наметили идеологические и эстетические ориентиры болгарского литературного развития. Однако в отличие от предыдущего столетия Тырново перестало быть единственным крупным литературным центром страны. Книгописная мастерская в 30-е гг. XIV в. возникла в Ловече, где располагалась резиденция Ловечского митрополита. Здесь по заказу местного деспота Ивана Александра, будущего болгарского царя (1331–1371), монах Пахомий составил сборник с извлечениями из «Номоканона» и «Шестоднева», поучениями, житиями и апокрифами.

Другой книгописный центр в 60-е годы XIV в. появился в Бдине. Здесь по заказу жены видинского царя Ивана Срацимира царицы Ирины был написан сборник, состоявший преимущественно из житий подвижниц и мучениц. По сути дела, он являл собой первый болгарский «материк» (от слова «матерь») по типу более распространенных в славянском православном мире «патериков».

В этот же период формируются царская и патриаршая библиотеки. За годы правления Ивана Александра книжники создали для него ряд замечательных, богато орнаментированных книг. Среди них — знаменитые «Софийский песнивец» (1337) и «Четвероевангелие» (1337), украшенное 336 миниатюрами и портретным изображением Ивана Александра с членами семьи; перевод хроники византийского автора Константина Манассии (XII в.); так называемый сборник Ивана Александра (1348), написанный священноиноком Лаврентием и содержащий в себе патериковые рассказы, житие Иоанна Милостивого, трактат «О письменах» Черноризца Храбра и другие произведения; сборник, составленный попом Филиппом (1345/1346), содержащий в себе еще один список перевода хроники Константина Манассии, вопросы и ответы Кирилла Александрийского, толкование первого слова «Шестоднева» Севериана Гевальского, сведения о вселенских соборах и другие материалы. К сожалению, не уцелели рукописи, хранившиеся в болгарской патриаршей библиотеке XIV в., — очевидно, они целиком погибли в огне пожаров во время османского нашествия. Имелись тогда в стране и многочисленные монастырские библиотеки: в Килифаревской обители, возникшей при поддержке Ивана Александра близ Тырнова, в столичной обители Св. Троицы, в Рильском, Лесновском и других монастырях.

Отметим попутно, что с именем царя Ивана Александра связано возобновление и дальнейшее развитие в болгарской литературе жанра владетельской похвалы. Составивший похвалу анонимный книжник поместил ее в упомянутом «Софийском песнивце» 1337 г. Она представляет собой трехчастный сплав традиционной приписки к рукописи, отрывка похвального слова и собственно похвалы. Этот сплав очень органичный и выявляется лишь при тщательном филологическом анализе. Первая часть достаточно традиционна и содержит благодаре-

ние Господу за благополучное завершение труда, указание на время окончания работы и сведения о заказчике «Софийского песнивца». Вторая часть слегка напоминает «Похвалу царю Симеону», но это сходство чисто внешнее. В отличие от своего предшественника автор «Похвалы Ивану Александру» подчеркивает не только моральные и нравственные качества своего повелителя, но и особенности его физического облика: Иван Александр — «румяный», «станом стройный», «походкой уверенный», «ликом прекрасный», «очами сладко на всех взирающий». Новым нюансом является в произведении и прославление военных заслуг болгарского царя. Книжника переполняет радость от сознания мощи государя, напоминающего по неукротимости и мужеству Александра Македонского. Иван Александр «державно низложил греческого царя», он сумел завладеть «Несебром и всем Поморьем с Романией, а также Бдином и всем Подунавьем до самой Моравы», именно при нем «селения, земли и сѣла припали к его ногам» и в мире установилась «прочная тишина». Собственно похвала по форме уподобляется акафистным песнопениям. Каждая строчка начинается с восклицания «Радуйся» и образует длинный ритмический ряд с эпитетами в превосходной степени: Иван Александр — «царь царей», «превысокий», «Богом венчанный», «болгарская похвала и радость...» Чествуются не только сам царь, но и его супруга Феодора, царские дети Михаил, Срацимир и двое Асений, столичный Тырновград, все болгарские города и страны. Завершается похвала молитвенными строчками об укреплении болгарской державы и удостаивании царской семьи Царствия Небесного.

Другая похвала тому же владельцу, написанная монахом Симеоном, напоминает развернутую приписку к рукописи. Она помещена в «Евангелии» 1356 г. и посвящена главным образом восхвалению отраженного в книге Божьего слова. А заслуга царя, по словам книжника, заключалась не просто в его повелении выполнить новый перевод Евангелия с греческого языка на славянский и богато украсить рукопись миниатюрами, драгоценными камнями и позолотой. Царь, помимо этого, распорядился выставить ее для всеобщего обозрения и тем самым уподобился византийскому императору Константину и его матери Елене, с чьей помощью был извлечен из земли Иерусалима животворящий Крест Господень.

В течение этого столетия значительно активизировалась переводческая деятельность, размах которой может быть сопоставим с масштабами переводческого дела в период Первого Болгарского царства. Объектами переложения на славянский язык служили сочинения христианских писателей: Марка Подвижника (V в.), аввы Дорофея (VI в.), Епифания Кипрского (IV–V в.), Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова (XI в.) и др. Возрастал интерес и к византийским хроникам, содержащим сведения об истории болгар, болгаро-византийских войнах и дипломатических отношениях. В тот период болгарские книжники перевели хронику Симеона Метафраста (X в.), описывающую события от сотворения мира до 948 г.; хронику Иоанна Зонары (XI — XII вв.), доводившую повествование до 1118 г., а также уже упоминавшуюся хронику Константина Манассии (первая половина XII в. — 1187) — автора многочисленных поэтических произведений. Последняя хроника была примечательна тем, что материалы в ней излагались в стихотворной форме. Константин Манассия использовал 15-тистопный ямб с цезурой после 8 слога и составил обширное произведение объемом около 7 тысяч стихов. Особенности болгарского языка не позволили переводчику точно передать рифму оригинала, но он сумел сохранить его внутренний ритм. Он также сделал ряд добавлений в текст, касающихся истории Болгарии. Им была отмечена победа болгар над византийцами в битве при Онгыле (681), переправа болгар на правый берег Дуная и их постепенное расселение на южных Балканах вплоть до Драча (Дураса) на Адриатическом море, походы хана Крума (803–814), Омуртага (814–831) и царя Симеона против византийцев, сложность болгаро-византийских политических отношений.

Сравнительно подробно переданы известия о ставшем легендарным походе императора Никифора I (802–811) против болгар в 811 г. Вначале ему удалось разбить неприятеля и разграбить болгарскую столицу Плиску, но на обратном пути он попал в засаду и был обезглавлен. Из его черепа хан Крум приказал изготовить окованную серебром чашу, которая наполнялась вином и передавалась по кругу на пирах. Любопытной была для болгар и легенда о крещении Бориса I. По версии книжника, к христианству князя склонила его сестра, попавшая к византийцам в плен и принявшая там крещение. По воз-

вращении домой в результате обмена на плененного византийца Феодора Куфару она сумела уговорить брата принять веру Христову.

Добавления переводчика к хронике завершаются известиями о падении Первого Болгарского царства и установлении византийского владычества. Книжник заострил здесь внимание на завоевании Преслава византийским императором Иоанном I Цимисхием, после чего пленного болгарского царя Бориса II привезли в Константинополь, публично лишили царских регалий, присвоив ему титул византийского магистра (правда, переводчик, словно заново переживая национальное унижение, слегка сглаживает трагизм события замечанием, что у греков это самый высокий титул). Не обошел молчанием книжник и обстоятельства падения Западного Болгарского царства во главе с царем Самуилом (997–1014), войска которого были разбиты императором Василием II Болгаробойцей, приказавшим ослепить 15 тысяч пленных болгар. Помимо богатого фактического материала хроника содержала роскошные иллюстрации. В ней имелось около семи десятков миниатюр со 109 сценами, причем сюжеты 18 из них касались болгарской истории: разгром ханом Крумом императора Никифора, крещение князя Бориса I, пир царя Симеона во время заключения мирного договора в Константинополе и др.

Кроме византийских исторических сочинений, в течение этого столетия в Болгарии стали известны и другие переводные произведения. В их числе знаменитая «Троянская притча», находившаяся в составе Манассиевой хроники; «Повесть о Варлааме и Иоасафе» — легендарное сказание о принятии христианства сыном индийского царя Авенира под воздействием отшельника Варлаама, проникшее на славянский юг, вероятно, из Руси; «Повесть о кровосмешении»; византийская «Повесть о корчмарке Феофане», сохранившаяся только в славянской версии; «Рассказ о происхождении самодив» (фей. — *И. К.*), представляющий извлечение из псевдо-Каллисфеновой «Александрии»; «Рассказы об Эзопе» — отрывки из жизнеописания Эзопа, составленного византийским писателем Максимом Планудом (XIII в.) и др.

Основное направление, в котором развивалась болгарская литература XIV в., можно охарактеризовать как Предвозрождение. Оно не было тождественным западноевропейскому

Ренессансу, а обладало отличными от него чертами. Прежде всего, болгарское Предвозрождение протекало не в светском, как в Западной Европе, а религиозном русле. Его следует рассматривать как попытку избавить церковно-религиозную ритуальность от рутинности и схоластики. Это была попытка обращения к человеку узаконенным и освященным церковью путем: не через отход от церковной религиозности, а через ее переустройство. В основу гуманистического направления легло учение исихастов. Само понятие «исихия», т. е. «молчание», «безмолвие», не являлось чем-то новым и прежде неизвестным. Оно имело давнюю историю и широко применялось в жизненной практике монахов-отшельников. Однако в Византии XIV столетия данное понятие приобрело новое содержательное наполнение. Этому во многом способствовали религиозные деятели Григорий Синаит и Григорий Палама (1296–1359) — главный апологет обновленных исихастских идей.

Исихастам противостояли их идейные противники варламиты — последователи рационалистического учения Варлаама Калабрийского (1290–1348). Разница между ними, однако, оказалась не столь велика, сколь драматизм идейного противоборства, которое привело к созыву в Константинополе особых церковных соборов (1341, 1347, 1351). В их результате варламитство было предано анафеме, а учение Григория Паламы возведено в религиозный догмат и сам он на девятый год после смерти был канонизирован церковью (1368). Варламитство и в самом деле выглядело более светским, гуманистическим, приближенным к ренессансной проблеме человеческой личности. Уже тот факт, что Варлаам являлся учителем Петрарки и о его знаниях похвально отзывался Боккаччо, говорит сам за себя. Но на проверку варламитство и паламитство обернулись двумя сторонами одной медали. Если варламиты ценили Аристотеля и античное наследие, то паламиты, в сущности, выступили приверженцами идей неоплатонизма. Обе противоборствующие стороны благоговейно относились к греческому языку. Общим объектом и у одних, и у других в конечном итоге являлась человеческая личность, хотя они двигались к ней из различных отправных точек. В Византии не произошло резкого разграничения Ренессанса и Средневековья. Античное наследие всегда являлось составной частью ее средневековой словесной культуры. Оно всегда находилось,

так сказать, «под рукой» и в любой момент могло быть извлечено на свет, словно драгоценность из тщательно оберегаемой сокровищницы. Фактически Византия испытала несколько подъемов религиозно-гуманистической мысли, последний из которых, названный по правящей династии Палеологов, начался со второй половины XIII в. Связь с ним болгарской культуры в XIV в. была несомненной. Фрески Боянской церкви, Земенского монастыря, башни Хрелё в Рильской обители, некоторых тырновских церквей и пещерных монастырей вдоль реки Русенский Лом красноречиво свидетельствуют о религиозно-гуманистических тенденциях в культуре Второго Болгарского царства второй половины XIII — XIV вв.

Исихазм проник в Болгарию через Константинополь, Афон, Парорийскую обитель (находившуюся в районе гор Странджи на болгаро-византийском пограничье) и другие византийские монастыри. Его распространителями в стране были уже упомянутый Феодосий Тырновский, пустынножитель Ромил Видинский (начало XIV в. — около 1385), а также Евфимий Тырновский (около 1330–1401). Исихазм преломлялся в болгарской литературе своеобразным образом. Это учение ставило своей целью совершенствование человеческой личности, поднятие нравственной и духовной жизни на качественно новую ступень. Безмолвие служило исихастам средством достижения концентрированного состояния духа. Только в таком состоянии, согласно их учению, можно было приблизиться к глубинному смыслу вещей и явлений. Другим принципиальным положением исихастов была идея Григория Паламы о несотворенном «Фаворском свете». В его основе лежал эпизод о свете, излучаемом Христом и увиденном его учениками во время Преображения на горе Фавор. В соответствии с исихастскими представлениями, при достижении высшей степени духовного совершенства человек способен узреть Фаворский свет, отблески которого могут пасть и на него самого.

Противоречие между молчанием и словом у исихастов было чисто внешним и кажущимся. Молчание не исключало слово, а подготавливало его появление. Слово для исихастов — «святая святых», произнести его или тем более запечатлеть письменно следовало только после духовного очищения и обретения внутреннего совершенства. Назвать вещь словом для исихастов означало придать ей сущность, отгадать кото-

рую нельзя без постижения «невещественного» смысла вещественного. Одно-единственное слово не в состоянии передать всю глубину этого смысла — его возможно отразить словесным «извитием», синонимическими повторами однокоренных слов, игрой его различных словесных граней. Исихазм как бы весь соткан из противоречий. Необходимость раскрепощения человеческого духа причудливо соединяется в нем с жесткой регламентацией духовной жизни. Молчание, безмолвие неожиданно соседствуют с «очищенным» словом, многоглаголанием и «плетением словес». Идеал отшельничества и отрешенности от земной жизни уживается в исихазме с повышенной духовной и социальной активностью.

С этими и другими противоречивыми сторонами болгарского исихазма в значительной мере было связано возникновение так называемой Тырновской книжной школы. Она оформилась в последней четверти XIV столетия и сумела создать свои традиции, которые не оборвались и после того, как страна попала под османское иго. При ее становлении произошло органичное усвоение некоторых тенденций предыдущей литературной эпохи. От XIII в. писатели Тырновской книжной школы позаимствовали такие черты, как патриотизм и особое внимание к историзму. В то же самое время в болгарское литературное развитие ими было привнесено много нового. Эта новизна не заключалась в одном только стиле «плетения словес», использование которого в ряде литератур славянского православного региона (в частности, в древнесербской и древнерусской) нередко оценивается как обыкновенное совершенствование техники слова или своего рода «метафрастика» — т. е. набор приемов блестящего византийского ритора Симеона Метафраста, редактировавшего неискусные литературные сочинения своих предшественников. Разработка этого стиля являлась не самоцелью, а служила проникновением в мир «внутреннего» человека. Отсюда наряду со стремлением к словесной орнаментальности в этом стиле ощущается тенденция к повышенной взволнованности и эмоциональности. Она состоит не просто в наличии риторических вопросов, авторских восклицаний или неприкрытого писательского изумления. Она присутствует, например, в обостренном интересе к природе, которой способны восторгаться не как творением Божиим (ср. «Шестоднев» Иоанна Экзарха), а более «частным»

образом. Автор может, например, обрисовать живописность местности, облюбованной еретиками для своих сборищ. Важной чертой стиля Тырновской книжной школы являлся и автобиографизм. Эмансипация человеческой личности постепенно разрушала типичное для Средневековья правило авторской анонимности. Книжники начинают обозначать свои имена при создании собственных произведений и делать себя их активными персонажами. Поэтому стиль Тырновской книжной школы не сводился к лингвопоэтическому явлению «плетения словес» — это особый «экспрессивно-эмоциональный» стиль, воплощавший в себе новые веяния эпохи.

Наиболее заметной фигурой в литературе эпохи Второго Болгарского царства по праву считается Евфимий Тырновский. По предположению ученых, он происходил из богатого рода тырновских бояр, первоначальное образование получил в болгарской столице и здесь же постригся в монахи. Став одним из любимых учеников Феодосия Тырновского, он известное время провел в Килифаревском монастыре, а затем вместе с учителем отправился в Константинополь, где совершенствовал свои знания в монастырях св. Маманта и Студийском. Большое воздействие на взгляды Евфимия как переводчика и писателя оказало пребывание его на Святой Горе, где он прожил несколько лет.

В библиотеках Зографского и Хилендарского монастырей он знакомился с памятниками болгарской, русской и сербской литературы. В XIV столетии на Афоне трудились многочисленные переводчики и переписчики, такие как старец Иоанн, Мефодий Святогорец и др. Их новые переводы богослужебных книг (Евангелия, Апостола, Псалтыри, Октоиха), несомненно, попали в поле зрения Евфимия, что доказывает его последующая деятельность. Духовная карьера писателя однажды едва не прервалась: за отказ признать подготавливаемую византийским императором унию между Восточной и Западной церквами он был сослан на о. Лемнос в Эгейском море, где находился в заточении несколько месяцев. Но всё же судьба была милостивой к Евфимию. Он благополучно перенес испытание и в 1371 г. возвратился в Болгарию, обосновался в расположенном неподалеку от Тырнова монастыре Св. Троицы и снискал расположение царя Ивана Шишмана (1371–1393). Через несколько лет его избрали Болгарским патриархом (1375–1393), и в

условиях феодальной раздробленности страны он фактически превратился в одну из главных болгарских политических фигур.

Пользуясь поддержкой болгарского царя, Евфимий Тырновский предпринял грандиозное «исправление книг» в Болгарии. Основным объектом реформ послужили переводы литургических текстов. Их ревизия вершилась с целью устранения двусмысленности при толковании того или иного места сакральных текстов и создания своеобразного заслона для возникновения ересей. «Непоколебимая сила догмы» должна была достигаться посредством проникновения в суть каждого слова евангельских и святоотеческих текстов. И эту суть следовало четко обозначить лексически, орфографически и синтаксически. Если слово имело несколько значений, то в каждом конкретном случае его употребления следовало строго определить требуемое значение при помощи особого правописания. Для этого вводились ударения и надстрочные знаки по образцу греческой азбуки, устанавливались правила использования носовых гласных, «ера» и «еря», создавалась новая славянская богословская терминология, которая часто представляла собой непосредственные кальки с греческого языка.

Реформа Евфимия обладала рядом достоинств. Среди них в первую очередь можно упомянуть стремление к созданию унифицированной нормы литературно-книжного языка, возникновение многочисленных переводческих и книгописных центров, усиление внимания к каллиграфии и искусству художественного оформления книги. Но наряду с ними она имела и отрицательные стороны. По сути дела, «исправление» являлось своеобразным возвратом к «классическому» правописанию времен Кирилла и Мефодия. Язык литературных переводов отягощался множеством буквализмов, позаимствованных из греческого. Новые переводные тексты были трудными для понимания, ибо в результате реформы увеличилась дистанция между литературно-книжным и живым разговорным языком. Усилилась и церковная цензура: работа скрипториев контролировалась «недреманным оком» патриарха, и в этот период в Болгарии почти не переводятся памятники светской литературы других народов. К тому же авторитет Евфимия был настолько велик и настолько довлел над книжниками, что сковывал их творческую инициативу.

Первоочередной задачей реформы, как уже отмечалось выше, было исправление богослужебных текстов. Под непосредственным руководством Евфимия и им самим были переведены с греческого языка Устав литургии Иоанна Златоуста, Введение к литургии, написанное последователем исихазма Константинопольским патриархом Филофеем (1353–1354, 1364–1376), литургия Иоанна Златоуста, литургия Василия Великого, литургия Преждеосвященных даров. Евфимию Тырновскому также приписывают переводы литургий апостолов Иакова и Петра. Кроме того, он перевел шесть молитв Константинопольского патриарха Филофея об избавлении от мора, ниспослании дождя и др. Значительно расширил Евфимий и «Борилев синодик», куда были включены дополнительные статьи с постановлениями вселенских церковных соборов, славословия в честь царя Ивана Шишмана, анафемы болгарским и византийским еретикам Акиндину, Варлааму, Фудулу и т. д.

Большой вклад внес Евфимий в развитие болгарской агиографии. Им было составлено четыре жития: Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Петки Тырновской и Филофеи Темникской. Для евфимиевских житий характерно наличие витиеватого стиля «плетения словес», использование приемов амплификации (повторов однокоренных слов, синонимов, антитез, анафор и т. п.), употребление перифраз, моментов, связанных с исихазмом. Беря за основу древние жития подвижников, созданные литературными предшественниками, Евфимий стремился переделать их «по лепоте», создать праздничный настрой души у читателей и слушателей. В написанных им житиях святых он ведет себя как опытный проповедник, великолепно владеющий словом. Евфимий создает особую доверительную атмосферу общения со своим читателем. Он напрямую обращается к нему и относится как к дорогому гостю, которого нужно попотчевать изысканной духовной пищей. Обычно Евфимий снабжает жития своих предшественников пространными вступлением и заключением с небольшой похвалой. Он расширяет тексты за счет использования сложных риторических фигур, вставляет в повествовательную ткань молитвы, послания, сочиняет диалоги между действующими лицами.

Примером здесь может служить евфимиевское «Житие Ивана Рильского». Обращаясь к древним житиям подвижни-

ка (народному, проложным и написанному Георгием Скилицей), книжник критически перерабатывает имеющиеся в них материалы. Ему явно не интересны данные в житии Скилицы, носящие провизантийский характер, не удовлетворяет его и чрезмерная лаконичность проложных житий пустынножителя. Не соответствует взыскательному вкусу Евфимия и народное сказание о подвижнике, написанное, по его собственному определению, «грубо и неискусно». Он предваряет свое житие пространством вступлением с проповедью пользы от чтения агиографии и призывом заботиться о «невещественной, неисчерпаемой, душеполезной и нетленной пище». Если в других житиях ничего не говорится о родителях и детстве Ивана, то Евфимий сразу же заводит о них речь, подчеркивая благочестивость ивановского рода и сочиняя строчки о заслуживающем подражания набожном поведении святого в детском возрасте. Движимый тенденцией к «абстрагированию», Евфимий избегает в своем повествовании использовать географические названия областей, где подвизался часто перемещавшийся пустынножитель.

Особого внимания заслуживает переработка Евфимием эпизода о встрече Ивана Рильского с болгарским царем Петром, позаимствованного книжником из народного жития святого. С одной стороны, патриарх пытается придать этой встрече более этикетный, ритуальный характер. Если в народном сказании Иван отказывает царю в личной встрече и передает устное напутствие через ловчих, то в евфимиевском произведении возникают тексты посланий, которыми якобы обменялись государь и подвижник. И здесь проявилась позиция Евфимия по вопросу о взаимоотношении церкви и государства. В наставительном письме отшельника царю Петру помещены недвусмысленные строки: «Валяйся в ногах твоей матери, Церкви! Усердно припадай на колени и склоняй голову перед ее Первопрестольником...» Если в «Бориловом синодике» просматривается идея о верховенстве светской власти над церковной, то теперь положение изменилось. В условиях феодальной раздробленности Болгарский патриарх становится главной объединительной фигурой отечества.

Помимо житий, Евфимием были написаны и четыре похвальных слова: Иоанну епископу Полиотскому, Михаилу Воину Потукскому, равноапостольным Константину и Елене и ве-

ликомученице Неделе. Иллюстрацией той манеры, в которой Евфимий переделывал и расширял проложные жития своих предшественников, создавая похвальные слова, может служить «Слово похвальное Михаилу Потукскому». Оно, правда, несколько необычно тем, что автор приурочил его к празднику Введения Богородицы во храм, отмечавшемуся 21 ноября — одним днем раньше памяти святого. Это придало неожиданное звучание произведению в связи с появлением второго тематического центра повествования. Торжественность предыдущего события (Введение Богородицы во храм — один из наиболее значительных богородичных праздников) как бы отодвигает фигуру Михаила Воина на задний план в глубину авансцены. Богородице посвящена основная часть вступления, ей же адресуются и восторженные эпитеты, позаимствованные из акафистных песнопений. И лишь только затем книжник приступает к похвале Михаилу Потукскому.

Жанр похвального слова принуждал Евфимия избегать конкретных деталей, бытовых подробностей и всего того, что, по его мнению, могло отвлечь слушателя от главного — торжества и ликования по случаю праздника. Книжник поэтому опустил точное указание на возраст подвижника (25 лет) и умолчал о сцене, в которой Михаил рассердился на своего слугу за долгое отсутствие и подгоревшую пищу (беседуя с девушкой, предназначенной дракону на съедение, слуга забывает о готовящемся для его господина кушанье). Его также явно не устраивал и эпизод проложного жития, в котором подвижник обращался к воинам с призывом сразиться с драконом, но те не подчинились приказу своего военачальника. Михаил, как и подобает герою похвального слова, проявляет себя крайне благочестивым и набожным. Если в проложном житии герой молится лишь единожды (перед битвой с агарянами и эфиопами) и его молитва обозначена лишь начальной фразой, то у Евфимия он проделывает это неоднократно. Михаил долго молится перед сражением, и многочисленный противник повержен благодаря его молитве и свершившемуся чуду — агарянское войско рассеяно непрерывными раскатами грома и молниями. Проявляет Михаил и проповеднический талант. Во всяком случае, после поединка с драконом и спасения девушки подвижник не просто возвращает ее в город, но и поучает и наставляет вере Христовой всё городское население. В то же

самое время Евфимий не считал возможным повторять явно неправдоподобные факты из анонимного проложного жития. Он более чем в четыре раза уменьшил размеры дракона, шея которого якобы возвышалась над поверхностью озера на 20 саженьей.

Завершается похвальное слово небольшим поучением пастве и краткой молитвой подвижнику.

К творческому наследию Евфимия Тырновского относятся также четыре послания церковно-религиозным деятелям: афонскому священноиноку Киприану (около 1330–1406), ставшему впоследствии митрополитом Московским; Никодиму Тисменскому (около 1325–1406) — афонскому воспитаннику, основателю монастыря Водица и игумену Тисменской обители; и Угро-Влахийскому митрополиту Анифму (около 1335–1402), подвизавшемуся ранее на Афоне. Эпистолярная деятельность Евфимия, очевидно, была достаточно активной. Так, из первого послания Никодиму Тисменскому (второе послание дошло до нас как фрагмент) видно, что два иерарха обменивались регулярной корреспонденцией, прерванной по причине «лютой смуты» и «хаоса». Однако следов ее не обнаружено: большинство копий евфимиевских посланий, хранившихся в тырновской патриаршей канцелярии XIV в., скорее всего, погибли в результате османского нашествия.

Внес свой вклад патриарх Евфимий и в развитие болгарской гимнографии, составив службы Феофане и, видимо, Петке Тырновской (по мнению ученого С. Кожухарова). Служба Феофане — византийской императрицы XI в., частицы мощей которой были перенесены в Тырново, восхваляла ее как хранительницу и заступницу болгарской столицы. В этом отношении её культ несколько перекликается с культом Димитрия Солунского на болгарской земле. Еще раньше, в период становления Второго Болгарского царства, правящие властители из династии Асеновичей пытались превратить Димитрия Солунского в небесного покровителя престольного града Тырнова. Для этой цели из Фессалоник была доставлена чудотворная икона великомученика.

К числу других болгарских авторов, творивших на родине во второй половине XIV в., относится Иоасаф Бдинский. Данные о его жизни отсутствуют. Можно полагать, что в юности он стал монахом, а затем благодаря способностям попал в

поле зрения видинского царя Ивана Срацимира. В 1392 г. по царскому настоянию Иоасаф был поставлен Константинопольским патриархом в Видинские митрополиты, что фактически закрепило уже существующий статус-кво: как уже говорилось, эта митрополия подчинялась не Тырнову, а Константинополю.

Неизвестно, был ли Иоасаф Бдинский непосредственным учеником Евфимия Тырновского, но влияние на него последнего бесспорно. Оно отразилось в похвальном слове св. Филофее, созданном вслед за падением Тырнова. Произведение было написано по вполне конкретному поводу. Приблизительно через полтора года после разгрома болгарской столицы османами Иоасаф Бдинский отправился в Тырново с царским сыном Константином и добился разрешения на перенесение мощей преп. Филофеи в Видин. 28 мая 1395 г. при огромном стечении видинских жителей в присутствии царской семьи владыка произнес торжественное слово в честь новой покровительницы города. Его текст, вероятно, и составил основу упомянутого сочинения.

Литературные приемы Бдинского митрополита мало чем отличаются от евфимиевских. Схожа и тенденция у двух иерархов к слиянию жития и похвального слова. Она проявилась уже в самом названии произведения, озаглавленного как «Слово похвальное, житие и отчасти чудеса преподобной и блаженной матери нашей Филофеи». Подобно Евфимию бдинский книжник окаймляет жизнеописание подвижницы пространством введением и похвалой, отдельные его пассажи буквально повторяют евфимиевские жития св. Петки и Филофеи. Одновременно Иоасаф не копирует слепо евфимиевские тексты. Он делает свои добавления, создает новые смысловые акценты, сокращает некоторые места, если они кажутся ему не подходящими для случая. По его замечанию, он воспользовался также текстом службы Филофее, написанной в конце XIII — первой половине XIV в. Неизвестно, откуда он позаимствовал часть данных о Филофее, отсутствующих в выявленных наукой источниках. Так, книжник приводит первоначальное имя, полученное подвижницей при крещении: «Салима», что означает 'благодатная, тучная земля'. Видимо, желая как можно выше поднять авторитет Филофеи, он пишет, что преподобная происходила не просто из патрицианского, а царского

рода. Вероятно, при написании похвального слова Иоасаф не сверялся постоянно с евфимиевскими текстами, а передавал некоторые отрывки из него по памяти. По этой причине в его произведении имеется ряд разночтений. Так, по евфимиевской версии, жених преподобной Константин был избран в чтецы церковного клира после свадьбы, а по иоасафовской — до нее. Отец святой, по утверждению Тырновского патриарха, умер вскоре после свадьбы, а у Иоасафа — через шесть лет. Подобно Евфимию, бдинский книжник пишет, что град Моливот находился у озера, но добавляет его название — «Богатое» и отмечает наличие в нем множества островов. Он также ослабляет «демонологическую» евфимиевскую линию, опуская дьявольские наваждения типа явлений святой зверей и гадов, устрашающего землетрясения или бесовского стука в филофеевской келье. Жанр похвального слова принуждал книжника опускать диалоги, переводить прямую речь в косвенную и прибегать к описательности. Иногда это приводило к неожиданному результату. Сократив диалог между недужным и Филофеей посредством устранения из него библейских слов Христа к одному из страждущих, Иоасаф, возможно ненамеренно, тем самым трансформировал образ подвижницы и сделал его более мягким и человечным.

Ряд эпизодов был устранен им, очевидно, не случайно. Почти целиком изъял он из своего повествования описание обстоятельств перенесения мощей Филофеи болгарским царем Калояном, перечень его славных побед, торжественную встречу ковчега в Тырнове и приветственную речь патриарха. Рассказ об этом был неуместным не только по этическим соображениям. Перенесение мощей из бывшей болгарской столицы в Видин трактуется как своеобразное принятие политической и церковно-религиозной эстафеты от Тырнова. Поэтому описание переговоров Калояна с крестоносцами о передаче мощей подвижницы и его благочестивые размышления о преходящем и непреходящем в этой жизни почти дословно заимствуются Иоасафом у Евфимия. Они используются им в произведении с той лишь разницей, что Калояна сменяет в нем бдинский царевич Константин, а само действие разворачивается не в Цареграде или Амореи Памфилийской, а в Тырнове. Точно так же дословно позаимствован и пассаж о встрече мощей преподобной с заменой Тырнова на Видин.

Чувство единства болгарской земли у Иоасафа заметно ослаблено. Пересечение процессией границы между Тырновским и Видинским царствами характеризуется книжником как переход из одной страны в другую. Тем не менее в своем произведении он посвящает падению Тырнова много драматических строк. Он не был очевидцем штурма города и последовавших затем событий, но рассказы об этой трагедии произвели на него глубокое впечатление и отразились на тоне повествования. Иоасаф Бдинский сравнивает падение болгарской столицы с опустошением Иерусалима. Перефразируя предсказания библейского пророка Иеремии о неминуемом наказании сынов Израилевых за грехи, книжник пишет, что при завоевании Тырнова кровь людская лилась, как вода, и падали сраженные мужчины от мала до велика, и некому было их погresti. Согласно Иоасафу, город постигло «полное страшное разорение»; «архиереи», «граждане» и «людские толпы» подвергались гонению, глумлению и мучениям. Слава Тырнова померкла, ибо «святая святых» нечестивые попрали ногами. Обесчещенные и поруганные тырновцы зывали к земле и небу о сострадании. Своеобразным предостережением остальным болгарам звучали вложенные им в уста побежденных слова: «Видя наше страдание, устрашитесь!»

Особое негодование книжника вызывают те соплеменники, кто, не выдержав испытания, перешел в магометанскую веру. И таких, по его свидетельству, было немало — одни из чувства страха, другие — уступив увещеваниям врагов или соблазнившись обещанием благ, третьи перешли на сторону завоевателей по простоте душевной, поддавшись обману или подписав коварно составленные бумаги.

Одним из первых сообщает Иоасаф о дальнейшей судьбе патриарха Евфимия Тырновского. «Светило из светил» завоеватели отправляют в заточение, лишая верховного пастыря общения со своим стадом и того, в чем оно так нуждалось, — духовного утешения. «И многие говорили тогда: „Лучше бы солнце погасло, чем замолк Евфимиевский язык!“» — заканчивает свое повествование об участии тырновского владыки бдинский книжник.

Османский смерч, пронесшийся по болгарской земле, уничтожил почву, на которой произрастали национальные культурные всходы. Крупные болгарские землевладельцы час-

тично погибли в военных столкновениях, частично приняли ислам, перейдя на сторону завоевателя, или были сосланы с семьями в Малую Азию. Местные иерархи были истреблены турками или покинули свои насиженные гнезда и перебрались в соседние православные страны: Сербию, Молдавию, Валахию и Византию. Патриарх Евфимий Тырновский, как уже сообщалось, подвергся гонению, ссылке и вскоре умер. В борьбе с захватчиками пал болгарский царь Иван Шишман. Страшный урон был нанесен важнейшим болгарским скрипториям, где хранились тысячи средневековых рукописей — памятники литературы и письменности. В огне пожарищ погибли библиотеки и архивы болгарских царей, патриархов и митрополитов. Всё это привело к подрыву организационных основ культурной жизни и ее временному затуханию. В первой половине XV в. на территории бывших болгарских княжеств и в Тырнове не создавались новые оригинальные сочинения. Книжная деятельность заключалась в переписывании крайне ограниченного количества богослужебных книг. Но евфимиевские традиции оказались удивительно живучими. Их продолжали реализовывать единомышленники, ученики и последователи Евфимия, очутившиеся за пределами родной земли.

Одним из таких последователей Евфимия являлся болгарский книжник Киприан (около 1330—1406). По мнению исследователей, его жизненный путь, по крайней мере вначале, весьма напоминал евфимиевский: рождение в Тырнове, обучение в Килифаревском монастыре, поездка с Феодосием Тырновским в Константинополь, духовное совершенствование в монастырях св. Маманта и Студийском, многолетнее пребывание на Афоне. Затем жизненные дороги Евфимия и Киприана разошлись. Первый возвратился в Болгарию и был избран патриархом, а второй приглянулся Константинопольскому патриарху Филофею и сделался его келарем. В 1373 г. Киприан был послан в Литву для решения спорных вопросов и позднее стал митрополитом «всёя Руси».

Находясь у церковного кормила, Киприан прилагал усилия по централизации русской церкви. Ему удалось значительно ослабить церковную автономию Новгорода и Пскова и подчинить их Москве. Он также сумел распространить свою власть на Галицию и даже Молдавию и Валахию, несмотря на недовольство Константинополя. С его именем связывают введение

на Руси нового церковного (Иерусалимского) устава и реформу церковного пения. Не исключено, что Киприан также имел отношение к переходу Руси с «мартовского» года на «сентябрьский».

При реформе русского богослужения Киприан шел по стопам своего единомышленника патриарха Евфимия Тырновского. Корпус литургических книг, введшихся им на Руси, был таким же, что и в тогдашней Болгарии: Устав литургии Иоанна Златоуста, написанный Константинопольским патриархом Филофеем; литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого, Учительное Евангелие упомянутого Филофея и его молитвы Св. Духу, об избавлении от поганых и т. д. Неизвестно, привез ли с собой Киприан богослужебные книги на Русь сразу или вытребовал их позднее из Болгарии или афонских монастырей. Он мог запастись ими и во время своих поездок в Константинополь в 1379 и 1387 гг. с целью заручиться поддержкой византийского патриарха в борьбе против московских властей, которые оспаривали его право на Московскую митрополицию кафедры. В первый раз путь Киприана лежал через Болгарию, где он встречался с Евфимием Тырновским. Возможны и комбинации всех трех вариантов. Во всяком случае, в архивах России хранится много рукописей, подписанных именем Киприана. Несколько из них традиционно считались автографами этого иерарха: Лествица Иоанна Синайского, Псалтырь с воследованием, Служебник и сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита. Кодикологический анализ показал, однако, что большинство из них писаны не киприановской рукой, а более поздними русскими писцами. При этом они использовали автографы этого болгарского книжника. Не всегда ясно, сам ли Киприан выполнил множество переводов с греческого или он прибегал к готовым переводным тырновским и афонским текстам и позднее побуждал русских писцов делать с них копии. Они трудились в селе Голенищеве — любимой подмосковной резиденции Киприана, где он часто останавливался для отдохновения после политических и церковных перипетий. Не вызывает сомнения лишь его намерение придать своей реформе масштабный характер.

Большое значение для культурных связей России с южными славянами имела Киприановская псалтырь с воследованием. В ее синаксаре помещались славословия в честь не только

общехристианских праздников и святых, но южнославянских подвижников: Ивана Рильского, Илариона Мыгленского (праздник перенесения мощей из Мыглена в Тырново), Иоакима Осоговского, Саввы и Симеона Сербских и другие. Это обстоятельство способствовало распространению их культа в Русской земле и усилению интереса к духовной жизни своих единоверцев. Киприану также приписывается составление расширенной редакции «Индекса запрещенных книг», широко распространившейся у восточных славян.

Около 1381 г. Киприан написал «Житие митрополита Петра», взяв за основу сочинение анонимного русского книжника XIV столетия. Выбор этой темы не был для него случайным. И не только потому, что Петр являлся первым Московским митрополитом (1308–1326) и его популярность в Северо-Восточной Руси была исключительно велика. Создавая это произведение, Киприан желал провести историческую параллель между сложной судьбой этого русского святителя и своей собственной, так как перипетии вступления на Московскую митрополицию кафедры у Петра и Киприана были удивительно схожими.

Житие митрополита Петра в редакции Киприана едва ли можно связывать с евфимиевским стилем «плетения словес». Изложение материала в нем подчинено киприановским политическим амбициям. Автор заботится не об облачении святителя в торжественные одежды, украшенные словесными кружевами, а о доказательстве своего права стать Московским митрополитом. Несмотря на утверждение книжника о помещении им в конце жития похвалы, таковой в нем фактически не обнаруживается. «Похвала» представляет собой краткую житийную концовку, которая ничем не отличается от житийных завершений в византийской и русской литературе предшествующих эпох.

Другую тональность имеет киприановская «Похвала митрополиту Петру», обычно помещавшаяся отдельно от жития. Она была создана для произнесения в кремлевском Успенском соборе в день памяти святого, праздновавшийся ежегодно 21 декабря. Уже во вступлении Киприан предупреждает читателя, что будет писать «по лепоте», и преподносит ему торжественный зачин, который определяет тон дальнейшего повествования. Книжник использует приемы приверженцев Тырновс-

кой литературной школы, извещая, что будет хвалить «сладкое сладчайшим, красное краснейшим, а славное славнейшим». Написание похвалы, по его утверждению, есть составление букета из ароматнейших цветов, которые, собранные вместе, издают еще более тонкое благоухание.

В соответствии с тенденцией слияния жития и похвального слова Киприан повторяет в своем сочинении основные биографические моменты митрополита Петра: рождение, основание монастыря, борьба за митрополичий престол, посмертные чудеса. Но они подаются не детально, а скорее номинативно. Для автора важны не подробности, а взволнованно-эмоциональные оценки жизненного пути Петра. Так, он опускает перечень чудес святителя и говорит о них очень обще. В то же самое время он не мог не остановиться на пророчестве митрополита, сказанном им князю Ивану Даниловичу Калите, ибо оно касалось как проблемы взаимоотношения светской и церковной власти, так и будущей политической роли Москвы. Послушание сюзерена первому церковному архиерею, по убеждению Киприана, есть одно из главных условий процветания державы. Иван Калита послушался святителя и построил по его настоянию кремлевский Успенский собор. Поэтому, по мысли Киприана, начала сбываться и вторая часть петровского предсказания, в котором говорилось: «И град сей (Москва. — *И. К.*) будет славен во всех городах русских, и святители будут жить в нем, и дотянутся руки его до спин врагов его». Факты из жизни митрополита Петра часто перемежаются восхвалением его достоинств. При этом, подобно Евфимию, книжник постоянно прибегает к синонимическим повторам, употреблению однокоренных слов, внутренней рифме. Так, повествуя о торжестве дня — праздновании успения московского чудотворца, Киприан создает настоящее ожерелье из адресованных своему герою блестящих эпитетов: «дивный между святителей священнейший Петр, прежний светильник, трудоположник и чудотворец земли русской Петр — доблестного благочестия ветвь, Петр — апостольский ревнитель, Петр — церковное утверждение, Петр — обличитель еретиков, Петр — благоверия праведник». Апофеоза восхваления книжник достигает в конце произведения при помощи анафорического ряда. Каждое из 15 хвалебственных предложений начинается с глагола «Радуйся», что сближает эту часть слова

с гимнографией и превращает сочинение Киприана в истинный гимн московскому святителю.

«Слово похвальное митрополиту Петру» является ярким свидетельством принадлежности книжника к Тырновской книжной школе и переноса южнославянского стиля «плетения словес» на русскую почву.

Сохранилось также несколько посланий Киприана. Однако было бы ошибкой связывать их с таким явлением, как стиль «плетения словес». Стилистическая окраска киприановских посланий варьировалась в зависимости от адресата, конкретного повода написания и сопутствующих ему обстоятельств. Подобно Евфимию Тырновскому, его единомышленник тонко чувствовал стилевые уровни и умело соотносил их со стоящей перед ним задачей. «Бытовыми» по стилевому уровню являются послания Киприана к игуменам Троицкого и Симоновского монастырей, Сергию (Радонежскому) и Феодору, датированные 3 июня и 19 октября 1378 г. Несколько по-иному звучит послание Киприана, датированное 23 июня 1378 г. Оно было адресовано не только игуменам Сергию и Феодору, но и всем, кто «единомудрен» с ними, и, следовательно, предполагало распространение его в московских кругах. В нем наблюдается смешение плавно переходящих друг в друга стилистических пластов. Стержень послания составляет детальное церковно-юридическое обоснование прав Киприана на престол митрополита всея Руси. Книжник проявляет сообразное его рангу знание необходимой литературы. Он легко цитирует соответствующие разделы и места из постановлений церковных соборов, посланий византийских патриархов и Священного Писания о недопустимости вмешательства светской власти в дела церкви и о незаконности прижизненного назначения митрополитами своих преемников. Обильное цитирование этих источников занимает более трети киприановского произведения и напоминает церковно-полемический трактат. Смысл его весьма прозрачен: оно неопровержимо доказывает неправоту князя Дмитрия Донского, его сторонников и главного киприановского соперника Митяя. Наказания за эти действия полагались самые тяжелые, вплоть до отлучения от церкви и предания анафеме. Киприан сознательно не опускает эти суровые приговоры, повторяя их многократно. Тем самым он совершает опрометчивый, недипломатичный шаг. Подоб-

ные материалы были скорее уместны в грамоте Константинопольского патриарха, а не его ставленника, борющегося за свои права. Киприану удалось окончательно занять Московскую митрополичью кафедру только после смерти князя в 1390 г.

Несдержанность Киприана имеет свое объяснение. При попытке нелегально проникнуть в Москву он был схвачен людьми воеводы Никифора, ограблен и брошен в одиночную камеру, где его держали в голоде и холоде более суток. Ограблению и глумлению подверглись и киприановские слуги, которых полураздетыми выдворили из города. Эмоциональный и полный трагизма рассказ об этом помещен в начале послания, а само оно завершается пассажами Киприана об абсолютной недопустимости такого отношения к себе — патриаршему послу из Константинополя. Эта часть по стилю аналогична начальной и интонационно с ней совпадает. В ней книжник перечисляет все свои заслуги в течение двухлетнего пребывания в Киеве и Литве: оживление церковной жизни, возведение новых храмов, обращение в веру Христову язычников, освобождение русских пленных, постоянное «доброхотение» к Дмитрию Донскому, поминание его имени при пении «многая лета» и т. п. Проявив себя талантливым стилистом, Киприан продемонстрировал блестящее умение использовать образцы деловой письменности при повествовании о личных невзгодах. В жанрово-стилистическом отношении указанные части данного послания стоят ближе к житию протопопа Аввакума (XVII в.), чем к творениям приверженцев стиля «плетения словес».

Киприана следует считать основоположником второго «южнославянского влияния» на Руси, но его вклад в этот процесс иногда значительно преувеличивается. Ни в житии митрополита Петра, ни в киприановских посланиях не доминирует стиль «плетения словес». Более отчетливо присутствует он в «Слове похвальном митрополиту Петру», но оно не получило широкого распространения в русской рукописной традиции. Главным зачином Киприана в этом направлении было введение на Руси новых переводов богослужебных книг и популяризация среди русского населения ряда имен южнославянских подвижников, которые были зафиксированы в синаксаре его Псалтыри.

Гораздо бoльшим был вклад в культурные связи между южными славянами и Русью Григория Цамблака (около 1364–1420). Он в одинаковой степени считается «своим» писателем среди болгар, сербов, молдаван и русских. Цамблак происходил из богатого рода тырновских бояр, служивших болгарским царям, начиная с XIII в. Первоначальное образование книжник получил, очевидно, в Тырнове, будучи одним из учеников Евфимия Тырновского. Затем он, вероятно, продолжил свое образование на Афоне, в константинопольских монастырях и сумел заслужить благосклонность византийского патриарха Матфея. В 1401 г. Цамблак был послан им в Молдавию по церковным делам и там он побудил воеводу Александра Доброго (1400–1432) и архиепископа Иосифа (1402–1409), начать канонизацию местных молдавских святых. Цамблак использовал местные легенды о молодом трапезундском торговце Иоанне, умерщвленном татарами в 1330 г. в Аккермане (Белгороде днестровском). По инициативе книжника останки Иоанна были перенесены в молдавскую столицу Сучаву и преданы торжественному погребению. Для утверждения культа новоявленного святого Цамблак составил житие и службу мученику. «Житие Иоанна Нового Белгородского» было рассчитано на неискушенного читателя и слушателя. Оно явилось первым оригинальным агиографическим памятником славяно-молдавской литературы. Поэтому, несмотря на традиционную житийную трехчастную структуру (введение, основная часть и похвала), произведение лишено чрезмерной эстетической изощренности и словесной виртуозности. По исполнении патриаршего поручения Цамблак не вернулся в Константинополь, а остался в Молдавии, сделавшись пресвитером молдовлахийской церкви. Ряд ученых полагает, что впоследствии он несколько лет провел в Нямецком монастыре (северные Карпаты на территории Румынии) и стал его игуменом. Этот монастырь поддерживал тесные связи с Болгарией, и его насельники являлись приверженцами традиций Тырновской книжной школы. Цамблак, таким образом, попал в родственную среду и мог совершенствовать свое словесное мастерство.

До сих пор не уточнены годы пребывания Цамблака на сербской земле. Одни исследователи считают, что оно приходится на конец XIV столетия и до 1401 г. Другие полагают, что его пребывание там имело место между 1406 и 1408 гг. Не ис-

ключено, что он жил в Сербии более продолжительное время, хотя и с известным перерывом. Последняя точка зрения выглядит более правомерной, ибо Цамблак был поставлен монахами игуменом знаменитого Дечанского монастыря. Это противоречит мнению об эпизодичном нахождении книжника на сербской земле. Не подлежит лишь сомнению, что Цамблаком было написано несколько произведений на сербскую тему. К ним относятся житие и служба Стефану Дечанскому, а также рассказ о перенесении мощей Петки Тырновской в Видин и Сербию.

В «Рассказе» имеется много сведений о болгарской жизни конца XIV в. Но вначале необходимо охарактеризовать произведение в жанровом аспекте. Оно невелико по объему и задумывалось книжником не как самостоятельное сочинение, а как своеобразное дополнение к житию Петки, написанному его учителем Евфимием Тырновским. «Рассказ» обычно распространялся вместе с этим сочинением и не обладал собственным названием. Он помещался непосредственно в тексте евфимиевского жития между повествованием о перенесении мощей Петки в Тырново и похвалой преподобной. Цамблаку пришлось поэтому слегка подредактировать предыдущие строчки Евфимия, чтобы устранить следы монтажа текстов. Тем не менее переписчики были прекрасно осведомлены об авторстве «Рассказа» и при снятии копий жития Петки оставляли пометки на полях напротив соответствующих пассажей: «патриархово» и «Цамблаково».

Добавление книжника в целом лишено историзма. Он не указывает даже точной даты перенесения мощей преподобной в Сербию (на основании косвенных исторических данных это событие датируется промежутком между 1398–1405 гг.), а сосредоточивается на эмоциональной стороне дела. Повествование начинается с того момента, когда наущаемый дьяволом «варварский царь» Баязид словно обыкновенное гнездо разорил болгарские пределы и подступил к Тырнову. Но его пыл поубавился при виде «неприступности того места, огражденного стремнинами высоких гор и холмов, укрепленного мощными стенами и хранимого изнутри всечестными мощами преподобной». Только собственная греховность тырновцев сокрушила неприступные стены Тырнова и передала город в руки тех, кто уже не верил в успех. Цамблак отказывается от описа-

ния ужасных картин разгрома столицы завоевателями, но не потому, что не был их очевидцем. «Если, следуя вашему желанию, подробно опишу я, что тогда там творилось, — пишет он далее, — предвижу, что ввергну вас в печаль и слезы. Потому ради торжества дня для пользы, а не для рыданий, умолчу я о случившемся».

Более многословен Цамблак, касаясь пребывания мощей Петки в Видине и падения города. Здесь он более последовательно воссоздает канву реальных исторических событий, его стиль становится лаконичным, напоминая летописный. Цамблак заводит речь о попытке венгерского короля Сигизмунда (1389–1436) вступить в противоборство с турками. Предводительствуемые королем «угры» благополучно переправились через Дунай, заняли Видин и Никополь, чем вызвали мгновенную реакцию Баязида. Султан спешно двинул свои орды из Византии на север и в битве при Никополе наголову разбил венгров, причем большая часть их войска утонула в Дунае. Развивая успех, Баязид направился к Видину и завладел им при помощи коварства. Цамблак с возмущением рассказывает, как поддавшийся на уловку врага Иван Срацимир вышел из стен города, но был пленен и отправлен связанным в Брусу. Туда же отвезли и несметные богатства видинского царя.

Вторая часть цамблаковского «Рассказа» связана с сербской действительностью. В ней описаны обстоятельства перенесения мощей Петки в Сербию по ходатайству сербских княгинь Милицы и Евфимии. Она более риторична и исполнена восхваления Сербии — второй родины Григория Цамблака. И всё же, воспевая спокойствие и благоденствие сербской земли, книжник невольно возвращается мысленно к христианским царствам (в том числе и болгарскому), которые турки предали огню и мечу. «И как только пришли измайльтяне, — пишет он, — они полностью их попрали, едва давая дышать, и уничтожили благочестие, и истребили царей и князей». И далее с горестью продолжает: «Редко и с трудом найдется там священник или церковь; причем святилище обычно бывает тайным и сокрытым в земле».

Последние полтора десятка лет своей жизни Григорий Цамблак провел в Литве и на Украине. Он вступил в сложную политическую борьбу, которая велась между Константинопольской патриархией, литовским князем Витовтом (1392–1430)

и Московским митрополитом Фотием (1408–1431). В надежде стать преемником Киприана на Московскую митрополичью кафедру Цамблак отправился в Константинополь, но не смог там заручиться поддержкой. Выбор был сделан в пользу Фотия, который впоследствии сделался яростным оппонентом своего соперника. Цамблак, однако, не отказался от своих намерений. Отвечая сепаратистским настроениям Витовта, в состав княжества которого входила Киевская Русь, он согласился стать главой сепаратной Литовско-Киевской митрополии и в 1414 г. занял Киевскую митрополичью кафедру. Это вызвало резкое недовольство Константинопольского патриарха Евфимия II и Московского митрополита Фотия, отлучивших Цамблака от церкви и предавших его анафеме.

Находясь в Литве, Цамблак создал «Слово похвальное Киприану» (1409). Существуют различные научные мнения о предназначении этого сочинения. Ряд исследователей склоняется к мысли, что Цамблак прочитал его над могилой Киприана в Успенском соборе в третью годовщину со дня смерти святителя. Однако такая версия не очень правдоподобна, и не только потому, что в русских исторических источниках нет упоминаний о приезде Цамблака в Москву. Если бы он произнес свое слово там, в нем, наверняка, говорилось бы о заслугах Киприана в бытность его Московским митрополитом, выражалась бы радость от встречи с местным церковным клиром, помнящим святительский лик, и с храмом, под сводом которого раздавался киприановский «небесный» глас, и многое другое, что могло бы послужить доказательством выдвинутой гипотезы. Ничего подобного в цамблаковском произведении не наблюдается. Сомнительно также проведение какого-либо чтения в Успенском соборе над могилой иерарха, не причисленного к сонму святых. Скорее всего, Цамблак передал свое слово преемнику Киприана Московскому митрополиту Фотию во время пребывания последнего в Киеве в 1409 г. При этом Цамблак преследовал несколько целей. Во-первых, это позволяло ему продемонстрировать свои писательский и проповеднический таланты. Во-вторых, восхваляя Киприана, Цамблак и сам грелся в лучах его славы, особенно если учитывать поразительное сходство судеб этих двух иерархов (оба они — тырновские уроженцы, воспитанники Афона и Константинополя, приверженцы идей Евфимия Тырновского). И, в-третьих, написанием

слова Цамблак фактически возбуждал вопрос о канонизации Киприана Русской церковью. В заглавии произведения и самом его тексте Киприан называется «святым».

Цамблаку не удалось достичь всех намеченных им целей. Его произведение не получило распространения в русской рукописной традиции, поскольку Киприан был канонизирован в России только в начале XIX в. Оно сохранилось в единственном списке и, следовательно, оставалось малоизвестным для русских средневековых книжников. Не сумел он и взойти на высшую иерархическую ступеньку Русской церкви. Ни Москва, ни Константинополь (где в результате смены власти он утратил поддержку своих покровителей) не видели в нем приемлемую кандидатуру митрополита всея Руси. Лишь одна из целей была достигнута им сполна: его «Слово» — истинный шедевр, по достоинству оцененный, правда, не современниками, а потомками. Этим произведением Цамблак утвердил себя как один из способнейших учеников Евфимия Тырновского. Оно написано столь легко, словно его автор не ощущает «сопротивления» словесного материала. Это впечатление создается благодаря удивительной соразмерности композиционных составляющих, внутренней ритмичности, элегантности стилистических фигур. Используемые книжником библейские цитаты не замедляют ритма повествования. Они обычно невелики по объему, умело вплетены в повествовательную ткань и всегда употреблены на своем месте. Они не отвлекают читательское внимание дополнительными смысловыми нюансами, не имеющими отношения к теме.

В своем сочинении Цамблак синтезировал литературно-жанровые традиции, идущие от его предшественников, Климента Охридского и Евфимия Тырновского. Так же как и Климент в «Слове похвальном Кириллу», книжник прибегает к испытанному приему — прославлению частей тела подвижника. Однако он использует не утвердительную форму, а 10 риторических вопросов, каждый из которых начинается одинаковым вопросительным местоимением: «Где то око, что созерцало небесное, дарованное ему от Бога, еще когда был он в пустыни? Где то ухо, что слышало Божественный глас? Где праведный тот и страшный для еретиков язык? Где сладостное то спокойствие его очей?» и т. д.

Большого эмоционального напряжения добивается Цамблак, описывая чувства, которые обуяли паству при вести о кончине Киприана. Стрела муки, по его словам, пронзила сердца не одного, не сотен или тысяч людей, а всех подряд. Смолкли свирели и гусли, печаль и тоска сиротства охватили всех до единого. «О, лютая мука по тому, кто покинул нас так внезапно!» — восклицает Цамблак после очередного перечисления достоинств почившего. Тяжесть огромной беды обрушивается на него, горькие мысли сдавливают горло, сковывают телесные члены. И здесь Цамблак привносит нечто новое в традиционный образ средневекового книжника, обычно обвиняющего себя в неспособности должным образом воссоздать духовный облик подвижника по причине своего несовершенства. Ему мешает не «детская немощность слова» (Евфимий), а горечь от невозвратимой утраты «солнца» (Киприана), которое зашло и уже никогда не взойдет. «Как принудить язык свой к служению словом, если его тяжкими оковами сковала беда? Как отверзнуть уста свои, сведенные судорожной немотой? Или как мне прозреть духовными своими очами, когда погружен я в бездну печали?» — с надрывом вопрошает Цамблак, и его вопросы перестают восприниматься как чисто риторические.

Следуя по стопам Евфимия, книжник старался отдалить фигуру своего героя от земных реалий и приподнять ее над действительностью. В полном соответствии с приемом «абстрагирования» Цамблак предпочитает не называть святителя именем собственным, а прибегает к перифразе и использует иносказания. Чаще всего Киприан выступает в произведении как «отец», «пастырь», «святой» или «блаженный». Цамблак наделяет святителя множеством добродетелей и достоинств, традиционно связываемых с ветхозаветными библейскими персонажами. Согласно его характеристике, Киприан совмещает в себе гостеприимство Авраамово, целомудрие Иосифово, благость Моисееву, терпение Иовово, священнолепие Аароново, твердость Самуилову, кротость Давидову, премудрость Соломонову, ревность Илиеву, рассудительность Даниилову; Киприан — великий сосуд Божьих даров, светило земли русской, столп благочестия, соловей церковный, в добродетелях он неподражаем, в поучении — неповторим; его глас небесный веселит сердце сильнее вина.

По утверждению Цамблака, достоинства Киприана во многом обязаны его отшельническому воспитанию и уединению, к которому он до появления своего на Руси стремился словно орел, перелетавший с места на место по велению Св. Духа. В этих словах легко прочитывается свидетельство об исихастских взглядах Киприана. Приверженность святителя к исихазму проскальзывает и в тех строчках, где говорится о том, что Киприан «братом был отцу нашему» (т. е. Евфимию). Речь идет именно о духовном родстве, а не о кровной связи, как полагают некоторые болгарские ученые, делая Цамблака племянником Киприана.

Долгая жизнь вне родной земли не притупила у Цамблака чувства принадлежности к болгарскому роду и племени. Переносится оно им и на Киприана. Он сравнивает его с ветхозаветным патриархом Иаковом, сеявшим семя Божие среди египтян — народа иноплеменного и иноязычного. Это сравнение нельзя воспринимать буквально, так как оно — риторический прием. Разница между разговорным болгарским и русским языками в начале XV в. была не столь велика, а в литературно-книжном языке и вовсе незначительна. Тем не менее граница между этносами в произведении Цамблака маркируется неоднократно. Но она проводится с одной целью — обрисовать фигуру Киприана как связующее звено между двумя народами. Слова «болгары» и «русские» или «болгарский» и «русский» отсутствуют в цамблаковском сочинении. Для него оба народа суть славянские племена, связанные общностью христианской веры. Они различаются лишь по родовым признакам и обычно обозначаются личными и притяжательными местоимениями «мы»/«вы» или «наш»/«ваш». Реже используется понятие «отечество», но оно применяется исключительно по отношению к Болгарии. Цамблук гордится тем, что болгарская земля взрастила такого святителя, но Бог распорядился по-своему и даровал его русскому народу. У книжника это, однако, не вызывает сожаления, ибо когда «вы» (русские) наслаждались сладостным поучением Киприана, «мы» (болгары) разделяли «вашу» радость. Теперь же, по его заверению, болгары любят русских еще больше, потому что поняли, что святитель был любим ими не только при жизни, но и после смерти. По мысли Цамблака, оба народа становятся еще ближе друг другу, поскольку их объединяет «общая беда» — смерть общего духовного пастыря.

Важной композиционной и смысловой частью «Слова» является рассказ о встрече митрополита Киприана в Тырнове во время его поездки в Константинополь. Ей отводится значительное место, составляющее 1/6 объема произведения. Цамблак, по его собственному признанию, тогда был в отроческом возрасте, и его детская память, видимо, цепко всё сохранила. Он описывает, как Киприан был торжественно встречен церковным клиром во главе с «родным отцом и великим учителем нашим» — патриархом Евфимием Тырновским, взаимные сердечные объятия и поцелуи, несказанную радость святителя при виде своего отечества, процветающего благодаря искусному евфимиевскому правлению. На встречу со святителем высыпают все горожане от мала до велика: мужчины и женщины, старики и дети, здоровые и недужные. Сторожа покидают свои склады, торговцы оставляют лавки незапертыми, слуги ускользают из господских домов, на пустынных базарных рядах в беспорядке лежит непроданный товар. Тырновцы целуют руки Киприана, стараются коснуться его одежд, женщины припадают к его ногам, приносят и подводят для благословения детей и недужных. Не остаются обделенными даже те, кто не сумел приблизиться к нему в таком столпотворении — одно лицезрение святителя равносильно для многих его поучению и наставлению.

Кульминационным моментом встречи является сцена благословения Цамблака-отрока Киприаном. Руки святителя не просто касаются цамблаковской головы, а словно благословляют и напутствуют, дабы сбылось предреченное Св. Духом. Можно лишь догадываться о том, какой смысл вкладывал Цамблак в эти слова. Не исключено, что ими так же, как и всем произведением, он хотел подспудно провести мысль о своем праве быть преемником Киприана на Московской митрополичьей кафедре.

В том же стилистическом ключе и с таким же блеском было написано Цамблаком «Слово похвальное Евфимию Тырновскому» (около 1414–1418). По предположению ученых, оно адресовалось эмигрантам, покинувшим Болгарию в связи с османским нашествием и обосновавшимся в Молдавии и южной Руси. Наряду со стилем «плетения словес» в этом произведении реализовалась и другая евфимиевская тенденция: слияние жанра похвального слова и жития. Она сказалась в намерении

книжника проследить жизнь Евфимия от рождения и до смерти, в композиционной структуре сочинения, которая легко членится на отдельные эпизоды, в наличии диалогов между действующими лицами, в использовании развернутых библейских параллелей и других житийных черт.

Цамблаковское стремление к биографичности позволяет восстановить этапы жизненного пути Евфимия довольно точно. По свидетельству книжника, будущий святитель сравнительно рано постригся в монахи, возлюбив пустынножительство, смирение, всеощные молитвенные бдения, борьбу с соблазнами плоти. Своими достоинствами он обратил на себя внимание Феодосия Тырновского, сделавшего его впоследствии своим духовным преемником. От него Евфимий усвоил правила «умственной жизни» Григория Синаита, сумел достичь совершенства духа и добродетелей. Он не расставался со своим духовным отцом до самой его кончины, монашествовал с ним в Парории, сопровождал в Константинополь. Он углубляет свои знания в константинопольском Студийском монастыре, афонской Лавре св. Афанасия и болгарском афонском Зографском монастыре. Помимо умножения книжных знаний Евфимий жаждал духовного самоусовершенствования в духе исихазма, постигаемого уединением, безмолвием и созерцанием.

Ко времени пребывания Евфимия в башне Селина неподалеку от Зографского монастыря Цамблак относит конфликт между будущим святителем и византийским императором Иоанном V Палеологом. Излагаемая им версия грешит против исторической истины. Согласно ей, конфликт возникает не из-за готовящейся унии между Восточной и Западной церквями, а якобы по причине чрезмерного сребролюбия императора. Поверив ложному слуху о сказочном богатстве Евфимия, который якобы не хочет им ни с кем делиться, император собственной персоной отправился на Афон для проведения дознания. Оно, разумеется, не принесло положительного результата, и раздосадованный и не поверивший до конца Евфимию император подверг его наказанию. Подвижник был сослан на остров Лемнос, находящийся в 60 поприщах (около 12 км) от афонской Лавры. Однако Евфимий оставался там недолго благодаря некоему божественному видению, которое явилось правителю. Оно угрожало ему страшной карой, если подвижник не будет отпущен на свободу.

После освобождения перед Евфимием открывалась соблазнительная карьера в Константинополе, но он решил возвратиться в родную землю. Цамблак неоднократно подчеркивает патриотизм своего героя. Евфимий, по его словам, «предпочел всему отечество свое», стремился «к безмолвной жизни в отечестве своем как в некоем пристанище», жаждал стать наставником людей «в отечестве, которое его породило». Вернувшись в Болгарию, будущий святитель вначале уединился в пещере подальше от столичной суеты, а затем основал монастырь Св. Троицы. Именно здесь, в окружении учеников, Евфимий, по утверждению Цамблака, осуществил переводы «божественных книг с элладского языка на болгарский». Прежние переводчики, по мысли писателя, не способны были проникнуть в тонкости языка и учености эллинов, и поэтому созданные ими книги оказались «грубыми», «нестройными», «несогласованными по смыслу с греческими писаниями». Они считались верными, но на самом деле в них заключалась большая опасность по причине расхождения с истинными догматами. Евфимий для Цамблака — новый законодатель, спустившийся с духовных вершин, подобно Моисею со скрижалями в руках, и передавший церкви книги, над которыми он трудился. Они — истинное небесное сокровище благодаря своей полной созвучности с Евангелием и отраженной в них непоколебимой силе догм. Цамблак также сравнивает Евфимия с царем Птолемеем, по распоряжению которого 72 переводчика переложили с древнееврейского языка на греческий весь Ветхий Завет. При этом Евфимий ставится им выше египетского царя, ибо тот был язычником, стоявшим «вне Закона Божьего и пророков». Книги Евфимия, по утверждению книжника, стали достоянием не только болгар, но и других народов. «Какой народ, родственный болгарам по языку, не принял его (Евфимия. — *И. К.*) писания и его учение?..» — не без гордости за болгар и Евфимия вопрошает Цамблак.

Авторитет Евфимия еще больше возрос после избрания его Болгарским патриархом. С удвоенной энергией продолжал святитель вести свою паству «от земли к небу», непрестанно поучая людей своими речами, «льющимися словно быстротечный поток». Евфимий мог быть не только милостивым и благостным, но и решительным и беспощадным, если кто-то пытался отклонить его паству от истинного пути. Вероотступники

Пирон и лжемонах Феодосий по прозвищу Фудул, распространившие в Тырновском царстве еретические учения Нестория, Акиндина и Варлаама, испытали на себе твердость духа Евфимия сполна. Они были отлучены от церкви, преданы анафеме и изгнаны из тырновских пределов. Семена их лжеучений, посеянные как среди простого люда, так и среди некоторых царских сановников, не смогли дать всходов благодаря ежедневной евфимиевской проповеди в храмах.

Столь же решительно действовал Евфимий и по отношению к другим еретикам, устраивавшим свои сборища в окрестностях Тырнова. Они собирались летом в живописной местности у реки рядом с густым лесом, полным плодов и цветов, и отмечали здесь праздник в течение 8 дней. Сама эта местность способствовала уединению и преданию блуду. Патриарх своим распоряжением отменил этот народный праздник и запретил там людские гуляния.

Увеличилось в период патриаршества Евфимия и число его учеников и последователей. Великое множество людей, и не только болгарского рода, но и «со всех стран — на севере до Океана, а на западе — до Илирика», стекалось к нему за поучением и наставлением. И, насытившись вдоволь духовной пищей, они возвращались в свои отечества и сами становились учителями своих соплеменников. Но апостольское дело Евфимия длилось недолго, ибо, подобно апостолам, святитель должен был подвергнуться гонениям, скорби и испытаниям. Характерно, что Цамблак не прибегает к традиционному штампу о бедах, постигающих благочестивых людей по дьявольскому наущению. «Варварский царь» Баязид появляется у стен Тырнова, побуждаемый не дьяволом, а собственной гордыней. Победив множество народов и прослышав о красоте, богатстве и неприступности Тырнова, он укрепляется в желании разорить этот город. Баязид появляется у тырновской крепости с огромным войском, превосходящим по численности войска персидского царя Дария и даже Александра Македонского, и нападает не с одной или двух сторон, а отовсюду. Тем не менее, по мысли книжника, султан овладел городом благодаря не своей силе, а Божественному предопределению.

Цамблак опускает подробности штурма Тырнова турками и učinённого там погрома. Он лишь туманно сообщает о падании «кивота завета» и «святая святых» в руки иноземцев и

отдании «святынь» псам в качестве добычи. И это неудивительно, ибо в центре его повествования находится фигура Евфимия, вокруг которой развиваются все основные события. Внимание книжника концентрируется на поведении святителя в час испытаний. Евфимий не впадает в отчаяние, не испытывает малодушия или страха, а направляется к Баязиду, чтобы укротить его яростный порыв. И при виде шествующего к нему владыки — целиком отрешенного, самоуглубленного и не замечающего ничего по сторонам, завоеватель смягчился, оказал ему почести и, усадив в кресло подле себя, выслушал просьбу Евфимия о милости к побежденным. Просьба Евфимия, однако, не была удовлетворена до конца. Погром в городе хотя и прекратился, но жестокость завоевателей от этого не поубавилась. Поставленный Баязидом в тырновские правители паша при помощи коварства истребил 110 именнейших бояр. Созвав их в одну из церквей якобы для совета, он предал их смерти, «не устыдившись ни их седины и не пощадив их младости». Тела «повторно крестившихся в своей крови» жертв паша приказал не погребать, а оставить на съедение птицам.

Не окончились испытания и для самого Евфимия. По приказу паши его доставили во дворец и подвергли унижению: сорвали с него святительские одежды и полунагого повели на крепостную стену, чтобы казнить публично с позором. Книжник с восхищением пишет о самообладании святителя, который не изменился в лице, не выразил страха, а излучал полнейшее спокойствие и присущую ему благодать. Вместо мольбы о пощаде он обратился к паше с укором за унижение своего достоинства, ибо ему, по его словам, первому надлежало принять смерть, а не после заклания овец из своего пастырского стада. Не дрогнув Евфимий и перед палачом — он призвал его сам и, склонив голову, с готовностью вытянул шею. Но казнь святителя так и не состоялась благодаря произошедшему чуду. Рука палача с занесенным мечом вдруг одеревенела, что привело в ужас толпу «измаильян», которая в панике разбежалась. Евфимию возвратили одежды и отпустили с миром восвояси.

Чудо с одеревеневшей рукой палача едва ли имело место в действительности. Оно находит соответствие в библейской III «Книге царств» и часто встречается в агиографической литературе. Более правдиво с исторической точки зрения выглядит известие Цамблака о переселении части тырновцев в

Малую Азию («на восток») и ссылке патриарха «в Македонию» (по предположению ученых — в Бачковский монастырь). Это зрелище, по свидетельству Цамблака, было способно исторгнуть слезы из камня. Дети разлучались со своими родителями, сыновья отрывались от своих отцов, братья лишались братьев. Тырновцы целовались, обнимались, говорили друг другу прощальные слова, оглашали своими рыданиями округу. «Разве есть что-либо горше выселения и тяжелее разлуки с родными, когда воспоминания об отечестве и близких пронзают сердце, будто жало!» — восклицает Цамблак с чувством человека, который знает этому цену.

Мастерски выписана Цамблаком сцена прощания Евфимия со своей паствой. Вначале святитель шествовал с толпой тырновцев, подлежащих высылке, а затем их дороги разошлись. Книжник повествует, как тырновцы припадали к ногам владыки, заливали его морем слез, целовали ему руки, касались его одежд, называли пастырем, учителем и чадолюбивым отцом. Разлука с Евфимием, по образному сравнению Цамблака, была для них подобна разлуке с душой. Женщины подносили к святителю детей, орошали его одежды слезами, рвали на память траву, по которой прошли его стопы. Те же, кто не смогли к нему приблизиться, со слезами на глазах издали молили его о последнем прощении и благословении, ибо чувствовали, что уже никогда больше не увидят его живым. Эта массовая сцена напоминает цамблаковское описание встречи Киприана в Тырнове, но тональность здесь прямо противоположная: вместо радости — беда!

Судьба литературных сочинений Григория Цамблака оказалась различной. Самые яркие его произведения, похвальные слова Киприану и Евфимию, остались неизвестными для болгарских книжников XV — XVIII вв. Мало были знакомы они и русским писателям указанного исторического периода. Их слабая распространенность объясняется внелитературными факторами. Оба героя цамблаковских слов в продолжение нескольких веков не были канонизированы ни в Болгарии, ни на Руси. По этой причине посвященные им произведения не входили в круг литературы, рекомендовавшейся церковью для чтения и переписывания. Значение этого фактора великолепно иллюстрирует степень распространенности упомянутых слов Цамблака по сравнению с его же житием Иоанна Нового

Белгородского. Последнее явно уступает по литературным достоинствам двум первым уже хотя бы потому, что Цамблак создавал его, будучи начинающим писателем, и ориентировался на читателя с невзыскательным литературным вкусом. Тем не менее оно дошло до нас в более чем 30 списках XV — XVIII вв. молдавляхийского и русского происхождения. Решающую роль в популяризации этого произведения сыграл факт канонизации мученика в Молдавии (1402) и России (1547).

В украинских и русских землях Григорий Цамблак как писатель был известен прежде всего в качестве автора около 30 церковных проповедей по случаю важнейших христианских праздников. В большом количестве на Украине и Руси распространялись списки цамблаковских сочинений именно такого рода: слова на Рождество, Преображение и Вознесение Христово, слова на Рождество и Успение Богородицы, слова пророку Илии и апостолам Петру и Павлу, слова великомученикам Георгию Победоносцу и Димитрию Солунскому и др. Иногда они ложились в основу русских рукописных сборников XV — XVII вв., причем переписчики озаглавливали их как «Книга Григория Цамблака». По-видимому, некоторые слова книжника доходили и до Болгарии. Во всяком случае, наукой зафиксировано цамблаковское «Слово похвальное великомученику Димитрию Солунскому» в болгарском списке XV в. Но оно, скорее всего, проникло в Болгарию из Сербии.

Своими произведениями Киевский митрополит культивировал на Руси стиль «плетения словес». Они написаны с присущей автору словесной виртуозностью и долгое время служили на Руси образцами церковной ораторской прозы.

В конце своей жизни Цамблак принял участие в заключительном заседании Констанцского собора, проводившегося с перерывами в 1414–1418 гг. На нем он зарекомендовал себя сторонником унии между Западной и Восточной церквями, вероятно в надежде, что она поможет создать военную коалицию европейских государств против османских завоевателей. Их изгнание из Европы привело бы к освобождению цамблаковского отечества — Болгарии. К заключению унии стремился и пославший его князь Витовт, желавший ослабить влияние Москвы в своих пределах.

Политические установки Цамблака в Констанце не вызывают сомнений. Споры между учеными ведутся лишь о том, на

каких условиях (главенство папы или равноправный союз) он соглашался на объединение двух церквей. Разрешить эту проблему сложно, ибо славянский оригинал речи Цамблака на аудиенции у папы не сохранился. Известное представление о ней дает дневник присутствовавшего там кардинала Филастре. Однако записи в нем не были дословными и велись на латинском языке, к тому же с использованием католической церковной терминологии. Как бы то ни было, уния не состоялась, и возвратившийся в Киев Цамблак остался не у дел. Еще раньше он был во второй раз отлучен от церкви и предан анафеме Константинопольским патриархом. Витовт потерял к нему интерес и предпринимал попытки сближения с Московским митрополитом Фотием. Цамблак умер от «морového поветрия» в Киеве, и его смерть осталась почти незамеченной летописцами. Так же как и его духовные единомышленники, патриарх Евфимий и Киприан, он не был канонизирован русской или болгарской церковью в период Средневековья.

Третьим видным последователем Тырновской книжной школы являлся Константин Костенецкий (около 1380 — 30-е годы XV в.). О его биографии можно судить по косвенным данным. По предположению ученых, Константин родился в селе Костенец* Пловдивской околии. В начале XV в. он отправился в Бачковский монастырь, где обучался под руководством Андроника — непосредственного ученика Евфимия Тырновского. В дальнейшем Константин служил в Пловдивской митрополии, но внутриосманские военные столкновения во Фракии вынудили его уехать в Сербию. Большинство написанных им произведений являются достоянием сербской литературы. Здесь мы хотели бы остановиться лишь на одном сочинении Константина Костенецкого, поскольку в нем отразились установки, которые в большей или меньшей степени могут быть связаны с правописной реформой Евфимия Тырновского. Мы имеем в виду трактат «Разъясненное сказание о письменах», написанное писателем до 1418 г.

* В научной русскоязычной литературе писатель фигурирует чаще всего как «Костенечский» или «Костеньский» в результате слепого копирования южнославянских форм имен прилагательных, образованных от названия этого села. С точки зрения русской грамматики более правомерно называть его «Костенецким».

Трактат был посвящен сербскому деспоту Стефану Лазаревичу, судя по акростику, образованному буквами и буквенными сочетаниями, которыми начинаются его сорок глав, а также помещенная в конце произведения криптограмма. На создание этого сочинения Константина натолкнуло отсутствие единства правописания у сербских книжников того времени и желание исправить существующее положение. В нем проявилась его приверженность установке Тырновской книжной школы, предусматривавшей унификацию богослужебных текстов и приведение их в полное соответствие со старинными греческими и славянскими оригиналами. В этой связи Константин Костенецкий выдвинул собственную гипотезу о происхождении первого славянского литературно-книжного языка. Она отличается от традиционного мнения, согласно которому его создателем являлся первоучитель Кирилл. По утверждению Константина, основу первого литературного языка славян составил «тончайший и краснейший» русский язык, к которому были добавлены «избранные речи» ряда других славянских языков: болгарского, сербского, боснийского, словенского, чешского и хорватского. Кирилл стремился сделать язык богослужебных текстов понятным для всех славян и поэтому призвал хорошо знавших греческий «дивных мужей» из всех славянских племен и вместе с ними переводил Священное Писание. По этой причине первые книги назывались «славянскими», а не «болгарскими» или «сербскими», как это стало позднее.

В доказательство своей гипотезы Константин приводил слова из этих славянских языков, якобы заимствованные книжниками при переводе богослужебных книг. Эти примеры не имеют научной ценности, но теория Константина проводила идею славянского единства в трудные времена всё возрастающей османской экспансии. Язык кирилло-мефодиевских переводов, по Константину, был священным и поэтому должен служить образцом при исправлении богослужебных текстов. Эти древние переводы, по словам писателя, еще обретались в монастырях и церквях, и их следовало привлечь для работы. Константин Костенецкий ставит в пример Евфимия Тырновского — «светило», просиявшее от Марицы до Загорья и от Солуни до Белграда. Именно благодаря Болгарскому патриарху «божественные книги» были исправлены прежде всего в Тыр-

нове, а затем прославились в других странах. Избрав за отправную точку болгарские и греческие тексты IX — X вв. и сославшись на опыт тырновского «исправления книг», Константин пишет о недостатках современного ему сербского правописания. Он считал, что таковыми являлись отсутствие в сербской азбуке ряда старославянских букв (наподобие «Ы», «Ѡ» «Ѣ»), игнорирование диакритических знаков, непоследовательность в использовании пунктуации и акцентов и др. Положения Константина Костенецкого по проведению правописной реформы, которую он надеялся осуществить при поддержке Стефана Лазаревича, остались не востребованными. Очевидно, они не встретили положительный отклик среди тогдашних сербских книжников из-за их чрезмерной теоретизации и явного неучтения специфики сербского языка.

Отклонение от классических кирилло-мефодиевских языковых норм, по Константину, вело к нарушению христианского благочестия и морали. В этом плане писатель следовал за Евфимием Тырновским и исихастами, усматривавшими взаимосвязь морали и слова. В первую очередь моральное разложение коснулось византийских священнослужителей, погрязших во лжи, чревоугодии, пьянстве и других пороках. Затронуло оно и балканскую аристократию XIV — XV вв., не соблюдавшую строго христианские заповеди. Безнравственностью отличались, согласно Константину, и «низшие» социальные слои населения. В народной среде, по его свидетельству, распространились различные суеверия, такие как гадание по птичьим крикам, вера в добрые и недобрые встречи, примета, запрещающая выносить вечером из жилища огонь или домашний скарб. Еретические обычаи проникли даже в религиозные обряды, как, например, привычка стрелять после окончания пасхальной литургии или креститься двумя пальцами. Подвергались осуждению и другие еретические проявления в сербском религиозном и повседневном быту. При возрождении христианской морали, по убеждению Константина, важно правильно обучать и воспитывать детей. Для этих целей он предлагал создать единое грамматическое руководство, ввести так называемый «звуковой метод» обучения (чем значительно опередил свое время) и иные рецепты.

В известном смысле произведение Константина Костенецкого «Разъясненное сказание о письменах» может быть срав-

нимо со «Сказанием о письменах» Черноризца Храбра. Оба они представляли собой филологические трактаты полемического толка. Это родство становится еще более очевидным, если учитывать тот факт, что книжники XV — XVII вв. нередко помещали сочинение Черноризца Храбра и извлечения из «Сказания» Константина Костенецкого под названием «Слова» в одних и тех же рукописных сборниках.

Кроме указанного произведения Константин написал до 1431 г. «Житие деспота Стефана Лазаревича». Ему также принадлежат переводы с греческого: «Путешествие по Палестине» и «Толкование „Песни песней“» Феодорита Киррского.

Проследившая развитие болгарской литературы Второго Болгарского царства и ее традиций, приходишь к выводу, что первые литературные опыты после избавления страны от византийского ярма имели прагматический характер. Они иницировались преимущественно интересами заново создававшихся национальных институтов церкви и государства. Была предпринята попытка возродить утраченное болгарское летописание («Синодик царя Борила», позднее рассказы о возобновлении Болгарской патриархии и о зографских мучениках). Одновременно велась борьба за международное признание Болгарской церкви (еще в 1204 г. Тырновский поместный собор избрал патриархом пресвитера Василия, но его статус оспаривал Константинополь) и утверждение роли Тырнова в качестве светской и религиозной столицы страны. С этой целью происходила активная канонизация местных святых, предпринималось перенесение в Тырново мощей Божьих угодников, писались, явно по заказу, посвященные им гимнографические и агиографические сочинения. Подавление славянской письменности в период византийского ига после освобождения от последнего закономерно вызвало ответную болгарскую реакцию. Она вылилась в «болгаризацию» первоучителя Кирилла («Успение Кириллово» и др. памятники) и еще более энергичную защиту славянской азбуки (новая редакция «Сказания о письменах» Черноризца Храбра). Возрождение национального достоинства сопровождалось в болгарской литературе XIII в. усилением патриотических тенденций. Наличие таких тенденций было свойственно как церковно-официальным, так и народно-апокрифическим произведениям. В них сквозила мысль об особой роли Тырнова, болгарского народа

и его правоверия в мире. В целом бедное литературными памятниками XIII столетие можно охарактеризовать как время закладывания основ для грядущего взлета болгарской литературы.

Творчество представителей Тырновской книжной школы и ее последователей XIV — первой половины XV в. являло собой пик развития болгарской средневековой литературы. Несмотря на общий неблагоприятный исторический фон (усугубление феодальной раздробленности, утрата государственных территорий, военная экспансия турок на Балканах), в Болгарии XIV в. увеличивается количество книжных центров и монастырских книгохранилищ, возникают царская и патриаршая библиотеки, личные библиотеки крупных феодалов. Во времена патриарха Евфимия предпринимается грандиозное «исправление» книг, активизируется переводческая деятельность, сопоставимая с масштабами работы переводческих центров эпохи царя Симеона. Но теперь объектами перевода служат не только церковно-религиозные, но и светские памятники. Развиваются жанры владетельской похвалы, агиографический, похвального слова, гимнографический, эпистолярный; наблюдается тенденция к слиянию жанра жития и похвального слова. Творчески осваивая опыт своих литературных предшественников XIII в., болгарские книжники XIV столетия обогащают национальную литературу собственными новациями. Наряду с традиционным историзмом и патриотизмом в их произведениях усиливается авторское начало, интерес к природе и автобиографизм.

Особое место в их творчестве играло экспериментирование со словом и создание новых словесных форм. Но склонность к словесному «извитию», амплификации, повторам однокоренных слов и весь инструментарий кружевного «плетения словес» не был для них самоцелью. В соответствии с мистическими взглядами исихастов, он служил способом преодоления словесного материала, средством постижения внесловесного глубинного смысла вещей и явлений. Отсюда же проистекал и интерес к «внутреннему» человеку, хотя он и не был тождествен ренессансной проблеме человеческой личности. Неожиданное объединение взаимоисключающих начал — исихастской установки на «молчание» и «безмолвие» вместе со стремлением преодолеть слово и попыткой раз-

гадать суть «внутреннего» человека — вылилось в рождение «экспрессивно-эмоционального» стиля. Наиболее четко его становление и особые черты просматриваются на примере творчества патриарха Евфимия Тырновского и его учеников и последователей: Киприана, Григория Цамблака и Константина Костенецкого.

Завоевание страны османами и падение Тырнова в конце XIV в. стало истинной катастрофой для дальнейшего болгарского литературного развития. Евфимиевские традиции продолжали поддерживаться и совершенствоваться его учениками и последователями за пределами болгарской земли. Хотя их творчество в основном принадлежит литературам других народов, связь его с Тырновской книжной школой и Болгарией несомненна. Об этом свидетельствуют «Слово похвальное Евфимию Тырновскому» Григория Цамблака, обмен посланиями между Киприаном и Евфимием, распространение ряда цамблаковских сочинений на родине, отражение некоторых принципов евфимиевской правописной реформы в «Изъявленном сказании...» Константина Костенецкого и т. д. Эти писатели реализовывали идеи Тырновской книжной школы среди русских, сербов, украинцев, белорусов, молдаван и валахов. В лучших произведениях этих книжников частично отразилась несбывшаяся будущность болгарской литературы XIV в. (например, автобиографизм киприановского послания от 23 июня 1378 г. как своеобразная типологическая предтеча автобиографичности «Жития» протопопа Аввакума).

4. Болгарская литература со второй половины XV до середины XVIII века

Во второй половине XV столетия заметное место в литературной жизни Болгарии заняла Сербия. Эта страна сумела противостоять османским завоевателям значительно дольше, чем Болгария (последний сербский оплот Смедерево был сломлен завоевателями лишь в 1459 г.), и литература здесь в первой половине XV в. продолжала развиваться с прежней интенсивностью. Не случайно Григорий Цамблак и Константин Костенецкий, спасаясь от насилия османов, искали пристанище в Сербии. Часть их произведений проникла позднее в болгарс-

кие скриптории благодаря наличию болгаро-сербской культурной контактной зоны на западе страны. Важно было и то, что в отличие от земель вокруг разрушенного Тырнова, перешедших под юрисдикцию Константинопольской патриархии, болгарский северо-запад тяготел к Охридскому архиепископству. Эти обстоятельства вызвали закономерное смещение центра болгарской литературной жизни из разоренного Тырновского царства в западные болгарские земли, которые после османского нашествия перешли в церковное ведение Охридского архиепископства.

В главный очаг болгарской литературы со второй половины XV в. превратился Рильский монастырь, вновь поднявшийся из руин после разрушения его османами. С этим монастырем оказалась связана деятельность сербского писателя Владислава Грамматика (20-е — 80-е годы XV в.). Он был учеником Константина Костенецкого, долгое время трудился в Сербии и написал там ряд рукописей по заказу Рильской братии. В конце жизни он переместился в Рильский монастырь, где организовал каллиграфическую школу, способствуя распространению в Болгарии сербского ресавского правописания. По поручению рильских монахов Владислав Грамматик создал рассказ о перенесении мощей Ивана Рильского в 1469 г. из Тырнова в основанную им Рильскую обитель. Это произведение, известное еще под названием «Рильская повесть», не имело самостоятельного значения. Оно писалось по свежим следам событий как своеобразная вставка-дополнение к житию Ивана Рильского пера патриарха Евфимия. В этом смысле «Рильская повесть» напоминает цамблаковский «Рассказ о перенесении мощей св. Петки из Тырнова в Видин и Сербию». Подобно ему, она также обозначалась переписчиками на полях рукописей или внутри жития специальной пометой, указывающей на авторство: «Грамматиково». Однако на этом сходство заканчивается, ибо эти сочинения создавались в разной стилистической манере. Творение Владислава лишено словесного украшательства, элементов стиля «плетения словес» или панегирической приподнятости. В нем сильно стремление к историзму, желание запечатлеть события в той последовательности, как они происходили, и не грешить против исторической истины.

Владислав Грамматик обнаруживает сербские корни, начиная повествование не с рассказа о разорении, запустении и восстановлении Рильского монастыря, а со своеобразной «сербской прелюдии». Он вспоминает о неуспешной попытке сербского войска противостоять «измаильтянам» на реке Марице, о трагической битве на Косовом поле и лишь затем вкратце останавливается на участии Тырнова и Рильской обители. Более подробно описывает он возобновление монастыря «потружением» Иоасафа, Давида и Феофана — сыновей епископа Якова из г. Крупника. Быстрое возрождение обители, по словам книжника, произошло благодаря не только их неустанному труду, но и многочисленным жертвованиям, и особенно щедрости главного монастырского ктитора господина Георгия. И лишь когда обитель окрепла и вернула свой прежний религиозный авторитет, до братии стали доходить слухи о том, что мощи преподобного Ивана находятся в Тырнове. Владислав Грамматик использует здесь прием троекратного повторения действия, характерный для фольклора. Монахи проявляют вначале крайнее недоверие к этим известиям и убеждаются в их правдивости постепенно. Впервые им сообщает об этом пловдивский протопоп Яков, а затем пришедший в обитель безымянный богомолец. Но, не довольствуясь слухами, монахи направляют посланца из своей среды в Тырново.

Одна из главных заслуг возвращения мощей преподобного в основанную им обитель, по свидетельству Владислава, принадлежала сербской княгине Марии Бранкович. Именно к ней, вдове османского султана Мурада II, пользовавшейся влиянием в придворных кругах, и обращается монастырская братия за содействием. Мария Бранкович откликнулась на просьбу и, выбрав подходящий момент, обратилась с ходатайством к османскому правителю Мохаммеду II (1451–1481), который не только удовлетворил ее прошение, но и выдал письменное распоряжение тырновскому судье о передаче мощей. Дальнейшие события развивались в ускоряющемся темпе. Получив от Марии Бранкович распоряжение султана в ее резиденции в селе Ежово, рильские братья тотчас же снарядили свою делегацию в Тырново. Ее возглавил Феофан — младший из трех упоминавшихся братьев, славившийся остроумием и сообразительностью. Прибыв в Тырново, монахи предусмотрительно приберегают на крайний случай свой главный козырь, ибо их

намерение забрать мощи вызывало всё усиливающееся брожение в городе. После трехдневных споров и раздоров с тырновцами обе стороны пошли к судье, и здесь-то монахи и предъявили письменное распоряжение султана.

Как искусный рассказчик Владислав Грамматик умело рисовывает растущее людское ликование по мере приближения мощей преподобного к обители. Но делает он это не посредством показа эмоционального состояния своих героев или взволнованного стиля в повествовании, а опосредствованно. Так, в Тырнове раку с мощами святого провожали несколько иноков и нищих, в Никополе ее встречал и провожал весь город; а в Средце, где рильцы находились 6 дней, раку торжественно поместили в церкви св. Георгия Победоносца подле мощей сербского короля Милутина. На поклонение туда стекались все горожане от мала до велика. Еще более торжественно встречают раку при приближении к Рильской обители. Извещенные письмом из Средца, большинство рильцев во главе с игуменом Давидом (старший брат Иоасаф к тому времени умер) отправляются к реке Герман (Джерман) в полутора днях ходьбы и поджидает там процессию со свечами, кадилами и песнопениями. Торжественность усиливается неподалеку от стен монастыря благодаря песнопениям и молитвам насельников, остававшихся ранее дома и вышедших навстречу процессии.

Повествование книжника не лишено «чудесных» элементов. Близ Тырнова, по его словам, процессия не могла переправиться через реку Росита (Росица) из-за высокой воды и речных быстрин. Тогда из раки повалил благоуханный дым, окутавший то место на расстоянии двух часов пути, и ободрившиеся монахи без труда преодолели водную преграду. Чудесным выглядит и стремление Ивана Рильского в конце пути как можно быстрее достичь родной обители. Окрылённые Духом Святым люди, взяв на плечи раку преподобного у монастырского подворья Орлица, вдруг исчезли из виду, «ибо помчались вперед быстрее резвых оленей». Даже пустившиеся вдогонку всадники не сумели настичь этих людей с их драгоценной поклажей. Эти невероятные происшествия, однако, не изменяют в целом реалистичный, «бытописательный» характер повествования Владислава Грамматика. Так, рассказывая о намерении софийских жителей устроить торжественные проводы

святого, книжник пишет, что они все-таки решили воздержаться от этого из соображений собственной безопасности. Страх перед «агарянской завистью» и возможной бедой возобладал у них над приливом религиозных чувств. Реалистична и картина расставания с ракой подвижника: острый глаз книжника замечает в толпе не только знатных мужчин на конях, но и пешеходов попроще, и городскую гольтьбу, представляющую большинство и идущую босиком.

«Повесть» завершается сообщением об установлении ежегодного праздника перенесения мощей Ивана Рильского 1 июля 1469 г. и о благодарственном письме монахов Марии Бранкович, которая в ответ послала покров для раки, и указанием книжника на то, что мощи преподобного находились в Тырнове 274 года.

Значительные усилия приложил Владислав Грамматик и для сохранения памятников болгарской литературы IX—XIV вв. для своих современников и потомков. По заказу рильских монахов он составил и переписал так называемый «Рильский панегирик» (1479) — огромный рукописный свод, в котором наряду с произведениями раннехристианских писателей были помещены пространное житие Кирилла, похвала Кириллу и Мефодию, евфимиевские жития Ивана Рильского и Петки Тырновской (с его собственным и цамблаковским добавлениями), евфимиевское похвальное слово Константину и Елене, три евфимиевские послания, похвальное слово Филофее Иоасафа Бдинского, цамблаковское житие Стефана Дечанского. В Рильской обители также находились и другие внушительные сборники Владислава Грамматика: «Пределы» (1456), «Загребский сборник» (1469), «Адрианты» (1473) и др.

Созданные им рукописи являются образцами высокого профессионализма. Они писаны изысканным каллиграфическим полууставом, богато иллюминированы заставками, инициалами и концовками, снабжены многочисленными авторскими замечаниями и пояснениями. Под началом книжника в Рильской обители сформировалась книгописная мастерская, видными представителями которой являлись Мардарий Рильский, Давид Рильский, монах Пахомий и другие копиисты, трудившиеся в 70-е годы XV — начале XVI в. Возможно, именно ими вскоре после 1469 г. была произведена окончательная доработка служб Успению Ивана Рильского (18 августа), пе-

ренесению мощей святого в Тырново (19 октября) и созданы новые каноны, которые образовали с уже имевшимися восьмизвучный цикл параклисов (молебных канонов) в честь подвижника.

С Рильским монастырем было связано и творчество Димитрия Кантакузина — писателя, творившего в Сербии во второй половине XV в. Он происходил из знатного византийского рода, имевшего родственные узы с византийскими и сербскими правителями. Известно, что Димитрий Кантакузин был знаком с Владиславом Грамматиком, так как по его заказу этот книжник составил «Загребский сборник» (1469), о чем он сам сообщает в приписке, называя своего заказчика «господином». От творческого наследия писателя уцелело несколько произведений, два из которых были написаны по просьбе братии Рильской обители: житие Ивана Рильского с небольшой похвалой и служба подвижнику. Их составление относится к периоду между 1469 и 1479 гг. При написании жития писатель использовал посвященные Ивану Рильскому агиографические повествования патриарха Евфимия Тырновского и Георгия Скилицы. В нем чувствуется тяга автора к соединению жанров жития и похвального слова, но писатель не достигает поэтических высот евфимиевских или цамблаковских сочинений.

Житие Ивана Рильского писалось им как проповедь для произнесения в день праздника святого в основанной им обители. Димитр Кантакузин не останавливается подробно на биографии подвижника по причине прекрасной осведомленности о ней монастырской братии. Жизненный путь Ивана Рильского здесь лишь слегка обозначен, о нем говорится в общей форме без упоминания конкретных названий мест, где подвизался святой. Книжник концентрирует свое внимание главным образом на библейских параллелях действиям, поведению и даже имени преподобного. Так, например, он заменяет народное имя святого «Иван», на «Иоанн», и упоминает многочисленные библейские лица и раннехристианских деятелей, носивших такое же имя: Иоанна Предтечу, Иоанна Богослова, Иоанна Златоуста и др. Димитрий Кантакузин часто прибегает к скрытым библейским параллелям, предполагая в слушателях отличное знание текстов Священного Писания. Иногда эти намеки столь туманны и абстрактны, что смысл отдельных кантакузинских строчек улавливается с трудом.

Несколько более подробно останавливается книжник на чудесном исцелении византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180) — эпизоде, позаимствованном им из жития Ивана Рильского, написанного Георгием Скилицей. Он вносит и нечто новое по сравнению со своими предшественниками, утверждая, что одеждой Ивану Рильскому служила «кожаная риза», и в отличие от Евфимия Тырновского пишет, что пустынник лично встречался с царем Петром и напутствовал его своим поучением. Весьма интересны и отсутствующие у других авторов рассуждения книжника о причинах, которые способствовали покорению балканских народов османами. Димитрий Кантакузин усматривает их в многолетних междоусобицах, которые раздирали болгар и греков. Книжник не отдает предпочтения ни тем, ни другим и распределяет вину между ними поровну. Принятие болгарами веры Христовой, по мнению писателя, не смягчило их сердца и не заставило отказаться от зла, их жестокость и бесчеловечность заслуживают порицания и ненависти. Не лучше выглядят и греки из-за своей гордыни, самохвальства и высокомерия. Длительная вражда этих народов привела к тому, что они проливали кровь, словно воду. Вина падает также и на другие христианские народы, особенно «латинян» (крестоносцев), которые вначале разделили церковь, а затем ополчились на православных, заняли Константинополь и удерживали его около 60 лет. Но даже из этого греки не извлекли для себя уроки: вернув столицу, они вновь стали воевать против болгар и, более того, призвали на помощь «измаильтян», которые уже отняли у них самих Анатолию. По мнению Димитрия Кантакузина, это было одной из самых пагубных ошибок греков, так как они наложили на «злую рану злейший пластырь» и начали «лечить лютое горьким». Итогом оказалось крайнее «свое и болгарское запустение и всеобщая разруха». Описывая бедствия, постигшие болгарские и греческие земли, писатель с горечью рассказывает о похищении у христиан женщин и детей, обещивании девушек, продаже похищенных в рабство, насильственном обращении молодежи в турецкую веру.

Часть вины за попадание балканских народов в османское рабство, по мнению Димитрия Кантакузина, ложится и на сербов. Вначале их вроде бы не коснулась Божья кара за содеянные грехи. В правление Стефана Душана Сербия благоденство-

вала и процветала. Сделавшись сербским царем, он подчинил своей власти новые области и пределы. Стефан почтил титулом кесаря своего вассального вельможу Хрелё, который, прослышав о чудесах преподобного Ивана Рильского, отстроил заново основанную им обитель. Однако этому благополучию страны вскоре пришел конец. Виновниками стали сербские деспоты братья Угleshа и Вукашин, которые нарушили клятву верности своему повелителю и убили его сына, малолетнего царя Уроша (1355–1371). Божье наказание за содеянное, по словам книжника, не замедлило свершиться. Именно им объясняет он сокрушительное поражение объединенного войска братьев в битве при р. Марице с турками, в результате которой большинство сербов утонуло в реке, а их предводители погибли «жалкой смертью». Иначе невозможно себе представить, как семидесятитысячное, хорошо обученное сербское войско не могло справиться с 4,5 тысячами «измаильтян».

В несколько неожиданном ракурсе дан в житии образ османского султана Мохаммеда II. При его создании Димитрий Кантакузин использовал типичные «этикетные» характеристики, обычно применявшиеся по отношению к христианским правителям. Мохаммед называется «великим»; по словам книжника, он обладал острым умом и сумел создать «чудное войско», обладавшее прекрасной военной организацией. Годы его правления хотя и были «мучительными» и «тяжкими», но тогда инокам была предоставлена «всяческая свобода» и они «наслаждались отрадой». Мохаммед проявил себя великолепным полководцем, он избегал телесной неги и лености, не предавался пьянству или чревоугодию, а стремился к воинской славе, брал сильные крепости, захватывал царства на суше и на море. Такая лестная характеристика, видимо, отчасти объясняется чувством благодарности за его распоряжение о перенесении мощей Ивана Рильского в Рилу. Нельзя не принимать во внимание и то обстоятельство, что Димитрий Кантакузин был связан родственными узами с сербскими правящими кругами, а те, в свою очередь, пытались породниться с османскими султанами, чтобы умерить их завоевательный пыл. Мария Бранкович, к которой обращались за содействием рильские монахи, приходилась мачехой Мохаммеду, оказывавшему ей, по свидетельству книжника, большую честь.

Димитрий Кантакузин может считаться продолжателем евфимиевских традиций, но говорить об их дальнейшем развитии в его творчестве едва ли правомерно. Он не был столь даровитым писателем, как Евфимий, Киприан или Григорий Цамблак. Написанное им житие не обладает изящностью слога, соразмерностью композиционных составляющих, в нем нет неожиданных эпитетов или оригинальностью сравнений. Кроме жития и службы Ивану Рильскому, книжник написал стихотворную «Молитву Богородице», похвальные слова Димитрию Солунскому и Николаю Мирликийскому. Известно также, что он составил послание domesticу Исаяе и географическое описание, но первое из них до нас не дошло, а от второго уцелели лишь два небольших фрагмента.

В XVI столетии наиболее интенсивная литературная жизнь протекала в Софии. Превратившись в столицу Румелийского бейлербейства — северной провинции Османской империи, она стала крупнейшим экономическим и духовным центром страны. Здесь процветала торговля, возникали многочисленные цеха ремесленников, росла численность городского населения. В этот период здесь имелось две школы, одна из которых находилась при митрополичьей церкви св. Марины, а другая являлась общегородской. Наличие в предгорьях близ Софии целой россыпи монастырей — Илиенского, Кокалян-ского, Драгалевского, Буховского и др. — способствовало активизации работы книгописных мастерских. В них были созданы такие замечательные образцы книжного дела, как Урвичское, Драгалевское и Буховское четвероевангелия, Драгалевская псалтырь, Урвичский и Германов сборники.

Помимо переписывания богослужебных книг, создавались в Софии и оригинальные литературные сочинения. На их характер повлияли реальные изменения, происшедшие в болгарской политической и культурной жизни. Основная задача литературы в тот период виделась в защите православной веры от религиозно-ассимиляторских устремлений оттоманских властей. В условиях колонизации болгарских земель османами и роста османского элемента в балканских селениях отказ от христианской веры и обращение в магометанство фактически означали разрыв с исконным укладом жизни и языком. Насильственно исламизируемые христиане постепенно утрачивали связь со своими соплеменниками и сливались этничес-

ки с завоевателями. Отуречиванию во многом способствовали периодические фирманы (указы) султанов о насильственной исламизации христианской «райи» (стада) Османской империи. В частности, при султানে Селиме I (1512–1520), получившем от современников прозвище Явуз (Жестокий, Грозный), было обращено в ислам большое количество христиан в Мизии, Фракии и Македонии. Отуречивание болгар проводилось и посредством особого налога «дювшерме» — кровной десятины, заключавшейся в насильственном отбирании малолетних христиан для янычарского корпуса. В османской неволе мальчиков подвергали обрезанию, воспитывали в духе мусульманского религиозного фанатизма и превращали в ударную силу для борьбы с бывшими единоверцами.

Желая сохранить свою главную опору, православную паству, Константинопольская патриархия поощряла написание житий «новых» мучеников за веру, пострадавших от завоевателей за отказ принять ислам. В конце XV — начале XIX в. на Балканах возникло более 70 мартириев, написанных на греческом и славянском языках. Этим произведениям были свойственны многие типологические черты. Они писались, как правило, сразу же после смерти страдальцев, и их авторами выступали писатели «духовного чина», занимавшие видное место в церковной иерархии. Героями мартириев обычно становились мелкие ремесленники, лодочники, матросы, невольники-христиане и представители других низших социальных слоев Османской империи, жившие преимущественно в городах. Составители мартириев часто превращали себя в действующих лиц своего повествования и являлись наставниками христиан, подвергавшихся испытанию. К мартирологической топике также относится возведение на героев ложных обвинений магометанами, неоднократное заключение их в тюрьму, непременные религиозные споры между страдальцами и агарянами и др.

Эти особенности балканских мартириев в значительной мере прослеживаются и в житиях мучеников, которые были созданы в Софии в XVI столетии. Очевидно, они возникли при одобрении греческих владык, назначавшихся софийскими митрополитами по благословению Константинопольской патриархии. Мы имеем в виду «Повесть о Георгии Средецком» и «Сказание о Николe Софийском», составленные книжником

Пейо и Матеем Грамматиком по свежим следам событий. В них рассказывается о мученической смерти 18-летнего юноши Георгия, сожженного турками на костре в Софии 11 февраля 1515 г., и об ужасной кончине 45-летнего страдальца Николы, которого толпа магометан забила камнями в окраинном местечке «Три источника» 17 мая 1555 г. В жизненной судьбе и испытаниях двух героев наблюдается много общего. Оба мученика не являлись коренными софийцами и прибыли в столицу в зрелом возрасте — Георгий из македонского г. Кратова, а Никола из греческого г. Янины. София влекла их как крупный центр ремесла и торговли, в котором они надеялись найти свое место под солнцем. При этом оба переселенца рассчитывали на самих себя и на свои золотые руки. И тот и другой были искуснейшими ремесленниками, истинными мастерами своего дела: ювелир Георгий славился среди соплеменников филигранными «златокузнецкими» изделиями, а обувь сапожника Николы вызывала восхищение повсюду, где ему приходилось работать. Правда, переезд Георгия в Софию из Кратова имел и иную подоплеку. Юноша был необыкновенно привлекательным и после смерти родителей начал опасаться, что его могут силой забрать турки для определения в янычарский корпус. Поэтому перемещение Георгия в Софию напоминает скорее бегство, чем поиск лучшей доли в столице.

Биографии авторов упомянутых сочинений неизвестны, так же как и хотя бы приблизительные даты их рождения и смерти. Однако из текстов памятников видно, что они были не последними людьми в городе. Книжник Пейо, например, служил пресвитером в соборной церкви св. Марины. Он был хорошо знаком с софийским судьей и при надобности свободно заходил к нему. Знал Пейо и стражника тюрьмы, в которой содержался Георгий, причем тот был настолько привязан к нему, что устроил ему встречу со страдальцем в своем доме, где они могли поговорить с глазу на глаз. О сравнительно высоком социальном положении Пейо свидетельствуют также его неоднократные путешествия на Афон и встречи с Константинопольским патриархом Нифонтом II (1488–1490, 1497–1498). Видимо, Пейо был состоятельным человеком, ибо его гостеприимством пользовались пресвитер Стефан с супругой из близлежащего села Пенковцы. Об этом книжник сообщает в предисловии к житию, добавляя, что гости подолгу жили

в его доме. Предоставил Пейю свой кров и кратовскому сироте Георгию — будущему мученику и главному герою своего произведения. Турки называли книжника «сребропродавцем», и это наводит на мысль, что ему, видимо, принадлежала лавка, в которой продавалась церковная утварь. В этом случае интерес Пейю к искусному ювелиру Георгию объясняется не только набожностью и обаянием последнего, но и желанием пресвитера воспользоваться высоким профессиональным мастерством своего приемного сына.

Подобно Пейю, Матей Грамматик также был заметной фигурой в городе. В заглавии «Сказания» он называет себя «дьяком и великим «Ламбадарием»* церкви св. Софии». Вероятно, он занимал какой-то пост в софийской митрополии, поскольку его хорошо знали городские власти. Из сочинения Матея видно, что он был близко знаком с софийским епархом и надеялся на его заступничество во время религиозного разгула фанатичной агарянской толпы.

В «Повести о Георгии Средецком» обращает на себя внимание активная роль книжника Пейю. Он является одним из главных действующих лиц произведения. Пейю не только предоставляет кров будущему мученику, но и становится его духовным отцом. Он учит Георгия Священному Писанию и всячески его наставляет. После решения о заключении мученика в тюрьму Пейю сопровождает его и при помощи хитроумной уловки получает возможность для регулярных с ним свиданий. Поняв, что дело принимает нешуточный оборот, книжник дает взятку судье и добивается от него обещания смягчить участь юноши и не проявлять излишней суровости. Во время казни мученика Пейю находится рядом, поддерживая морально решимость Георгия пострадать за истинную веру. Затем он умело организует похищение останков страдальца и улаживает с властями вопрос об их торжественном погребении. От страницы к странице «Повести» всё многограннее предстает перед читателем фигура ее автора — умного, инициативного, находчивого, прекрасно ориентирующегося в обстановке и разбирающегося в человеческой психологии. В соответствии со средневековой традицией анонимности Пейю называет

* Служитель церкви, носивший фонарь с лампадой во время литургии.

себя «неким пресвитером» и лишь при приближении кончины своего духовного сына отступает от этого правила и начинает говорить о себе в первом лице.

Столь же активна роль автора и в «Сказании о Николе Софийском». Движимый религиозными чувствами Матей прилагает усилия, чтобы проникнуть к Николе в темницу и настаивать его для совершения мученического подвига. Осуществить это намерение было чрезвычайно трудно, но книжник не отступался от задуманного. Переговорив с одним из священников по имени Георгий, чей двор примыкал к зданию тюрьмы, и подкупив темничного стражника, он сумел вступить в контакт с мучеником. Вновь возникает фигура автора, когда Николу ведут на казнь. Несмотря на запрет епарха христианам приближаться к страдальцу, Матей не может оставить его без моральной поддержки. Незаметно смешавшись с толпой «агарян», он обменялся с Николой много значащими для них взглядами. Непосредственно у места казни Матей взглядом упросил мученика произнести последнюю молитву и благословить его. После кончины Николы книжник организовал похищение частицы останков мученика и, вероятно, побудил некоего из находившихся там христиан составить песнопения в честь новоявленного святого. Любопытно также, что, в отличие от Пейо, автор «Сказания» не соблюдает полную анонимность и в одном месте своего произведения называет собственное имя.

Оба сочинения поразительно схожи в изображении религиозной нетерпимости толпы «агарян». Она выступает как фанатичная неуправляемая сила, которая противопоставляет себя блюдущим закон «агарянским» судьям и в конечном итоге одерживает над ними верх. В «Повести о Георгии Средецком» после победы юноши в религиозном споре «агаряне» бросаются к нему, чтобы его растерзать, скрежеща зубами, словно дикие звери. Лишь вмешательство судьи спасает страдальца от самосуда толпы. Вслед за вынесением обвинительного приговора «агаряне» кидаются к Георгию и ведут его к месту казни. При этом одни из них бьют мученика по лицу, другие плюют в него, третьи сбивают с ног. Разложив костер, они несколько раз ввергают юношу в пламя и снова вытаскивают, пока всё тело страдальца не покрывается волдырями. Смерть Георгия наступает фактически не от огня, а в результате действий одного из наиболее свирепых ревнителей магометанской веры.

Схватив увесистое полено, он изо всей силы ударяет им мученика по голове, после чего тот испускает дух.

Еще больше изуверств «агарянской» толпы описано в «Сказании о Николе Софийском». После очередного судебного заседания по дороге в темницу толпа набросилась на Николу и зверски его избил: вся одежда мученика была разорвана в клочья, лицо залито кровью, плечи и ноги покрыты синяками от палочных ударов. В другой раз один из магометанских фанатиков учинил избиение Николы непосредственно в помещении суда. Он бил страдальца руками и ногами, выбил ему глаз и сломал челюсть, а затем повалил на пол и, вытащив огромный тесак, наверняка зарезал бы мученика, не воспрепятствуй ему стражники. Накануне казни множество «агарян» собралось перед зданием тюрьмы и начали по очереди врываться в камеру Николы с громкими воплями, потрясая орудиями пыток для его устрашения. Когда мученика вели на смерть, один из «агарян» схватил большой камень и ранил осужденного так, что кровь обагрила всю его голову и плечи. Особенно впечатляющая финальная сцена кончины Николы.

Толпа забрасывала его камнями, словно христианского мученика архидиакона Стефана, причем по приказанию епарха в это вовлекались все, включая детей, под страхом наказания за неучастие в убийстве «неверного». Толпа бесновалась и кружила возле тела многострадального Николы, терзая его, будто стая псов. Оно превратилось в сплошное месиво, но, не довольствуясь этим, «агаряне» привязали останки Николы к двум вбитым в землю колам и сожгли их дотла.

Беседы авторов со страдальцами и получение останков последних христианами в обоих сочинениях имеют некий «авантюрный» налет. Для этих эпизодов характерно множество сюжетных поворотов, наличие элементов неожиданности и обилие действующих лиц. То, что в византийских мартириях обычно передавалось одной-двумя строчками, здесь описывается довольно подробно и выглядит вполне реалистично.

Вот как, например, происходит обретение мощей новоявленного мученика в «Повести о Георгии Средецком». Получив отказ судьи на захоронение останков юноши, православные во главе с Пейо осуществляют их похищение. Он поручает эту небезопасную операцию одному из христиан, вознаградив его несколькими «сребренниками». Но трудность заключается

в том, что место казни охраняется турецкими стражниками, которые по решению толпы поддерживают огонь в костре, чтобы сжечь тело мученика дотла и не позволить христианам получить для поклонения хотя бы небольшую его частицу. Однако под утро стражников одолевает сон, и безмяннанный христианин успешно реализует свой дерзкий замысел. Но идти сразу к Пейо с подозрительной ношей по улицам города он не решается. Опасно также хранить останки Георгия у себя дома, где рядом живут мусульмане, поэтому он через третье лицо чуть позже переправляет их в храм св. Марины, где служит Пейо.

Сюжетный клубок в этом эпизоде разматывается стремительно, и все описываемые в нем события, по-видимому, являются достоверными. Автору не было смысла усложнять повествование обилием вымышленных фабульных поворотов — он лишь стремился к большей правдивости за счет точного изложения фактов. Но даже после того, как останки мученика оказались у христиан, софийский клир не решается на их торжественное захоронение без согласия османских властей. Поэтому Пейо снова отправляется к судье и рассказывает ему фантастическую историю о «чудесном» обретении им в церкви св. Марины останков Георгия, якобы перенесенных туда из костра на площади неведомой силой. Еще раньше к судье с повинной приходят и стражники. Побаиваясь наказания за плохое несение службы (заснули на посту), они также сочиняют небывлицы о загадочном исчезновении останков мученика у них на глазах. Османским властям не остается ничего другого, как удовлетворить просьбу христиан, и софийский клир устраивает торжественное погребение тела Георгия в храме св. Марины.

Захватывающим выглядит и эпизод свидания Матей Грамматика с подвижником в «Сказании о Николе Софийском». Несмотря на возможное наказание, книжник направляется к тюрьме, но обнаруживает ворота крепко запертыми. Тогда он идет к священнику Георгию, жившему поблизости, и по пути встречает набожного юношу по имени Стефан, который с радостью к нему присоединяется. Георгий предлагает дать тюремному стражнику взятку, и это предложение одобрено. День и час свидания выбраны идеально. Оно происходит в пятницу во время намаза, когда все мусульмане обычно предаются мо-

литвам, прерывать которые нельзя ни под каким предлогом. Однако в камере с Николой находятся заключенные магометане, от глаз которых не укрылась бы встреча Матея и Стефана с подвижником. Поэтому на всем протяжении беседа ведется сквозь крошечное тюремное окошечко, выходящее во двор упомянутого священника Георгия. Намаз, однако, не мешает заключенным магометанам осознать происходящее, и они начинают совещаться, как удобнее донести об этом властям. В целях конспирации Никола тотчас же переходит на греческий язык, который его сокамерники не знают. Матей ведет беседу через сопровождающего его Стефана, отлично говорящего по-гречески. Таким образом, угроза доноса теряет смысл, ибо магометане ничего бы толком не смогли объяснить властям в случае расследования.

Несмотря на сходство двух произведений, между ними нетрудно заметить существенные различия. В отличие от Пейо книжник Матей не придерживается строго традиционной композиционной схемы мученика. Он постоянно отклоняется от основной темы, и эти отклонения временами настолько значительны, что воспринимаются как самостоятельные композиционно-структурные единицы. Обычный факт перемещения Николы из Янины в Софию сразу же используется автором как повод для пространного описания столицы с ее необыкновенно чистым воздухом, живописными окрестными горами, горячими и студеными минеральными источниками. Или стоит, например, Матею завести речь о женитьбе Николы (причем в соответствии с житийной топикой подвижник, естественно, стремится блюсти целомудрие и не спешит обзавестись семьей), как тотчас же следует длинная авторская проповедь о пользе христианского брака и его преимуществах по сравнению с жизнью в одиночку. Особенно обстоятельно описывает книжник пребывание Николы в Валахии, куда тот, не предупредив близких, уезжает на несколько лет. И снова для Матея здесь важны не подробности сложной жизни своего героя, о которых говорится как бы мимоходом, а положение в соседних с Болгарией землях. В сущности, это даже не эпизод из жизни Николы, а детальное повествование о приходе к власти валашского воеводы Мирчу Чобана (1546–1554, 1558–1559), сменившего Раду VII Паисия Калугера (1536–1546). Подчеркивая достоинства второго и резко отзываясь о первом, Матей

создает образы безжалостного тирана и правителя полу-святого. Деяния Мирчу Чобана напоминают поступки легендарного Дракулы, прославившегося своей жестокостью. Отмечено печатью несправедности и само восхождение на трон этого воеводы: он отстраняет от власти своего предшественника в результате подкупа в Константинополе и пособничества зятя султана, к которому он сумел войти в доверие.

По сравнению с Пейо Матей гораздо больше опирался на литературный опыт своих соотечественников. Он знал и использовал не только произведение Пейо, но и сочинения болгарских писателей более ранних эпох. Среди них — ефимиевские жития Ивана Рильского и Илариона Мыгленского, цамблаковское житие Стефана Дечанского, ефимиевское похвальное слово св. Неделе, кантакузинское житие Ивана Рильского с небольшой похвалой и др. Однако эти факты не следует трактовать как доказательство прямого продолжения Матеем Грамматиком ефимиевских традиций. В «Сказании о Николе Софийском» не прослеживается главная тенденция болгарской агиографической и панегирической литературы XIV — XV вв., заключающаяся в слиянии жанров жития и похвального слова. Не характерны для этого произведения также стиль «плетения словес» или виртуозная легкость в обращении со словом, которой отличались творения Евфимия Тырновского и его последователей. С ними его сближает лишь наличие географического описания (Софии), а также обильные параллели между поступками Николы и библейских или раннехристианских героев. Однако здесь Матеем Грамматику изменяет чувство меры. Подобные параллели проводятся столь часто, что это затрудняет чтение, равно как и сам язык произведения — сложный и порой непонятный даже для современников писателя.

«Сказание о Николе Софийском» резко контрастирует с «Повестью о Георгии Средецком», написанной «простим» языком в силу сознательной установки ее автора. Пресвитер Пейо уже в предисловии предупреждает читателя, что его сочинение «простим и невеждам к разумению удобно будет». Он глубже, чем Матей, инстинктивно уловил кардинальные перемены, наступившие в социальной жизни болгар после установления османского ига. Выспренний, усложненный литературный язык типа матеевского уже не находил социального адреса-

та из-за уничтожения в стране национальной аристократии и денационализации церковной верхушки. Главную и единственную читательскую массу среди болгар в то время составляли единичные торговцы, мелкие ремесленники и рядовые священнослужители. Поэтому в дальнейшем судьба сочинений Пейо и Матяя оказалась различной. «Повесть о Георгии Средецком» широко распространилась на Балканах, и культ этого подвижника в XVI — XVIII вв. проник в Македонию, Сербию, на Афон и в Московское государство. И наоборот, «Сказание о Николе Софийском» так и осталось в единственном списке, и почитание этого святого не вышло за пределы Софии. Эти памятники иллюстрируют бинарность болгарского литературного развития в XVI в.: «Повесть о Георгии Средецком» — свидетельство демократизации литературного языка с учетом невзыскательных вкусов простого читателя, и «Сказание о Николе Софийском» — косвенная попытка следовать евфимиевским традициям, для которых уже отсутствовала реальная социальная почва.

Кроме указанных памятников, в Софии в XVI столетии были созданы и гимнографические сочинения: «Служба Георгию Средецкому», написанная всё тем же пресвитером Пейо, «Служба Николе Софийскому», составленная иноком Андреем и безымянными синайскими монахами, находившимися тогда в городе, а также анонимная «Беседа похвальная», посвященная софийским мученикам.

Мартирологическая линия в болгарской средневековой литературе затем обрывается. Греческое духовенство, занявшее ключевые позиции в церковно-религиозной структуре болгарских земель, не было заинтересовано в духовном росте болгар. Одобрив формирование культов Георгия Средецкого и Николы Софийского и возвысив имена этих мучеников до символов борьбы православных болгар против попыток исламизации их турками, греческие владыки, видимо, посчитали свою задачу исполненной. Волны насильственной исламизации продолжали накатываться на болгарские земли и во второй половине XVI, в XVII и XVIII вв. При султанах Мураде III (1574–1595), Мехмеде IV (1648–1687) и позднее насильственно обращались в магометанство целые болгарские села, города и области. Тысячи болгар предпочли смерть в православной вере вместо произнесения «Сальявата» (магометанское «Верую»), однако

их мученическая кончина не была увековечена в мартириях. Лишь в последней четверти XVIII — первой трети XIX в. появляются жития Дамаскина Габровского (1771), Златы Мыгленской (1795), Игнатия Старозагорского (1814), Онуфрия Габровского (1818) и других мучеников за веру. Однако большинство этих страдальцев-болгар погибли за пределами своей родины, и посвященные им произведения были написаны вне Болгарии на греческом языке. Эти жития не обладали такой яркостью, как сочинения пресвитера Пейо и Матея Грамматика, и, будучи переведенными на болгарский язык уже в новое время, сразу же оказались на периферии болгарской литературы.

Сочинения представителей Софийской книжной школы XVI в. были последним творческим всплеском болгарской средневековой литературы. Насильственное устранение завоевателями верхнего «интеллектуального» слоя болгарского общества не могло пройти для нее бесследно. Османское иго чудовищным прессом давило на болгарскую духовную культуру и не давало ей расправить крылья. Завоеватели резко отличались от болгар в этническом, языковом, религиозном и культурном отношении. Данное обстоятельство не создавало предпосылок для хотя бы неравноправного диалога и взаимообогащения духовных культур (как это было ранее в период византийского владычества).

Серьезно тормозило развитие национальной духовности в XVII — XVIII вв. отсутствие в стране сети светских школ. Болгары имели возможность получать лишь азы грамоты в «келейных» училищах, которые функционировали в крупных монастырях и церквях. Из-за запрета османских властей и препон греческого духовенства в Болгарии не выпускались печатные книги*. Они по-прежнему продолжали распространяться средневековым рукописным способом. Нехватка книг отчасти восполнялась деятельностью болгарских книжников в зарубежных культурных центрах. Еще в начале XVI в. священноник Макарий издал в Валахии «Служебник» (1508), «Октоих» (1510), «Четвероевангелие» (1512). Приблизительно полвека

* Первая типография в болгарских землях появилась лишь в 1835 г. благодаря инициативе национального просветителя Николы Карастоянова, печатавшего книги в г. Самокове без выходных данных. Официальное разрешение властей на работу типографии было получено только в 1847 г.

спустя кюстендилец Яков Крайков напечатал в Венеции «Часословец» (1566), «Псалтырь» (1569), «Молитвенник» (1570) и «Различные потребности» (1572); затем католический епископ Филипп Станиславов издал в Риме знаменитый «Абагар» (1651). Однако все эти книги имели богослужебный характер, причем две из них («Различные потребности» и «Абагар») были связаны с католической обрядностью, мало распространенной в болгарских землях. К тому же из-за относительной дороговизны они не могли иметь здесь широкого хождения.

Дальнейшее развитие болгарской литературы не могло протекать в русле, по которому устремился Матей Грамматик, и закономерно стало тяготеть к линии, начертанной пресвитером Пейю. Оно осуществлялось не посредством постепенной трансформации поэтической структуры мартириев, проникновения в них «реалистических» элементов, усиления исторического начала или углубления полемики против магометанства, а через демократизацию литературно-книжного языка, который всё более приближался к народному. Эта тенденция нашла свое воплощение в «дамаскинах» — рукописных книгах, получивших свое название по имени знаменитого греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита.

Созданный им сборник «Сокровище» стал весьма популярным на Балканах и после своего первого выхода в Венеции (1558) издавался до конца XVII в. около 30 раз. В состав «Сокровища» входило 36 религиозно-учительных произведений, среди которых находились слова на Благовещение, на Рождество Христово, на Богоявление, на Сретение, на Вознесение, жития Георгия Победоносца, Феодора Стратилата, Николая Мирликийского, Димитрия Солунского, поучения о посте и воздержании, о неделе крестопоклонной, о почитании икон и др. Большую часть этих сочинений написал сам Дамаскин Студит — другие принадлежали перу таких раннехристианских писателей, как Иоанн Дамаскин, Григорий Богослов, Климент Александрийский и др. В целом содержание «Сокровища» мало чем разнилось от содержания сотен иных средневековых религиозно-учительных сборников. Но было в нем и нечто новое: Дамаскин Студит написал его на новогреческом языке, близком к народному. Кроме того, писатель подверг значительной адаптации использовавшиеся им сочинения древних авторов, подогнав их под вкусы неискушенного в литературе читателя.

В конце XVI в. сборник был дважды переведен на болгарский язык и сделался одной из любимых книг болгар на протяжении XVII, XVIII и даже начала XIX вв. Первоначально статейный состав «Сокровища» выдерживался относительно строго, но затем в него начали включать произведения других авторов. Однако и в этом случае за такими фактически сборниками смешанного содержания продолжало сохраняться название «дамаскины». В общей сложности учеными выявлено около 200 болгарских сборников подобного типа. Многие из них часто называются по месту своего обнаружения, написания, хранения, именам переписчиков и владельцев. Наиболее известными дамаскинами XVI в. являются Белградский и Рильский; XVII в. — Ханджарский, Тихонравовский, Копривштенский, Троянский, Протопопинский и Попстойковский; XVIII в. — Тетевенский, Свиштовский, Котленский, Пазарджикский, Янкуловский, Жеравненский и другие дамаскины.

Первому веку «дамаскинской» эпохи исследователи, как правило, уделяют мало внимания. В XVI—первой половине XVII в. статейное содержание «Сокровища» при переводе на болгарский язык соблюдалось сравнительно строго, и сборник трактуется главным образом как памятник переводной литературы, в котором весьма последовательно прослеживается стремление к адекватной передаче текста, не допускающее никаких отклонений. Упускается, однако, из виду одно важное обстоятельство: стилистические и литературно-эстетические особенности греческого оригинала «Сокровища», написанного на языке, близком к народному. Тенденция к использованию живого разговорного языка в греческой официальной литературе возникла вскоре после падения Византии под ударами османских завоевателей. Уже Геннадий Схоларис — первый греческий патриарх, взшедший на престол после захвата Константинополя османами, — время от времени писал документы на одном из народных диалектов. Демократизация коснулась не только деловой письменности — она имела гораздо более широкие масштабы. Сюда относятся попытки переложения в Греции на народный язык в XV — XVI вв. канонических книг Ветхого и Нового Завета. В еще большей мере это относилось к словам и поучениям, которые читались в греческих церквях. Если создание канонических книг на народном языке не было особенно плодотворным делом (для большинства неграмотного народа

письменность на народном языке была так же непонятна, как и на древнегреческом), то церковные проповеди и слова нуждались в перефразировании ради доступности восприятия.

Демократический характер литературной деятельности Дамаскина Студита не был в Греции исключительным явлением. Его имя стоит в ряду имен таких греческих писателей и проповедников XVI в., как Алексис Рартурос, живший в Италии Николас Софианос и Иоанникий Карганос. Последний, в частности, писал в предисловии к сборнику слов, ветхозаветных и новозаветных историй: «И сотворил я это не для ученых, а таких, как я, необразованных, чтоб поняли все работающие и необразованные люди, о чем говорится в Священном Писании, а также чтобы каждый, кто трудится, умел читать: и женщина, и ребенок, и обыкновенный смертный».

Перевод «Сокровища» стал в Болгарии своего рода официальной санкцией на использование в литературе языка, близкого к народному. Сама лексика греческого оригинала требовала от болгарских переводчиков поисков нового словесного материала для наиболее адекватной передачи мыслей Дамаскина Студита. В Болгарии начался длительный процесс переосмысления сложных христианских догм, переложения их на более доступный язык, «перекройки» фразеологических и образных единиц ортодоксальной христианской символики. Эволюция происходила на самых различных уровнях: от языкового до литературно-эстетического. Дамаскины стали удобной формой для переосмысления собственно национальных традиций. Начиная с середины XVII в. сборники слов Дамаскина Студита постепенно превращаются в сборники смешанного содержания. В них включаются произведения других древних греческих и болгарских авторов. В XVII — XVIII столетиях мы обнаруживаем в них жития Ивана Рильского, Петки Тырновской, Георгия Нового, апокрифические Слово о светопреставлении, пришествии Антихриста и Страшном суде, Вознесение Анастасиево и другие сочинения известных или анонимных болгарских авторов предшествующих эпох. Указанные произведения не переписывались чисто механически: переписчики вносили в них свои изменения, которые касались не только языковой стороны, но и самой образной структуры протографов. Повествования древних писателей оживлялись за счет вымышленных фактов, большей конкретизации, новых придуманных эпизодов. Перед нами

обычно не копия переписывавшегося произведения, а новая редакция, переосмысление древнего творческого наследия. Новыми редакциями можно считать житие Ивана Рильского, которое составил книжник Даниил на основе жизнеописания упомянутого святого, созданного Евфимием Тырновским. Сюда можно отнести житие Георгия Нового, которое написал анонимный автор в начале XVIII столетия в результате переработки краткого проложного сказания о мученике середины XVI в., а также некоторые другие памятники письменности из болгарских сборников смешанного содержания XVII — XVIII вв.

Термин «редакция» к указанным произведениям можно употребить с известной оговоркой. Процесс перекраивания текстов часто носил полусознательный характер и превращался не в создание некоего нового литературного образца, а в элементарную перелицовку. Старому содержанию лишь придавалась новая, слегка модернизированная форма повествования. Если в древнерусской литературе «прочтение» редакций того или иного памятника нередко позволяет выделить многие новые идеологические нюансы или место её создания, то редакционные изменения, производившиеся составителями болгарских сборников смешанного содержания XVII — XVIII вв., носили совсем другой характер. Эти изменения затрагивали главным образом язык, образную структуру и форму перерабатывавшихся памятников. Это было переосмысление особого рода. Всякое движение в литературе есть результат переосмысления традиций. В болгарских же сборниках смешанного содержания оно не вело к рождению нового качества, а лишь иллюстрировало крайне медленную эволюцию читательских вкусов, под которые подгонялся литературный материал предшествующих исторических эпох. Не следует преувеличивать значение дамаскинов и в деле сохранения оригинальных памятников древнеболгарской литературы для грядущих поколений. Они переписывались болгарскими «дамаскинерами» сравнительно редко, и их буквально можно пересчитать по пальцам.

Новые редакции древнеболгарских произведений, включавшиеся в состав «Сокровища», не отличаются обилием новых идеологических моментов. В них можно заметить лишь одну идеологическую тенденцию, которая была свойственна поработанному болгарскому народу и глубоко жила в его сознании, — тенденцию антиосманскую. С началом османского ига,

когда были уничтожены сословные перегородки и болгарское общество было обращено в «райю», его внутренние противоречия оказались как бы вынесенными за скобки противостояния победителей и побежденных. Перед лицом угрозы религиозно-этнической ассимиляции произошла та самая духовная и идеологическая консолидация болгарского народа, которая помогла ему не исчезнуть навсегда с политической карты Европы и выстоять почти пять веков неимоверного иноземного гнета. Ее силу и мощь питала монолитность, заключающаяся в «великом противостоянии», внутреннем противодействии, неприятии завоевателей, глубоко запрятанной ненависти. Монолитность помогла выстоять, но она влекла за собой неизбежные издержки, послужила одной из причин неразвитости идеологической жизни в стране в целом и в литературе в частности. Даже антиосманская тенденция не находила в дамаскинах своего яркого отражения. Сочинения подобного рода могли вызвать суровые репрессии авторов со стороны оттоманских властей. В качестве антиосманских памятников выступали помещаемые в дамаскинах жития раннехристианских мучеников: Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Феодора Стратилата и др. Древних гонителей на христианскую веру болгарские книжники сравнивали с османскими насильниками, проводившими религиозно-ассимиляторскую политику.

Наиболее известным дамаскинармом XVII — первой половины XVIII в. являлся Иосиф Брадатый (около 1690 — около 1757). Перу этого книжника принадлежит около полутора десятков сборников смешанного содержания, написанных в 40-е — 50-е годы XVIII в. Затрагиваемые им проблемы находятся в непосредственной связи с действительностью, но одновременно имеют свои аналоги в христианской литературе. Иосиф Брадатый бичует алчность ростовщиков, но это весьма распространенный средневековый мотив обличения «сребролюбия». Его борьба против суеверий, по сути дела, есть не что иное, как выступление против языческих элементов в сознании болгарина. Точно так же высмеивание невежества духовенства — традиционная для средневековой книжности тема. В ряде случаев Иосиф Брадатый попросту консервативен, выступая, например, против изменения средневековой моды в одежде и быту.

Переводческая деятельность болгарских книжников XVI — первой половины XVIII в. не ограничивалась переложением

с греческого «Сокровища» Дамаскина Студита. Большой интерес вызывали у них и сочинения афонского монаха Агапия Критского. Его старопечатный сборник «Спасение грешных» (1641), и особенно третья его часть под названием «Чудеса Богородицы», составлена на основе греческих и итальянских источников. Именно она привлекла внимание Иосифа Брадатого, который перевел ее на «простий болгарский язык» в середине XVIII в. Книжник также произвел выборочные переводы из агапиевских книг «Эклогия» (1642), «Летняя книга» (1656), «Новый рай» (1664) и «Рай» (1741), поместив их в собственных сборниках смешанного содержания. Кроме того, Иосифу Брадатому принадлежит заслуга перевода агапиевского «Кириакодромиона» (1675), которому он дал название «Евангельское толкование». Это произведение предназначалось для священников и простых мирян, оно было написано просто и увлекательно. Можно также добавить, что в 1742 г. Иосиф Брадатый перевел «Маргарит» (1681), составленный из произведений Иоанна Златоуста в переложении на тогдашний греческий язык Парфения Пелопоннесского. Помимо Иосифа Брадатого, в болгарских землях, разумеется, трудились и другие переводчики с греческого языка, оставшиеся в своем большинстве анонимными. Так, например, в конце XVII в. анонимный болгарский книжник перевел с греческого наставления Феодора Студита, опубликованные под названием «Катехизис» (1676). Подобно другим греческим изданиям того времени, это была не точная копия древнего текста самого Феодора Студита, а его живой пересказ, который осуществили иеромонах Герасим Афонский и Парфений Пелопоннесский.

Наряду с сильным греческим влиянием в болгарской культуре XVI — первой половины XVIII в. всё заметнее становилось и русское присутствие. Оно ширилось преимущественно через русскоязычные книги церковно-религиозного содержания, издававшиеся в Москве, Киеве и Вильне. Эта литература проникала в болгарские земли в результате «хождений» местных православных иерархов в Россию за помощью. В исторических документах зафиксированы многочисленные поездки болгарских митрополитов, игуменов, архимандритов и монахов Рильского, Преображенского, Лясковецкого и других монастырей. Наиболее частыми гостями в Москве и других русских городах в тот период были посланцы Рильского мо-

настыря, регулярно получавшие особые проездные «грамоты» от московских государей. Среди щедрых пожертвований братии со славянского юга помимо богатой церковной утвари, роскошных облачений священнослужителей и денег почти всегда имелись и старопечатные книги.

Другим каналом, по которому русская старопечатная книга проникала в болгарские земли, являлись афонские монастыри: русский св. Пантелеймона, сербский Хилендарский и болгарский Зографский. Отправлявшаяся туда из России литература становилась духовным достоянием не только местных монахов, но и многочисленных южнославянских паломников, приехавших на поклонение в Святую Гору. В отличие от греческих изданий русскоязычные старопечатные книги не нуждались в переводе и были понятны любому грамотному болгарину. Эта литература сыграла важную роль в сохранении исторической памяти болгарского народа. В свое время, попав на Русь, сочинения древнеболгарских авторов теперь посредством русскоязычных старопечатных книг возвращались в Болгарию, где они были забыты или утрачены в период османского завоевания. Произведения древнеболгарских книжников были представлены в этих книгах значительно полнее, чем в дамаскинах. В них читатель обнаруживал сочинения Черноризца Храбра, Евфимия Тырновского, Григория Цамблака, анонимные жития Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Петки Тырновской, службы болгарским подвижникам и пр.

Гораздо более живо, а порой весьма остро по сравнению с «дамаскинами», реагировали на окружающую действительность создатели болгарских летописных заметок XVI — первой половины XVIII в. Эти заметки, как правило, помещались в богослужебных книгах или сборниках религиозного содержания. И это неудивительно, поскольку их авторами обычно выступали представители черного и белого духовенства, которые составляли подавляющее большинство грамотного населения болгарских земель. Эти заметки поражают своей непосредственностью, искренностью, открытым проявлением чувств. В них порой встречается неприкрытая ненависть к османским угнетателям — вещь непозволительная для авторов произведений, предназначенных для широкого (а не семейного или монастырского) круга читателей. Так, например, в «Зографском четвероевангелии» 1567 г. его переписчик называет свое

время «лютым» и «скорбным», а правящего тогда султана Селима II (1566–1574) «кровопийцей», «блудником» и «пьяницей». В другом «Четвероевангелии» 1573 г., переписанном в селе Горна Митрополия близ Плевны, автор летописных заметок, священник Димитр повествует о нелегком положении «райи» в Османской империи. «Мы, благочестивые христиане, — пишет он, — изнемогли здесь от его (Селима II. — *И. К.*) насилия». Одновременно он сообщает о «великой брани» в Морее (война Османской империи с Венецианской республикой за Кипр) и о том, что в престольном граде Тырнове владычествовал тогда архиепископ Арсений.

Во многих летописных заметках сообщается и о голодных годах, высоких ценах на пшеницу, ячмень, масло и брынзу, насильственных наборах юношей в янычарский корпус, разрушении турками христианских церквей, тяжелых податях, налагаемых властями на «райю»: в «Требнике» (1641), «Цветной Триоди» (XVI в.) и др. В «Толковой псалтыри» из монастыря св. Афанасия близ села Лешок извещается о событиях австро-турецкой войны в 1737 г., о занятии австрийскими войсками Ниша, о наступившем ужасном голоде, во время которого кратовские попы были вынуждены питаться одной травой. Характер этих и других болгарских летописных заметок XVI — первой половины XVIII в. и их относительная многочисленность свидетельствуют о том, что они не есть сугубо бытовое, спорадическое явление. Красноречивым доказательством этого соображения служит своеобразный летописец священника Петра из села Мирково. Он помещен на полях страниц рукописного апокрифического сборника XVI в. и представляет собой целостный летописный рассказ. Его содержание касается не местных локальных происшествий, а событий общеевропейского значения: войны Османской империи со Священной лигой, поражения турок при Мохаче (1687), переворота, в результате которого султан Мохаммед IV был низложен отчаявшейся османской армией, взятия Белграда, Ниша и Пирота австрийцами, неуспешного восстания болгар в селе Чипровцы (1688) и др. Несмотря на некоторые фактические неточности, летописный рассказ в целом верно передает основной ход исторических событий на Балканах и является ярким образцом ведения летописных заметок болгарскими книжниками XVI — первой половины XVIII в.

* * *

Окидывая взглядом развитие болгарской литературы IX — первой половины XVIII в., поражаешься крайней неровности и необычности пройденного ею пути. Она пережила блестящие взлеты в эпоху царя Симеона (IX—X вв.), зарождение и расцвет Тырновской книжной школы (XIV — первая половина XV в.), но наряду с этим претерпевала ужасные удары, периоды затухания в ней творческого начала из-за попадания страны в византийскую, а затем османскую неволю. Она то становилась ведущей литературой *Pax Slavia Orthodoxa*, то сама нуждалась в поддержке и, возрождаясь, впитывала живительные соки литератур русских, сербов и греков. Этот взаимообмен духовными ценностями между указанными народами в период Средневековья не был перманентным, равноценным или равновеликим. К нему менее всего подходит сравнение с принципом «сообщающихся сосудов». Вклад древнеболгарской литературы в формирование новой европейской цивилизации *Slavia Orthodoxa*, особенно на самом раннем его этапе, был поистине уникальным. Он может быть назван «болгарскими дарами» южной и восточной славянской православной общности.

Первый болгарский дар — утверждение дела Кирилла и Мефодия и защита славянской письменности уже не перед Римом, а Византией. Эта великолепная защита смогла осуществиться прежде всего благодаря военной мощи тогдашней Болгарии, ставшей на Балканах державой-соперницей Византии. Проведение такой защиты способствовало расцвету в болгарских землях культа создателей первой славянской азбуки — св. Кирилла и Мефодия и распространению его впоследствии среди южных и восточных славян.

Второй болгарский дар — это усовершенствование кирилло-мефодиевской азбуки, создание «кириллицы», в которой неразрывно были объединены графемы греческого унциального письма и ряд модифицированных глаголических графем. Данная азбука с небольшими изменениями и поныне бытует не только у болгар, но и у русских, украинцев, сербов, белорусов, македонцев и многих неславянских народов.

Третий болгарский дар — кодификация литературно-книжного древнеславянского языка, основы которого были заложены Кириллом и Мефодием в Великой Моравии и Паннонии. Именно на славянском юге болгарские книжники в эпоху царя Симе-

она отточили и обогатили кирилло-мефодиевский язык, довели его до блеска и совершенства. Получив здесь известную завершенность, этот язык стал общим достоянием православного славянства и в дальнейшем пополнялся местными материалами у украинцев, русских, сербов, белорусов и других народов.

Четвертый болгарский дар — это создание «золотого фонда» переводных произведений общехристианского содержания. Он значительно облегчил усвоение учения Иисуса Христа многими славянскими и неславянскими народами и ускорил процесс появления у них собственных оригинальных литератур. Впоследствии в расширении этого фонда и придании ему характера «коллективного творчества» приняли участие украинцы, русские и сербы, но их вклад в него не сопоставим с совокупным болгарским.

И, наконец, пятый болгарский дар — размах международного распространения памятников оригинальной древнеболгарской литературы, которые имели широкое хождение среди южных и восточных славян, а также в Молдавии и Валахии. И здесь вклад Болгарии был значительно большим по сравнению с потоком оригинальных литературных произведений украинцев, русских и сербов в болгарские земли. В данном случае понятие «международный размах» касается не только оригинальных болгарских памятников эпохи царя Симеона или Тырновской книжной школы, но и личного участия болгарских книжников в литературной жизни других православных стран. В XIV — первой половине XV столетия на Руси, в Сербии, Молдавии и Валахии, на Украине и в Литве творили такие замечательные писатели, как Киприан, Григорий Цамблак и Константин Костенецкий. Их творческое наследие оставило заметный след в истории литературы многих православных народов. В то же самое время ученым неизвестно ни одного имени сколь-нибудь крупного украинского, русского, сербского, молдавского или валашского писателя, трудившегося в болгарских землях в XI — первой половине XV столетия.

Именно эти исторические особенности древнеболгарской литературы — ее щедрость и ее бесценные дары южным и восточным славянам — помогли ей выстоять в тяжчайшие периоды болгарского национально-исторического бытия.

Благодаря кодификации кирилло-мефодиевского литературно-книжного языка, созданию «золотого фонда» пере-

водных памятников общехристианского значения и своему международному размаху древнеболгарская литература имела возможность хотя бы частично восстанавливать свои собственные богатства после губительного ига или разрушительного османского вторжения. В Болгарию вслед за свержением господства византийцев вновь возвращалось то, что перешло из нее к украинцам, русским и сербам в виде щедрого, бесценного дара. Наличие общего для православных славян литературно-книжного языка без особого труда позволяло в конце XII — начале XIII в. понимать перенесенные непосредственно из Руси или через Афон святоотеческие тексты и тексты Священного Писания, жития Бориса и Глеба, княгини Ольги, поучения Кирилла Туровского. Возвращались в страну и утраченные здесь памятники оригинальной древнеболгарской литературы. Они часто помещались в рукописных сборниках с переведёнными болгарскими памятниками общехристианского содержания, сохраняясь тем самым за пределами родной земли. И позднее международный размах болгарской литературы в конце XIV — первой половине XV в. помог возродиться литературной жизни Болгарии после османского погрома во второй половине этого же столетия. Тесная связь с сербскими землями, где трудились в свое время Григорий Цамблак и Константин Костенецкий, теперь продолжалась в новом качестве. Около полувека спустя уже сербские писатели Владислав Грамматик и Димитрий Кантакузин своими произведениями, своей переводческой и книгописной деятельностью способствовали возобновлению литературных традиций на западе Болгарии.

В XVI столетии болгарские книжники следуют греческой мартирологической линии; их сочинения отмечают последний творческий всплеск средневековой болгарской литературы. В «Повести о Георгии Средецком» и «Сказании о Николе Софийском» чувствуется некий сдвиг по сравнению с византийской «мученической» литературной традицией. Он проявляется в повышении роли авторов, которые превращаются в активных действующих лиц повествования, усилении занимательного начала, наличии неожиданных фабульных поворотов, стремлении к точной передаче канвы событий и т. п. Но одновременно эти произведения иллюстрируют своеобразную безальтернативность последующего литературного движения. Для продолжения и тем более дальнейшего развития

евфимиевских традиций в стране уже отсутствовала реальная почва. «Сказание о Николе Софийском», созданное как попытка подражания языковому эксперименту Евфимия Тырновского и его последователей, свидетельствует о тупиковости пути, который избрал автор произведения Матей Грамматик. Популярность приобрела «Повесть о Георгии Средецком», написанная пресвитером Пейо «простим языком» для своих слабо образованных соплеменников.

Впоследствии проблема сохранения родного языка выдвигается для болгарских книжников на передний план. Традиции защиты славянской письменности и славянского языка, которые сложились в Болгарии еще в X и XIII столетиях и которые, по определению Д. С. Лихачева, образовывали передовую линию обороны болгарского «государства духа», помогли выстоять стране и в XVI — XVIII вв. Ни одна другая литература не сумела бы вынести почти полутысячелетнего ига. Условия, в которых находилась болгарская литература, были гораздо тяжелее, чем у также перенесших османское ярмо греков и сербов. И дело здесь не только в том, что у этих народов иго продолжалось не столь долго. У Болгарии не было ни как у греков, не занятых турками островов, где продолжали развиваться поствизантийские традиции и возникали ростки литературного нового, ни как у сербов, патриархии и компактной литературной эмиграции, которая создала очаги национальной сербской культуры в габсбургской Австрии. Отсюда и необычный путь болгарской литературы в XVII — первой половине XVIII в. и существование в ней целой «эпохи дамаскинов». Последние хотя и не отличались богатством новых идеологических моментов, но сохраняли главное — родной язык, близкий к народному разговорному. Дамаскины фактически превратились в последний болгарский оборонительный рубеж против турецкой религиозно-ассимиляторской угрозы и греческого духовного гнета.

Именно в среде «дамаскинаров» начнут постепенно вызревать мысли о необходимости возрождения болгарской государственности и национальной церкви, создания сети светских школ и организации книгопечатания на родной земле. Эти идеи станут наиважнейшими в период болгарского Национального возрождения.

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (КРАТКИЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРК)

Обосновавшись на Балканах в VI–VII вв., славяне вошли в непосредственный контакт с Западной и Восточной Римской империей. От более культурно развитых соседних народов они восприняли христианство, усвоили богослужебные памятники (которые, чаще всего, представляли собой одновременно и памятники литературные) вначале на чужих сакральных языках — латинском и греческом, а затем обрели свою собственную славянскую письменность и создали на ней переводную и оригинальную славянскую литературу. Болгары и сербы были крещены по византийскому обряду в 60–70-е гг. IX в., а хорваты и словенцы по латинскому обряду несколько раньше: хорваты, возможно, еще в начале IX в. подверглись христианизации франкскими епископами, а словенцы в 843 г. попали в зависимость от немцев и, вероятно, были крещены баварскими латинскими миссионерами. При этом в возникновении собственно славянских литератур почти всегда можно выделить два этапа: а) получение литературного образования посредством знакомства с иноязычными богослужебными и небогослужебными книгами после принятия христианства; б) создание славяноязычных литературных произведений вслед за появлением славянских алфавитов и славянской письменности. Эти периоды могут иметь различную протяженность в зависимости от местоположения той или иной славянской страны на Балканах и их географической близости к двум ближайшим христианским центрам — Константинополю и Риму. Главная разница между последними состояла не в сути вероисповедания — в IX — X вв. она была несущественной, — а в различном отношении к языку богослужения: Константинополь

допускал богослужение на родных языках христианизируемых народов в контролируемом им регионе *Slavia Byzantina*, в то время как Рим постоянно возвращался к идее богослужения в сфере своего влияния *Slavia Latina* исключительно на языке латинском. Такой подход существенно тормозил развитие литератур у славян на родном языке на северо-западе Балканского полуострова. Здесь могли появляться латиноязычные литературные памятники, написанные славянскими авторами, и зачастую имело место развитие литературы параллельно на славянском и на латинском языках.

В наиболее благоприятной ситуации оказалась Болгария, которая имела сильное централизованное государство с 681 г. и через два десятка лет после крещения (865) приютила у себя учеников Кирилла и Мефодия, изгнанных из Великой Моравии (886). Изгнанники принесли с собой славянские богослужебные книги, писанные с помощью первой славянской азбуки глаголицы, и способствовали переходу от византийской грекоязычной богослужебной практики к славяноязычной. Видимо, благодаря их знаниям вскоре была осуществлена и замена глаголической азбуки кириллической (893). В основе последней лежали графемы греческого унциального письма, с которыми уже успели свыкнуться болгарские книжники, владевшие греческим языком. Пришедшие в Болгарию кирилло-мефодиевские ученики были уже сложившимися зрелыми писателями, переводчиками, проповедниками и педагогами. Наиболее одаренными из них писателями были Климент, ставший епископом Охридским, Константин, возведенный в сан епископа Преславского, и Наум, замещавший Климента на Охридской епископской кафедре во время отъездов владыки в Великий Преслав.

Кирилло-мефодиевские ученики и их помощники восстанавливали утраченные во время бегства из Великой Моравии переводы богослужебных книг; они занялись переложением на славянский язык еще не переведенных книг Священного Писания, знакомили местное славянское население с сочинениями таких отцов церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирийский, Иоанн Дамаскин, Иоанн Лествичник и др. Среди переводчиков того времени выделялись Иоанна Экзарх, пресвитер Григорий, пресвитер Иоанн и Тудор Доксов. В оригинальной болгарской литературе на-

ибольшее развитие получили жанры церковной проповеди и гимнографии, где особенно отличились Климент Охридский и Константин Преславский. Значительно окреп культ славянских первоучителей Кирилла и Мефодия: их ученики создали новые посвященные им агиографические и гимнографические сочинения, а писатель Черноризец Храбр сочинил апологию славянской письменности «О письменах». Это сделало известным подвиг Кирилла и Мефодия не только в славянском мире, но и за его пределами.

Ученые справедливо называют конец IX — X в. «золотой» эпохой древнеболгарского литературного развития. Ему способствовал ряд благоприятных обстоятельств: а) поддержка книжности князем Симеоном, который был провозглашен затем первым славянским царем; б) наличие у болгар церковной самостоятельности: Болгарская церковь быстро получила статус архиепископства (870), а затем и патриархии (между 922 и 944); в) обилие в болгарских землях в силу географического соседства с Византией большого числа билингвов, свободно говоривших и по-славянски, и по-гречески.

На протяжении IX — XI вв., т. е. в период Первого Болгарского царства, в болгарской книжности появились почти все литературные жанры, сложившиеся к концу IX столетия в Византии: агиография (жития Антония Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Синайского, Саввы Освященного, Алексея Человека Божьего и др.), гимнография (литургии, службы, каноны и тропари праздникам и подвижникам), церковная проповедь (слова и поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Синайского и др.), монашеские хроники (Иоанна Малалы, Георгия Амартола и др.), монашеский фольклор (патерики Иерусалимский, Азбучный, Египетский, Римский, Скитский и др.), естественнонаучные сочинения («Небеса» и «Источник знания» Иоанна Дамаскина, «Шестоднев» Василия Великого в переводе Иоанна Экзарха, «Изборник» царя Симеона и др.), владетельская похвала («Похвала князю Симеону») и др.

Созданный книжниками Первого Болгарского царства огромный фонд литературных памятников сыграл впоследствии важную роль в возникновении литератур у русских, сербов и ряда других славянских и неславянских народов и существенно облегчил быстрое развитие у них собственных оригинальных литератур. Он избавлял местных писателей от необходи-

мости переложения на славянский язык сочинений, которые уже блестяще перевели их болгарские предшественники. При этом следует особо отметить, что усвоение этих болгарских книжных сокровищ касалось главным образом переводной литературы общехристианского характера. В литературе этих народов получили также распространение многие болгарские переводные и оригинальные апокрифы: «Слово об Адаме и Еве», «Книга Еноха», «Откровение Варухово», «Видение Исаиево», «Сказание о крестном древе» болгарского пресвитера Иеремии и др.

Блестящий взлет болгарской литературы был прерван византийским владычеством, которое продолжалось около двух столетий (1018–1186). После того, как Болгария стала провинцией Византийской империи, она не только утратила государственность. Существенно был понижен и статус болгарской церкви: из патриархии она была преобразована в автокефальное архиепископство. Вскоре славянское богослужение начало вытесняться греческим. Место элитарных болгарских писателей заняли образованные византийцы, писавшие на греческом языке, но иногда затрагивавшие в своих сочинениях болгарские темы: Феофилакт архиепископ Охридский, наместник Софии византиец Георгий Скилица, архиепископ Охридский Димитрий Хоматиан и др. Большинство их произведений не были переведены на славянский язык и не стали достоянием славянской книжности. Исключение составили только написанные Георгием Скилицей житие и служба патрону болгарской земли преподобному Ивану Рильскому († 946). Они широко распространились не только на славянском юге, но и на славянском северо-востоке. Собственно болгарские произведения второй половины XI — XII вв. составляли преимущественно видения-пророчества: «Видение Даниилово», «Толкование Данилово» и «Сказание пророка Исаи о грядущих летах». Они представляли собой переработку древних апокрифов с добавлением пассажей о прошлом и грядущей судьбе страны, в которых преобладали элементы фантазии и мистики. Значительно расширилось тогда еретическое учение богомилов, но их сочинения не могли оставить глубокий след в славянской книжности. Но не потому, что они уничтожались церковью — сами богомилы отрицали писательство, почитая его дьявольским наущением. Больше всего сведений об этих

еретиках и их учении сохранилось в «Беседе против богомилов» Козьмы Пресвитера, написанной еще в X в.

В конце XII столетия в Болгарии, сбросившей византийское иго, возникло Второе Болгарское царство (1186–1396), столицей которого был провозглашен город Тырново. Возродилась и Болгарская церковь, восстановившая свой прежний патриарший статус (1235). Страна пережила недолгий взлет, но затем ее роль на Балканах значительно ослабили татаро-монгольское разорение, почти столетняя выплата татарам дани, неудачные войны с окрепшей Сербией, которая сумела присоединить к себе Македонию (1330). Всё это повлекло за собой во второй половине XIV в. распад централизованного болгарского государства, чем воспользовались турки, которые, захватив болгарские земли, установили в них свое многовековое господство (1396–1878).

После освобождения страны от византийцев начался процесс восстановления прерванного летописания. Создаются сочинения летописного характера, наподобие «Синодика царя Борила» (1211), «Рассказа о восстановлении Болгарской патриархии» (1235) и «Рассказа о Зографских мучениках» (последняя четверть XIII в.), призванные прославить борьбу против еретиков богомилов, возрождение национальной церкви и стойкость православных в решимости противостоять «латинянам». Перенесение в новую столицу мощей прославленных балканских и болгарских святых (Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Михаила Воина из Потуки и Петки Эпиватской, получившей затем прозвище Тырновской) повлекло за собой оживление национальной агиографии и гимнографии. Появилось и житие первого Тырновского патриарха Иоакима (1234–1246). Национально-патриотическая тенденция была характерна как для государственно-официальной литературы, так и для народно-демократической апокрифической. Она хорошо просматривается в переработках апокрифов «Сказание о Сивилле», «Разумник—Указ Господа», «Солунская легенда». В одном из апокрифов («Успение Кириллово») даже содержалось утверждение о болгарском происхождении славянского первоучителя Кирилла.

В дальнейшем на протяжении XIV столетия болгарская литература пережила новый взлет, обусловленный широким «умственным» движением на Балканах, в основе которого ле-

жало учение византийских исихастов. Суть его заключалась в совершенствовании внутреннего мира человека ради постижения божественных сущностей и приближения человека к Богу. Этому движению был присущ и близкий западноевропейскому ренессансный антропоцентризм, однако на славянском юге он существенного от него отличался. Западноевропейские мыслители пытались поставить Человека вровень с Богом, а потом и над Ним, и пришли к закономерному финалу — оправданию человеческих пороков, отпадению от Церкви и атеистическому богоборчеству. Что же касается исихастов, то они стремились раскрыть лучшее в человеке и тем самым достичь большего уровня гармонии в его отношениях с Церковью и Богом. В сущности, они предлагали путь развития человечества, альтернативный западноевропейскому.

Исихазм дал мощный толчок развитию литературы и книжности: обострилось внимание к переводному и письменному слову, его графическому воплощению, художественному оформлению рукописей. Особое значение приобрели и поиски скрытого «Божественного» первосмысла слова, которые привели к созданию особого эмоционально-экспрессивного литературного стиля, названного стилем «плетения словес». Под руководством патриарха Евфимия Тырновского в стране была предпринята грандиозная книжная реформа, возникли многочисленные переводческие, литературные и книгописные центры. Огромное значение в то время приобрел болгарский Зографский монастырь, основанный на Афоне еще в конце X в. Получаемые через его посредство копии текстов из «верных» греческих и славянских манускриптов служили важным ориентиром при проведении Тырновской книжной «справы» и способствовали развитию болгарской литературы и письменности.

В продолжение XIV столетия в Болгарии создаются роскошно оформленные рукописи, украшенные множеством миниатюр. Среди них наибольшую известность получили такие манускрипты, как «Софийский Песнивец» (1337), «Четвероевангелие» (1337) царя Ивана Александра, «Евангелие» (1356), «Хроника Константина Манассии» и многие другие. Были переведены византийские хроники Симеона Метафраста, Иоанна Зонары, знаменитая «Троянская притча», «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Рассказы об Эзопе» и др. произведения византийской литературы X — XIII вв.

Самым плодовитым автором Тырновской книжной школы стал ее создатель патриарх Евфимий Тырновский. Он не только перевел значительное количество богослужебных текстов (литургию Иоанна Златоуста, литургию Василия Великого и пр.), но и создал агиографические сочинения, посвященные болгарским и византийским подвижникам: жития Ивана Рильского, Илариона Мыгленского, Петки Тырновской и Филофеи Темникской, Похвальные слова Михаилу Потукскому, Иоанну епископу Поливотскому, равноапостольным Константину и Елене и великомученице Неделе. Евфимий достигает в них невероятной словесной виртуозности, демонстрирует прием слияния жанров жития и похвального слова.

После падения Второго Болгарского царства ученики и последователи Евфимия Тырновского развивали идеи своего учителя, творя за пределами родной земли. Уроженец Тырнова Киприан († 1406) стал Московским митрополитом, доставил на Русь многочисленные афонские и тырновские переводы, создал книгописную школу и прославил в своих сочинениях одного из своих предшественников — первого московского митрополита Петра. Тырновец Григорий Цамблак († 1420) имел сложную жизненную и творческую судьбу, он побывал в Молдавии, Сербии и на Украине, оставив заметный след в местных литературах. В Молдавии он написал житие и службу первому молдавскому святому Иоанну Белгородскому (Аккерманскому). Затем, став игуменом сербского Дечанского монастыря, создал житие и службу деспоту Стефану Дечанскому, а через некоторое время оказался уже на Украине, сделался Киевским митрополитом и составил несколько десятков проповедей — целый рукописный том, распространявшийся под названием «Книга Григория Цамблака». Лучшими его сочинениями считаются виртуозные похвальные слова патриарху Евфимию Тырновскому и митрополиту Киприану. Что же касается Константина Костенецкого († 30-е гг. XV в.), то он нашел приют в Белграде при дворе деспота Стефана Лазаревича и создал здесь пространный трактат «Разъясненное сказание о письменах», имевший целью проведение на новой родине книжной реформы наподобие евфимиевской. Кроме того, Константин написал впоследствии житие своего благодетеля Стефана Лазаревича, перевел с греческого сочинения «Путешествие по Палестине» и «Толкование „Песни песней“ Феодорита Киррского».

Более сложно происходило становление сербской средневековой литературы. Населенные сербами земли отделялись друг от друга горными хребтами, что затрудняло духовную и политическую консолидацию, создание централизованного государства и национальной церкви. Христианизацию сербов в 60-е – 70-е годы IX в. предпринял не только сравнительно близкий Рим, но и Константинополь. Кроме латинских миссионеров, учение Христа на севере и северо-западе Балканского полуострова распространяли и подвижники из Нижней Паннонии, которую окормлял славянский первоучитель Мефодий. Он сумел получить у папы Иоанна VIII разрешение использовать в сербских землях богослужебные книги на глаголице (873). Число таких книг намного возросло после смерти Мефодия и перемещения к сербам из-за гонений латинян части его учеников. В начале X столетия, когда Сербия попала под власть Болгарии, в нее хлынул поток славянских кириллических книг. Позднее многие сербские земли испытали на себе господство Византии, и это, несомненно, привело к появлению в них рукописей на греческом языке. Таким образом, в X – XI вв. сербы были литературно образованными и располагали немалым корпусом литературных произведений, созданных славянскими и неславянскими соседями. Однако от этого времени до нас не дошло ни одного памятника сербской оригинальной литературы. Некоторые исследователи полагают, что в тот период анонимные сербские авторы создали житие Дуклянского князя Иоанна Владимира (997–1016) и хронику сербских князей с перечнем имен местных правителей по X столетие включительно. По их мнению, следы данных произведений присутствуют в более поздних сербских памятниках, в частности в «Барском родословии» (или «Летописи попа Дуклянина»), датированном в широком диапазоне от XII до XIV – XV вв.

Гораздо более благоприятные условия сложились для становления и последующего расцвета национальной литературы в конце XII – XIII столетии в созданном сербами централизованном государстве с сербским автокефальным архиепископством (1219). Основная цель появившихся в тот период памятников сербской литературы и письменности состояла в укреплении авторитета сербской державы и Церкви. Большинство их имели церковно-религиозный характер. Это,

прежде всего, апология вероучения Христова: Мирославово Евангелие (ок. 1185) и Вуканово Евангелие (1197–1199). Тексты этих памятников воспроизводят славянский перевод Евангелия, выполненный несербскими книжниками, но несущий в себе сербские языковые черты в результате работы сербских писцов. Первым же национальным переводчиком и писателем выступил Савва Сербский, происходивший из династии Неманичей (†1235). Он начал свою деятельность в бытность монахом на Афоне, переложив там с греческого языка монастырский устав, известный под названием «Карейский типик» (1199). Затем вместе со своим отцом Стефаном (основателем сербской династией Неманичей, которая правила Сербией в в конце XII — XIV в.) Савва учредил афонский Хиландарский монастырь, создав для него «Хиландарский типик» (1200). Позднее Савва написал и «Студеницкий типик» (1208) для находящегося в Сербии монастыря Студеница, куда с Афона были перенесены останки его отца и где он некоторое время игуменствовал. Кроме того, по инициативе Саввы и, возможно, при личном его участии, когда он уже стал первым сербским архиепископом, появился «Номоканон» — свод гражданских и церковных законов, ставший юридическим фундаментом для молодой Сербской державы и Церкви (около 1220).

Архиепископ Савва проявил себя также и как первый создатель оригинальных сербских сочинений. Они принадлежали главным образом к жанру агиографии и гимнографии и были посвящены прославлению его отца Стефана Немани, скончавшегося на Афоне († 1199) и причисленных к лику святых под его монашеским именем Симеон. Сразу же после кончины Симеона Савва написал в Хиландарской обители первую церковную службу подвижнику (1200), а затем и его пространное житие, помещенное в предисловие к «Студеницкому типику». В творческом наследии Саввы имеются и произведения эпистолярного жанра. К сожалению, от них уцелело лишь единственное послание Саввы, отправленное им из Палестины во время путешествия в Святую Землю.

В дальнейшем культ основателя сербского государства св. Симеона начал приобретать всё большие масштабы. В XIII — XIV столетиях свою лепту в прославление подвижника вносят другие сербские книжники. Новые жития св. Симеона составили король Стефан Первовенчанный (1216), духовник хилан-

дарской братии иеромонах Доментиан (1264), а монах Феодосий Хиландарец сочинил службу подвижнику (1307–1310). Сам Савва после смерти также был провозглашен святым, и в его честь возникли агиографические и гимнографические сочинения: жития Саввы пера уже упомянутых иеромонаха Доментина (это самая объемная агиобиография в сербской литературе, 1234) и иеромонаха Феодосия Хиландарца (начало XIV в.). Последний пишет и службу св. Савве, по-видимому в одно время со службой св. Симеону. Помимо этих произведений, появилось и множество подобных других, составленных анонимными авторами. Особое место в Святосавском цикле заняла общая «Похвала свв. Симеону и Савве», в которой Феодосий Хиландарец связал воедино имена и деяния отца и сына — основателей державы и Церкви, — сделав их двуединым корнем священной «лозы» Неманичей. Растить упомянутую лозу, олицетворяющую симфонию Церкви и государства, продолжали последующие поколения сербских книжников. Епископ Данила Баньский II составил объемный сборник под названием «Цароставник», или «Родослов», содержащий жития сербских королей и архиепископов, большинство из которых было написано им самим. Позднее сборник был продолжен безымянными учениками и последователями Данилы, а относительно заверченный вид он приобрел только в последние десятилетия XIV столетия, когда в истории сербского государства и церкви уже фигурировали свои патриархи и цари (поставление первого патриарха Иоанникия (1345) и венчание первого царя Стефана Душана — 1346). По масштабности замысла и полноте творческого воплощения «Цароставник» может быть сопоставим со «Степенной книгой царского родословия», созданной на Руси при Иване Грозном в XVI столетии.

Развивался в сербской литературе начиная с середины XIV в. и летописный жанр, представленный византийскими хрониками, проникшими в Сербию через болгарское языковое посредство. Одна из них («Хроника Георгия Амартола») была переработана и получила дополнение под заголовком «Житие и жительство королей и царей сербских», которое стало основой для всех более поздних оригинальных сербских летописей. Древнейшая из них, так называемая «Старшая летопись», представляла собой галерею «миниатюрных портретов» сербских правителей, напоминая тем самым «Родослов».

А в появившейся в первой половине XV в. «Младшей летописи» приводились лишь лаконичные сведения об исторических событиях с указанием года, в котором они произошли.

После катастрофы на Косовом поле (1389) турецкое продвижение в сербские земли приостановилось из-за нашествия Тамерлана и неудачной для турок битвы при Анкаре (1402). Уничтожение сербской государственности было временно отсрочено — до падения тогдашней сербской столицы Смедерево (1459). Эти события не могли не отразиться на ходе развития сербской литературы. Культовой фигурой для нее становится плененный и казненный турками князь Лазарь. Церковь провозгласила его мучеником, он становится героем литературных произведений, относящихся к различным жанрам: пространного и проложного житий, стихир, служб, похвал, эпитафии, плача. Одни из них анонимны, авторы других известны: например, Антоний Рафаил Эпактит — создатель «Похвалы князю Лазарю» (1420), которая завершает «лазаревский» цикл из десяти произведений, написанных разными авторами.

Развитию гимнографии и агиографии в Сербии во многом способствовала реформа богослужебных книг, предпринятая в первые десятилетия XIV в. на Афоне. Введение Иерусалимского церковного устава (вместо прежнего Студийского) и создание Стишного пролога предусматривали наличие в службах уже не одного, а двух канонов и составление кратких стихотворных посвящений святым и праздникам. Плодовитыми авторами канонов, стихир, житий и служб во второй половине XIV в. выступили патриарх Данила III Баньский и болгарин по происхождению патриарх Сербии Ефрем. Их перу принадлежат также сочинения, прославляющие канонизированных церковью сербских феодалов и иерархов. Правка книг способствовала активизации переводческого дела: необходимо было осуществить пересмотр переводов главных литургических текстов (Евангелия, Апостола и Псалтыри) и переложить с греческого языка «Иерусалимский типикон». Позднее, в период распространения учения исихастов, сербские книжники перевели ряд «интеллектуальных» богословских сочинений: Исайя Серский, например, переложил труды Псевдо-Дионисия Ареопагита («О Небесной иерархии», «О Церковной иерархии», «О мистическом Богословии» и «Об именах Божиих» — 1371).

Они представляли собой своеобразный итог достижений христианской философии VI в.

В целом же особой нужды в масштабном переводе в стране не ощущалось. Сербская литература с самого начала своего становления попала в благоприятные условия, поскольку местные книжники XIII — XIV вв. могли не тратить свои силы на переводы, а через Афон или иным путем обильно черпать из «золотого» запаса славянской книжности, который скопился к тому времени не только у болгар, но и у русских. В сербских рукописях той эпохи уже нередко имелись такие русские сочинения, как житие Бориса и Глеба, несторовское житие Феодосия Печерского, «Слово и Законе и Благодати» митрополита Илариона, полемическое «Слово о вере варяжской», составленное иноком Феодосием, притчи Кирилла Туровского и другие. Сербские книжники творчески использовались их при создании собственных литературных сочинений.

Среди жанров, не связанных непосредственно с церковным бытом, широкое распространение получили жалованные грамоты сербских государей опекаемым им монастырям: Стефана Немани, королей Стефана Первовенчанного, Милутина, Стефана Дечанского, царя Стефана Душана и другие. Эти грамоты, как правило, имели вводную часть, называемую «аренгой», которая была исполнена исповедальной молитвенности и торжественности похвального слова. Аренги часто содержали в себе элементы автобиографии государя, служившие в дальнейшем источником при составлении житий. Нередко истинными создателями аренг выступали не сами дарители, а литературно образованные иерархи, например архиепископы Никодим и Данила II Баньский. Из других внецерковных жанров второй половины XIV в. следует упомянуть жанр эпистолярный. Образцами его могут служить письма книжника Силуана к афонскому исихасту Григорию Младшему, объединенные затем в отдельный цикл под названием «Эпистолии кир Силуановы».

Особенностью сербской средневековой литературы было участие в ней нескольких писательниц-женщин. Одной из них была супруга деспота Углеши княгиня Елена, создавшая (между 1368 и 1371) «Плач» по поводу безвременной кончины ее младенца Углеши Деспотовича. Текст этого произведения был выгравирован на обороте иконы-складня с изображением Христа и Богородицы. После гибели погибшего в битве с

турками мужа она постриглась в монахини и под именем Евфимии сочинила «Моление Господу Иисусу Христу» (1399), вышив золотом текст молитвы на завесе для церковных царских врат. А свою поэтическую «Похвалу князю Лазарю» (1402) она вышила золотыми нитками на покрове для раки с мощами святого в Раванице. Вдова князя Лазаря княгиня Милица составила «Плач» по своему убиенному на Косовом поле супругу. Творческий почин Милицы позднее был продолжен третьей дочерью князя Лазаря княгиней Еленой Балшич. Дважды овдовев, она в 30-е гг. XV в. жила затворницей на уединенном острове Скадарского озера и вела оживленную религиозную переписку со своим духовником монахом Никоном Иерусалимцем.

Вскоре после гибели князя Лазаря попавшей в зависимость от турок страной начал править его старший сын деспот Стефан Лазаревич († 1427), бывший прекрасно образованным переводчиком и писателем. До нашего времени дошли написанные им Плач по князю Лазарю («Надгробное рыдание над князем Лазарем»), эпитафия мученику-отцу, высеченная на памятном мраморном столбе на Косовом поле, эпистолярное «Слово о любви» (адресатом которого, возможно, являлся его брат Вукан) и аренга в грамоте Хиландарской обители. Тогда же творил и патриарх Данила III Баньский, перенесший мощи князя Лазаря из приштинской церкви св. Спаса в монастырь Раваница (1392) и написавший по этому поводу «Слово о князе Лазаре», которое по своим жанровым особенностям напоминало воинскую повесть. Указанные произведения монахини Евфимии, Стефана Лазаревича и патриарха Данилы III Баньского составляли круг своеобразной «придворной» литературы.

Помимо святого князя Лазаря прославляются на рубеже веков и другие менее известные Христовы подвижники. Епископ Марк Печский написал житие и службу своему духовному отцу патриарху Ефрему († ок. 1400), службу архиепископу Никодиму, а также биографическое «Слово в память Герасима и Евгении» — своих родителей, братьев и сестер, завершивших жизненный путь в монашестве. Значительный вклад в развитие местной агиографии тогда внесли болгарские писатели-эмигранты Григорий Цамблак и Константин Костенецкий, о произведениях которых уже упоминалось в болгарском раз-

деле. Здесь можно только добавить несколько слов о цамбларовской «Повесть о перенесении мощей св. Петки из Тырнова в Видин и Сербию в 1398 г.», представлявшей собой настоящий панегирик сербской земле. Особо следует отметить и поэтику двух версий жития Стефана Лазаревича, написанных Константином Костенецким. Они изобиловали вставками летописного характера, напоминающими то эллинистическую биографию, то панегирик Сербии, то плач по ней.

Произведений, написанных в новоявленной сербской столице Смедерево, было совсем немного, поскольку турецкое кольцо вокруг еще свободных сербских земель продолжало сжиматься. За четверть века от утверждения во власти в 1433 г. Георгия Бранковича (племянника Стефана Лазаревича) и до падения Смедерева (1459) анонимные книжники создали в самом конце этого периода всего лишь несколько произведений. В 50-е гг. XV в. было написано два рассказа о Перенесении мощей апостола Луки из греческого Рогоса в Смедерево и помещении их в митрополичьей церкви Благовещения с целью защиты города от турок. Еще один анонимный книжник, условно вошедший в науку как «Смедеревский проповедник», создал «Слово надгробное деспоту Георгию Бранковичу» (1456), проникнутое тревогой за будущее родной земли. Другие переводные и оригинальные сочинения сербские книжники создавали вне столицы «деспотовины» в тех уголках Балкан, до которых еще не добрались турки. Такими писателями были, например, Владислав Грамматик и Димитрий Кантакузин, которые создали ряд произведений в болгарском Рильском монастыре, находившемся под защитой охранной грамоты турецкого султана.

В Хорватии, входившей в сферу влияния Рима, сначала использовались латинские книги. С появлением в северо-западных хорватских землях кирилло-мефодиевских учеников (886) там начала распространяться глаголица, получившая статус сакральной азбуки в Риме во время поездки к папе Римскому братьев Кирилла и Мефодия (869). В дальнейшем, однако, эта азбука неоднократно подвергалась запрету, сменявшемуся затем временными послаблениями. В других областях с сильным болгарско-византийским влиянием использовалась кириллица. Она утвердилась в XII — XIV столетиях в Боснии (где ее называли «босанчица»), Загорье, средней и южной Дал-

мации. В то же самое время в ряде далматинских городов и Посавской Хорватии господствовала латиница. В первый период развития хорватской литературы (IX — середина XIII в.) в Хорватии распространяются памятники богослужебного содержания и сборники на церковнославянском языке («Синайский миссал», XI в.; «Будапештские отрывки», XI — XII вв.; «Венские листки», XII в.; «Сплитский отрывок», XIII в.; и др.). В этот период поддерживаются связи с великоморавской, болгарской и русской литературами.

Второй период развития хорватской литературы, длившийся с середины XIII по XIV в. включительно, ученые характеризуют как «переходный». В это время содержание славянских литургических книг приноравливается к римской богослужебной практике, появляются внебогослужебные религиозные памятники, свойственные «западному» кругу чтения. С одной стороны, здесь бытовали переводные жития св. Феклы, свв. Сорока мучеников Севастийских, св. Георгия и другие произведения, восходящие к ареалу *Slavia Orthodoxa*. А с другой стороны, в хорватской письменности все чаще начинают встречаться сочинения апокрифического толка вроде «Послания о воскресении», «Прения Иисуса с дьяволом», «Трактата о семи смертных грехах», «Видения св. Бернарда» и других, пришедшие сюда из *Rex Latina*. К этому периоду относится и ряд юридических документов («Винодольский законник», 1288; «Повальская грамота», 1250; и «Истрийский развод», 1275, 1325), интересные использованием в них хорватской кириллицы, глаголицы и обильным присутствием элементов народной речи (в том числе диалогов и пейзажных зарисовок в последнем памятнике). Книжники создают хорватские тексты и на латинице, примером чему может служить «Корчуланский лекционарий» (конец XIV в., фрагмент) — самый ранний из сохранившихся литургических памятников хорватской письменности этого рода.

Последний период развития хорватской средневековой литературы (XV — начало XVI в.) специалисты называют «зрелым». Для него характерно активное усвоение тем и образов из латинской, итальянской и чешской литератур, а также создание сборников смешанного содержания, писанных на народно-разговорном или «гибридном» языке с употреблением церковнославянизмов. Кириллическая традиция в хорватских

землях за это столетие заметно оскудела, поскольку, после того как турки разгромили сербов на Косовом поле и захватили Боснию с Герцеговиной (1463, 1493), движение литературных памятников с кириллического Востока на глаголический Запад утратило свою динамику. В дальнейшем развитии хорватской все шире сказывалось влияние, идущее из *Rex Latina*. В ней стали распространяться бревиарии — антологии духовного чтения западного типа с памятниками, не встречавшимися в ареале *Slavia Orthodoxa*. В глаголические бревиарии, например, входило житие св. Иеронима — знаменитого переводчика Библии на латинский язык (IV в.), которое хорваты позаимствовали для перевода в конце XIV — начале XV в. из «Чешского пассионала». Тогда же на хорватский язык переводится и дидактическое сочинение итальянского автора «*Fiore de virtù*» («Цвет мудрости»). В местной литературе того времени бытуют переводные средневековые романы и повести, некоторые из которых позднее проникли к другим южным и восточным славянам. Таковой была, в частности, русская версия «Романа о Бове-королевиче», содержавшая хорватские языковые черты. Через хорватское переводное посредство к сербам и русским, возможно, попала «Александрия» — античный роман об Александре Македонском.

Одним из межевых памятников хорватской прозы того времени является «Хрвоев миссал» XV в., созданный для боснийского воеводы, герцога Сплитского Хрвоя (1403–1404). Он возник в области, служившей перекрестком восточной и западной римской книжных традиций. Благодаря итальянскому влиянию зарождается тогда и хорватская драма, представлявшая собой «драматизацию» различных религиозно-тематических циклов: сначала Страстей Христовых, а затем Рождественского и Пасхального. В это время расширяются тематика и идейно-образный диапазон хорватских народных песен (например, рождественских колядок), которые сохраняли при этом древнюю хорватскую восьмисложную метрику. Большое значение придавалось в то время ведению заметок летописного характера. В этом жанре очень показателен эмоциональный рассказ попа Мартинца о знаменитой битве хорватов с турками на Крбавском поле (1493), который автор поместил в переписывавшемся им «Новлянском бревиарии» (1493). Существенным достижением этого периода является выпуск пер-

вой хорватской печатной глаголической книги под названием «Миссал по закону римского двора» (1483), изданной в типографии г. Сень, которая функционировала около четверти века. В ней был отпечатан и сборник «Чудеса славной Девы Марии» (1507), заключающий в себе тексты, переведенные с латинского языка на хорватский язык еще в XIV — XV столетиях.

В качестве особенности развития хорватской средневековой литературы можно отметить не только употребление в ней трех азбук, но и почти постоянное использование в письменности двух языковых установок. Эта двоякость состояла в том, что небогослужбные книги хорваты обычно писали на языке с элементами просторечья, сильно отличавшемся от языка церковной литургии. В этом смысле векторы развития хорватской литературы совпадали с направлением процессов, протекавших в родственной литературе сербов.

Трудно проходил процесс становления славянской литературы и письменности в Боснии. Боснийские славяне сумели объединить свои земли под властью бана Кулина в конце XII в. и занимали территорию между Дриной и Врбасом. К этой эпохе относится грамота упомянутого бана о мире с Дубровником, написанная на народном языке (1189). Однако, несмотря на относительную самостоятельность, Босния постоянно испытывала политическое и религиозное давление со стороны Венгрии и Римской курии. С второй половины XII в. она находилась в юрисдикции католического Дубровницкого архиепископства, но боснийцам, правда, позволялось использовать в богослужении славянский язык. В XIII столетии, воспользовавшись противостоянием между Римской курией и венгерскими королями, местная церковь сумела отколоться от Рима и проводила богослужение по византийскому обряду. Древнейший дошедший до нас богослужбный памятник боснийской письменности — кириллическое Ватиканское Евангелие — датируется XIII столетием. Из памятников следующего века сохранилось писанное на пергамене в 30-е гг. XIV в. Дивошево Евангелие. Однако во второй половине XIV — XV в. католическая церковь вновь распространила свое влияние на Боснию и повела на славянскую письменность активное наступление. Тем не менее до падения Боснии под власть турок кириллические рукописи в ней продолжали создаваться. Их образцами могут служить Копитарово Евангелие (вторая по-

ловина XIV в.), Баталово Евангелие и Евангелие Сречковича (оба конца XIV в.), грамота короля Степана Дабиши (1392) о награждении воеводы Хрвоя за успешную борьбу против турок, а также сборник, написанный для него священником Хвалом (1404).

Трудно проходило становление и словенской литературы. Словенские племена освоили земли Карантании, принадлежавшие Римской империи и доставшиеся затем Франкскому государству (843). Позднее словенцы перешли под власть Баварии, что в дальнейшем привело к сильному давлению на словенскую литературу вначале латинской, а затем немецкой протестантской литературы. Словенские переводные и оригинальные сочинения писались преимущественно на латинском и немецком языках и создавались главным образом членами монашеских орденов. Древнейший памятник словенской письменности — «Фрейзингенские (или «Брижинские») отрывки» — датируется концом X — 30-ми гг. XI в. Они были открыты в латинской книге немецкого епископа Абрахама из г. Фрейзинген, прибывшего в конце X столетия в Карантанию в качестве миссионера. Отрывки носят религиозный характер: это две исповедальные молитвы и проповедь о грехе и искуплении. Не исключено, что часть из них являлась не переводом с немецкого языка, а имела своей основой древние словенские тексты. Вторые по древности произведения на словенском языке относятся к XIV в. и помещены в «Ратечской рукописи» (1362–1390). Они тоже связаны с церковной практикой: это молитвы «Отче наш», «Аве Мария» и «Символ веры». Молитвенные и исповедальные сочинения, написанные на доленьском наречии словенского языка, обнаруживаются в следующем веке в «Стичненской рукописи» (словенские записи в ней датируются 20-ми и 40-ми гг. XV в.).

Подводя итоги развитию литературы и письменности на славянском юге в эпоху Средневековья, можно отметить, что наибольших успехов тогда добились Болгария и Сербия. Обладая славянской письменностью и государственной независимостью, они сумели за два с половиной века значительно продвинуться вперед. Однако попадание этих стран под власть турок и крушение Константинополя прервали их литературный взлет и предопределили появление среди балканских славян новых культурных лидеров.

ЛИТЕРАТУРА

История культур славянских народов. В 3-х тт. Т. I. М., 2003.

История литератур западных и южных славян. Т. I. От истоков до середины XVIII в. М., 1992.

История словенской литературы от истоков до рубежа XIX — XX веков. М., 2010.

Калиганов И. И., Польшанский Д. И. Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX — XVIII веков. М., 1990.

История на българската литература. Т. I. Старобългарска литература. София, 1963.

История на българската средновековна литература. София, 2008.

Богдановић Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.

Vogišić R. O hrvatskim starim pjesnicima. Zagreb, 1968.

Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983.

Georgjević K. Hrvatska književnost u sjevernoj Hrvatskoj Bosni. Zagreb, 1969.

Hercigonja E. Srednjovjekovna književnost. Povjest hrvatske književnosti. Knj. 2. Zagreb, 1975.

Janež S. Istorija slovenske književnosti. Sarajevo, 1959.

Петканова Д. Старобългарската литература IX — XVIII в. София, 1992.

Slodnjak A. Slovensko slovstvo: ob tisočletnici Brižinskih spomenikov. Ljubljana, 1968.

Трифуновић Д. Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Београд, 1990.

Jugoslovenski književni leksikon. Novi Sad, 1971.

Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1956. Т. I.

ДВИЖЕНИЕ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К ПРОСВЕЩЕНИЮ И НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ (XV — ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX В.)

Попадание в конце XIV—50-е гг. XV столетия Болгарии и Сербии под османское иго и взятие турками Константинополя прервали взлет литературы у болгар и сербов и лишили их исторической перспективы быстрого литературного развития. Центры интенсивного литературного движения у южных славян сместились с православного юга и середины Балканского полуострова на его католический запад и северо-запад. Ренессансные процессы в соседних странах — Италии, Германии и Венгрии — включали идею развития литератур на национальных языках, и она способствовала ослаблению запрета на славянское богослужение, литературу и письменность у южных славян, оказавшихся в границах *Rex Latina*. Но отсутствие здесь славянской государственности приводило к тому, что на хорватском и словенском языках издавались вначале преимущественно богослужебные книги. Что же касается произведений светских, то они продолжали выходить на латинском, итальянском и немецком языках даже в том случае, если авторами их являлись хорваты или словенцы. Возник феномен локальных «областных» славянских литератур, отличающихся по уровню своего развития и содержательности от литературы основной части этноса, попавшего под османское иго. Этот феномен был характерен для части сербских и хорватских земель, городов-коммун Далмации и Дубровницкой аристократической республики, которая сохраняла независимость или была в номинальной зависимости от Венеции, Венгрии и Османской империи в XIV — XVI вв.

На далматинском побережье в городах Сплит, Хвар, Дубровник, Задар и других сложились локальные разновидности

ренессансной культуры, тесно связанные с культурой Италии. В итальянских университетах учились представители нескольких поколений граждан из патрициатов далматинских городов, а в них самих преподавали выпускники итальянских университетов или же итальянские учителя, как, например, падуанец Палладио Фоско в Шибенике и калабриец Тидей Аччарини в Сплите. Не случайно один из дубровницких поэтов Илия Цриевиц (1463–1520) в стихотворении «Ода Рагузе» в конце XV в. писал, что Рагуза — более римский город, чем сам Рим. Еще в середине XIII столетия в Сплите архидиакон местной церкви Фома (1200–1268) составил на латинском языке хронику об истории Далмации с древнейших времен до современности автора. В ней фактически подводились итоги по сбору далматинских классических ценностей как самим Фомой Сплитским, так и его предшественников. В хронике были включены местные легенды и предания о далматинском происхождении переведшего Библию на латинский язык св. Иеронима, императора Диоклетиана и других исторических личностей. В патрицианской семье Сплита родился известный поэт Марко Марулич (1450–1524), писавший на латинском, хорватском и итальянском языках. В своем творчестве он осуществил органичное сочетание средневековых традиций с ренессансными культурными установками. М. Марулич писал морализаторские произведения с примерами из жизни библейских персонажей и святых — «Пятьдесят притч» (1510) и «О последнем суде Христовом» (ок. 1520). Его перу принадлежит и знаменитое «Руководство добродетельной жизни по примеру святых» (Венеция, 1506), переиздававшееся 15 раз и переведенное на многие европейские языки. Кроме того, он создал написанное в форме диалога стихотворное произведение «Диалог о Геркулесе» (Венеция, 1523) и «Давидиану» (ок. 1506–1517) — эпическую поэму, в которой на классической латыни пересказывалась история о библейском царе Давиде, сочетающая черты античности и морализаторские рассуждения в христианском духе.

Многие далматинские поэты создавали произведения на итальянском языке: только на протяжении XVI столетия возникло более 600 сонетов, написанных на литературном языке Петрарки с тосканской диалектной основой. Самым плодовитым поэтом, творившим на итальянском языке, являлся в

то время Людовик Пасквалич из Котора (ок. 1500 –1551). Он разрабатывал такие жанры итальянской литературы, как сонеты, мадригалы, станцы и др. Широко употреблялась тогда и латынь, считавшаяся изысканным языком культуры, в отличие от народного просторечия, которое, по мнению эстетов, являлось настоящим «volgare» — языком презренной толпы. Славянский язык, по словам ряда далматинских поэтов, является языком «варварским», «скифским», «иллирийским языковым недоразумением». Однако писать на нем и переводить на него, по мнению некоторых авторов, нужно было обязательно, чтобы дать возможность познакомиться с литературой тем, кто не знает латыни. Именно этим руководствовался М. Марулич, говоря в предисловии к поэме «Юдифь» (Венеция, 1521) о необходимости переложения на славянский язык библейских сюжетов. Но одновременно он заявлял, что произведения славян необходимо перевести на латинский язык, чтобы сделать их доступными для европейцев. Именно такую цель обозначил он в предисловии к переводу хорватской версии «Летописи попа Дуклянина» на латинский язык (1510). В то же время его современник Юрай Шижгорич в сочинении «О местоположении Иллирии и городе Шибенике» писал, что родной язык не уступает по своим достоинствам языку древнегреческому и что иллирийские пословицы и эпиталамы ничуть не хуже законов Солона или стихов Катулла и Клавдиана.

Со второй половины XVI в. словотворчество на хорватском языке стало преобладающим. По аналогии с процессами развития литературы в соседней Италии в хорватской литературе активизируется движение, схожее с начавшимся позднее у южных славян Национальным возрождением. Большой интерес возник к фольклорным образцам, которые органично вписываются в ткань возвышенных поэтических версификаций. Большинство стихов дубровницких поэтов XV — XVI вв. на хорватском языке собрал и издал именитый патриций Никша Раньина (1494–1582). В составленный им сборник (1507), содержащий свыше 800 произведений, вошли стихи наиболее крупных творцов того времени: Шишко Менчетича (1458–1527) и Джоре Држича (1461–1501), а также Андрея Златара, Марина Кристичевича и ряда анонимных. В их поэзии преобладает 12-сложный стих, характерный для старинных народных песен, или другие распространенные в фольклоре размеры,

типа 14-сложного трохея или асимметричного 8-сложника. Творчество Шишко Менчетича состоит преимущественно из любовной лирики, навеянной поэзией Ф. Петрарки и его последователей, сатиры, бичующей человеческие пороки, и нескольких стихотворений морально-дидактической направленности. В нем прослеживается соединение ренессансной любовной лирики с народными мотивами — тенденция, которая стала определяющей для произведений Д. Држича. Фольклорная топка народных песен, присутствующая, например, в его диалогичной эклоге «Радмил и Любмир» (конец XV в.), равно как и ее эмоциональный настрой, позволили некоторым ученым назвать Држича зачинателем далматинской пасторальной драмы. Эти поэты внесли существенный вклад в формирование хорватского литературного языка, обогатив его поэтическими клише итальянской ренессансной лирики и художественно-изобразительной топикой хорватской народной песни.

На далматинском литературном фоне XVI в. выделены и фигуры трех других поэтов, живших на подвластном Венеции о. Хвар: Ганибала Луцича (1485–1553), Петара Гекторовича (1487–1572) и Микши Пелегриновича (ок. 1500–1562). Два первых поэта были аристократами, прекрасными знатоками латинской и итальянской поэзии, выступали переводчиками произведений ряда античных писателей. Сочинения первого автора были собраны в его посмертной книге «Собрание различных произведений» (Венеция, 1556), в которую вошли переводы, любовная лирика, одна из первых хорватских стихотворных драм «Рабыня», панегирическая поэма «Похвала городу Дубровнику» и прочее. Наибольшую известность из них получила драма «Рабыня», любопытная тем, что ее главные действующие лица оказались связанными родством со знакомыми всем историческими личностями: это внук и дочь хорватских банов Деренчина и Власко. Девушка попала в турецкое рабство, но была выкуплена из плена молодым Деренчиным, в котором она не сразу признала своего суженого. Эта драма иллюстрирует стремление автора стилизовать ее под фольклорно-эпическое произведение с антитурецкой тематикой. Что же касается Гекторовича, то наиболее яркая его работа — «Рыбная ловля и рыбацкие присказки» (Венеция, 1568), написанная в форме шутивного послания своему дру-

гу, литератору Иерониму Бартушевичу. Поэт рассказывает в нем о своем трехдневном путешествии с хварскими рыбаками Паскоем и Николой. Их разговоры, шутки и прибаутки и сопровождаемые нотами песни и составляют соль произведения. Всё это вместе с описанием искусства ловли рыб, способа их приготовления, диалектными названиями рыб и бытовых предметов напоминает фольклорные записи нового времени, несмотря на то что Гекторович порой представляет читателю Паскою и Николу более образованными, чем они есть, и влагает в их уста книжные сентенции древних авторов.

Третий поэт, Микша Пелегринович, был городским служащим в родном городе Хваре, затем на о. Корчуле и в Задаре, где и умер. Из написанных им сочинений до нас дошла поэма «Цыганка», навеянная мотивами цыганских песен и состоящая из описаний вереницы встреч старухи-гадалки с женщинами, которым она предсказывает судьбу. Автор искусно вписывает действие в контекст городского быта, привлекает читателя приемами маскарада и неожиданным звучанием любовно-лирических нот. Умелое обращение далматинских гуманистов с итальянским литературным наследием при решении собственных художественных задач демонстрирует и задарский уроженец Петар Зоранич (1508 — после 1543). Лучшим его произведением является роман-эклога «Горы» (Венеция, 1569), в котором стихи чередуются с прозой, и это превращает его в один из первых опытов создания прозы на хорватском языке. Подражая сюжету и стилистике «Аркадии» — пасторали итальянца Я. Саннадзаро, писатель фактически создает новое творение с хорватским географическим, культурным и историческим пространством. Герои итальянца получили в романе Зоранича хорватские имена, античные нимфы становятся вилами, причем одна из них, нареченная писателем Хорваткой, упрекает хорватов за то, что они стыдятся родного языка и пишут на чужом. «Горы» служат прекрасным образцом актуализации формы ренессансного пасторального мифа, на который ориентировались далматинские последователи Зоранича.

Быстро развивался в Далмации и жанр драмы, совпадавшей по своему жанровому членению с драмой ренессансного итальянского театра: литургические пьесы, ученая комедия, пастораль, фарс и трагедия. Несмотря на сильное влияние итальянского театра, далматинская драма не являлась его точ-

ным слепком и приобрела черты известной самобытности. Жанр мистерии, в частности, развивался во взаимодействии с хорватской глаголической традицией драматизации библейских сюжетов, которую иллюстрирует «Тконский сборник» конца XV в. с текстами драм на сюжеты Страстей Христовых и Воскресения. Двоякость развития национальной хорватской драмы хорошо просматривается на примере трех приписываемых М. Маруличу пьес. Две из них — мистерия о чуде св. Пафнутия и на тему Страшного суда — возникли на основе текстов флорентийца Фео Белькари, а третья, имеющая эсхатологическое содержание, восходит к древней хорватской глаголической версии. Символичным является и то, что появление первой хорватской светской драмы связано с именем полуитальянца Мавро Ветрановича (1482–1576), выросшего в Дубровнике, учившегося в Италии и подвизавшегося в бенедиктинском монастыре снова на родине. Его перу принадлежат разнообразные сочинения — стихи на религиозные и светские темы, любовная лирика, религиозные драмы, сатира, апология Дубровника, антигурецкий «Плач города Буды» и другие, причем многие из них содержат отголоски народной литературы и фольклора. Пьесы Ветрановича свидетельствуют о стремлении писателя придать библейским сюжетам фольклорный и пародийный оттенки, о попытке соединить итальянскую классику с переработанными славянскими народными мотивами и сознательном чередовании им ученого и простонародного языков. Примером здесь могут служить «Комедия на Христово Воскресение», в которой черти в аду носят славянские народные прозвища, или пьеса «Орфей», где возлюбленная главного героя исполняет древние языческие обряды.

Путь Ветрановича продолжил один из самых ярких авторов далматинского Возрождения Марин Држич (1508–1567). Он происходил из обедневшей торговой семьи, но благодаря своему таланту и помощи дубровницкого сената получил образование в итальянской Сиене, на склоне лет стал дьяконом, а затем и пресвитером и тогда же начал писать. Држич создал ряд пьес, снискавших широкую популярность у зрителя: пасторали о виле Тирене («Тирена», 1549), о сыне Купидона и о старике, влюбленном в сбежавшую от хозяев служанку («Плакир» или «Грижула» — 1556), богине Венере, Адонисе и Купидоне («Венера и Адонис», 1551). В них постоянно присутствуют два

мира и два языка — мифологический и реальный, литературно-поэтический и простонародный крестьянский. Эти миры постоянно пересекаются и взаимодействуют, как переплетаются и сталкиваются реальность и фантазия, возвышенное и бесхитрое. Држич является и автором знаменитой феерической комедии «Дундо Марое» (1550), играющейся в Хорватии и поныне. В основе ее сюжета — история о старом скопидоме Дундо Марое, его сыне Маро, промотавшем отцовское состояние в Риме из любви к куртизанке Лауре, находчивом Помете — слуге глупого немца Хуго Тедеско, бывшем еще одним воздыхателем Лауры, и служанки последней Петруньелы. Благодаря хитроумным интригам слуги и служанки, отец мирится с Маро, тот возвращается к покинутой им невесте, Хуго женится на Лауре, а Помет благополучно соединяется с Петруньелой. Кроме того, Држич стал распространителем ученой комедии о доверчивом крестьянине Станко, поверившем рассказам молодых дубровчан о волшебном фонтане на городской площади, вода которого якобы возвращает силы и молодость. В результате обманутый Станко делается всеобщим посмешищем, оказавшись в людном месте с бритой бородой и выкрашенными в черный цвет волосами («Шутка над Станко», Венеция, 1550).

Поэтические приемы Држича — сюжеты, темы, парафразы — широко использовались его последователями. Они отразились, в частности, в комедии «Хваркиня», написанной в конце XVI в. далматинцем Маргином Бенетовичем. Комический эффект в ней достигается главным образом посредством доведения до гротеска языка персонажей. Герои пьесы разговаривают на чудовищной смеси итальянского языка и местных славянских диалектов, что очень забавляло тогдашнюю публику.

Хорватский язык постепенно уравнивается в правах с языком итальянским, элементы элитарной и народной культуры начинают использоваться не только для создания контраста. В период ренессансных веяний в Хорватии начинают шириться фольклорные предания о том, что славяне были потомками готов, завоевавших Римскую империю, или об общности латинских и славянских корней. В глаголической письменности («Бревиарий попа Марко», 1460) была зафиксирована легенда о том, что Кирилл и Мефодий, «переведшие все книги хорватские», происходили не из Солуни, а из города Солина (т. е. из Са-

лоны — столицы римской провинции Далмация) и являлись потомками императора Диоклетиана и Римского папы Кая. Сюда же относилась и легенда о славянском происхождении св. Иеронима, который якобы родился на границе Далмации и Паннонии и создал не только Вульгату, но и хорватскую глаголицу. М. Марулич даже посвятил данной теме целое сочинение («Против тех, кто считает блаженного Иеронима итальянцем», 1507) и ему приписывают высказывания о том, что данный святой есть «далматинец», есть «слава и свет, венец хорватского языка». Именно такую конфигурацию обрела теоретическая модель местной культуры — ее стержнем служила идея о генетической связи далматинских романских и славянских традиций.

Одним из важнейших жанров в этот период становится историография, в которой присутствует стремление авторов расширить славянское географическое, историческое и культурное пространство. Историографы распространяют его на пространство античного мира, принимаются за поиски славянской прародины и выявление общих славянских корней. Эти тенденции четко обозначились у Винко Прибоевича (вторая половина XV — первая половина XVI в.) в латиноязычном трактате «О происхождении и успехах славян», прочитанном автором в 1525 г. в Хваре перед собранием сограждан. В нем он пытался доказать, что славяне произошли от «фракиев», прародителем которых был Фирас сын Иафетов, а их потомками, помимо фракиев, являются почти все славянские народы юга, востока и запада. Прародиной славян, по убеждению Прибоевича, служила Далмация, откуда вышли праотцы чехов, поляков и русских — Чех, Лях и Рус — и ведут свое славянское происхождение такие известные исторические личности, как Александр Македонский, Аристотель, св. Иероним, ряд римских императоров и многие другие. Этот трактат явился первой апологией славянства, поскольку в нем утверждалось, что благодаря своей храбрости славяне одержали победы над персами, ассирийцами, мидянами, египтянами, греками, скифами, индийцами, испанцами, галлами и римлянами.

Иную точку зрения излагал в труде «Записки о своем времени» («*Commentaria suorum temporum*», Флоренция, 1590) викарий дубровницкого архиепископа Людовик Церва Туберон (1459–1527). В нем он писал не только о крупнейших исторических событиях и видных современниках, но и о происхож-

дения славян. Он выводил славян из древней Скифии, или европейской Сарматии, где жили русские. Причем славяне, в том числе и жители Иллирии, по мнению Л. Туберона, происходят не только от скифов, но и от готов, которые оказались на славянском юге на рубеже VI–VII вв. Отсюда, по его убеждению, проистекала близость языка русских и иллирийцев. Это сочинение вскоре попало в индекс запрещенных книг из-за правдивого описания автором пороков римских пап, но запретный труд продолжали читать, поскольку в нем была предпринята попытка объяснить причины военных успехов турок и выявить их положительные качества как народа.

Турецкую тему вслед за Тубероном затронул и задарский патриций Брне Карнарутич (ок.1520–1573) в своей поэме «Взятие города Сигета» (Венеция, 1584). В этом стихотворном произведении очень живым языком были описаны Сигетская осада (1566)*, турецкое войско, возглавляемое султаном Сулейманом и его мудрым визирем Мехмедом Соколовичем, и подвиги хорватского бана, сигетского воеводы Николы Зринского. Составленная последним хроника легла в основу поэмы, и благодаря свидетельствам этого непосредственного участника событий повествование Карнарутича приобрело искренность и непредвзятость.

Связанные с Италией хорватские просветители способствовали развитию глаголической литературы и глаголического книгопечатания. Среди таких просветителей следует упомянуть епископа Модрушского Николая Кожича (около 1427–1480) — доктора философии и теологии Падуанского университета, ставшего папским послом нунцием при боснийском короле Степане Томишевиче и венгерском короле Матвее Корвине и назначенного затем адмиралом папского флота, который был создан специально для борьбы с турками. Среди его произведений — исторический труд «О войнах готов» («De bellis Gothorum»), в котором под этим народом подразумевались хорваты. Известно, что он выступил в защиту глаголического богослужения, используя в качестве аргумента тот факт, что Римская церковь одобрила «святые службы нашего языка

* Во время осады этого лежавшего на пути к Буде венгерского города турки потеряли около 30 тыс. человек — в 10 раз больше, чем численность оборонявшего его гарнизона.

отеческого» (якобы полученные в Хорватии и Далмации от св. Иеронима). Благодаря таким авторитетным защитникам после первопечатного глаголического «Миссала» (Венеция, 1483) на протяжении конца XV — XVI в. из типографий Сени и Риеки вышло около 20 книг. Типографию в Риеке основал уроженец Задара Модрушский епископ Симон Кожич Бенья (около 1460–1536). Он был видным клириком, прославился своими речами против турок на латыни на Латеранском соборе (1513) и перед папой (речь называлась «Об опустошении Хорватии, 1516»). В Риеке Кожич оказался, спасаясь бегством от турок, и всего за полгода выпустил там шесть книг на глаголице. Среди них было два «Букваря» и авторское историческое сочинение под названием «Жизнеописания Римских пап и императоров от апостола Петра и Юлия Цезаря до нынешних Климента VII и Карла V». В типографии Сени печатались не только богослужебные книги, но и переводная религиозная литература: например, «Чудеса славной Девы Марии» («Миракули славне Деве Марие»), житие св. Иеронима («Транзит светога Еролима»), пособие Кожича по церковному праву («Книжица о том, кому можно быть священником») и др. Язык таких книг и даже богослужебной литературы ради понимания их содержания паствой подвергался сознательной «хорватизации», и поэтому, по определению исследователей, он представлял собой некое «искусственное литературное койне».

В конце XV–60-х гг. XVI в. хорватские книги печатаются также на латинице. Первой из них был так называемый «Лекционар» (Венеция, 1495), изданный Бернардином Сплитчанином. На латинице выпускала протестантские книги и типография в городе Урах близ Тюбингена. В связи с попыткой распространения протестанства в Хорватии и Словении предпринимались попытки создать единый язык, одинаково понятный как словенцам, так и хорватам. За пять лет своего существования (1561–1565) уражская книгопечатня выпустила 30 хорватских книг на глаголице, латинице и кириллице. Первым хорватским протестантским печатным изданием стал «Разговор паписта с лютеранином» (1561), за ним последовали буквари, катехизисы и программные сочинения протестантов. Главным из них был «Новый Завет» (1562–1563), переложение которого на хорватский язык осуществили Степан Концул из Истрии (1521–1568) и Антун Далматин (ок. 1500–1579). Они взяли за основу словен-

ский перевод Нового Завета протестанта-словенца П. Трубара и выполнили свою задачу, привлекая данные из переводов памятника на различные славянские и неславянские языки. Следует также упомянуть о том, что в XVI столетии ряд выходцев из Хорватии (такие, как Балдо Лупетина, Матия Грбац и Матия Влачич Иллирик из Истрии и Павел Скалич из Загреба) жили за пределами родины — в Италии, Швейцарии и Германии. Они создали немало ярких произведений, напечатанных на латинском, итальянском и немецком языках, не имеющих, однако, прямого отношения к Хорватии. Единственное исключение — написанный М. Иллириком «Ключ Священного Писания», в котором он сообщает о своей работе по составлению этимологий «четырех главнейших сейчас языков — греческого, латинского, немецкого и иллирийского».

Развитие хорватской литературы конца XVI — начала XVIII в. протекало в неблагоприятной исторической ситуации: большую часть хорватских земель, которые занимали Венеция и Габсбурги, сумели завоевать турки. Дубровник оставался независимым, но пережил экономический кризис, землетрясение и пожар, после чего долго не мог оправиться. Всё это вызвало постепенное отставание славянской далматинской литературы от ведущих западноевропейских. Во второй половине XVI столетия в Дубровнике по аналогии с итальянскими академиями возникла интеллектуальная «Академия согласных» во главе с дубровницким архиепископом Лодовико Беккадели из Болоньи. В ней поддерживалась идея возврата к «чистоте» языка, испорченного позднее «вульгарными» наслоениями поэзии Петрарки. Но на практике данная идея начала воплощаться позднее — в творчестве видного дубровницкого патриция Динко Раньины (1536–1607), семь раз занимавшего в Дубровнике должность правителя-князя. В главном его сочинении — сборнике хорватской лирики «Разные стихи» (Флоренция, 1563), содержащем любовные, дидактические, сатирические и иные стихотворения, чувствуется влияние его предшественников, однако он неоднократно демонстрирует свое иронически-насмешливое отношение к языку любовной лирики и пытается преодолеть рамки устоявшихся стихотворных размеров.

Его последователями явились дубровницкие поэты Доминико Златарич (около 1558–1613), прославившийся в качестве образцового студенческого ректора Падуанского уни-

верситета, и Хорацие Мажибрадич (1566–1641) — сын поэта Марое Мажибрадича. Первый из них проявил замечательную стилистическую свободу и изобретательность при переводе с итальянского, латинского и греческого языков произведений Тассо, Софокла, Овидия и других писателей. А второй в своей ранней любовной лирике и сатирических и морализаторских стихах продолжал линию поэтов Менчетича и Држича. Однако в более поздний период он внес в свои стихи существенные новации и сумел добиться неповторимости в передаче личных впечатлений и чувств. Исследователи называют Хорацие Мажибрадича последним ренессансным поэтом Дубровника и открывателем там эпохи барокко. Одновременно с ним эту эпоху открывал и Паское Примович (1565–1619) — поэт, который уже не просто высмеивал набившую оскомину лексику любовной лирики петраркистского толка, но и пародировал сам этот жанр, играя смыслами слов и понятий в барочном духе. Еще дальше пошел дубровницкий патриций Степо Джурджевич (1579–1632), пародировавший описание любовных мук. В его шутливой поэме «Дервиш» (после 1622) рассказывается об израненном старике-дервише, который свалился на землю перед запертыми воротами дома юной красавицы-христианки и начал свой страстный, не слышимый ею любовный монолог. От абсурдности любовных излияний дервиша и его нелепой фигуры веет атмосферой ученой комедии.

За попыткой распространения протестанства в хорватских землях последовала эпоха Контрреформации, с характерным для нее возвратом общества к прежним литературным нормам, усилению в литературе более жестких религиозных рамок и идеологических предписаний. Эти процессы заметны на примере творчества задарского священника Юрая Бараковича (1548–1628), который создал стихотворный перевод отрывков из Ветхого и Нового Завета («Грядка», Венеция, 1618), незавершенное произведение «Драга, пастушка с Раба», повествующее об истории и красоте этого острова, а также поэму «Вила Словинка» (1614). В последнем произведении чувствуется сильное влияние «Гор» писателя П. Зоранича, идет перекичка с антигурецкими реминисценциями из «Взятия города Сигета» задарца Б. Карнарутича и прослеживается поэтическая линия, идущая от М. Марулича. Своим именем «Словинка» героиня олицетворяет собой всё славянское племя, она расска-

зывает путешествующему герою о далеком прошлом славян, их едином происхождении и истории Задара. Словинка печалится из-за пренебрежительного отношения хорватов к родному языку. Одновременно автор выступает патриотом родного города-коммуны: под его пером Задар становится столицей владений мифического князя Словена — праотца всех славян. В произведение также входит описание путешествия автора по морю, попадание на некий остров с чистилищем и адом на нем, автобиографические сюжеты, рассказы из истории борьбы с турками и другого рода материалы. Всё это придает композиции сочинения мозаичность, весьма характерную в литературе того столетия.

Издание «Вилы Словинки» завершало собой эпоху ренессансных литературных сообществ далматинских городов, находившихся под властью Венеции, и начало утверждения идеологии Контрреформации. Исключение составлял лишь Дубровник, не допуская до конца XVII в. основания в нем иезуитской коллегии. Он оставался аристократической республикой, в литературе которой продолжали жить ренессансные идеалы. Их хранителями выступали патриции из обедневших аристократических родов, которым противостояла энергично заявлявшая о себе торговая буржуазная прослойка «пополанов». Творчество дубровницких авторов того времени нередко воплощало в себе противоречивые тенденции, иллюстрацией чего может служить разнообразное литературное наследие потомственного аристократа Ивана Гундулича (1589–1638). Он создал десять драматических пасторалей («Галатея», «Диана», «Ариадна» и др.), ставившихся с вокальным и музыкальным сопровождением, поэму на религиозную тему — «Слезы блудного сына» (Венеция, 1622), патриотическую пастораль «Дубравка» (1628), которая содержала в себе панегирик Дубровнику и критику нуворишей. Но вершиной творчества И. Гундулича и одним из самых значительных произведений хорватской литературы XVII в. справедливо считают его героическую поэму «Осман».

Эта незавершенная поэма, над которой он работал до конца жизни, навеяна произведением Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» и посвящена вселенскому противостоянию христианства и ислама. В ней он сумел вырваться из пасторально-мифологического пространства, свойственного для

его более ранних сочинений, и войти в новое измерение, где прошлое соединяется с будущим. Поэма состоит из 20 песен, в которых отражаются события современной истории: она включает в себе развернутый рассказ о попытке султана Османа вернуть былое величие Турции. После поражения турок от поляков под Хотинном он готовит поход на Восток, но, чтобы обезопасить тыл, направляет посла Али-пашу в Варшаву для заключения мира с Польшей. Поездка посла в польскую столицу и его пребывание там служат автору поводом для рассказа читателю о турках и их войске, о битвах, которые они вели против христиан, и причинах турецких неудач. Но обо всем этом становится известно не из авторских отступлений от сюжета повествования, а из размышлений султана Османа и через восприятие мира и былых событий посланником султана. Мифологическое прошлое соединяется в поэме с настоящим посредством «славянского» певца Орфея, воспевшего победы над турками Польши, которая мыслится автором как центр и надежда в противостоянии европейцев турецкой экспансии. Осману, однако, не удастся осуществить свои планы: в Константинополе вспыхнул бунт янычар, в результате которого султана свергают с трона и умертвляют.

Восьмисложная изысканная поэзия И. Гундулича послужила толчком для развития стихотворчества в Дубровнике подобно стихотворным опытам Ивана Бунича Вучича (1592–1658) — аристократа, несколько раз бывшего князем Дубровника. Его разнообразное творчество включало в себя духовные стихи, классические пасторали, произведения, пропитанные антипетраркистскими мотивами, и гедонистическую маринистскую (подражавшую итальянскому поэту Дж. Марино) любовную лирику. Его сборник «Пастушеские разговоры» состоит из пяти пасторальных эклог, в которых, с одной стороны, продолжается традиция пасторальных сочинений, а с другой, подвергаются насмешке и пародированию петраркистские клише, используются приемы, предельно снижающие все образные сравнения. Еще один, оставшийся неизданным, поэтический сборник автора — «Бездельничанье» — содержал любовные стихи, написанные Буничем в молодости не без влияния чувственной поэзии Марино. В процессе плетения метафор автор использует местную далматинскую лексику и, кроме того, проводит смелые эксперименты с размерами — поэтический

опыт, воспринятый затем новым поколением дубровницких творцов. Единственное произведение Бунича, которое он пожелал увидеть напечатанным — поэма «Кающаяся Магдалина» (Анкона, 1630) — несет печать гедонистической эстетики. Описания сластолюбивых раскаяний грешницы Магдалины наполнены фразеологией и лексикой, позаимствованной автором из любовной эротической лирики.

Репертуар тогдашнего дубровницкого театра составляли помпезные пьесы — переработки сочинений известных античных или итальянских авторов эпохи Возрождения. Они являлись провинциальной репликой барочных итальянских постановок, но сами тексты пьес порой служат интересными образцами переводческого искусства. В этой сфере наиболее видной фигурой был Юние Палмотич (1607–1657) — плодовитый автор многочисленных мелодрам, написанных на хорватском и латинском языках. В основе его пьес лежали тексты Вергилия, Овидия, Тассо, Ариосто и многих других знаменитых писателей и поэтов. Из его сочинений наибольший интерес вызывает драма «Павлимир» (1632), созданная на основе сюжета «Летописи попа Дуклянина». В ней просматривается попытка автора соединить историю славян православного мира с Римом. Главный герой произведения Павлимир — внук сербского князя-изгнанника, обосновавшегося в Риме и женившегося на знатной римлянке. Он отличается исключительной храбростью, благодаря которой возвращает трон предков и по пути на родину основывает Дубровник. Ю. Палмотич написал также несколько помпезных драм («Даница», «Бисерница» и др.), отличающихся барочными сценическими эффектами. Вслед за Палмотичем пьесы для дубровницких театров сочиняли драматурги, уступавшие ему по таланту: сын и внук Ивана Гундулича, звавшиеся Шишко и Живово, а также Вице Пуцич Солтанович, Антун Гледжевич и др. Героями их драм являлись похожие друг на друга мужественные, храбрые рыцари, отбивающие у врагов королевских дочерей и берущие их в жены. В жанре комедии во второй половине XVII столетия в Дубровнике, как правило, работали анонимные переводчики и авторы. На изображение в комедиях реальных дубровчан из числа христиан и иудеев был наложен запрет — персонажами обычно служили влюбчивые старики, хитрые слуги, доктора-шарлатаны и т. д.

В период Контрреформации Рим старался распространить свою власть на ослабевшую Восточную церковь и сделать католиками как можно больше славян на Балканах. Ради большей эффективности прозелитизма через иезуитов предпринимаются попытки создать общий книжный «иллирийский» язык, понятный для этнически разнородной славянской паствы. По заказу иезуитов Бартурл Кашич (1563–1631) составил на основе штокавского диалекта Дубровника первую грамматику «иллирийского» языка (1604). Данную грамматику, однако, не следует считать первой попыткой создания «общеславянского» книжного языка на Балканах — за двадцать лет до этого издатель, переводчик и поэт, задарский каноник Шиме Будинич (около 1530–1600) напечатал на кириллице и латинице в Риме перевод сочинения Петра Канизия «Сумма наук христианских» (1583). В основу языка перевода он положил чакавский диалект, используя одновременно элементы штокавского наречия, церковнославянизмы, чешские и польские слова и грамматические формы. Такая политика совпадала с направлением усилий словенских и хорватских печатников-протестантов, а также длительной хорватской далматинской исторической и литературной традицией, в соответствии с которой распространялось убеждение о единстве происхождения славян и особом месте Хорватии в славянской истории. Эти идеи продолжали активно поддерживать в XVII столетии далматинские историографы, произведения которых образовывали особое направление под названием «барочный славизм».

Крупнейшим историографом того времени был дубровницкий монах-доминиканец Мавро Орбини (середина XVI в. — 1611): он составил сочинение под названием «Царство славян» (Пезар, 1601), оказавшее большое воздействие на дальнейшую историографию. В нем он повторил многие сведения из «Летописи попа Дуклянина» и добавил новые. Согласно изложенной им версии, славяне происходили из рода Иафета, пришли на Балканы из Скандинавии через Сарматию, и уже из Далматинской Хорватии переселились затем на север Чех и Лях. Первые подвиги славян Мавро Орбини вел от Александра Македонского. Эти идеи подхватил и развил каноник из Шибеника по имени Иван Томко Мрнавич (1580 — около 1637) — автор труда на латинском языке «Об Иллирике и иллирийских императорах» (1603). В нем он ввел в употребление «иллирийскую» термино-

логию, объединявшую население Далмации, Хорватии и Славонии — области, граничащей с венгерскими землями. В это же время зачатки критического подхода к историческим источникам обнаруживаются у Динко Заваровича из Шибеника (1560–1608). В своем труде на латинском языке «О далматинской истории» (1603–1605) он подверг тщательному анализу некоторые древние документы и эпиграфические памятники. Его робкое начинание более полно было развито в трудах Ивана Лючича (1604–1679), который считается основоположником хорватской критической историографии. Этот получивший образование в Италии патриций из Трогира решил написать историю Далмации на основе архивных и ему современных документов, в сборе которых ему помогали друзья из разных далматинских городов. Около четверти века Лючич прожил в Риме, работая над созданием научных работ на латинском и итальянском языках. Он опубликовал труд «Далматинские надписи» (1673), в котором издал памятники римской далматинской эпиграфики, воскресил историю города Трогира, подкрепив ее текстами исторических документов, и напечатал основное свое сочинение «О королевстве Далмации и Хорватии» (1666). В последней работе этот ученый документированно изложил историю Далмации с античных времен до 1480 г. В приложении к ней он издал «Хронику» Фомы Сплитского, «Летопись попа Дуклянина» и другие исторические памятники. Это сочинение И. Лючича стало первым хорватским светским историографическим трудом.

В Северной Хорватии, где в XVII столетии идеологически доминировали иезуиты, преобладала средневековая церковно-религиозная литература. Светские начала стали проявляться в ней с середины указанного века преимущественно в сочинениях исторического характера. Одним из первых светских авторов здесь стал Юрай Ратткай из Великого Табора (1612–1666) — выходец из семьи аристократов с венгерскими корнями. Его перу принадлежит первое светское историческое сочинение на латинском языке, созданное в данном регионе страны: «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (Вена, 1652). Этот труд охватывал широкий период от библейского потопа до современных автору событий, в том числе и битв хорватов против турок. Многие усмотрели наличие в нем выпадов против немцев и венгров и безуспешно пытались запретить его распространение.

Появились и другие авторы, писавшие на сугубо светские темы в ренессансном духе: потомственные аристократы братья Зринские — Никола (1620–1664) и Петар (1621–1671), а также Фран Крсто Франкопан (около 1643–1671). Братья Зринские происходили из знатного рода, претендовавшего в прошлом на роль правящей династии в Хорватии, за независимость которой шла борьба. Владения этой династии под турецким натиском постепенно отодвигались на север, и в XVII столетии часть их оказалась в Венгрии. Оба брата получили образование у иезуитов в Австрии, а затем в Италии, и оно имело такой же мозаичный характер, как и сама хорватская культура. Н. Зринский выступил создателем поэмы на венгерском языке «Сирена Адриатического моря» (1645–1646), в которой много места было отведено Сигетской битве. Автор творчески использовал и подражал в ней произведениям Тассо, Гундулича и Карнарутича и обратился к «семейной» теме, описывая подвиги своего прадеда и других представителей династии. П. Зринский перевел поэму брата на хорватский язык и придал ей не только более патриотичный характер, но и явное антинемецкое звучание. Он также ввел в произведение собственные любовные и религиозные стихи, отличающиеся несомненными поэтическими достоинствами. Шурин братьев Зринских Ф. К. Франкопан писал стихи на латинском языке, подражая Вергилию и Овидию, и создал в прозе сатирическое сочинение «Труба Судного дня», в котором высмеял лицемерие, алчность и сластолюбие духовенства. Он также пытался сочинять стихи в фольклорном духе с использованием «десетараца» — поэтического размера народных песен.

Выходцем из Северной Хорватии являлся и Павел Риттер Витезович (1652–1713), окончивший свои дни в Вене. Он происходил из жившей в Сене обедневшей немецкой семьи, воспринявшей хорватские язык, обычаи и культуру. Всю жизнь Витезович боролся с материальными трудностями, возглавлял одно время основанную им в Загребе типографию (1694), создал ряд исторических и лексикографических сочинений, а также огромное количество стихов. Его перу принадлежат история о Крбавских князьях (Любляна, 1681), поэма о Сигетской битве (Линц, 1684; Вена, 1685), «Стемматография» — гербовник илирийских родов (Вена, 1701), «Жизнь и мученичество св. Владимира, хорватского короля» — авторская

обработка одного из сюжетов «Летописи попа Дуклянина»; «Банология» — исследование об институте правления хорватских банов (после 1710); оставшаяся в рукописи «История Сербии» в восьми книгах и др. Большинство его стихов написаны на латинском языке и представляют собой панегирики высоким светским и духовным лицам. После разгрома турок под Веной армией Яна Собеского (1683) и освобождения от них части населенных славянами территорий Витезович написал два известных сочинения. Это были — «Воскресшая Хорватия» («Croatia rediviva»; Загреб, 1700) и «Два века опечаленной Хорватии» (Загреб, 1703), отражавшие радость автора по поводу победы христианства и веру в возрождение единой Иллирии — древней римской провинции Иллирик, которая включала в себя земли хорватов, сербов и словенцев.

В конце XVII — начале XVIII столетия в далматинских городах и Северной Хорватии появляются литературные общества и академии по подобию возникшей в 1690 г. римской литературной академии «Аркадия». Таковой была, например, задарская «Академия бесстрастных», на собраниях которой обсуждались культурные, исторические и лингвистические проблемы. Несколько особняком от них стояла сплитская «Академия иллирийская» — ее председатель Иван Петар Марки (1658–1733) считал главной целью сообщества перевод на славянский язык духовных книг. Видное место в сплитской словесности того времени занимал Иероним Каванин (1643–1714) — потомок итальянского переселенца, ставший заметной фигурой в хорватской литературе. Он написал на хорватском языке огромный стихотворный сборник «Богатство и бедность», состоявший из более чем 30 тыс. восьмисложных строк и включавший в себя библейские сюжеты, сведения по теологии, а также мировой и местной (Далмация и Сплит) истории. Вместе с тем это сочинение было проникнуто идеей славянского единства и содержало призыв к Петру I освободить Европу от турок и занять престол в Константинополе.

В дубровницкой «Академии согласных» проявили себя тогда патриций с острова Корчул Петар Канавелович (1637–1719) и Игнат Джурджевич (1675–1737) — выходец из дубровницкой семьи торговцев, включенной в состав патрициата. Первый из них, находясь под сильным влиянием Гундулича, писал религиозные стихотворения, создал драму «Муки Господа нашего Ии-

суса Христа» (1678) и эпическое произведение «Святой Иван Урсин, епископ Трогирский», рассказывающее об осаде Задара венгерским королем Кальманом. Его сочинения продолжали линию развития итальянской и дубровницкой литератур и являлись местным вариантом позднего барокко. Что же касается творчества второго писателя, то оно демонстрировало достижения всех основных далматинских литературных направлений той эпохи. И. Джурджевич писал любовные стихи, создавал поэтические переложения псалмов, пробовал свои силы в жанре классической драмы (трагедия Юдифь»). В начале XVIII в. писатель вышел из иезуитского ордена (членом которого он был пять лет), покинул Рим и возвратился в Дубровник, обосновавшись в монастыре бенедиктинцев. Затем он издал написанный им на латыни сборник «Разные поэтические забавы» (1708), который состоял из тематически разнородных стихов: любовной и религиозной лирики, эпиграмм и др. Позднее он составил другой поэтический сборник под названием «Разные стихи» (1716), опубликованный на хорватском языке.

В течение ряда лет Джурджевич являлся членом дубровницкой «Академии согласных», в том числе и ее председателем (1718–1721). Он выпустил сборник свадебных песен на латинском и итальянском языках — произведений в традиционном пасторальном духе, но с использованием народных песенных мотивов и ритмов (1712), и пародию на любовную лирику «Марунковы слезы» (1724). Важен и его оставшийся в рукописи труд по истории далматинской литературы «Жизнеописания и стихи известных дубровчан» на латинском языке. Большинству произведений Джурджевича присущи эклектизм стиля и черты позднего барокко, которые особенно заметны в его витиеватом сочинении на хорватском языке «Вздохи кающейся Магдалины» (Венеция, 1728). Помимо прочего, он трудился в жанре панегирика, написав две книги «Поэмы о победе Евгения Савойского» в аллегорическом ключе, а в зрелом возрасте продолжал заниматься стихотворным переложением псалмов, издав затем комментированные тексты под названием «Славянская псалтырь» (1729). На склоне лет его увлекла работа над библейской и светской историей: он пытался доказать, что корабль апостола Павла потерпел кораблекрушение не у Мальты, а подле далматинского о. Млета, и занялся сбором археологических, географических, лингвистических, исторических и

литературных материалов для монументального сочинения «Древности Иллирии» («Antiquitatis Illyriae»), оставшегося, однако, незавершенным.

Творчество И. Джурджевича завершило большой этап развития хорватской литературы, в течение которого постепенно велась подготовка к созданию хорватского литературного языка. Три главных народных диалекта хорватов — кайкавский, чаковский и (общий с сербами) штокавский — писатели и переводчики при создании переводных и оригинальных текстов использовали в разной степени. То же самое происходило и при составлении словарей. Необходимость использования единого хорватского языка осознавалась творцами независимо от направленности их литературной деятельности, социального положения или конфессиональной принадлежности. Ее одинаково осознавали многие ренессансные и барочные писатели — будь то католики или протестанты, выходцы из среды патрициев и пополанов или церковные иерархи. Но предпочтения в выборе диалекта были различными. Дубровницкие поэты, например, писали преимущественно на штокавском диалекте, а в Загребе — на кайкавском; первопечатная хорватская книга на латинице «Лекционар» (Венеция, 1496) была издана на чакавском наречии, а первопечатная хорватская книга на глаголице «Миссал» (Венеция, 1483) — на церковнославянском языке с примесью слов не только чакавского, но и кайкавского наречия. К кайкавскому диалекту прибегал ректор иезуитской коллегии и глава заградской католической семинарии Юрай Хабделич (1609–1678). Он использовал его в своих исторических сочинениях о крестьянском восстании в Хорватии, о военных действиях австрийцев против турок, а также в составленном им «Славяно-латинском словаре» (славянскую часть которого составляли кайкавские лексемы). В отличие от него осуществившие издание «Нового Завета» (Урах, 1562–1563) протестанты Степан Концул и Антун Далматин предпочитали чакавские разговорные обороты.

Дальнейшим шагом в решении языковых проблем являлась попытка Ивана Белостенца из Вараждина (1594–1675) создать словарь единого хорватского языка с учетом всех его диалектных ветвей. На практике соединить все три диалекта в своих произведениях стремился работавший в Славонии Балтазар Миловец (1612–1678). Еще дальше пошел Павел Риттер Ви-

тезович в составленном им в 1702 г. латинско-иллирийском («Lexicon latino-illyricum») и хорватско-латинском словаре: иллюрийская и хорватская части были представлены в Лексиконе всеми тремя диалектами. Витезович обосновал в них и основное фонетическое правило орфографии «пиши, как говоришь», которое оценил и поднял на щит Вук Караджич более века спустя.

Во второй половине XVIII в. регионализм в хорватской литературе продолжал сохраняться: Истрия и Далмация по-прежнему были подчинены Венецианской республике (что длилось до начала XIX в.), северные хорватские земли принадлежали Габсбургской империи, а Славония до середины XVIII в. находилась в руках османов. Тем не менее в этот период происходит формирование национальной хорватской литературы на народном языке. Утрата экономической мощи городов адриатического Приморья привела к смещению центра хорватской культурной жизни в Загреб, в пределы Загорья, Центральной Хорватии, Военной Границы* и Славонии. В роли просветителей часто выступали хорватские священнослужители, выпускавшие естественнонаучные и общественно-просветительские книги на латинском языке. Архидиакон Балтазар Адам Крчелич (1715–1778) издал, например, «Предварительные заметки о королевствах Далмации, Хорватии и Славонии» (1770) и «Очерки о писателях королевства Славонии с XIV до XVII в.» (напечатана в Вараждине под псевдонимом «А. Барич», 1774). Он подарил собрание своих книг и рукописей библиотеке Королевской академии в Загребе, составившее впоследствии ядро Национальной и университетской библиотеки Хорватии.

В Славонии, отбитой у турок Австрийской империей (1745), возрождается региональная славонская литература, ярким представителем которой был Матия Антун Релькович (1732–1798). Этот побывавший в германском плену австрийский офицер проникся идеями немецкого и французского Просвещения и создал на хорватском языке дидактическую поэму «Сатир, или Дикий человек» (Дрезден, 1762). Она была адресована простым славонским крестьянам, и представляла собой

* Населенная сербами и хорватами укрепленная буферная зона, созданная Габсбургами на границе с Османской империей.

свод рецептов для европеизации отсталых земляков, которые излагались устами остроумного и язвительного Сатира. Мифологический герой высмеивал праздность, лень, массовую неграмотность, отсутствие школ, привычку устраивать затяжные свадьбы, пьянство и другие вредные обычаи, привычки и пороки. Сама поэма отличалась глубоким патриотизмом: в ней воспевались красоты Славонии, славное историческое прошлое предков и содержался призыв к современникам быть достойными их памяти.

На «Сатира» в 1765 г. поэмой «Эхо гор, которое на стихи Сатира и Тамбуриста славонского откликается и отвечает» отозвался приходской священник Вид Дошен (1720–1778). В ней он присоединился к Рельковичу, защищая его от нападок францисканского монаха, выступавшего под псевдонимом «Тамбурист». Критику недостатков и пороков земляков В. Дошен продолжил в другом своем сочинении — воспитательно-дидактической поэме «Семиглавный дракон» (1768). Она была направлена против семи смертных грехов и завоевала популярность благодаря живому языку и красочному описанию местных обычаев. Иную линию славонской литературы представляло творчество Антуна Канижлича (1699–1777), продолжавшего традиции барокко в самом известном своем произведении — поэме о палермской пустынножительнице — «Святая Рожалия» (1780). Она строилась на контрасте барочных аллегорий Греха и Милосердия, содержала философские размышления и нравоучительные рассуждения, порой проникнутые лиризмом и человеческой теплотой. Большое влияние на развитие хорватской литературы оказало и творчество славонского ученого и поэта Матии Петара Катанича (1750–1825). Он получил образование в Венгрии и Вене и сделался профессором гимназии сначала в Осиеке, а затем в Загребе, преподавал археологию и нумизматику в Пештском университете. Его перу принадлежит труд на латинском языке «Филологические и географические заметки о Паннонии» («Specimen philologiae et geographiae panoniorum», Загреб, 1795), в котором он отстаивал идею существования в прошлом славян-«иллирийцев», т. е. автохтонности южных славян на Балканах. В его поэзии заметно сильное влияние классицизма: оно проявляется в пристрастии автора к классическим жанрам буколики, эклоги и оды и в попытке доказать близость латинской и славянской просодии.

Последнее иллюстрирует предисловие «Краткое замечание об илирийском стихосложении» к сборнику латинских и славянских стихов: «Осенние плоды» («Fructus autumnales», Загреб, 1791).

В северной и центральной Хорватии, где писали на кайкавском диалекте, особую роль в XVIII в. получил школьный театр, в котором ставились морально-дидактические (переделки классики) и агиографические драмы на латинском языке, а затем и на языке хорватском. К концу века число постановок пьес на национальные и патриотические темы заметно увеличилось. Видной фигурой в этом процессе являлся член ордена паулинов, первый кайкавский драматург Тито Брезовачки (1757–1805). В его пьесах «Святой Алексей» (Загреб, 1768) и «Матьяш — чародей-ученик» (1804) с национально-просветительских позиций освещались житие упомянутого святого и борьба против общественных пороков.

В Далмации очаги образованности сохранялись главным образом в францисканских монастырях, в которых получили распространение книги Филипа Грабовца (около 1697–1749) и Андрии Качича-Миошича (1704–1760). Главная книга первого из них — «Цветок беседы о народе и языке илирийском, или хорватском» (Венеция, 1747) — представляла собой занимательно-исторический сборник с перечислением важнейших событий хорватской и мировой истории и призывами к читателям бороться с собственными пороками, правильно воспитывать детей, приложить усилия к объединению Хорватии и сохранению хорватского национального своеобразия. Власти сослали Грабовца за эти призывы в отдаленный монастырь. История является главной темой и хроники-компиляции Качича-Миошича «Приятная беседа народа славянского» (Венеция, 1756, 1759). В ней рассказывается о героической борьбе албанского князя Скандербега и приводится множество сведений о славном прошлом славян, почерпнутых автором из различных хроник. Она предназначалась для обучения славянских бедняков, крестьян и пастухов. Написанная народным 10-сложным стихом и прозой эта книга имела огромный успех у хорватских читателей и издавалась в XIX в. большими тиражами каждые три-четыре года. Помещенные в ней народные песни и исторические тексты благодаря посредству других писателей достигли Франции, Германии и Чехии и нашли

отклик в творчестве И. Г. Гердера, П. Мериме, Ф. Челаковского и др. Однако затем, во второй половине XVIII столетия, в Далмации начинается культурный спад: на штокавском диалекте там публикуются лишь стихи эпигонов далматинско-дубровницкого возрождения (Й. Бетондич, И. Бунич, Н. Барчи и др.), поддерживавших традиции стихосложения, но не вносящих в литературу ничего принципиально нового. Большее значение имела тогда деятельность Джуро Хиджи (1753–1833), переводившего на хорватский язык стихи классических поэтов Тибулла, Катулла, Горация, Овидия и Вергилия с использованием поэтических средств народной поэзии. Другими авторами, писавшими в то время на латинском языке, были Марко Бруевич (1765–1823) и священник Джуро Ферич (1739–1823). Первый из них, кроме создания сочинений на латинском языке, занимался переложением народных песен на хорватский, а второй в качестве заглавий своих латиноязычных басен употреблял хорватские пословицы.

Новый этап развития хорватской культуры продолжался с 90-х гг. XVIII в. до начала 30-х гг. XIX столетия. Реформы императора Иосифа II, закрепившие в Славонии немецкий, а затем и венгерский (1780) языки в качестве официальных, обострили борьбу южных славян за употребление народного языка, создание общего для всех языка литературного, сохранение национального своеобразия и освобождение страны от иноземного гнета. Глоток свободы хорваты и словенцы почувствовали в период войны Наполеона с Австрией, Пруссией и Россией, когда на занятых наполеоновскими войсками балканских землях были созданы иллирийские провинции, включавшие в себя Далмацию, Хорватию, Военную Границу и Славонию (1808–1813). Здесь, в соответствии с кодексом Наполеона, открывались школы с преподаванием на национальном наречии, в Задаре стала выходить газета на народном языке, были изданы «Иллирская грамматика» Франьо Аппендини (1808). Именно в это время актуализируются идеи, высказывавшиеся в XVII — XVIII вв. о существовании в прошлом римской провинции Иллирик, в которой жили древние «иллирийцы» (хорваты), говорившие на иллирийском языке. Развивая эти положения в своих сборниках «Огласник иллирийский» (Вена, 1818) и «Альманах иллирийский» (Карловац, 1823), публицист Юрай Шпорер (1794–1884) утвердил в общественном сознании по-

нения «Иллирия» и «иллирийский» (то есть хорватский) и придал последнему более широкий смысл, толкуя его как «праславянский» и «общеславянский». Тем самым он подготовил почву для общественного движения под названием «иллиризм». Руководствуясь его идеями, Антун Миханович сочинил стихи «Прекрасна наша Родина», ставшие впоследствии хорватским национальным гимном, а Тома Миклоушич (1767–1833) составил «Выбор повествований всякого рода», ставший настоящей народной энциклопедией Хорватии (1821).

Признанным лидером «иллиризма», который знаменовал собой начавшийся с 30-х гг. XIX в. новый этап развития хорватской культуры, выступил уроженец Центральной Хорватии поэт, историк и лингвист Людевит Гай (1809–1872). Он получил прекрасное юридическое образование в Вене и Граце и философское в Пеште. Еще будучи гимназистом, Гай опубликовал патриотическую брошюру о прошлом родного края, а после знакомства в Пеште с Яном Колларом (и его работой «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского языка», 1836) он целиком отдался идее славянской взаимности. Под влиянием этой идеи он начал заниматься собиранием хорватских пословиц и сказок, создал хорватскую азбуку на основе латиницы с диакритическими значками и обосновал принципы языковой реформы в «Краткой основе хорватского славянского правописания» (1830). Гай стал инициатором выпуска в 1815 г. первых хорватских периодических изданий — политического еженедельника «Народне новине» («Народные новости») и литературного альманаха «Даница илирска» («Иллирийская Денница»), создал первое научное общество «Матицу иллирийскую», при котором была открыта библиотека — «Иллирийская читальня» (1838), заложены основы хорватского театра и первого музея («Народный дом», 1847). Не без его влияния в загребской прогимназии в начале 30-х гг. XIX в. началось факультативное изучение хорватского языка и литературы и лингвист Виеслав Бабукич издал современную кайкавскую грамматику с учетом норм правописания, предложенных Гаем.

В своих изданиях Гай утверждал идею Великой Иллирии с границами, охватывавшими все южнославянские земли и некоторые соседние территории. Согласно этой идее, древние славяне — «иллиры» являются коренным населением Балкан

и, следовательно, обладают полным историческим и моральным правом на эту землю и свою национальную независимость. «Иллиризм» получил широкое распространение среди хорватских просветителей 30-х–40-х гг. XIX в., пока австрийские власти не наложили запрет на упоминание этого слова в политическом смысле (1843). Это движение было очень удобным в условиях смешанного проживания хорватов, словенцев и сербов и в размытых географических границах их обитания. Но, с другой стороны, он вступал в противоречие с растущим национальным самосознанием южных славян и крепнувшей тенденцией поиска национальной идентичности. Бесспорно, положительную роль «иллиризм» сыграл в дальнейшем движении к кодификации литературного языка, общего для хорватов, сербов и словенцев, и выбора в качестве его основы одного из бытовавших у них наречий. Для своих изданий Гай выбрал близкий к сербскому языку штокавский диалект в его экавском варианте, в то время как в Загребе говорили на кайкавщине. На штокавском диалекте с 10-го номера начала выходить гаевская «Иллирийская Денница», затем этот диалект постепенно (несмотря на первоначальное сопротивление) утвердился и в Далмации, где использовалось икавское наречие. В немалой степени этому способствовали авторитет Гая и его «будительские» песни и стихи, пробуждавшие хорватов от исторической спячки: «Еще Хорватия не погибла» (1835), «Преображение», «Давории» и др.

В области художественной словесности «иллирийцы» ратовали за создание литературы нового типа и способствовали наступлению в хорватских землях эпохи предромантизма. Одним из самых плодовитых писателей «иллирийцев» стал Иван Кукулевич-Сакцинский (1816–1889) — автор повестей, драм, трудов по истории, поэт и собиратель славянских древностей. Он находился на военной службе в Вене, где познакомился с видными южнославянскими просветителями и творцами: Вуком Караджичем, Симой Милутиновичем, Петаром Негошем, а затем и с Гаем. Кукулевич-Сакцинский начал публиковать свои стихи в а гаевской «Деннице», создал патриотическую драму «Юран и София» (1839), воспевавшую любовь к родине, ради которой не жалко отдать свою жизнь. Он написал также драму «Пират» — переработку байроновского «Корсара» и пьесу «Поражение монголов», отражавшую реальное историческое со-

бытие — разгром хорватами завоевателей на Гробницком поле (1242). Интересными были и его прозаические произведения, включавшие две повести — «Болгарин» и «Марфа Посадница», объединенные в одном сборнике (1842). Первая из них связана с борьбой сербов против османских поработителей, а вторая являлась переработкой произведения Н. М. Карамзина, хорошо известного образованным хорватам. Перебравшись из Вены в Загреб, писатель отдался поэзии, издал в конце 1840-х гг. два сборника любовной лирики («Сердечные излияния» и «Кораллы»), а также просветительско-познавательный сборник «Славянки» (1848), в котором он воспевал отдельные славянские города и народы, призывая славян сбросить иноземное иго. Большое внимание уделял он также собиранию и публикации памятников хорватского фольклора и древней письменности. Важным событием в общественной жизни хорватов было и выступление Кукулевича-Сакцинского на народном Саборе по-хорватски (1843), и спустя четыре года после этого события Сабор постановил придать национальному языку статус официального.

Движение «иллиризма» не смогло выполнить всех тех задач, которые были поставлены его апологетами. Не произошло, например, объединения хорватских разрозненных земель, разрешение на которое так надеялись получить от Венского двора хорваты, принявшие участие в подавлении венгерской революции 1848–1849 гг. Иноземный гнет вопреки их ожиданиям стал еще более жестким: и австрийский, и венгерский. Не сумели «иллирийцы» до конца оформить и единый кодифицированный литературный язык. Но была реализована главная задача иллиризма — сохранить национальную самобытность в обстановке усилившегося чужеземного господства, отстоять национальные язык и культуру вопреки усилиям властей по онемечиванию и мадьяризации подневольного славянского населения. Большую роль сыграло обращение «иллирийцев» к истокам истории и культуры славян — оно служило строжайшим развивавшегося Национального возрождения и в дальнейшем стало основой при создании литературы Нового времени. Именно из «иллирийского» окружения Л. Гая выйдут такие знаменитые творцы, как зачинатель хорватской любовной лирики словенец Станко Враз, родоначальник иллирийской прозы Людевит Вукотинович, автор первого «нового» хорватского

романа «Удел человеческий» Антун Немчич, основатель загребского хорватского национального театра Димитрия Деметер (1860), создатель художественной квинтэссенции идей «иллиризма» — лирико-эпической поэмы «Смерть Смаил-аги Ченгича» — Иван Мажуранич и др.

Процессы обновления затронули и Словению. Благодаря распространению протестантизма, который предусматривал использование национальных языков в богослужении и письменности, в словенских землях в XVI столетии возникает литература на словенском языке. Ее основоположником выступил священник-протестант Примож Трубар (1508–1586), который, опасаясь гонений за свои протестантские проповеди в Любляне и Триесте, покинул родину и значительную часть жизни провел на чужбине неподалеку от Тюбингена. За свой счет в 1550 г. он издал в Тюбингене первые две книги на словенском языке: «Букварь» («Abecedarium») и сборник протестантских проповедей «Катехизис» («Catechismus»). Сначала они были напечатаны готическим шрифтом, а спустя пять лет — на особой латинице («бохоричице», приспособленной к специфике словенского языка). В общей сложности П. Трубар издал более 20 протестантских книг на словенском и хорватском языках, в том числе собственный перевод на словенский язык «Евангелия от Матфея» (1555). Большинство этих изданий имело сугубо религиозную тематику или содержало критику католических обрядов: «Послания апостолов», «Новый Завет», «Псалтырь», «Катехизис с двумя толкованиями». Более светский характер носили «Духовная песня против турок» и «Песенники» («Pesmarice», 1563, 1567, 1574, 1575), созданные на основе народных духовных песен несколькими авторами, включая самого П. Трубара.

По его стопам шел и образованнейший протестантский писатель Себастиан Крель (1538–1576). Используя народные говоры из различных областей Словении, он издал «Библию для детей» («Otrocja Biblija», 1566), знаменитую протестантскую книгу «Постилла», назвав ее «Постилой словенской» (1567) и сочинил более десятка церковных гимнов. Ему принадлежат также усовершенствование на основе латиницы словенского алфавита, введение различения на письме ряда звуков, обозначения твердости и мягкости. Эти новации закрепили на практике его последователи: переводчик и издатель Юрий

Далматин (около 1547–1589) и лингвист и грамматист Адам Бохорич (1520 — около 1598). Из сочинений этих двух авторов наибольшее значение для развития словенского языка и литературы играли издание в Виттенберге в 1584 г. первого полного перевода Библии и первой грамматики словенского языка на латыни под названием «Зимние часы» («*Articae horulae*»). Кроме того, А. Бохорич создал несколько школьных учебных пособий по изучению словенского, латинского и немецкого языков, а также Латинско-немецко-словенский словарь. Публикация полного текста Библии Ю. Далматином заложила основы словенского литературного языка почти на два века вперед. Из-за наложенного католиками запрета на этот перевод его напечатали за границей и ввозили в Словению тайно в бочках и ящиках. Благодаря сравнительно большому тиражу (1500 экз.) она получила среди словенцев широкое распространение.

В самой Словении первая типография, издававшая словенские книги, появилась в 1575 г. благодаря инициативе Яна Мандельца, который за пять лет сумел выпустить девять словенских текстов, однако намерение Далматина издать в ней свой перевод Библии вызвало жесткую реакцию со стороны католиков. Их гонения еще более усилились с наступлением Контрреформации: с конца XVI в. церкви протестантов разрушались, книги — сжигались, а самих отступников либо принудительно возвращали в католичество, либо изгоняли из страны. Католическую литературу для словенцев печатают под присмотром церкви в Германии и Италии, а затем в основанных словенских типографиях в Любляне (1678) и Целовце (1692). Тем не менее под влиянием Реформации католические власти не решались законодательно разом отлучить словенский язык от Церкви. На протяжении тридцати лет, с 1598 по 1628 г., словенская католическая литература издавалась на словенском языке, причем большую роль в этом играл бывший протестант словенец Томаж Хрен (1560–1630). Выходец из семьи протестантов, он получил образование у иезуитов, сделался католическим епископом и решил вести свою борьбу с лютеранством, прибегая к словенскому языку. Т. Хрен издает на нем «Воскресное Евангелие» и «Сборник новозаветных чтений» (1613), сочиняет несколько церковных гимнов. Перевод «Сборника» осуществил Янез Чандек (1581–1624), который использовал языковой

опыт протестантских переводчиков, создав своеобразный переводческий канон для собратьев по перу.

Изучение Закона Божьего на словенском языке вначале практиковалось и в открывшихся в Любляне школах иезуитов (1597). Однако, в конце концов, книгопечатание на словенском языке было прикрыто почти на шестьдесят лет (1615–1672). Создававшиеся в то время сочинения словенцев евангельского, юридического и поэтического содержания оставались в рукописях, из которых уцелело около полусотни. Наибольший интерес вызывают стихотворные произведения «Калобской рукописи» (ок. 1643–1651) — словенские гимны Деве Марии, являющиеся переводами или переработками латинских текстов. Религиозным было содержание и большинства книг, которые стали выходить после возобновления книгопечатания на словенском языке. Это, например, второе издание «Воскресного Евангелия», осуществленное иезуитом Янезом Людвигом Шёнлебенем (1672) и несколько книг с молитвами, духовными песнями и богословскими размышлениями пера новоместского каноника Матии Кастелеца (1620–1688), в частности сочинение «Небесная цепь» (1684) — проникнутые религиозной мистикой и горячей верой церковные песнопения. Ему принадлежали также перевод Библии и латинско-словенский словарь, оставшиеся в рукописном виде. Религиозной по тематике была и «школьная драма», берущая свое начало в средневековых мистериях. Пьесы в католических гимназиях ставились преимущественно на латинском и немецком языках, но ряд постановок Пасхального цикла в XVII столетии в Любляне, Новом Месте и Кране был осуществлен капуцинами на словенском языке. Есть документальное подтверждение и о постановках иезуитами на словенском языке пьесы «Рай» — мистерии об Адаме и Еве, игравшейся с 1657 по 1689 г.

Печатавшиеся в Словении в последней четверти XVII в. переводные и оригинальные произведения постепенно приобретали всё более отчетливый барочный налет. Наиболее ярко барочные черты отразились в творчестве Янеза Светокрижского (капуцин Тобии Лионелли, 1648–1714), который с 1691 по 1707 г. выпустил пять томов проповедей на воскресные и праздничные дни, а также пособие для священников «Святая кладезь» («Sacrum promptuarium», 1691–1707). Много новых не зафиксированных ранее словенских слов находилось в пер-

вом Латинско-немецко-словенском словаре, который составил капуцин Иполит Новоместский (1667–1722). В первой половине XVIII столетия в словенских землях широко бытовали также сборники церковных песнопений, образчиками которых могут служить книги Франца Михи Пагловца (1679–1759). Он издал сборники «Различные песни» («*Cantilenaе varie*», 1733) и «Верный товарищ» («*Zvesti tovariš*», 1742), а также многократно выпускавшийся с 1728 г. Катехизис. В первый сборник вошло около полусотни текстов с библейскими мотивами, адаптированными под наивные представления простых крестьян и первое словенское стихотворное произведения философского содержания — «Песня о быстротечности мира».

Во второй половине XVII в. сведения о культуре и быте словенцев часто помещаются в латиноязычных и немецкоязычных трудах историографов. К ним относятся уже упоминавшийся Янез Людвиг Шёнлебен и немец Янез Вайкард Вальватор (1641–1693). Первый из них издал на латыни труд «Старая и Новая Крайна» (1681), не сумев, правда, до конца реализовать свой замысел. Но его дело продолжил Вальватор, создавший на родном языке грандиозный 15-томный труд «Слава герцогства Крайны» (Нюрнберг, 1689) — настоящую энциклопедию о Словении и словенцах, поскольку он содержал сведения о природе и достопримечательностях страны, этнографии и истории религиозных верований словенцев, а также образцы их устного народного творчества. Столь пристальное внимание автора к Крайне объяснялось тем, что он считал словенцев потомками германцев, а саму ее территорию как часть бывшего римско-германского «королевства». Во вступлении к труду было опубликовано первое словенское стихотворение светского характера: «Покровительственное приветствие во славу Крайнской земли и досточтимого Янеза Вайкарда Вальватора». Его написал вальваторовский почитатель Йозеф Зизенцели.

В конце XVII — начале XVIII столетия в Словении, как в Далмации и Хорватии, возникают культурно-просветительские общества: «Братство дилетантов» (1688), «Академия трудолюбивых» (1693–1725), «Филармоническая академия» («*Academia Philaharmonicorum*», 1701) и «Литературная академия» (1709), бывшая филиалом римской литературной академии «Аркадия». Из создававшихся их членами произведений необходи-

мо упомянуть «Историю Любляны» (1714) и оставшийся в рукописи первый обзор литературы крайних земель (1715) Янеза Грегора Долничара. Центр национальной культурной жизни Словении постепенно смещается в ее южную, населенную преимущественно словенцами область страны Крайну и словенскую столицу Люблян. В столице члены «Академии трудолюбивых» Шёнлебен и Вальватор открыли первую словенскую научную библиотеку (1701). Во второй половине XVIII столетия в Австрийской монархии были проведены реформы, узаконившие местные наречия в начальной школе, но это совпало с признанием немецкого языка в качестве официального государственного. Последнее активизировало борьбу просветителей против денационализации словенской элиты за сохранение родного языка и национальной идентичности. Выразителями общественного движения против онемечивания и носителями идей Национального возрождения выступали словенцы духовного чина, поддерживавшие связь с народом.

Начальной вехой первого этапа Национального возрождения, который продолжался до начала 80-х гг. XVIII в., считается издание в Любляне Марко Похлиным (1735–1801) труда «Крайнская грамматика» (1768). Особую ценность представляло в ней публицистическое предисловие с защитой родного языка, проповедью пользы от учения и разделом о поэтике словенского языка. Похлин создал также школьные учебники, пособия и справочники, публиковал научные работы на немецком и латинском языках: «История Крайны» («Krajnska kronika») и опыт литературной истории страны — *Bibliotheka Carniolica*. Кроме того, он организовал Люблянский литературный поэтический кружок (1773), в который входили духовные и светские лица, упражнявшиеся в переводе классических латинских поэтов и в иезуитской барочной поэтике. Похлин стал и вдохновителем выпуска первых альманахов светской словенской поэзии — «Писаницы изящных искусств» («Pisanice od lepoh umetnost», 1779, 1780, 1781), иллюстрировавших идейную и поэтическую мозаичность словенской литературы. Публиковавшиеся в альманахах разножанровые произведения (оды, гимны, элегии, эпиграммы, идиллии, стихотворные моралистические повести, басни и др.) были стилистически неоднородными и сочетали в себе элементы классицизма, позднего барокко или даже преромантизма.

Следует также отметить возникновение в те годы в Любляне «Академии деятельных мужей» (1781). Она была создана по инициативе Блажа Кумердея (1738–1805) благодаря содействию графа Я. Н. Эдлинга и имела программу широкого просветительского характера, включавшую в себя изучение истории родного края и языка, поэтического и ораторского искусства, медицины, права и других областей гуманитарного знания. За сравнительно небольшой период своего существования данная академия оставила заметный след в истории культуры словенских земель. Поэтому дата ее основания служит начальной хронологической вехой второго этапа словенского Просвещения, который продолжался до первого десятилетия XIX в.

Наиболее видными участниками упомянутого альманаха «Писаница изящных искусств» стали его редактор и постоянный автор Феликс Дев (1732–1786) и «первый словенский поэт» Валентин Водник (1758–1819), обогатившие светскую поэзию новыми стихотворными размерами и жанрами. Ф. Дев создал также первое словенское либретто, предназначенное для небольшой оперы «Белин» (1779). Наряду с одной элегией и одой это произведение образует единый цикл, в котором автор в аллегорической форме размышляет о развитии светской поэзии на словенском языке. Кроме того, он выступил автором литературных посланий («Песнь крайним поэтам»), которые указывали на предназначение поэзии (польза и наслаждение) и призывали молодых поэтов славить родину и прививать словенцам гражданские чувства. Ему принадлежит также стихотворение «Аминт пред взором своей Эльмиры» — первый образец словенской любовной лирики.

Священник В. Водник создавал для «Писаницы» классицистические стихи с усложненной метафоричностью барокко, а затем обратился к ритмике народных песен, иллюстрацией чего служит стихотворение «Довольный краинец». В его стихах присутствует восхищение красотой крайнской земли, идеализация народных достоинств («Призыв», «Кузницы»), звучат социальные и сатирические нотки («Мокрые герои», «Пьяные головы»), возникают пейзажные зарисовки («Бохиньская Быстрица», «Весна», «Вршац» и др.). Водник редактировал также материалы народных календарей и стал редактором первой газеты на словенском языке «Люблянские новости» («Люблян-

ски новицы», 1797–1800) и издал первый авторский сборник поэзии на словенском языке «Поэтические опыты» («Pesme za pokushino», 1806). Водник работал директором Люблянской гимназии и инспектором школ, создал «Азбуку для начальных школ», «Грамматику для начальных школ», грамматики и буквари иностранных языков. В предисловии к первому изданию «Грамматики...» (1811) он поместил оду «Иллирия возрожденная», признанную верой в духовное и культурное возрождение словенцев.

Помимо Люблянского литературного кружка, на первом этапе словенского Национального возрождения под началом Б. Кумердея возникло еще одно объединение деятелей словенской культуры. Оно занималось созданием единой грамматики и норм правописания для разобщенных словенских земель и позднее стало называться «Лингвистической академией». Сходными проблемами занимался и люблянский епископ Карл Герберштейн (1719–1787), объединивший вокруг себя молодых священников, которые выпускали не только литературу религиозного содержания, но и немецко-словенские словари, школьные учебники и пособия (например, «Крайнский букварь» Янеза Дебецеца), статьи об отдельных словенских писателях и по истории словенской литературы. Следует отметить и стихи герберштейновского сторонника Юрия Япеля (1744–1807), посвященные жизни деревни («Как в Крайне просо жали», «Колыбель в крестьянском доме» и др.), проникнутые лиризмом и ощущением гармоничности крестьянского бытия в лоне природы в духе руссоистских идей.

Важную роль в развитии словенской культуры играл и люблянский кружок барона Сигизмунда Цойса (1747–1819), в который входили Б. Кумердей, Ю. Япель, А. Линхарт, В. Водник, а позднее Е. Копитар и др.. Этот богатый меценат уделял большое внимание развитию литературного языка, считая ошибочными отказ от протестантской языковой традиции, игнорирование диалектов и ориентацию лишь на люблянское наречие, засоренное германизмами и хорватизмами. В кружке шла работа по сбору материалов для словенско-немецкого толкового словаря, созданию нового перевода Библии, который должен был стать образцом кодифицированного словенского языка, и утверждению последнего в качестве языка науки, образования и литературы. Создавалась также и «лите-

ратура для народа»: календари для крестьян «Большой месяцеслов» (*Veliika pratika*, 1795–1797) и «Малый месяцеслов» (*Mala pratika*, 1798–1806), в которых помещались загадки, басни, стихи и небольшие поучительные рассказы. Предпочтительной литературой для интеллигенции считались произведения в стиле модного тогда в Австрии рококо. Оно чувствуется в стихах членов кружка и в переводах (Цойс и Линхарт) куплетов и арий из итальянских комических опер, которые ставились на сцене Люблянского сословного театра (основан — 1765). Цойс выступил и как первый словенский критик: он считал эту область общественно-литературной деятельности самой главной и в своих письмах стремился разбудить в поэтах интерес к фольклору и призывал писать «в народном духе и для народа».

Национальная драматургия в конце XVIII в. развивалась сравнительно медленно. На театральной сцене ставились в основном переведенные на немецкий язык пьесы итальянских авторов П. Метастазиио и К. Гольдони, а затем начали осуществляться постановки произведений Мольера, Вольтера, Бомарше, Шекспира, Кальдерона. Толчком к развитию словенского театра стал приезд Антона Томажа Линхарта (1756–1795) из Вены в Люблян и основание им при поддержке Цойса «Общества любителей театра» (1786). В 70-е — 80-е гг. XVIII в., помимо пьес на немецком языке, он создает и первые пьесы на языке словенском: «Жупанова Мицка» (1789) и «Веселый день, или Матичек женится» (1790). Используя сюжеты современных автору произведений «Сельская мельница» австрийского драматурга Й. Рихтера и «Женитьба Фигаро» Бомарше, Линхарт сознательно «словенизирует» своих героев, вводит в действие 14 собственных сцен (в том числе и музыкальные с народными мелодиями и танцами), придает пьесам национально-патриотическое звучание, сделав господ «немцами», а слуг — «словенцами». Линхарт издал также поэтический сборник «Цветы Крайны» на немецком языке, в который вошли его ранние обработки словенских песен, и написал на немецком языке двухтомный труд «Опыт истории Крайны и других южнославянских земель Австрии» (1788, 1791).

В других населенных словенцами землях, в частности в северо-западной области Каринтии, процесс культурного развития протекал более медленно из-за немецкого и итальян-

ского давления. Здесь получают распространение народные пьесы на библейские и народно-легендарные темы, созданные «буковником», т. е. народным сочинителем, Андреем Шустером Драбосняком (1768–1825). На северо-востоке в области Штирии действовал научный кружок «Академия св. Урбана» (1803–1806), который объединил священников патриотов, работавших над нормами правописания, созданием грамматики и словаря словенского языка (Иван Нарат, Штефан Модриняк, Михаел Яклин и др.). В Прекмурье — землях, населенных словенцами, но принадлежавших венгерской короне, сохранились лишь отдельные свидетельства о зарождении там светской поэзии на народном языке: рукописи, содержавшие масленичные колядки Давида Новака и произведения Леопольда Фолкмера (1741–1816) — басни, сатиру, просветительские и патриотические стихи, например, «Хвала крестьянскому сословию» («Pesen od kmetstva»).

Издание «Поэтических опытов» В. Водника (1806) и публикация сводной «Грамматики славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» (1808) цойсовского ученика Ернея Копитара (1780–1844) в славистике считаются началом третьего последнего этапа словенского Просвещения, длившегося около двух десятилетий с 1810-х по 1820-е годы. Большое воздействие тогда на развитие литературы оказал второй из названных нами просветителей — ученый, критик, один из основателей научного славяноведения, поддерживавший связи с Вуком Караджичем. Копитар выдвинул программу развития национальной литературы, включавшую в себя очищение засоренного германизмами словенского языка, ориентацию писателей на первоначальные говоры крестьянства, собирание и издание фольклорных памятников, написание предназначенных для народа книг практического и нравоучительного содержания. По своей направленности она во многом совпадала с усилиями по развитию национальной культуры Л. Гая. Под воздействием идей Копитара преподававший в Люблянском лицее священник Матевж Равникар (1776–1846) перевел на словенский язык книгу немецкого писателя К. Шмидта «Повести из Священного Писания для молодежи» (1817), а священник из Горицы Валентин Станич (1774–1847) начал собирать словенские народные песни и создавать произведения религиозно-нравоучительного характера. Позднее эти сочинения были

опубликованы в сборниках «Песни для крестьян и молодежи» и «Молитвы и размышления» (первые выпуски — 1822 и 1826). Характерным для тех лет было также появление новых периодических изданий, в том числе и приложений к немецким газетам, например, «Люблянского недельного приложения» («Laibacher wöhenblatt», 1804–1818) и «Иллирийской газеты» («Illyrischen Blatt» — с 1819) к издававшейся в Крайне с 1778 г. «Люблянской газеты» («Laibacher Zeitung»). В них всё чаще публиковались тексты популярных тогда сербских песен и образцы словенского фольклора. Была предпринята попытка издания новой словенской газеты «Славиня», но эта инициатива была пресечена властями. Открываются в тот период и кафедры словенского языка в лицах Граца и Любляны, здесь же возникают объединения «Словенское общество» с целью изучения истории, географии, этнографии и литературы словенцев и «Славянская группа» в Любляне, в которой сплотились прогрессивные священнослужители.

После «Поэтических опытов» Водника эстафету от него приняли каринтийский священник Урбан Ярник (1784–1847) и восточноштирийский поэт Штефан Модриняк (1779–1827). Первый из них занимался наукой — историей, этнографией, лингвистикой и переводами с немецкого языка. Наряду с этим он писал различные по своей направленности стихи: патристические («К словенцам», «Довольный карантонец»), пейзажно-лирические (цикл «Времена года»), религиозно-философские («Арфа», «Звезды») и народно-этнографические («Ночь на Ивана Купала», «Масленичная»). Ярник публиковал их параллельно на словенском и немецком языках. Некоторые ученые находят в них черты предромантизма, возникшие под влиянием немецкой поэзии. На такие же темы писал и такое же влияние испытывал и Модриняк, в стихах которого чувствовались веяния сентиментализма и отклик на выдвинутые в одах Водника идеи Национального возрождения,

Активно развивается в тот период и народная литература, представленная творчеством известных и анонимных авторов «буковников» (от немецкого слова buch, т. е. — книга). Ее создателями выступали сказители-певцы из среды бродяг и крестьян, а позднее — школьные учителя и органисты. Используя простой народный язык и фольклорные обороты в своих стихах и песнях, «буковники» сумели добиться большой попу-

лярности: их произведения распространялись в виде «летаков» (отдельных листовок), ходили в многочисленных рукописных списках, которые позднее были опубликованы в сборниках Матии Ахацела, Павла Кнобла и Эмиля Корытко.

В сербских землях, несмотря на падение тогдашней столицы Смедерево (1459) и завоевание турками Боснии (1463), Герцеговины (1481) и Зеты — Черногории (1499), литературная деятельность не прекращалась. Вне власти османов еще находились Белград и Славония: они зависели от венгров и австрийцев и пали под ударами завоевателей позднее (1521 и 1552). Сербские писатели не прекращали писать, даже оказавшись вдалеке от родной земли. Здесь ярким примером могут служить так называемые «Записки янычара» («Турецкая хроника») Константина из Островицы — местечка подле Ново Брдо. Это сочинение было создано в Польше в конце XV — начале XVI столетия и бытовало не только в польских, но и в чешских списках. Сербам оно довольно долго оставалось неизвестным. Константин Островицкий участвовал в боях при взятии Константинополя турками (1453), попал к ним в плен, сделался янычаром, участвовал в осаде Белграда, турецком завоевании Морей и Синопа, служил в Боснии, а затем перешел под начало находящихся в Венгрии беглых сербских деспотов Стефана и Дмитрия из рода Якшичей. Всё это нашло отражение в его сочинении, которое свидетельствовало о том, что Константин сумел сохранить любовь к родине и поддерживал идею сплочения христиан перед лицом османской угрозы. Вне сербских пределов во второй половине XV — первой половине XVI в. находились писатели Пахомий Логофет (или Серб) и Лев Аникита Филолог, составившие на Руси множество житийных и гимнографических произведений.

В сербских же землях в то время активно продолжали развиваться средневековые агиографический и летописный жанры, а также жанр родословов. В конце XV — начале XVI в. канонизировались и прославлялись члены сремского рода Бранковичей, в честь которых создавались небольшие проложные жития и разнообразные варианты служб. Все эти святые были известными историческими личностями: ослепленный турками в неволе сын деспота Георгия Бранковича по имени Стефан († 1476), сыновья слепца Георгий (в монашестве Максим), ставший митрополитом Валашским, а затем Бел-

градским († 1516) и его брат Иоанн († 1502), а также их мать деспотица Ангелина, основавшая монастырь Крушедол во Фружской горе († 1516 или 1520). Материалы об этих святых частично использовались при составлении первого (1486–1497) и второго (1506–1509) вариантов «Родослова» сремских Бранковичей. Позднее формируется пятый по счету родослов семейства Якшичей (между 1563 и 1584), призванный доказать связь домов Неманичей, Лазаревичей, Бранковичей и Якшичей с русскими самодержцами. В летописном жанре расширялись и пополнялись свежими событиями записи о предшествующих исторических эпохах. Возникло четыре новых варианта «Младшей летописи» (доводящих повествование до 1458, 1460, после 1460 и 1500), каждый из которых представлен приблизительно пятидесятью сохранившимися списками. Появляется и первая местная Грабовацкая летопись, рассказывающая о происшествиях 1593–1602 гг. Не прерывается и традиция ведения кратких летописных заметок переписчиками рукописей.

Оскудение рукописных богатств сербских земель из-за нашествия турок отчасти компенсировало появившееся книгопечатание. Первая печатная книга на сербском языке «Октоих» вышла в типографии Джурдже Черноевича (Цетинье, 1493), а затем со значительными перерывами вплоть до 1638 г. издания на древнем церковнославянском языке с сербизмами выходили также в Венеции, сербских городах Горадже и Белграде, обители Руйно близ Ужице и некоторых других. Большинство этих книг были богослужебными — редким исключением является букварь дечанского иеромонаха Саввы. К сожалению, не смогла наладить собственное книгопечатание сербская патриархия, возрожденная в 1577 г. благодаря ходатайству перед турецким султаном его визиря отуреченного серба Мехмеда Соколовича. Основное внимание она уделяла восстановлению монастырей, храмов и корпуса рукописей, многие из которых погибли из-за пожаров во время османского нашествия. В целом вторая половина XVI — первая половина XVII в. были временем писцов, каллиграфов и изографов, но не писателей. Наиболее крупные книгописные центры располагались тогда в обителях Грачаница, Студеница, Милешево, «Малой Святой Горы» (почти два десятка монастырей в Овчарско-Кабларском ущелье), Рача, Хиландар и др.

На протяжении XVI — XVII столетий еще более укрепились духовные и культурные связи сербов с Россией. Контакты осуществлялись через Афон и хождения в Московское государство сербских монахов, которые в 1556 г. обзавелись в русской столице собственным подворьем, дарованным им Иваном Грозным. Особое отношение этого русского самодержца к сербам объяснялось его сербскими корнями: Анна, бабушка Ивана Грозного по линии матери, была дочерью Стефана Якшича Старшего. Благодаря общности веры и кровному родству правящих русских и сербских династий в русских землях начиная с XVI в. начали распространяться культы свв. Саввы и Симеона Сербских, Стефана Дечанского, князя Лазаря и других сербских подвижников. В свою очередь на Афоне трудились русские и малороссийские переводчики и книжники (Гаврило Мстиславич, Самуил Бакачич и др.), оставившие заметный след в сербской рукописной традиции. Видимо, под русским влиянием в сербских землях начал развиваться жанр хронографа: уцелело более десятка сербских списков этого памятника, старейшими из которых являются Житомирский (1614) и Верхобрезничский (1650) и Пивский (вторая половина XVII в.). Они ведут свое происхождение от первой и второй русских редакций Хронографа (1516–1522, 1617), составление которых на Руси велось с привлечением сербских летописных материалов.

Несмотря на обилие, редакторов и переписчиков, собственно сербских писателей в конце XVI — первой половине XVIII в. было считанные единицы: известный иконописец и переписчик Лонгин и патриарх Паисий Яневец (около 1550–1648). Второй автор был весьма плодовитым и составил жития и службы Стефану Первовенчанному по случаю обретения мощей святого в Сопочанах (1629) и царю Урошу, погибшему в XIV столетии незадолго до битвы с турками на реке Марице (1642). Основой для последнего жития послужили многочисленные письменные и устные источники: летописи, родословы, грамоты-хрисовулы и рассказы архиепископов. Паисию приписывают также создание цикла произведений о чтившемся в народе борце против турок Стефане Штиляновиче († после 1540): тропарь службу и похвальное слово. В последней четверти XVII в. анонимные сербские гимнографы составили стихиры деспоту Иоанну Бранковичу и князю Лазарю.

К началу XVIII в. традиции средневековой сербской литературы постепенно начинают себя исчерпывать. Возникает такое принципиально новое явление, как сербская литературная «внедомность». Массовое переселение сербов в австрийские земли (получившее название «Великого переселения») имело место еще в 1690 г., когда после неудачной австро-турецкой войны вынуждены были покинуть родину около 80 тыс. сербов во главе с патриархом Арсением IV Черноевичем. Многие сербы оседали также в Буде, Пеште и других венгерских городах. Попав в иное, более развитое культурное поле сербские писатели пытались следовать его «силовым» линиям», стремились попасть в амплитуду его литературно-эстетических колебаний. Иллюстрацией этому могут служить историографические труды переводчика, дипломата и писателя, сербского графа Георгия Бранковича (1645–1711), оказавшегося в вынужденной эмиграции. Используя самые разнообразные источники, начиная от трудов византийских историков и кончая работами русских и современных западноевропейских авторов, он написал 5-томную «Славяно-сербскую хронику», в которой рассказал, помимо прочего, о древней истории сербов, народной мифологии и обычаях, происхождении древнейшей династии Неманичей и династии собственного рода.

В венгерском г. Сент-Андре протекала литературная деятельность и другой личности «переходного» времени — Гавриила Венцловича († 1750). Этот переписчик и редактор оставил потомкам около 20 церковно-религиозных и богослужебных сборников, написанных каллиграфическим почерком на слегка «сербизированном» церковнославянском языке или совсем «непарадного» вида — с применением полуустава, скорописи и на «простом диалекте», т. е. народном языке. Венцлович переводил произведения некоторых барочных славянских авторов (например, «Меч духовный» Лазаря Барановича, 1736), и это, несомненно, влияло на собственный стиль писателя. Его можно назвать «переходным», поскольку он одновременно несет в себе черты средневековой силлабической версификации и новых барочных поэтических приемов. Однако для дальнейшего развития литературы требовалось решительное поднятие уровня сербского образования и культуры, невозможное без появления школ. Первая из них появились в находящемся под австрийской властью г. Сремски-Карловцы

(1726) благодаря русской помощи и русским учителям. Эти школы играли важную роль в зачинании сербского Национального возрождения, которое, так же как и в Болгарии, совпало по своей направленности с Просвещением. Выпускники школ продолжали свое образование в России (особенно в Киево-Могилянской духовной академии), приобщались к русскому образованию и культуре, а через нее и культуре западноевропейской. Однако в 70-е гг. XVIII в. реформы Марии Терезии и Иосифа II привели к ограничению русского влияния в сфере образования в Австрии: здешним сербам предписывалось учиться в западноевропейских гимназиях и университетах.

Два основных вектора развития сербской литературы и культуры с ориентацией на Россию и Западную Европу во второй половине XVIII в. четко прослеживаются на примере творчества крупнейших культурных деятелей той эпохи: Захарии Орфелина (1726–1785), Йована Раича (1726–1801) и Досифея Обрадовича (1739–1811). Первый из них был среди сербских писателей XVIII в. настоящим энциклопедистом — поэтом, прозаиком, богословом, художником, гравером. Уроженец восточнославянского Вуковара, он перемещался по Европе в поисках заработка: по воле судьбы оказывался то на службе в Сремских-Карловцах в митрополичьей канцелярии, то в Венеции или Вене в качестве корректора в греко-славянской и сербской типографиях Димитрия Феодосия и Йозефа Курца. Блестяще реализуя себя как творец, он умер в нищете и безвестности в церковном приюте близ Нови-Сада. Орфелин выпустил в Венеции единственный номер первого сербского журнала «Славяно-сербский магазин» (Венеция, 1768), предисловие к которому имело историческое значение. Оно прозвучало как своеобразный манифест сербского Просвещения и призывало к всеобщему чтению книг, а также к созданию литературного языка, аналогичного народному. Сам Орфелин писал свои сочинения на двух языках: поэтические («Плач Сербии» — lamentация о горестной судьбе страны, «Песнь историческая» — о битве на Косовом поле, «Мелодия к весне» — первое сербское поэтическое изображение природы и др.) на народном языке, а прозаические — на рускославянском. Самым значительным его произведением на таком языке было двухтомное прозаическое «Житие Петра Великого» (Венеция, 1772; Санкт-Петербург, 1774). Оно явилось предтечей сербского романа и

свидетельствовало о вызревании у сербских авторов художественного начала.

Йован Раич родился в Сремских-Карловцах, учился в Киево-Могилянской духовной академии, побывал в Хиландаре, принял постриг (1772) и сделался архимандритом монастыря в Ковиле, где окончил свои дни. Он внес вклад в развитие поэтических жанров, создавал кантаты и сочинил историко-аллегорическую поэму «Бой змея с орлами» о войне России и Австрии с Турцией (1788–1790). Поэма была написана на народном языке, проникнута чувством патриотизма и гражданским пафосом. В ней заметно влияние традиций украинско-русского барокко, воспринятых писателем в период его пребывания в Киеве. Главное его сочинение «История разных славянских народов» (1768), изданное гораздо позднее (1794, 1795), в значительной мере было компилятивным и написано архаичным языком, достаточно сложным для понимания его читателем. Раич стремился пробудить в сербах чувство национального достоинства, воскресить героическое прошлое Сербии и показать ее нынешнее униженное положение. Одновременно он проводил в нем идею единения славянских народов для борьбы с поработителями турками.

За пределами родной земли протекала в основном и деятельность Димитрия (в монашестве Досифея) Обрадовича, родившегося в Чакаве — городе, который находится ныне в Румынии. Он бежал из семьи, принял постриг в Хоповском монастыре в Воеводине, стал дьяконом, но, не выдержав монастырских условий, ушел и оттуда и обошел затем пол-Европы: побывал в Далмации, Греции, Италии, Константинополе, Германии, Франции, Австрии и России. Обрадович слушал лекции в университетах Вены, Галле, Лейпцига и Лондона, овладел многими иностранными языками, заразился рационалистическими и просветительскими идеями Лейбница и Руссо и стал одним из самых образованнейших выходцев со славянского юга. В своих сочинениях (культурно-просветительский манифест «Письмо к Харалампию»: 1783, «Советы здравого разума»: 1784, «Басни»: 1788, «Собрание разных нравоучительных вещей»: ч. 1, 1783, «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича»: ч. 1–2, 1783, 1788; и др.) он проповедовал антиклерикальные взгляды, пропагандировал образцы западноевропейской литературы, писал о необходимости перехо-

да от искусственного литературного славяносербского языка (и пришедшего на смену русскославянскому, отличавшегося от предыдущего более развитой сербской основой) к литературному языку, близкому народному. Главным его сочинением являлось «Жизнь и приключения Дмитрия Обрадовича», состоявшее из двух книг (1783, 1788). Первая их них охватывает период до бегства из монастыря и отражает антиклерикальную просветительскую позицию автора, а вторая часть написана в виде писем, рассказывающих о его впечатлениях и размышлениях, возникших во время путешествий. В творчестве Обрадовича, помимо ясно обозначенных идей Просвещения, улавливаются веяние сентиментализма и черты новых жанровых форм европейской литературы XVIII в.: мемуаров, путешествий, автобиографий, воспитательного романа.

Начиная с последних десятилетий XVIII в. идеи Д. Обрадовича восприняли многие сербские писатели и просветители. Йован Мушкатирович, например, издал первый у сербов сборник пословиц и поговорок (1787), Михайло Максимович создал первый сборник сатирико-юмористических сочинений под названием «Малый букварь для больших детей» (1792), поэт Алексие Везилич (1753?–1792) опубликовал первый сербский печатный поэтический сборник «Краткое написание о спокойной жизни» (1788) и др. Развитие национальной литературы стало стремительным после Первого сербского восстания (1804–1813) и образования Сербского княжества, охватывавшего часть сербских земель со столицей в Белграде. Обрадович принял в тех событиях самое деятельное участие, сделался советником вождя повстанцев князя Карагеоргия, стал инициатором создания Высшей школы в Белграде (1808) и первым сербским министром просвещения. При этом сербская литература и культура продолжала развиваться в условиях «многодомности»: новые литературные и культурные явления возникали не только в Белграде, но и в Воеводине, Вене, австрийско-венгерских городах Буде и Пеште, в России. В воеводинском Нови-Саде была открыта, например, первая сербская гимназия (1816), а в Вене выходила одна из первых сербских газет «Новине Сербске» (1813–1822). В Пеште начал публиковаться литературный журнал «Сербские летописи» («Летопис Матице Српске», 1825), издающийся и поныне. Год спустя там же было основано культурно-просветительское и научное общество «Матица серб-

ская», распространявшее книги, журналы и различного рода научные и общекультурные знания. В Пеште и Нови-Саде в 10-х — 20-х гг. XIX в. возникли первые ростки сербского театра, появились первые театральные труппы и были поставлены первые сербские спектакли. Жившие в России сербы Григорий Терлаич и Анастасий Стойкович, продолжая дело Обрадовича, стали учеными, преподавателями и писателями (Терлаич перевел, в частности, на сербский язык роман М. Хераскова «Нума Помпилий, или процветающий Рим»).

В княжестве Сербском культурные процессы протекали более медленно из-за того, что оно до 1878 г. оставалось полувассальным: турецкие гарнизоны покинули сербские города только в 1876 г., а дань туркам прекратили выплачивать лишь в 1878 г. Первый литературный журнал стал выходить здесь только в 40-е гг. XIX в. («Подунавка», 1843–1848). За пределами княжества дела шли быстрее: в Воеводине образованный настоятель Шишатовацкого монастыря Лукиан Мушицкий (1777–1837) создавал оды в классицистическом духе и стихотворения с налетом сентиментализма. В духе сентиментализма был написан и роман «Аристид и Наталья» (1801), в котором его автор Атанасий Стойкович (1773–1832) поведал об истории двух влюбленных. В то же самое время ведущий тогда романист из Нови-Сада Милован Видакович (1780–1842) писал на архаическом языке назидательно-поучительные эклектичные, псевдоисторические романы: «Уединенный юноша» (1810), состоящий из трех частей «Любомир в Элизиуме, или Светозар и Драгиня» (1814, 1817, 1823) и др. Все семь романов Видаковича были написаны на архаичном языке, далеком от живой речи. Давно назревавшая потребность в языковой реформе была блестяще обоснована и проведена филологом, ученым, фольклористом, писателем и выдающимся деятелем Национального возрождения Вуком Караджичем (1787–1860). Он сумел сделать нормой фонетический принцип «пиши, как говоришь», усовершенствовать сербскую азбуку и добиться соглашения с деятелями хорватской культуры об употреблении единого литературного языка на штокавской основе (1850). Литературно-эстетически Караджич интуитивно тяготел к романтизму и косвенно пропагандировал его в своих статьях, критикуя сербских писателей за подражательность и языковую архаику: он призывал их не отрываться от народных корней и в

особенности от крестьянства. Романтическое начало со временем стало ведущим в поэзии Симы Милутиновича (1791–1847), мемуарах и исторических сочинениях Матеи Ненадовича (1777–1854) и творчестве других сербских писателей.

На территории Боснии образованную прослойку христианского населения составляли обосновавшиеся в стране с XIII в. монахи-францисканцы. Обычно они были римскими воспитанниками, хорошо знали произведения многих латинских, итальянских, дубровницких и далматинских авторов. С конца XVI в. францисканцы получили возможность учить народ по монастырям и селам, а в следующем веке после наступления Контрреформации и ростом усилий по католизации населения возникла задача создания религиозной литературы на народном языке. При этом религиозные просветители в Боснии использовали кириллицу, писали на штокавском наречии с элементами икавского говора и называли свой язык словинским, иллирическим или босанским. Использовалась также особая графическая система «босанчица» — кириллическая азбука с добавлением некоторых черт глаголицы. Жившие в боснийских землях славяне-мусульмане в своих сочинениях на родном языке употребляли арабскую азбуку — так называемую «арабицу». Крупнейшим представителем боснийской католической литературы являлся Матия Дивкович (1563–1631), издавший в Венеции несколько религиозных сборников. Первый из них — («Наука христианская для народа словинского», 1611) предназначался для священников, второй — («Наука христианская с многими словесами душеполезными и боголюбивыми», 1616) был рассчитан на мирян и включал в себя помимо катехизиса, духовные стихи и песни дубровницких поэтов, в том числе и отрывки драмы «Аврамов жертвенник» М. Ветрановича, а третий — («Различные беседы Дивковича для народа словинского о евангелиях воскресных за весь год», 1616) содержал проповеди, притчи и легенды, распространенные в католической литературе. Одним из последователей Дивковича выступил Павел Посилович (†1664), выпустивший книги «Наслаждение духовное» (1639) и «Цвет крепости» (1647) — широко известного на славянском юге итальянского сочинения «Fiore de virtu».

Религиозно-поучительный характер имели сочинения тогдашних боснийских мусульманских авторов Хаджи Юсуфа, Хеваи Ускюфи и Хасана Кайми, использовавших народный

язык. Первые два поэта творили в жанре религиозной песни «илахие», а третий создал две поучительные песни «касыды» и патриотическую песню, направленную против врагов турок венецианцев. Появился и первый боснийско-турецкий словарь в стихах (1631), заслуга составления которого принадлежала Хеваи Ускюфи. Деятельность православных монастырей была скромнее — они поддерживали связи с сербскими обителями и продолжали хранить религиозные традиции славяно-византийской культуры.

В наиболее тяжелом положении находилась Болгария, которая после османского нашествия в конце XIV в. утратила не только государственность, но и церковную самостоятельность. Возрождение литературных традиций в болгарских землях началось только во второй половине XV в., причем существенный вклад в него внесли сербские книжники, которые обосновались в восставшем из пепла Рильском монастыре (1459). Здесь работали сербские переписчики и писатели Владислав Грамматик, Димитрий Кантакузин и многие их безымянные соотечественники. Благодаря их усилиям библиотека обители пополнилась новыми манускриптами, болгарской литературе были возвращены многие утраченные ими произведения, уцелевшие в сербских списках. Именно они укрепили в западной части болгарских земель культ подвижника Ивана Рильского, мощи которого были возвращены из разоренной болгарской столицы Тырново в основанную им обитель. Владислав Грамматик написал об этом событии «Рильскую повесть» (1469), а Димитрий Кантакузин составил новые житие и службу упомянутому пустынножителю. Из Тырново центр болгарской литературной жизни переместился на северо-запад в Софию, ставшую главным административным центром Румелийского бейлербейства — европейской провинции Османской империи. Здесь постепенно появилась целая россыпь небольших монастырей (Илиенский, Кокалянский, Драгалевский, Буховский и др.), образующих «софийскую Святую Гору». В них находились книгописные центры, благодаря которым в XVI — XVIII столетиях в храмах появлялись богослужебные книги взамен утраченных. В Софии в XVI столетии появились и главные болгарские оригинальные литературные памятники. Основной их темой стало прославление мучеников за веру, казненных турками за отказ принять ислам. Традиция

создания житий и служб таким мученикам возникла на Афоне и в Константинополе и поощрялась высшими греческими иерархами. В Софии в XVI столетии в соответствии с этой традицией были написаны жития и службы Георгию Новому († 1515) и Николе Новому († 1555). Повествования о Георгии Новом и Николе Новом поражают активным участием в действии авторов произведений — пресвитера Пейо и Матея Грамматика. В них сильны реалистичность описания сцен из быта подневольных болгар и натуралистичность рассказов об изтязании и смерти агиографических героев. Творческий подход пресвитера Пейо, намеренно использовавшего в житии Георгия Нового незамысловатый язык, обозначил тенденцию к демократизации литературного языка с учетом уровня потенциальных читателей. В отличие от него автор жития Николы Нового книжник Матей Грамматик прибегнул к чрезвычайно сложному языку, малопонятному даже для его образованных современников. Он словно пытался продолжить традиции Тырновской книжной школы, не отдавая себе отчет в том, что употребление торжественного, вычурного языка уже не имело исторической перспективы. Всё это существенно повлияло на дальнейшую судьбу литературных произведений: житие и служба пресвитера Пейо широко распространились на Балканах во множестве списков, а житие и служба Матея Грамматика так и остались в единственном списке-автографе книжника.

Тенденция к демократизации языка в дальнейшем проявилась при создании «дамаскинов», которые в XVII — XVIII вв. стали любимым чтением болгар. Они получили название по имени греческого проповедника XVI столетия Дамаскина Студита, составившего сборник слов и поучений на греческом языке, близком к живому разговорному. После перевода первого «дамаскина» в болгарских землях в конце XVI в. его начали активно переписывать, часто вставляя в рукописи произведения других авторов, не выходявшие, однако, за рамки традиционной средневековой литературы. Некоторыми новшествами тогда стало ведение летописных заметок, в которых болгарские переписчики и книгочеи повествовали о жестокости турецких султанов к христианам, о насильственных наборах болгарских мальчиков в янычары, о разрушении турками православных церквей и т.д. Самым крупным автором таких заметок в XVII столетии стал священник Петр из села Мирково,

оставивший нам сведения о войнах Османской империи со Священной лигой, о поражении турок при Мохаче (1687), о взятии Белграда, Ниша и Пирота австрийцами, о неуспешном восстании болгар в селе Чипровцы и др.

Из-за отсутствия в болгарских землях типографий ходившие по стране книги были преимущественно рукописными, а то, что издавалось на средневековом церковнославянском языке за границей в Валахии, Венеции и Риме и других местах, носило сугубо богослужебный или подчеркнуто религиозный характер. Переводы осуществлялись в основном с греческого языка, и здесь ярким примером о характере переводимых произведений служит деятельность «дамаскинара» XVII — первой половины XVIII в. Иосифа Брадатого (около 1690 — около 1757). Он перевел сборник проповедей Иоанна Златоуста «Маргарит» (1742), «Чудеса Богородицы» Агапия Критского (середина XVIII в.), «Евангельское толкование» того же автора и другие греческие религиозные сборники. Греческое культурное влияние в болгарских землях постепенно стало столь сильным, что начало угрожать медленной эллинизацией болгар, которые могли утратить и чувство собственной национальной идентификации. Эту угрозу несколько нейтрализовало русское культурное влияние, осуществлявшееся сначала в церковно-религиозном русле («хождения» болгарских монахов в Россию за милостыней в XVI — XVIII вв., получавших наряду с денежной помощью и печатные богослужебные книги), а затем и посредством проникновения на славянский юг сочинений полусветского и светского характера.

Вехой в развитии болгарской литературы и болгарского национального самосознания стала деятельность афонского монаха Паисия Хилендарского (1722–1774), создавшего эпохальную «Историю славяноболгарскую» (1762). Он написал ее преимущественно на материале русских печатных переводных произведений, а также болгарских рукописных прологов, сборников житий и другого рода литературы. Особо следует подчеркнуть, что деятельность Паисия была интегрирована в происходившие среди балканских славян возродительные процессы. На него заметно повлияли рассуждения А. Качича-Миошича о достоинствах славянского языка и о забытом славянами своем славном прошлом, помещенные в его произведении «Приятная беседа народа славянского». Кроме того,

через русское переводное посредство он познакомился и с трудами «Царство славян» далматинского историографа Мавро Орбини и «Деяния церковная и гражданская» римского кардинала Цезаря Барония. Не исключено также, что он встречался на Афоне с Й. Раичем.

В своей работе Паисий выдвинул программу болгарского Национального возрождения, заключавшегося в борьбе за восстановление болгарского государства, национальной церкви и создание светских школ с преподаванием на родном болгарском языке. Его произведение было проникнуто высоким гражданским пафосом и публицистической страстностью. Оно пробудило болгар от глубокого средневекового сна. Довольно долго «История» распространялась в рукописных списках, первые печатные извлечения из нее появились только в 1844 г. Тему истории затрагивали после Паисия анонимный монах, создавший «Историю вкратце о болгарославянском народе» (после 1762), и иеромонах Спиридон, сочинивший «Историю во кратце о болгарском народе славенском» (1792). Но они не обладали страстностью Паисия, и их сочинения остались в единичных списках.

Истинным последователем Паисия выступил национальный деятель епископ Софроний Врачанский (1739–1813), выпустивший первую печатную книгу «Недельник» на новоболгарском языке (Рымник, 1806). Она представляла собой переводной сборник воскресных проповедей, предназначенных для болгарских священников и боголюбивых читателей. Он выполнил и много других переводов и создал первую в истории болгарской литературы «Автобиографию» (1805), в которой описал свою нелегкую судьбу, свои мытарства и ужасы османского ига. Помимо переводов ряда религиозных произведений, оставшихся, как и «Автобиография», в рукописях, он перевел просветительское сочинение Амвросия Марлиана «Представление о жизни общества» («Theatrum politicum»), в предисловии к которому призывал к строительству школ и изучению книжных наук. Появление паисиевской «Истории славяноболгарской» и софрониевского «Неделяника» считаются вехами первого этапа болгарского Национального возрождения, совпадавшего по своей направленности с Просвещением. На втором его этапе, продолжавшемся до середины XIX в. резко возрастает тяга болгар к образованию и просвеще-

нию. Они получали образование в греческих училищах Кидонии, Константинополя, Фессалонтик, Бухареста и других образовательных центров. С середины 10-х гг. XIX в. в болгарских землях открываются эллино-греческие училища (Свиштов — 1815, Котел — 1819, Карлово — 1828 и др.), которые затем стали преобразовываться в эллино-славянские и эллино-болгарские. На nive школьного образования тогда трудились просветители Райно Попович, Эмануил Васкидович, Христки Павлович, Неофит Рильский и другие. В связи с развитием сети начальных школ в заграничных типографиях печатались разнообразные учебники на болгарском языке. Среди них следует отметить первый болгарский букварь (Бухарест, 1824), выпущенный просветителем Петром Бероном (1800–1871) и получивший название «Рыбный» за изображение дельфина на его обложке. Это яркое событие в культурной жизни Болгарии большинство исследователей считает началом второго периода болгарского Национального возрождения, продолжавшегося до середины XIX в. Из других последовавших за букварем событий в культурной жизни необходимо упомянуть первую «Болгарскую грамматику» (Крагуевац, 1835) педагога Неофита Рильского и открытие в Габрове первой болгарской общеобразовательной школы (1835), средства на обустройство которой выделил обрусевший купец из Одессы болгарин Васил Априлов (1789–1847). Через три десятилетия подобные школы имелись уже почти в каждом крупном болгарском городе, а продолжать учебу болгарские юноши ехали в Румынию, Австрию, Германию и особенно в Грецию и Россию. В 30-е — 40-е гг. XIX столетия в болгарских землях обострилась борьба между русофилами и грекофилами, причем спустя двадцать лет чаша весов склонилась в пользу России в связи с борьбой болгар за церковную независимость от греков.

Болгары как народ постепенно начали приобретать известность на Балканах и в Европе. Неуклонно возрастал интерес к их истории и культуре. Вехами в этом процессе можно считать издание научных работ о Болгарии славянских ученых К. Ф. Калайдовича, П. Й Шафарика, В. Караджича и Ю. И. Венелина. Сочинения последнего автора сыграли в развитии национального самосознания болгар особую роль. Пафосное и романтическое изложение материалов о болгарях в труде Венелина «Древние и нынешние болгары» (1829, 1841) произве-

ло на них самих огромное впечатление: его быстро перевели на болгарский язык и зачитывали до дыр. Вне болгарских пределов складывались болгарские культурные центры, формировались болгарские культурные и научные объединения. За границей начали печататься первые болгарские периодические издания. В Смирне просветитель Константин Фотинов отпечатал первый выпуск болгарского журнала «Любословие» (1842), а в Лейпциге общественный деятель Иван Богоров начал издавать первую национальную газету «Болгарский орел» (1846). Спустя два года он же организовал выход другой болгарской национальной газеты «Цареградский вестник». Первую типографию в болгарских землях открыл в Самокове учитель Никола Карастоянов (тайно — 1835, официально — 1847), но она находилась под надзором греческих владык и выпускала сугубо церковно-религиозные издания. Выход учебников и периодических изданий, печатавшихся вне болгарских земель, обострил вопрос о том, каким надлежало быть литературному языку. Сложились партии «церковнославянистов», ратовавших за использование церковнославянского языка, и «живоразговорников», считавших, что писать следует на языке, близком к народному. В середине 50-х гг. XIX в. победила вторая партия. А сама кодификация болгарского литературного языка оформилась через два десятилетия после освобождения страны от османского ига в 1878 г. В основу этого языка были положены восточноболгарские говоры с некоторыми элементами западных.

В болгарских землях, подвластных Османской империи, продолжала широко бытовать религиозная рукописная и печатная переводная литература, слегка подогнанная под изменившиеся вкусы читателей. Таковыми были, например, переведенные Иоакимом Кырчовским (1780–1820) с греческого языка легендарно-фольклорные «Чудеса Пресвятой Богородицы» (1817), или стихотворное «Житие св. Алексия человека Божия» (1833), сочиненное Константином Огняновичем (1798–1858). В медленно развивавшейся оригинальной и светской болгарской литературе преобладали жанры, характерные для классицистического направления: басня, оды, диалоги и монологи. Интерес к жанру басни проявил еще Софроний Врачанский, переложивший с греческого языка несколько басен Эзопа. Позднее переводятся басни других иностранных авторов, в том числе И. А. Крылова. Больше всего оригинальных болгар-

ских сочинений создавалось тогда в жанре оды. Димитр Попский сочинил «Оду Софронию Врачанскому» (1813), Георгий Пешаков в Валахии пишет оды, посвященные Петру Берону (1837) и Юрию Венелину (1837, 1839), оды патриотического и гражданского характера составляют также просветители Анастас Кипиловский, Неофит Рильский, Иоаким Груев и другие. В жанре монолога и диалога трудился главным образом священник и учитель Неофит Бозвели (1785–1848). В своих патриотических и гражданственных диалогах («Просвещенный Европеец, Полуумершая Мати Болгария и Сын Болгарии», «Общесоборный жалостливый советный разговор любомудрых», «Плач бедныя Мати Болгарии» и др. — 1840-е гг., период афонской ссылки) он обсуждал бедственное положение родины и обличал засилье греческого духовенства. Однако до начала XX в. эти произведения оставались для болгарского читателя неизвестными.

Большое значение для развития национальной общественной мысли имел фактор «многодомья»: например, болгарские диаспоры образовались в России в результате переселения болгарских беженцев в XVIII — XIX вв. Они возникли в Одессе, Николаеве, Кишиневе, Харькове, Киеве и Москве, куда приезжали для продолжения образования болгарские честолюбивые юноши. В 40-е гг. XIX в. одним из важнейших «внедомных» центров болгарской культурной и литературной жизни являлась Одесса. Здесь жил уже упомянутый болгарский меценат В. Априлов и сам не чуравшийся занятий научным и литературным трудом. В начале 1840-х гг. он опубликовал «Денницу новоболгарского образования» и «Дополнение к книге Денница» — историко-филологические работы, посвященные проблеме выбора Болгарией культурной ориентации. В этом городе также учились и жили поэт Добри Чинтулов (1822–1886) и крупный деятель культуры Найден Геров (1823–1900). Создававшиеся ими в то время произведения свидетельствовали о вступлении болгарской литературы в новый сентиментально-романтический этап своего развития. В этом плане наиболее показательна геровская поэма «Стоян и Рада» (1845), повествующая о несчастной судьбе разлученных влюбленных. Сентиментализм, однако, не вытеснял просвещенческое морализаторство или идеи рационализма, а мирно с ними уживался и переплетался. Об этом свидетельствует и репертуар тогдашней

болгарской переводной литературы: «Приключения Телемаха» Фенелона (1845), «Приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо (1849), «Потерянное дитя» Христофора Шмидта (1844), пьеса «Велизарий» немецкого драматурга Х. Траудцшена и др.

Таким образом, несмотря на то, что южные славяне находились под иноземным господством (которое существенно замедлило их культурное развитие), они сумели создать национальные литературы, начавшие в XIX столетии приобретать вполне современный европейский облик. Южные славяне освоили книгопечатание, положили начало сети школ и стали выпускать газеты, журналы и альманахи, в том числе и литературные. Они учреждали гимназии, основывали научные, литературные, театральные и культурные общества и кружки, осуществляли театральные постановки, у ряда южнославянских народов появились театры и типографии. Для нужд национального Просвещения у них возникли такие уникальные культурные образования, как «читалишта» и «читални» у болгар и хорватов и «Матицы» у сербов и хорватов. Южные славяне освоили новые литературные жанры — пасторали, поэмы, оды, любовной поэзии, автобиографии, романа и другие.

Необходимо отметить, что развитие культуры и литературы у южных славян в XV — начале XIX в. имело неодинаковые темпы. Все южные славяне находились тогда под иноземным господством, но несамостоятельность одних существенно отличалась от неволи других. В Далмации, подчинявшейся Венеции, или Дубровнике, сохранявшем остатки самостоятельности и при венецианцах, и при венграх, и при османах, возникли, например, региональные далматинская и дубровницкая литературы. Благодаря культурному влиянию Италии они пережили эпохи Ренессанса и Барокко и еще в XV — XVI вв.: здесь наблюдался расцвет поэзии, драмы, театра и других светских жанров литературы и искусства. Всё это, естественно, не могло развиваться у болгар, боснийцев и сербов, находившихся тогда под властью турок — носителей принципиально иных культурных традиций ислама. У подневольных немцам словенцев толчком к литературному развитию послужило влияние идеи немецкого протестантизма, а затем неожиданно и усилия иезуитов, которые вначале пытались бороться против своих противников протестантов, издавая, подобно им, книги на словенском языке. Национальное возрождение у южных

славян началось с пробуждения интереса к родной истории, поисков славянской прародины и общих славянских корней, осознания культурной ценности собственного языка. Это умственное и общественное движение позднее тесно переплелось с необходимостью развития национального образования и Просвещения, осуществлять которое приходилось в условиях иноземного гнета. Сюда относилось создание национальных школ и библиотек, развитие собственного книгопечатания, основание различного рода культурно-просветительских учреждений. По этой причине векторы движения Национального возрождения и Просвещения у южных славян в целом совпадали, а сами эпохи в отдельных случаях хронологически частично совмещались.

Большую роль в развитии южнославянских культур и в движении к Просвещению и Национальному возрождению сыграли такие явления, как «внедомость» и «многодомность». Ряд южнославянских этносов оказался не только разъединенным политическими границами государств, завладевших их землями, на которых они жили веками — нашествия иноверных османов или борьба с ними привели к перемещению части славянских этносов в земли христианских союзников или в пограничные с ними области. Появились такие населенные сербами и хорватами территориальными единицы, как Военная Граница и Славония, которые административно подчинялись то австрийцам, то венграм, и развивались в культурном отношении в принципиально иных условиях по сравнению с основной частью своих этносов, живших под турецким ярмом. Большие диаспоры южных славян сформировались не только на славяно-турецком пограничье, но на значительном от него удалении — в глубине христианских стран, в которых они нашли пристанище. Возникли сербские диаспоры в Венгрии, Австрии и России, хорватские и словенские — в Италии, Австрии и Германии, болгарские — в Греции, Сербии, Румынии и России. Их образование имело существенное значение для развития национальных культур южных славян. Огромную помощь в культурном плане в XVIII — XIX вв. оказывала единославным болгарам и сербам Россия: она не только принимала у себя болгарских и сербских беженцев и мигрантов, но и отпускала значительные средства на получение ими образования. Из этой эмигрантской среды вышли многие замечательные де-

атели болгарского и сербского Национального возрождения.

В результате слияния указанных нами исторических и историко-культурных факторов литературы большинства южнославянских народов сумели к 40-м гг. XIX в. преодолеть вызванное иноземным владычеством отставание и вплотную приблизиться к современному уровню европейских литератур.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев В.Д. История болгарской литературы. М., 1987.

Историја српског народа. Т. 1, 2. Од Првог устанка до Берлинског конгреса. 1804–1878. Београд, 1981.

Историја народа Југославије. Од почетка XVI до краја XVIII века. Београд, 1960.

Историја српске културе. Београд, 1994.

История культур славянских народов. Т. I. М., 2003.

История культур славянских народов. Т. II. От барокко к модерну. М., 2005.

История литератур западных и южных славян. Т. I. От истоков до середины XVIII века. М., 1997.

История литератур западных и южных славян. Т. II. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века — 80-е годы XIX века. М., 1997.

История Югославии. Т. I. М., 1963.

Култура народова Централне и Југо-Восточне Европе. М., 1991.

Култура народова Централне и Југо-Восточне Европе в епоху Просвешчења. М., 1998.

Лексикон јужнославанских литература. М., 2012.

Лециловская И.И. Сербская культура XVIII века. М., 1994.

Лециловская И.И. Хорватия в XVII — XX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.

Павић М. Историја српске књижевности барокног доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970.

Словенская литература. От истоков до рубежа XIX — XX веков. М., 2010.

Boškovič-Stulli M., Zečević kroz 1000 godina. Т. II. Zagreb, 1942.

Slodnjak A. Slovensko slovstvo. II. Doba narodnoprerođnega pismenstva in začetki posvetnega pesništva. Ljubljana. 1979.

«НЕДЕЛЬНИК» СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКОГО И ЕГО ВРЕМЯ (ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ)

«Недельник» Софония Врачанского — первая печатная книга на новоболгарском языке — как известно, был издан в 1806 г. в Рымнике. Это слово знакомо каждому россиянину, но несколько в иной связи. Во время войны с турками русские и австро-пруссские войска во главе с прославленным полководцем А. В. Суворовым одержали на реке Рымнике в 1789 г. блестящую победу, и Александр Васильевич был удостоен за нее почетного титула «граф Рымникский». Такое же название, как и река, получил и один из расположенных на ней городов — Рымник. Софоний избрал местом печатания «Недельника» данный город отнюдь не случайно. Рымник издавна являл собой средоточие болгарского духа и «болгарштины» («българщина»). Область, в которой он находится, входила в границы Болгарии с конца VII по первую половину XIV столетия. Она была населена болгарами, численность которых значительно возросла благодаря притоку болгарских переселенцев в период османского ига. Именно им принадлежит заслуга основания Рымника (1696) и быстро превращения его в крупный центр просвещения, ремесла и торговли (Трайков, Жечев 1986).

С давних времен были развиты в этой области и традиции книгопечатания. В находившихся неподалеку от Рымника монастырях начиная с XVII в. печатались славянские книги. В обители «Говора» монахи Стефан Охридский, Макарий Македонский и Иоанн Пелагонийский осуществили ряд богослужебных изданий на церковнославянском языке, предназначавшихся «для румын, болгар и сербов». В самом Рымнике, служившем в XVIII столетии резиденцией епископа, начала работать епископская типография, выпускавшая славянские

церковно-религиозные книги. Около века ее деятельность направляла династия болгарских печатников Поповичей: братья Михаил, Константин и Георгий, их сыновья и внуки. Они трудились в качестве художников, граверов, наборщиков, переплетчиков и мастеров других дел. Данные на обороте титульного листа «Недельника» Софрония Врачанского донесли до нас имена типографов, подготовивших издание первопечатной книги на новоболгарском языке: «напечатана и правоописана от Димитрия Михайло Поповича и от Георгия сына его» (Кодреску 1937: 2; Сюпюр 1982).

Таким образом, выбор рымникской епископской типографии для публикации софрониевского «Недельника» был логически обоснован, если учесть наличие в Рымнике хорошей материальной базы и искусных печатников, уже выпускавших книги с использованием славянских шрифтов. Имеется и другая причина, вероятно побудившая Софрония остановить свой выбор именно на Рымнике, а не на каком-нибудь другом издательском центре, например Бухаресте. Софроний, без сомнения, жаждал увидеть свое детище опубликованным и благодаря печати сделать его доступным для тысяч болгарских священнослужителей и верующих. Здесь я намеренно не употребил определение «любимое» по отношению к слову «детище», поскольку неизвестно, какое из своих творений Софроний любил больше всего. Не исключено, что он желал издать и свою «Автобиографию», единственный рукописный экземпляр которой, очевидно, отнюдь не случайно оказался перенесенным в Россию. Можно сделать предположение, что Софроний намеревался напечатать ее на русской земле, заручившись поддержкой и посредничеством кого-либо из русских военачальников в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., когда русские войска находились в Румынии. Благодаря подобному посредничеству, например, после ведения Россией боевых действий на кавказском фронте в Санкт-Петербурге в 1813 г. была напечатана «Жизнь Артемия Араратского» — произведение, сходное по тематике и поэтике с «Автобиографией» Софрония Врачанского. Типологическое изучение упомянутых литературных памятников окажется, на наш взгляд, гораздо более плодотворным, чем неудачные попытки сопоставления софрониевской «Автобиографии» с житием русского протопопа Аввакума (Мечев 1963).

Но продолжим рассмотрение вопроса о месте публикации «Недельник». Рымник, несомненно, выглядел более предпочтительным для издания книги по сравнению с Бухарестом и по другой причине — своей большей надежности. В сознании Софрония еще не улеглись воспоминания о страшных потрясениях в северных балканских землях, так реалистично описанные им в его «Автобиографии». Эти потрясения явились следствием усобиц крупных турецких феодалов и противостояния их войскам султана. Насилия, грабежи и смерть мирных людей постигли не только северные болгарские города и сёла, но и распространились на валашские и румынские земли. Всего за несколько лет до эмиграции Софрония в Румынию мятежный видинский паша Пазвант-оглу сумел в 1800 г. овладеть валашским городом Чернец и создал реальную угрозу Крайове. Продвижение войск Пазвант-оглу на север вызвало панику среди мирного населения, опасавшегося не только головорезов этого паши, но и регулярных султанских частей, могущих прибыть в Валахию для установления порядка. Паника охватила даже жителей Бухареста, значительная часть которых бежала в горы и выглядевший более надежным пристанищем прикарпатский Рымник. Насколько велика была угроза захвата многих румынских городов кырджалиями свидетельствует тот факт, что сподвижник Пазвант-оглу Кара Мустафа сумел захватить Крайову и сжег ее (Мутафчиева, Виану 1965: 236–237, 243–249).

Ситуация повторилась в 1802 г., когда Пазвант-оглу вновь вторгся в Валахию, и кырджали под началом своего главаря Манафа Ибрагима легко могли завладеть беззащитным Бухарестом, ибо посланные городу в помощь войска султана занялись не борьбой с мятежниками, а мародерством. Воспользовавшись этим, Манаф Ибрагим требовал откупа у великих валашских бояр, угрожая в противном случае оккупировать всю Валахию вплоть до границ ее с Австрией и Россией. Спасая свои жизни, дипломатические представители России, Австрии и Англии вынуждены были переместиться в Брашов. В дальнейшем Манаф Ибрагим был убит, но мелкие набеги турок на Валахию, свидетелем которых являлся Софроний, продолжались по 1805 г. включительно. И даже после начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Бухарест находился на авансцене театра военных действий и подвергался турецкой

осаде (Конобеев 1958). Поэтому у Софрония, видимо, не возникало ни малейших колебаний по поводу наиболее надежного места печатания «Недельника»: им должен был стать спокойный Римник, располагавший типографией, болгарскими печатниками, да и сам тогдашний римникский владыка, епископ Игнатий, являлся выходцем из болгарского г. Никополя (Капитанов 1955).

Другим важным аспектом, связанным с выходом «Недельника» — первопечатной книги на новоболгарском языке, являются вопросы об источниках и содержании этого издания. По поводу источников «Недельника» в науке долгое время доминировала точка зрения А. Теодорова-Балана о том, что текст данного произведения является переводом «Кириакодромиона» греческого проповедника Никифора Феотокиса, опубликованного в 1796 г. на греческом языке в Москве и перепечатанного в 1803 г. в Бухаресте. Это мнение, высказанное ученым в 1906 г., стало повторяться в статьях о «Недельнике» других исследователей. Хотя уже в 1960 г. крупнейший исследователь болгарских дамаскинов Д. Петканова-Тотева сумела внести существенные коррективы в текстологическую историю софрониевского «Кириакодромиона». Мнение А. Теодора-Балана о произведении Никифора Феотокиса, как единственном источнике перевода Софрония, было убедительно ею опровергнуто. Прекрасное знание рукописной традиции дамаскинов и их содержания помогло Д. Петкановой-Тотевой создать более аргументированную историю состава и композиции софрониевского «Недельника» (Петканова-Тотева, 1960: 199–246).

Исследовательница сумела установить, что большинство помещенных в софрониевском сборнике поучений восходит к проповедям Константинопольского патриарха XIV в. Иоанна Калеки, переведенным на русский язык в 1343 г. Этот перевод распространился на Руси в списках XV — XVII вв. и попал затем в сборник 1626 г. тырновского монаха Даниила. Именно из последнего Софроний позаимствовал готовые переводы, композицию и порядок расположения проповедей. Таких проповедей оказалось в софрониевском «Недельнике» большинство — 56 из 96. причем все они, в свою очередь, восходят к словам Константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста. Внимательный анализ заглавия «Недельника», где пишется, что автор переписывал не только *от Греческаго Глу-*

бочайшаго Языка, но и *от Словенскаго*, побудил Д. Петканову-Тотеvu заняться поисками и других славянских источников книги. Некоторые из проповедей «Недельника» оказались более близкими не Даниилову сборнику, а поучениям известного «дамаскинара» XVIII в. Иосифа Брадатого. Кроме того, 7 других поучений оказались скопированными из сборника, писанного греческими буквами анонимным автором.

В общей сложности, помимо материалов Даниила, Софроний позаимствовал из болгарских прологов 28 других статей. Работа Врачанского епископа по формированию «Недельника» представляла собой сложный процесс, включавший многолетнюю подготовку. Это подтверждает состав рукописного софрониевского Видинского сборника 1802 г., где помещены 19 слов, вошедших затем в «Недельник». Вставала перед Софронием и задача перевода ряда проповедей с греческого языка. По его замыслу, сборник должен был содержать слова и поучения на все воскресные дни года, однако разыскать все требующиеся для этого сочинения в болгарских и русских рукописных и печатных книгах Софронию, вероятно, не удавалось. Поэтому он перевел 10 поучений с греческого языка, возможно, используя уже упомянутое издание Никифора Феотокиса.

По мысли Софрония, незнание или неразумение людьми Завета Христова, изложенного в Священном Писании, служит преградой для наследования Царства Небесного. Главная цель создания «Недельника» обозначена автором вполне конкретно: его книга печатается *ради Христианския душевныя пользы*. Но достичь этой цели можно лишь посредством донесения смысла Слова Божьего до ума, души и сердца болгарского читателя и слушателя. С такой задачей не в состоянии были справиться печатные богослужебные книги на церковнославянском языке, поскольку они были непонятны не только простым людям, но и священнослужителям. И это обстоятельство прекрасно осознавал Софроний, который в предисловии к «Недельнику» прямо указывает на причину, побудившую его заняться изданием своей книги. По свидетельству автора, он потрудился и переписал *во всех неделях прочитаемая Евангелия со Толкование и с нравоучения... понеже по нашей болгарской земли много и священници и простый человецы находятца що четут и не разумеват от Священнаго Писания Словенскаго ради глубокаго языка*. Софроний относится к

своему начинанию как священному долгу перед паствой, который он давно намеревался выполнить, но откладывал *от недостатка ума*. Осуществив, наконец, задуманное, владыка был несказанно рад и одновременно озабочен тем, чтобы болгарские священники и чтецы не ленились читать прихожанам воскресные поучения, напоминая им библейскую притчу о зрячем таланте и грядущем Божьем Суде.

О цикличности развития истории хорошо известно, но каждый раз при столкновении с ней люди изумляются неожиданному сходству повторяющихся ситуаций, разделенных несколькими столетиями. В эпоху Софрония болгары не могли полноценно пользоваться приходившими из России и печатавшимися на Балканах религиозными книгами на церковнославянском языке из-за непонимания последнего. В России этот язык знали все грамотные люди, поскольку он преподавался в школах; в болгарских же землях, где царило османское иго, школы как таковые отсутствовали. Читавшиеся в болгарских церквях проповеди и совершавшиеся в них литургии были непонятны прихожанам и отдаляли их от разумения Слова Божьего. Точно так же и в современной России, пережившей эпоху государственного атеизма и 70-тилетний запрет на изучение церковнославянского языка в школах, прихожане не понимают смысла того, что читается в храмах в течение литургии. Внимание большинства богомольцев в церквях постепенно притупляется, и сами службы начинают восприниматься ими будто некий бессмысленный звуковой фон. Со временем всё это приводит к снижению интереса многих новоявленных прихожан к православной вере и участию в литургиях.

Разрыв между сегодняшним языком русским и сакральным богослужебным церковнославянским вызвал в России движение «обновленцев», которые пытались осовременить языка православного богослужения. Эти попытки получили решительную и справедливую отповедь истинных сторонников православия, ибо язык богослужения никоим образом не должен равняться на язык кухни или молодежной тусовки. Слово Божье в богослужебные часы, особенно при оглашении текстов Священного Писания, должно звучать в переводе, освященном Православной Церковью. Двести лет тому назад Софроний оказался в языковой ситуации, отчасти напоми-

нающей положение дел в нынешней России. С одной стороны, ему как пастырю надлежало бороться за просветление и спасение душ пасомого им стада и растолковывать им Слово Божье на ясном для всех «простом кратком болгарском языке», а не на «глубоком», но непонятном «языке Словенском», т. е. церковнославянском. С другой стороны, он отдавал себе полный отчет в том, что любое вольное или невольное искажение Божьего Слова есть страшный, порождающий ереси грех, и неизвестно как вышестоящие греческие иерархи отнесутся к введению им в проповеди болгарского народного просторечия. Ведь болгарской автокефальной церкви в его эпоху не существовало!

Таким образом, перед Софронием возникла своеобразная дилемма: использовать в «Недельнике» как можно более понятный для простых болгар народный язык, но одновременно не переусердствовать, чтобы не вызвать неудовольствие греческих владык, без благословения которых его «Недельник» не увидел бы свет. Этот двойкий подход Софрония к употребляемому им языку легко обнаруживается при анализе языка памятника. С одной стороны, Софроний активно прибегает в «Недельнике» к лексическим и грамматическим средствам, идущим от болгарского народного разговорного языка: например, использует противительный союз *ала* или отглагольные существительные с окончанием *не*, глаголы настоящего времени, оканчивающиеся на *-вам*, *-увам*, *--авам*; *да*-конструкции вместо инфинитива, вполне современные нам болгарские формы будущего времени со вспомогательным глаголом *ще* и прочие. С другой стороны, Софроний придавал церковнославянский фонетический облик даже народным словам: например, имя существительное *тъжкане* Софроний передает как *топкание*, или же использует диалектные болгарские лексемы, совпадающие с церковнославянскими. Примером здесь могут служить употребляемые книжником местоимения *он* и *она*, вместо *той* и *тя* (Ничева 1965: 10, 12).

Эти и другие образчики, характеризующие позицию Софрония при отборе языкового строительного материала, красноречиво говорят о том, что владыка поневоле оказался «слугой» двух господ: его величества «паствы», о спасении душ которой он столь радел, и Угро-Валашского митрополита Досифея вместе с издателями, замечания и пожелания которых

о языке ему следовало учесть (Теодоров-Балан 1906:109) ради получения благословения на издание своего труда. Такой вывод напрашивается сам собой после знакомства с авторской рукописью «Недельника», где обнаруживается ряд собственно-ручных правок Софрония с целью устранения в тексте многих болгарских народных слов и замены их церковнославянизмами (Пенев 1933: 306; Ничева 1965: 175). Иначе трудно объяснить тот факт, что язык двух Видинских сборников, увидевших свет за несколько лет до издания «Недельника», является гораздо более народным и упрощенным (Ничева 1965: 276, 228). То же самое касается языка и других переводных и оригинальных произведений Софрония, в которых он углубляет тенденцию «онароднивания» болгарского литературно-книжного языка, обозначенную книжником еще в 1781 г. при создании так называемого второго софрониевского списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского. Фактически Софроний переложил текст эпохального сочинения Паисия на новоболгарский язык (Романски 1938: VI–VII).

В целом язык «Недельника» по сравнению с другими произведениями Софрония достаточно консервативен. Однако на том раннем этапе формирования новоболгарского книжного языка пастырь сумел нащупать правильный путь строительства его словаря. Софроний умеренно использует чужие заимствования — ориентализмы и грецизмы (Вътов 1989: 346–349) и прибегает к ним только, когда это логически необходимо. Языку «Недельника» свойственны неоднородность и многослойность, что объясняется особенностями содержания самой книги. Будучи опытным церковным иерархом, Софроний, разумеется, опасался вводить народные элементы в цитаты из Священного Писания, чтобы ненароком не упростить сакральный смысл Слова Божьего. В подходе к языку книжник проявил присущее ему ценное качество — искусную дипломатичность. Последняя помогала ему в свое время везде хорошо устраивать свои дела. Он пристроил своих внуков в Бухарестскую бейскую академию, предназначенную для детей высших валашских бояр, он снискал благорасположение Угро-Валашского митрополита Досифея и румынского князя Константина Ипсианти (Баева 1968: 181–182; Капитанов 1966: 69–73; Ангелов 1958: 309–340; Ангелов 1964: 85–92). Удалось ему также достичь взаимопонимания с наборщиками

и корректорами «Недельника» мастерами Димитром и Георгием Поповичами.

Прозорливость, сообразительность и дипломатичность Софрония проявились также при выборе названия и текстов для своей первопечатной книги. В конце XVIII — XIX в. «Кириакодромион», или «Недельник», стал одним из наиболее читаемых и часто издаваемых сборников (Софроний Врачанский 1989: 24) и после издания Софрония публиковался шестикратно: Нови-Сад (1856), Бухарест (1865), Белград (1868), София (1881), Одесса (1884), Одесса (1899). При всем этом содержание сборника, как уже отмечалось, нельзя связать с литературой нового времени — оно было известно ещё со времен средневековья в России и на славянском юге, в том числе и в Болгарии. Поэтому здесь следует задать вопрос: в чем же заключаются новации софрониевского «Недельника» и заслуги его создателя и публикатора? Ответ, думается, напрашивается сам собой.

Первое — «Недельник» Врачанского епископа приобщал паству к Слову Божьему гораздо более глубоко и масштабно, поскольку помещенные в нем проповеди излагались на языке, близком к народному, и были напечатаны. Труд Софрония способствовал не только спасению душ болгар, но и сохранению болгарской национальной идентичности через укрепление исконной веры.

Второе — издание зафиксировало проповеди Софрония, которые он ранее, видимо, произносил перед паствой, в печатном виде.

Третье — Врачанский епископ обеспечил болгарских священников великолепным пособием для произнесения воскресных проповедей в церкви по всей болгарской земле.

Четвертое — «Недельник» Софрония есть первый, хотя и не очень последовательный, опыт кодификации литературно-книжного языка, который стал известен многим болгарским книжникам благодаря печатной форме данного труда. При этом необходимо отметить, что переиздававшие впоследствии «Недельник» книжники не всегда принимали языковые нововведения Софрония, возвращаясь к более привычной для них церковнославянской архаике.

Таким образом, при определении места и роли софрониевского «Недельника» в истории болгарского литературно-

книжного языка, болгарской литературы и духовной культуры следует избегать завышенных оценок, проявлять известную научную осторожность и не забывать о необходимости ряда оговорок. Большее значение, на наш взгляд, имеют три первых выделенных нами пункта. Четвертый же всё еще нуждается в более тщательном и взвешенном научном анализе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ангелов 1964 — *Ангелов Б. С.* Някои моменти из живота и делото на Софроний Врачански (По случай 150 години от смърта му) // Исторически преглед. София, 1964. № 1.

Ангелов 1958 — *Ангелов Б. С.* Софроний Врачански. Материали за живота и творчеството му // Известия на Института за българската литература. Кн. 7. София, 1958.

Баева 1968 — *Баева С.* Софроний Богориди — епископ Врачански и неговите наследници. Биографични бележки от Петко Р. Славейков // Известия на Държавните архиви. Кн. 15. София, 1968.

Вътов 1989 — *Вътов В.* Езикът на Софроний Врачански // Софроний Врачански. Съчинения в 2 тома. Т. 1. София, 1989.

Капитанов 1955 — *Капитанов Х.* Митрополит на Угро-Влахия Игнатий, българин от Никопол // Народен Пастир от 15 июня 1955.

Капитанов 1966 — *Капитанов Х.* Нови данни за Софроний Врачански като емигрант в Румъния // Език и литература. София, 1966. № 3.

Кодреску 1937 — *Кодреску Н.* Кратък очерк на румъно-българските културни връзки // Светоглас, София, 1937. № 2.

Конобеев 1958 — *Конобеев В. Д.* Русско-болгарские отношения в 1806–1812 гг. // Из истории русско-болгарских отношений. М., 1958.

Мечев 1963 — *Мечев К.* Протопоп Аввакум и Софроний Врачански // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 19. М.-Л., 1963.

Мутафчиева, Виану 1965 — *Мутафчиева В., Виану А.* Феодалните размирици в Северна България в края на XVIII и началото на XIX век и тяхното отражение във Влахия. Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Изследвания. Т. 1. (XII — XIX в.). София, 1965.

Ничева 1965 — *Ничева К.* Езикът на Софониевия «Недельник» в историята на българския книжовен език. София, 1965.

Пенев 1933 — *Пенев Б.* История на българската литература. Т. 3. София, 1933.

Петканова-Тотева 1960 — *Петканова-Тотева Д.* Недельникът на Софроний Врачански. Извори и идеи // Известия на Института за българската литература. Кн. 11. София, 1960.

Романски 1938 — *Романски С.* Нов Софрониев препис на Паисиевата история от 1781 г., съпоставен с препис 1765 г. София, 1938.

Софроний Врачански 1965 — Софроний Врачански: Био-библиографически указател. София, 1989.

Стоянов 1957 — *Стоянов М.* Българска възрожденска книжнина. Аналитичен репертоар на българските книги и периодичните издания 1806–1878. Т. 1–2. София, 1957–1958.

Сюпюр 1982 — *Сюпюр Е.* Българската емигрантска интелигенция в Румъния през XIX век. София, 1982.

Теодоров-Балан А. Софроний Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806–1906). София, 1906.

Трайков, Жечев 1986 — *Трайков В., Жечев Н.* Българската емиграция в Румъния през XV век — 1878 г. и участието ѝ в стопанския, обществено-политическия и културния живот на румънския народ. София, 1986.

**РУССКИЕ И БОЛГАРЫ:
ВЗАИМНОЕ ПОЗНАНИЕ**

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828–1829 гг. НА БАЛКАНАХ И ВОСПОМИНАНИЯ О БОЛГАРИИ И БОЛГАРАХ ЕЕ РУССКИХ УЧАСТНИКОВ

Война между Россией и Турцией в конце 20-х гг. XIX в. была практически неизбежной. Она назревала давно и была вызвана крайним раздражением турок из-за активной русской помощи восставшим в 1821 г. православным грекам. Не желая усиления на Балканах позиций России, турки науськивали на нее Персию, обещая ей поддержку в случае продолжения войны против «неверных». Турция фактически закрыла проливы Босфор и Дарданеллы для свободного прохода русских торговых судов, требовала их таможенного досмотра и установила чрезмерно высокие пошлины за транзит. Более того, в декабре 1827 г. турки объявили России «джихад», и нам не оставалось ничего другого, кроме как официально заявить 26 апреля 1828 г. о начале русско-турецкой войны¹. Австрия при этом придерживалась роли наблюдателя, намереваясь извлечь максимальную пользу в качестве посредника в будущих мирных переговорах между Турцией и Россией.

Военные действия против турок развернулись на Кавказе и на Балканах. На балканском театре военных действий 95-тысячной русской армии под командованием фельдмаршала П. Х. Витгенштейна противостояли 150 тыс. турок во главе с Хюсеин-пашой. За месяц войны русские войска заняли Молдавию, Валахию и турецкие крепости по левому берегу Дуная. Далее предстояло ведение боевых действий против турок в Болгарии и продвижение далеко на юг к Константинополю с тем, чтобы вынудить турок заключить мир на выгодных нам условиях. На случай войны с турками в болгарских землях имелось два главных сценария, созданных еще в первые десятилетия XIX в. М. И. Кутузовым (1811) и И. И. Дибичем (1819)².

Согласно кутузовскому плану, военные действия против неприятеля должны были вестись силами трёх корпусов: двух по 25 и одного в 10 тыс. человек. Левый из них после переправы через Дунай наносил удар по Провадии (Праводам), преодолел Балканский хребет и поворачивал на Адрианополь (Эдирне). На средний корпус возлагалась задача сковывать турецкие силы в Шумене (Шумле) и Чалыкаваке на дороге из Силистры (Силистрии) и Разграда, не давая им устремиться на выручку Адрианополю. А третий, небольшой, 10-тысячный корпус должен был имитировать угрозу нападения на Никополь с выходом к Софии, удерживая тем самым турецкие батальоны (таборы) в западной Болгарии.

Замысел генерала И. И. Дибича предусматривал другой сценарий. Согласно ему, русская армия после занятия весной княжеств Молдавия и Валахия переправлялась через Дунай между Измаилом и Галацем и осаждала крепость Браилов. Далее главные силы нашей армии должны были повторно форсировать Дунай в верхнем течении выше и ниже Силистры, осадить ее вместе с крепостью Русе (Рушук) и выдвинуть авангарды в Разград и Шумен. На левом фланге русская армия должна была наступать на Провадия и во взаимодействии с флотом осадить Варну. После взятия Силистры предполагалось осуществить наступление между Провадией и Шуменом, взять последний штурмом или же окружить плотным кольцом. В начале мая планировалось перейти Балканы, а затем тремя колоннами через Селимно, Карнобат и Факи устремиться на Адрианополь и Константинополь. При этом И. И. Дибич не осмеливался докладывать русскому государю о намерении взять Адрианополь и Константинополь. В представленном им императору плане военной кампании (в котором с прусской скрупулезностью были прописаны точные даты занятия нами турецких крепостей и городов) конечным рубежом атаки русских войск на юге значился Бургас. Николай I вообще считал, что наша армия не должна переходить через Балканы, и ей следует ограничиться частичной оккупацией болгарских областей к югу от Дуная.

Имелись и другие сценарии военной кампании против турок, созданные генералами Киселёвым, Витте и Довре, однако ни один из них реально не воплотился в жизнь: война внесла в планы неизбежные коррективы. В итоге подтвердилось предвидение А. В. Суворова, который еще в конце XVIII в. писал о

невозможности сокрушить Османскую империю одним махом. Для этого, по мнению полководца, необходимы были две или даже три военные кампании³. Война 1828–1829 гг. на Балканах фактически представляла собой две кампании из-за временного прекращения активных военных действий в зимний период. Анализируя ход войны почти через два столетия, попытаемся выделить ее ключевые моменты: форсирование Дуная, взятие Силистры, капитуляция турецкого гарнизона Варненской крепости, двукратный приезд на Балканы императора Николая I, торжество нашего флота на Черном море, разгром турок в сражении при Кулевче, первый в истории переход русских войск через Балканы, занятие Адрианополя и подписание мирного трактата.

Переправа русских войск через Дунай являлась задачей чрезвычайно трудной из-за буйного половодья после непрерывных весенних дождей. Добраться до твердого берега Дуная можно было только по насыпи длинной в несколько верст, соорудив ее через топи и болота. Кроме того, следовало устроить бруствер для размещения за ним артиллерийской батареи прикрытия. Видя приготовления к переправе, турки установили на своем высоком берегу множество орудий и стянули сюда значительные силы. По ночам бесчисленные турецкие огни словно смеялись и торжествовали над нашими позициями, находившимися в болотах и камышах. На рассвете 27 мая 1828 г. лично прибывший на балканский театр военных действий государь со свитой отправился на оконечность насыпи. Два егерских полка из корпуса генерала Рудзевича погрузились на транспортные суда и осыпаемые неприятельскими ядрами устремились к турецкому берегу. Первыми к нему приблизились более легкие и быстрые лодки союзных нам запорожских казаков во главе с атаманом Гладким. Но кустарник и топи сильно затрудняли высадку на твердый берег, поэтому казаки, солдаты и офицеры прыгали в воду и по пояс в воде шли вперед под убийственным огнем турок. Император намеревался лично присутствовать на батарее, но генерал И. И. Дибич уговорил его занять безопасное место на возвышении в стороне, откуда тот наблюдал за развитием событий. Наши канонерские лодки и суда Дунайской флотилии с трудом поднимались против течения, подавляя батареи турок. Достигнув вражеских позиций, русская пехота бросилась в стремительную штыковую атаку,

которая и решила исход дела. Часть турок спаслась в крепости, остальные отступили по Бабадагской дороге⁴. Наши потери при переправе составили всего 112 человек убитыми и ранеными, что позволило известному немецкому историку Г. Мольтке назвать эту операцию «блистательно удавшимся и отважным мероприятием»⁵.

Гораздо труднее развивались события на правом берегу Дуная. Две турецкие крепости Силистра и Шумен проявили себя крепкими «орешками» и оказали нашим войскам упорное сопротивление. К первой цитадели батальоны генерала Рота подступили 8 июля, обложив ее со всех сторон. Турки без промедления послали против русской пехоты 4000 своих кавалеристов, но та опрокинула их и укрепилась на близлежащих возвышениях. Сама эта крепость существовала с древнейших времен и была известна как Систер, Дристр и Доростол, повторяя название впадающей в Дунай реки Дристр, в устье которой она находится. Рядом расположена гора с высокими долинами, поросшими лесом. Силистра являлась главным городом Силистринского санджака: она являлась местом пребывания бей-лербея (губернатора) и живущего в каменном доме греческого митрополита. По форме Силистра напоминала сегмент круга, где хордой служил берег Дуная. По середине нее располагался старый замок, обнесенный стенами и четырьмя башнями. Со стороны Дуная крепость была защищена выложенным камнем рвом и высокой набережной. В Силистре имелось 20 тыс. жителей, большую часть которых составляли турки и греки, жившие, как правило, в деревянных домах⁶. Отряд генерала Рота, насчитывавший к осени 1828 г. всего 9000 человек и имевший в своем распоряжении 28 пушек, не мог взять крепость без тяжелых осадных орудий, тем более что турецкий гарнизон превосходил силы осаждавших почти в 2,5 раза. Поздней осенью осада была снята, и русские батальоны ушли зимовать за Дунай. Осада возобновилась 7 мая 1829 г. уже при новом главнокомандующем — энергичном генерале И. И. Дибиче, сменившем нерешительного П. Х. Витгенштейна. На этот раз к Силистре были стянуты 30 тыс. человек, располагавших значительно большим, чем ранее, количеством пушек. Благодаря грамотному ведению саперных работ и эффективным бомбардировкам Силистра 19 июня 1829 г. была вынуждена капитулировать: в плен сдались 9300 турок, в наши руки попало 253 орудия⁷.

Более успешно складывались для нас события при осаде Варны. Почти сразу же после переправы через Дунай сравнительно небольшой отряд под командованием генерала Сухтелена отправился к Варне для прикрытия левого фланга русских войск. Его численность составляла всего 2,5 тыс. человек, и этого, конечно же, не хватало для взятия Варненской крепости, гарнизон которой насчитывал 15 тыс. солдат и кавалерии⁸. Турки немедленно организовали вылазку, и отряд вынужден был отступить и укрепиться на близлежащих высотах. 15 июля 1828 г. под Варну прибыла бригада генерала Ушакова, увеличив русские силы, но и они были способны лишь обороняться от турок за возведенными редутами. Кроме того, согласно предписанию, граф Сухтелен должен был идти со своим отрядом на Козлуджу. Воспользовавшись уменьшением численности наших войск, турки вынудили бригаду Ушакова отступить на 15 км к северо-западу от Варны в ожидании подкрепления.

Варненский гарнизон состоял из 10 батальонов под началом Юсуф-паши, располагавшим 162 тяжелыми орудиями и мортирами. За крепкими стенами с башнями окружённая морем, рвом и непроходимой, илистой рекой Девней Варненская крепость могла оказать достойное сопротивление московским «гяурам». Осада Варны началась только 24 июля после прибытия из-под Анапы эскадры адмирала А. Грейга и высадки десанта у мыса св. Константина⁹. Император Николай I поручил возглавить осаду князю Меншикову, лично прибыл под Варну из-под Шумена и 28 июля временно отплыл в Одессу. При отсутствии тяжелых осадных орудий Меншиков мог рассчитывать на успех, полагаясь, главным образом, на умелое ведение саперных работ и эффективное использование корабельной артиллерии. Такой же тактики придерживался и граф Воронцов, сменивший Меншикова после его ранения. Когда император прибыл 8 сентября 1828 г. в Варну во второй раз, крепость имела совсем другой вид. Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Н. А. Лукьянович вспоминал потом, что в Варне «большая часть строений имела на себе отпечаток наших бомб и ядер, а другие превращены были в груды камней»¹⁰.

Демонтир-батареи работали с промежутками день и ночь. Линейные корабли сменяли друг друга один за другим и, развернувшись бортом к крепости, раз за разом посылали в нее очередные порции смертоносных зарядов. Часть экипажей с

орудиями была снята с судов и обращена в батарейные расчеты. Гребень горы заняла русская гвардейская пехота. Но главным залогом успеха стало умелое ведение саперных работ: рытье глубоких туннелей к крепостным веркам и башням и закладывание под них мин. После взрыва одной из башен в пролом устремился отряд матросов и рота пехоты Измайловского полка. Они сумели проникнуть далеко вглубь города, но не были поддержаны другими подразделениями и отступили. Тем не менее, в стане турок воцарилось уныние, участились случаи дезертирства. Комендант Варны Юсуф-паша был вынужден отправиться на переговоры к графу Воронцову и объявить о капитуляции. Но оставшийся в крепости другой военачальник, Капудан-паша, и слышать не хотел о капитуляции — он настаивал на праве турок покинуть город, оставив при себе личное оружие. Упорство его было сломлено после того, как по приказу Воронцова наши пехотинцы взломали ворота и стройными колоннами вошли в город. Официальная сдача Варненской крепости была подписана 29 сентября 1828 г. — 70 дней спустя после начала осады. По этому случаю в присутствии государя в окрестностях города состоялся молебен с всеобщим коленопреклонением, завершившийся залпами корабельных и полевых орудий¹¹.

Для успеха в войне против турок необходимо было завоевать господство нашего флота на Черном море. С помощью военных и транспортных кораблей можно было эффективно осуществлять снабжение нашей армии в Болгарии боеприпасами, амуницией, провиантом для солдат и фуражом для лошадей и волов. Суда могли быть использованы для переброски живой силы и создания численного преимущества наших войск в «узком» для неприятеля месте. Благодаря высадке нашего десанта и захвата турецких гаваней на западе Черного моря можно было перерезать военные коммуникации противника, лишая гарнизоны его крепостей военной и материальной поддержки турецкой метрополии по морю. Кроме того, наши черноморские эскадры имели на своем вооружении около 1000 орудий различного калибра и при умелом сосредоточении и маневрировании судов могли быстро подавлять артиллерию турецких приморских крепостей и принуждать их непрерывными обстрелами к капитуляции. Прекрасно понимая важность роли флота в будущих боевых действиях против Османской империи, Россия в 10-е — 20-е гг. XIX в. интен-

сивно вела строительство больших, средних и малых военных судов. В 1816–1828 гг. в строй было введены 11 линейных кораблей, 4 фрегата, 31 канонерская лодка и 17 других судов военного назначения¹².

Нашему флоту удалось установить господство на Черном море после взятия крепости Анапа и переброски эскадры адмирала А. Грейга на запад. В то время как на суше зимой наступило некоторое затишье, на море развернулись ожесточенная борьба за турецкие гавани. 11 февраля 1829 г. русская эскадра во главе с контр-адмиралом Кумани снялась с Варненского рейда и отправилась к Созополю, но прибыла туда только через четыре дня, задержавшись вначале из-за наступившего шторма, а затем и густого тумана. Приблизившись к Созополю 15 февраля на расстояние выстрела, Кумани потребовал капитуляции турок, но получил отказ коменданта Халил-паши. После непрерывной ночной бомбардировки русских канонерских лодок и высадки десанта нашего флотского экипажа турецкий гарнизон выбросил белый флаг, а более 1,5 тыс. находившихся в Созополе албанцев бежали в направлении Константинополя¹³.

Но победа не всегда нам давалась легко: иногда турки защищали свои гавани очень упорно, нанося нашим судам при обстреле существенный урон. Так, например, случилось во время первой попытки овладеть гаванью Анхиало. Убийственная бомбардировка 11 марта 1829 г. не принесла результата. Турки под командованием анхиальского командующего Гасан-аги не собирались сдаваться — наоборот, меткими выстрелами своих 14 тяжелых орудий они повредили фрегат «Рафаил» и бриг «Пегас», которые пришлось отправить на ремонт в Севастополь¹⁴. Известие о приближающемся турецком подкреплении из Константинополя заставило нас снять осаду. А воодушевленный Гасан-ага решил отбить у «гяуров» Созополь и 28 марта пошел в наступление на редуты к югу от города силами 4000 пехотинцев и 1800 кавалеристов. Но его попытка разбилась о стойкость Камчатского и Украинского пехотных полков, которые смелой штыковой атакой заставили турок бежать. С правого фланга наши полки эффективно поддерживал артиллерийским огнем флот, поэтому потери турок (свыше 250 убитых) почти в десять раз превысили наши¹⁵.

Потеря многих гаваней на западном побережье Чёрного моря всерьез обеспокоила Турцию, и она значительно увели-

чила свой флот в Константинополе. Здесь было сосредоточено 5 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 брига, 10 брандерных судов, готовых в любой момент устремиться на выручку своим гарнизонам на болгарской земле и попытаться переломить ситуацию на Балканах в свою пользу. По суше султан направил значительные силы из Анатолии в Айтос и Бургас¹⁶. В ответ русское командование усилило наши эскадры в Варне и Созополе, послав туда линейные корабли «Императрица Мария» (84 пуш.), «Пермен» (74 пуш.), «Норд-Адлер» (74 пуш.), фрегат «Штандарт» (44 пуш.) и катер «Соловей» (10 пуш.). Позднее из Одессы пришли линейные корабли «Париж» и «Император Франц» (оба по 110 пуш.), «Иоанн Златоуст» (74 пуш.), бриг «Мингрелия» (16 пуш.), бомбардирские суда «Опыт», «Подобный», «Соперник» и «Успех». На пути из Константинополя к черноморским гаваням за возможным появлением турецкой эскадры следили бриг «Ганимед» и катер «Жаворонок». Поэтому намерение турок устремиться на помощь своим войскам сразу же было пресечено. Когда пять турецких линейных кораблей и фрегатов вышли из Константинополя, навстречу им отправились наши флагманы «Париж» и «Императрица Мария», «Норд-Адлер», фрегат «Флора» и другие военные суда. И турки вынуждены были повернуть назад, ибо после сокрушительного Наваринского поражения 8 октября 1827 г. от объединенного флота Англии, России и Франции они уже избегали вступать с русскими в крупные морские сражения. Позднее, используя превосходство в силе на море, наш флот 11 и 12 июля 1829 г. захватил гавани Анхиало и Бургас¹⁷, и практически всё западное побережье Черного моря перешло в наши руки.

Благоприятно разворачивались для нас военные события на Балканах и на суше. Главные турецкие силы на этом театре военных действий продолжали находиться в Шумене. Назначенный великим визирем бывший капитан Решид-паша застал здесь 10 тыс. турецких солдат регулярной армии — единственную крупную силу на севере Болгарии, способную дать бой русским в открытом поле. В Шумене удалось сконцентрировать 25 тыс. солдат, с которыми можно было попытаться отбросить русских за Дунай и отбить Варну. В ожидании турецкого наступления войска генерала Рота возвели дополнительные укрепления в Провадии и Эски-Арнаутларе, и натолкнутые на них две 10-тысячные колонны Решид-паши после

15-часового кровопролитного боя вынуждены были возвратиться в Шумен. Провалилась и последующая попытка Решид-паши перехватить инициативу путем наращивания турецкой военной силы. Присоединив к себе отряды рущукского коменданта Гусейн-паши, он довел численность своего войска до 40 тыс. человек и вооружил его 60 орудиями. Русские же силы насчитывали всего 26 тыс. человек (44 батальона генералов Рота, Палена и Ридигера плюс 2 тыс. казаков), но превосходили турок почти в 2, 5 раза по числу орудий.

Решающее сражение турок и русских произошло 30 мая 1829 г. близ селения Кулевча. Попав в турецкую засаду на марше, русские войска из-за сильного картечного огня и неожиданных фланговых ударов из леса пехоты и конницы вынуждены были повернуть вспять и даже очистить селения Церковна и Кулевча. Окруженный турками батальон Муромского полка почти полностью был изрублен. Развивая успех, турки пошли в атаку на занятые нами высоты к востоку от Кулевчи, но были встречены таким огнем, что теперь уже сами решили отступить к месту первоначальной засады. Они оборонялись очень вяло (хотя фронт нашего наступления продолжал сужаться из-за усиливавшейся тесноты ущелья) и после взрыва нескольких зарядных ящиков бежали в панике¹⁸. Турецкие поражения на суше и на море открывали нам дорогу на Адрианополь и Константинополь.

Но война 1828–1829 гг. принесла не только победы русского оружия, но и огорчительные поражения. Причем виной их стали не столько турки, сколько эпидемии, болезни, хроническое недоедание наших солдат, их физическое истощение. Ведение войны осложнила чума, вспыхнувшая почти сразу вслед за объявлением похода на Балканы. Отдельные случаи заболевания ею наблюдались еще до вступления наших войск в Дунайские княжества. В войсках, осаждавших Шумен и Варну, объявили карантин, что дало заметный положительный эффект. Но ряды русской армии косили лихорадка, кровавый понос и цинга, убыль личного состава от которых в десять раз превышала последствия заболеваний чумой. С мая 1828 по февраль 1829 г. заболело 210 тыс. человек, из которых умер каждый седьмой¹⁹. Боевые потери русской армии в ходе военных действий — убитые в сражениях, пропавшие без вести и замерзшие от лютой стужи — составляли 40 тыс. человек, т. е.

всего на 10 тыс. больше, чем умерших от болезней. Людей мучила цинга, весной ею заболело 600 человек, в пяти лазаретах находилось более 1000 больных, из которых ежедневно умирало около 20 человек²⁰. Служивший в русской армии немец из Ревеля доктор К. Зейдлиц считал, что всего около полутысячи наших солдат и офицеров сумели избежать лихорадки. Многие заболели ею даже после возвращения в Россию и не смогли преодолеть эту заканчивающуюся смертью болезнь. Только в октябре 1829 г. от «тандема» лихорадки и дизентерии скончалось 1300 человек. Раненые и больные военнослужащие находились в отвратительных условиях. Например, в Адрианопольском лазарете — бывшей турецкой казарме, где его разместили, — осенью и зимой помещения не отапливались, в окнах не было стекол, по стенам струились потоки влаги, вместо одеял солдаты укрывались шинелями, подушками им служили солдатские ранцы, канализация отсутствовала, и неистребимый запах нечистот витал повсюду. Транспорт с больничным бельем, медикаментами, бинтами, повязками и теплыми полушубками прибыл только в декабре. На 5000 больных и раненых приходилось только 28 врачей — большая их часть сама умерла от болезней²¹.

Трудность ведения войны на Балканах заключалась и в крайней удаленности этого театра военных действий от России. Оружие, боеприпасы, амуницию и провиант для русской армии, пока под наш контроль не перешли гавани Кюстенджи, Мангалии и Каварны, приходилось перебрасывать по суше за тысячи километров при помощи лошадей, волов и даже верблюдов. Последние были очень удобным видом транспорта, поскольку в отличие от лошадей и волов были крайне неприхотливыми в еде и до десяти дней могли обходиться без воды. Кроме того, они обладали сравнительно большими копытами, которые увязали в непролазной грязи меньше конских. Что же касается лошадей, то в весеннюю, зимнюю и осеннюю распутицу они просто выбивались из сил и застывали на месте, будучи не в состоянии двигаться дальше. Поэтому нередко случалось так, что посланный с поручением верховой спустя какое-то время возвращался назад пешком с конским седлом на голове²². Выписанные из Астрахани верблюды были настоящим спасением и продолжали использоваться даже после овладения турецкими портами на западе Черного моря. По морю

снабжение русской армии осуществлялось в десять раз быстрее, чем по суше. Затем из болгарских гаваней к доставке грузов в захваченные турецкие крепости подключались верблюды с калмыцкими погонщиками. Путь от Варны до Шумена верблюжьими караванами преодолевали за шесть дней²³. В общей сложности на Балканах было задействовано четыре тысячи этих выносливых животных, из которых половина погибла.

Верблюды, разумеется, не могли полностью исправить положение, и снабжение всё равно продолжало оставаться «ахиллесовой пятой» войны 1828–1829 гг. Один из русских офицеров вспоминал, что во второй половине октября 1828 г. все передвигавшиеся от Шумена до Силистры «от генерала до солдата были в полном смысле голодны от совершенного недостатка продовольствия»²⁴. Солдаты часто умирали не от болезней, а от «чрезмерных трудов, понесенных... при несоответствующем содержании»²⁵. Мясо турецких волов, изредка попадавшее в солдатские котлы, не являлось «употребительным и полезным для здоровья» из-за невероятной худобы «трофейной» скотины²⁶. От недоедания и чрезмерного напряжения наши солдаты были физически истощены. У них не хватало сил нести на себе всю штатную амуницию: тяжелое ружье и сумки с патронами, шинель, ранец, мундир, манерку с водой, 20-фунтовый запас сухарей на 10 дней и другие вещи. Иногда для облегчения поклажи солдаты выбрасывали сухари, но это не помогало: на марше они падали, будучи не в состоянии затем подняться. Они догоняли потом свой полк ночью, когда тот находился на отдыхе²⁷. Бывало и так, что солдат садился передохнуть только на минутку, но далее замирал и не реагировал на оклики — незаметно для всех отходил от мира сего. В подразделениях пехотного генерала Рудзевича исхудалые и ослабевшие лошади с трудом передвигали ноги, а «одежда, амуниция и конская упряжь были, большей частью, изношены, растрепаны, изорваны»²⁸. После наступления холодов солдаты не получили зимних панталон, больные и раненые в недавних сражениях лежали на сырой земле в пропитанных кровью бинтах.

При этом нашим солдатам пришлось иметь дело с очень непростым жестоким противником. В карантине, где иногда более недели томилось множество повозок (в ожидании, пока их окурят дымом жженного навоза против чумы), поднимались здравницы не только за спасение от заразы, но и за сохранность

собственных ушей и носов. Турки отрезали их у «гяуров», чтобы предъявить затем в Константинополе и получить обещанное султаном вознаграждение за радение в священном джихаде против неверных. В турецких кушаках отрезанные уши и носы встречались не реже, чем молитвенники у христиан. У одного из пленных при обыске вместо золотых дукатов нашли в поясе тридцать отрезанных носов. Турки часто давали волю своей необузданной жестокости, отрубая головы нашим пленным солдатам и перебрасывая их через стены осаждающим²⁹. Во время битвы при Кулевче турки сумели потеснить два наших батальона, и когда наши солдаты ворвались на вражеские позиции, то застали неприятеля за поджариванием наших пленных вживую.

По дневникам и воспоминаниям участников войны 1828–1829 гг. можно было составить представление об исключительном разнообразии болгарского ландшафта. Генерал Купреянов писал, что после переправы через Дунай русские пехотинцы сначала передвигались по лесистой местности, но через 50 верст перед ними открылась необозримая степь, лишенная какой бы то ни было растительности. В этой степи редко встречались ручьи или «фонтанчики» — отделанные камнем по турецкому обычаю источники с торчащими из вертикальной плиты бьющими водой гусаками и небольшими каменными корытцами внизу. Изредка попадались глубокие (до 50–70 сажень в глубину) колодцы, но пить из них отравленную турками смердящую воду было нельзя. И позднее солдат постоянно мучила жажда, в селах и городках у исправных колодцев всегда толпились очереди, вспыхивали драки³⁰. Воду из них черпали солдатскими манерками, кашеварками и котлами, связывая веревки и ремни. Те часто обрывались, и за посудинами приходилось спускать солдат. Деревни по пути встречались редко, и в них нечем было разжиться. Они были абсолютно безлюдными: жители бежали в горы, и поэтому все припасы, вплоть до угля для подковывания коней, приходилось везти с собой. Иногда в деревнях удавалось найти хоть какую-то провизию — ячмень, помещенный в ямах, домашнюю птицу и мед на пасеках. Домашний скот болгары обычно уводили с собой, но волы и буйволы часто вырывались из рук и, оголодавшие и отощавшие, носились затем по степи, оглашая её своим истошным ревом.

Совсем другим было побережье Добруджи; ослепительно синий цвет Черного моря напомнил К. Зейдлицу цвет Генуэзского залива³¹. На расстоянии трех верст от Балчика дорога спускалась в ущелье, заросшее диким виноградником, грушевыми, вишневыми и каштановыми деревьями. После степной, лишенной растительности местности вид зелени приводил всех в восхищение. А живописность густых лесов по дороге в Шумен, которая поднималась из пустынного ущелья всё выше и выше, вызывала настоящий восторг: «Какая роскошная природа, что за роскошные деревья, перевитые лозой и хмелем» — писал К. Зейдлиц³². Аналогичные чувства вызывала болгарская земля и у графа А. Х. Бенкендорфа, сообщившего, что после Козлуджи местность становится «более приглядной, а природа более улыбающейся»³³. По его словам, болгарская земля представляет человеку «все выгоды прекрасного климата и плодородной почвы».

А подпоручику лейб-гвардии Преображенского полка Н. А. Лукьяновичу больше всего запомнились бесконечные виноградные сады, тянувшиеся почти до самой Варненской крепости. «Глаза разбегались от удивления, смотря на ветви, отягощенные крупными гроздьями белого, синего и розового винограда, самого крупного и сладкого, из коих почитается лучшим кишмиш», — не скрывал он своего восторга от увиденного³⁴. По его словам, «болгарский виноград прельщал своей красотой и сочностью наших солдат — жителей далекого Севера, имевших возможность обнаружить этот экзотический плод разве что в лавках купца Милютина». Поэтому наши солдаты, посланные на заготовку лозы для туров и фашин, набивали свои карманы до отказа сладкими виноградными гроздьями. Но виноград манил и оголодавших турецких солдат, которые, забыв об осторожности, десятками пробирались сюда тайком из крепости и становились добычей русских «секретов»³⁵.

Во время возвращения К. Зейдлица из Адрианополя на черноморское побережье ему вновь пришлось переходить через Балканы. Эта поездка напомнила К. Зейдлицу путешествие по Швейцарии, но разница заключалась в том, что здесь со спутниками он ночевал не в гостиницах, а в палатках и по дороге они натыкались не на туристов, а на лежавшие то тут, то там мертвые тела. Тем не менее красота Болгарии не могла оставить К. Зейдлица равнодушной. «Балканы, — писал он, — в вос-

точной части не так величественны, как Альпы в Швейцарии, им недостает светлых озер, горных потоков, снеговых вершин и главное — человеческих существ, сёл и городов»³⁶. Но они покрыты чудесными лесами: таких дубов и буков в Швейцарии, по его словам, он не видывал.

После русско-турецкой войны 1828-1829 гг. появились описания многих болгарских городов. Об Айтосе, например, доктор К. Зейдлиц писал, что тот расположен на отлогом склоне восточного отрога Больших Балкан и что к северу от него сразу же поднимаются крутые, голые серые утесы, которые при утреннем солнце красиво оттеняют на темной зелени деревьев низкие, плоские красные крыши и белые минареты мечетей. Для оживления картины, считал он, городу не хватает только моря или реки. Но здесь имеется много колодцев и фонтанов, вода к которым проведена, очевидно, с плоской возвышенности. С нее открывается величественный вид на Айтос и на обширную долину с дорогой, выющейся по направлению к Адрианополю. Улицы города, судя по его описанию, узкие и кривые, с проложенными по обеим их сторонам тропинками для пешеходов. На некоторых более широких улицах есть тропинки и для верховых. Окна всех домов, за исключением резиденции великого визиря, смотрят во двор. На базарной площади возвышается главная мечеть с прекрасным источником, вокруг нее — многочисленные дощатые лавочки с узкими проходами между ними³⁷.

Город Сливен, согласно описанию К. Зейдлица, лежит у подножия Балкан в ущелье со склонами, покрытыми лесами, фруктовыми садами и виноградниками. Ущелье расходится к югу, а в самом его начале расположена прекрасная платановая роща. Посреди этого небольшого чистенького городка протекает ручей, но идиллию нарушают дома, уничтоженные пожаром во время войны. Сливен, по сообщению К. Зейдлица, слывет местом производства лучшего в Болгарии розового масла³⁸.

Месемврия, по данным К. Зейдлица, расположена на косе, которая выдается в море на полверсты и соединена с твердой землей узким невысоким перешейком. По обеим сторонам от города находятся бухты, удобные для стоянки кораблей. Вид берега с выступами очень напоминает Италию, где также часто можно видеть предгорья, опускающиеся прямо в море. Однако в отличие от живописных итальянских городов, Месем-

врия весьма некрасива, в ней полностью отсутствует зелень, а вокруг нет ничего, кроме песков. Здесь размещался четырехтысячный турецкий гарнизон, который после получасовой бомбардировки нашего флота сложил оружие, причем часть турецкой кавалерии сумела спастись бегством. Пленным позволили продавать личное имущество, и знаменитому в будущем филологу В. Далю удалось задёшево купить у турка прекрасную лошадь с седлом³⁹.

Больше всего сведений о географии, климате, хозяйственной жизни Болгарии можно было почерпнуть из книги полковника генерального штаба Русской армии Энсгольма⁴⁰. Судя по утверждению автора, он сумел побывать во всех занятых нами болгарских городах и собрать у местных жителей самые разнообразные сведения о болгарских землях. Книга начинается с исторических преданий и легенд, некоторые из которых заслуживают упоминания. Так, например, название Фракия Энсгольм увязал с легендой о любимой дочери древнегреческого бога Марса, а название Филиппополь (Пловдив) — с царем Филиппом II, отцом Александра Македонского. Несколько ошибался он, утверждая, что протоболгары пришли на Балканский полуостров раньше славян, но это вполне объяснимо уровнем исторических знаний того времени. Не оставил Энсгольм без внимания войны болгарского хана Крума и походы русского князя Святослава за Дунай, крестовые походы западных рыцарей через Балканы и последующие важнейшие исторические события вплоть до современной Османской империи. Эти сведения являются очень краткими и не всегда точными, но они возбуждали любопытство русского читателя к земле болгар, которую автор намеревался описать. В сущности, данные о климате, природных особенностях и некоторых городах Болгарии и составляют главную ценность этого труда, поскольку они основаны на непосредственных наблюдениях и рассказах местных жителей, знающих свою страну лучше любого иностранного ученого⁴¹.

Особенно интересно повествование Энсгольма о климате болгарской земли, которая и поныне представлялся многим русским эдаким райским уголком. На самом же деле такое представление в корне ошибочно: северный ветер здесь сухой и здоровый, но зимой он сопровождается снежными выюгами с Балкан и губит немало людей и животных. Он возникает вне-

запно, дует с пронзительной силой, несет с собой снег и грозы. Эти дни наводят ужас своими ледяными дождями и снежными бурями. Схож с северным ветром и ветер северо-восточный, приносящий сырость, влагу, дожди и снег. В отличие от них восточный ветер прохладен и сух; юго-восточный ветер нагоняет туман, а южный всегда нездоров и предвещает неизбежный дождь. Что же касается юго-западного, северо-западного и западного ветров, то первые два возникают после быстро рассеивающегося тумана, а третий несет тепло и дождь⁴². В течение года можно выделить благоприятные и неблагоприятные месяцы: с марта по май погода бывает дождливая и сырая, с начала мая и до середины июня — почти всегда очень приятная, с 15 июня по 15 августа стоит сильная жара и начинают свирепствовать болезни, обычные для южных стран, на полях выгорает зелень. С середины августа по середину сентября устанавливается сухое, прохладное время, а затем по 1 декабря идут дожди, выпадает первый снег, показывается молодая трава, быстро истребляемая холодами, а с декабря по март царит зима.

На Энсгольма явно произвело впечатление исключительное плодородие болгарской земли, обильно рождающей пшеницу, рожь, ячмень, овес, кукурузу, просо, лен. Кроме того, по его словам, она исключительно пригодна для выращивания овощей и зелени, в долинах отлично произрастают кунжут и сусам, местами выращивают табак и хлопок, а в окрестностях Филиппополя возделывают цыганское пшено (рис), собираемый в огромном количестве. В долинах Фракии занимаются скотоводством, в горах есть много рогатого скота, но превалирует все-таки овцеводство: по турецкой переписи 1828 г., только во Фракии насчитывалось около 2,5 млн. овец. Местность эта как нельзя больше подходит для скотоводства; на зиму скот спускают в долины, а на лето гонят пастись на луга Балкан и в горы Странджи. Здесь есть условия для содержания многочисленных конских заводов, но коневодство во Фракии не развито. Большинство сторон болгарской земли связано дорогами, и, вообще, географическое положение ее очень выгодное. Балканский хребет прорезают многочисленные проходы, дающие возможность сократить путь из Европы в Азию: Австрия — София — Татар-Пазарджик — Филибе (Пловдив) — Адрианополь — Константинополь. Одновременно Энсгольм отмечает, что, несмотря на наличие хороших каменных мостов и дорог,

последние каким-то непостижимым образом после таяния снегов и дождей становятся рыхлыми и непроходимыми даже при местном «хрящеватом» грунте⁴³.

Энсгольм оставил нам также заметки о ряде болгарских городов, описания которых не встречаются в воспоминаниях его современников: Тырнове, Ахтополе, Созополе, Бургасе, Карнобате, Ямболе и др. О Тырнове он, например, писал, что название села происходит от слова «терн», что оно сравнительно невелико и насчитывает 650 домов. В нем имеются небольшой базар, три постоянных двора, именуемых «ханами», 50 колодцев и греческая школа. Его жители, которых насчитывается 3500 чел., занимаются в основном скотоводством, пшеницу сеют мало, но выращивают рожь, ячмень, овес и кукурузу. Овощи и виноград здесь почти не растут из-за сурового климата⁴⁴. Созополь, по его словам, является древней Аполлонией; он стоит на отроге гор Шайтан, который, врезаясь острым углом в море, образует полуостров, соединенный с материком узким перешейком. Далее в море виднеются три острова св. Иоанна. Бухта Созополя превосходна: она может вместить одновременно до 600 кораблей. В городе находится две бедные греческие церкви и 950 греческих домов, в нем нет фонтанов, но вода в колодцах пресная⁴⁵.

Бургас, по описанию Энсгольма, также образован отрогом Шайтан и двумя мысами Баглар-Бурну и Эмине-Даг. Здесь имеется большая бухта Форос и глубоко вдающиеся внутрь берега озера Чингане и Анастасское. Сам город лежит на болотистом лугу, который с запада окаймляет озеро Мунтрис-гэль, а за ним начинаются покрытые лесом горные возвышения. Хорошая пресная вода здесь отсутствует — в колодцах она солоновата. В городе почти нет болгар, преобладают турки (212 домов) и греки (116 домов), имеются и армяне (29 домов). На две мечети приходится всего одна греческая церковь. На севере в шести верстах от города находится греческий монастырь св. Анастасия с прекрасным каменным колодцем и чистой водой⁴⁶.

Город Анхиало, по словам Энсгольма, связан узким перешейком с берегом, по которому стелется дорога из Айтоса в Месемврию. Примыкающая к морю часть города заливается морскими приливами. В нем находится одна большая мечеть и большой дом паши. В Анхиало преобладают греки (2300 домов), имеется митрополит, 6 полуразрушенных греческих цер-

квей и руины двух десятков других храмов. Турецких домов около 300, есть мечеть и базар, 4 фонтана и много колодцев. Особую живописность, по его словам, Анхиало придает множество ветряных мельниц⁴⁷.

Пораздо меньше сведений в воспоминаниях и дневниках участников войны 1828–1829 гг. встречается о коренных задунайских жителях болгарах. И это не случайно, потому что возможности увидеть болгар воочию были относительно невелики. Турки при отступлении стремились угнать с собой местное болгарское население, а тех, кому удавалось ускользнуть, в расположение русских войск не допускали из-за опасения заразиться чумой. Страх перед чумой был настолько сильным, что наши подразделения часто располагались не в отбитом у турок селении, а устраивали палаточный бивуак поблизости, выставляя вокруг карантинные посты. Иногда этот страх превращался в настоящую фобию и человеконенавистничество. В дневниках участников войны 1828–1829 гг. поражает описание случая с одним из наших командиров. Потеряв всех своих подчиненных от чумы, он почти полностью лишился рассудка: запасся провиантом, ружьями и патронами и обосновался на вершине холма в палатке, стреляя во всякого, кто пытался к нему приблизиться⁴⁸. Из-за массового угона местного населения турками Болгария производила впечатление безлюдной страны. Делясь своими впечатлениями об оставленном жителями Пазарджике, граф А. Х. Бенкендорф писал, что этот маленький город, «окруженный множеством кладбищ, представлял наглядный образ опустошения и смерти»⁴⁹. А по возвращении в Одессу с государем он сообщал читателям следующее: «Со времени перехода через Дунай нога наша не была ни в одном доме, и мы не видали ни одной женщины. Взгляд наш постоянно встречал одне картины опустошения, кровопролития и горя...»⁵⁰

Иногда сумевшие избежать угона турками за Балканы болгары возвращались назад в свои родные селения или попадались на пути в Бессарабию, где русское правительство разрешило им поселиться. Это было незабываемое зрелище! Растянувшись на несколько верст, по дороге двигались целые передвижные болгарские деревни — каждая семья на своей гигантской арбе, которую тянули по две-три пары сильных буйволов. Эти арбы доверху были нагружены хозяйственным и

домашним скарбом: полевыми орудиями, котлами, горшками, ручными мельницами, картофелем и кукурузой; сверху в больших клетках везли кур, гусей и другую домашнюю птицу. Рядом с повозками шли домочадцы, маленькие дети сидели сзади в привязанных корзинках и спокойно поигрывали початками кукурузы, которая одновременно служила им и пищей, и игрушками. Скрип немазанных колес, рев буйволов, крик и плач детей оглушали встречных путников при появлении каждого нового обоза⁵¹.

Болгары покидали города вместе турками и сами, потому что пред уходом те намеренно портили все городские фонтанчики и колодцы, заваливая их мусором и мешками с мылом, чтобы сделать воду непригодной для питья. Встретить болгар в приморских городах было почти что невозможно: здесь преобладали греки, турки и цыгане. В занятой нашими войсками Варне подпоручику Н. А. Лукьяновичу с трудом удалось наконец увидеть первого болгарина. Он столкнулся с ним на солдатской барахолке, где можно было купить за бесценок дорогое турецкое оружие, отжившие свой век мундиры, пробитые пулями фуражки, стоптанные сапоги со шпорами, рейтузы с голубыми и красными пампушками. Из огромных сорокаведерных бочек здесь лились рекой в солдатские манерки дары Бахуса. Повсюду толпились продававшие ослов и мулов турки, цыгане и греки⁵² — не было видно лишь болгар. Наконец мемуаристу повезло: он столкнулся с пожилым болгаринном, пекшим оладьи для наших солдат. Засучив рукава, пекарь месил тесто грязной палкой в небольшой обложенной кирпичами яме и бросал его затем на огромную шипящую бараньим салом сковороду.

К. Зейдлиц повезло еще меньше: первое обитаемое болгарское село он увидел только после перехода через Малые Балканы (оно находилось близ Месемврии). Здесь его внимание привлекла замечательная красота болгарских женщин: «темно-каштановые волосы, огненные черные глаза и благородные очертания носа, свидетельствующие об их Римском происхождении»⁵³. Поразило его и очень ласковое отношение жителей к нашим солдатам. Встречая их, болгары обыкновенно приветливо улыбались, кланялись и крестились, приговаривая: «Рус добр! Рус добр!» Далее, уже в городе Айтос, он сделал наблюдение о свободолобии болгар и их независимом харак-

тере. «В обращении болгар, — писал К. Зейдлиц, — не видно привычки к раболепству. В первые дни после нашего вступления в Айдос, они низко кланялись, снимали шапки... но вскоре ободрились и не пугались сурового обращения солдат, одним словом, скоро вошли в привычную колею»⁵⁴. Что же касается торговков, то они вообще быстро обрели прежнюю бойкость и развязность. К. Зейдлиц, в первый раз увидевший русских солдат в освобожденном болгарском городе, с удовлетворением отметил, что те вели себя очень пристойно и смиренно. Солдаты побаивались наказания командиров, и болгары, осознав, что на обидчика можно найти управу у начальства, в случае конфликтов грозили, что пожалуются русскому «капитану». Позднее, уже в Адрианополе, где болгары составляли вместе с греками большинство (турок, по словам мемуариста, там имелось не более одной трети), на него произвели впечатление мужчины болгары, отличающиеся сильным и красивым сложением, трудолюбием и большой общительностью⁵⁵.

От внимания К. Зейдлица не ускользнула также готовность болгар прийти русским на помощь в трудную минуту. При возвращении из Адрианополя в Бургас повозка, на которой он ехал со спутниками, безнадежно увязла в непролазной грязи. Проезжавшие мимо турки даже не взглянули в их сторону. Не то болгары — скрип несмазанных колес их запряженной четверью волами телеги показался К. Зейдлицу и его спутникам «небесной музыкой». Болгары вошли в жижу, разгрузили застрявшую повозку, запрягли в нее двух волов и вытянули вместе с прислугой из ямы. Но спасению предшествовали долгие толки, в ходе которых обнаружилось, что болгары и русские совсем не понимают друг друга. Наконец, К. Зейдлиц нашелся и после длинной тирады болгарина, заключавшей в себе некий вопрос, наугад закричал «да»⁵⁶. Именно это и помогло проведению спасительной операции.

Энсгольм считал, что трудность в общении с болгарамы происходит по причине засоренности их славянского наречия многочисленными турецкими словами. По его наблюдению, болгары являются настоящими трудягами — «рабочий класс», обрабатывающий турецкие сады и нивы, гнуций спины на греческих фабриках. Болгары живут в самодовольствии и очень скромно, скрывают имеющееся у них богатство из-за опасения быть ограбленными, к деньгам они относятся с боль-

шим уважением, потому что цены на продукты здесь низкие. Болгары по большей части мирные, но балканские — сущие разбойники. Они не только грабят и отнимают добро у путников, но и подвергают их ужасным мучениям: отрезают язык и уши, выкалывают глаза, прибивают гвоздями к деревьям⁵⁷.

Подводя итоги сказанному, еще раз отметим, что русско-турецкая война 1828–1829 гг. не ставила перед собой задачу освобождения болгар от ига. Такой пункт не значился в заранее подготовленном нами трактате о мире с турками. Удержать за собой занятые на Балканах земли, требуя от Османской империи дальнейших уступок в отношении болгар, было просто нереально. Поэтому заключенный 2 сентября 1829 г. Адрианопольский мир с облегчением встретили и русские, и турки. Несмотря на договоренность о запрете на подарки, ведущий переговоры в Константинополе граф А. Ф. Орлов преподнес султану дворе целый пуд китайского ревеня, слывшего тогда чудодейственны снадобьем от болезней желудка. И ответная щедрость не заставила себя долго ждать: султан снял со своего пальца драгоценный перстень и милостиво протянул его графу А. Ф. Орлову. А членам свиты русского дипломата пожаловали в дар осыпанные бриллиантами табакерки⁵⁸. Благодаря дипломатическому искусству графа А. Ф. Орлова, подкрепленному блистательными победами русского оружия, Россия полностью выполнила поставленные перед собой задачи. Она получила право беспрепятственного прохода через проливы Босфор и Дарданеллы и право свободной торговли с Турцией. Расширялась автономия Греции и Сербии, спокойнее стали чувствовать себя и дунайские княжества Молдавия и Валахия, в которых, согласно трактату, должны были оставаться русские войска вплоть до полной выплаты Турцией огромной контрибуции в 11 млн. дукатов. Выплатить так много денег русскому императору султан был не в состоянии, и это позволяло держать Турцию на коротком поводке. В ходе войны было взято 8 турецких крепостей, в наши руки попало 957 турецких пушек, 180 знамен, было взято в плен 9 пашей и 21 тыс. турецких солдат и офицеров. 14 октября 1829 г. по улицам Санкт-Петербурга пронесли захваченные в Варне турецкие знамена⁵⁹.

Эта война позволила русским людям значительно ближе познакомиться с Болгарией как страной: ее ландшафтом, го-

рами, долинами и реками. Русские люди в первый раз массово преодолели Балканы в наиболее пологой их восточной части, впервые их взору открылись уже не только некоторые северные, но и такие южные города, как Месемврия, Созополь, Айтос, Карнобат, Бургас, Анхиало. Вновь была подтверждена репутация Болгарии как удивительно красивой страны с благоприятным климатом, хотя последнее мнение стало подвергаться существенной коррекции. Оказалось, что близость гор и моря нередко влечет за собой неожиданную смену температур, которая способна вызывать длительную лихорадку, порой завершающуюся смертью. Таким образом, в знании русских людей о болгарской земле произошел существенный прорыв, но населяющий её народ во многом продолжал оставаться загадкой. В силу различных причин контакты между русскими военными и местным болгарским населением в период войны 1828–1829 гг. происходили сравнительно редко.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983; Слава русских воинов в Европе и Азии, или Исторический взгляд на победы оных во время кампании против турок в 1829 г. С присовокуплением анекдотов, в сие время случившихся, и краткого описания некоторых городов, покоренных победоносным оружием русских, почерпнутых из разных официальных известий и донесений. М., 1828. С. 7.

² *Епанчин Н.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 2: До перехода через Балканы. СПб., 1906. С. 10–12.

³ Там же. С. 15; *Ляхов В. А.* Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828–1829 годах. Ярославль, 1972. С. 99.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ *Moltke G.* Der Russisch-Türkische Feldzug in der Europäischen Türkei 1828 und 1829. Berlin, 1845. S. 88.

⁶ Слава русских войск в Европе и Азии... С. 66–68.

⁷ *Ладъженский М.* Осада Силистрии в 1829 г. (Письма к другу). СПб., 1829.

⁸ Атлас сражений XIX века. Период времен с 1820 по настоящее время. План важнейших сражений, боев и осад с объяснительным текстом и приложением общих карт, с кратким изложением хода кампаний в Европе, Азии и Америке. Перевод с немецкого генерального штаба полковника Чекмарева. Вып. XI. СПб.; Русско-турецкая война 1828–1829. № 3. Осада Варны.

⁹ *Глебов П. Н.* Осада Варны в 1828 г. Из воспоминаний армейского офицера // Отечественные записки. XXIX. Т. № 8. Отд. 2. СПб., 1839.

¹⁰ *Лукьянович Н. А.* Три месяца за Дунаем в 1828 г. // Сын Отечества. Северный архив. Т. 33. № 1. СПб. Ч. 1. Замечания по пути от Дуная до Варны. С. 159–174; Ч. III. С. 219–239; См. также: Император Николай I в 1828–1829 г.г. (Из записок графа А. Х. Бенкендорфа). Сообщил Н. К. Шильдер // Русская старина. XXVII. Т. 86. Апрель-июнь. СПб., 1896. С. 498.

¹¹ Атлас сражений XIX века. Период времен с 1820 по настоящее время. Вып. XI. СПб., Русско-турецкая война 1828–1829. № 3. Осада Варны.

¹² *Ляхов В. А.* Указ. соч. С. 84.

¹³ Журнал военных действий Черноморского флота в турецкую кампанию 1828–1829 гг. Ч. 1–3. Николаев, 1832–1833. С. 32–33.

¹⁴ Там же. С. 46–47.

¹⁵ Там же. С. 52–53.

¹⁶ *Ляхов В. А.* Указ. соч. С. 52–53; Журнал военных действий Черноморского флота... Там же.

¹⁷ *Энсгольм.* Записки о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 года, генерального штаба полковника Энсгольма. СПб., 1830. С. 124–126.

¹⁸ Атлас сражений XIX века. Период времен с 1820 по настоящее время. План важнейших сражений, боев и осад с объяснительным текстом и приложением общих карт, с кратким изложением хода кампаний в Европе, Азии и Америке. Перевод с немецкого генерального штаба полковника Чекмарева. Вып. XI. СПб., Русско-турецкая война 1828–1829. Сражение при Кулевче.

¹⁹ *Епанчин Н.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Ч. 2: До перехода через Балканы. СПб., 1906. С. 52–53.

²⁰ *Купреянов П. Я.* Действия Праводского отряда в 1828–29 годах (Посмертные записки генерала Купреянова) // Военный сборник. СПб., 1875. № 3. Т. 102. С. 17.

²¹ *Зейдлиц К. К.* Воспоминания доктора Зейдлица о турецком походе 1829 г. М., 1878.

²² *Купреянов П. Я.* Указ. соч. Т. 102. СПб., 1875. С. 10.

²³ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 23.

²⁴ *Макавеев А.* Извлечения из походных записок русского офицера, веденных во время войны с Турцией в 1828–1829 гг. // Военный сборник. СПб., 1860. Т. XI. № 2. Февраль. С. 431.

²⁵ *Купреянов П. Я.* Указ. соч. Т. 102. СПб., 1875. С. 17.

²⁶ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 31.

²⁷ *Макавеев А.* Указ. соч. С. 441–442.

²⁸ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 24.

²⁹ *Кутреянов П. Я.* Указ. соч. Т. 102. СПб., 1875. № 2. С. 166.

³⁰ Там же. С. 162. См. также: *Фролова М. М.* Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров) // *Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира.* М., 2009. С. 79.

³¹ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 18.

³² Там же.

³³ Император Николай I в 1828–1829 гг. С. 486.

³⁴ *Лукьянович Н. А.* Три месяца за Дунаем в 1828 г. // *Сын Отечества.* Северный архив. Т. XXXIII. № 1. СПб., Ч. III. С. 220.

³⁵ Там же. С. 221.

³⁶ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 37.

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Там же. С. 44.

³⁹ Там же. С. 37.

⁴⁰ *Энсгольм.* Указ. соч. С. 9.

⁴¹ Там же. С. 12–39.

⁴² Там же. С. 44.

⁴³ Там же. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 121.

⁴⁵ Там же. С. 123.

⁴⁶ Там же. С. 124–125.

⁴⁷ Там же. С. 126.

⁴⁸ *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о кампании 1829 г. в Европейской Турции. М. 1867. С. 77.

⁴⁹ Император Николай I в 1828–1829 гг. С. 482.

⁵⁰ Там же. С. 494.

⁵¹ *Лукьянович Н. А.* Указ. соч. Ч. I. С. 113–114. *Фролова М. М.* Указ. соч. С. 100.

⁵² Там же. С. 171–172.

⁵³ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 40.

⁵⁴ Там же. С. 41.

⁵⁵ Там же. С. 48–49.

⁵⁶ Там же. С. 56.

⁵⁷ *Энсгольм.* Указ. соч. С. 54–56.

⁵⁸ *Зейдлиц К. К.* Указ. соч. С. 83.

⁵⁹ Договор о мире, заключенный между всероссийским императором Николаем I и Османским султаном 2 сентября 1829 г.; Император Николай I. С. 508.

НАЧАЛО РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг. И ПЕРЕПРАВА НАШИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

Обнародование 12 апреля 1877 г.* в Кишиневе высочайшего манифеста императора Александра II об объявлении войны Турции было встречено русским народом с ликованием. На войну ради освобождения болгар — братского славянского православного народа отправлялись как на праздник. В городах и весях России оживленно проходила запись добровольцев. Соединения 260-тысячной¹ русской Дунайской армии двинулись в юго-западном направлении к Турции. Успешное начало войны во многом зависело от двух факторов: быстрого придвижения русских войск к границе Турции и благополучного форсирования ими Дуная. Россия была отделена от противника территорией Румынии и для контакта с ним должна была получить от румынских властей разрешение на транзит своих войск через эту страну. Благодаря искусности русской дипломатии Румыния не только дала на это согласие, но и стала союзницей России и направила против Турции своих солдат, чтобы получить от нее полную политическую независимость.

После согласия румын на транзит на передний план для русского командования выдвинулась задача быстроты маневра. Дело в том, что в турецком совете «диване» имелся план, согласно которому Турция при объявлении ей войны Россией немедленно оккупировала Румынию и встречала русских в отдалении от Дуная — этой естественной водной преграды². Турки должны были сковать русские войска еще на подступах к Дунаю и в случае прорыва к нему противника, имели бы в запасе время для перегруппировки сил на своем берегу, стянув их к месту переправы «гяуров». При осуществлении такого турецкого сценария наши войска понесли бы громадные потери, и русская по-

* Все даты приводятся нами по старому стилю.

беда в войне на Балканах стала бы проблематичной. Поэтому командование Дунайской армии приняло упреждающие меры. В первый же день войны 29-й Донской казачий полк совершил стремительный более чем 100-километровый рейд и занял Барбошский мост через реку Серет близ берегов Дуная неподалеку от румынского г. Галаца³. Эта молниеносная военная операция обеспечила возможность беспрепятственной переброски русских войск по железной дороге к Дунаю и подготовки к его форсированию в непосредственной от него близости.

Могучий, полноводный Дунай издавна служил естественной надежной границей для Рима и Константинополя, защищая владения этих империй от набегов задунайских варваров. Хотя со временем все реки хиреют и мелеют, Дунай и во второй половине XIX в. не утратил своей мощи: его ширина в отдельных местах доходила до 10 км, а глубина — до 30 м. Сложность заключалась также в том, что левый румынский берег был пологим, низким и заболоченным, а правый турецкий — обрывистым, крутым и высоким. После концентрации русских войск близ Дуная русскому командованию следовало выбрать наиболее удобное место для переправы и скрытно к ней подготовиться. Последнее осуществить было крайне трудно, поскольку Румыния кишела турецкими осведомителями, передававшими за Дунай сообщения о передвижениях русских войск. Обезвреживанием шпионской сети турок в Румынии занялись полковники русского Генштаба П. Д. Паренсов, Г. И. Бобриков и Н. Д. Артамонов, сумевшие блестяще с этим справиться⁴. Они также создали разветвленную сеть разведчиков из болгар за Дунаем, собиравших данные о численности и вооружении турецких гарнизонов.

Сбор сведений о Дунае и Подунавье начал осуществляться русской стороной заблаговременно, задолго до объявления войны. Еще осенью 1876 г. в Румынию по заданию командования нашей армии был направлен капитан I ранга М. П. Новосельский, собиравший данные о турецкой дунайской флотилии, силе течения и глубины Дуная в различных местах, речном фарватере, турецких крепостях и находящихся в них солдатах⁵. М. П. Новосельский сумел найти себе надежного помощника в лице лоцмана Иванчу из румынского г. Браила, который вызвался вместе со своими единомышленниками поставлять сведения о наличии на Дунае лодок, барж и противолодочных сетей. Производилась также закупка больших

и малых местных топографических карт. Именно во время командировки капитана М. П. Новосельского была заложена основа сети русских разведчиков-болгар, которую затем значительно расширили и усовершенствовали полковники П. Д. Паренсов, Г. И. Бобриков и Н. Д. Артамонов. Благодаря этой сети русские войска впоследствии получили в свое распоряжение отличных болгарских лоцманов и проводников.

Быстро перебросить русские войска к Дунаю удалось благодаря четкому представлению русского командования о транзитных возможностях румын. Главная заслуга в этом принадлежала полковнику Г. И. Бобрикову, который в 1876 г. был отправлен в Румынию на маневры в качестве наблюдателя и, опираясь на содействие местных властей, собрал сведения не только об организации и особенностях румынской армии, но и о пропускной способности румынских железных дорог, состоянии других путей сообщения, наличии пароходов и более мелких плавсредств⁶. Кроме того, еще до начала войны Г. И. Бобриков вместе с полковником Н. Д. Артамоновым объездили болгарские земли под прикрытием официальной миссии по градусному измерению дуги меридиана от Торнео до Пловдива. А полковник П. Д. Паренсов в гражданском платье пробрался в турецкую дунайскую крепость Русе и составил ее подробный план с обозначением огневых позиций⁷.

Благодаря разведанным русское командование располагало также сведениями о турецкой дунайской флотилии, которая могла нанести существенный урон русской армии при переправе ее на правый турецкий берег. По огневой мощи эта флотилия значительно превосходила русские плавсредства, доставленные из Кронштадта и Николаева. Турки имели в своем распоряжении 8 броненосцев (мониторов), 5 канонерских лодок и 11 вооруженных пушками пароходов, в то время как у нас имелось лишь 15 небольших паровых катеров, 4 десантных бота и 21 малое гребное судно⁸. Кроме того, к туркам на Дунай могло подойти подкрепление с Черного моря, в котором они тогда господствовали. Наш черноморский флот из-за ограничений, наложенных на Россию после Крымской войны 1853–1856 гг., в то время был еще слабым, только начинал восстанавливаться и не был в состоянии воспрепятствовать водным перемещениям турок. Помешать им можно было только двумя способами: а) перегородить устье Дуная и фарватер реки

минными заграждениями; б) ослабить турецкую дунайскую флотилию умелыми боевыми операциями.

В части минного дела тогдашняя русская армия располагала прекрасными специалистами, в числе которых находились адмирал Попов и молодой лейтенант С. О. Макаров — командир парохода «Великий князь Константин», будущий адмирал. Последний разработал не только оригинальные взрывные устройства, но и способы нападения на суда противника с так называемыми «шестовыми» минами⁹. Они представляли собой мины направленного действия, закрепленные на семиметровых шестах, взрывавшиеся при непосредственном контакте с бортом вражеского судна. Всего через четыре дня после объявления войны русские моряки приступили к минированию дунайских рукавов близ румынских населенных пунктов Рени и Барбош, затем поставили минное заграждение в главном течении реки под г. Браила, провели аналогичную операцию в южном дунайском рукаве при Мачине и к 19 мая 1877 г. завершили минирование всего нижнего течения Дуная. Установление взрывных устройств на речном протяжении между портами Рени и Браила сделали данный участок реки недоступным для турецкой дунайской флотилии.

Турки, разумеется, не оставались безучастными наблюдателями, видя, как русские с каждым днем всё сильнее парализуют их передвижение по Дунаю. Они гонялись на мониторах за нашими шлюпками с минерами осыпали их градом пуль и снарядов, пускали по течению бревна, чтобы вызвать детонацию зарядов. Но русские под покровом ночи и туманов восстанавливали выведенные из строя заграждения. 29 апреля турецкий броненосец «Лютфи Джелиль» — грозный корабль, вооруженный 5 орудиями, с командой более 200 человек, приблизился к Браиле и открыл огонь по русским береговым батареям. В ответ наши канониры, наводчики Роман Давидюк и Иван Помпор, под командованием поручиков С. И. Самойлова и В. А. Романова метким выстрелом потопили обидчика: выпущенный ими снаряд угодил прямо внутрь корабельной трубы — раздался страшный взрыв, и покрытое броней судно отправилось на дно¹⁰. Но и русские войска начали нести первые потери: 3 мая в результате обстрела турецким монитором монастыря св. Феропонта под Исакчи наша 13-я конная батарея потеряла одного человека убитым и двух ранеными¹¹.

Спустя небольшое время удалось вывести из строя еще один турецкий корабль — монитор «Сельфи». Накануне турецкие военные суда подошли к румынскому берегу и нахально встали на якорь, дразня русских своим присутствием. Они обстреливали Браилу и мешали устраивать минные заграждения в Мачинском рукаве. Прочувить турок вызвались добровольцы под руководством лейтенантов Дубасова и Шестакова, румынского майора Муржеско, мичманов Баля и Персина. Они были вооружены несколькими минами, закрепленными на 22-футовых шестах. Под покровом сырой, холодной ночи ровно в полночь 14 мая добровольцы двинулись к турецкой эскадре на паровых катерах «Цесаревич» и «Царевна» и шлюпках «Ксения» и «Джигит». Союзниками наших моряков выступили лягушки. Их оглушительное кваканье заглушало шум работающих паровых машин, и довольно долго наши суденышки оставались незамеченными. Но затем турки обнаружили нападавших и открыли по ним ураганный огонь. Невзирая на град пуль, катер «Цесаревич» приблизился к борту турецкого монитора и подорвал первую мину. Среди турок вспыхнула паника, во время которой шлюпка «Ксения» осуществила подрыв второй мины. Добровольцы благополучно возвратились назад без потерь, хотя в ходе операции не обошлось без приключений: «Ксения» запуталась в обломках монитора винтами, а «Джигит» получил мелкие повреждения¹². Главным результатом этой блестящей атаки стало то, что при появлении наших маленьких катеров и шлюпок турецкие броненосцы и пароходы испытывали нервозность и спешили ретироваться.

После ликвидации угрозы нападения турецкой флотилии основное внимание командования сконцентрировалось на выборе места будущей переправы русских войск. Турки неплохо подготовились к обороне, создав четырехугольник из мощных крепостей Варна — Силистра — Русе — Шумен с многочисленными гарнизонами. После форсирования Дуная русскими они могли быстро перебросить подкрепление из ближайшей крепости и опрокинуть противника в реку. Взять же одну из упомянутых цитаделей одним ударом было практически невозможно. Поэтому месту будущей переправы следовало быть достаточно удаленным от этих крепостей и одновременно создавать перспективу стратегического развития успеха. Наиболее оптимальным в этом смысле являлся план военной кампании 1877–1878 гг., разработанный профессором

Академии Генштаба, генерал-лейтенантом Н. Н. Обручевым (1830–1904). Он предусматривал нанесение главного удара в обход указанного четырехугольника крепостей в «серединной» части Болгарии с продвижением затем к Адрианополю — Константинополю¹³. В отличие от него начальник Генштаба генерал А. А. Непокойчицкий предлагал нанести главный удар по Русе, а затем двинуться на Константинополь.

К счастью, в конечном итоге возобладала точка зрения Н. Н. Обручева, иначе потери русской армии в войне 1877–1878 гг. стали бы несоизмеримо большими. Сразу же после достижения русскими войсками Дуная с целью поиска подходящего места десантирования было послано 9 разведгрупп офицеров. После их докладов военный совет утвердил «серединную» линию Зимница — Свиштов, предложенную разведгруппой во главе с полковником Нагловским. Ширина Дуная здесь доходила до 650–700 м, а высота противоположного турецкого берега колебалась от 8 до 20 м. Принятие такого решения было обусловлено рядом благоприятных обстоятельств. Удачным было то, что с румынской стороны здесь находилось два острова (Бужиреску и Адда), значительно сокращавшие расстояние в случае форсирования реки. На этих островах, кроме того, можно было скрытно сосредоточить живую силу и развернуть батареи для подавления орудий противника при переправе. Что же касается крутизны турецкого берега, то и здесь имелась слабинка. В трех километрах от Свиштова ниже по Дунаю располагалось устье небольшой речушки Текир-дере с ложиной и площадкой, удобной для высадки. И турок в этой округе было сравнительно мало. Свиштовский торговец Х. Брычков с помощью почтовых голубей сообщил полковнику Н. Д. Артамонову, что в городе дислоцируется всего 1 табор (батальон) турецкой пехоты и 6 орудий, а в округе — только 5 таборов, т. е. около 5350 человек¹⁴.

В соответствии с приказом русского командования, переправа через Дунай на этой линии должны были начать соединения 14 дивизии генерал-майора М. И. Драгомирова. Выбор этого командира был не случаен. Он являлся крупнейшим специалистом по операциям подобного рода. До войны М. И. Драгомиров защитил в Академии Генштаба диссертацию на тему «Преодоление крупных водных преград» и написал труд «О высадках десанта в древнейшие и новейшие времена». Теперь ему пред-

ставилась возможность воплотить свои теоретические построения на практике. Началась тщательная подготовка к первому этапу предстоящей переправы через Дунай, которая должна была осуществиться за семь рейсов на 60 понтонах и паромов из связанных плотов. Понтоны предназначались для солдат, а паромы — для конных казаков, орудий и амуниции. В закрытом дворе одного из румынских домов было сооружено некое подобие огромного деревянного ящика, имитирующего понтон и его борта. Солдаты и казаки с конями по многу раз репетировали погрузку и выгрузку, доводя свои движения до автоматизма. Поскольку многие солдаты не умели плавать, на понтонах предполагалось разместить спасателей со спасательными кругами и веревочными концами. Через топи к острову Бужиреску на мелководье проложили деревянные помосты, а там, где поглубже, — связанные вместе полотняные понтоны. На самом острове скрытно установили и замаскировали несколько батарей¹⁵.

Захват плацдарма для переправы был возложен на десантный Передовой отряд, насчитывавший 2 500 человек. Его сформировали из солдат Волынского пехотного полка и приданных ему сотни пластунов (пеших разведчиков и снайперов), 60 казаков 23-го Донского полка и одной горной батареи. Командиром этого формирования был назначен полковник Родионов. Передовой отряд дислоцировался в 30 верстах от Дуная в местечке Бей и принимал строгие меры, чтобы не выдать свое присутствие туркам. Солдаты не устанавливали палатки, не разжигали костры, не возводили укрепления, не ставили батареи. Они размещались во дворах и за домами, выходили на улицы и к Дунаю только небольшими группами по 2–3 человека, не допуская скученности. Во избежание утечки информации о дне и часе начала переправы им ничего не было известно до самого последнего момента. Они были проинструктированы на отвечать посторонним на вопросы о номере своей дивизии, полка или части, притворяться «идиотами» и отделяваться односложным «не знаю». Точный день и час переправы скрывался даже на самом верху в свите командующего Действующей армии Великого князя Николая Николаевича Старшего, в особенности от иностранцев, которых в свите было немало¹⁶.

Внезапность русского десанта обеспечивалась не только благодаря засекречиванию о нем информации, но и посредством введения противника в заблуждение. Связанный с полковником

П. Д. Паренсовым болгарин Минчев подбросил корреспонденту лондонской газеты «Таймс» Брэкенбери (являвшемуся полковником артиллерии и занимавшемуся шпионажем в пользу турок) дезинформацию о месте будущей высадки русских войск. С этой же целью предпринимались и другие шаги. Наши войска переправились через Дунай в районе румынских городов Браила и Галац, освободили северную Добруджу, начали сооружать мост через Дунай у Браилы. Нижнедунайский отряд сосредоточил в Браиле и Галаце значительные силы — 23 батальона и 23 сотни казаков. В Тулче, Исакчи и Хырсове в течение двух дней против турок велись демонстративные военные действия. За день до переправы русских войск на линии Зимница — Свиштов наши береговые батареи в Гюргево и Олтенице стали обстреливать турок на противоположном берегу Дуная (города Русе и Тутракан) и удачно имитировали подготовку предстоящего десанта. В день форсирования русскими войсками Дуная румынские артиллеристы устроили отвлекающий обстрел турецких укреплений в Видине — Рахове. Все это позволило переиграть турок и обеспечить нам фактор внезапности¹⁷.

И вот, наконец, час «X» наступил: в ночь с 14 на 15 июня русским воинам было приказано начать переправу. Казаки обмотали тряпками копыта коней, гребцы перевязали весла соломой. Курить и разговаривать при передвижении строго запрещалось. Передовой отряд молча в полной темноте совершил 30-верстовый марш-бросок к Зимнице и в 2 часа ночи начал переправляться через Дунай. Существенную помощь Передовому отряду при форсировании реки оказали болгарские беженцы. Первыми на турецкий берег ступили пластуны, бесшумно снявшие турецкий пикет, однако часовой заметил в темноте неясное движение фигур и произвел выстрел. Поднялась тревога, турки зажгли огонь на обмотанном смоляной тряпкой сигнальном шесте. Вражеский берег пришел в движение, к месту переправы начали стягиваться турецкие солдаты, открывшие перекрестный оружейный и орудийный огонь по нашим понтонам, паромам и войскам на румынском берегу. Многие паромы были изрешечены пулями, переполнялись водой и шли ко дну вместе с не умеющими плавать солдатами. Раненые лошади на паромах начинали бешено биться, паромы теряли равновесие, переворачивались, орудия и амуниция исчезали в кипящей от пуль воде. Часть понтонов и паромов

разметало бурным течением Дуная, и они не смогли пристать к берегу в намеченном месте. Из-за мелководья солдатам иногда приходилось на руках перетаскивать боеприпасы и орудия, двигаясь к берегу по грудь в воде¹⁸.

Несмотря на ураганный огонь турок, русских солдат на правом берегу становилось всё больше и больше. Они карабкались по круче, цепляясь за стебли растений, взбирались друг к другу на плечи, выкапывали в глине саперными лопатками и штыками углубления, подтягивались к ним и, закрепившись, снова устремлялись наверх. На помощь свиштовскому гарнизону поспешила кочующая бригада из соседнего Вардима, но благодаря метким выстрелам наших канониров из поднятых на кручу на руках горных орудий подмогу туркам удалось обратить вспять. Для обеспечения безопасности переправы необходимо было взять господствующие Свиштовские высоты. Собрав силы в кулак, отряд Драгомирова в 11 часов утра начал наступление против турок. Спустя три часа после начала атаки наши солдаты уже стояли на гребне свиштовских высот. Желая избежать полного разгрома, турки не стали оборонять город и через час отступили без боя. Таким образом, Свиштов стал первым болгарским городом, навеки освобожденным от османского ига. Но эта первая победа далась непросто. Во время переправы и схваток с турками за удержание и расширение плацдарма наши войска потеряли убитыми и ранеными 31 офицера и 782 солдата, затонуло 19 понтонов и два горных орудия¹⁹. В Передовом отряде выбыл из строя каждый седьмой человек. Эти потери можно считать незначительными, если принимать во внимание масштабы переправы и сложность Дуная как водной преграды.

После расширения плацдарма, избавившего переправлявшиеся русские войска от губительного турецкого огня, саперы навели мост длиной 1200 м, по которому широкими колоннами в Болгарию устремились главные силы Дунайской армии. Впереди их ждали другие славные дела: бои на Шипке и под Плевной, взятие Адрианополя, поход к стенам Константинополя и заключение в его пригороде памятного Сан-Стефанского договора... Всего этого могло и не быть без блистательного форсирования Дуная русскими войсками на линии Зимница — Свиштов. Оно вошло в историю военного дела как яркий пример успешной переправы целой армии через такую крупную водную преграду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. 2. С. 17.

² *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 103; *Ахмед Мидхат-эфенди.* Сборник турецких документов о последней войне. СПб., 1879. С. 4.

³ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. 2. С. 37.

⁴ *Паренсов П. Д.* Из прошлого. СПб., 1901. Ч. 1. С. 228–229.

⁵ *Улунян А. А.* Россия и Освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878 гг. М., 1994. С. 95–96.

⁶ *Бобриков Г. И.* Записки. СПб., 1901. Ч. I. Эпоха войны 1877–1878 гг. С. 7.

⁷ *Паренсов П. Д.* Из прошлого. СПб., 1901. Ч. 1. С. 12, 30–35, 150–163.

⁸ *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 111–113.

⁹ *Фортунатов П. К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 77.

¹⁰ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1901. Т. 2. С. 85.

¹¹ Там же. С. 83.

¹² *Крестовский В. В.* Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 5. С. 86–88.

¹³ *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 94–98.

¹⁴ *Улунян А. А.* Россия и Освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878 гг. М., 1994. С. 105–106.

¹⁵ *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 139; *Гамулецкий В. В.* Из недавнего прошлого. В походе и в битве // Русский вестник. М., 1878. С. 592.

¹⁶ Сборник материалов по русско-турецкой войне СПб., 1898. Вып. 5. С. 90; *Георгиев Г.* Освободительная война, 1877–1878: Энциклопедический справочник. София, 1986. С. 88; *Яковлев Н. Н.* Форсирование Дуная русскими войсками 15 (27) июня 1878 г. как первый этап войны за освобождение Болгарии // Записки Куйбышевского гос. педагогического института им. В. В. Куйбышева. Вып. 20. Ч. 3. С. 65–70.

¹⁷ *Паренсов П. Д.* Из прошлого. СПб., 1901. Ч. I. С. 251–252.

¹⁸ Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб. 1901. Т. 2. С. 141, 152–153; *Крестовский В. В.* Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 5. С. 139–146; *Виноградов В. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 142.

¹⁹ *Яковлев Н. Н.* Форсирование Дуная русскими войсками 15 (27) июня 1878 г. как первый этап войны за освобождение Болгарии // Записки Куйбышевского гос. педагогического института им. В. В. Куйбышева. Вып. 20. Ч. 3. С. 76, 78.

БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ В XIX СТОЛЕТИИ (В ПЕРИОД РУССКО- ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ. И ДО НЕЕ)

Основной вехой в познании русскими Болгарии и болгар в XIX столетии стала освободительная русско-турецкая война 1877–1878 гг. Поэтому в нашей работе рассматриваются главным образом материалы времени этой войны. Важны также и данные, которые были накоплены в России о болгарях и Болгарии болгарях на протяжении предшествующих трех четвертей века. Представления в этой области у русских, разумеется, начали складываться гораздо ранее еще с походов против Византии русских князей Олега и Святослава в IX — X вв. Определенные представления о Болгарии и болгарях сложились и у крестившего в X в. Русь князя Владимира. То же самое относится и к князю Ярославу Мудрому, пятьюдесятью годами позднее принимавшему болгарских миссионеров, и жившему после него знаменитому Нестору-летописцу. В конце XIV — XV в. на русской земле трудились знаменитые книжники, митрополиты Киприан и Григорий Цамблак, бывшие болгарями по происхождению. И так далее. В целом культурные контакты между Русью и Болгарией в период Средневековья и перехода к Новому времени сравнительно неплохо изучены. Однако здесь следует сделать существенную оговорку: контакты эти были преимущественно книжными, и сведения о Болгарии и болгарях, которые русские могли почерпнуть из рукописных книг, как правило, не были современны тогдашней истории этого южнославянского народа. Чаще всего присутствовал разрыв в сто, двести или даже более лет. Этот разрыв начал увеличиваться после падения Болгарии, а затем и Константинополя под ударами османов в 1396 и 1453 гг. соответственно. Болгария утратила независимость, превратилась в провинцию Османской

империи и почти на пятьсот лет перестала существовать как политическое образование.

На Руси болгар постепенно перестали воспринимать как самостоятельный народ. Сведения о нем, бытовавшие в древних рукописных книгах, всё более уходили вглубь столетий. Был народ и сплывал народ: стал своеобразной абстракцией. Его историческое бытие на протяжении второй половины XV в., XVI, XVII и части XVIII в. исчерпывалось в русском сознании церковно-религиозной формулой «попал под агарянское иго грехов своих ради». К этому можно добавить сведения из рукописных и печатных миней и прологов о болгарском мученике Георгии Новом, сожженном турками в Софии в начале XVI в. за отказ принять ислам.

Интерес к болгарам несколько возрос только в эпоху Петра I в связи с обращением взоров царя на юг и попытками России проверить на прочность границы Османской империи. Военные инициативы Петра I, как известно, затем довольно быстро изменили направление, и царь принялся «прорубать окно» в Европу на западе. Однако Петр I продолжал держать в памяти стонущий под османами славянский юг, о чем свидетельствует его распоряжение о переводе и издании двух историографических сочинений, в которых содержались сведения о славянском мире. Это были вышедшие в Москве (1719) и Санкт-Петербурге (1722) знаменитые труды «Деяния церковная и гражданская...» римского кардинала Цезаря Барония и «Книга историография...» далматинского монаха Мавро Орбини¹. Из них впоследствии и почерпнул данные о славянах и болгарях родоначальник болгарского Национального возрождения Паисий Хилендарский при создании своей эпохальной «Истории славяноболгарской» (1762).

Но по поводу Петра I и болгар заблуждаться не следует — русского самодержца интересовал славянский мир в целом, а не какой-то конкретный славянский народ. Обратим внимание и на то, что труды Цезаря Барония и Мавро Орбини были переведены на русский язык почти через 120 лет после их первой публикации. Кроме того, сведения в них о болгарях относились к глубокой древности². Таким образом, перед нами опять-таки случай значительного хронологического разрыва между прошлым и современностью, дающий возможность знакомства лишь с фактами седой старины, которые зачастую

предстают как фантастические. Можно с уверенностью сказать, что уменьшение этого разрыва и всё большее приближение к текущей болгарской действительности начинается у нас только в XIX столетии. Этот прорыв был связан с активизацией военных действий России на Балканах, с русско-турецкими войнами 1806–1812, 1828–1829, 1853–1856 и 1877–1878 гг., когда русские войска находились в болгарских землях и вступали с населением в непосредственный контакт. Но и тогда, в течение первых трех войн, русские войска занимали лишь небольшие части болгарских земель и находились в них сравнительно недолго. Поэтому сведения, которые русское общество почерпнуло о Болгарии и болгарях во время тогдашних военных действий, весьма отрывочны, нередко носят эмоционально-абстрактный характер или овеяны дымкой славянофильского романтизма.

Ввиду обилия разнообразных русских источников того времени о Болгарии и болгарях мы не сможем остановиться на подробной характеристике каждого из них. Цель работы состоит в попытке классификации тех источников и анализе тех представлений, которые складывались о Болгарии у русских людей, увидевших ее собственными глазами: *о стране и болгарском городе, о болгарском доме и народном быте; о болгарской национальной одежде и народных обычаях, о нравах болгар и их физическом облике.*

Мы не случайно вынесли в заглавие нашей статьи слово «глазами», ибо это сразу же устанавливает границы охвата привлекаемых источников. Сведения о Болгарии и болгарях, как уже говорилось, обнаруживаются в русских источниках XIX в. самого различного рода, но все они с некоторой долей условности могут быть распределены на несколько групп: а) услышанное от других собственными ушами; б) узнанное посредством чужого печатного слова; в) непосредственно увиденное собственными глазами. Мы обращаемся именно к третьей группе источников, поскольку считаем ее наиболее надежной и, самое главное, несущей в себе живое восприятие. Не углубляясь в перечисление, приведем лишь несколько примеров, позволяющих осознать насколько сомнительными или даже неверными бывают порой источники первых двух групп.

Повесть А. С. Пушкина «Кирджали», например, многие литературоведы характеризуют как романтическое сочинение

на болгарскую тему, воспевающее отважного витязя Кирджали, который храбро сражался против турок в повстанческой армии Александра Ипсиланти, а затем был выдан туркам русскими властями. Пушкин услышал историю об этом удалце, находясь в кишиневской ссылке: о нем рассказал ему генерал-майор И. П. Липранди (1790–1880), побывавший на территории Болгарии в период войны 1828–1829 гг. То есть перед нами — типичный относящийся к первой группе случай: услышанное от других собственными ушами. Восторги некоторых литературоведов, наших и болгарских, по поводу этой повести («болгарская тема», «романтика»!)³ способны вызывать недоумение. Болгарская тема в ней действительно заявлена и звучит буквально с первой фразы повести: «Кирджали был родом булгар». Затем читатель узнает лишь то, что в болгарской деревушке недалеко от Килии у литературного героя остались жена и ребенок, но на этом всякая его связь с Болгарией обрывается. Да и сам Кирджали выглядит отнюдь не романтичным, поскольку в повести рассказывается, как он напал на болгарское село, грабил и убивал его жителей: сам резал, а его сообщник арнаут Михайлаки собирал добычу. Фактически перед нами чистокровный разбойник смелый и дерзкий, но разбойник. Ему чужды национально-освободительные идеалы, им движет желание разбогатеть посредством грабежа, и ради этого он готов примкнуть хоть к повстанцам, хоть к туркам, хоть к черту. А. С. Пушкин не строит по данному поводу ни малейших иллюзий, делая вывод, что борьба с турками в отряде Александра Ипсиланти представляла для Кирджали «случай обогатиться за счет турков, а может быть и молдаван...»⁴. Этот разбойник лишен каких-либо национальных черт — его место вполне мог занять молдаванин, румын, валах, серб или представитель другого народа. Недаром некоторые ученые деликатно замечают, что в Кирджали воплотился собирательный образ балканского гайдука.

Кроме того, после прочтения данного произведения А. С. Пушкина у читателя возникает известное недоразумение. Слово «Кирджали» вообще-то не имя — оно служило у болгар для обозначения дезертиров из армии султана, занявшихся мародерством, грабежами и убийствами. Причем употреблено оно во множественном числе, ибо *singulare* (т. е. форма единственного числа) в болгарском языке — «кърджалия». Вероятно,

И. П. Липранди, во время войны 1828–1829 гг. действительно слышал, как болгарские матери пугали своих отлучающихся далеко от дома детей словами «Вот придут кирджали и...» (у нас аналогичным образом пугали в деревнях крестьянки своих детей словами «вот придут цыгане и тебя украдут»). Но не знавший болгарского языка И. П. Липранди, скорее всего, решил, что Кирджали — имя знаменитого разбойника, известное всем болгарам от мала до велика. А. С. Пушкин хотя и пишет, что настоящего имени «кирджали» он не знает, тем не менее употребляет это слово как имя собственное. Во всяком случае читатели именно таким образом его воспринимают.

Примеров такого рода можно привести немало. Исследователей привлекает лишь факт прикосновения гения (или таланта рангом пониже) к теме независимо от того, насколько она правильно поставлена и раскрыта. В знаменитом романе И. С. Тургенева «Накануне», задуманном писателем после начала Крымской войны 1853–1856 гг. и опубликованном в 1859 г.⁵, в сущности, мелькает тень болгарина и болгарского характера. Хотя прототипом литературного героя Инсарова действительно являлся учившийся в России болгарин, студент Николай Катранов, Тургенев лично с ним не встречался и знал о нем только понаслышке. Фактически писатель сконструировал образ Инсарова, столь необходимый в тогдашней «безгеройной» эпохе, посредством художественного воображения, а затем, не представляя, что дальше ему со своим героем делать, быстро его похоронил. Инсаров — не воплощение болгарского национального характера, а опозитизированной идеи «родины и ее свободы», и его образ окружен лишь сиянием данной идеи⁶. Это обобщенный образ цельного человека, готового без остатка посвятить свою жизнь достижению какой-либо великой, благородной цели.

Обобщенность присуща и стихотворению «Болгарка» (1876) поэта Я. П. Полонского. В нем был обрисован образ молодой болгарки, томящейся в турецком гареме и мечтающей отомстить туркам за разорение родного села, убийство своего ребенка и заживо сожженного мужа⁷. Это стихотворение явилось эмоциональным откликом поэта на жесткое подавление болгарского восстания в апреле 1876 г., во время которого турки сожгли 80 и разграбили около 200 болгарских сел, зверски умертвили 30 тыс. мирных жителей, бросили в тюрьмы 12

тыс. болгар, а их жен и сестер обесчестили и отправили в турецкие гаремы⁸. Но ничего конкретного об этом восстании в стихотворении, разумеется, нет; главное — это тоска, чувства и эмоции героини. Но ведь турки творили зверства и в других славянских землях, и в их гаремах томились не только болгарки, но и сербки, и черногорки. И они тосковали по родной стороне и жаждали отмщения за гибель близких и поруганную честь ничуть не меньше болгарок⁹.

Что же касается источников второй группы («узнанное посредством чужого печатного слова»), то ярким ее образцом служит знаменитый труд российского историка Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары...», опубликованной в Москве в 1829 г. Ученый создавал эту книгу, не имея визуального опыта: Болгарию он впервые увидел только после выхода своей книги, причем целью его поездки являлась не только Болгария — перед ним стояли более масштабные научные славистические задачи¹⁰. Здесь я не буду характеризовать огромное значение труда Ю. И. Венелина для дела болгарского Национального возрождения или останавливаться на критике отдельных псевдонаучных утверждений ученого. В данный момент для нас важно то, что он написал упомянутую книгу без какого-либо знакомства с жизнью болгар на их исторической родине. Поэтому, говоря об этом народе, Ю. И. Венелин, как правило, использует информацию, взятую из вторых рук. Так, например, в том месте труда, где ученый пытается дать болгарам характеристику как этносу, он признается, что позаимствовал данные сведения из греческого источника. На поверку же они оказываются весьма поверхностными или неточными. Ю. И. Венелин, например, повторяет мнение греческого автора о том, что болгары обладают высоким ростом и атлетическим телосложением, трудолюбивы и более гостеприимны, чем турки¹¹. Из всех этих характеристик только утверждение о трудолюбии может быть признано верным. Что же касается рослости и атлетизма — крупных и крепких мальчиков турки забирали в янычары. Превосходство же болгарской гостеприимности над турецкой — констатация, не имеющая силы доказательства. И так далее в том же духе.

Таким образом, источники, наподобие венелинского труда, не могли помочь сформировать в русском обществе ясное представление об особенностях современной жизни болгар

и о самом этом народе. Познать Болгарию и болгар можно было лишь единственным способом — побывать на их родине, увидеть их собственными глазами, вступить с ними в контакт. Кратковременное же пребывание на болгарской земле не всегда оказывалась результативным. Так, например, произошло с русским ученым В. Г. Тепляковым, который в 1829 г. совершил археологическую экспедицию в Восточную Болгарию по поручению Одесского музея древностей. Он оставил нам свои «болгарские» письма, изданные затем отдельной книгой¹², из которых видно, что время для близкого знакомства с болгарами было тогда неподходящее. Да и В. Г. Тепляков к нему не особенно стремился, поскольку основной его целью являлся поиск античных и византийских древностей. Поэтому приводимые им сведения о болгарях весьма лапидарны: он отмечает лишь, что они носят круглые барашковые шапки; во всем остальном их одеяние не отличается от турецкого. То есть оно такое же, как у греков или армян¹³.

В книге отсутствуют какие-либо обобщения: так, например, описывая жилище, в котором он остановился, В. Г. Тепляков вскользь упоминает только о выбеленных стенах комнаты и о том, что все окна дома смотрят во двор, не развивая данное сообщение должным образом: читатель гадает, характерно ли это для болгарских жилищ вообще. Впечатления ученого о болгарях представляют собой скорее обнаженные эмоции и выдают желание разделить горе братского славянского народа, страдающего от турок и войны, но без малейшего намерения зафиксировать что-то конкретное, историческое, фактическое. «Но люди, но мирные жители? Боже мой! — восклицает В. Г. Тепляков. — Я уже тысячу раз повторял вам, что их нет, что они исчезли, подобно листьям, развеянным осенними аквилонами. Кое-где только — согбенные нуждой, томимые голодом, бледные, подобно Ларвам древняго Тартара, блуждают толпы Болгар вокруг пепла разоренных лачуг своих или вооруженные с ног до головы, служат правоверным, гяурам и очень часто самим себе... для удовлетворения крайних, животных потребностей человека»¹⁴. Случай с письмами В. Г. Теплякова говорит о том, что далеко не все источники, относящиеся к группе «увиденное собственными глазами», могут представлять интерес для раскрытия нашей темы. Главное — это то, на что были направлены в Болгарии взоры очевидцев и насколько

ко зоркими были их глаза. Так, например, француз А. О. Дюгамель (1801–1880), служивший в русской армии в чине капитана, побывал в Болгарии в период войны 1828–1829 гг.¹⁵ и оставил превосходное описание болгарских северо-восточных и черноморских городков. Он собрал подробные данные о численности их населения, количестве имеющихся в них домов, этническом составе горожан, их промыслах и хозяйственных занятиях, об озерах, реках и климатических условиях тех районов страны, где он сумел побывать¹⁶. Но эта, законченная 31 марта 1830 г., работа относится все-таки к области физической и экономической географии и, несомненно, выполнялась с военными целями. Подобным же образом обстоит дело и с поездкой в болгарские земли в 40-е гг. XIX в. русского ученого В. И. Григоровича, оставившего нам целую книгу о своем путешествии¹⁷. Она, однако, представляет интерес скорее для исследователей, занимающихся славянскими рукописями, поскольку В. И. Григорович основное внимание уделял болгарским монастырям и церквям, в библиотеках которых хранились славянские рукописи.

Возможность близко познакомиться с Болгарией и болгарями по-настоящему представилась огромному числу русских людей только в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Русские войска, как уже отмечалось, бывали в болгарских землях в XIX в. и ранее, в период предыдущих военных кампаний, но находились они там сравнительно недолго. Интерес к Болгарии и болгарскому народу в русском обществе еще не был подогрет и не вылился в создание документальных очерков о национальном быте и характере болгар. Не случайно поэтому, войдя в непосредственный контакт с болгарями на их родине в 1877–1878 гг., русские вынуждены были признать, что они отправились освобождать народ, которого совсем не знают: ни его обычаев, ни повседневного быта, ни особенностей национальной психологии. О незнании русскими болгар еще в 1861 г. свидетельствовал учившийся в России болгарский поэт, писатель и публицист Райко Жинзифов. В письме редактору славянофильской газеты «День» он, в частности, констатировал, что «русский народ не имеет ни малейшею представления о болгарях», он принимает их то за греков, то за турок, то даже за бухарцев¹⁸. Через полтора десятилетия, накануне и после начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в том же

духе высказывался и известный ученый А. Н. Пыпин, давая понять, что ситуация к лучшему не изменилась. В своих очерках он отмечал, что внимание русского общества является «рассеянным» и что подавляющее его большинство знает многие народы, в том числе и болгар, лишь по названию, поэтому во время войны средний русский интеллигент познакомился с болгарами фактически впервые¹⁹.

Нельзя не признать справедливость мнений Р. Жинзифова и А. Н. Пыпина и о незнании русскими болгар, и о той роли, которую сыграла для взаимного знакомства русско-турецкая война 1877–1878 гг. И в самом деле, впервые в истории огромные массы русского народа так углубились в болгарские земли и так долго в них находились. Напомним, что прежде русским войскам удалось перейти Балканский хребет и ступить (но не занять) в южную Болгарию лишь однажды в период военной кампании 1828–1829 гг.²⁰ Теперь же части русской армии дошли до самого Константинополя, пройдя через все заселенные болгарскими землями на юге. Никогда еще на болгарской земле не являлось разом свыше 200 тысяч русских людей²¹, по одному русскому на трех-четыре болгар в той части Болгарии, где разворачивались важнейшие сражения с турками²². И никогда еще боевые действия русских войск на болгарской земле не продолжались непрерывно целых 8 месяцев. Всё это давало нашим солдатам, офицерам, военачальникам, военным корреспондентам, журналистам, медсестрам и другим русским людям, захваченным вихрем войны, увидеть Болгарию и болгар своими глазами, получить непосредственное о них впечатление.

Многие из очевидцев событий оставили нам свои воспоминания, среди которых на первое место можно поставить репортажи и книги замечательных писателей В. И. Немировича-Данченко и В. В. Крестовского²³. Они двигались вместе с русской действующей армией и являлись непосредственными наблюдателями, а порой даже и прямыми участниками военных батальонов. Особый вклад в открытие для нас болгар внес первый профессиональный военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко — создатель трехтомника, в основу которого легли его личные впечатления. В небольшой заметке «От автора» — этом своеобразном предисловии к изданию, писатель специально предупреждал, что он «писал не историю

войны», а рассказ о том, что он «видел и испытал в благородном для нас русском походе»²⁴. Материалы из книг упомянутых писателей будут часто использоваться в данной работе, но она, разумеется, строится не только на них.

В этой связи следует заметить, что суждение Р. Жинзифова и А. Н. Пыпина о «незнании» касается лишь «среднего» русского человека или «среднего» русского интеллигента, которых в природе не существует. Кое-что о Болгарии, национальном быте, обычаях и нравах болгар и о том, как они выглядели, читатель тогда мог в России найти. И наша задача заключается в том, чтобы это «кое-что» отыскать и свести воедино, не соблюдая строго хронологию и последовательность появления «кусочков» знания — наше внимание будет сосредоточено на воссоздании цельности самих «картинок» из болгарской жизни. При этом мы стремимся сохранять живость подобных картинок и не разрушать их художественности для лучшего восприятия современным читателем. Вместе с тем в большинстве случаев этот прием не сводится к «раскавычиванию» чужого художественного текста, а представляет собой сжатый пересказ с передачей художественности изложения.

О стране и болгарском городе. Одним из первых в русской историографии XIX в. свои впечатления о стране оставил нам монах Парфений, прошедший пешком через болгарские земли в 1839 г. на пути к Святой Афонской горе²⁵. По его словам, Болгария есть воистину Божий рай! Зимы здесь почти не бывает. Это чаша изобилия, льющегося через край. Болгарскую землю орошают воды Дуная и текущие сквозь леса и горы малые речки, богатые рыбой. В ней родится много хлеба и плодов, в ней есть много всяких фруктовых деревьев, садов, виноградников и лугов, всякого скота и множество пчел. Большинство деревьев в лесах дают плоды: груши, яблоки, вишню, черешню, различные орехи, кизил; растет здесь и дикий виноград. Но насколько хороша эта страна и насколько христиане здесь «страннолюбивы» (гостеприимны), настолько же они бедны и разорены. Парфений пишет, что во время своего странствия ему мало случалось видеть подобную нищету. Тем не менее далее он снова восклицает: «Воистину благая страна болгарская и блажен народ, в ней живущий!»²⁶

Что же касается болгарских селений, то они сразу производили впечатление на русского человека своим отличием от

европейских. Сотрудник журнала «Современник» Е. П. Южаков, совершивший поездку в болгарские земли в 1858–1859 гг. в качестве представителя московского Славянского комитета, писал, что города здесь являют собой копии турецких, т. е. неряшливые, с грязными, кривыми и узкими улицами. Дома в них разбросаны или, точнее, «посажены без всякого плана и порядка»²⁷. Схожие наблюдения высказал и писатель В. А. Соллогуб, прикомандированный к Главной ставке русского императора Александра II на протяжении пяти месяцев военного 1877 года. Он тоже любовался болгарской природой и оставил нам живописное описание болгарского села Бяла с окружающим его разнообразным ландшафтом. По его словам, сельские окрестности изобилуют густыми лесами, тучными пахотными землями и лугами, среди которых имеются и заливные, образуемые водами реки Янтры в половодье.

Вместе с тем В. А. Соллогуб обратил внимание и на некоторую «неправильность» архитектуры упомянутого селения, в котором лишь одна примыкающая к базару и православной церкви главная улица является «правильной»; все же прочие переулки и закоулки переплетаются «в совершеннейшем беспорядке», создавая впечатление, что не дома «соображаются» с дорогами, а дороги с домами. В. А. Соллогуб также отметил, что в отличие от Европы здесь нет пыли и повсюду имеется вода в цистернах. По его свидетельству, большинство домов в болгарских городах скрыты за каменными заборами, улицы до невозможности узкие и вместе с переулками и закоулками образуют лабиринты, в которых не то что люди, но и сам черт ногу сломит. Тем более что мостовую имеет лишь главная улица, а остальные покрыты грудями развороченного булыжника и плитняка, так что уличный обиход порождает одновременно любопытство и сочувствие своей первобытной наивностью²⁸.

О болгарском доме и народном быте. Более подробные сведения русский читатель мог получить о болгарском доме, и заслуга первого его краткого описания принадлежит всё тому же Е. П. Южакову. Он сообщал, что обстановка в домах болгар очень скромная: обычно в них имеются две комнаты — одна обиходная, служащая кухней, кладовой, рабочим помещением и спальней одновременно, а другая — гостевая, предназначенная исключительно для приема гостей. У богатых болгар вторая комната, как правило, устлана коврами, а подле стен распо-

лагаются диваны или широкие лавки с тюфяками, набитыми верблюжьей или овечьей шерстью, а где победнее — простой соломой. Чаще всего они покрыты белой или цветной материей. Иногда диваны отсутствуют — их заменяют длинные подушки подле стен. Гостям здесь обычно сначала подают кофе, а затем варенье, орехи и пряники. Подносят также кувшинчики с ракией и вином. После трапезы приносят кувшин с теплой водой и тазик с мылом для мытья рук и ополаскивания рта после приема пищи. Е. П. Южаков, по-видимому, ошибочно решил, что мыло используется и для чистки зубов²⁹.

В первой же комнате только в одном из углов постлана соломенная рогожка с несколькими подушками. Повсюду царит чистота, в комнаты входят в чулках, непременно снимая обувь; в них нет ни кадок, ни умывальника с лоханкой, никакой грязи и никакого мусора, как на Руси. На кухне имеются кастрюли, чашки, тарелки и кофейник, в углу — порожний мангал³⁰. В. А. Соллогуб добавлял, что дома горожан сооружены из дерева, выбелены снаружи и изнутри, а крыши их покрыты черепицей. Они имеют форму четырехугольников, один из углов которого остается открытым в виде террасы под навесом, служащим в теплую погоду приемной, столовой и спальней³¹.

Гораздо более обстоятельное описание жилища зажиточного болгарина привел В. В. Крестовский, остановившийся в Свиштове в доме местного «чорбаджии» (от болг. *чорба* ‚похлебка‘. — *И. К.*), т. е. состоятельного человека Вылко Поварджиева. По свидетельству писателя, этот стоявший во дворе за высокой стеной дом был чрезвычайно красивым и удобным. Его каменный фундамент был глубоко врыт в землю и образовывал первый этаж без окон, в который вела одна только дверь с несколькими ступенями вниз. В жаркое время там постоянно поддерживается прохлада, в нем имеется также лаз в погреб, где хранятся вина, живность и разные припасы. Везде поддерживаются чистота и порядок, то же самое наблюдается и во дворе с изящным садиком. Женщины проводят почти всё время дома: занимаются рукоделием, вышивают чулки и платки, полотенца и бархатные курточки-«арнаутки». В полдень, когда возвращается хозяин, семья с молитвой приступает к трапезе, все собираются в тесный кружок, поджав под себя ноги или на корточках рассаживаясь вокруг небольшого столика, называемого «маса» или «ниска софра». В обед подают куриный суп

или чорбу, плов, жареную баранину или паприкаж — баранье рагу с луком и паприкой. Вечером семья переходит в верхнюю половину дома.

Во всех домах есть большая и светлая прихожая, где снимают башмаки и туфли. Ноги обязательно следует вытереть о половик — пропустить эту процедуру считается неприличным. Из прихожей ведут двери в несколько комнат, которые не всегда имеют сообщение между собой. В боковых горницах помещаются отдельные члены семейства, но спальное помещение всегда одно для мужа и жены. Вход туда заказан не только посторонним, но и другим членам семьи. Одна или две комнаты предназначены для гостей. В них идеально чисто, и туда никогда не входят в обуви, только в чулках. В одной из таких комнат наружная стена представляет собой сплошной ряд мелко застекленных рам, иногда имеется четырехугольный либо полукруглый балкон-фонарь, комната обставлена широкими оттоманками или узкими диванчиками по периметру. Спинками им служат подушки. На обивку используют восточные ткани с великолепными узорами и разноцветное сукно, вышитое шелками в виде фантастических цветов и арабесок. Перед диванчиками находятся низенькие восточные столики изящной работы, инкрустированные перламутром, черепашей или слоновой костью, черным, ореховым или палисандровым деревом³².

Обилие таких домов в Болгарии вызывало настоящий шок у переправившихся через Дунай русских солдат. Они ожидали встретить в поработанной турками стране людей нагих и босых, без крова и пищи, убогие поля и вытопанные нивы, цепи и эшафоты, а увидели вдруг тучные нивы, плодоносные виноградники, зажиточных крестьян. Русские офицеры приходили в недоумение: как это они — нищие, с солдатами, набранными в голодных недоимочных деревнях, явились сюда «спасать от угнетения страну, где самый бедный мужик побогаче самого богатого нашего мироеда»³³. А жаждали ли болгары своего спасения? И земли у них много, и культура земледелия несравненно выше русской, и оно так разумно устроено, что знаменитый народник Глеб Успенский стал колоть глаза русскому «нестроению» болгарским благоустройством. Но разве стоило торопиться с выводом о том, что все болгарские «братушки»³⁴ процветают и являются настоящими богачами по сравнению

с русскими крестьянами? У того же В. В. Крестовского имеется описание и другого, типичного для Придунавья, болгарского жилища.

«Трудно представить себе, — пишет В. В. Крестовский, — что-нибудь хуже, непригляднее и неудобнее здешних хат-землянок. Какая-нибудь литовская курная изба в сравнении с ними является верхом комфорта и даже изящества — это не преувеличение»³⁵. По его словам, чтобы попасть в такую «кешту»³⁶, надо было спуститься по грязным крутым ступенькам и отворить низкую дверь, которую в России найдешь лишь в каком-нибудь убогом свином хлеву. Внутренность землянки выглядит еще ужаснее: потемки, липкая грязь на земляном полу, вонь от находящихся здесь же волов или буйволов на навозной подстилке, скудная утварь на полках, состоящая из медного котла и пары-тройки глиняных кувшинов и стольких же мисок. Очаг расположен в углу справа от входа прямо на земле; дым выходит в широкую, прямую трубу, сверху ничем не прикрытую; у основания ее висит медный казан для варки «чорбы» — обычно бобовой похлебки со стручковым перцем. Других печей, по его наблюдению, здесь нет. Более зажиточные болгары готовят на глиняной или железной жаровне, «мангале», в которой непрерывно поддерживается огонь и по несколько раз в день пекутся вместо хлеба кукурузные лепешки. Делается это самым первобытным способом — зарыванием сырого теста в золу.

Мясо болгары едят крайне редко, разве что на Рождество или на Пасху, в будни же довольствуются упомянутыми кукурузными лепешками и красным стручковым перцем. Последний в Болгарии является любимым лакомством всех от мала до велика. Вилки и ложки здесь не в ходу: болгары едят прямо руками, обмакивая в жижу куски хлеба, заменяющие им ложки. Потолок в землянках отсутствует, кровлю образуют грубые стропила, покрытые кукурузными стеблями, присыпанными землей. Подобная кровля — излюбленное место обитания скорпионов, мышей, крыс, змей и myriad насекомых, от которых спасения нет. Мебели нет никакой — ни стола, ни скамейки. Вся жизнь протекает на грязном, склизком полу, хотя самые зажиточные из придунайских болгар располагают большой камышовой подстилкой, которую на ночь придвигают к очагу и укладываются на ней спать всей семьей вповалку. Спят болгары

не раздеваясь, или раздеваются крайне редко и почти никогда не моются — разве что перед каким-нибудь большим праздником³⁷. В землянке обычно грязно и неопрятно. Вонь источают главным образом смердящие бараньи и воловьши шкуры, развешенные для просушки. Она исходит также из кладовки — маленького смежного помещения, где хранятся разные кадушки, плетенки с запасами, лишняя одежда и высушенные шкуры. В вони виноваты, разумеется, не припасы, а нечто иное: наружу из кладовки на уровне земли, как правило, пробито отверстие — окон со стеклами здесь не знают, — через которое внутрь летит пыль, сочится дождевая вода или жидкая грязь и проникают ужасные миазмы, ибо домочадцы справляют большую и малую нужду снаружи прямо перед этим отверстием³⁸.

Комментарии здесь, как говорится, излишни. По существу, перед нами иной полюс болгарской жизни, увиденный русскими глазами. Описание землянки — типичного крестьянского жилища придунайских болгар — и их бытового уклада резко контрастирует с тем представлением, которое мы только что приобрели, знакомясь с устройством дома Вылко Поварджијева. С одной стороны красота, уют, комфорт, чистота, довольство жизнью, а с другой — убожество, грязь, беспросветная нищета, способная соперничать с нищетой и самых бедных русских крестьян того времени.

О болгарской национальной одежде и народных обычаях. Смутное представление русских о болгарском национальном костюме было обязано во многом тому обстоятельству, что в повседневном быту болгары не носили нарядные национальные одежды, облачаясь в них только по большим праздникам. Кроме того, испытывая постоянное угнетение со стороны турок, они старались ничем не привлекать взглядов насильников и выглядеть как можно неприметнее, подлаживаясь под чужой стиль жизни. Такое мнение сложилось у В. Г. Теплякова (см. выше), и позднее его разделил Е. П. Южаков, писавший, что болгары по одежде ничем не отличаются от турок: те же самые шаровары, куртки, чулки и башмаки, те же самые фески или даже чалма. По его выводу, болгар можно отличить только по лицу, поскольку они бреют бороды, оставляя только усы — у турок же это делают лишь военные³⁹.

Мимолетное представление о национальной одежде болгар можно было получить во время посещения Всероссийской эт-

нографической выставки, организованной в 1867 г. в Москве⁴⁰. На ней имелось Славянское отделение, посвященное не только славянам восточным, но также славянам южным и западным. К сожалению, болгарская его часть оказалась крайне скромной и само болгарское представительство очень невыразительным. Среди 62 делегатов из славянских стран был только один болгарин — врач и просветитель Иван Богоров. Для сравнения упомянем, что сербов на выставке присутствовало 28 человек. Небогатой была и болгарская экспозиция: всего несколько народных музыкальных инструментов (в числе которых на обозрение выставили «гайду» — балканскую волынку, «кавал» — большую длинную свирель и «тамбуру» — тамбурин), часть женской верхней одежды «кастик», обычно надеваемый в холодную погоду, и две фигуры болгарина и болгарки, облаченные в национальные костюмы из Тырновской области⁴¹. Хотя фигуры были выполнены очень удачно, с сохранением этнических черт болгар, населяющих данный регион страны⁴², болгарская экспозиция значительно проигрывала по богатству экспозиции соседним разделам, черногорскому и особенно словенскому — в последнем была представлена многофигурная сцена словенской свадьбы.

На бедность болгарского раздела обратил внимание П. Лавровский, откликнувшийся на Этнографическую выставку публикацией статьи в издании «Современная летопись». Он с огорчением писал следующее: «Пожелали бы мы и большей представительности Болгар: два выставленные манекена придуманных Болгарина и Болгарки крайне недостаточны для полной характеристики того близкого нам по многому, трудолюбивого, кроткого поколения славянского»⁴³. Следует принимать во внимание и другое: несмотря на то что названия всех частей облачения мужской и женской фигур этого раздела были добросовестно перечислены устроителями выставки и лица манекенов сохранили портретное сходство, поскольку выполнялись по фотографиям, это все-таки были макеты, дающие слабое представление о полнокровной жизни южных славян. По мысли выступавшего на открытии Этнографической выставки протоиерея И. Л. Сергиевского, эти манекены и экспозиция есть всего лишь «немые образы» славянского мира, нуждающиеся в оживлении, осуществить которое возможно лишь через присутствие представителей самих славянских народов⁴⁴.

В период освободительной войны 1877–1878 гг. краткие словесные зарисовки мужских болгарских костюмов выполнил В. А. Соллогуб. По его наблюдению, они напоминают турецкие и малороссийские: болгары носят широкие, сужающиеся к туфлям шаровары, расшитые куртки с широкими кушаками, в которых прекрасно может помещаться различное оружие; вместе с тем шелковые шапочки на их головах имеют уже не турецкий, а скорее малороссийский вид⁴⁵. Более точен, наблюдателен и профессионален в этом плане В. В. Крестовский, описавший встречу русских войск болгарами в Свиштове. По его словам, зажиточные болгарки в тот день облачились как на праздник. Волосы у них были заплетены в две косы, перевязаны цветной лентой на спине и скрыты под легким платком. У девушек, в отличие от замужних женщин и вдов, принято украшать волосы букетиками живых цветов. Они были облачены в короткие, отороченные дорогим мехом душегрейки, щегольски сшитые из желтого, пунцового, зеленого и лилового шелка. На шее они обычно носят мониста из старинных золотых и серебряных монет, а талии стягивают широкими, расшитыми поясами с двумя массивными рельефными серебряными пряжками. Вороты и рукава их тонких белых сорочек украшены разноцветными вышивками, напоминающими малороссийские. Шерстяные юбки переходят в узорчатые чулки, а ноги обуты в узенькие туфли. Такой наряд придает болгарским девушкам особую миловидность, мгновенно исчезающую при облачении их в современное европейское платье⁴⁶.

Что же касается мужского наряда, то он состоит из высокой барашковой шапки, темно-коричневой или темно-лиловой куртки, прошитой спереди и украшенной на спине и по рукавам шнурами и тесьмой. Грудь и живот стянуты широким синим, зеленым или красным поясом, за который обычно заштынуты пара кремниевых пистолетов и кривой ятаган. Ноги покрыты широкими, одного цвета с курткой суконными шароварами, которые постепенно сужаются, обтягивая ноги ниже коленей; обувью же служат башмаки, слегка прикрытые шароварными раструбами. Пожилые состоятельные мужчины поверх такого облачения накидывают чем-то похожий на рясу широкий длинный суконный кафтан, отороченный лисьим мехом⁴⁷.

Большое впечатление на русских производили увиденные ими болгарские обряды, связанные с важнейшими событиями в жизни человека, такие, например, как обручение, свадьба и похороны. Описание этих обрядов встречаются в публикациях Е. П. Южакова и В. В. Крестовского. По свидетельству первого из них, во время обручения (по-гречески «армасение») обряд начинается со сбора парней в доме жениха, где они угощаются вином, пуская чашу по кругу. Затем отец жениха отправляется к будущему свату в сопровождении женатых мужчин — холостым участие категорически возбраняется. В случае обнаружения такого факта холостяка ждет неминуемый позор и надевание на шею ослиного седла. При входе в комнату свата гости со стороны жениха располагаются в четыре ряда отдельно от гостей со стороны невесты и вместе с ними поют обрядовые обручальные песни. После этого, как сообщает Е. П. Южаков, появляется невеста, которой на вид не более тринадцати лет. Она окружена подружками с полотенцами. Медленно отвесив три низких церемониальных поклона, невеста целует руку отцу жениха, накидывает ему на плечо расшитое золотом и шелком полотенце и снова целует ему руку. После этого она обходит всех гостей, одаривая их подарками. Гости же начали поздравлять сватов — одного с будущим сыном, другого с будущей дочерью и обмениваются подарками. Невеста принимается угощать гостей вином, проделывая ту же самую процедуру целования рук. Причем при возвращении винной чаши гости вкладывают в руку невесты деньги — кто сколько смог. Вслед за этим происходит трапеза, во время которой подаренные полотенца находятся у гостей на плечах. Они не снимают их и во время возвращения в дом жениха, которое сопровождается теперь игрой музыкантов, песнями и плясками. Жених по обычаю не может находиться в одной комнате с невестой до самой свадьбы. В продолжение всей этой церемонии он не покидает дома, и позднее ему не разрешается обмениваться с невестой ни одним словом. Отца и его сопровождающих встречают в родном доме шумным ликованием и криками «ура», будто посланцы сумели одержать победу и завоевать ценную добычу. Это составляет резкий контраст по сравнению с тем, когда процессия направляется в дом невесты: все идет молча, тихо и скромно, а назад возвращаются с песнями и танцами⁴⁸.

Еще интереснее, по описанию Е. П. Южакова, выглядел болгарский свадебный обряд. Действо началось с появления невесты в сопровождении ведущих ее под руки подружек, потому что сама она ничего не видела из-за сплошь покрывающей ее белой чадры. Приблизившись к толпе, невеста медленно отвесила ей три низких, до самой земли, поклона. В правой руке она держала расшитое по краям полотенце, прикладывавшееся к виску при очередном поклоне. На голове у нее виднелось некое сооружение, напоминающее кивер около двух вершков высотой. Оно завершалось разветвленной на концах палочкой — это единственно, что не было покрыто чадрой. На груди у невесты по восточному обычаю висело монисто со старинными монетами и большой серебряный круг. Множество косичек позади также были украшены мелкими монетами. Из-под невестиного платья выглядывали широкие шаровары и расшитые шелком и золотом красные туфли. Отвесив три поклона, невеста вошла в церковь, где ее уже ожидал жених. Молодые приблизились к низенькому столу с лежащим на красном шелковом платке Евангелием. По его сторонам стояли четыре священника — дьяконов здесь нет. Обряд венчания во всем подходил на российский, но, когда священники повели молодых вокруг стола, народ стал осыпать их зернами пшеницы и мелкими монетками — «паричками», составляющими треть русской копейки серебром.

По окончании венчания близкие жениха и невесты подходили к напрестольному Евангелию и прикладывались к венцам молодых. Эти венцы обычно хранятся у паши и получить их для венчания возможно только после «бакшиша» паше и лишь при наличии записки от архиерея с разрешением на брак. По окончании венчания жених отправился домой в одиночестве, а невесту, лицо которой всё еще оставалось закрытым чадрой, за руки вывел из храма свекор. Выйдя наружу, невеста снова троекратно низко поклонилась народу, а свекор усадил ее на лошадь с мужским седлом, которую повел под уздцы к дому. Людская толпа в это время продолжала осыпать ее деньгами. Болгары рассказывали, что в прежние времена девушка подходила к церковному колодцу и после церемониальных поклонов во все стороны сыпала в него зерна пшеницы. Когда процессия приблизилась к дому, молодая, оставаясь на лошади, поздоровалась со свекром, свекровью, деверями и

золовками. К ней подвели маленьких брата и сестру жениха, и она подняла детей по очереди к себе на колени, поцеловала их, потеряла своим нагрудным серебряным кругом и одарила под конец конфетами. Только потом свекор снял ее с лошади и завел в дом.

Жених так и не показался, а невесту, окруженную женщинами, усадили в закрытый занавесом передний угол, который в течение всей процедуры здесь называли «божиком». Мужская половина гостей располагалась в другом углу. Жених, выйдя из своей комнаты, начал обходить гостей с чашей в правой руке, целуя им руки и поднося их после поцелуя к своему лбу. Целование совершалось дважды — до вручения женихом гостям чаши вина и после ее возвращения ими. Затем гости стали расходиться, так и не выпив за здоровье молодых. Что же касается молодой, то чадру с себя она снимает только на следующий день вечером, когда ее после обеда передают наконец мужу⁴⁹. В. В. Крестовский к этому добавлял, что жених всегда выбирает себе невесту сам, но женится на ней только с согласия родителей. После помолвки он задаривает родственников невесты и лично заботится о подвенечном наряде для своей избранницы. Важным атрибутом свадьбы, по словам писателя, является приготовление в доме будущих молодых свадебных караваев. Муку для них просеивают сквозь три сита, причем в верхние кладутся обручальные кольца: у невесты кольцо жениха, а у того — невесты. В доме жениха во время обряда играют музыканты; в доме невесты всё совершается молча. Самый большой из жениховых караваев намазывают медом, поэтому весь этот обряд называют «медевиком» или «меденицей». Каравай приносят в лучшую горницу дома, водружают на покрытый салфеткой стол, ставят поверх него чашу с вином, в которую погружают кольцо невесты. После чего приготовлявшие каравай девушки водят хороводы «коло», а затем девушка-«дружка» вынимает кольцо из чаши и выплескивает вино на четыре стороны. В доме невесты чаша с вином в обряде не используется.

Накануне свадьбы в доме жениха в присутствии мужчин, приглашаемых на свадьбу, совершается бритье бороды у виновника будущего торжества, посаженного отца, шаферов и других почетных лиц. Затем посаженная мать в сопровождении подружек невесты отправляется в дом последней на церемониальный прием. Это настоящее торжественное шествие, кото-

рое обычно возглавляют музыканты, за ними следуют шаферы с подвенечным нарядом и юнаки с подносами и корытцами, полными подарков для родственников невесты. При приближении народа к дому невесты мать и подружки выводят ее на встречу и приглашают гостей во двор, где расположен стол с угощением и рукоделие невесты, предназначенное в подарок суженому. Вокруг стола начинает кружиться «коло», составленное из юнаков и девушек, а шаферы в это время потчуют гостей вином. После чего процессия столь же торжественно возвращается с подарками в дом жениха. Сам он появляется в доме невесты утром в день свадьбы. Туда же молодецватые парни и шаферы приводят посаженных отца и мать с приготовленными ими обрядовыми вещами. Это шелковые платки, кладущиеся под ноги молодых при венчании, и полотенце, которым жениху и невесте связывают руки. Посажены родители собирают с родственников обеих сторон «бакшиш» молодым на жизнь в первое время, а затем жених и невеста, взявшись за руки, направляются во главе толпы в храм⁵⁰.

Во время венчания, когда молодых обводят вокруг аналая, в них со всех сторон начинают бросать различные лакомства — орехи, пряники, конфеты и подсолнухи, подбираемые наперегонки с веселым шумом и гамом проворной ребятней. Выход молодых из церкви сопровождается музыкой и выстрелами из ружей и пистолетов, берущихся взаймы у турок с разрешения местного турецкого управника «каймакама». Разумеется, за известный «бакшиш», поскольку болгарам запрещено иметь огнестрельное оружие. При приближении процессии к дому молодые родственники жениха и невесты требуют с них символическую плату «бакшиш» за вход. Затем новобрачных усаживают на почетное место и начинается угощение, в процессе которого им дают подержать у себя на руках двух младенцев: молодому — мальчика, а молодой — девочку. Любопытно и то, что, по обычаю, родственники новобрачной в этот день не должны обедать в доме жениха — они удаляются домой для приготовления приданого. После обеда наступает время для танцев, в которых молодая участия не принимает — она лишь изредка выходит на балкон, чтобы окинуть танцующих благосклонным взором. Затем шафер и гости отправляются за приданым в дом новобрачной, где ее сестра-девушка в шутку начинает требовать выкуп за каждую вещь, называя ее цену. От-

крывается веселый торг с различными прибаутками, завершающийся приглашением «продавщицы» присоединиться к гостям и пойти в дом жениха.

Родственников новобрачной по традиции приглашают туда на обильный ужин, но без ее родителей. В продолжение трапезы старшая родственница невесты раздает подарки всем присутствующим — обычно это полотенца, шарфики, платки и прочее. Получившие подарки обязаны ответить подарком, кладя в ответ на поднос деньги. Молодые при этой процедуре, как правило, не присутствуют. По окончании ужина гости и родственники расходятся по домам, а посаженные отец и мать вводят молодых в брачную спальню. Необычным является запрет для молодых ночевать в собственном доме в первую брачную субботу. По поверьям, она считается «мертвым днем», и поэтому чете новобрачных следует вечером перед наступлением субботы идти ночевать к близким родственникам. В случае нарушения запрета молодоженам грозит скорая смерть. Таким же образом поступают и родители в случае смерти перворожденного ребенка. В день его погребения они также не должны ночевать дома во избежание преждевременной смерти своих последующих детей⁵¹.

О непременно почти для всех болгарских праздников танце «коло» или «хоро» впервые рассказал Е. П. Южак. По его словам, на главной сельской площади «мегдане» во время гуляния девушки образовывали свой круг с песнями и визгом, который раздавался по завершении каждой песни. Такой же хоровод составили отдельно парни, но они водили его намного быстрее. Между двумя хороводами передвигались музыканты с волынкой, которая представляла собой огромный мех из верблюжьей или буйволовой кожи с двумя деревянными трубками-отростками: один с отверстиями, в которые дул музыкант, а другой гудел «октавою в один тон», причем «преотвратительно». Поблизости от этих кругов парни устроили состязание в прыжках по-славянски, проходившее следующим образом. Стремительно разбежавшись, парень совершал на одной ноге три огромных прыжка, стараясь приземлиться в конце не ближе предварительно сделанной отметки. Успешную попытку сопровождало громкое «ура» зрителей, и парень снова становился в очередь — потерпевшего же неудачу парня толпа награждала насмешками, и он сконфуженно отходил в сторо-

ну. Сначала отметка делается на расстоянии двадцати шагов, затем тридцати и так далее, пока не останется единственный участник-победитель⁵².

Производило впечатление на русских и то, как болгары хоронят своих усопших. Во главе процессии, согласно описанию В. В. Крестовского, шествовали мальчуганы, несшие крест и рипиды вместе со священником и церковными служками. Они передвигались нестройно, спотыкаясь и награждая друг друга тумаками. Шествие сопровождалось детским пением с довольно однообразным мотивом, состоявшим всего лишь из двух-трех нот. Рулады же взрослых своей гнусавостью и переходами неприятно поражали непривычное ухо иноземцев. Покойника несли на носилках, гроб отсутствовал — тело было покрыто парчой. У могилы священнику подавали чашу с вином и маслом, которыми он крестообразно поливал свежерытую могилу, а затем на полотенцах в нее опускали тело усопшего и засыпали его вровень с землей. После этого могилу окуривали ладаном, брызгали на нее красным вином и ставили в голове фонарь с иконкой и свечой. Огонь в фонаре должен был поддерживаться в течение трех дней. Здесь же у могилы происходили и поминки: мать почившего раздавала присутствующим куски белого хлеба⁵³.

О нравах болгар и их физическом облике. Особенно поражала русских чистота и простота болгарских народных нравов. В них не было места лицемерию, привычки усложнять и двусмысленности, как в тогдашней Европе и России. Им были чужды подлость, трусливость или низкопоклонство, но одновременно эти нравы несли на себе печать осторожности, появившуюся в результате многовекового турецкого ига. Семейная жизнь болгар, по словам В. В. Крестовского, отличается целомудрием, опрятностью, набожностью, бережливостью и трудолюбием. Быт болгарской семьи патриархален и строг. Отец — безусловный глава семьи, так же как и муж — глава жены. Жена обязана соотносить свои вкусы и желания с желаниями и вкусами мужа, что не приводит, однако, к тому, что у русских называют «самодурством». Муж к жене преисполнен тихой мягкости и деликатности, она подчиняется ему не из страха перед его кулаками, а следуя укоренившимся обычаям. Здесь невозможно услышать о падении замужней женщины. Болгария, считал В. В. Крестовский, «чуть ли не единственный

уголок во всей Европе, где семейная нравственность сохранилась в такой неприкосновенной чистоте»⁵⁴. Впрочем, писатель отдавал себе отчет в том, что семейная жизнь малознакомого народа, тем более столь долго жившего бок о бок с турками, по-восточному скрыта от посторонних глаз.

В адрес болгарок русские писатели высказывали немало и других лестных слов. В сравнении с нашими женщинами они выглядели не только гораздо более скромными и целомудренными (о чем свидетельствовало их искреннее возмущение той легкостью отношений, которые завязывались между мужчинами и женщинами во время войны), у них было множество иных положительных качеств. Болгарские женщины вызывали симпатию, хотя образ их жизни представлялся несколько однообразным и скучным из-за их прикованности к домашнему очагу и отсутствия иных интересов. По словам очевидцев, болгарские женщины все дни проводят за работой по дому, приготовлением пищи и рукоделием. Вместе женщины собираются только в банях, которые, как и везде на Востоке, служат в Болгарии своеобразными клубами. Женщины пользуются дома большим уважением на деле, а не на словах, причем муж подчиняется жене в вопросах домашнего хозяйства. Ссор между мужем и женой практически не бывает. В. В. Крестовский писал, что ни разу не слышал в болгарском доме ругани. В общении болгарская женщина уступчива, тиха и молчалива. Разговор она ведет, потупив взгляд, что, однако, является не признаком жеманства, а проявлением стеснительности при беседе с посторонним. Вместе с тем она проявляет замечательный такт и умение правильно общаться независимо от того, встретила она с посторонним мужчиной в обществе или наедине. Она ведет себя всегда одинаково, просто и доверчиво протянет вам руку, будет разговаривать без всякого смущения как с добрым старым другом. Так что у вас не возникнет желания делать ей какие-либо двусмысленные намеки⁵⁵.

Гораздо меньше сведений приводится очевидцами о физическом облике болгар. Е. П. Южаков писал, что болгарские мужчины очень живы, воинственны и красивы. Они обладают высоким ростом, стройностью и все черноволосы⁵⁶. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. болгарские ополченцы и проводники поражали русских командиров своей выносливостью, совершая без усталости огромные переходы по 50 верст,

не уменьшая при этом ни широты шага, ни его равномерности⁵⁷.

В отношении же болгарских женщин отмечалось, что их телосложение выдает породу. Они очень миловидны, стройны, несколько поджары. В их улыбке и взгляде читается приветливость и радушие, а в прекрасных глазах нередко видна затаённая печаль, выдающая скрытое в душе горе, словно в них вдруг мелькнет воспоминание о чем-то роковом и ужасном. Как и все восточные женщины, болгарки быстро стареют: в 25 лет они выглядят под сорок, и перерождение семнадцатилетней красавицы в пожилую особу совершается невероятно стремительно, причем оно происходит не по причине непосильного домашнего труда, а из-за скверной привычки втирать в кожу свинцовые белила и обильно, почти пластами, накладывать на щеки румяна. Болгарки Загорья обычно носят челки до бровей, оставляя всю прочую растительность виться вольными кудрями по плечам⁵⁸.

Таким образом, главным итогом знакомства русских с болгарками в XIX столетии (до освободительной войны на Балканах 1877–1878 гг. и во время нее) было приобретение непосредственных представлений о населяемой болгарками стране, типичном болгарском городе, городском и сельском жилище, о народных обычаях болгар, их нравах и физическом облике. Внимание русского общества по отношению к болгарам перестало быть «рассеянным», и в русском сознании они оформились как целостный, занимающий свое место в мире славянский народ. Что же касается национального характера болгар и сути их отношения к русским, то они остались тогда загадкой, вызывая противоречивые толкования. В. И. Немирович-Данченко справедливо писал, что грохот войны, отчаяние, ненависть и озлобление не давали возможности пристально всмотреться в болгарский народ, и получилось так, «что болгар мы освободили, а узнать их не узнали...»⁵⁹. На этом можно поставить точку, добавив лишь, что национальный характер болгар и их отношение к русским — тема очень серьёзная, деликатная, требующая отдельного рассмотрения. И что при анализе «отношения» не следует забывать об изменчивости последнего, ведь и наше восприятие болгар гоже не оставалось застывшим и менялось с течением времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полные названия книг: [*Бароний Цезарь*]. Деяния церковная и гражданская от Рождества Господа нашего Иисуса Христа из летописаний кесаря Барония собраная, переведеная с полскаго языка на славенский, кроме явных с Церковию православною восточною противностей римских у Барония и Скарги обретающихся, повелением же Его Царского пресветлаго величества всероссийскаго Петра Перваго напечатаная в царствующем граде Москве, первое: лета 1719; [*Мавро Орбини*]. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского и их Царей и Владетелей под многими именами и со многими Царствиями, Королевствами и Провинциями. Собрана из многих книг исторических через Господина Мавроурбина, Архимандрита Рагужского, в которой описуется початие, и дела всех народов, бывших языка Славенскаго, и единого отечества, хотя ныне во многих царствах розсеялися... Переведена с италианскаго на российской язык и напечатана повелением Петра Великаго, императора и самодержца Всеросийскаго и протчая, и протчая, и протчая. [Со статьей Феофана Прокоповича «Разсмотрение сея повести» в конце книги.— И. К.]. СПб., 1722.

² Данные сочинения этих авторов были изданы на латинском и итальянском языках в Риме и Пезаре в начале XVII в. (См.: *Cesar Baronius. Annales ecclesiastici a Cristo nato ad annume 1198. Roma, 1588–1607; Mauro Orbini. Il regno degli slavi hoggi corrotamente detti Schavoni. Pesar, 1601*), и уже само название первого труда предупреждает читателя, что обзор истории дается автором только до конца XII в.; что же касается Мавро Орбини, то он рассматривает в своей книге историю славян преимущественно до конца XIV — середины XV в., т. е. до завоевания славянского юга турками.

³ См., например: *Георгиев Е.* Български образи в славянски литература. София, 1969. С. 29–34.

⁴ Впервые повесть «Кирджали» была опубликована в «Библиотеке для чтения». СПб., 1834. Т. 7. Кн. 12. См.: *Пушкин А. С.* Полное собрание художественных произведений. РАН. Пушкинская комиссия, СПб., 1999. С. 536–539. На болгарский язык она была переведена М. Грековым — другом героя национально-освободительной борьбы Васи́ла Левского и издана Л. Каравеловым в №№ 14–15 от 19 и 27 января 1874 г. газете «Независимость». См.: *Стойчев И.* За първите преводи на «Кърджали» от А. Пушкин и М. Чайковски // Годишник на Български библиографски институт «Елин Пелин». Т. 6. София, 1956–1957. С. 185–192.

⁵ Тургенев завершил написание романа «Накануне» 25 октября 1859 г. в Спасском. См.: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Т. 8. М.:Л., 1964. С. 494.

⁶ *Бочева М.* Велик романист // Тургенев И. С. Дворянско гнездо. В навечерието. М., 1979. С. 10.

⁷ *Полонский Я. П.* Стихотворения. 1841–1885. Т. 1. СПб., 1885. С. 410–411.

⁸ Болгаро-российские общественно-политические связи. 50–70-е годы XIX в. Кишинев, 1986. С. 155.

⁹ Таким же эмоциональным, но лишенным какой-либо конкретной информации о болгарях, было в XIX в. большинство стихотворений на болгарскую тему и других русских поэтов (В. И. Головина (1835–1892), Л. Н. Трефолева (1839–1905), А. В. Круглова (1853–1915), М. В. Ватсон (1853–1932) и др.). Они являлись главным образом откликами на освободительную войну 1877–1878 гг. См. основательную подборку русских литературных материалов, опубликованных в сборнике под научной редакцией В. М. Хевролиной: Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX — начала XX вв. М., 2003. С. 202–210, 236–240, 331–332, 350–352.

¹⁰ *Венедиктов Г. К.* О путешествии Ю. И. Венелина в Болгарию // Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831) / Публ. подгот. Г. К. Венедиктовым. М., 2005. С. 5–6.

¹¹ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении. Т. 1–2. М., 1829. С. 16.

¹² *Тепляков В. Г.* Письма из Болгарии (Писаны во время кампании 1829 года). М., 1833.

¹³ Там же. С. 33–34.

¹⁴ Там же. С. 207.

¹⁵ Позднее он перешел на дипломатическую службу, а затем был назначен генерал-губернатором Западной Сибири.

¹⁶ См.: *Никитин С. А.* Описание экономического состояния Юго-Восточной части Болгарии в 30-х годах XIX в. // Славянское Возрождение. М., 1966. С. 162–203.

¹⁷ *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Казань, 1848.

¹⁸ *Жинзифов Р.* Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору // *Жинзифов Р.* Публицистика: в 2 т. София, 1964 Т. 1. С. 34.

¹⁹ *Пьтин А. Н.* Старая и новая Болгария // Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX — начала XX вв. С. 191, 193.

²⁰ Во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. русская армия овладела за Дунаем северо-восточными турецкими крепостями Силистра, Свиштов, Плевен, Шумен и Руцук (Русе), но успех не был развит из-за начавшейся войны с Наполеоном. См.: *Виноградов В. Н.* «Странная» русско-турецкая война (1806–1813) и Бухарестский мир // Балканские исследования. Вып. 18. М., 1997. С. 188. В период

же Крымской войны 1853–1856 гг. успех русских войск в болгарских землях ограничился переправой через Дунай и осадой Силистры в мае-июне 1854 г. См.: *Дубравин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб., 1900.

²¹ Действующая Дунайская армия насчитывала более 260 тысяч человек (См.: *Ачкасов В. И., Барбасов А. П., Виноградов В. И., Митев Й., Ростунов И. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 69), однако следует учитывать, что в ее составе находились не только русские, но и представители других населявших Российскую империю народов: украинцы, финны и др.

²² См.: Руски пътеписи за българските земи XVII – XIX век / Съставителство, предговор, коментар и бележки на М. Н. Кожухарова. София, 1986. С. 168. Приведенная здесь цифра из расчетов Ю. И. Венелина (750 тыс. болгар в Болгарии), конечно же, не отражала численности всех болгар на Балканах, включая Македонию и Фракию, но вполне соответствовала их числу, находившемуся на театре военных действий в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Исходя из этого, можно заключить, что общее соотношение болгар и русских в этом ареале составляло тогда приблизительно 3:1.

²³ Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) — поэт, прозаик, журналист. Участвовал в боях под Плевной, Шипкой и Шейново, был награжден за храбрость двумя солдатскими Георгиевскими крестами. Оставил после себя не только многочисленные военные репортажи об освободительной войне 1877–1878 гг., но и посвященные ей романы и рассказы; Всеволод Владимирович Крестовский (1839–1895) — писатель, журналист, оставивший после себя богатое литературное наследие, среди которого важное место занимают произведения с описанием быта и нравов обитателей Петербурга: роман «Петербургские трущобы», описание типов петербуржцев и др. Во время освободительной войны 1877–1878 гг. был прикомандирован к штабу Действующей армии, участвовал в штурме Плевны, был награжден за отвагу орденами Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV степени. Публиковал свои статьи и репортажи о войне в газете «Правительственный вестник» и журнале «Русский вестник».

²⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русскою корреспондента). 1877–1878. Т. I. СПб., 1878. С. 1.

²⁵ *Парфений монах [Агеев Петр]*. См.: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения в четырех частях. Ч. 2. М., 1855. С. 46.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии // Современник. Т. 84. № 11. СПб., 1860. С. 200.

²⁸ *Соллогуб В. А.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878. С. 16.

²⁹ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 200.

³⁰ Там же.

³¹ *Соллогуб В. А.* Дневник... С. 37–38.

³² *Крестовский В. В.* Собрание сочинений. Т. 5. Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах. СПб., 1879. С. 163.

³³ *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления / 2-е изд. СПб., 1907. С. 5–6.

³⁴ «Братушка» — так стали любовно называть друг друга болгары и русские солдаты.

³⁵ Здесь и далее см.: *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 423–424.

³⁶ «Кешта» — искаженное болг. «къща» / «кышта», т. е. «дом».

³⁷ В. В. Крестовский в этом вопросе явно заблуждался. Болгары спали одетыми по причине тревожного военного времени, боясь внезапных контрнаступлений турок и поджогов ими своих домов. Правильно оценил ситуацию с «нераздеванием» русский ротмистр В. В. Воейков, оставивший нам свои воспоминания. См.: *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878. Записки участника. М., 1900. С. 111. Что же касается «редкого мытья болгар», то и здесь В. В. Крестовский не смог распознать лукавство «братушек». Почти все оставившие нам свои впечатления русские участники освободительной войны 1877–1878 г. отмечали любовь болгар к чистоте. «Немытье», без сомнения, было преднамеренным, чтобы турки не останавливались в домах на постой и не насиловали болгарских женщин. Аналогичным образом поступали во время Второй мировой войны в оккупации русские женщины, девушки и девочки, мазавшие себе лицо и руки грязью и сажей.

³⁸ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 424.

³⁹ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 200.

⁴⁰ *Чуркина И. В.* Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // Славянский альманах 2007. М., 2008. С. 79–108.

⁴¹ Этнографическая выставка 1867 г. императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии // Известия Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. 29. М., 1878. №№ 62–63; С. 55, 60, 63.

⁴² Таковы были правила и инструкции для художников по изготовлению манекенов. См.: Всероссийская этнографическая выставка, устроенная императорским Обществом Любителей Естествознания при Московском университете в 1867 г. М., 1867. С. 11.

⁴³ *Лавровский П.* Впечатления, вынесенные из обзора Русской Этнографической выставки в Москве // «Современная Летопись» 1867, 28 мая. № 19. С. 5.

⁴⁴ Всероссийская этнографическая выставка... С. 27.

⁴⁵ *Соллогуб В. А.* Дневник... С. 40.

⁴⁶ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 161.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 216–218.

⁴⁹ Там же. С. 204–205.

⁵⁰ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 68–69.

⁵¹ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 216.

⁵² Там же.

⁵³ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 169–170.

⁵⁴ Там же. С. 166.

⁵⁵ *Немирович-Данченко В. И.* После войны. Очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии. СПб., 1880. С. 237–238; *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 166.

⁵⁶ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 203. Южаков, как и греческий историк, слова которого о «высоком росте» болгар повторил Ю. И. Венелин, строили свои наблюдения на восприятии болгарского населения Вардарской Македонии, действительно, имевшего рост выше среднего. Основная же часть болгар, обитавшая в северных и восточных районах страны, имела рост средний, Сошлемся здесь на свидетельства Й. Раича (См.: *Раич Й.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов... СПб., 1795. С. 316).

⁵⁷ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 464.

⁵⁸ *Соллогуб В. А.* Дневник... С. 39–40; *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев... С. 461

⁵⁹ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 2.

РУССКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ОТНОШЕНИИ БОЛГАР И БОЛГАРИИ НАКАНУНЕ ЕЕ СВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТУРОК (ОЧЕРК О СТРАНЕ Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ)

До освобождения Болгарии от османского ига в 1878 г. сведения о ней и болгарях как народе русские читатели могли почерпнуть из самых разнообразных источников XIX в. Я не стану утомлять вас их обзором по причине их многочисленности. Это то, что мы обычно называем «историографией», в которой русские оригинальные или переводные источники в целом можно разделить на исторические, географические, этнографические, экономические, художественные и визуальные. Деление это весьма условное, потому что в художественной и мемуарной литературе, например, можно обнаружить одновременно и географические, и этнографические, и экономические сведения. То же самое можно сказать и о картинах русских художников, бесспорно относящихся к источникам визуального ряда. Главная особенность разнообразных источников того времени — их хронологическая и тематическая разрозненность. Вряд ли кому-либо из русских людей могла прийти в голову сумасбродная идея отправиться в отечественные библиотеки и архивы для того, чтобы составить целостное представление о Болгарии, изучив всё в них имеющееся о данной стране. Это касалось не только наших рядовых любознательных обывателей, но и российских ученых. Каждый из исследователей обычно действовал избирательно, руководствуясь своими профессиональными интересами. Историк уделял свое основное внимание историческим источникам, географ интересовался знаниями и сведениями о Болгарии географического характера, этнограф — описаниями верований и обычаев болгарского населения, экономист — вопросами болгарской экономики. Логическим продолжением и этапом в познании русским обществом Болгарии и болгар яв-

лялось создание стереотипного представления об этой стране и ее обитателях. Неизбежно должен был появиться некий русский подвижник по составлению компендиума сведений о Болгарии, интересных каждому русскому человеку. В него следовало включить краткие, наиболее запоминающиеся сведения по истории болгар, об их быте и нравах, роде занятий, доселе нам неизвестных, и т. п. Такое мог совершить либо ученый-болгарист, обладающий особой легкостью пера, либо даровитый писатель с энциклопедическим складом ума. История избрала второе, явив нам замечательную подвижницу Елизавету Николаевну Водовозову (1844–1923). Она прожила долгую яркую жизнь, оставив нам в наследство солидное количество написанных ею художественных произведений для взрослых и детей, а также ценные научные труды по школьному и дошкольному воспитанию¹. Главным делом ее жизни стал фундаментальный трехтомный труд о жизни европейских народов, многократно издававшийся как целиком, так и в виде выборочных разделов о народах и странах. Они выходили из печати в серии «Как люди на белом свете живут».

Для славистов в этих изданиях представляют интерес разделы о чехах, поляках, сербах, черногорцах, болгарях и боснийцах. Первое издание труда с разделом о Болгарии вышло в Санкт-Петербурге в 1875 г. в канун освобождения страны от османского ига под названием «Жизнь европейских народов. Географические рассказы Е. Н. Водовозовой. Т. 1 Жители юга». При подготовке раздела о Болгарии писательница проделала огромную работу по поиску сведений об описываемой ею стране. Судя по приведенной в книге библиографии, Е. Н. Водовозова тщательно проштудировала важнейшие работы таких российских и зарубежных ученых и писателей, как Ю. И. Венелин², Л. Каравелов³, Е. П. Южаков⁴, Г. Лежан⁵, Х. К. Даскалов⁶ и многих других авторов*. Здесь важно отметить следующее. Еще до написания своего замечательного труда о жизни европейских народов, работа над которым продолжалась с 1875 по 1883 г., писательница объездила много стран Западной Европы: Бельгию, Германию, Англию, Швейцарию,

* Приводимая Е. Н. Водовозовой библиография весьма беглая, нередко без указаний инициалов авторов, томов изданий, номеров выпусков и т. д. Мы восстанавливаем их ради удобства исследователей и читателей.

Францию. Однако каких-либо свидетельств о ее поездке на Балканы и в Болгарию нет. Это и не удивительно, потому что Е. Н. Водовозова путешествовала по указанным западноевропейским странам с целью ознакомления с системой современного школьного образования, а Балканы с этой точки зрения не могли представлять для нее интереса. Тем ценнее то, что на основании данных, почерпнутых у других авторов, Е. Н. Водовозова сумела создать столь живой, увлекательный рассказ о Болгарии: ее истории, природе и климате, характере живущего на этих землях болгарского народа, его занятиях, религиозных верованиях и обычаях, национальных костюмах, семейном укладе и развлечениях. Ее болгарский компендиум стал основным сводом знаний для русских читателей вплоть до 1917 г. и даже позднее, поскольку трехтомник Е. Н. Водовозовой после большевистского переворота продолжал жить в российских публичных и домашних библиотеках. Данный компендиум был поистине массовым чтивом о Болгарии для русских людей, поскольку в составе трехтомника или по отдельности он издавался до конца XIX в. через каждые пять лет.

В данной небольшой статье, разумеется, нет возможности затронуть все упомянутые аспекты рассматриваемого нами очерка о Болгарии. Отметим, только, что он был разбит писательницей на 4 раздела: 1) Прошлая судьба болгар. Фанариоты и их влияние. Ненависть всех славян к фанариотам. Положение народа и его отношение к туркам (с. 81–90); 2) Гайдуки, ненависть к туркам. Сама природа способствует распространению разбойничества. Вид Балканских гор. Пастухи и болгарские поверья (с. 90–92); 3) Помаки, их нравы и обычаи. Павликиане. Семейный быт болгар. Болгарка, ее одежда и характер. Занятия болгар и праздники (с. 93–98); 4) Свадебные обряды и пиршества (с. 99–101).

В начале первого раздела очерчиваются границы расселения болгарского этноса. Здесь указывается, что болгары помимо собственно Болгарии между Дунаем и Балканами живут также во Фракии, Македонии и Фессалии до самого побережья Средиземного моря и встречаются в Эпире, Малой Азии, в Придунайских княжествах и Новороссийском крае. Главными болгарскими городами являются Охрид в Албании (sic!), Водина или древняя Эдесса в Македонии, Филиппополь, или Филибе (по-славянски Пловдив), София, или Средец, а в собс-

твенно Болгарии — крепости Шумла (Шумен) и Терново (Тырново). Болгария — горная страна, но, тем не менее, является одной из самых плодороднейших стран Европы. Здесь произрастают в изобилии все характерные для умеренного климата продукты. Чернозем имеется практически везде — его можно встретить даже на вершинах гор, а сами горы покрыты лесами, в которых полно вишневых и сливовых деревьев и орешников, толстых, как русские дубы. В изобилии здесь и высокогорные луга, тучные пастбища, на которых пасется огромное количество крупного рогатого скота и отары овец. В горах встречается золотой и серебряный песок.

Общая численность болгар, по приводимым Е. Н. Водозовой сведениям, составляет 6 млн. человек. Эти данные были почерпнуты писательницей из сочинения Х. К. Даскалова⁷. Болгары, по ее словам, обитают рядом с турками и влахами (куцовлахами) — соплеменниками современных румын, отличающимися, правда, от них по языку. На юго-западе они живут бок обок с албанцами, на западе с сербами, на северо-востоке с татарами⁸ и русскими раскольниками-некрасовцами⁹. В больших городах живет много турок. Большинство болгар — православные, но есть и католики, называемые павликианами. По причине того, что болгары оказались смешанными с окружающими их народами, они восприняли от них много черт быта, особенности одежды, верований и обычаев, в том числе и от злейших своих врагов — греков и турок. Вследствие этого еще шестьдесят лет назад встречавшие болгар путешественники принимали их за некое татарское племя, которое непонятно почему говорит на каком-то испорченном славянском наречии. Для русских было странно, что в Турции во множестве мест имеются православные люди, говорящие на языке, напоминающем церковнославянский. Но в целом «болгары долго оставались забыты всем миром» и «ими интересовались менее, чем каким-нибудь диким австралийским племенем».

Между тем у болгар в прошлом имелась славная история, в IX — XI вв. Болгария являлась сильным государством со своими царями, которые постепенно вводили при своем дворе роскошь, блеск и церемонии соседних византийцев. Их влияние было сильным, но «болгары обнаружили сильное стремление к самобытности своей церкви, что они всегда проявляли, когда жизнь становилась немного лучше». Так, в первой полови-

не X в. они поставили своего патриарха, однако в XI столетии болгарское царство пало и превратилось в одну из провинций Византийской империи. Но болгары постоянно поднимали восстания и через полтора века возродили болгарское царство, которое в XIII в. «возвысилось до небывалого прежде могущества». Византийский император искал у болгар помощи и стремился породниться с болгарским царем, что помогло тому восстановить самостоятельное патриаршество в новой болгарской столице Тырнове. Однако это государство не имело прочных основ, стало слабеть и попало под влияние своих соседей и несколько лет зависело даже от татар, а потом подчинилось сильным в то время сербам. А в 1392 г. почти без всякого сопротивления было покорено турками.

После этого у болгар осталось лишь духовенство, которое пользовалось в народе любовью, поскольку не давало угаснуть народной любви к своей несчастной родине, стремлению к самостоятельности и поддерживало в людях воинственный дух. Некоторые болгарские города освобождались от турок и, платя им дань, жили по своим законам. Но турки покорили в 1453 г. Константинополь и отвели в нем грекам особое место, где раньше сбрасывали нечистоты — фанар или фенаед (турецкое слово, означающее «нечистое место». Не будем подробно пересказывать содержание той части очерка, в которой говорится о национальной истории болгар. Они достаточно хорошо известны занимающимся Болгарией историкам.

Более интересны пассажи писательницы о физическом облике болгарских мужчин и женщин и национального характера народа. «Собственно болгарского типа, — пишет Е. Н. Водозова, — не существует, и внешний вид народа чрезвычайно разнообразен». По ее словам, в Болгарии чаще всего попадают люди крепкого мускулистого сложения, они, как правило, худощавы — толстяки среди них встречаются редко. Самые высокие и стройные болгары живут близ Дуная и в окрестностях Софии. Волосы у них обычно темные, но на севере можно видеть и блондинов.

Одновременно писательница отмечает, что наряду со славянским типом носа в Болгарии встречаются носы и орлиные. Нередко можно видеть и широкие, похожие на турецкие лица — скуластые, с небольшими носами. Есть в болгарских землях, по ее свидетельству, и характерный цыганский тип с

густой гривой черных волос, черными глазами, густыми черными бровями и бронзовым цветом кожи. Нередко попадаются лица, выдающие недюжинный ум. Что же касается женщин, то они среднего роста, широкоплечие, с тяжелой походкой. Лица у них скорее выразительные, чем красивые. Многие носят длинные волосы, сплошь покрывающие спину. После замужества болгарские женщины к 25 годам утрачивают свою красоту, чаще всего из-за тяжелой физической работы. Они редко вмешиваются в разговоры мужчин и не интересуются политическими проблемами. Дома болгарка — царица, она прекрасная мать и жена. Ее трудолюбие не знает предела. Она изготавливает одежду для членов семьи и ведет всё домашнее хозяйство, не останавливаясь ни на минуту: то чистит у колодца домашнюю утварь, то стирает белье, то красит ткани, то готовит обед, то сидит за прялкой, шитьем или штопкой, то кормит ребенка. То она доит корову или козу, то помогает мужу в строительстве дома, замазывая щели глиной, или белит стены, что является ее прямой обязанностью. И так каждый Божий день.

Меткими штрихами очерчивает Е. Н. Водовозова болгарский национальный характер. По ее словам, внешне болгарин производит впечатление человека спокойного, но при более близком знакомстве с ним легко заметить, что под наружным спокойствием таится страстный темпераментный характер, в высшей степени вспыльчивый. Когда болгарин раздражен, с его губ срываются резкие слова и выражения, но в спокойном состоянии он не любит употреблять бранных слов, в отличие от серба, который считается величайшим ругателем. У болгар нет военного тщеславия, как у черногорцев. Поле и жена для болгарина — это всё, к чему стремится его душа. Способность болгар к труду почти безгранична. Презируемый и угнетаемый во время турецкого ига, болгарин привык все сосредотачивать на семье, поскольку в ней среди домочадцев он чувствовал себя человеком. Болгарин ищет счастье в семейной жизни, и ее однообразие вырабатывает в нем рассудительность, предупредительность, заботливость, бережливость, скромность и простоту. Но эта же однообразность наряду с этими качествами способствует появлению и весьма непривлекательных черт болгарского характера: бережливость переходит в чрезмерную скупость или даже неудержимое стремление к наживе, а излишняя осторожность — в хитрость. Он грубоват и недовер-

чив по натуре, отличается большой наблюдательностью и понятливостью, умением быстро схватывать суть дела...

Очень важным дополнением к рассказу Е. Н. Водовозовой о Болгарии и болгарях являлась для читателей и визуальная информация. Уже в первом издании очерка 1875 г. между 98-й и 99-й страницей была помещена репродукция рисунка В. Васнецова под названием «Сбор винограда». Эта иллюстрация контрастировала со следующим затем в разделе «Черногория» изображением воинственного черногорца, с ног до головы увешанного оружием. От посвященного Болгарии васнецовского рисунка и изображенного на нем одного из любимых болгарскими крестьянами занятий веет миролюбием и спокойствием мирной жизни. Сбор винограда обычно происходит в конце лета — начале осени, когда трудные полевые работы и жатва уже позади, и приближается относительно беззаботная зима с ее многочисленными праздниками, хоровами и посиделками. Поэтому изображенные на рисунке В. В. Васнецова три сборщицы винограда выглядят столь празднично, без косынок с распущенными косами и венками из виноградных лоз на головах. Запястья их рук украшены браслетами, на шеях — ожерелья из кораллов и мониста, а также бусы, рубахи обшиты красными и синими галунами и радуют глаз, а от пояса книзу вышивкой, белоснежные юбки спереди и сзади прикрыты фартуками, причем передний — гладкий разноцветный, а задний — со сборками.

Несмотря на то, что картина дает ощущение спокойствия, она отнюдь не статична — все три женщины изображены в различных положениях. Лишь одна из сборщиц занимается своим непосредственным делом — срывает виноградные кисти и складывает их в корзину, а вторая, видимо, решив на минутку передохнуть, стоит опершись на заступ, третья же, сидя на земле, баюкает расплакавшегося ребенка. В их изображении присутствует динамика, которой противопоставляется статичная, почти портретная поза болгарского крестьянина, застывшего перед зрителем будто в оцепенении. Он облачен в типичную для болгарского крестьянина одежду: на голове у него высокая меховая шапка «калпак», поверх рубахи накинута украшенная вышивкой жилетка, на талии — широченный многослойный тканевый пояс «потури» с заткнутым за него ножом в ножнах. Далее следуют «потури» — сужающиеся книзу брюки, а ноги обуты в «цырвули»

(или «опинцы») — кожаные лапти с портянками, перетянутыми узкими ремешками. В руках у крестьянина «тояга» — пастуший посох с крюком на верхнем конце. Здесь же на веревочном поводе рядом со своим хозяином изображен вол. Желая подчеркнуть гористость ландшафта Болгарии, В. Васнецов изображает на заднем фоне заснеженные горы, да и сам виноградник расположен не где-нибудь в долине, а на горном склоне.

В заключение скажем, что созданный в 1875 г. русский стереотип восприятия Болгарии и болгар с течением времени обогащался новыми впечатлениями и наблюдениями над жизнью родственного славянского народа. Это можно установить анализируя, как трансформировались очерки Е. Н. Водовозовой о Болгарии от издания к изданию. Всего, как я уже отмечал, до 1917 г. ее труд целиком или в виде отдельных очерков издавался многократно. Но мы не станем здесь детально рассматривать текстологическую историю его публикаций. Поделимся лишь кратко своими наблюдениями над пятью изданиями целостного труда «Жизнь европейских народов с 1875 по 1897 г. Сравнение в них текстов очерка о Болгарии показывает, что добавления вносились практически почти во все разделы. Это касается даже иллюстраций. Если в первом издании 1875 г. был помещен лишь один «болгарский» рисунок В. Васнецова «Сбор винограда», то в 5-м издании были добавлены еще два рисунка того же художника: «Сбор роз» и «Хоро». Наибольшие изменения касались разделов болгарской истории. Писательница внимательно наблюдала за тем, что происходит в политической жизни страны после освобождения турок и пыталась осознать специфику складывающихся общественных отношений. К сожалению, ее выводы здесь не всегда приятны для нас, в отличие от всего остального. По словам Е. Н. Водовозовой, болгарская интеллигенция делится на партии, враждующие между собой. Среди них постоянно ведутся споры, возникают дразги, распускаются сплетни, плетутся интриги, возводится клевета друг на друга. Всё это производит на свежего человека крайне удручающее впечатление. По этому поводу она пишет следующее: «Трудно даже представить себе, чтобы человек, во всех отношениях совершенно порядочный, мог в такой степени, как здесь, в минуту раздражения против своего врага возвести на него самые небывалые преступления, подкапываться под его честь и доброе имя, распускать о нем отвратительные слухи».

И далее: «... в периоды подъема политических страстей болгары обнаруживают полный недостаток правдивости и великую склонность всё перевернуть и преувеличить». По ее мнению, у громадного большинства болгар убеждения не стойкие и не глубокие, при назначении новых министров и правителей они быстро меняют свои взгляды. Как видим, в русских стереотипных представлениях о Болгарии и болгарях присутствует не только сладкий мед, но и острая горчица. Но в жизни так оно и бывает, и в спектре Божьего света есть не только розовый цвет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Биографию и сведения о трудах Е. Н. Водовозовой см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М., 1992. С. 455–456.

² *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении... Т. 1–2. М., 1829, 1841.

³ *Каравелов Л.* Страницы из книги страданий болгарского племени. Повести и рассказы. М., 1868.

⁴ *Южаков Е. П.* Месяц в Болгарии // Современник. Т. 84. СПб., 1860.

⁵ *Лежан Г.* Этнография Европейской Турции. СПб., 1868.

⁶ *Даскалов Х. К.* Возрождение Болгар или их реакция в Европейской Турции // Русская беседа. 1858. Кн. 10. Ч. 1. Смесь. С. 1–65.

⁷ Там же. С. 2. Примечание 1.

⁸ Крымские татары начали массово селиться в подвластных турецкому султану землях еще в XVII в. (к концу указанного столетия в Добрудже имелось 200 населенных ими сел). В XVIII — XIX вв. после завоевания Крыма и русско-турецких войн северную Болгарию накрыли мощные волны татарских переселенцев. Последний и самый мощный исход крымских татар пришелся на весну-лето 1860 г., когда в болгарские земли их переселилось около 200 тыс. См.: *Макарова И. Ф.* // Российские диаспоры как элемент этнодемографической карты Дунайского вилайета (60-е годы XIX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. Кн. 1. М., 2013. С. 236–239. Эти факты были хорошо известны современникам Е. Н. Водовозовой, поэтому она не объясняет читателям, откуда в северной Болгарии взялись татары.

⁹ Старообрядцы-некрасовцы получили свое название по имени казачьего атамана Игната Некрасова, их переселение происходило в 1740-е и в 1770-е — начале 1780 гг. См.: *Пригарин А. А.* Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII — XIX вв. Одесса–Измаил–М., 2010.

БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЖЕНЩИН XIX в. (МЕМОАРЫ МЕДСЕСТРЫ С. А. КЁНИГ И ВРАЧА Н. Г. ДРАГНЕВИЧ)

Исторические источники, в которых присутствует взгляд русских женщин XIX в. на Болгарию и болгар, можно пересчитать на пальцах. Их малочисленность объясняется тем, что большую часть упомянутого века славянские земли на Балканах находились под иноземным гнетом и были мало подходящими для женских путешествий. На славянском юге в то время появлялись исключительно русские мужчины, главным образом в ходе военных кампаний, а война, как известно, не женское занятие. Свидетельства о Болгарии и болгарях русских женщин до середины 70-х гг. XIX в. практически отсутствуют. Это вызвано тем, что наши санитарки не были задействованы в русских военных походах на Балканы в 1806–1812, 1828–1829 и 1853–1856 гг. Лишь во время последней из указанных войн русские власти с 1854 г. пошли на некоторое послабление и позволили отправить в Крым 120 сестер милосердия петербургской Крестовоздвиженской общины. Официальное право работать в качестве сестер милосердия непосредственно на театре военных действий, русские женщины получили, только начиная с русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Поэтому искать какие-либо женские письма или дневники с упоминаниями о Болгарии и болгарях, датируемые более ранним временем, просто бессмысленно.

В действующую армию на Балканский и Кавказский турецкий фронты было отправлено около полутора тысяч сестер милосердия. Их миссии придавалось важное морально-этическое значение: все уезжавшие из Петербурга в Действующую армию русские женщины получали аудиенцию у государыни императрицы, которая напутствовала каждую из них добрыми

словами, призывая их честно и добросовестно относиться к возложенным на себя обязанностям. Для их проводов на вокзалы приходили толпы знакомых и родственников, благословляя на подвиг своих дочерей, сестер и невест, спешащих на помощь жертвам войны. Провожающие не расходились до того момента, пока полностью не скрывался из виду очередной поезд, уносящий молодых русских женщин в полную неизвестность, могущую обернуться для них безвременной смертью. Все сестры милосердия были облачены в одинаковую одежду: серые или коричневые платья с полосатым фартуком из бумажной ткани и таким же красным нагрудным крестом, на голове повязка, поверх платья — серые пальто с капюшоном. В эту «экипировку» входила и серая дорожная сумка с набором необходимых вещей, купленных, как и всё остальное, за счет общества попечения больных и раненых¹.

Многие из сестер милосердия происходили из благородных семейств, были потомственными дворянками, занимали заметное положение в обществе. Чего стоит одна лишь баронесса Юлия Вревская — блистательная женщина, ставшая, после того умер от ран ее муж, фрейлиной императрицы Марии Александровны. Она объехала с ней многие известные европейские курорты, познакомилась с В. Гюго и Ф. Листом, поддерживала контакты с поэтом Я. Полонским и художниками В. В. Верещагиным и И. К. Айвазовским. Особенно теплые отношения сложились у Ю. Вревской с И. С. Тургеневым, с которым она состояла в личной переписке. Баронесса была прекрасно образованна, обладала живым умом и прекрасным литературным стилем и поэтому смогла бы оставить нам свои тонкие наблюдения о болгарях и Болгарии после окончания русско-турецкой войны, на которую она поехала добровольно в качестве сестры милосердия. Но Юлия Вревская не дожидая до этого счастливого момента: она умерла от сыпного тифа еще в период военных действий и похоронена неподалеку от болгарского города Бяла в северо-восточной Болгарии. Подобно ей, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на болгарской земле скончались от ран и болезней многие другие русские сестры милосердия². Об этом нам напоминает название одного из центральных парков Софии — «Докторский» (или по-болгарски «Докторска градина»). Его прозвали так из-за находящегося там памятника русским медицинским работ-

никам, отдавшим свои жизни за свободу Болгарии. В перечне фамилий на монументе присутствует немало и женских. Видимо, многие из погибших русских сестер милосердия, останься они в живых, смогли бы подарить нам воспоминания об освобождении Болгарии от турок, о самой стране и о населяющих ее болгарях. Но не пришлось.

В целом текущие воспоминания о Болгарии и болгарях писать им было просто некогда. Через палатки полевых госпиталей и лазаретов проходили бесконечные вереницы стонущих, искалеченных солдат, не хватало лекарств, коек, бинтов. Относительно мала была и численность медицинского персонала: врачей и сестер милосердия катастрофически не хватало, они работали бесперебойно, валясь с ног от усталости и хронического недосыпания. Им было не до того, чтобы писать дневники и письма с наблюдениями о стране и болгарях. Если русские офицеры могли взяться за перо, когда их подразделения временно выводили в резерв для отдыха или на зимние квартиры, то лазареты и госпитали не знали передышки. Если прекращался поток раненых — сразу увеличивалось число больных лихорадкой, дизентерией или даже чумой. Поэтому воспоминания русских женщин появлялись, как правило, через много лет после войны.

В сравнении с воспоминаниями русских мужчин они поражают своей необычностью. Взгляд женщины часто останавливается на том, на что мужчина просто не обратит внимания, женщина может побывать там, куда противоположному полу вход заказан. Это подтверждают, например, мемуары о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. сестры милосердия Софьи Александровны Кёниг³. Она была вдовой майора и отправилась на войну в Болгарию по своей инициативе вместе со 101-м пехотным Пермским полком, в котором служил ее покойный муж. Благодаря обращению к императору Александру II она получила высочайшее разрешение остаться на фронте в качестве сестры милосердия и находилась в болгарских землях до самого окончания военных действий. «Воспоминания» вышли много лет спустя во время уже другой, Первой мировой войны и были посвящены, по словам автора, «дорогим пермцам» в надежде, что кто-то из них еще жив и вспомнит добрым словом ее — оставшуюся на белом свете одну как перст. Несмотря на сетования С. А. Кёниг по поводу того, что многое уже позабылось,

и на худость своего пера, воспоминания ее получились очень живыми и словесно изящными. Они свидетельствуют не только о цепкости памяти мемуаристки, но и о наличии у нее большого художественного вкуса.

Для подтверждения второго можно привести описание автором живописной местности в русле речки Златарицы, протекающей в горном ущелье на фоне величественных покрытых снегом балканских гор. Спутник С. А. сравнил их со швейцарскими Альпами, но было здесь, по ее словам, и нечто другое: особые мимолетные состояния природы и солнечного света, которые могут больше никогда не повториться. Прогуливаясь как-то с командиром полка, они обратили внимание на то, что белые вершины гор при заходе солнца покрылись розовой дымкой. Картина эта, пишет Кёниг, была чудная! И далее: «Казалось, лес своею бархатной бахромой окаймлял розовое облако, легкое, как газ, а огромные деревья как будто были укреплены на нем на фоне. Эта картина была достойна кисти великаго художника, но ни один из них не мог бы передать на полотне величие, очарование блеск и красоту ея, когда природа снежные горы одевает в розовый газ. Я моим несмелым пером не берусь передать.... Но вот картина скоро изменилась, снег переменил цвет на голубой, потух золотистый отблеск. И серья сумерки стали заволакивать, а из вида терялись контуры. Не раз еще гуляли мы при заходе солнца, но чудная картина не повторялась больше»⁴.

К упомянутым достоинствам стиля С. А. Кёниг следует добавить и ее способность улавливать в единичном типичное или замечать в нем нечто обобщенно-символичное. Чего стоит, например, ее этюдный набросок, в котором показан полковой батюшка, несущий на марше ружье выбившегося из сил молоденького русского солдата. И читатель делает вывод: вера укрепляет дрогнувшую руку особенно, если эта война за веру. Или в эпизоде с пересечением русскими солдатами знаменитой Долины Роз, когда кусты роз, словно протестуя против непрошенного вторжения, цеплялись за шинели и сапоги пехотинцев и впивались своими колючками в ноги лошадей кавалеристов. Они будто мстили за небрежное отношение к ним наших солдат, попиравших их при переходе и сокрушавших усеянные шипами стебли тяжелыми ружейными прикладами. Розы словно хотели приостановить саму войну, независимо от

того, кто и против кого воюет. Подобные неожиданные сравнения возникают и при описании Кёниг по пути к Тырнову прекрасной долины со струящейся серебристой рекой Янтрой и тучными лугами с пасущимися на них овцами. Софья Александровна заметила и кружащихся над овечьими отарами стаи орлов, высматривавших добычу, и то, как один орел внезапно камнем упал вниз и после недолгой борьбы взмыл в воздух с ягненком в когтях. Ощущение покоя, умиротворенности и восхищение красотой природы сменились у нее размышлением о совсем другом. Она подумала о том, как часто вся наша жизнь, молодость, любовь и надежда на счастье не ведают о существовании злого рока, который способен подвергнуть нас судьбоносному испытанию, принести быструю смерть и разом развеять все наши радужные мечты⁵.

Если проанализировать приведенные в мемуарах факты, можно сделать вывод, что С. А. Кёниг — сильная, незаурядная женщина с ясной жизненной позицией и твердыми нравственными принципами. Как и подобает сестре милосердия, она готова с рвением защищать раненых турок от грубого обращения русских солдат или расправы над ними ожесточившихся местных болгар. «Раненый, обессиленный, страдающий от боли турок уже нам не враг — он заслуживает сострадания и милосердия», — говорит она потенциальным обидчикам турок в полевом госпитале. А на упреки в сочувствии к врагу она отвечает, что долг сестер милосердия заключается именно в милосердии, с которым они обязаны относиться ко всем раненым и больным независимо от их веры, национальности или принадлежности к той или иной воюющей стороне⁶. Бескорыстность ее служения святому долгу на святой войне доказывает и тот факт, что, получив вместе с разрешением командования остаться на фронте и нежданное единовременное пособие от наследника цесаревича Александра Александровича в 300 рублей серебром, Кёниг почти все эти деньги тратит на помощь нашим вечно полуголодным и полураздетым солдатам. В то же время она отказывается послать докладную записку о награждении ее каким-либо орденом, как ей стали советовать выдававшие деньги офицеры. «Да Вам после такого облагодетельствования наше командование любую награду выдаст!» — хором твердили они. Но услышали в ответ гордые, достойные слова: «Награду не

просят — ее заслуживают! Заслужу — сами представят и при- шлют!»

В мемуарах Кёниг интересными являются и те их места, которые вряд ли бы смог написать мужчина. Говоря о пересечении Долины Роз, она не преминула упомянуть о том, что ей рассказывали об этом райском уголке земли женщины г. Сливена. Они поведали о том, как летом по обоим берегам р. Тунджи начинают повсюду цвести розы, как воздух наполняется их божественным ароматом и женщины выходят для сбора лепестков в своих лучших праздничных одеждах, потому что работа эта считается священнодействием. Потому что розовое масло из Казанлыка, где его вырабатывают, расходуется по всей Европе для варки мира и ценится на вес золота. Розовая эссенция входит в состав почти всех духов, ее добавляют в воду восточные красавицы, умывающиеся по утрам, и точно такую же ароматную воду Кёниг приносили каждое утро болгарки, в домах которых она временно становилась на постой. По словам мемуаристки, у нее и поныне хранится маленький, отделанный золотом флакончик с розовым маслом, которое она рискнула употребить только в Великую пятницу страстей Господних для плащаницы. А наши солдаты, находившие розовое масло в покинутых турками домах, использовали его совсем по другому назначению. Они смазывали им свои грязные сапоги, и поэтому при переходе долины Тунджи кустарники роз царапали солдатам руки и цеплялись за их шинели в отместку за поругание своей вековой славы и чести⁷.

Только в женских мемуарах, пожалуй, можно натолкнуться и на описание женской бани и того, как протекает банная процедура у болгарских женщин. С. А. Кёниг попала в женскую баню в г. Тырнове благодаря приглашению хозяйки дома, в который ее определили на постой. Согласно этому описанию, баня состояла из двух помещений — почивальни и помывочной. Первая из них представляла собой большую комнату, посреди которой располагались полки типа столешниц в несколько ярусов почти до потолка. На них в разных позах сидели и лежали закутанные в белые лохматые простыни молодые, красивые отдыхающие женщины. Они лакомились различными восточными сладостями и вели между собой неспешные разговоры. Их наружность говорила о принадлежности к высшему слою болгарского общества, что подтвердилось, когда хо-

зайка начала представлять их Кёниг. Второе помещение было гораздо просторнее предыдущего, и всё в нем было сделано из мрамора: пол, неглубокие ниши с вделанными в них скамейками, бронзовыми кранами и раковинами для воды под ними. Здесь же находилась банщица в переднике, на руки которой были надеты специальные перчатки для разминания и очищения кожи и тела. Сама процедура мытья заняла около часа, после чего был полностью очищен верхний слой кожи, а сама она сделалась гладкой как атлас. Процедура завершалась омовением в бассейне, достаточно глубоком, чтобы в нем можно было поплавать. Счет, переданный Кёниг на следующий день, не показался ей особенно большим.

Среди бытовой неприглядности, нестроения и хаоса войны женский взгляд автора, естественно, привлекают редкие не затронутые военным смерчем очаги уюта. Таким предстал перед ее взором «конак» — резиденция паши в Тырнове. Она увидела тщательно ухоженный сад с кустами роз и бархатистой зеленью наподобие миртовых растений, увитые виноградной лозой красивые деревянные решетки над мраморными площадками, узорчатые вертикальные мраморные плиты с множеством трубок и водой, падающей из них в мраморную чашу и затем разбегающейся по мелким водяным отводам для напояния влагой сухой земли вокруг кустов роз и работок. Ее поразили широкие двустворчатые двери дома и ведущая наверх роскошная мраморная лестница с бронзовыми перилами, а также деревянные куполообразные потолки с изумительной тонкой резьбой, покрывающей, как кремовое кружево, лазоревый свод купола. Под стать потолку были и стены, сплошь покрытые резьбой и живописью, изображавшей цветы и фрукты. Роскошь усиливали идущие по периметру стен широкие диваны, обитые толстой шелковой материей. По углам диванов лежали подушки, а на полу — циновки. Некоторые окна тянулись во всю ширину стен и были задёрнуты легкими занавесками. Весь дом содержался в исключительной чистоте, ничто в нем не было разбито или разграблено. Причем на вопрос о том, кто его караулит, болгары ответили Кёниг, что караульчиков как таковых нет. И она была поражена болгарской честностью и уважительным отношением болгар даже по отношению к имуществу своих врагов турок. Этот вывод подкрепляет также ее наблюдение, что болгары никогда не входят в чужой дом обутыми — обувь и

часть одежды они оставляют за порогом либо на улице, ничуть не опасаясь, что кто-то может их украсть⁸.

Повышенное внимание читателя вызывают и другие пассажи, в которых характеризуется еще одна черта национального характера болгар, теперь уже отрицательная — жадность. Она пишет, что при выходе из деревни Чермет жадный болгарин отказывался продать булочки (хлебцы) голодным, двое суток ничего не евшим русским солдатам. Лишь после того как она дала ему золотой и пригрозила, что полк не станет биться за болгар, если сюда попытаются прорваться турецкие таборы, болгарин начал выставлять хлебцы на прилавок, которые сметались проходящими мимо солдатскими шеренгами. Следует отметить, что сюжеты с отказом или нежеланием продать хлеб русским солдатам встречаются на страницах воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и ряда других ее участников: В. И. Немировича-Данченко, С. П. Боткина и др.⁹

После нашего более чем сорокалетнего изучения Болгарии мы можем свидетельствовать, что обе эти отмеченные русскими мемуаристами черты национального характера болгар (честность и жадность) являются мнимыми. Они обязаны незнанию авторами особенностей местного национального быта и неспособности реконструировать причинно-следственные связи в отвратительном, на первый взгляд, поведении. Да как же это так: не продавать хлеб своим голодным освободителям?

Мнимая болгарская честность (ничего не было взято из пустаго, никем не охраняемого дома турецкого паши) была обусловлена страхом болгар перед карой турок за разворовывание имущества своего недавнего правителя-паши. Утаить факты подобного воровства болгарам никак бы не удалось — в случае возвращения хозяина турецкие солдаты перерыли бы все дома и амбары местных «неверных», и виновных ожидали бы страшные истязания и мучительная смерть. А обувь и одежду, оставляемые за порогом дома своими соплеменниками, болгары не брали отнюдь не по причине своей необыкновенной честности. Что потом делать с этой ворованной обувью и одеждой? Ни надеть, ни продать их в маленьком городке — сразу всем всё станет известно, и вора постигнет жестокое наказание, а весь род его — бесчестие и позор. Что же касается

имущества в домах, брошенных простыми турками, то болгары растаскивали его за милую душу¹⁰.

А странное поведение болгар, отказывавшихся продать хлеб нашим голодным солдатам, разумеется, вызывалось не их неприязнью к русским, а уже полученными от них горькими уроками. Отметим, что болгарин согласился продать хлеб после того, как С. А. Кёниг дала ему наперед золотой. Сама она, правда, приписывает изменение позиции болгарина воздействию своих угроз не защищать более болгар от турок. Только вот на каком языке она ему это объясняла? Ранее сама Кёниг упоминает, что болгарский язык понимает плохо и постоянно отвечает невпопад. А из того, что банщица говорила ей об устройстве бани и способе ее отопления, она смогла разобрать немного¹¹. Наверное, и болгарский торговец хлебом мало что понял из угроз Кёниг об альтернативном отказе русских солдат защищать болгар. Скорее всего, ранее у болгарина другие оголодавшие наши солдаты отняли хлеб силой без всякой оплаты. Ведь не у всех наших пехотинцев была такая благодетельница как Софья Александровна, готовая отдать болгарину целый золотой. Отсюда и такое странное поведение болгарина по отношению к русским освободителям, которое сразу изменилось после получения золотого...

Кроме мемуаров С. А. Кёниг следует остановиться и на воспоминаниях военного врача Н. Г. Драгневич. Они вышли в начале XX в., но относятся ко времени освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹². Н. Г. Драгневич очутилась в болгарских землях по велению сердца и чувства нравственного долга вместе со своими однокашниками студентами-медиками. Все они имели полное право на студенческую бронь от войны, но, не сговариваясь, решили отправиться на Балканский фронт. Добровольцы не дрогнули, попав в самое пекло войны под Плевеном (Плевной), ибо за год до этого успели приобрести опыт в военных лазаретах Сербии. Они не являлись медбратами или медсестрами, а выполняли функции ординаторов: накладывали повязки, ампутировали конечности, вытаскивали щипцами пули, извлекали пинцетами из нагноившихся ран червей или травили их скипидаром. Все едва держались на ногах от усталости, ходили с покрасневшими веками от воздействия гипса, посыпанные им, словно белой мукой. Болгарии как таковой трудившиеся целыми днями в госпи-

тальных палатках студенты толком не видели. А вот встречи с местным населением не всегда оставляли у них приятное впечатление.

С болгарами Н. Г. Драгневич, судя по ее воспоминаниям, столкнулась только тогда, когда Плевен решили больше не штурмовать, а взять осадой. Поток раненых поэтому прекратился, и тех, кто находился в госпиталях, распорядились эвакуировать в Свиштов и Зимницу. Именно перед отъездом, по словам автора, она стала свидетельницей разговора между двумя нашими жалкими, оборванными, истощенными русскими солдатами и хозяином болгаринном. Последний наотрез отказывался продать хлеб своим освободителям, твердя как заведенный: «Немам хлеб, немам хлеб!» И закончил разговор недобрыми словами «Идете си!», т. е. «Идите своей дорогой!» При виде такой черствости у русских медичек навернулись на глаза слезы, и они начали стыдить зажиточного болгарина, зная, как много у него хранится различных съестных припасов. Только после взываний к совести тот с большой неохотой сходил в кладовку и вынес солдатам кусок хлеба весом в несколько фунтов¹³. На вопрос о причине отказа продать кусок хлеба голодным людям болгарин не произнес ни слова. «Бог знает, — пишет Н. Г. Драгневич, — что было причиной жестокого поступка его — не один ли это из случаев той взаимной неприязни, которая местами разделяла русских и болгар, и которая, говорят, впоследствии, во времена оккупации, переходила в открытое раздражение»¹⁴.

Удивительно, что данный эпизод из воспоминаний Н. Г. Драгневич как две капли воды схож со случаем, который описывается в дневниковых записях С. А. Кёниг. Та тоже с возмущением писала о нежелании болгарского лавочника в Тырнове продать нашим голодным солдатам хлеб. Я не буду подробно рассказывать об этом случае и раскрывать причины необычного, на первый взгляд, поведения лавочника. Видимо, незадолго до этого наши голодные солдаты взяли у него хлеб, не заплатив за него за неимением денег. Голодный человек с ружьем без денег способен и не на такое. В том, что происходило, виноваты были не болгары и не русские солдаты, а наши интенданты, не успевавшие вовремя доставить солдатам пищу и выдать причитающееся им жалование.

И другой очень любопытный эпизод, описанный в воспоминаниях Н. Г. Драгневич. Ее поразило жестокое обращение с болгарскими некоторыми русскими должностными чиновниками. По ее словам, она стала свидетельницей того, как русский полицмейстер, сопровождая верхом на лошади какой-то экипаж, немилосердно хлестал нагайкой направо и налево и волов, и сидящих на них болгар, чтобы расчистить путь на узкой городской улице. На вопрос Н. Г. Драгневич о странности такого поведения, полицмейстер весело возразил: «Ах, эти каналы — те же скоты». Надо сказать, что я несколько усомнился в том, что автор мемуаров действительно стала очевидицей случая, о котором она нам поведала. Дело в том, что подобное происшествие было описано известным писателем В. И. Немировичем-Данченко¹⁵. Н. Г. Драгневич, разумеется, не могла пройти мимо ярких произведений этого писателя о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Болгарии и болгарском народе¹⁶, и какие-то отголоски его впечатлений невольно попали и в ее мемуары.

При чтении воспоминаний Н. Г. Драгневич врезается в память эпизод со случайной встречей с болгарской сиротой, ставшей жертвой турецких насилий. В свиштовском доме, куда Н. Г. Драгневич поместили на постой вместе со студенткой медсестрой, она столкнулась с необыкновенно красивой болгарской девушкой, у которой не сходила с лица печать глубокой скорби. Постепенно выяснилось, что девушка бежала из Румелии после убийства на ее глазах родителей башибузуками, которые затем гнусно надругались и над ней самой¹⁷.

Таким образом, воспоминания русских женщин о Болгарии и болгарях времен освободительной войны 1877–1878 гг. отличаются своей спецификой. Они более тонкие, эмоциональные, нередко фиксирующие внимание на том, на что мужчина бы своего внимания не обратил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Илинский П. А.* Русские женщины в войну 1877–1878 гг.: Очерк деятельности сестер милосердия фельдшерниц и женщин врачей. СПб., 1879. С. 27–28.

² См.: Герои Шипки. М., 1979. С. 355–369.

³ Воспоминания сестры милосердия С. А. Фон-Кёниг (ныне Чириковой). (Дорогим пермцам на память 1877–1878 гг. от их сестры

милосердия) // Исторический вестник. Год 36. № 10–12. Октябрь-декабрь. СПб., 1916. С. 70–106, 339–368, 617–637.

⁴ Там же. С. 358.

⁵ Там же. С. 343.

⁶ Там же. С. 86.

⁷ Там же. С. 621.

⁸ Там же. С. 366–367.

⁹ См., например: *Немирович-Данченко В. И.* Год войны. (Дневник русского корреспондента). 1877–1878. Т. 2. СПб., 1879; Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877. СПб., 1883.

¹⁰ *Немирович-Данченко...* С. 224; Письма С. П. Боткина из Болгарии. С. 79.

¹¹ Воспоминания сестры милосердия С. А. Фон-Кёниг (ныне Чириковой). С. 82, 344.

¹² Из воспоминаний женщины-врача. К 25-летию женщин врачей. Н. Драгневич // Русское богатство. № 1. Январь. СПб., 1903. С. 61–74.

¹³ Там же. С. 65.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Немирович-Данченко В. И.* После войны. Очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии. СПб., 1880.

¹⁶ См. также: *Немирович-Данченко В. И.* За Дунаем. Война с турками за освобождение славян 1877–1878. Очерки и рассказы из сочинений В. И. Немировича-Данченко. Вып. 1. 8-е изд. М., 1907.

¹⁷ Из воспоминаний женщины-врача... С. 65.

БОЛГАРСКИЙ НАРОД ГЛАЗАМИ РУССКИХ В XIX СТОЛЕТИИ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ)

Затрагиваемая нами тема является довольно тонкой и деликатной, но не потому, что следует по сложившейся традиции замалчивать неприятные для обеих сторон моменты и искусно обходить острые углы — мы постараемся говорить о них без утайки. Трудность состоит в том, что взаимные отношения болгар и русских не оставались неизменными, имели внутреннюю динамику и быстро могли менять знак на противоположный. Напомню здесь бесспорный исторический факт, хорошо известный не только специалистам: переход от взаимного обожания к разрыву дипломатических отношений между болгарами и русскими и обмену злобными взаимными нападками в прессе обеих стран всего за семилетний период от войны 1877–1878 гг. до 1886 г., когда и произошел указанный разрыв. Но это касается главным образом взаимоотношений русских и болгар, а не национального характера последних, хотя первое, несомненно, весьма связано со вторым. Необходимо отметить и то, что русские имели слабое представление о болгарской ментальности о том, как болгары воспринимают мир и каковы их настоящие чувства к освободителям. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. военный корреспондент, писатель и журналист В. И. Немирович-Данченко справедливо писал, что грохот войны, отчаяние и озлобление не давали возможности пристально всмотреться в болгарский народ, и получилось так, «что болгар мы освободить — освободили, а узнать их — не узнали...»¹.

Систематизация наблюдений русских над национальным характером болгар и их неоднозначных отношениях с освободителями в XIX в. и есть главная цель нашей статьи. При этом, передавая содержание источников, мы стремимся сохра-

нить их лексику и тональность, избегая неуместной в данном случае академической прилаженности. Мы также хотим особо оговорить, что в статье не рассматриваются те сведения, которые русские могли почерпнуть из выходявших в XIX в. переводных печатных трудов исторической и географической направленности. Группа таких источников, самые ранние из которых относятся к 10–20-м гг. указанного столетия, не так уж малочисленна² и самим фактом своего существования опровергает ошибочное расхожее мнение, будто Болгарию для русских открыл ученый Ю. И. Венелин, который якобы извлек на свет целую страну и целый народ из бездны исторического небытия. О Болгарии и болгарях в русском обществе были неплохо осведомлены еще до выхода в 1829 г. знаменитого венелинского труда «Древние и нынешние болгары...». Правда, сведения эти были, по обыкновению, вторичны заимствовались авторами друг у друга и кочевали из книги в книгу, создавая примитивный стереотип: болгарский народ трудолюбивый, мирный, покорный и совсем необразованный³. Но и сам Ю. И. Венелин, создавая свой труд, не видел ни Болгарию, ни болгар на их исторической родине собственными глазами, а опирался на сведения, почерпнутые у других авторов⁴.

До Ю. И. Венелина о Болгарии и болгарях писал, например, А. М. Спиридов, который служил в генеральном консульстве в Бухаресте и сталкивался в Дунайских княжествах с болгарскими переселенцами, т. е. видел болгар собственными глазами⁵. Вероятно, из рассказов тех, кто побывал в Болгарии, он почерпнул сведения о том, что в Болгарии имеется огромное количество крупного рогатого скота, пасутся бесчисленные отары овец. Он также писал, что болгарская земля исключительно плодородна и на ней собирают богатые урожаи пшеницы и кукурузы, а сама она рождает сочные плоды и крупные овощи. Упомянул А. М. Спиридов и об изобилии в болгарских горах и лесах дичи и о природной благодати, превращающей страну в райский уголок⁶. Однако во всех этих свидетельствах определенно присутствует пересказ, поскольку сам А. М. Спиридов в Болгарию не ездил и фактически передавал читателю впечатления о ней русских офицеров, побывавших в болгарских землях во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг., или валашских и молдавских купцов, часто отправлявшихся к соседям-болгарам по торговой надобности. Противоре-

чиво характеризует он болгар и как народ. С одной стороны, А. М. Спиридов пишет, что они храбрые, но не предприимчивые, а с другой стороны, утверждает, что многие из них склонны к торговле и совершают крупные выгодные торговые сделки, продавая продукцию ремесленников в Валахии, Молдавии, Сербии, Трансильвании, Венгрии, Австрии и России⁷. К последнему вопросу мы обратимся позднее, а пока отметим, что свидетельства А. М. Спиридова в основной своей части не основаны на личных визуальных наблюдениях, а получены из вторых рук.

В целом правильной оценке действий болгар, их поведения и национальных качеств во многом мешало незнание русскими болгарского языка. Здесь надо учитывать и то обстоятельство, что до освобождения Болгарии у болгар отсутствовал кодифицированный общенациональный литературный язык. Их речь представляла собой пеструю смесь, изобилующую турцизмами, грецизмами и диалектизмами, воспринимавшуюся русским ухом с большим трудом. Майор-квартирмейстер Чуйкевич, побывавший за Дунаем в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг., не воспринял болгарский язык как славянский и писал лишь о его сходстве со славянским наречием («весьма близко подходит к Славянскому наречию»)⁸. А упомянутый служащий русского консульства в Бухаресте А. М. Спиридов после встреч с болгарами вообще сомневался в принадлежности наречия, на котором они говорили, к славянскому, ибо, по его словам, оно «от Славянского языка различно и по местам жительства испорчено и перемешано с другими»⁹. Существовало, правда, и противоположное мнение, принадлежавшее издателю и публицисту А. С. Суворину. В 1876 г. во время работы корреспондентом при русском посольстве в Константинополе он писал: «Болгарский язык — почти русский язык, и чем больше он будет развиваться, тем он ближе будет к русскому языку»¹⁰.

Однако точка зрения А. С. Суворина есть плод явного славянофильского преувеличения. И насколько она была далека от истины, свидетельствует лингвистический казус, произошедший в период освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко рассказывал, как проголодавшийся русский офицер потребовал в Тырнове у местного лавочника немедленно предоставить ему

свежую булку, чем вызвал у болгарина крайнюю растерянность и нервное возбуждение. Лавочник стал твердить, что булка у него только одна и предназначена только ему одному. Позднее прояснилось, что по-болгарски слово «булка» означает «молодая жена», и болгарин решил, будто русский офицер требует от него именно ее¹¹. Этот казус мне не раз с юмором описывали в Болгарии, ошибочно относя случившееся ко времени Второй мировой войны. В жизни же все оказалось гораздо жестче, и ситуация возникла отнюдь не юмористическая. Офицер вскипел праведным гневом (болгарин-скупердяй признался, что булка у него есть, но собирается слопать ее сам, не поделившись с ним, проделавшим сорокаверстный марш-бросок на плечах у огрызавшихся турок) и хорошенько отдубасил «жадюгу»¹².

Присутствовало известное взаимное непонимание и по причине некоторых жестов болгар, означающих у них совсем иное, нежели у русских. Много недоразумений поначалу возникало, например, в связи с привычкой болгар кивать головой в случае несогласия, отрицания или отказа. И с этим, как отмечал участник войны 1877–1878 гг. ротмистр В. В. Воейков, русские солдаты смогли разобраться только впоследствии¹³. Гораздо более невинными были некоторые различия в обычаях болгар и русских при приеме гостей. Большинство русских путешественников и военных в период освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отмечали привычку болгар угощать гостя чашкой холодной воды с розеткой сливового, вишневого, из лепестков роз или другого варенья¹⁴. Такая манера полностью противоречила русской поговорке, относящейся к встрече гостей: «Всё, что есть в печи — на стол мечи». Но обычай этот обязан многим историческим и географическим факторам. В Болгарии гостя приглашают не для того, чтобы накормить до отвала, а для того, чтобы приятно с ним побеседовать. Сытно же поесть гость может и у себя дома, тем более что живет он, как правило, по соседству. Болгария — маленькая страна... Что же касается гостей дальних, то к ним отношение у болгар было совсем другое. Журналист В. В. Крестовский писал, что хозяин Вылко Поварджиев¹⁵, у которого он остановился в Свиштове во время войны 1877–1878 гг., потчевал его не только водой с вареньем. Он каждый раз настойчиво зывал обедать, специально установив в трапезной высокий европейский стол со стульями¹⁶. Это было сделано именно для гостя,

поскольку болгары тогда обычно трапезничали за низким турецким столиком, называемым «софра».

Другие несоответствия касались привычки болгар подавать в конце трапезы маленькие чашечки крепкого кофе, никогда не предлагая гостям чай. А если русские просили приготовить чай, то им приносили какую-то приправленную пряностями «бурду», пить которую было просто невозможно¹⁷. В свою очередь, болгары изумлялись странному русскому обыкновению поглощать столько горячего чая, да еще по несколько раз в день¹⁸. Русские же поражались манере болгар пить разведенную водку из гвоздики (скорее всего, это была анисовая ракия. — *И. К.*)¹⁹ и неизменно просили не разбавлять крепкие напитки. В отношении употребления горячительного было также замечено, что болгары умеют пить и всегда знают меру. За всю войну 1877–1878 гг. русские ни разу не видели в болгарских землях ни одного пьяного болгарина. В то же самое время болгарские «братушки»²⁰ быстро распознали слабость русских солдат к спиртному и выносили бочки с вином и ракией для продажи на обочины дорог по пути следования наших войск. Бдительные командиры предпринимали решительные меры против спаивания русских солдат на марше, отдавая приказ выливать содержимое емкостей на дорогу²¹.

Но причиной подобного изумления с обеих сторон были различия в обычаях и нравах болгар и русских, а не какие-либо черты национального характера. Эти различия продолжают существовать и в наше время, вызывая те же самые реакции, что и в прошлом. То же самое относится и к наблюдениям русских людей, которые побывали в болгарских землях в XIX в. и писали о природе, климате, городах и селах Болгарии, о болгарских жилищах, народных одеждах, свадебных и погребальных обрядах²². Очень многое в мемуарах совпадает или весьма схоже. Иначе обстояло дело с взаимным восприятием болгар и русских. В. И. Немирович-Данченко, как упоминалось в начале статьи, верно отмечал полное незнание русскими болгар на период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По его воспоминаниям, среди русских ходили байки о том, что у болгар кое-где сохранился обычай сажать преступников на кол, а один из полковников всерьез заявил, что болгары зашивают неверных жен в козьи мешки, перед тем как утопить их в Босфоре (полковник явно не имел представления, сколь далеко от Болгарии

находится этот Босфор)²³. Наряду со всевозможными нелепицами о болгарях в русском сознании присутствовало и идеализированное представление об угнетаемом турками болгарине, который только и ждет, чтобы его освободили, уповая при этом на одну лишь Россию.

Заслуга в создании образа несчастного, забытого всеми достойнейшего болгарского народа принадлежит ученому Ю. И. Венелину. Свой труд «Древние и нынешние болгары...» он, вероятно, создавал в связи с русско-турецкой войной 1828–1829 гг. (которая, как верилось, могла привести к освобождению болгар) и поэтому не случайно назвал свое сочинение «полемическим». Оно проникнуто романтическим пафосом, изобилует восклицаниями, прямыми обращениями и взываниями к совести русской общественности. Он изумляется, что «никакой Славянин не рыдал над телом зарезанного льва», огромное туловище которого «зброшено на Балканских, Македонских и румельских лесах». Именно им питается «чудовище двурогое, вышедшее из пустынь Аравии». По его утверждению, болгарский народ является самым многочисленным в Европейской Турции, превосходя в этом греков и турок или даже поляков и чехов, уступая в славянском мире одному лишь народу русскому. Кроме того, расселившиеся не только в своих исконных землях, но также в Молдавии, Валахии и Трансильвании, болгары есть прямые потомки народа «некогда благороднейшего из всех Славянских племен»²⁴. Ныне же этот народ — самый несчастный, ибо низведен до рабского положения, терпит от турок непрестанные оскорбления и унижения и погружен в невежество, равно как и владеющие им господа. Жизнь болгар и целостность их имущества зависит не от права, а от прихоти турецких пашей.

Значительную лепту в формирование образа идеального славянина, страдающего под турками, внесли в 20-е — 50-е гг. XIX в. и русские славянофилы А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев, И. С. Аксаков и другие. Славянин-болгарин воспринимался как забитый, подавленный, послушный, «в мягкой и симпатичной натуре которого имеется столько доброго и незатронутого». «Посмотрите, — писал о таком вымышленном болгарине, писатель Н. В. Максимов, — как он верит, как он искренно смотрит в глаза, как он, простой крестьянин „братушка“, радуется своему счастью при виде своего освободителя, родного ему „сол-

дата-братушки"»²⁵. Распространено было в русском обществе и мнение о том, что болгары сумели сохранить в своем национальном характере, общественном быте и нравах наиболее положительные качества и черты славянского племени благодаря произошедшей при турках консервации патриархального уклада жизни. Одновременно считалось, что нетронутость болгарского общества европейской цивилизацией и его неискушенность в ней делают болгарина мягким и податливым, словно «воск, из которого можно лепить, что угодно»²⁶. Ошибочность такой точки зрения в отношении многострадального народа, который столько веков вынужден был прогибаться под турецким игом, но, несмотря на всё выстоял, а не сломался, настолько очевидна, что не нуждается в доказательствах.

Аналогичным образом до освободительной войны 1877–1878 гг. не имели четкого представления о русских и болгары. Русские солдаты появлялись в болгарских землях в XIX в. неоднократно и до освобождения страны от османского ига, но последнее их массовое пребывание в ней произошло почти за полвека до этого, в период военных действий русских войск в Болгарии в 1828–1829 гг., и события тех лет уже успели потускнеть в народной памяти²⁷. Поэтому представления болгарского народа о русских имели преимущественно легендарный характер и включали крайне ограниченный набор мифологем. В первую очередь, здесь следует упомянуть знаменитую легенду о грядущем освободителе болгар Деде Иване, чье возникновение связывают с именем Ивана Грозного, а датируют в широком диапазоне от XVI в. до XVIII в. Затем — сказание о Беклеше, которого якобы отправила вместе с Суворовым и Потемкиным для освобождения болгар русская императрица Екатерина II, причем этот мифический герой по происхождению был болгарин. Сказание в 1867 г. записал со слов нищего гусяря на Шипке известный болгарский писатель Л. Каравелов²⁸. И, наконец, в народе существовало представление о тождестве «москвитов» и болгар. Оно было основано на вере в то, что русские цари на самом деле есть потомки спасшихся от турок болгарских православных царей²⁹ и что на севере за Дунаем живут их соплеменники болгары, которые позднее начали называться казаками, а те из них, кто смешался с другими народами, — русскими.

Все эти мнения и легенды привели к настоящему обоюдному шоку в период освободительной войны 1877–1878 гг., когда

огромные массы болгарского населения вошли в непосредственный контакт с более чем двумястами тысячами русских солдат и офицеров³⁰, впервые столь глубоко проникших вглубь болгарских земель и достигших почти самого Константинополя. Соотношение болгар и русских солдат составляло тогда три к одному³¹. Такая пропорция никогда прежде не складывалась, не говоря уже о местах проведения сражений или осадах городов, где численность русских войск многократно превышала местное болгарское население. В тот период болгары и русские впервые столь масштабно вошли в прямой контакт и не только увидели друг друга воочию, но и стали совершать многочисленные действия и поступки, которые не всегда могли вызвать взаимное понимание и одобрение. Вот почему в русской прессе и обществе появилось тогда такое множество противоположных оценок болгар: «братушки — неблагодарные», «братушки готовы поделить последним», «братушки — скупердяи», «братушки — народ, у которого надо учиться», «братушки — трусы», «братушки — храбрецы», «братушки — лентяи», «братушки с утра до ночи работают, не покладая рук», «братушки — торгаши», «братушки более всего склонны к земледелию», «братушки — богачи», «братушки — нищие» и т. п. Действия и поведение отдельных болгар русская пресса, с ее почти национальной предрасположенностью к быстрым обобщениям, сразу же возводила в абсолют и приписывала их всему болгарскому народу. По меткой характеристике А. Н. Пыпина, наша самодовольная пресса «при ничтожности собственных политических понятий смело судила и рядила о других народах»³².

Попытаемся проанализировать этот разнобой мнений и выявить причины его появления. Первые встречи болгар и солдат русской освободительной армии, бесспорно, проходили в атмосфере народного ликования. Картина одной из таких встреч, описанная ротмистром В. В. Воейковым, словно сошла с эпического полотна художника. По его словам, местное население ликовало, повсюду раздавались возгласы «Добре дошли!» («Добро пожаловать!»), болгары хватали русских солдат за руки, дружески похлопывали их по плечам, вели под уздцы их лошадей, подносили ракию и мед, наполняли солдатские сумки различной снедью³³. Схожее описание приводит и В. И. Немирович-Данченко, обрисовывая первую встречу болгар с освободителями в Дрянове. По его словам, на улицу высыпа-

ло всё, что было живого в городе, в глазах людей светилась радость, жители бросали солдатам цветы и пучки ароматной травы, одна из женщин бросила писателю сливы, другие совали в руки солдат табак и куски свиного сала... Но наиболее впечатляющая картина встречи русских воинов болгарами 16 июня 1877 г. в первом освобожденном от турок болгарском городе Свиштове приведена в письме Н. Д. Шишмановой своему сыну И. Д. Шишманову, впоследствии ставшему известным ученым. «Невозможно описать, какое было ликование и какая людская радость! Все устремились в нижний квартал, чтобы их (русских солдат. — *И. К.*) встретить, а женщины и дети пообрывали все цветы, чтобы сделать букеты и бросить их проходящим через город войскам, крича непрерывное „У-р-р-а“. И так было с восьми часов вечера до двух часов ночи», — писала она сыну³⁴.

В подобных встречах материализовались вековые ожидания болгарами свободы, радость своего освобождения от иноземного ига, предвкушение новой, лучшей жизни. Ожидания свободы нарастали у болгар на протяжении всего XIX столетия с каждой очередной русско-турецкой войной: в 1806–1812 гг., в 1828–1829 гг., в 1853–1856 гг. и, наконец, в 1877–1878 гг. Избавление от турок связывалось именно с Россией, и поэтому русских встречали в болгарских землях столь тепло, даже когда они появлялись там совсем по иным поводам. Проходивший в 1839 г. через болгарские земли по пути на Афон монах Парфений вспоминал, как встретила смертельно уставших и промокших русских паломников пожилая болгарская пара. Они не только с радостью предоставили путникам кров, но и вымыли им ноги, снабдили теплыми носками и сухой одеждой и преломили с ними хлеб, будто библейские Авраам с Саррой. В Калофере местные жители, узнав, откуда идут странники, долго уговаривали их погостить еще хотя бы недельку, потому что раньше они никогда не видели русских³⁵. А на побывавшего в 1855 г. в болгарских землях представителя Славянского комитета, сотрудника журнала «Современник» Е. П. Южакова большое впечатление произвели трогательные проводы его болгарами. Они долго не хотели его отпускать, но когда час прощания все-таки наступил, проводить его вышло всё село от мала до велика. Около десятка болгарских женщин одарило всех гостей расшитыми полотенцами, предназначенными для их сестер и дам. Мужчины и мальчишки бежали впереди гостей

около двух верст, оглядываясь на них и спотыкаясь о неровности дороги. Когда же наступил кульминационный момент перед расставанием, мужчины затянули грустные прощальные песни. Многие из провожающих не скрывали своих искренних слез. «Ни одна разлука в жизни не была для меня так тяжела, как эта», — признавался читателю Е. П. Южаков³⁶.

Но встречать и провожать столь гостеприимно и эмоционально движущиеся через города и села русские войска на протяжении всей войны 1877–1878 гг. болгары, разумеется, не могли. Конечно, на первых порах они встречали русских с живым сочувствием, подносили им хлеб и соль, угощали ракией и вином, потчевали бараниной, овощами и фруктами. Но праздник не может продолжаться вечно — болгарский земледелец экономен и в первую очередь озабочен участью собственной семьи. А тут вдруг появляются одни за другими десятки тысяч освободителей, каждый день требуя и того и другого, предлагая, правда, взамен рубли, но на что они нужны, если завтра домочадцы начнут умирать от голода из-за отсутствия съестного. Отношение болгар к русским понемногу начало меняться³⁷ еще и потому, что следом за простыми нашими солдатами шли вороватые интенданты и нагловатые транспортные агенты, стремившиеся надуть местных жителей и нажиться. Разорение несли не только турецкие войска, но и русские, с той лишь разницей, что по отношению к туркам применимо было слово «грабеж», а по отношению к русским — «реквизиция». Вопли русских интендантов о шкурничестве болгар в большинстве случаев были откровенным лицемерием и отражали стремление вопящих набить свой карман потуже, играя на разнице между реальной закупочной ценой и мнимой отчетной.

И здесь мы вплотную начинаем приближаться к отвратительному лику всякой войны, каким бы благородным целям она ни служила и под каким бы названием ни вошла в историю. В воззвании российского императора Александра II от 10 июня 1877 г. к жителям страны Болгарской гарантировалась защита каждого христианина при помощи русского оружия от любого насилия. «Ни один волос не спадет безнаказанно с его головы, — говорилось в воззвании, — ни одна крупица его имущества не будет, без немедленного возмездия, похищена у него мусульманином или кем другим...» И далее: «Жизнь, свобода, честь, имущество каждого христианина, к какой бы церкви он ни принадле-

длежал, будут одинаково обеспечены»³⁸. Можно не сомневаться, что император Александр II испытывал самые теплые чувства к болгарскому православному народу и желал, чтобы всё было так на деле, но военная действительность всегда оказывается горше благородных призывов и намерений. Впервые в истории в болгарских землях появилось одновременно более 200 тыс. русских солдат, среди которых находились самые различные люди: бедные и богатые, умные и глупые, добрые и злые, милосердные и жестокие, благородные и низкие, святые и мерзавцы, скромные и наглые, честные и вороватые, целомудренные и развратные, спокойные и вспыльчивые, мирные и насильники, исполненные святого долга освободить православных болгар от ига и относившиеся к этому долгу абсолютно равнодушно.

Ни одно воззвание не способно защитить мирное население от ужасов войны, от гибели близких и потери имущества, от грабежей и насилия тех, кто, пользуясь военным лихолетьем, стремился урвать для себя побольше. Именно о таких сложилась меткая русская поговорка: «Кому война, а кому мать родна!» Хотя в первую очередь болгарам наносили ущерб, угрожали смертью и грабили нажитое, разумеется, турки. Освободительная война оказалась для России далеко не легкой прогулкой — она затянулась, и благополучный ее исход временами вызывал сомнение. Она вновь заставила болгар вспомнить веками складывавшуюся народную истину «не верь глазам своим» и обострила въевшуюся в болгарский национальный характер недоверчивость. Основания для неверия в неизбежность грядущего освобождения от турок имелись вполне весомые. Всё происходящее уже бывало с болгарами не раз, жило в памяти отцов и дедов. Русские войска появлялись на границах Османской империи, переправлялись через Дунай, бились с турками, пробуждали в болгарях надежду на освобождение, но потом уходили. Русская армия оставляла за собой разоренные войной земли и вынуждала своих болгарских помощников покидать родину, чтобы спастись от зверств турок. Так было в 1806–1812 гг., так случилось и во время войны 1828–1829 гг., так повторилось и в период Крымской войны 1853–1856 гг., так могло произойти в очередной раз и в военной кампании 1877–1878 гг.³⁹

Всё это верно подметил Ф. М. Достоевский, писавший о психологии болгарина, который боится прежних господ турок и

думает про себя: «А ну как те опять вернутся да узнают, что я (русским. — *И. К.*) хлеб-соль подносил». Поэтому и начал болгарин, по словам писателя, «коситься» на русских, т. е. проявлять сдержанность, загоняя свои сомнения и горькие думы внутрь⁴⁰. На это обратил внимание и писатель С. С. Окрейц, правда не сумевший дать объяснение странному поведению болгар, которые могли часами просиживать у очага, уставившись неподвижным взглядом на огонь, думая о чем-то своем и отвечая на вопросы неохотно и односложно⁴¹. А думать им было о чем, потому что русская кавалерия вытаптывала болгарские посеы не хуже турецкой, русские транспортные агенты реквизировали волов в качестве тягловой силы для армии, но затем иногда забывали волов возвращать, оставляя болгарского хлебопашца без единственного кормильца. Кроме того, русским войскам был отдан приказ при отступлении забирать у болгар сено, солому, фуражное зерно и другие припасы, чтобы туркам ничего не оставалось⁴². Но не оставалось ничего и болгарам, ради освобождения которых и затевалась вся эта война. Поэтому многие болгары стали угонять уцелевших волов, коней и овец высоко в горы. Припрятавали они от обозных агентов и фураж, чтобы оставить корм на зиму домашней скотине.

Русские интенданты хоть и платили болгарам за продовольствие и тягловую силу меньше, чем указывали в платежных документах, но всё же расплачивались. Гораздо хуже было в случае мародерства русских солдат, на которое их толкал голод из-за воровства или нерасторопности собственных снабженцев. В. И. Немирович-Данченко не без юмора описывает один из таких эпизодов войны следующим образом. Унтер подловил парочку своих солдат, прячущих за спиной пойманную ими курицу. «Надеюсь, курица не болгарская?» — строго спросил он мародеров, на что они, хитро посмеиваясь, бодро ответствовали: «Никак нет-с, ваше скородие! Курица самая что ни на есть турецкая! Потому что по-болгарски курица — это „курица“, а по-турецки — „кокошка“»⁴³. В другом из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. корпусный командир поинтересовался, откуда это казаки гонят такое большое стадо баранов, на что казачий урядник быстро нашелся и, не моргнув глазом, доложил, что гонят стадо с самого Дона, вызвав умиление доверчивого старика-генерала, который пришел в восторг от запасливости кавалерии и посетовал на безалаберность русской пехоты⁴⁴.

Подобных происшествий во время войны, без сомнения, было немало. И самыми неприятными из них, очевидно, были такие, когда рядовые солдаты, ободренные безнаказанностью за грабеж болгар снабженцами, и сами пускались во все тяжкие, с легкостью умыкая у болгарского крестьянина поросенка, или срывая с пояса беззащитной болгарской женщины массивные серебряные пряжки⁴⁵. Точно так же, вероятно, представляли собой нечто иное описываемые с умилением нашими военкорами случаи подвижничества многих болгар, которые вместе со своими волами, конями и повозками следовали в обозе русской армии, перевоза раненых и боеприпасы. Возможно, подвижничества здесь иногда не было, потому что болгарские крестьяне двигались со своей тягловой силой за «братушками» из-за опасения, что их реквизированную собственность забудут вернуть по окончании войны. Ведь оставшись без вола или коня, — своего главного, и порой единственного, кормильца, — болгарский крестьянин был обречен голодать.

Мародерством занимались и сами болгары, что вполне человечески объяснимо. Лишившись крова и имущества в результате артобстрела или турецкого погрома, болгары занимали покинутые турецкие дома с оставленной в них домашней утварью. Еще хуже были нападения болгар на турецких беженцев с целью отобрать у них скот и наиболее ценные пожитки. Тем более что происходило это на занятой нашими войсками территории, т. е. фактически под прикрытием русского оружия. Оправданием подобной «реквизиции» болгарам служило ветхозаветное правило «око за око, зуб за зуб». Раз нас турки ограбили, считали они, то и мы имеем полное моральное право отнять у них то, что им принадлежит. Смотреть сквозь пальцы на такое мародерство «наоборот» русское командование, разумеется, не могло и силой восстанавливало порядок. Тогда болгары начинали уверять, что они отнюдь не мародерствуют, а лишь возвращают свое, захваченное турками имущество. Зачастую это было откровенным лукавством, но болгар иногда удавалось вывести на чистую воду. В. И. Немирович-Данченко рассказывает, сколь хитроумно проделал это генерал Духонин в Ямболе: он собрал во внутреннем дворе изъятых у турок волов, а затем пускал в него болгар по одному с просьбой указать на свою скотину. В результате у каждого красивого и сильного животного объявилось сразу по несколько хозяев, причем сре-

ди лжецов оказался даже болгарский священник, который проявил себя не лучше, чем его паства⁴⁶.

Происходили и гораздо более неллицеприятные истории, наподобие сколачивания болгарами бандитских отрядов, которые действовали на освобожденной от турок земле под личиной мнимых заготовителей-снабженцев, якобы посланных русским командованием для реквизиции у болгарского и турецкого населения оружия, денег, скота и продовольствия. Такой, например, была шайка под предводительством Ивана Гицева, орудовавшая в местечке Караесен на границе свиштовского и тырновского округов. В нее входили жители из разных сел, относящиеся к различным социальным прослойкам: среди бандитов находились бакалейщик Петр Иванов, учитель Георгий Попрадев из села Петреш, священник Иордан Харизанов из села Мекиш и обыкновенные крестьяне их других сел. Банда имела хорошо организационную структуру и работала слаженно. Главарь называл себя командиром, священник играл роль казначея, учитель исполнял функцию письмоводителя, остальные — рядовых ополченцев. Налет на очередное село «ополченцы» осуществляли по накатанному сценарию. Прежде всего Гицев вызывал к себе старосту-«мухтара», устраивал сельский сход и объявлял «русский закон», согласно которому крестьяне должны сдать оружие, деньги, снадь, волов и коней в количестве, необходимом для нужд русской армии. Роптавших и несогласных нещадно секли. Еще хуже было в турецких селах, где Гицев заставлял самых почтенных турок публично целовать ему руки и ноги, порол на сельской площади уважаемых людей села, а затем грабил дома турецких богачей, нередко убивая членов их семей⁴⁷.

Можно представить, скольких болгар и турок сумела настроить шайка Гицева против русских с их пресловутым «русским законом».

Крайне негативный фон для армии освободителей создавали союзные румынские войска под командованием князя Кароля I. Они относились к болгарам как к населению враждебной страны: угоняли за Дунай целые гурты скота, вывозили запасы хлеба, отправляли жителей болгарских деревень в Румынию на принудительные работы. Ворвавшиеся в Плевну румынские солдаты бросились грабить богатые болгарские дома, хотя хозяева указывали им на поставленные мелом

кресты на входных дверях, говорящие о том, что в доме живут христиане. В поисках ценностей румынские мародеры рыскали повсюду, потрошили запертые сундуки и ларцы, избивали болгар и насиловали болгарских женщин. Войдя в город, наши солдаты вынуждены были гнать союзников прочь нагайками. Насилию со стороны румын болгарские женщины подвергались и в других освобожденных от турок городах, где было введено русское управление: Никополе, Лом-Паланке, Рахове. Это порождало конфликты между нашим и румынским военным командованием. Русский комендант Плевны, не выдержав бесчинств союзников, выставил их из города. Помимо прочего, румынские солдаты и офицеры завели манеру кутить в болгарских корчмах, не платя за это денег, и отвешивали пощечины встречным болгарам. Румынские «освободители» рассыпали по улицам турецкие гранаты, на которых подорвалось немало местных жителей. А в селе Гиген они расстреляли болгарского крестьянина за сопротивление при насильственной реквизиции его вола для румынской офицерской кухни⁴⁸.

Поэтому действия румынских «освободителей» ничего, кроме ненависти, среди болгарского населения вызвать не могли. Начали болгары заодно «коситься» и на русских тоже, хотя причины здесь были несколько иные. Отсутствие сильной социальной дифференциации в болгарском обществе и одинаковая бесправность болгар перед турками воспитали в них чувство равенства в своей национальной среде. Приход освободителей и изгнание турок должны были всё кардинально изменить, но какой она будет, эта новая жизнь? Прожив в многовековом турецком рабстве, болгарин не мог поверить в наступление собственной свободы. Очень тонко сумел проникнуть в его психологию Ф. М. Достоевский, который писал, что болгарина мучит сомнение, действительно ли русские его настоящие братья, а не новые господа, пришедшие на смену старым⁴⁹. И опасения болгарина во многом подтвердились. В период Крымской войны учившийся в России болгарин Савва Филаретов выпустил карманный русско-болгарский разговорник, предназначенный для общения русских солдат с местным болгарским населением⁵⁰. В годы освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. его переиздали в расширенном виде, но, увы, роль разговорника, по словам В. И. Немировича-Данченко, начала выполнять нагайка, которая пускалась в

ход незамедлительно. При этом старались нанести так называемый «удар через голову», при котором нагайка оматывалась вокруг головы, оставляя отметину на лице.

По свидетельству писателя, болгар тогда не бил разве что ленивый. К нагайке сразу же прибегали, если они отказывались продавать фураж агентам товарищества или же обозным. Ее мог отведать «братушка», бросившийся к русскому офицеру с рукой, протянутой для приветствия освободителя. Ее могли пускать в ход просто для профилактики, чтобы местное население сразу же ощутило твердость и решительность новой власти. В. И. Немирович-Данченко упоминал об одном лихом русском кавалерийском генерале Л., который похвалялся своим обыкновением при занятии очередного болгарского села тотчас же пороть всё его мужское население поголовно⁵¹. Подобное творилось и после освобождения страны от османского ига. В Пловдиве во время гуляния одному русскому офицеру не понравилось, что проходивший мимо болгарин ему не поклонился, — так он сграбастал его обеими руками и стал дубасить, не взирая на отчаянные крики и плач его жены. Один русский капитан не расставался со своей нагайкой ни на минуту, с ней ел, пил и спал. Когда его неприглядные поступки осудили в газете «Болгарин», разъяренный офицер начал засыпать редакцию телеграммами с отборной матерщиной (они публиковались в газете без комментариев), а затем арестовал смельчака-журналиста и вставших на его защиту видинского судью Маринова и прославленного воеводу Цеко. Судья в тюрьме сошел с ума, а воевода, которому офицер публично надавал пощечин, рыдал, как ребенок, от унижения, потому что в прошлом ни один турок не смел поднять на него руку⁵².

В. И. Немирович-Данченко метко назвал таких русских господ «держимордами, пересаженными на девственную почву Болгарии».

Постоянные контакты с болгарями в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. неизбежно должны были подтолкнуть русских освободителей к постепенному осознанию того, что за народ они двинулись освободить, какими качествами он обладает и какие в нем существуют типы национальных характеров. Это продолжающееся длительное знакомство с «братушками» приводило к медленной закономерной эволюции русского на них взгляда. Если в начале в северной Болгарии

наши солдаты не улавливали в «братушках» видимых отличий от турок и молдаван, то затем они научились с уважением проносить слово «булгар»⁵³. Позднее начало приходить понимание того, что болгары неодинаковы и что среди них, как и во всяком народе, есть люди всякие и что разница может зависеть даже от района страны. О последнем, используя чужое мнение, писал еще М. Ладъженский, указывавший, что западная часть Болгарии заселена слабо, ее население занимается в основном скотоводством, живет в мрачных долинах среди высоких и крутых стремнин и гор и ведет почти отшельнический образ жизни. Что же касается части восточной, то там обитает совсем другой народ, состоящий из деятельных и трудолюбивых земледельцев⁵⁴. Существовало как бы два типа болгар, не похожих друг на друга, словно два разных народа. Болгары, живущие в селах, например, в Драгоево и Смядово, приветливы, добродушны и гостеприимны, а обитающие в смешанных с турками селах — молчаливы, замкнуты и жадны.

Точно так же существовало в болгарском обществе и два социальных полюса: зажиточные подбалканские болгары, жившие в богатых, почти роскошных, домах, и бедные придунайские крестьяне, обитавшие в жалких землянках-лачугах⁵⁵. Казалось, последние должны были ликовать при виде продвижения русской армии, которая несла им свободу от турок. Но логика умного, проницательного читателя неожиданно даст в данном случае сбой. От зверств и насилия турок, от их грабежей и несправедливостей более всего страдали болгары, живущие в богатых, процветающих районах. У них было что отобрать туркам: роскошные дома, нажитое богатство, красивых, чистоплотных жен и дочерей. А что можно было взять от болгарской придунайской голи? Пару кадушек капусты, вонючие бараньи шкуры или давно немытую жену? Турки предпочитали не жить в этих бедных частях Болгарии и не заходить в жилища обитавших там болгар. Последние мало соприкасались с турками и жили здесь своей растительной жизнью. К русским освободителям они относились равнодушно, или же даже с чувством отягощенности.

Здесь очень показательна воспроизведенная В. И. Немировичем-Данченко беседа русского офицера с придунайским крестьянином, у которого тот остановился на ночлег:

– *Кто лучше — русские или турки?*

– *И русские-братушки хороши и турци хороши... Турци-те сичко земят и братушки сламу и лян земят (т. е. «турки все берут и братушки солому и хлеб берут». — И.К.)*

– *Неужели же вы турками довольны?*

– *Они нам зла не делали... Брали только подати, да если ограбят когда... Так ведь и братушки...*

– *Как же зла не делали, а в Балканах и за Балканами сколько они народу повырезали?*

– *Да как их не резать, когда они против султана бунтуют...⁵⁶*

Помимо придунайских болгар, неоднозначно относились к русским жители Габрова и Плевенского округа, где турки появлялись редко и болгарам жилось легко. Трудно было сказать, кому они сочувствовали больше, русским или туркам.

Особого упоминания заслуживает представление русских о болгарской жадности и скупости. Об этом, казалось бы, свидетельствуют многие наши авторы, встречавшиеся с болгарами воочию. Так, например, упомянутый служащий русского консульства в Бухаресте А. М. Спиридов, наверняка, сталкивавшийся с болгарскими торговцами и переселенцами в этом городе и Дунайских княжествах, писал, что болгары не просто бережливы, но и скупы⁵⁷. К аналогичному выводу косвенным образом пришел Е. П. Южаков, заметивший нелюбовь болгар давать деньги взаймы. А участник войны 1877–1878 гг. генерал А. Ф. Редигер поделился своим наблюдением о болгарской скупости⁵⁸. Позднее столь пристально вглядывавшийся в болгар В. И. Немирович-Данченко недвусмысленно констатировал, что корыстолюбие есть, пожалуй, единственный болгарский порок, имеющий под собой веские основания. В корыстолюбии, по его словам, упрекали своих соплеменников даже сами патриотически настроенные болгары⁵⁹. Об этом дружно трубила в период войны 1877–1878 гг. русская пресса, обвинявшая болгар в стремлении содрать три шкуры со своих освободителей за съестные припасы, фураж и тягловую скотину. Комиссионерство Новосельского, ведающее снабжением Действующей Дунайской русской армии, отправило особую депешу, полную упреков болгарам в жадности и хищничестве⁶⁰. Причем взвинчивание цен имело место не только во время боевых действий, но и после окончания войны: в Варне, например, за проезд на фаэтоне требовали тогда рубль серебром⁶¹.

Эти факты, на первый взгляд, неопровержимо свидетельствуют о справедливости выводов по поводу болгарского скупердяйства. Но не всё лежащее на поверхности в конечном итоге оказывается верным. Обвинения Новосельского при проверке оказались ложными и неоправданными. Необходимо также принять во внимание наступившее в ходе войны 1877–1878 гг. массовое обнищание болгарского населения. В северной Болгарии жители городов и деревень остались фактически без съестных припасов и заготовок на зиму. Кукурузные и пшеничные поля были вытоптаны и объедены турецкой и русской конницей. Из-за отсутствия нормального фуража лошади русских кавалеристов обглаживали кровли болгарских домов, покрытые соломой и кукурузными стеблями. В самих домах отсутствовала какая-либо пища: овцы были реквизированы или утнаны, поросята и куры попали в солдатские котлы или костры. Особенно тяжелым было положение болгарских беженцев из южной Болгарии. При отступлении генерала И. В. Гурко из этой части страны под натиском армии Сулейман-паши турки вырезали 50 тыс. болгар, а еще 200 тыс. вынуждены были бежать, потеряв всё свое имущество, т. е. став абсолютно нищими. Болгарские города и деревни, по которым прокатился огненный вал войны, представляли собой ужасное зрелище: не было дома, где бы не валялись полуистлевшие трупы, не было двора, где бы не сохранились следы произошедших ужасов⁶².

Лишенные крова беженцы замерзали на улицах Габрова и Севлиева. Нередко родители, несмотря на традиционное болгарское чадолюбие, вынуждены были бросать своих детей на произвол судьбы, и они умирали от голода, подобно тем, кто остался сиротой. Часто возникали душераздирающие сцены, когда плачущие женщины обступали русских солдат, умоляя их о куске хлеба для голодных детей. Отчаявшиеся люди были готовы работать за нищенскую плату: в Ловечском округе беженцы соглашались работать за 20 коп. в день. Причем эти жалкие гроши очень быстро обесценивались, как это всегда бывает в период войны из-за галопирующей инфляции. Цены на предметы потребления, в том числе и на продовольственные товары, подскочили втрое, а то и вчетверо. Нужно также принимать во внимание, что доставка товаров осуществлялась во время войны с большими перебоями, ибо большинство дорог оказалось забитыми идущими войсками, упряжками с ору-

диями, повозками с амуницией и ранеными. Кроме того, оптовая торговля тогда в болгарских землях попала в руки евреев, скупавших на корню дешевый товар в лавках болгар и устанавливавших затем чрезвычайно высокие цены⁶³. Уцелевшие же болгарские лавочники, получив жестокий урок, разом поднимали цены на уцелевшие припасы, стараясь не продешевить, чтобы выжить среди безжалостных конкурентов.

Следует также напомнить, что большинство болгарских торговцев являлись беженцами из южной части страны, которые сумели спасти от турок лишь крохи своего прежнего благосостояния и стремились возместить свои потери за счет потребителя. Причем, по оценке В. И. Немировича-Данченко, вытесняемые евреями из городов болгарские купцы в тогдашнем «бешеном водовороте мошенничества и жадности, в этой оргии Шейлоков и Картушей», были еще самыми добросовестными⁶⁴. Наблюдения участников освободительной войны 1877–1878 гг. подтверждали данные А. М. Спиридова об умении болгар вести торговые дела (см. выше). «Братушки» удивительно быстро умели подниматься из пепла, и какая-нибудь бедная болгарская лавка, в которой весь товар состоял из нескольких фунтов свечей, горстей табака, коробок сардин и спичек, буквально через полдня могла уже предложить покупателю захваченный русскими солдатами турецкий рис, ароматный мед, баранью ногу или отощавших кур. Спустя же месяц в лавке уже можно было найти всё, что только душа пожелает. Важным было и самоощущение болгар, считавших себя удачливыми торговцами. Они в шутку называли себя «балканскими евреями» и не без самохвальства утверждали, что после отмены для них турецких ограничений им удалось потеснить на рынке еврейских торговцев⁶⁵.

Таким образом, обвинения болгар в торгашестве, жадности и стремлении урвать побольше денег в военных условиях можно считать несостоятельными. Устанавливаемые болгарскими торговцами высокие цены диктовались условиями рынка и желанием восстановить хоть толику утраченного в результате войны былого благополучия. Что же касается отмечавшейся скупости и нелюбви болгар давать деньги займы, то и этому можно отыскать свое объяснение. Оно отчасти присутствует в словах всё того же Е. П. Южакова, который, написав о неохотности болгар расставаться с деньгами, далее добавил, что про-

исходит это по причине их собственной неуверенности в том, что «завтра будет с ними самими из-за постоянных придинок и насилий со стороны турок»⁶⁶. Об этом же свидетельствовал и монах Парфений, сообщавший о жалобах болгар на постоянные разорения турками. Если послушать рассказы местных жителей, то жизнь их можно сравнить с участью Сизифа: только станут на ноги и дома починят, только скотом обзаведутся и сады насадят, как снова война, снова кто спасается бегством в Валахию, кто попадает в руки турок и оказывается не по своей воле в глубине империи, и дома их снова турки пожгут, скот перережут и поедят, и сады и нивы снова опустошат⁶⁷.

Это и дает ключ к разгадке того, почему и сегодняшний болгарин столь бережлив, почему он откладывает стотинку за стотинкой, чтобы выполнить свое главное жизненное предназначение — построить дом. Ибо без дома жить нельзя, а сколько новых домов взамен сожженных турками пришлось строить представителям его рода за время пятисотлетнего ига! По этой причине поверхностное мнение наших соотечественников XIX в. о болгарской скупости следует признать ошибочным. Болгарин экономен и бережлив, но не скупердяй — его скорее можно назвать «скопидомом», если расшифровывать это слово как «скопи на дом». И стоит он в славянском мире где-то посередине между по-немецки расчетливым чехом и безудержными мотами и гуляками сербами, русскими и поляками. Так что болгарской бережливости русским неплохо бы поучиться...

Безграничное желание болгарина восстановить свой утраченный дом и имущество осуществимо было только при наличии исключительного трудолюбия, настойчивости и упорства. Трудолюбие болгар отмечалась многими русскими авторами XIX в. О нем сообщал, например, монах Парфений, добавляя, что все земли у болгар возделаны и что в стране процветают хлебопашество, садоводство и даже шелководство. В. А. Соллогуб называл болгар «народом, богатым трудолюбием и земледельческими угодьями»⁶⁸. А ученый А. Н. Пыпин утверждал, что благоденствие болгар свидетельствует «только о трудолюбии народа, который сумел достичь благосостояния несмотря на все неблагоприятные условия...»⁶⁹. По наблюдениям В. И. Немировича-Данченко, болгарин работает с утра до ночи, его никогда не встретишь без дела, равно как и его жену, сестру и дочерей. Болгарские девочки и мальчики начинают трудиться с десяти

лет, и поэтому в стране практически нет нищих. Но одновременно, по свидетельству писателя, болгарин воздерживается от увеличения своего домашнего скота, прекрасно понимая, что тот неминуемо станет добычей «черкесских» угонщиков⁷⁰.

Упорство свойственно и болгарскому торговцу, который готов сидеть в своей лавке круглые сутки, чем разительно отличается от турка. Тот, как только продаст товара на 7–8 франков чистого барыша, сразу же закрывает лавку и идет попивать свой кофе, а болгарин не устанавливает себе предела дневной прибыли и стремится получить как можно больше⁷¹. Именно это упорство, по мнению В. И. Немировича-Данченко, помогло быстро залечить нанесенные стране ужасные раны. С виду даже не скажешь, что по Болгарии недавно прокатился разрушительный, огненный вал русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Повсюду сверкают на солнце чистенькие стены окрестных домов, крыши их покрыты новой черепицей, которая словно улыбается вам издали, дворы обнесены каменными заборами, на лугах и в долинах пасутся огромные стада овец, буйволов и коз⁷². А ведь совсем недавно все было совсем по-другому: полное запустение, несколько неурожайных лет подряд, выпавших как раз на послевоенное время, введение тяжелых налогов, плюс заболевание виноградников филлоксерией. Тогда болгарский крестьянин ел мясо лишь дважды в год — обычную пищу его составлял один лишь хлеб, в который сверху продевывали отверстие, чтобы натолкать в него сладкого красного перца. Иначе и быть не могло, потому что гигантский смерч войны засосал в свою воронку всё нехитрое крестьянское имущество, сделав крестьянина более нищим, чем сами нищие⁷³.

Еще одна черта болгарского национального характера — скрытность и умение держать язык за зубами. После того как страна была освобождена от турок, болгары скрыли от русских властей, что по течению реки Искыр располагаются золотосодержащие пески. Сами они не переставали намывать золото, но дружно молчали, будто в рот воды набрали, как при турках, так и после прихода русских. Кроме того, оказалось, что в Витоше есть золото, серебро, медь и каменная соль, о которых русские за время своего годичного пребывания в Болгарии так ничего и не услышали⁷⁴. Качество это, засвидетельствованное В. И. Немировичем-Данченко, имеет свое подтверждение и в болгарской истории. Оно хорошо отражается в народной поговорке

«Пусть не знает турок, сколько у тебя детей, а грек — сколько денег». Поговорка эта восходит к XVI — XVIII вв., к тем временам, когда турки забирали у болгар красивых, крепких мальчиков в янычары, а симпатичных девочек в гаремы. Что же касается греков, то они в этот период прибрали к рукам торговлю в болгарских землях и славились умением ловко вытягивать деньги из болгарских крестьян. Случалось это, несомненно, и в более древние времена, например в XI — XII столетиях, когда Болгария находилась под византийским владычеством. Поэтому умение вовремя придержать язык и не проговориться сделалось, по нашему мнению, чертой национального характера болгар.

Особо следует остановиться на обвинении болгар русской прессой в трусости. Нечто подобное писалось в наших газетах ранее и в отношении сербов. Большое впечатление на участников войны 1877–1878 гг. произвела паника, вспыхнувшая среди болгар в Свиштове после первого неудачного штурма Плевны. Опасаясь турецких зверств, болгарское население беспорядочно хлынуло на понтонный мост через Дунай и едва не вывело его из строя. Сомневаться болгарам было отчего, потому что всё это напоминало трагедии прошлых лет: в 1806–1812 гг. русские войска взяли Пазарджик, Силистру и Разград, принудили к капитуляции Русе, но затем ушли; в 1828–1829 гг. они освободили Варну, Силистру, Адрианополь и снова покинули болгарскую землю; а теперь, в войне 1877–1878 гг., выбили турок из Ловеча и Казанлыка и опять отступили. А турки устроили в оставленных нами городах страшную резню. Во время войны 1877–1878 гг. зверства турок испытывали как болгары, так и русские. У захваченных русских солдат турки ремнями сдирали кожу, отрезали им поочередно руки и ноги, вставляли им в рот отрезанные половые органы, отрубали им головы на глазах у соотечественников за линией огня, разводили на груди связанных пленных костры. Не легче приходилось болгарам: им часто даже не вырезали, а вырывали внутренние органы, болгарских женщин и девочек турки не просто насиловали, но и закалывали их в процессе изнасилования. Любимой забавой башибузуков было соревнование, кто более ловко и сноровисто разорвет болгарского младенца надвое, ухватив его за обе ножки⁷⁵.

Именно поэтому многие болгары (как бы в опровержение мифа о болгарском корыстолюбии) готовы были сделать всё,

чтобы служить освобождению родной земли от турок, оказывали всевозможную помощь русским освободителям и нередко с оружием в руках. Болгарский проводник наших войск Ночу Вылчев и сопровождавший его старик-болгарин отказались от денег, и последний объяснил причину своего поступка следующим образом: турецкие головорезы из армии Сулейман-паши закололи всех его детей в деревушке Имитли после ухода из нее русских казаков. Габровцы потеряли большую часть вьючных животных, возя на них раненых, снаряды и амуницию, чем поставили себя на грань полного разорения. Но они не проявляли признаков озлобления, не роптали и не жаловались на судьбу, принимая потерю как исполнение нравственного долга⁷⁶. Жители некоторых болгарских сел безвозмездно передавали русским войскам волов, баранов и пшеницу, причем известен случай, когда подобный дар попал в руки нечистоплотного агента-снабженца, которого болгары ошибочно приняли за представителя русской армии. А тот, возрадовавшись счастливому случаю, продал армейцам дарованное по головокружительной цене⁷⁷. Что же касается храбрости шеститысячного болгарского ополчения, то в ней не приходилось сомневаться: почти каждый четвертый из них (около 1400⁷⁸) погиб, проявляя, по свидетельству генерала Н. Г. Столетова, беспримерный героизм. То же самое относится и к простым болгарским крестьянам и крестьянкам, которые носили воду и снедь русским воинам на позиции под шквальным огнем турок, выносили оттуда наших раненых. В одном из приказов И. В. Гурко болгарским ополченцам говорилось: «... вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами»⁷⁹.

Обращала на себя внимание русского общества в XIX в. тяга болгар к получению образования. До освобождения Болгарии от османского ига около тысячи молодых болгар получили образование в Москве, Одессе, Санкт-Петербурге, Кишиневе и Киеве. По словам В. В. Крестовского, потребность в просвещении распространялась среди болгарского племени с неудержимой силой. Последний грош, схороненный от турка, отдавался на учреждение школы, молодые болгары пробирались в Россию, «чтобы почерпнуть просвещение из родного источника и разлить его по болгарским городам и селам». Е. П. Южаков отмечал, что болгары ради образования детей готовы отдать последнее. По его наблюдению, число учеников в

болгарских школах значительно превосходило таковое в греческих. В одном лишь Кукуше только в начальных классах обучалось 250 болгар — в пять-десять раз больше, чем в обычной греческой школе. Ему говорили, что во всем городе не найдется ни одного болгарского мальчика, не умеющего читать. Разве что в совсем уж бедных болгарских семьях...⁸⁰ Ю. И. Венелин писал, что «Букварь», который издал в 1824 г. болгарский просветитель Петр Берон, отличается редким совершенством. По его утверждению, он «не видел ни одной русской азбуки, которую бы можно сравнить с достоинствами сей книжки»⁸¹.

Тяга болгар к образованию была настолько велика, что многие из них считали ее чем-то само собой разумеющимся. Поэтому во время освободительной войны 1877–1878 гг., расспрашивая русских о России, они отказывались верить, что в стране освободителей миллионы попросту неграмотны. «Как же может такое быть, — недоумевали болгары, — ведь турок в России нет...»⁸² При этом болгары отличались не только стремлением к образованию, но и определенными способностями к усвоению знаний. А. М. Спиридов писал, что представителям этого народа «легко даются иностранные языки, науки и искусства»⁸³. Однако русские власти относились к нарождающейся болгарской интеллигенции с известным недоверием и немного снисходительно, что в целом вполне понятно: слишком велики были лакуны в знаниях болгарских юношей, приезжавших учиться в престижные российские учебные заведения. Ведь в болгарских землях до изгнания из страны турок отсутствовала система школьного образования, не было ни достаточного количества школ, ни профессиональных учителей. Всё это создавало предпосылки для возникновения в малокультурной прослойке русского общества чувства высокомерия и чванства.

За годы освобождения страны от османского ига и временного пребывания в Болгарии русской администрации и русских военных инструкторов, создававших болгарскую армию, постепенно множилось число безобразных случаев, которые отталкивали болгар от освободителей. Вместе с несшими избавление от турок русскими солдатами перед глазами болгар предстала незнакомая и чуждая система социальных отношений царской России. Она обладала достоинствами и недостатками, но в условиях войны и в первые послевоенные годы в глаза бросались именно последние, и некоторые из них болгары

испытали на себе, в частности самодурство русских начальников. Среди местного населения ходила история о том, как один из них намеревался обязать болгар выращивать редьку, репу и обрабатывать землю на российский манер. Когда же к нему бросились за подробными разъяснениями, оказалось, что он и сам этого не знает. Столкнулись болгары и с русским взяточничеством, которое оказалось похлеще турецкого. В Варне ходили легенды о молодом русском полицмейстере, который был способен драть взятки и с живого и с мертвого. Невозможно было скрыть и казнокрадство, заключавшееся в присвоении некоторыми нашими офицерами денег, которые отпускались на довольствие обучаемых ими болгарских солдат. Часть казнокрадов возвела на эти средства в России роскошные имения⁸⁴.

Наиболее обидными были публичные оскорбительные высказывания представителей русской власти в адрес болгар. Один из русских генералов, например, на званом обеде в присутствии представителей болгарского, греческого и турецкого населения громогласно заявил, что все «братушки» подлецы, и стал выражать сожаление, что всех их не истребили поголовно турки. Тогда, по его словам, никакой войны вообще бы не произошло, и турки сделались бы друзьями русских. Многие учившие болгар русские офицеры ненавидели своих учеников, называя их буйволами. Они не скрывали перед ними своего презрения к лучшим людям Болгарии⁸⁵. «После всех самолюбивых капризов и бестактностей, которые мы творили в освобожденной Болгарии до 1886 г., — писал А. Амфитеатров, — не тому удивляться надо, что в ней есть русофобы, а тому, как еще главная масса народная и лучшая часть интеллигенции сохранили в себе решимость верить в Россию, любить ее и надеяться на нее. Это — всецело заслуга болгар»⁸⁶.

И произошло это, по нашему убеждению, благодаря той черте болгарского национального характера, которую не могли уловить русские люди XIX столетия, — трезвости болгарского ума и взвешенности при вынесении суждений. Болгарские крестьяне (бывшие тогда не просто костяком, а подавляющей массой болгарского народа) постепенно начали сознавать, что русские «братушки» так же бесправны перед своими офицерами и могут получить от них зуботычину или удар нагайкой, как и сами болгары. Они не могли не понять, что у русских солдат — крестьян из Курской, Рязанской, Орловской и других

губерний⁸⁷, есть свои собственные, хоть и не турецкие, «душманы». Они не могли не видеть, что среди русских офицеров и начальников не все сатрапы и держиморды — есть и совсем другие: умные, справедливые, гуманные, страдающие от того, что русские власти в Болгарии «запакостили святое дело», переживающие нервные срывы и пускающие из-за всего этого себе пулю в лоб⁸⁸. Точно так же они не могли не почувствовать доброту, сердечность и отзывчивость русских солдат-крестьян, готовых поделиться с беженцами последним куском хлеба, или усыновить сироту турчонка. Поэтому они двинулись за нашей армией со своими конями, волами и повозками, стали выносить под градом пуль наших раненых с поля боя, доставлять в самое пекло русским солдатам воду и снесь.

И последнее. Несмотря на часто возникавшее между болгарами и русскими непонимание, несмотря на имевшие место обиды на освободителей за тот или иной неблагоприятный поступок, болгарский крестьянин, по своей привычке всё взвешивать, не мог не прийти к мысли, что на каждого отдавшего свою жизнь за свободу страны болгарского ополченца, пришлось 130–150 русских солдат и офицеров — почти 200 тыс. человек. И, как уже говорилось, среди них были люди самые разные: богатые и бедные, умные и глупые, добрые и злые, милосердные и жестокие, благородные и низкие, святые и мерзавцы, скромные и наглые, честные и вороватые, целомудренные и развратные, спокойные и вспыльчивые, мирные и насильники, исполненные святого долга освободить болгар от ига и относившиеся к этому долгу абсолютно равнодушно. Болгарская земля приняла их всех, не спрашивая, кто и с какими мыслями в нее пришел и в ней упокоился. Но хороших среди них, без сомнения, было намного больше, чем плохих. Ибо нет на свете нехороших народов. Видимо, такой ход рассуждений большинства болгар не могут нарушить те продажные болгарские политики, которые на протяжении 130 прошедших после освобождения Болгарии лет время от времени пытаются разжечь в стране огонь русофобии. В сознании русского народа эта война запомнилась как война святая, предпринятая для освобождения единоговерного братского болгарского народа и не для того, чтобы завладеть им, а для того, чтобы избавить болгар от ига и позволить им жить так, как они желают. Она сопровождалась мощным, благородным порывом.

вом русской народной души и отмеченным Ф. М. Достоевским стремлением народа духовно очиститься от всех тех мерзостей, которые скопились в русском обществе к тому времени⁸⁹. Именно поэтому при объявлении манифеста о начале освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. многие русские люди крестились и радостно плакали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Немирович-Данченко В. И.* После войны. Очерки и впечатления русского корреспондента в освобожденной Болгарии. СПб., 1880. С. 2.

² См., например: *Гурьянов И.* Взгляд на Турецкую империю в теперящем ее состоянии. М., 1828; Молдавия, Валахия и Булгария // Московский телеграф. 1828. Т. 20. № 8. С. 522–526; [Полевой К. С.] Взгляд на состояние Турецкого государства // Московский телеграф. 1829. Ч. 28. № 16. Август. С. 465–481; *Ладыженский М.* Взгляд на Европейскую Турцию и окрестности Константинополя в топографическом и военном отношении, с присовокуплением описания главнейших постановлений Оттоманской империи. СПб., 1828; Новейшие исторические, политические и географические сведения о Турецкой империи, заимствованные из достоверных путешествий и исследований исторических. Ч. 1–3. М., 1828.

³ *Достян И. С.* Болгарите в руската литература и периодичен печат през първите десетолетия на XIX в. // Българското Възраждане и Русия. София, 1981. С. 193–210, 208.

⁴ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам М., 1829. С. 17. *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 44–45.

⁵ [*Стиридов А. М.*] Краткое обозрение народов Славянского племени, обитающих в Европейской части Турецкой империи // Северный архив. СПб., 1825. № XV. С. 191–234.

⁶ [*Стиридов А. М.*]. Краткое обозрение... С. 198–199.

⁷ Там же. С. 195, 200.

⁸ Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем в 1810 г. с историческими и статистическими замечаниями. Сообщено от служившего по Квартирмейстерской части отставного Майора и Кавалера Чуйкевича // Военный журнал. СПб., 1810. Кн. 4. Сентябрь. С. 91. Примечание 1.

⁹ [*Стиридов А. М.*] Краткое обозрение... С. 193–194.

¹⁰ *Суворин А. С.* Откажемся от Болгарии // Новое время. (СПб.) 21.IX. 1876. С. 1.

¹¹ *Немирович-Данченко В. И.* После войны. С. 4.

¹² Там же.

¹³ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. 1877–1878. Записки участника. М., 1900. С. 16.

¹⁴ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах // *Крестовский В. В.* Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1879. С. 167.

¹⁵ Скорее всего, В. В. Крестовский переименовал на русский манер болгарскую фамилию Павурджиев. — *И. К.*

¹⁶ *Крестовский В. В.* Двадцать месяцев...

¹⁷ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. С. 17. (Болгарские хозяева после просьбы ротмистра о чае поднесли ему чай с корицей. — *И. К.*)

¹⁸ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии // Современник. Т. 84. № 11. СПб., 1860. С. 193–220, 203.

¹⁹ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда... С. 111.

²⁰ «Братушками» стали любовно называть друг друга болгары и русские солдаты.

²¹ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента). 1877–1878. Т. 2. СПб., 1879. С. 263.

²² См.: *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских... С. 41–62.

²³ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 9.

²⁴ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгары... С. 9–10, 5.

²⁵ *Максимов Н. В.* Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн Н. В. Максимова (бывшего корреспондента на театре военных действий). Ч. 2. Война в Болгарии. СПб., 1879. С. 596.

²⁶ Там же.

²⁷ Мы не упоминаем здесь Крымскую войну 1853–1856 гг. из-за крайней незначительности боевых действий русских войск в болгарских землях. В те годы она заключалась лишь в вялой тридцатипятидневной осаде дунайской крепости Силистра в мае-июне 1854 г., а затем из-за концентрации войск Австрии на границе Дунайских княжеств и высадки в Варне союзных с Турцией войск Англии и Франции осада была снята, и русские солдаты возвратились на левый берег Дуная. См.: *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2. СПб., 1913. С. 428–429; *Пытин А. Н.* Старая и новая Болгария // Вестник Европы. СПб, 1877. № 5. С. 289–293.

²⁸ *Каравелов Л.* Записки за България и за българите // Възрожденски пьеписи. София, 1969. С. 227–228.

²⁹ *Макарова И. Ф.* Россия в представлениях и отношении к ней болгар (начало XVIII в. — 1875 г.) // Россия и Балканы. Из истории обще-

ственно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). М., 1995. С. 142–163, 146.

³⁰ Действующая Дунайская армия насчитывала более 260 тысяч человек (См.: *Ачкасов В. И., Барбасов А. П., Виноградов В. И., Митев Й., Ростунов И. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1977. С. 69), однако, следует учитывать, что в ее составе находились не только русские, но и представители других, населявших Российскую империю, народов: украинцы, финны и др.

³¹ См.: Руски пьегписи за българските земи XVII — XIX век/ Съставителство, предговор, коментар и бележки на М. Н. Кожухарова. София, 1986. С. 168. Приведенная здесь цифра из расчетов Ю. И. Венелина (750 тыс. болгар в Болгарии), конечно же, не отражала численности всех болгар на Балканах, включая Македонию и Фракию, но вполне соответствовала их числу, находившемуся в театре военных действий в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Исходя из этого, можно заключить, что общее соотношение болгар и русских в этом ареале составляло тогда приблизительно 3:1.

³² [Пьтин А. Н.] Наша печать и болгарские дела // Вестник Европы. СПб., 1877. № 10. С. 878–899, 885.

³³ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. С. 80–81.

³⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента). 1877–1878. Т. 1. СПб., 1878. С. 35; Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах. Т. 2. М., 1964. С. 43. № 109. Письмо от 28 июня 1877 г.

³⁵ См.: *Парфений монах* [Агеев Петр]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения в четырех частях. Ч. 2. М., 1855. С. 48–49, 54–55.

³⁶ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 200.

³⁷ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. С. 77. Ротмистр отмечал, что там, где русские войска проходили в первый раз, болгары встречали их радушно, а там, где уже ранее прошли другие, говорили, что ничего из припасов в домах не осталось — турки все забрали, и в знак неопровержимой правдивости своих слов щелкали себя ногтем по зубам.

³⁸ *Крестовский В. В.* Собр. соч. Т. 5. С. 124.

³⁹ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 245.

⁴⁰ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1877. Ноябрь. Самый лакейский случай, какой только может быть // Полное собр. соч. в 30-ти томах. Т. 26. Л., 1984. С. 73–74.

⁴¹ *Окрейц С. С.* На войне и дома. СПб., 1880. С. 118.

⁴² *Крестовский В. В.* Собр. соч. Т. 5. С. 317. Примечание 1.

⁴³ Болгары не употребляют слово «курица», используя вместо него звукоподражательное слово «кокошка», напоминающее куриное кудаханье. Русское слово «курица» звучит для болгар неприлично.

- ⁴⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 252.
- ⁴⁵ Там же. С. 251.
- ⁴⁶ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 224.
- ⁴⁷ *Крестовский В. В.* Собр. соч. Т. 5. С. 336–337.
- ⁴⁸ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 35–36, 252–253.
- ⁴⁹ *Достоевский Ф. М.* Самый лакейский случай... С. 74.
- ⁵⁰ *Филаретов С.* Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям. СПб., 1854. Второе издание «карманной книги» вышло накануне войны 1877–1878 гг.
- ⁵¹ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 250, 263.
- ⁵² *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 94–97.
- ⁵³ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 1. С. 34.
- ⁵⁴ *Ладыженский М.* Взгляд на Европейскую Турцию... С. 22–23.
- ⁵⁵ *Калиганов И. И.* Болгария и болгары глазами русских... С. 49–51.
- ⁵⁶ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 67, 248.
- ⁵⁷ [*Спиридов А. М.*]. Краткое обозрение... С. 195.
- ⁵⁸ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 208; Русский орел на Балканах. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания / Сост. Н. В. Ильина и Л. Я. Сагет. М., 2001. С. 51–52.
- ⁵⁹ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 262–263.
- ⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 135.
- ⁶¹ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 24.
- ⁶² *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 185.
- ⁶³ Там же. С. 258, 262; *Крестовский В. В.* Собр. соч. Т. 5. С. 93; *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда. С. 8. Эти и другие русские писатели и журналисты обращали внимание, что снабжение войск и оптовая торговля попали в руки товарищества Грегера, Горница и Когана (а затем Варшавского), не знавших границ в своем стремлении как можно больше нажиться на войне и устанавливавших на все товары и услуги заоблачные цены.
- ⁶⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 263.
- ⁶⁵ *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. Изд. 2-ое. СПб., 1907. С. 54.
- ⁶⁶ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 208.
- ⁶⁷ *Парфений монах* [Агеев Петр]. Сказание о странствии... Ч. 2. С. 47.
- ⁶⁸ Там же. С. 51; *Соллогуб В. А.* Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878. С. 40.
- ⁶⁹ *Пытин А. Н.* Наша печать и болгарские дела... С. 882.
- ⁷⁰ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 261.
- ⁷¹ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 121, 246.
- ⁷² Там же. С. 249.
- ⁷³ *Амфитеатров А.* Страна раздора... С. 6.

⁷⁴ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 6–7.

⁷⁵ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 1. С. 8–9, 19–20, 71, 219.

⁷⁶ Там же. Т. 1. С. 143. Т. 2. С. 83–84.

⁷⁷ Там же. Т. 2. С. 258.

⁷⁸ Численность болгарского ополчения в период освободительной войны 1877–1878 гг. колебалась от 900 до 4300 человек, но это были принятые на довольствие болгарские бойцы, а к ним примыкали и «нештатные» вооруженные добровольцы из местного населения. Этим же и объясняется некоторые расхождения приводимых авторами цифр. То же самое касается и потерь среди болгарских ополченцев и добровольцев. См.: *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 2. С. 253; *Иванов И. С.* Болгарское ополчение и его формирование. СПб., 1889. С. 14. *Овсяный Н.* Болгарское ополчение и Земское войско. СПб., 1904. С. 49, 54–55, 147–156; *Язаров Г.* Формиране на българското опълчение // Руско-турската освободителна война. 1877–1878. София, 1977. С. 66–76, 72. *Фролова М. М.* Болгарские вооруженные отряды в русско-турецких войнах XIX в. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 2006. С. 77–78.

⁷⁹ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны... Т. 1. С. 41, 45, 60–61, 73, 78, 84; Т. 2. С. 259; *Фортунатов П. К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 94.

⁸⁰ *Южаков Е. П.* Один месяц в Болгарии. С. 198.

⁸¹ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгары... С. 16.

⁸² *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 146.

⁸³ [*Спиридов А. М.*]. Краткое обозрение... С. 197–198.

⁸⁴ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 50, 93, 135.

⁸⁵ Там же. С. 82, 135.

⁸⁶ *Амфитеатров А.* Страна раздора... С. 172–173.

⁸⁷ Мы отдаем себе отчет, что в русских войсках, кроме солдат-крестьян, имелись и казаки, добровольцы из разночинцев, мещане, офицеры дворянского звания, но основную массу освободителей составляли именно русские крестьяне, так же как основную массу освобождаемого славянского народа — крестьяне болгарские.

⁸⁸ *Немирович-Данченко В. И.* После войны... С. 37.

⁸⁹ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1877. Январь–август // Полное собр. соч. в 30-ти томах. Т. 25. Л., 1983. С. 95–96; *Он же:* Дневник писателя. 1877. Ноябрь. Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать // Полное собр. соч. в 30-ти томах. Т. 26. Л., 1984. С. 80–82.

КОНЕЦ ТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВОБОДНОЙ ЖИЗНИ (МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И ЭМОЦИИ В БОЛГАРСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА 70-х — 80-х ГОДОВ XIX в.)

Об освобождении Болгарии от османского ига в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и о том ликовании болгар, с которым они встречали долгожданную свободу, написано множество научных работ. Нас интересует, однако, не ход военных действий, страдания и героизм русских и болгар или великая радость от осознания победы, а тот привкус горечи, которым она обычно сопровождается. Любую победу сопровождают известные поражения, и в конечном итоге она оказывается не такой, какой она долго представлялась. С учетом этого аспекта и строилась наша работа, и осуществлялся отбор соответствующих фактических материалов. Источниковой базой нам служила главным образом болгарская периодика времен упомянутой войны и первых лет после освобождения страны от турок. Именно пресса, вследствие быстротечности описываемых ею событий и их динамики, отражает эмоциональную реакцию общества на то или иное событие, продиктованную страхом, разочарованием, радостью, горем, стыдом, гордостью или различными фобиями. Осмысление эмоций как социально обусловленных состояний в последние годы начинает привлекать внимание литературоведов (Дамянова 2008), но, к сожалению, оно почти не заинтересовало историков. Анализ причин возникновения эмоций позволяет понять механизмы формирования многих национальных стереотипов и различного рода фобий, и в этом смысле эмоции как объект исторических исследований представляет определенную ценность.

Для начала следует очертить круг привлекаемых нами болгарских периодических изданий. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. почти все выходившие в эмиграции бол-

гарские газеты были закрыты. Исключение составляли лишь газета «Славянско братство» (она печаталась в Бухаресте с октября 1877 г., а затем с шестого номера издавалась в Русе до 26 мая 1878 г.) и газета «Българин» (она выпускалась в Бухаресте, с 1877 г., а затем выходила в Гюргево), отражавшая текущие политические и военные события. После образования Болгарского княжества число болгарских газет резко возросло, но многие из них быстро прекратили свое существование. Например, появившаяся в Русе в апреле 1879 г. юмористическая газета «Кърлеж» («Клещ») почти сразу же исчезла, причем от нее не сохранилось ни одного номера. Наиболее заметными болгарскими периодическими изданиями, возникшими сразу же после Освобождения, были газеты «Марица», «Витоша» и «Славянин». Первая из них поддерживалась русским правительством и издавалась до 1885 г. в Пловдиве. Вторая — появившаяся в Софии 30 мая 1879 г. и выходящая и поныне — являлась органом консерваторов и быстро превратилась в первое болгарское официальное периодическое издание. Первые номера «Витоши» редактировал сначала Т. С. Бурмов, возглавивший затем по просьбе князя Александра Баттенберга* первое болгарское правительство, его сменил М. Б. Балабанов, назначенный вскоре министром иностранных дел, а вслед за ним редактором стал Г. Начович, сделавшийся министром финансов. Главное внимание «Витоша» уделяла вопросам институтов власти, правам граждан и полемике с либеральными газетами, типа «Целокупна България» («Целостная Болгария») и давала отпор любым проявлениям либерализма, допускавшим нелиберальными изданиями. Третья газета, «Славянин», выходявшая с 11 апреля 1879 г. по начало XX в., именовала себя «народным листом о науке» и проявляла интерес к проблемам развития образования, сельского хозяйства и экономики. В общественно-политическом плане она стояла на позициях русофильства, хотя и не всегда последовательного (Боршуков 1976: 414–417). Существовал в то время ряд и других менее интересных для нашей темы болгарских изданий, и поэтому здесь они не анализируются — некоторые материалы из них привлекаются по мере надобности.

* Немецкий принц, сын австро-венгерского генерала и племянник русской императрицы, ставший первым князем Болгарии 17 апреля 1879 г.

* * *

Безмерная радость болгар после победы России над турками и заключения 3 марта 1878 г. прелиминарного Сан-Стефанского договора с Турцией быстро померкла. По этому договору Болгария должна была стать крупнейшим балканским государством с границами, включавшими все населенные болгарами земли от Черного до Эгейского моря. Однако через четыре месяца ситуация коренным образом изменилась: опасаясь появления на Балканах сильной, связанной этническим родством с Россией болгарской державы, Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия не признали русский сан-стефанский проект, превратив его в ничего не значащие листы бумаги. Под давлением западных сил 1 июля в Берлине был подписан новый договор (трактат), воспринимавшийся как глумление над пролитой русскими и болгарами кровью. В соответствии с этим трактатом, большая часть болгарского этноса оставалась в турецкой неволе или в составе соседних балканских государств: населенные болгарами Восточная Фракия и Македония по-прежнему должны были томиться под властью султана, Моравия отошла Сербии, а Северная Добруджа — Румынии. Будущее Княжество Болгария (в его землях до выбора князя вводилось двухлетнее русское управление) включало в себя в основном земли между Дунаем и Балканским горным массивом — на юге и западе княжеству достались лишь София и Кюстендил. Территория так называемой Восточной Румелии к югу от Балканских гор с центром в Пловдиве (за которой затем закрепилось название Южная Болгария) была передана в непосредственное ведение султана, который утверждал кандидатуру ее правителя. Интересно и то, что против сан-стефанского проекта выступали не только западные страны, но и непосредственные соседи Болгарии, недавно отвоевавшие свободу у турок: Греция, Сербия и Румыния. Их не устраивала перспектива получить в лице Болгарии превосходящего их по силе соперника.

Новорожденное Княжество Болгария существовало в границах, воспринимавшихся как временные и окончательно не закрепленные. Такое ощущение испытывали и сами болгары, и их соседи, и выносившие решение о демаркационных линиях «Великие силы» в Берлине. Болгары продолжали лелеять мечту о создании огромного национального государства в сан-стефанских границах «от моря до моря» и не признавали

Берлинский трактат. Сербия и Румыния как страны-победители намеревались увеличить свои территории за счет болгар. Турция желала возродить прежний доберлинский статус-кво и вернуть «свои» земли с отошедшими от султана «гяурами». А западные «Великие силы» и Россия занимались «перетягиванием каната», преследуя свои политические, экономические и стратегические интересы. Сложившаяся ситуация находила отражение в болгарской печати по-разному: в первую очередь писали о том, что болгарскому сердцу было ближе. Освещалось, например, тревожное положение в юго-западных районах Болгарии, где Европейская комиссия недостаточно четко маркировала границы с Турцией, что принесло беды местному болгарскому населению. Непонятно к кому отошедшее село Лисия по течению реки Струмы неподалеку от Бобошева неожиданно заняли башибузуки Молы Кадрини. Захваченные врасплох крестьяне почти нагишом, на босу ногу искали спасение в окрестных лесах или попрятались на нивах. Несколько женщин попали в руки захватчиков и подверглись страшным издевательствам. Разграблено было и село Фролеш, находящееся в двух часах езды от Бобошева. Жители соседних с Фролешем сел — Текията, Бураново, Боровец, Драгден, Цырквиште в страхе перед турецким набегом побросали свои дома и бежали куда глаза глядят. Прибывший туда милиционер Токмачев телеграфировал в столицу о критическом положении, прося прислать на выручку солдат*.

Спорные моменты по вопросам о границах возникли у Княжества не только с враждебной Турцией, но и с официально дружественными соседями Сербией и Румынией, принимавшими участие в освобождении Болгарии. Сербы, например, не торопились уходить из болгарских земель, занятых в ходе войны 1877–1878 гг., и военному комиссару Болгарии князю А. М. Дондукову пришлось лично обращаться к белградским руководителям, напоминая им о необходимости освободить в соответствии с международными договоренностями населенные пункты Брезник, Трын, Цариброд и их околии. Румыны, в свою очередь, стремились включить в состав своего государства Силистру, мотивируя свое желание удобством расположения этого порта для строительства моста через

* Витоша. 1879. 8 авг. № 21. С. 3.

Дунай и налаживания связи между Румынией и доставшейся ей Добруджей. И это несмотря на то, что Берлинский трактат предусматривал проведение румынской границы от Силистры, но не включая ее!

Немалые страхи терзали болгар при мысли о том, что случится со страной по истечении срока русского военного управления и ухода русских войск. Небольшая, только что созданная при помощи русских инструкторов болгарская армия вряд ли смогла бы оказать серьезное сопротивление Османской империи, вздумай та вновь оккупировать Балканы. Начало вывода русских войск через девять месяцев при ежедневном уменьшении их численности в Болгарии, по свидетельству газеты «Витоша», «производили на всех тягостное впечатление». Ведь еще совсем недавно «с восторгом встречали повсюду освободителей Болгарии — теперь же с жалостью наблюдают их уход...». Причиной «тягостного впечатления» был не уход «гостей драгоценных», а то обстоятельство, что «последнее слово в деле болгарской свободы еще далеко не сказано». Но, не в силах задержать гостей до завершения этой миссии, болгары, по словам безымянного корреспондента, «возлагают на них надежды и впредь». Здесь, конечно, не имелось в виду установление русскими у болгар неких общественно-демократических нововведений. Главная опасность заключалась в закреплении навечно за турками Южной Болгарии, оставшейся по Берлинскому договору в их временном ведении. Об этом, казалось бы, говорило намерение властей Османской империи переселить в Южную Болгарию 40 тыс. турок из Адрианопольской области и, не исключено, из Малой Азии и Африки, в том числе тех, кто резал болгар, сжигал дотла их деревни и совершал другие бесчинства. Настораживало также и ходившие слухи о переселении турок османскими властями из Северной Болгарии в Южную*.

Однако, судя по репортажу от 2 июля 1879 г. из Кюстендила, большинство оставшихся после войны 1877–1878 гг. турок не намеревались покидать Болгарию, поскольку им жилось в ней не так уж плохо. Они были освобождены от воинской повинности и пользовались относительной свободой. Им не запрещалось совершать мусульманское богослужение в сво-

* Витоша. 1879. 13 июня. № 5. Раздел «Разны новини». С. 4.

их мечетях, у них имелись школы «мектебы», никто не бросал в них камни, целясь в голову, как это ранее делали турки в отношении болгарских детей. Турки вели себя по большей части смиренно и выступали законопослушными гражданами. В местных тюрьмах их почти не было — тюремные камеры были заполнены преимущественно болгарскими беженцами из Македонии, кравшими и грабившими из-за крайней нищеты и отсутствия куска хлеба*.

В целом в населенных болгарских землях в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и сразу после нее произошли громадные этнические сдвиги и перемещения. В Северной Болгарии как бы естественным образом произошло увеличение болгарского этнического элемента. В нее переселилось около 100 тыс. забалканских болгар, которые покинули свои насиженные места, спасаясь от зверств «аскера» (солдат) наступавшей армии Сулейман-паши, и присоединились к отходившим частям генерала Гурко. После перехода через Балканы болгарские переселенцы получили разрешение русского командования поселиться в покинутых турками домах в Дрянове, Тырнове, Трявне, Севлиево и Горна-Оряховице. Они также получили право собирать урожай на брошенных турецких нивах, им передавался бесхозный турецкий скот. После Берлинского конгресса в Северную и Южную Болгарию начали переселяться болгары из Македонии и Фракии, не желавшие жить под властью турок. Но не везде отношение к беженцам было доброжелательное. В Тырнове, например, местные торговцы беженцев не привечали, а в Лясковце вообще отказались их принимать (Софроний — 1905: 22).

Настороженность относились и к перспективе переселения в воскресшее отечество крымских, валашских и австрийских болгар. Признавая полезность увеличения доли соплеменников в создававшейся новой Болгарии, ее ревнители были одновременно озабочены тем, что, в сущности, представляют ныне собой болгары, долго жившие на чужбине. Будут ли они трудиться во славу отечества, умножая его мощь и богатство, или же через несколько поколений они утратят присущее болгарам трудолюбие и поэтому будут целыми днями сидеть в кофейнях, потягивая турецкий кофе и покуривая кальян? На-

* Витоша». 1879. 18 июля. № 15. С. 3–4.

сколько много среди болгарских репатриантов хороших земледельцев и заслуживают ли они требуемых ими прогонных и суточных? Кроме того, в какой части страны их будут селить, на севере или юге, на западе или востоке? Конечно же, лучше всего болгарских репатриантов поселить в тех районах, где турки составляют большинство и где много пустующих домов, брошенных мусульманскими беженцами. Такая мера поможет отчасти установить этнический баланс, например, в восточной части Болгарского княжества. И наоборот, возвращение турецких беженцев к своим очагам в Болгарии создаст прямо противоположную картину и станет источником потенциальных взрывоопасных ситуаций.

Болгар возмущало отсутствие равного отношения к подданным и беженцам в Болгарии и Турции. Турецкие беженцы могли приехать в Княжество Болгария, восстановить свои права на покинутые дома и земли и продать их. А болгарские беженцы не имели возможности поехать в Турцию, чтобы распорядиться там своим брошенным имуществом. В Македонии турки занимаются разбоем, грабят и режут болгар, они каждый день подвергаются насилиям и унижениям, но турецкое правительство смотрит сквозь пальцы на бесчинства «правоверных» по отношению к «гяурам». Турецкие беженцы из Болгарии в Турции не хотят работать и живут за счет местных болгар, жизнь которых каждую минуту находится в опасности. В то же самое время никто не притесняет турок в Болгарском княжестве.

В связи с происходящими изменениями пропорций этносов в Княжестве Болгария местное болгарское население привел в волнение «еврейский вопрос» в Румынии. В статье «Евреи в Румынии, религиозная свобода, прозелитизм», опубликованной в газете «Витоша»^{*} отмечалось, что, согласно Берлинскому трактату, Румынии придется дать одинаковые гражданские и политические права 500 тыс. евреев, которые далеко не так образованны, как евреи в других местах Европы. По этому поводу в румынском парламенте было созвано особое заседание, и министру иностранных дел г. Боэреско было поручено объездить европейские дворы с целью убедить их в трудностях, которые стоят на пути быстрого воплощения этой идеи. В газете упоминалось и о сходности проблем в Греции, где в школах

* Витоша. 1879. 5 сентября. С. 2.

пытались ввести преподавание православия, невзирая на различия в вероисповедании учеников. Со ссылкой на брюссельскую газету «Норд», в статье говорилось об отсутствии единой формулы при проведении той или иной реформы во всей Европе. «Благодарзумыно при этом, — писала «Витоша», — принимать во внимание различие местных условий или, по крайней мере, не забывать о трудностях, с которыми сталкивались у себя недавно сами защитники новых начал. В России существует свобода вероисповедания, но без свободы пропаганды»*. По мнению газеты, Румыния и Греция больше всего страдают из-за своей чрезмерной веры западным силам и очарования некоторыми формулами, что видно на примере идеи о натурализации румынских евреев, которая встречается в народе сопротивление, основанное на равенстве взаимных интересов.

Суть озабоченности Румынии «еврейским вопросом» становится ясной при знакомстве с окружным письмом, которое румынский МИД отправил своим дипломатическим представителям в Европе с просьбой разъяснить румынскую позицию по поводу проблемы натурализации местных евреев. В нем напоминалось, что пункт о праве иностранцев на натурализацию без различия вероисповедания будет записан в создающейся Румынской конституции, тем не менее натурализацию нельзя осуществлять механически — она должна быть избирательной. По этому поводу в окружном письме, в частности, говорилось следующее: «В будущем любой иностранец, еврей или нееврей, может натурализоваться, согласно закону, невзирая на различия вероисповедания. Евреи в Румынии до сего времени никогда не были румынскими гражданами. А как они могут быть провозглашены таковыми в один день? В Валахии, а особенно Молдавии, где появилось более 300 тысяч евреев, как можем мы принять разом 150 тысяч новых граждан, фанатиков, невоспитанных, говорящих на чужом языке, исповедующих другую веру, имеющих другие нравы и другие чувства? Как можем мы склонить [их], воспринимаемых коренными жителями иностранцами и таковыми сами себя считающих? Это нанесло бы страшный удар по экономическим интересам, это обострило бы инстинкт личного самосохранения и вызвало бы чувство негодования даже у самых нерешительных; это повер-

* Там же. С. 2.

гло бы народ в отчаяние и подтолкнуло бы его к бунтам и Бог знает к каким еще другим крайностям! Нынешнее правительство никогда не взяло бы на себя эту ответственность и ни одно другое правительство тоже»*.

Еврейский вопрос приковал к себе внимание болгар и по другой причине. За пару месяцев до этого местную печать всполошил приезд в княжество двух еврейских торговцев из Бухареста с целью скупки недвижимости у потенциальных турецких эмигрантов. Скупщики общались только с турками, но журналисты быстро вывели у тех намерения чужаков. Установлено было, что в Бухаресте возникло еврейское общество по скупке земли и домов у будущих турецких переселенцев, которое сразу же отправило в Болгарию своих агентов для сбора информации. Торговцы выпытывали у турок имена собирающихся уезжать и убеждали тех не продавать свою недвижимость болгарам, обещая за нее более высокую цену**. При сопоставлении этих публикаций болгары задавались вопросом: уж не собирается ли часть румынских евреев переселиться в Болгарию, опираясь на резолюцию какого-либо нового европейского конгресса типа Берлинского?

Впрочем, может, и не захотят переселяться евреи в Болгарию, потому что уж больно в ней неспокойно. Повсюду рыщут турецкие разбойники, убивают, грабят, поджигают дома христиан. О разбойничестве упоминал даже в своей речи 23 марта 1880 г. в Народном собрании при вступлении на болгарский престол князь Александр Баттенберг, отметивший, что в восточной части страны оно начало приобретать угрожающие размеры***. Особенно много банд возникло в населенных турками лесистых местностях. Разбойники располагали большим количеством оружия: ятаганами, арабскими кремневыми ружьями, пистолетами и самыми современными винтовками Мартины и Пибоди. Оружие, подобранное на полях сражений войны 1877–1878 гг., имелось практически в каждом турецком доме и не сдавалось властям, несмотря на введение штрафов за незаконное им владение. В настоящее разбойничье гнездо превратилось село Сарукуванлык, в котором банды останавли-

* Витоша. 1879. 18 августа. № 24. «Еврейский вопрос». С. 4.

** Витоша. 1879. 27 июня. № 9. С. 3.

*** Витоша. 1880. 28 марта. № 80. С. 3.

валась на постой, запасались провизией и получали надежную информацию от своего связного «ятака». Село было окружено несколькими болгарскими ротами, и сельчанам-туркам предложили сдать оружие и выдать бандитов. Это предложение было отклонено, и тогда на сельской площади устроили перекличку сельчан, выявившую наличие восьми чужаков. При обыске в доме, где они остановились, обнаружили несколько винтовок, патроны и другие улики. Во время препровождения разбойников под конвоем в село Лопушна они пытались бежать, но при этом половину из них застрелили, а уцелевших отправили на виселицу. Интересно, что один из повешенных главарей по имени Иешил Ходжа Софта Али призывал турок из сел Лопушна, Ганчево, Пиридже, Караборун, Кизилпилиг и других переселиться в другое место, где нет властей и налогов, выбрать себе «князя» и жить абсолютно независимо*.

Очень тревожно было в Провадии, где турки убивали и грабили местное население, как будто и не было никакого Освобождения. Здесь в Провадийском и Айтосском округах, по Камчи-бою и в Дели-Ормане на Балкане бесчинствовали бандиты, сбивавшиеся в хищные стаи вокруг своих вожаков Чобан Хасана, Мелек-олу Край Селима, Садиалу Ахмеда, Шумнулу Эрибакана, Бозаджи Мехмед Гуридова, Кыржалу и других. Они не давали крестьянам спокойно жить ни минуты. Если те выходили работать в поле, тотчас же появлялись вооруженные турки и, гоняясь за ними со стрельбой, захватывали заложников. Бандиты убили подле села Ченгя айтосского пристава Антона и двух сопровождавших его милиционеров. После ухода русских войск турки вконец обнаглели, говоря, что болгарам не пристало носить оружие и что скоро, не позднее Димитрова дня (26 октября. — *И. К.*), снова придет турецкая власть. Поэтому они не испытывали ни малейшего уважения к болгарским милиционерам, считая их временщиками**.

Грабеж болгарского и турецкого населения в Княжестве Болгария происходил постоянно. Грабителям было всё равно кого грабить: турецкие разбойники-апаши грабили турок не меньше, чем болгар, словно соревнуясь с не уступавшими им в лихости болгарскими душегубами. Только за июнь-июль 1879 г.

* Витоша. 1880. 22 мая. № 92. С. 1–2.

** Витоша. 1879. 8 августа. № 21. С. 3.

ограбления произошли в Эленском округе в селах Доспатлу, Персенлик, Чанаджик, Тузлу-Алан, Каранлар и др. Некоторые нападения были совершены с особой дерзостью. В селе Тича (Читак) десять вооруженных турок напали на милиционера Петра Цанева Дюлгерина, избили его, отняли у него винтовку и 500 наличных грошей. А в селе Падарлык бандиты ограбили сельского старосту, отобрав у него хлеб за неимением денег, причем издевательски наказали ему непременно пожаловаться на них властям в г. Осман-Пазар. Нападениям подвергались одинокие путники, пасущие отары овец пастухи, группы богомольцев, дома богатых крестьян. 27 июня 1879 г. объектом нападения стал Осман-Пазар, в котором неустановленное число разбойников пыталось захватить и ограбить полицейский пункт, вызвав ожесточенную перестрелку. Наглым был и налет, совершенный на следующий день на село Мечикчилер, где грабители разоружили сельский караул, в том числе и сына начальника. Они заставили последнего показать отцовский дом, где, не найдя денег, довольствовались новой жилеткой*.

Часто убивали и грабили в находящейся между Вырбицей и Преславом Герловской долине, где из 43 сел только одно было болгарским, а все остальные — турецкими. Впрочем, турецкими они только назывались, поскольку большую часть их населения составляли помаки — болгары, некогда принявшие ислам. Помаки не уступали туркам в свирепости, дерзости и готовности к насилиям. Они заставляли православных болгар работать на нивах по воскресеньям и другим христианским праздникам, отбирали у них зерно и сено, поджигали дома несговорчивых, угоняли крупный и мелкий рогатый скот и совершали другие несправедные дела. Они чувствовали себя абсолютно безнаказанными, поскольку на каждые 14 сел здесь приходилось только по одному приставу и пять-шесть милиционеров. Поэтому каждое герловское село выставляло свой ночной дозор, от которого, правда, было мало проку. Недавно разбойники напали на пожилую турецкую семью и долго ее мучили: старику жгли и резали ногу, выпытывая, где в доме хранятся деньги. А другой жертве в подобной ситуации злодеи прострелили ногу**.

* Там же. С. 3.

** Витоша. 1880. 28 мая. № 93. С. 3–4.

Схожим было отношение помаков к православным болгарам и в Македонии. В январе 1880 г. в местечке Мехомия близ Разграда они сожгли 14 домов и хлевов у болгарских соседей, причем при тушении пожаров разграбили их имущество, предлагая за него потом пострадавшим ничтожные деньги. Здесь была создана дружина из турок, которая вместо охраны стала заниматься разбоем. Вымазав лица сажей, они напали на купеческий караван, отобрав купленную накануне муку, затем ограбили пятерых богомольцев, идущих в Софию. Четверо из них были убиты, а пятому удалось сбежать и сообщить властям имена убийц. Однако власти лишь слегка пожурили задержанных убийц, а затем отпустили, по-отечески посоветовав им впредь быть осторожнее*. Жестоко расправились разбойники с крестьянином Неделчу Георгиевым из села Куванджилари, Он был призван на службу в Разград, но затем отослан домой по причине непригодности к военной службе. Разбойники подстерегли его на дороге между Русе и Тутраканом, отобрали коня, а самого сожгли живьем**.

Доведенное до отчаяния турецким насилием очень часто восставало население Западной Македонии***. В период войны 1877–1878 гг. оно массово вступало в болгарское ополчение. Македонские болгары помогали русским войскам перейти через Балканы. В Сересе церковную службу вели на церковнославянском языке, заглушая пение громкими возгласами, чтобы об этом не сообщили властям турецкие осведомители. В Охриде тайно готовились к встрече русских освободителей, передавая из уст в уста радостную весть: «Московцы близко!», «Идет Дед Иван!» (Дойнов 1976: 136–137). Когда надежда на освобождение Македонии рухнула, принято было решение о выступлении с оружием в руках в Кресне и Разлоге. На рассвете 5 октября 1878 г. около семисот восставших после 18-часового боя разгромили неприятеля в Кресне, а затем устремились на юг, освободив села Ошава, Влахи и Ново село. Не смогли выдержать их напора и посланные против непокорных «гяуров» 1000 башибу-

* Витоша. 1880. 11 июня. № 95. С. 1–2.

** Славянин. 1880. 9 июня. № 8. С. 63.

*** Это название впервые ввел в оборот в 1860-х гг. ученый и просветитель К. Миладинов в письме Г. С. Раковскому. См.: Архив. Г. С. Раковского. София, 1952. Т. 1. С. 216.

зуков. Второй очаг восстания вспыхнул в Банско и Бане, где успешно затем отбили атаки башибузуков во главе с их известным предводителем Тефик-беем. Сломить сопротивление восставших турки смогли лишь весной следующего года, послав более 8000 солдат регулярных турецких войск (Дойнов 1993: 54–59).

Восстание в Македонии освещалось в газете «Славянин». Неизвестный корреспондент в рубрике «Разни новини» известил читателя, что после оставления русскими войсками Джумаи, Крупника, Симитли, Ораново и Грабово эти места вскоре оказались в руках повстанцев. Их численность в Мелникской и Карловской околии составляла приблизительно 12 тысяч человек. Штаб повстанцев располагался в Мехуле рядом с Кресной. Основное ядро составляла восьмитысячная дружина воеводы Маринова, дислоцировавшаяся в Долнем Драгалиште. Другой воевода, по имени Илия Марков (Попстоянов 1988: 75–82), с двумя тысячами дружинников контролировал дороги на Серес, Мелник, Кресну, Разлог и берега Струмы. По словам корреспондента, все повстанцы были хорошо вооружены, имея в своем распоряжении современные винтовки Мартини и Пибоди*.

Турки, в свою очередь, тоже не дремали, предпринимая попытки вернуть себе отвоеванные московскими «гяурами» земли. Они пользовались ошибкой болгарского правительства, запретившего деятельность добровольных дружин «чет», которые успешно охраняли приграничные болгарские села от нападений разбойников. Правительство бросило в тюрьмы четников «комитов», а турки, понимая, что теперь им противостоят всего лишь какие-то милиционеры — необученные военному делу вчерашние пастухи и пахари, — принялись разорять болгарские земли и проверять болгарские границы на прочность. Хюсеин-паша, командовавший силами турок напротив Кюстендилского округа, направил в Болгарию отряд башибузуков, которые захватили командную высоту Планиница, выбив оттуда болгарский пост. Для очистки данной территории были посланы болгарские регулярные части из центра. Другой турецкий командир, Сюлейман-паша, войска которого располагались напротив Дупницы, занял болгарские территории на 15–20 верст в глубь от временной границы, надеясь, что при маркировке границ Болгарского княжества захваченные тур-

* Славянин. 1879. 28 апреля. № 2. С. 16.

ками земли отойдут Османской империи. Хотя Европейская комиссия объявила села Лисия, Текия и Дреново нейтральными, турки захватили их вместе с другими богатыми селами Фролещ, Ваксово, Тишаново и Церверица вместе с принадлежащими им плодородными землями. Укрепились тогда турки и на господствующей высоте Влайна, что позволяло им в случае широкомасштабного военного конфликта легко перерезать дорогу между Дупницей и Кюстендилом*.

Неспокойно было и в восточных областях Болгарского княжества: здесь орудовали шайки турецких разбойников, и появились слухи о готовящемся восстании против «неверных». Вначале весть о предстоящем выступлении турок принесли в Варну в мае 1879 г. болгарские путники из Пазарджика, сообщившие, что в его окрестностях появились две шайки разбойников из 9 и 12 человек. Один из схваченных душегубов на допросе показал, что турки таятся до поры до времени, ожидая, когда русские уйдут**. Численность турецких разбойников в Шуменской околии и на румелийской границе непрерывно росла, что создавало сильную напряженность. Из газетных репортажей известно, что 26 апреля 1880 г. 120 солдат Ломницкой дружины окружили в пограничном селе Белово около 500 вооруженных турок. Из Шумена, Свиштова и Тырнова для обезвреживания турецких шаек выступили болгарские военные подразделения. Ранее в конце февраля 1880 г. Тырновская кавалерия в селе Реджеб-Махле разгромила турецких разбойников под предводительством Дели Хасана, Мусы и Чобан Хасана. О сосредоточении столь большого числа вооруженных турок болгарским военным сообщил мельник, случайно заметивший передвижение турецкой конницы. В результате турки были блокированы в указанном селе и разбиты. Около шести десятков разбойников было убито, первые два из названных предводителей сгорели живьем в осажденном доме, а третий сумел улизнуть с остатками шайки. Другая турецкая банда во главе с главарем Эрибаканом орудовала между селами Белово и Лопушна. Она отличалась тем, что захватывала заложников из болгар и мучила их, требуя выкупа у родственников. Иногда заложникам удавалось бежать, но такое случалось редко. Банда

* Витоша. 1879. 11 августа. № 22. С. 1–2.

** Славянин. 1879. 19 мая. № 5. С. 39.

оказала отчаянное сопротивление войскам, но затем отступила, а ее предводитель Эрибакан был убит в перестрелке*.

Призыв к восстанию действительно имел место: он прозвучал 14 апреля 1880 г. близ села Челебикнё, где на сход в лощине собрались две-три тысячи мусульманских богомольцев из Белова и других 18 сел. Речь держал Иешил Ходжа Мехмед Эфенди, подстрекавший собравшихся не подчиняться «гяурам». Он обвинял солдат «неверных» в реквизиции провизии у мусульман, хотя имевшиеся у властей денежные расписки свидетельствовали об обратном. Одновременно ходжа вселял в «правоверных» надежду, что турецкое господство в Болгарии скоро будет восстановлено. В сходе участвовал и Чобан Хасан, созвавший ранее турецких первенцев на званое угощение по случаю своего «чудесного» спасения от Тырновской кавалерии в селе Реджеб-Махле. Спустя десяток дней после схода около полутысячи головорезов Чобан Хасана окружили находящихся в селе Белово болгарских солдат и кавалеристов и предъявили им наглый ультиматум, требуя сдаться. Болгары его отклонили, и началась перестрелка, длившаяся несколько часов. На рассвете на подмогу прибыли две роты Ломницкой дружины, Тырновская кавалерия и Плевненская рота, атаки которых обратили турок в бегство, потерявших при этом восемь человек убитыми и неизвестное число раненых. В качестве наказания за участие в восстании село Белово и два пограничных турецких села по приказу командования были сожжены дотла. Болгарская сторона также понесла потери: один убитый унтер-офицер и трое раненых солдат. В репортажах обращает на себя внимание то, что болгарскими подразделениями командовали русские офицеры**.

Справиться с опасной ситуацией в будущем могла лишь хорошо обученная национальная регулярная армия, за строительством которой напряженно следили болгары. Его осуществляли оставшиеся в стране русские военные инструкторы, составившие четкий план работы. В двух частях Болгарии была введена военная повинность с обязательным прохождением ее мужчинами 20–30-летнего возраста. В Северной Болгарии планировалось создать Земское войско из 30 пехот-

* Витоша. 1880. 14 мая. № 91. С. 2–3.

** Витоша. 1880. 22 мая. № 92. С. 1–2.

ных дружин, 8 батарей, 6 конных сотен, батареи осадной артиллерии и двух саперных рот. В апреле 1878 г. численность «северной» болгарской армии составила чуть более 31 тысячи человек (Овсяный 1904: 74; 1907: 123) В Южной Болгарии членов болгарских воинских формирований называли милиционерами (чтобы не подчинять их турецким офицерам), но они носили униформу, аналогичную солдатской униформе в Северной Болгарии. Формирования милиционеров состояли из 9 дружин и двух конных сотен, имея общую численность около 10 тысяч человек (Сборник 1903–1907: Вып. 3: 83). Разумеется, сдержать такими силами предполагаемое вторжение турок после ухода русских войск было бы невозможно. Не хватало их и для пресечения разбоя турецких шаек в сельской местности. У болгарского правительства отсутствовали необходимые денежные средства на обмундирование и вооружение солдат и офицеров*. Нередко, особенно в провинции, местное население впадало в уныние, видя полуголодных, разутых болгарских солдат в гражданской одежде**.

Стабилизация внутреннего положения в Болгарии и гарантия ее выживания в окружении опасных соседей после ухода русских войск зависели только от быстроты наращивания мощи болгарской армии. В Софии было открыто двухлетнее военное училище для подготовки болгарских офицеров (в Земском войске их было на первых порах всего 36 человек, т. е. менее 10 % от численности всего офицерского корпуса), и весной 1879 г. его выпускниками стало более 100 болгар. Помимо офицеров, осуществлялась также подготовка болгарских сержантов в особой учебной дружине и роте. В Южной Болгарии массовое военное обучение болгар происходило в организованных для этой цели многочисленных обществах, названных для маскировки «спортивно-гимнастическими». Позднее их переименовали в «Народную гвардию», которую русские генералы М. Д. Скобелев, А. Д. Столыпин и Духонин привлекали к широкомасштабным маневрам, проводившимися дружинами

* Вооружение нередко поставлялось в качестве безвозмездной помощи из России: известно, например, что в феврале 1880 г. в Болгарию прибыл из Одессы военный пароход «Голубчик» с сорока тысячами дарованных винтовок системы Бердана для болгарской армии (Витоша 1880. 20 февраля. № 70. С. 3). См. также: Вълков 1978: 46.

** Витоша. 1879. 18 июля. № 15. С. 4.

милиционеров и русскими батальонами. Эти маневры прошли в марте-мае 1879 г. в Казанлыке, Пазарджике, Сливене, Пловдиве и других местах не только ради проверки воинской выучки болгарских «гимнастов», но для демонстрации английским и французским корреспондентам возросших возможностей болгарской армии (Тодоров 1958: 391–394). Болгарские милиционеры и «гимнасты» своей слаженностью и четкостью вызывали восторг у собиравшихся зрителей. Если бы Турция попробовала ввести свои войска в Южную Болгарию, ей бы пришлось иметь дело не только с русской военной силой, но и со стотысячной болгарской армией. «Болгары, — писала газета «Българско знаме», — оповестили Европу о неудобстве того положения, которое она уготовила им в Берлине. И, если ныне Европа, вместо того, чтобы внять их просьбе и удовлетворить их права, пожелает навязать им штыками свой произвол, пусть знает, что и у болгар есть свои штыки и что они готовы умереть, защищая собственные человеческие права»*.

Но создать боеспособную болгарскую армию удалось далеко не сразу. Большие проблемы возникали с дисциплиной новобранцев, которые могли самовольно покинуть расположение части и отсутствовать несколько суток из-за свадьбы друга или дня рождения кого-либо из родственников. Все надежды возлагались на русских инструкторов, но к ним же одновременно предъявлялись очень высокие требования. «Мы скажем тем [русским] офицерам и командирам, которые пренебрегли спокойной жизнью и остались в нашем отечестве, движимые великой идеей создания болгарской армии, что, если им удастся осуществить свой идеал, они будут покрыты славой или, наоборот, позором в случае неуспеха. То есть, если вместо регулярной армии получится лишь толпа башибузуков или янычаров, нашим учителям не будет никакого прощения и оправдания, потому что дела человека ценятся по их успешности независимо от того, благоприятными или неблагоприятными были обстоятельства. И особенно в отношении Болгарии, которая не примет каких-либо извинений; наш народ любит свою армию, наше правительство идет на всевозможные жертвы; наши новобранцы послушны и трудолюбивы. Следовательно, единственно от учителей зависит, привьют ли они

* Българско знаме. 1879. 31 марта. № 8.

ученикам хорошие качества, единственно они способны предостеречь учеников от всех упомянутых пороков, к которым хотели бы склонить невинных и простодушных солдат некоторые черные силы»*.

Смысл конечной загадочной фразы, в которой фигурируют некие «черные силы», становится ясным только после знакомства с полемикой, развернувшейся между русофилами и ориентированными на Запад русофобами. Последние ставили под сомнение целесообразность создания болгарской армии русскими инструкторами и специалистами. Перепалка между двумя сторонами вспыхнула после публикации в газете «Славянин» статьи под названием «Жалостное зрелище!!!». В ней рассказывалось о жесткой экзекуции, совершенной публично над болгарским солдатом в Архангелов день (8 ноября. — *И. К.*) перед зданием полицейского управления в Русе. В статье описывалось, как 10 болгарских солдат наказывали розгами своего распростертого на земле товарища, да с такой силой, что из тела наказуемого сочилась кровь. Удары наносились по команде командира, который зычным голосом считал их число. Газета установила, что наказание солдату было назначено за то, что подстрекал сослуживцев игнорировать приказы русского командира. Это вызвало у автора публикации крайнее возмущение: такое «в наше время»(!), «таким способом» (!), «будто наши солдаты не люди с душой и телом, но животные» (!). И, всё больше распаляясь, он гневно восклицал: «Да существует ли подобный закон? Болгарские солдаты — честь нашего народа, слава и надежда, но, похоже, они переданы в руки палачей, а не наставников и воспитателей. Болгарский солдат не увлекается водкой, не желает, чтобы им помыкали, как рабом, и не может быть превращен в бессловесное животное!»**.

На эти обвинения очень сдержанно и корректно отреагировала газета «Витоша», охарактеризовав данную статью в «Славянине» как фактически завуалированный призыв к болгарским солдатам не подчиняться приказам своих русских командиров — прямой путь к расшатыванию воинской дисциплины и наступлению в армии анархии. Добавим от себя, что физические наказания предусматривали уставы практически

* Витоша. 1879. 20 ноября. № 49. С. 2.

** Славянин. 1879. 10 ноября. № 3. С. 244.

всех европейских армий XIX в. Соблюдение положений воинского устава было неременным условием профессиональной подготовки болгарских солдат. Последняя, к счастью, была успешно завершена: она проявилась впоследствии во время боевых действий болгарской армии против своих противников.

Совершались нападки в болгарской прессе и на русских гражданских специалистов, помогавших создавать государственный, административный и технический аппарат Болгарии. Решение об участии в таком строительстве было принято еще до переправы русской армии через Дунай, и князь В. А. Черкасский загодя назначил 80 русских офицеров будущими болгарскими окружными начальниками, полицмейстерами и губернаторами (Анучин 1895: 50). В дальнейшем госаппарат разрастался и разветвлялся, он пополнялся болгарскими — выпускниками российских университетов, которых разыскивали через МИД России, Одесское настоятельство и Славянские комитеты Москвы и Санкт-Петербурга (Освобождение Болгарии 2: 98–99, 106–107). Русское управление в Болгарии вызывало критику некоторых болгарских газет, которые считали, что управленческий аппарат в Северной Болгарии слишком раздут, носит бюрократический характер и исполняет в стране «распоряжения своего отечества». Особенно активной была в этом смысле газета «Българин», в которой под рубрикой «Из България» («В Болгарии») были опубликованы такие статьи, как «Добре ли си правим?» («Хорошо ли мы поступаем?»)* и «Защо не трябва да мълчим?» («Почему нельзя молчать?»)**. Газета ратовала за создание за создание простого, эффективного и дешевого управленческого аппарата.

Иногда критика в адрес русских управленцев в Болгарии становилось сенсацией дня. В январе 1880 г. в обычно сдержанной газете «Целокупна България» («Целостная Болгария») появилась крайне резкая статья, направленная против директора общественных зданий, русского инженера Копыткина. Автор публикации, писарь данной дирекции В. Неделев, выступивший под псевдонимом «Неработников», обвинял Копыткина в непрофессионализме, злоупотреблении служебным

* Българин. 1878. 15 октябрия. № 98. С. 1.

** Българин. 1878. 19 октябрия. № 99. С.1; Българин. 22 октябрия. № 100. С. 1.

положением и ничегонеделанием за высокое вознаграждение в 16 тыс. франков. Иностранцы в статье сравнивались с саранчой, устроившей пир при государственной кормушке (Танкова 1994: 33). Тон выступления В. Неделева был настолько беспардонным, что русский дипломатический агент Давыдов предложил властям предъявить газете официальные претензии или даже закрыть ее, как это делают в таких случаях, опираясь на турецкое законодательство, в Южной Болгарии (Иречек 1930: 101). Необходимо отметить, что созданный русскими специалистами государственный аппарат доказал свою пригодность и для болгарской действительности. Среди русских управленцев, наверняка, попадались и слабые руководители, как это, возможно, было в случае с инженером Копыткиным. Хотя здесь не исключена и личная месть со стороны В. Неделева или его недовольство своим начальником из-за неудавшейся карьеры. Что же касается обвинения в раздутости штатов русского управления в Северной Болгарии, то в качестве контраргумента можно напомнить, что созданное Европейской Румелийской комиссией управление в Южной Болгарии по числу чиновников почти в два раза превышало русское (Тодоров 58: 117).

В целом полемика между русофилами и русофобами в Болгарии носила очень острый характер. Русофобы обвиняли своих противников в рабской преданности России и получении из нее денежных средств. Но русофилы наносили в ответ гораздо более чувствительные уколы. «Болгарский народ, — писалось в одной из передовых статей «Витоши», — недавно был счастлив, освобожденный войсками российского императора, и благодаря жертвам со стороны сочувствующего нам братского русского народа получил Конституционную свободу. Несмотря на это, болгарская квази-либеральная интеллигенция, не пролившая ни одной капли крови, не получившая ни одной игольной царапины, не перенесшая ни одного укуса комара или слепня, пытается поднимать вой, пренебрегая какой-либо нравственной, уголовной или даже гражданской ответственностью»*.

Болгарская русофобия ведет свое начало с деятельности Неофита Бозвели, нарастает с начала 1860-х гг. после переселения части болгар в Россию (История 2004: 397–398, 409),

* Витоша. 1880. 26 июня. № 98. С. 1.

усиливается в борьбе за самостоятельную Болгарскую Церковь и по многим другим причинам. Это очень интересная тема, но ее детальная разработка не входит сейчас в нашу задачу.

Итак, попытаемся обобщить наши наблюдения над представленными материалами болгарской прессы времен русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и первых после нее лет. Появлявшиеся в болгарских газетах публикации, их тон, содержание и выбор тематики свидетельствуют о том, что после Освобождения страны от османского ига и отрезвления от пьянящей свободы болгары осознали, что все беды и испытания у них отнюдь не позади. Получили свободу — но свободу в урезанном виде: большую часть соплеменников во Фракии и Македонии после Берлинского трактата принудили и дальше жить под османском игом. Турки ушли, и турки остались: грабят, режут и жгут не меньше, чем раньше под властью султана. Границы зыбки, соседи стремятся их отодвинуть и урвать себе побольше болгарской земли. Ну а турки и вовсе только и ждут ухода русских войск из страны — сразу двинут свои армии на север и снова захватят то, что русские и болгары у турок своей кровью отвоевали. Так на кого же нам, болгарам, теперь опереться? Своя армия — пока лилипут, и народа болгарского мало. Можно привлечь болгарских эмигрантов из России, Румынии и Австрии, но какими они стали после стольких лет пребывания на чужбине? Уживемся ли с ними? И турецкие беженцы норовят в Болгарию возвратиться — потенциальные помощники султана во время возможного наступления турок. Так пускать их в Болгарию или не пускать? А европейские законы — не шутка! Не всегда они в ладу со здравым смыслом и народным желанием. Как в Румынии: возьмут и сделают вопреки воле румынского народа его согражданами, имеющими ране с ним права полмиллиона пришлых евреев! И русские «братушки» не идеальны: пьют и насильничают. Только вкусили болгары свободы и вот тебе, нате — русские розги!

Именно такой ход рассуждений болгар и их эмоциональные переживания проступают при чтении болгарской прессы упомянутого нами отрезка времени. Они свидетельствуют о том, что болгарский народ испытывал тогда чувство страха и неуверенности, смятения и растерянности, находился в состоянии отрезвления от пьянящей свободы и медленного осознания уже не азиатско-турецкой, а европейской жестокой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

Анучин 1895 — *Анучин Д.* Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии 1877–1878 гг. // Русская старина. СПб., 1895. Т. 83. Кн. 2.

Боршуков 1976 — *Боршуков Г.* История на българската журналистика. 1844–1877. 1878–1885. София, 1976.

Вълков 1978 — *Вълков Г.* Военният аспект на българо-руските отношения (1877–1885) // Външната политика на България 1877–1944. София, 1978.

Дамянова 2008 — *Дамянова Р.* Емоциите в културата на Българското възраждане. София, 2008.

Дойнов 1976 — *Дойнов Д.* Национално-революционните борби в Югозападна България през 60-те и 70-те години на XIX в. София, 1976.

Дойнов 1993 — *Дойнов Д.* Кресненско-разложкото въстание 1877–1879 г. София, 1993.

Иречек 1930 — *Иречек К.* Български дневник. 1879–1884. Пловдив, София, 1930. Т. 1.

История 2004 — История на България в осем тома. Късно средновековие и Възраждане. Т. 2. София, 2004.

Овсяный 1904 — *Овсяный Н. Р.* Болгарское ополчение и Земское войско. СПб., 1904.

Овсяный 1907 — *Овсяный Н. Р.* Русское управление в Болгарии. 1877–1879. Т. 1–3. СПб., 1906–1907.

Освобождение Болгарии 2 — Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964.

Попстоянов 1988 — *Попстоянов К.* 30 години назад. Исторически записки по първото македонско въстание. София, 1988.

Сборник 1903–1907 — Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–1879 гг. Вып. 1–6. СПб., 1903–1907. Вып. 3.

Софроний 1905 — *Софроний архимандрит.* Спомени от Главната квартира на Цар Освободител при село Горна Студена през Освободителната война. София, 1905.

Танкова 1994 — *Танкова В.* Свобода на печата в Княжество България и Източна Румелия. 1879–1885. Пловдив, 1994.

Тодоров 1958 — *Тодоров Г.* Военното руско управление през 1877–1879. София, 1958.

ГОГОЛЬ И РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.

Из русских авторов на болгарских писателей второй половины XIX в. наиболее сильно влиял Н. В. Гоголь (1809–1852). Следы этого влияния можно найти как в литературной критике, так и в самых разных литературных жанрах: повестях, рассказах, драмах, поэтических эссе и др. Точка его отсчета — начало формирования «новой» болгарской литературы, истоки которой иногда неоправданно смещают ко времени Паисия Хилендарского и к появлению его «Истории славяноболгарской» (1762). На самом же деле упомянутое историографическое произведение знаменовало собой в болгарских землях начало переходного периода от затянувшегося Средневековья к литературной эпохе, построенной на принципиально «новых» идеологических и эстетических принципах. Возникновение в болгарской литературе качественно иных, более современных литературных явлений европейского типа происходит позднее, в 40-е — 50-е гг. XIX столетия¹.

Избегая чрезмерной фактографии при обзоре влияния Гоголя на развитие болгарской литературы (в особенности в период болгарского Национального возрождения)², отметим лишь основные этапы гоголевского воздействия в упомянутых нами литературных жанрах. Его начало не следует относить к появлению первого перевода произведения Гоголя на болгарский язык. Что из Гоголя было раньше всего переведено на родной язык болгар, литературоведам хорошо известно. Это огласил еще в 1909 г. знаменитый болгарский поэт Пенчо Славейков, приехавший в Россию по случаю столетия со дня рождения русского классика. На торжественном заседании в Московском университете он упомянул, что первым текстом

Гоголя, переведённым на болгарский язык, стало лирическое вступление к VII главе «Мертвых душ». Оно было опубликовано в «Цареградской газете» в 1858 г. под заглавием «Два писателя»³ и вызвало широкий резонанс в среде болгарской творческой интеллигенции.

Не вызывает однако сомнений, что произведения Гоголя были хорошо известны болгарам еще до выхода перевода этого отрывка из «Мертвых душ». В сущности, болгары, особенно русские воспитанники, учившиеся в высших учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Кишинева и Одессы, знали о Гоголе еще до Крымской войны. В этой связи вспомним имена Димитра Катранова, Константина Петковича, отца Христо Ботева — Ботю Петкова и других. Благодаря таким воспитанникам вести о Гоголе разносились по болгарской земле. Об этом свидетельствует, например, письмо известного болгарского просветителя Петко Славейкова, которое он отправил 21 марта 1853 г. одесскому купцу Х. Палаузову⁴. П. Славейков писал в нем, что чувствует «особую склонность» к А. С. Пушкину и Н. В. Гоголю и настоятельно просил прислать ему отсутствующие в Болгарии книги этих писателей⁵. Этот позволяет утверждать, что воздействие Гоголя на болгар началось еще до появления первых переводов гоголевских произведений на болгарский язык.

Последнее в одинаковой мере относилось как к учившимся в России болгарским юношам (составившим костяк национальной интеллигенции после освобождения Болгарии от османского ига в 1877–1878 гг.), так и к жившим в болгарских землях местным просветителям, которые понимали русский язык благодаря знанию церковнославянского языка. На последнем в болгарских землях циркулировала масса книг, полученных болгарами в результате дарений Русской православной церкви в XVIII — XIX столетиях. На нем же печатались и переводные религиозные сочинения болгарских иерархов, ибо собственного болгарского кодифицированного литературного языка в ту пору не существовало.

Первым этапом воздействия Гоголя на литературно-художественное сознание болгар, очевидно, следует считать относительно «беспереводной» отрезок времени, начавшийся с 40-х гг. XIX в. и продолжавшийся до 1872 г., т. е. до выхода в свет первого произведения, целиком переведенного на бол-

гарский язык — повести «Тарас Бульба». Именно такой вывод позволяет сделать заявление И. Шишманова, который утверждал, что образованные болгары обычно предпочитают читать «сочинения Гоголя и других великих русских писателей в оригинале»⁶. А поэт Пенчо Славейков в своем приветственном слове на чествовании юбилея Гоголя в Московском университете отметил, что в болгарских библиотеках книг этого классика на русском языке имеется в двадцать раз больше, чем на болгарском. И что рядовой болгарин учится у Гоголя, «знакомясь с его творениями не только посредством их болгарских переводов, но и читая сами творения в русском оригинале»⁷.

Тем не менее, потребность в наличии болгарских переводов Гоголя, несомненно, ощущалась, и примечательно, что вначале в Болгарии было переведено — как уже упоминалось — не какое-либо целостное гоголевское художественное произведение, а отрывок из VII главы «Мертвых душ», причем непосредственно связанный с литературной критикой. Переведший его Петко Славейков жаждал познакомить своих соотечественников с принципиально новым подходом к литературе, к ее роли и месту в обществе, рассказать о реалистическом методе отображения действительности. В этом лирическом вступлении Гоголь сопоставлял позиции писателя-романтика и писателя-реалиста, их подходы при изображении жизни. Выбор между различными линиями развития литературы в 50-е — 70-е гг. XIX столетия (в то время, когда Болгария продолжала жить в условиях османского ига, но начала активно открывать для себя достижения литературной Европы) был чрезвычайно важен для болгарских писателей и переводчиков. Они жадно впитывали новые для них европейские литературные направления и стили. В невероятных комбинациях в болгарской оригинальной и переводной литературе проступали тогда черты классицизма, сентиментализма и романтизма, провозглашались идеалы западноевропейского рационализма и Просвещения.

Гоголевское сопоставление романтика и реалиста имело для тогдашней болгарской литературы определяющее значение. Писатель-романтик следовал возвышенному строю своей лиры, не желал спускаться с небесных высей на грешную землю к своим бедным собратьям, показывал только прекрасное, скрывая людское горе и печали за благостной вуалью. Пи-

сатель-реалист обнажал всю грязь и неустроенность реальной жизни, оплетенной многочисленными мерзостями, незаметными лишь для глаз равнодушного наблюдателя. В этой дилемме Петко Славейков без колебаний выбирает вторую позицию, потому что именно таким, по его мнению, и должно быть творчество истинно болгарского писателя — близкого к своему почти забытому в Европе народу, страдающему под иноземным игом. Наиболее одаренные болгарские прозаики и поэты двинулись именно по этому новому, очерченному Гоголем пути, и спустя всего полтора десятилетия зазвучали слова национального гения Христо Ботева, будто эхом отозвавшиеся на гоголевские заветы: «Преступлением будет воспевать луну и звезды в эпоху, когда, прежде всего, нужно сгрести и избавиться от собравшейся сверху мерзкой пены»⁸.

Приверженцем принципа реалистического отображения жизни выступил и первый болгарский профессиональный литературный критик Нешо Бончев, которому принадлежала заслуга перевода повести «Тарас Бульба» на болгарский язык⁹. Свой перевод он предварил статьей «Классические европейские писатели на болгарском языке и польза от изучения их сочинений»¹⁰ и краткой биографией Гоголя. Примечательно, что первой была переведена именно повесть «Тарас Бульба», а не такие известные произведения Гоголя, как окрашенные легким юмором и лиризмом «Сорочинская ярмарка», «Ночь накануне Ивана Купала», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Н. Бончев не отдал предпочтения и таким остро критическим сочинениям, как «Шинель», «Невский проспект», «Ревизор» и «Мертвые души», в которых, по словам самого автора, «сквозь видимый миру смех зрятся незримые, неведомые миру слезы». Он выбрал историческое повествование о Тарасе Бульбе — малороссийском богатыре, казаке-запорожце, презирающем смерть и превыше всего ставящем свободу и казацкую вольницу. Самые святые для него понятия — православная вера и казачество, и ради них Тарас Бульба готов оставить свой дом и близких, жить нелегкой жизнью сечевика, наказан смертью предателя-сына и бесстрашно принять мученическую смерть от огня распятым врагами на кресте.

Образ Тараса Бульбы был близок духовному настрою болгар, страдавших от турецкого ярма, постоянно опасавшихся насильственного отуречивания или обещивания родичей

и поэтому нередко становившихся гайдуками. Только вырвавшись из тисков ига ценой разрыва связей со своим домом и семьей, только скрываясь в родных горах и лесах, болгары начинали чувствовать себя свободными, способными отомстить угнетателям. На первом месте у гайдуков стояли идеалы верности дружинному братству, готовность отказаться от жизненных благ и смело смотреть в глаза смерти. В песнях народных пелось, что для гайдука дом — лесная чаща, мать — винтовка, дети — патроны, невеста — виселица, сватья — галки, а сваты — вороны. «Гайдук мать не кормит» — говорилось в одной из болгарских поговорок, и это показывает, какую цену платил тот, кто собирался идти в гайдуки. Свобода — да, но свобода, обретаемая за счет полного отказа от домашнего очага и близких людей¹¹. Поведение гайдуков, образ их жизни и идеалы во многом перекликаются с поступками и судьбой гоголевского Тараса Бульбы. Он покидает семейное гнездо, заботливую жену, едет с сыновьями в Запорожскую Сечь, где готов терпеть страшные бытовые неудобства. Он с презрением относится к смерти, выше всего ставит казацкое братство, способное дать отпор разорителям родной земли — полякам и татарам, мстит врагам за смерть сына.

И еще одна небольшая параллель. Гайдучество возникало и как форма протеста болгар против насильственной исламизации, причем в этом случае оно было сходно с подвижничеством болгар, принимавших мученическую смерть из-за нежелания перейти в ислам. С конца XV по первую половину XIX в. многие отказавшиеся отуречиться болгары пали под ударами турецких ятаганов, были повешены, забиты камнями или сожжены на костре. Одним из них явился мученик Георгий Новый, преданный турками огню в начале XVI столетия в Софии за отказ принять магометанство¹². Обстоятельства казни этого болгарского страдальца совпадает с обстоятельствами мученической кончины Тараса Бульбы.

50-е — 70-е годы XIX столетия были для Болгарии временем активизации национально-освободительной борьбы. Болгарские революционные вожди намеревались сбросить османское иго посредством организации и засылки в болгарские земли «четнических» вооруженных отрядов. Тема борьбы гайдуков и четников, среди которых было много одаренных людей, стала центральной как в их творчестве, так и во всей болгарской

литературе. Она раскрывается в поэме Георгия Раковского «Лесной путник» (1857), пьесе Васи́ла Друмева «Стоян-воевода» (1866), поэмах Христо Ботева «Гайдуки» (1871) и Петко Славейкова «Бойка-воевода» (1872), драме Любена Каравелова «Хаджи Димитр Ясенов» (1872) и произведениях других авторов. Последний из перечисленных писателей опубликовал свои произведения о гайдуках и на русском языке: повести «Воевода»¹³ и «Дончо»¹⁴. В ту эпоху стремительно возрос интерес болгар к устному народному творчеству, и представители болгарского революционного романтизма активно осваивали его изобразительные средства. В подобных условиях повесть «Тарас Бульба» сразу же сделалась в Болгарии одной из любимых и пользовалась неизменным успехом. Читателям импонировал похожий на гайдука, смелый и свободолюбивый Тарас, близки были им и эпические приемы повествования автора, столь созвучные национальной героической эпике. Именно поэтому данный литературный герой Гоголя так органично вписался в местный пантеон борцов за свободу, воспринимаясь в нем как «свой» и равный среди равных.

Следует также отметить, что в своем предисловии к повести «Тарас Бульба» Нешо Бончев фактически продолжил утверждение среди болгарских писателей и читателей той гоголевской реалистической линии, которая была обозначена за четверть века до этого в переведенном отрывке из «Мертвых душ». Он сокрушался, что продавцы книг предлагают соплеменникам «измет за изгаряне» — литературный мусор, годящийся лишь для костра¹⁵. По его словам, в Болгарии царит настоящее «книгобесие», поскольку большую часть светской литературы представляют пустые, бесполезные книги типа «Сокращенного Робинзона», «Простого Робинзона», «Поучительных речей древних философов», «Драм и игр» и прочей чепухи. Среди сотен выпущенных болгарскими книжниками книг едва ли наберется десяток заслуживающих внимания. Всё это, по мнению Н. Бончева, объясняется «простотой», т. е. неискушенностью, болгар, а ведь люди, в отличие от скотины, должны пить из чистых источников, а не там, где придется. Но положение таково, что болгары из-за неразборчивости соблазняются даже низкопробной писаниной Фаддея Булгарина, чье имя стало в России притчей во языцех. А читать болгарину, по убеждению Н. Бончева, следует произведения Крылова, Пушкина и Гоголя, потому что эти ав-

торы являются выразителями русского народного духа, их сочинения служат зеркалом русской души и помогают самопознанию народа. Из этой тройки писателей Н. Бончев особенно выделил Пушкина и Гоголя, ибо они являются родоначальниками правдивой русской поэзии и прозы.

И вообще, как считает критик, болгары должны учиться на произведениях русской литературы в силу того, что в истории дважды имело место духовное слияние двух народов. Русские получили из Болгарии священные книги и древнеболгарский книжный язык, а болгары возрождают ныне свою духовность через русское образование и русскую литературу, так как открывают в них доказательства своего духовного величия в прошлом. И учиться болгарам следует прежде всего у Гоголя, ибо именно благодаря его невероятно развившемуся таланту русское общество было обрисовано столь богатой палитрой красок, о существовании которой ранее никто и не подозревал. Именно Гоголь стал родоначальником целого поколения художников-«натуралистов», его имя известно каждому россиянину, его слава шагнула за пределы русской земли, его сочинения появились на английском, французском, немецком, чешском и даже сербском языках. Заслуга русского гения, по словам Н. Бончева, состояла в том, что он сумел низвести литературу с небесных высей к реальному земному бытию. В то время как Пушкин и Шиллер создавали образы идеальных людей, достойных подражания, хотя заведомо не могли подняться до их уровня в силу своей прирожденной греховности, Гоголь показывал человека во всей его неприглядной наготе, со всеми его пороками и недостатками, помогая ему осознать свое духовное падение и одновременно высокое божественное предназначение. И помощником писателю здесь становился его добродушный или разящий смех, овладеть искусством которого неплохо бы было и болгарским авторам.

В «беспереводной» период непосредственное влияние Гоголя на писателей-болгар впервые проявилось на рубеже 1860-х — 1870-х гг. в творческом дебюте учившегося в России студента Л. Каравелова (1834–1879). Его проза впоследствии стала основополагающей в развитии критического реализма в болгарской литературе. Воздействие Гоголя на Л. Каравелова явно присутствует в первой же (упомянутой выше) повести «Воевода» о борьбе болгарских гайдуков против турецких уг-

нетателей. Несмотря на то что в целом Л. Каравелов придерживался многих сюжетных схем своего литературного предшественника Г. Раковского, он сумел многое почерпнуть и у Гоголя. Это заметно при сопоставлении в «Тарасе Бульбе» и «Воеводе» описаний природы, портретных зарисовок ряда героев или сцен казни Остапа и невинно осужденного Пырвана¹⁶. Еще более заметно влияние Гоголя в произведении «Дончо» — второй повести Каравелова на гайдуцкую тему. В ней автор знакомит читателя с легендарными гайдуцкими воеводами прошлого, описывает их успешные нападения на турок и болгарских богатеев «чорбаджий», рассказывает не только о национальном, но и социальном угнетении народа. Переключаясь с Гоголем наблюдается в изображении воеводы Дончо как носителя идей гайдуцкого братства и равенства, как вождя, сознающего праведность дела освобождения, на которое нужно подниматься дружно, организовано и без колебаний. Одновременно Дончо невозможно поставить на одну ступень с Тарасом: по сравнению с непреклонным гоголевским казаком болгарский воевода выглядит несколько сентиментальным. Несопоставимы по художественным достоинствам и произведения в целом — эпическое повествование у Каравелова порой заглушается неуместными дидактическими нотками¹⁷.

Очень сильно проявилось влияние Гоголя и в лучшем каравеловском произведении — повести «Болгары старого времени», написанной на русском языке и опубликованной впервые в журнале «Отечественные записки» (1867). Больше всего сходства наблюдается при сопоставлении данного сочинения Каравелова с гоголевской «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»¹⁸. Задачи перед писателями стояли разные. Гоголь поставил целью показать духовную нищету и нравственную ничтожность русского провинциального дворянства. А Каравелов задумал изобразить жизнь на первый взгляд весьма привлекательного патриархального села, где за мнимой благостью человеческих отношений скрывается диктат традиций, обычаев и нравственных правил, угнетающих проявления непосредственных человеческих чувств. Его герои, дедушка Либен и хаджи* Генчо напо-

* Уважительная прозвище человека, совершившего «хадж», т. е. хождение на Афон или в Святую землю.

минают гоголевских — они такие же смешные, любят вести ничтожные разговоры и спорить по пустякам. Но персонажи у Каравелова удивительно добродушные, от них веет юмором и гоголевского «Миргорода». В отдельных художественных приемах повести Л. Каравелова обнаруживаются следы воздействия и других произведений Гоголя: «Тараса Бульбы», «Мертвых душ» и «Старосветских помещиков». Всё это говорит о том, что Каравелов использовал реалистический метод Гоголя творчески и подходил к литературному наследию русского классика очень избирательно. В каждом случае он заимствовал у русского классика только то, что было необходимо ему для реализации собственного художественного замысла.

Хорошо знал и использовал в своем творчестве произведения Гоголя и болгарский поэт, публицист и фельетонист Христо Ботев (1848–1876). Имеются прямые свидетельства того, что сочинения русского классика он читал еще в период учебы во второй Одесской гимназии (1863–1865)¹⁹ в России. Позднее воздействие Гоголя проявилось в фельетонах и рассказах Ботева, которые он публиковал в революционных газетах «Свобода» (1869–1873) и «Независимость» (1873–1874). Оно улавливается то в намеке на Петрушку из «Мертвых душ»²⁰, то в нарисованном по-гоголевски гротескном портрете ростовщика Михалаки Пюмюш Гердана в рассказе «Вот, что вас ждет»²¹, то в умении по-гоголевски обнажить быт и представить деталь так, чтобы она «бросилась в глаза крупно». Особенно ярко последнее проявилось в фельетоне «Послание с небес». Свойственна Ботеву и идущая от Гоголя особая манера повествования, рассчитанная на комический эффект. Вместе с тем имя самого Гоголя Ботев упоминает лишь однажды в связи с комментированием им вступительной статьи Н. Бончева к переводу повести «Тарас Бульба». Подвергая сомнению ряд высказываний критика, Ботев фактически разделил его мысли о значении Гоголя как величайшего писателя-реалиста.

Не мог пройти мимо Гоголя и основоположник болгарского романа, национальный писатель-«энциклопедия», проявивший себя практически во всех литературных жанрах, Иван Вазов (1850–1921). Гоголь был для него, по его словам, «всегда недостижимым». Несмотря на умаление собственной значимости по сравнению с русским классиком, Вазов выступил фактическим «огранщиком» реалистического направления

в болгарской литературе. При этом он умело опирался на художественный опыт Гоголя, что проявилось уже в его первой повести «Митрофан и Дормидолский» (1881). Некоторые литературные критики даже обвинили Вазова в плагиате, указывая прямые параллели между его произведением и гоголевской «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»²².

Влияние Н. В. Гоголя ощущалось порой в самых неожиданных сферах болгарской культуры, например, в методике преподавания. Из биографии русского классика известно, что некоторое время он читал лекции по общей истории в Санкт-Петербургском университете и попытался обобщить свой преподавательский опыт в сочинении «О преподавании всеобщей истории». Оно было напечатано в болгарском переводе в журнале «Читалище» за 1875 г.²³ за подписью переводчика Д. Т. Душанова, о котором почти ничего неизвестно. По-видимому, этому же болгарину принадлежал перевод и другого научного труда Н. В. Гоголя — лекций по истории Средних веков, вышедших в 1876 г. в журнале «Ден»²⁴. Переводчик по неизвестным причинам скрыл свое полное имя, оставив нам его сокращенный вариант «Д-ов»²⁵.

Но наиболее была велика роль Н. В. Гоголя в становлении болгарского национального театра. Его комедии оказали огромное воздействие на творчество основоположников театрального дела в стране — первых болгарских драматургов Д. Войникова и В. Друмева. Посредством гоголевских пьес в болгарском сценическом искусстве стали утверждаться принципы реалистического и критического изображения действительности. Большой вклад здесь внес Васил Налбуров — русский воспитанник, окончивший Николаевский пансион Минкова и сделавшийся затем учителем в Казанлыкской гимназии. Именно на сцене ее театра силами местных учителей была осуществлена первая болгарская любительская постановка гоголевской пьесы «Ревизор»²⁶. Первой же гоголевской пьесой, которую 9 октября 1890 г. сыграли профессиональные актеры из оперно-драматической группы «Основа», явилась «Женитьба». Роль Подкалесина в ней мастерски сыграл В. Налбуров, поставивший затем в качестве режиссера в 1892 г. пьесу «Ревизор» с полным соблюдением канонов русского реалистического и критического искусства. В ней впервые был сохра-

нен истинно гоголевский дух, чего не было в постановках «Ревизора» режиссера Ивана Попова, осуществленных за два года до этого.

Эстафету подхватили такие артисты, как Гено Киров, обучавшийся позднее в Малом театре в мастер-классе А. П. Ленского, а также получившие подготовку в России болгарские актеры Христо Ганчев и Борис Сарафов. Все они блестяще играли роли в «Ревизоре» и «Женитьбе». География постановок пьес Гоголя в Болгарии с началом XX в. начала стремительно расширяться. В 1906 г. возвратившийся из России режиссер Йордан Минков поставил пьесу «Ревизор» в Русе, а спустя некоторое время она уже игралась в Варне, Бургасе, Пловдиве, Плевене и других болгарских городах. В первые десятилетия XX в. в Болгарии расцвели таланты актеров Теодорины Стойчевой, Константина Кисимова, Стефана Савова, Бориса Ганчева и многих иных²⁷. Они блистали в гоголевских пьесах «Женитьба» и «Ревизор», зазвучавших по-новому с 20-х гг. XX столетия²⁸. Методы гоголевской реалистической школы в болгарском театре отточил выдающийся русский актер и режиссер Н. О. Масалитинов, эмигрировавший в Болгарию из Советской России. Подросло новое поколение артистов, среди которых наиболее известными стали имена Крыстё Сарафова, Петра Ключукова, Штиляна Попова и Тачо Танеева. Во второй половине XX в. вслед за появлением телевидения и расширением сети радиовещания Гоголь без преувеличения вошел в каждый болгарский дом.

Однако учет числа болгарских телезрителей и радиослушателей, знакомившихся с творчеством Гоголя посредством этих средств массовой коммуникации, в тот период было невозможно технически осуществить. Более надежным для изучения популярности Гоголя в Болгарии является исследование истории переводов сочинений писателя на болгарский язык, причем не только хронологии их появления на болгарской почве, но и размеров выходивших тиражей. В переводческом деле здесь наблюдалось заметное движение вперед — от слабых адаптированных переводов, вызванных неважным знанием русского языка и относительной неразвитостью болгарского литературного языка (поскольку последний был кодифицирован только в последней четверти XIX в.), до переводов, выполненных истинными мастерами виртуозами свое-

го дела. При всем своем страстном желании как можно лучше перевести повесть Гоголя «Тарас Бульба» на болгарский язык переводчик Н. Бончев постоянно «спотыкался», испытывая непреодолимые трудности. С одной стороны, ему помогала значительная близость русского и болгарского языков и широкое присутствие в болгарской литературе и письменности русских слов и устойчивых выражений²⁹. Но с другой стороны, болгарский литературный язык, в отличие от русского языка, по словам Н. Бончева, еще не сложился, «не устоялся и не принял образ свой». И по этой причине у болгар не было еще многих слов для точной передачи всей красоты гоголевской поэмы о жизни и подвигах казаков, вышедшей будто из-под пера Гомера. Поэтому Бончеву приходилось поневоле использовать русские и славянские слова в тех случаях, когда не находилось слов болгарских³⁰.

Рост популярности Гоголя был напрямую связан с увеличением числа изданий его сочинений и их тиражей. Одним из самых переводимых и издаваемых гоголевских произведений на протяжении XIX — первой половины XX в. оставался «Тарас Бульба». На болгарский язык его переводили целых девять раз: в 1872 — Нешо Бончев, в 1901 — И. Андрейчин³¹, 1920 — Д. Божков (2-ое изд. — 1925), 1937 — Г. Караславов, 1938 — Х. Радевский, 1939 — И. Калчев, 1945 — Г. Константинов, 1949 — Г. Сребров (2-ое изд. — 1951). «Шинель» Гоголя переводили пять раз: в 1887, 1910, 1914, 1920, 1938 гг. Можно продолжать и далее, но мы не станем утомлять читателя обилием цифр и дат. Более целесообразно привести выводы, сделанные нами в результате сопоставления такого рода библиографических данных.

Первое. Интерес к произведениям Гоголя и их популярность в Болгарии были неизменно высокими и не уменьшались, несмотря на все сложности политических отношений между двумя нашими странами (например, во время Первой и Второй мировых войн, в которых Болгария участвовала на стороне Германии).

Второе. Наибольшую известность «полный» Гоголь приобрел в Болгарии после издания 6-томного собрания сочинений писателя в середине прошлого века и его информационный триумф продолжался по 1980-е гг.

Третье. Можно констатировать, что героико-эпическая повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» по популярности ее среди

болгарских читателей постепенно уступила место социально-обличительным гоголевским произведениям: на передний план выдвинулась комедия «Ревизор». До середины XX в. она переводилась в Болгарии чуть меньше, чем «Тарас Бульба», — восемь раз, но выдержала 20 изданий с общим тиражом более 100 000 экземпляров. Если учитывать многочисленные постановки «Ревизора» на болгарской сцене, то это произведение можно назвать одним из самых распространенных литературных произведений в Болгарии вообще.

Интерес к социально-обличительным произведениям Н. В. Гоголя после Второй мировой войны и установления в Болгарии власти коммунистов приобрел государственно-политический характер. Его имя в литературе играло такую же роль, как имя Ленина и Сталина в политике. Болгария позиционировала себя как самый верный союзник СССР и самый усердный копиист советской общественно-административной и политической системы. Управление культурными процессами для вставшей на путь строительства тоталитаризма Болгарии было аксиомой и не подлежало обсуждению. В 50-е — 70-е гг. XX в. удельный вес русского и советского «сегмента» в информационном поле Болгарии достиг своего апогея. Усвоение русской и советской культуры начиналось с изучения русского языка в болгарских специализированных детских садах, школах и вузах (причем в последних эта дисциплина была обязательной) и завершалось ежегодными перечнями рекомендованных для перевода произведений современных советских писателей. Такими же «рекомендационными» списками обменивались по взаимной договоренности болгарские и советские Союзы кинематографистов, театральных деятелей, художников, композиторов и других творческих объединений.

В целом такой интенсивный культурный обмен имел многие положительные стороны, однако при этом возникала неизбежная диспропорция. И дело здесь заключалось не только в том, что, например, в болгарской «Хрестоматии» по зарубежной литературе для X класса отрывки из сочинений русских писателей XIX в. (А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и др.) занимали более половины учебника, а в идеологизированном подборе авторов и произведений. Наряду с действительно блестящими творцами, составляющими цвет русской

и европейской литературы той эпохи, в Хрестоматии присутствовали и те, кто попал в нее по идеологической «разрядке»: например, относительно слабый, но политизированный писатель и критик Н. Г. Чернышевский. То же самое случилось и с произведениями Н. В. Гоголя: в «Хрестоматии» были представлены отрывки не из гоголевских «Тараса Бульбы», «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Вия» или «Старосветских помещиков», а из I–VI и VIII глав «Мертвых душ». Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что выбор последних отрывков был продиктован идеологическими соображениями. Но это не мешало болгарскому читателю и самому прекрасно ориентироваться в гоголевских произведениях. Многие из них болгары читали в оригинале и блистали цитированием гоголевских крылатых выражений на русском языке.

Положение в Болгарии изменилось в конце 80-х гг. XX столетия в связи с начавшимся процессом «демократизации», которую некоторые болгары отождествляли не только с борьбой против тоталитарной, коммунистической идеологии — они настаивали на полном разрыве политических, экономических и культурных связей с СССР, а затем и появившейся на обломках этого государства Россией. Наиболее радикальные из них поносили всё, что может напоминать болгарину о тесных исторических связях двух стран, в том числе и в области культуры и литературы. В Болгарии рухнули рычаги, при помощи которых Болгарская компартия искусно моделировала развитие культурных процессов, в стране была отменена цензура. Пришла столь долгожданная свобода творчества, но она шла рука об руку со свободой другого толка — болгарское государство почувствовало себя свободным от обязанностей по отношению к национальной культуре. Массовое обнищание болгарского населения во время реформ обрушило книжный рынок — книги просто перестали покупать ради экономии средств, которых зимой не хватает даже на оплату отопления жилых помещений. Произведения болгарских и зарубежных классиков продаются в букинистических магазинах по цене двух-трех автобусных билетов, но их мало кто покупает. Изредка мелькнет среди них Н. В. Гоголь, но и мимо него проходят равнодушно. По причине безденежья опустели болгарские театры, зрители посещают их редко, да и постановок пьес Гоголя там давно не было. А в болгарском телеэфире, так же как и у нас, литературную, теат-

ральную и прочую классику вытеснили псевдоактуальные социальные и политические шоу, программы юмористов-балаганщиков и самодовольная серая попса.

Ситуацию с Гоголем несколько улучшают «датные» мероприятия, проводящиеся по случаю крупных юбилеев классиков. Только что миновало 160-летие смерти Н. В. Гоголя, о котором вспомнили, разумеется, и в Болгарии. Но ожидать, что кривая популярности Гоголя среди болгар снова достигнет пиковых значений, по нашему мнению, просто наивно. Современные молодые люди не читают классику в общественном транспорте и не гордятся родительскими библиотеками. В отличие от предыдущих поколений, они не испытывают пиетет перед печатным словом, редко посещают театры, не сидят перед телевизором и предпочитают получать информацию через Интернет. Н. В. Гоголь был и останется великим русским писателем и писателем мирового масштаба. Но нельзя не признать и тот факт, что на наших глазах происходит процесс «музеизации» основной части его творчества. Нельзя не видеть заметного «истаивания» гигантской фигуры Гоголя в болгарском культурном ландшафте³².

И это не случайно. Сколь далеки, например, от нашей действительности герои знаменитой гоголевской комедии «Ревизор»! Да они просто милые проказники — эти застенчивые взяточдатели, плутишки и обманщики, задабривающие начальство борзыми щенками и несмело запускающие руки в государственную казну. Или прохвост Чичиков, решивший спекулировать на «мертвых душах», чтобы немного разбогатеть? Ну что это за отрицательные герои по сравнению с олигархами и чиновниками современной России! Вот у этих действительно ошеломительный размах и масштаб: они нагло присвоили природные богатства страны, сколачивают миллиардные состояния, торгуют государственными интересами, ради личной наживы продолжают коррумпилировать государственные и негосударственные структуры, повторяя при этом придуманное себе оправдание: «Все воруют — не ворует лишь тот, у кого для этого нет возможности!» К величайшему огорчению, в нынешней русской литературе нет равного Гоголю писателя, который сумел бы изобразить нашу современную жизнь во всей ее неприглядной наготе, ужасе и мерзости и показать ее таким образом, чтобы в конце длинного темного туннеля за-

брезжил бы наконец спасительный свет. И происходит это потому, что слишком зыбкими и нечеткими стали у нас границы между добром и злом, и зло, торжествуя, отвоевывает у добра последние оставшиеся территории. То же самое происходит и в Болгарии. Но будем надеяться, что это всего лишь временная победа черных сил.

И последнее. Чтобы не завершать на грустной ноте нашу статью о дальнейшей судьбе творческого наследия Н. В. Гоголя в Болгарии и у нас, выскажем и более оптимистическое предположение. Мы полагаем, что наиболее жизнестойкими окажутся ранние лирические гоголевские произведения, поскольку в них запечатлелся дух малороссийского племени, поскольку от них веет чарующей силой народной сказки, древними легендами и добродушным, беззлобным юмором, от которого слабеет ожесточенность нашего современного мира и восстанавливается задуманный Богом баланс добра и зла в душе человека. И, конечно же, будут продолжать читать и гоголевскую повесть «Тарас Бульба», потому что в борьбе против зла необходимы величие духа и стойкость.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Калиганов И. И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982. С. 171–205.

² См.: *Смольянинова М. Г.* Н. В. Гоголь и болгарская литература эпохи Национального возрождения. // Гоголь и развитие славянских культур. М., 2012. С. 402–416.

³ См.: Двамата писатели // Цариградски вестник. 1858. 27 септември. № 398. С. 3.

⁴ Этот просветитель приходился отцом упомянутому поэту Пенчо Славейкову.

⁵ См.: Сборник за народни умотворения. Год. 20. София, 1909. С. 43.

⁶ *Шпичманов И.* Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского // Ученые записки Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1904. № 5. С. 140.

⁷ *Славейков П.* Писма до Мара Белчева. София, 1940. С. 81–82.

⁸ *Боров Т.* Гоголь в България // Известия на Института за българска литература. Кн. I. София, 1952. С. 81–89, 83–84.

⁹ Повесть была опубликована в Приложении к VII–VIII кн. журнала «Периодическо списание на българското книжовно дружество» (Браила, 1873).

¹⁰ Там же. С. 3–14; *Бончев Н.* Класичните европейски писатели на български език и ползата от изучаването на съчиненията им (Поради повестта «Тарас Булба»).

¹¹ *Калиганов И. И.* Култура средновековой Болгарии // История культуры славянских народов. В 3 т. Т. 1: Древность и Средневековье. М., 2005. С. 131–132.

¹² См.: *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000.

¹³ Оба указанных произведения вышли в период учебы и проживания Л. Каравелова в Москве (1857–1867). Первоначально он напечатал повесть под заглавием «Атаман болгарских разбойников»: Наше время, 1860. № 50., а затем через 10 лет опубликовал её улучшенный вариант под названием «Воевода».

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1864. 28 мая. № 118; 31 мая. № 120; полное заглавие произведения: «Дончо. Рассказ болгарского атамана».

¹⁵ Там же. С. 4–6.

¹⁶ *Коперджинский А.* Гоголь и болгарская реалистическая проза // Н. В. Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954. С. 264.

¹⁷ Там же. С. 265.

¹⁸ *Велчев В. Л.* Каравелов и Н. В. Гогол. (Принос към руското литературно влияние у нас) // Родина. Кн. 2. Год. I. София, 1938. С. 156–190; *Он же:* Любен Каравелов и Гоголь // Ученые записки Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова. Труды кафедры русской литературы. Кн. 3. М., 1948. С. 91–126.

¹⁹ *Бурмов А.* Христо Ботев през погледа на съвременниците. София, 1945. С. 10.

²⁰ См.: *Димитров М.* Христо Ботев. Идеи, личност, творчество. София, 1945. С. 303; *Ботев Х.* Съчинения. Т. 3. С. 6.

²¹ *Ботев Х.* Това ви чака // Съчинения. Т. 3. 309; *Коперджинский А.* Гоголь и болгарская реалистическая проза // Н. В. Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954. С. 268.

²² *Тодоров А.* Преглед на поетическата творба на Ив. Вазов // Периодическо списание. Т. 63. София, 1901. С. 8–9; *Державин Н. С.* Иван Вазов. М., 1948. С. 140–141.

²³ За преподаване на всеобщата история по Н. В. Гогол // Читалище. 1875. № 12–13. С. 549–557 и 588–596.

²⁴ Средни векове по Н. В. Гогол // Ден. № 10, 12, 17.

²⁵ *Цветанов Ц.* Н. В. Гогол в България // Българо-съветска дружба. София, 1952. № 2. С. 14.

²⁶ *Каракостов С.* Значението и влиянието на Н. В. Гогол за българската литература и театър // Българо-съветска дружба. София, 1952. № 2. С. 5.

²⁷ В целом, однако, следует отметить, что роль пьес Н. В. Гоголя в становлении критического реализма на болгарской сцене в конце

XIX — начале XX в. иногда преувеличивается. Особенно это заметно в статьях болгарских исследователей, написанных по случаю юбилеев писателя. На самом же деле главенствующее место в болгарском театре тогда заняли пьесы Островского: «Доходное место», «Бесприданница», «Бешеные деньги», «Гроза» и др. См.: *Державин К.* Болгарский театр. Очерк истории. М.; Л., 1950. С. 100.

²⁸ *Лишев Н. Н.* Гогол на българската сцена // Известия на Института за литература. София, 1953. Кн. 1. С. 59–68.

²⁹ См.: *Бончев Н.* Класичните европейски писатели на български език и ползата от изучаването на съчиненията им (Поради повестта «Тарас Булба»). С. 5.

³⁰ Более подробно о переводе Н. Бончева см.: *Динеков П.* Първият български превод на «Тарас Бульба» // Известия на Института за българска литература. София, 1952. Кн. 1. С. 69–79.

³¹ Библиографию ранних переводов Н. В. Гоголя см.: *Заболотский П.* Гоголь в славянских переводах (Библиографические заметки) // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. 16. Вып. 2. СПб., 1911. С. 43–47.

³² Крайне редкие ныне работы о Гоголе болгарских литературоведов посвящены не социально-критической стороне его творчества, а совсем иным аспектам: анализу отдельных произведений писателя в структуралистском ключе или отражению в них личности автора в психоаналитическом духе. См.: Разказът «Шинел» на Н. Гогол. — Сътворен! Направен! Съшит! / Съставители *Н. Георгиев, Р. Коларов.* София, 2002; *Звезданов Н.* Космосът на Гогол. Същият в огледалото на Другия. Велико Търново, 2005. Такие работы рассчитаны на узких специалистов-литературоведов и вряд ли вызовут интерес у широкого круга читателей.

СЛАВЯНСКИЕ РАСПРИ

СКВОЗЬ ПРОРЕЗЬ РУЖЕЙНЫЙ ПРИЦЕЛОВ: БОЛГАРЫ ПРОТИВ РУССКИХ В ДОБРУДЖЕ ОСЕНЬЮ 1916 г.

Долгие годы в социалистической Болгарии поддерживался миф о том, что после освобождения от турок благодарные болгары никогда не поднимали оружие против своих русских братьев-освободителей. При этом подчеркивалось, что во время Второй мировой войны население страны встречало советских воинов цветами, а болгарская армия не сделала ни одного выстрела по красноармейцам. Последнее утверждение верно: оно подкрепляется историческими документами и свидетельствами очевидцев. Не так обстоит дело, однако, с утверждением первым. В действительности в истории болгарско-русских отношений конца XIX — середины XX в. вооруженное столкновение между двумя сторонами все-таки произошло. Оно имело место в Первую мировую войну, когда болгары и русские воевали друг против друга осенью 1916 г. в Добрудже. Причем сражались болгары с русскими очень ожесточенно, и этому, на первый взгляд невероятному, факту можно отыскать свое объяснение. Болгары вступили в войну, преследуя, по их мнению, праведные цели: восстановление тех болгарских границ, которые были очерчены Сан-Стефанским договором 3 марта 1878 г. и охватывали все населенные своими соплеменниками земли на Балканах. Но эти предлагавшиеся Россией границы через несколько месяцев были урезаны в Берлине под давлением западных сил. В дальнейшем Болгария пыталась восстановить справедливость и несколько раз воевала со своими балканскими соседями, одерживала над ними временные победы, но в конечном итоге терпела поражение.

Прежде чем приступить к рассказу о вооруженном столкновении болгар и русских в 1916 г., следует обрисовать предшес-

творававшие исторические события и исторический фон, на котором оно произошло. Для болгар, как уже говорилось, данная война была справедливой: она представлялась им очередной попыткой восстановить границы Сан-Стефанского договора, очерчивавшие внешние контуры расселения родного этноса на Балканах. Но при этом, выбирая союзников, Болгария должна была взвесить все за и против. При присоединении к Центральным державам в случае успеха она могла бы получить Македонию, значительную часть Сербии и, не споря с союзной Турцией из-за Западной Фракии, закрепить за собой порт Кавалу на Эгейском море. Но если страны блока проигрывали войну, Болгария должна была распрощаться с надеждой на включение в свои границы Македонии. Поражение грозило русской оккупацией Варны и Бургаса и усилением зависимости Болгарии от России. На первый взгляд, выгодным мог оказаться союз с Антантой, при ее победе в войне Болгария могла бы получить значительную часть Македонии (не исключено, что с Салониками, Сересом и Драмой), а Румыния отдала бы болгарам Северную Добруджу. Однако при неуспехе данного военного блока Турция наверняка завладела бы Западной Фракией, а Румыния прирезала бы себе новый кусок Северной Болгарии¹.

В конечном итоге после долгого выжидания Болгария рассчитала, что победителем в войне станет блок Центральных держав и решила к нему присоединиться, оказавшись тем самым в стане противников России. При этом тасовавший в канун Первой мировой войны военно-политическую «колоду» стран и блоков болгарский военный атташе в Константинополе в одной из своих депеш начальнику Штаба болгарской армии писал следующее: «Самым благоприятным для нас будет положение, если мы будем вместе с Румынией и вместе с Россией...» И одновременно отмечал: «При нашем выступлении против России следует принимать во внимание всем нам известное соображение чисто морального естества — глубоко укоренившееся чувство признательности к России в душе нашего народа, чувство, которое, несмотря на всяческие пакости, чинимые русской дипломатией, осталось почти непоколебимым»².

Однако болгарская правящая верхушка решила пойти на сближение с турками: 6 августа 1914 г. они заключили с Тур-

цией «Договор о союзе и дружбе», который предусматривал оказание военной союзнической помощи, немедленное объявление войны и начало военных действий всеми силами и средствами против одной или нескольких балканских стран, совершивших нападение на союзника. При этом, остерегаясь уже отведенного румынского удара в спину, Болгария в параграфе 5-м договора особо оговаривала, что военные действия против балканских держав она начнет только в том случае, если ей удастся добиться самой или через турецкое посредство соглашения о нейтралитете Румынии³.

Румыния оказалась втянутой в Первую мировую войну, соблазнившись перспективой присоединения к себе земель Трансильвании. Она заключила тайное военное соглашение с Россией о взаимной поддержке еще в июне 1914⁴ г. и через два года, после известных колебаний, 27 августа 1916 г. объявила Австро-Венгрии войну. В ответ спустя четыре дня она получила объявление войны со стороны австро-венгерских союзников Германии, Турции и Болгарии. Румыния надеялась на относительно легкий успех: она могла поставить под ружье 600 тыс. человек и для начала сформировала 250-тысячную армию, состоящую из 23 пехотных и двух кавалерийских дивизий. Правда, их личный состав имел слабую военную подготовку, а артиллерия была устаревшей. Россия не могла в то время оказать существенную военную поддержку Румынии, потому что была обескровлена после знаменитого Брусиловского прорыва под Луцком. Он продолжался с 4 июня по 27 октября 1916 г. и привел к временным успехам, но потери русских войск составили при этом, по последним данным, более 1,6 млн. человек⁵.

В целом Добруджанский театр военных действий был второстепенным по сравнению с остальными. Антанта отклонила сценарий, согласно которому сильная русская армия во взаимодействии с румынами наносит удар в Трансильвании и в Добрудже, создавая серьезную угрозу положению Центральным державам на востоке. В Трансильвании Румынии предстояло действовать своими силами в направлении Будапешта. Прикрытие Добруджи и протяженной границы с Болгарией по Дунаю было возложено на самую слабую по составу 3-ю румынскую армию, сформированную из 6 второочередных дивизий. В помощь ей был послан относительно небольшой русский 47-й корпус под командованием генерала А. М. Зайончковско-

го⁶. Россия сделала это по настоятельной просьбе Румынии, надеявшейся, что болгары не станут биться со своими русскими «братушками». С этой целью были изготовлены русские листовки, призывавшие болгарских солдат не поднимать против «братушек» оружия. Но данный расчет не оправдался: долг перед находящейся в опасности родиной заставил болгар на время подавить в своих сердцах чувство признательности к русским освободителям. Можно также добавить, что в Добрудже на стороне сил Антанты действовала Сербскохорватская добровольческая дивизия, сформированная из сербов и хорватов, не желавших служить в австро-венгерской армии.

Что же касается Центральных сил, то для них румынский фронт был единственным направлением для успешного наступления. При его успехе можно было завладеть богатыми хлебом и нефтью румынскими провинциями и предотвратить возможные одновременные удары сил Антанты со стороны Салоник и Румынии. Для наступления на румынском фронте Гиденбург создал три сильные группировки войск, одна из которых была нацелена на Добруджу: группа генерала Августа фон Макензена, состоявшая из девяти пехотных и двух кавалерийских германско-болгарско-турецких дивизий. Ее численность последовательно возрастала в течение октября 1916 г. по мере усиления нажима на противника. В результате операция в Добрудже завершилась победой Центральных сил: к 27 октября группа Макензена оттеснила румынские и русские войска к северу от железной дороги Черноводы—Констанца.

Болгарские части в северо-восточной Болгарии находились под командованием генерал-лейтенанта Стефана Тошева. Они включали две пехотные дивизии — I Софийскую и IV Преславскую, одну кавалерийскую дивизию, 2-ю пехотную бригаду VI Бдинской дивизии и гарнизоны в Варне (Варненский подвижный резерв) и Русе (Дунайский отряд)⁷. Перед болгарскими войсками в этом регионе были поставлены четкие задачи: а) овладеть хорошо укрепленными Тутраканской и Силистринской крепостями; б) во взаимодействии с турками отбить у румын болгарские города Добрич, Балчик и Каварну, которые вместе со всей Южной Добруджей в 1913 г. по Санкт-Петербургскому и Бухарестскому договорам отошли Румынии; в) во взаимодействии с турками не только вернуть Болгарии Юж-

ную Добруджу, но и отвоевать вместе турками и немцами у румын Добруджу Северную, выйдя к устью Дуная.

Помимо болгарских войск сюда прибыли и турецкие войска. Болгарские власти воздерживались от обращения с просьбой об отправке турецких дивизий на Добруджанский фронт непосредственно к Турции, опасаясь, что та впоследствии потребует за это территориальные компенсации. Поэтому болгары стремились вести переговоры через германское посредство и, во избежание возможных неприятностей в будущем, уменьшили число предложенных турецких дивизий с шести до двух. На Добруджанский фронт был отправлен VI армейский корпус турок под командованием Хилми-паши, который состоял из 15-й Смирненской и 25-ой Галипольской дивизий. Общая их численность составляла 20 тыс. солдат и офицеров⁸. Любопытен тот факт, что в болгарских частях имелось немало турок, призванных на службу из Добруджи, а в турецких — не меньше болгар, мобилизованных турками во Фракии. Болгарская сторона оказывала туркам военную помощь, предоставив им 400 лошадей для 15-й дивизии и 1500 для 50-й, а также 15.000 шрапнельных и брзантных снарядов для горных орудий⁹.

Болгары довольно быстро справились с первой поставленной перед ними задачей. Тутраканская крепость пала после трехдневной осады, хотя противник превосходил болгар по численности в 1,2 раза, по артиллерии — почти в 2 раза. В плен попало более 28 тыс. румынских солдат, сержантов и офицеров плюс 120 орудий¹⁰. Вторая сильно укрепленная крепость, Силистринская, пала, практически не оказав сопротивления: ее деморализованный румынский гарнизон бежал при приближении болгарских войск.

Более или менее серьезные бои развернулись под Добричем 5–7 сентября 1916 г. Генерал А. М. Зайончковский отдал приказ генералу Павлову отбить Добрич у болгар, взаимодействуя с 4-й румынской дивизией. В Добриче ночевали болгарские батальоны 35-го полка Бдинской дивизии, а один из батальонов 36-го Козлодуйского полка находился в заслоне. Атака русской конницы, наступавшей со стороны Паскалево, сорвалась по чистой случайности: кавалеристы приняли облака пыли, поднятые двумя перемещавшимися болгарскими батареями, за неприятельские эскадроны. Они помчались к ним, а

болгары остановились, развернули орудия и встретили атакующих шрапнелью. А рота Варненского полка пропустила всадников, схоронясь в окопах, и проводила нападавших залпами в спины. Всё видимое пространство на 200 и 800 метров было усеяно трупам коней и русских кавалеристов¹¹.

6 сентября атака на Добрич была предпринята силами 19-й румынской дивизии под командованием генерала Аргиреску и 61-й русской дивизии во главе с генералом Симанским. Последнему были приданы Сербскохорватская добровольческая дивизия и 1-я бригада 3-й кавалерийской дивизии с командиром Павловым. Наступавшие располагали 46 батальонами, 17 батареями и 19 эскадронами. Атака предпринималась по фронту шириной 2 км с центром по шоссе Добрич — Паскалево до села Геленджик. Здесь дислоцировался 2-й батальон Приморского полка и 1-й батальон 48-го Варненского полка под командованием полковника Т. Габарева. Бои шли с переменным успехом. Атакующим противостояли 3 батальона полковника Ламбринова, 75-й турецкий полк, дислоцировавшийся у земледельческой школы к северо-западу от Добрича, и маневренная группа подполковника Таслакова. Жаркие бои развернулись у Девинской могилы, где подполковник Христов в сгущающихся сумерках поднял солдат в штыковую атаку. Русские подняли ураганный огонь, но тем не менее отступили, а собственный резерв принял их за болгар и встретил огнем. В тот день погибло 14 болгарских офицеров и около 650 болгарских солдат. Потери русских были тоже велики. Только в срединной части фронта было погребено 600 русских солдат¹².

На следующий день, 7 сентября, главный русский удар встречал полковник Вапцаров с Врачанским полком. Другой болгарский, 36-й Козлодуйский полк едва не потерпел полный разгром. Он столкнулся с наступавшими русскими и принял их за врачанцев, за что жестоко поплатился. Во фланг ему ударили сербскохорватские добровольцы и вывели из строя до трети личного состава противника. Положение спасла кавалерийская дивизия генерала Ивана Колева, который, узнав о критической ситуации, не дожидаясь приказа из штаба Армии, устремился на выручку козлодуйцам. Болгарских кавалеристов перебросили поездом вместе с приданным ей Ловечским полком. Им удалось опрокинуть сербскохорватских добровольцев близ села Голямо Чамурлий (Смолница). Если бы это-

го не случилось, над Варной могла нависнуть серьезная угроза высадки русского десанта¹³. Это был последний яркий эпизод, касающийся вооруженного столкновения болгар и русских в Добрудже осенью 1916 г.

Но помимо фактической стороны дела и сухого изложения последовательности военных событий данного хронологического отрезка Первой мировой войны есть еще и сторона эмоциональная, которая отражает массовые умонастроения, чувства и эмоции народов — участников глобальной бойни. Они часто более интересны, чем простое перечисление исторических фактов. Военные действия осенью 1916 г. в Добрудже содержат в себе множество шокирующих моментов, выглядящих и сегодня просто невероятными. Отношения болгар к тем, на кого они смотрели в прорезь ружейных прицелов, было различным. С румынами, с которыми у болгар имелись давние исторические счеты, кажется, всё было ясно. Во время освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. они пришли в болгарскую землю вроде бы как освободители. Но, взяв вместе с русскими войсками турецкую крепость Плевну, они повели себя по отношению к болгарам как-то странно. Румыны начали относиться к ним как к населению побежденной страны. Они грабили дома болгар (хотя те рисовали на дверях крестики, предупреждавшие, что здесь живут христиане), насиловали болгарских женщин, отвешивали оплеухи встречным болгарам на улицах, завели манеру кутить в трактирах, не платя денег, угоняли за Дунай гурты скота и, подобно скоту же, болгарское население на принудительные работы в Румынию. Об этом в своих репортажах из Болгарии писал русский писатель Вас. И. Немирович-Данченко¹⁴. Добавим также, что русское командование выдворило румынских союзников за недостойное поведение из нескольких болгарских городов¹⁵. Исторической несправедливостью болгары считали и то, что в качестве вознаграждения за участие в войне 1877–1878 гг. Румыния получила Северную Добруджу — территорию с преобладающим болгарским населением. После Балканских войн исторический счет болгар к Румынии еще более возрос: в 1913 г. румыны нанесли Болгарии удар в спину, устремившись к незащищенной Софии, когда болгары сражались на других фронтах против турок и бывших балканских союзников. Счет к румынам начал стремительно расти и в Первую миро-

вую войну, потому что при освобождении Добрича болгарские солдаты обнаружили в окрестном селе Баладжа (Стожер) 50 мертвых тел болгарских женщин и детей, в буквальном смысле растерзанных пехотинцами 40-го румынского полка. Радость и ликование жителей Добрича, восторженно встречавших своих освободителей, вскоре омрачила печальная весть: на окраине города в пекарнях были найдены изуверски обезображенные тела 53-х горожан. Пол, стены и дворы помещений были сплошь забрызганы кровью. Трагедия ждала и 300 других взятых под стражу добричан. Их спас внезапный удар болгарских войск и поспешное бегство румын из города¹⁶.

Насилия над болгарами в Добрудже румыны стали практиковать еще до начала войны. Они начались с приказа властей о составлении в каждой общине списка наиболее образованных, уважаемых и богатых болгар, среди которых на первом месте значились учителя и священники. Затем, за две недели до объявления войны, румыны выслали из Южной Добруджи 17 518 болгарских мужчин, женщин и детей¹⁷. Румынские солдаты заталкивали их в теплушки прикладами с руганью, тычками и оплеухами. Около 200 болгарок были высажены в местности Молмезон и расстреляны. Всех не служивших в армии болгарских мужчин из Тутракана, Силистры, Добрича, Балчика и Каварны румыны вывезли якобы для обучения в г. Калараш, где держали взаперти трое суток. Заключенным не давали воды и хлеба, стреляя в каждого, кто осмеливался попросить воды или разрешения выйти наружу для отправления физиологических нужд¹⁸. В Бухаресте водили по улицам 20 пленных болгар и турок, над которыми глумилась толпа румын. То же самое имело место и в Галаце, где собрали 8000 эвакуируемых мирных болгар и турок. Румынские офицеры, солдаты и горожане заплывали им лица, кидали в них камни и осколки стекла, грозили утопить в Дунае или расстрелять. Когда в этом городе вспыхнула эпидемия холеры, 7000 болгар отправили в теплушках в Яссы. Они ехали в окружении разлагающихся трупов: мертвых запрещено было погребать — всех следовало сдать в пункте назначения по списку. В местности Данжены, где были размещены болгарские интернированные, вспыхнул сыпной тиф, унося в день жизни 50–60 человек. К августу 1917 г. из 6000 болгар выжило только 600 человек. Болгарским священникам выдирали бороды, брили наголо, срывали с них

рясы, оставляя только в исподнем, и принуждали молиться за разбойников.

Ненависть к оккупантам выливалась у болгарских солдат в желание отплатить им за злодеяния, она воодушевляла их на подвиги, Поэтому болгарский натиск был стремителен и неудержим и так быстро были взяты крепости Тутракан и Силистра.

Но настоящий шок вызвало у болгар появление на родной земле вместе с насильниками-румынами русских войск. Во имя защиты собственных рубежей болгарам теперь приходилось поднимать оружие против русских братьев освободителей! Этот шок и противоречивые чувства болгар в связи со сложившейся ситуацией нашли свое отражение в болгарской литературе в произведениях И. Вазова, А. Страшимирова, Й. Йовкова, Л. Бобевского и других болгарских прозаиков и поэтов. К их анализу мы обратимся чуть позднее, а пока скажем, что шок имел место и в России уже хотя бы потому, что болгары сражались против русских и румын в Добрудже плечом к плечу с союзными турками! Причем власти Болгарии впоследствии наградили многих турецких солдат и офицеров болгарскими орденами и медалями. Сведения о взаимных наградах (и турки также щедро награждали болгар за храбрость, проявленную в боях с румынами и русскими) издавна хранятся в Тырновском Центральном военном архиве¹⁹, равно как и документы о болгарско-турецких отношениях периода Первой мировой войны. Их не оглашали и не публиковали по причине идеологической «стыдливости», нелогичности или даже абсурдности с точки зрения развития истории и строительства отношений болгар со своими балканскими соседями и Россией. И действительно, сколь диким кажется награждение турками в те годы наследника болгарского престола князя Бориса III, многих видных болгарских генералов, включая прославившихся в Добрудже военачальников Стефана Тошева и Тодора Кантарджиева.

Турецкими орденами и медалями было награждено много болгарских офицеров и солдат — всего около 2 тыс. человек (точнее — 1913)²⁰. Почти полусотне болгарских генералов за доблесть, проявленную в боях против румын и русских, турки повесили на грудь ордена «Меджедие», «Имтия», «Лиякат» и «Демание». Подавляющая же часть болгарских бойцов на Северном фронте стала обладателями турецкой медали «Харбие»

(«За боевые заслуги»). Болгарская сторона тоже не скупилась на знаки воинских отличий для турецких союзников, наградив в 1916–1917 гг. в общей сложности 1138 турок. Турецким солдатам и младшим офицерам вручались главным образом болгарские медали «За храбрость». Что же касается высших турецких светских и военных сановников, то для них предназначался болгарский орден Св. Александра различных степеней. Парадоксальным было то, что медаль «За храбрость» была учреждена в Болгарии для награждения лиц, отличившихся при освобождении страны от турок в 1877–1878 гг. Внешне она напоминает русский Георгиевский крест IV степени. А на оборотной стороне ордена Св. Александра располагалась дата заключения прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора с турками по старому стилю: «19 февраля 1878 г. Сан-Стефано»²¹. Всё это выглядело кощунством и воспринималось как издевка истории над русской кровью, пролитой ради воскрешения болгарской государственности.

Парадоксом выглядело и то, что сквозь прорезь ружейных прицелов в Добрудже нередко глядели друг на друга знакомые между собой болгарские и русские офицеры. Дело в том, что многие офицеры болгарской армии являлись русскими воспитанниками, получившими в первом десятилетии XX в. военное образование в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. Благодаря разысканиям в российских архивах удалось установить, что таковыми были, например, капитаны Бояджиев, Йонков, Попов, Бежаров, Михайлов, Таслаков, Танев, Куюмджиев, Пенев, Добрев, Софронов, Каишев, Андреев. В целом такая идентификация — дело довольно нелегкое. Документы того времени сохранились лишь частично, а групповые фотографии курсантов с перечнем их фамилий (как, например, упомянутые выше Попов, Михайлов, Андреев) в точности совпадают с русскими. Случаи идентификации по уточняющим припискам, наподобие тех, что оставили курсанты Бочев и Янакиев («капитан болгарской службы»), встречаются крайне редко²². Поэтому установление точного числа болгарских выпускников Николаевской академии, оказавшихся по другую сторону Добруджанского фронта против русских, весьма затруднительно.

Принадлежность курсантов этого петербургского военного учреждения к Болгарии на групповой фотографии можно ус-

тановить лишь при помощи небольшой, но важной детали: отсутствию плечевого ремешка для ношения сабли (болгарам их носить не разрешалось). Независимо от этого ошеломителен сам факт: по воле истории бывшие болгарские и русские однокашники вынуждены были смотреть друг на друга сквозь прорезь ружейных прицелов. Всё это выглядело просто исторически алогично: в 1877–1878 гг. русские и румынские солдаты проливали кровь, воюя с турками за возрождение болгарской государственности, а в 1916 г. ополчились против нее, желая урезать болгарские земли больше, чем это было сделано в Берлине. И, наоборот, турки, в прошлом многовековые угнетатели болгар, в период Первой мировой войны сражались в Добрудже вместе с бывшими рабами, словно пытаясь воплотить в реальность их мечту о сан-стефанской Болгарии.

В целом поведение Болгарии по отношению к славянскому миру вызывало в нем настоящий шок. Русская общественность не могла не заметить того, что в болгарской печати появляются статьи, призывающие к уничтожению Сербии и Румынии и разделению их земель между Болгарией и другими соседями²³. Нежелание Болгарии сочувствовать бедам славянских соседей и ее прогерманская ориентация в начавшейся Первой мировой войне вызывали негодование в России и осуждение болгар в российской прессе. Самым громким из них стала статья «Торгующим в храме» Л. Н. Андреева, написанная им 2 ноября 1914 г.²⁴ В ней писатель сравнивал Болгарию со скотиной в немецком стойле, которую пастухи поведут на убой в то время, когда льются потоки братской крови. И если болгары, подобно всем другим, начнут гнать русских из своей страны²⁵, то им прежде всего нужно убрать из центра Софии бронзовую статую царя-освободителя Александра II. Ведь он тоже русский, создавший, правда, саму Болгарию как государство²⁶. Л. Н. Андреев уподоблял Болгарию Иуде, поскольку она продает славян за сребреники ради своих политических интересов. Болгария, по его словам, — страна предатель, настоящий Змей с раздвоенным жалом. У нее славянское сердце, но немецкие мозги, она готова сводить старые счета и не прочь обшарить карманы сербского брата-должника. Одну руку Болгария держит ладонью кверху, а другой стискивает нож для братского горла. «Славянский мир, — писал Леонид Андреев, — стыдится и потупляет глаза, когда слышит имя

“болгарин”, как в честной семье, которая стыдится недостойного сочлена»²⁷.

Выступление Л. Андреева не вызвало широкого отклика среди болгарских творцов в печати. И это была своего рода позиция, которую выразил прозаик Д. Кёрчев, призывая соотечественников хранить молчание в ответ на «злые и обидные слова Леонида Андреева». Потому что, по его мнению, только таким образом болгары смогут соблюсти свое достоинство перед «высокомерием, грубостью и криками разъяренного писателя»²⁸. Д. Кёрчев напоминал читателям, что во время хулы в России на Л. Н. Андреева Стоян Михайловский издал в Болгарии первый том его рассказов, демонстрируя всему миру масштабы дарования русского писателя. В статье также говорилось и о том, какой любовью Л. Н. Андреев пользуется среди болгарской интеллигенции, ибо его портреты можно обнаружить чуть не в каждой учительской комнате сельских школ. Цени широту видения мира писателя и его приверженность к всечеловеческой свободе, Д. Кёрчев тем не менее призывал болгар «ценить свою землю превыше всего» и «относиться к ней как к наибольшей драгоценности по сравнению со всем великим в мире». Одновременно он выражал уверенность, что и сам болгарский народ осознает свой долг хранить родную землю как зеницу ока.

Военные столкновения в Добрудже в 1916 г. между болгарами и русскими, как уже отмечалось, нашли отражение в болгарской литературе. В целом появившиеся на данную тему болгарские художественные произведения (как правило, это рассказы и стихотворения) условно можно разделить на две группы: «баталистические», т. е. иллюстрирующие военные бои или отдельные их эпизоды, и морально-психологические, выражающие эмоции и чувства болгар по отношению к противнику. К числу первых можно отнести военные рассказы классика болгарской литературы Йордана Йовкова. В двух из них — «У озера Туркойа» («При езерото Туркойа») ²⁹ и «Белые эскадроны» («Белите ескадрони») — появляются русские ³⁰. В первом рассказе описываются бои, имевшие место 15–22 декабря 1916 г. при отражении болгарами атаки казаков 3-й Донской дивизии, которая славилась тем, что обычно сметала всё на своем пути. Повествование начинается с допроса двух пленных казаков: раненого в руку хорунжего Рыбаленко — высокого, стройного,

русоволосого, синеглазого, бодрого и жизнерадостного парня, и есаула Фролова, о внешности которого ничего не сообщается. По их словам, ранее оба они служили в кавалерийском полку 3-й казачьей дивизии, дислоцировавшейся в Галиции. Плен явился для них полной неожиданностью, потому что их полк во главе с командиром Жабдоровым не знал поражения. И в то раннее утро, все, казалось бы, начиналось привычно и обыденно. Сперва выдвнулся разведывательный казачий дозор, затем последовала русская кавалерийская атака, застрекотали болгарские пулеметы и рявкали болгарские орудия, которые тщетно пытались сдержать несущуюся бешеным галопом казачью лаву. Рыбаленко не без самодовольства рассказывал о том, какими прекрасными наездниками являются казаки, умеющие мчаться по полю, «конские хвосты по ветру распустив». В таких случаях солдаты противника, как правило, бросают винтовки и пускаются наутек. Не то болгары — они упали и схоронились в окопах, а когда лавы пронеслась над их головами, поднялись и стали стрелять вдогонку, разом выбив из седла около полуэскадрона. Среди них самих же пострадал один-единственный солдат, придавленный свалившимся конем Рыбаленко. Болгары, по его словам, «настоящие молодцы», а о болгарских кавалеристах среди русских ходят легенды: «ну просто черти на небольших лошадках».

Во втором произведении — «Белые эскадроны» — действие происходит в палате лазарета, где лежит раненый болгарский подпоручик, рассказывающий, как он оказался на волосок от смерти. Раненый вспоминал о внезапно раздавшемся пении горнов, возвещавших начало атаки, о неожиданно появившейся русской пехоте в серых шинелях, о перенесении в то место огня и вырастающих, словно грибы, разрывах снарядов. В его памяти всплывала картина эскадрона, притаившегося у подножья холма — все кони белые с желтыми супонями с коричневыми подпругами, сверкающими глазами и вытянутыми вперед ушами — состояние внешнего спокойствия, а на самом деле страшного напряжения. Затем в его сознании возникали выхваченные сабли, блистающие на солнце, будто серебряные змеи, и страшное, с вызовом, оглушительное «У-р-р-а-а!», за которым последовал жаркий бой в кукурузе. В целом рассказ импрессионистичен, и описание в нем последующих событий носит несколько абстрактно-обобщенный характер. Действие

в нем можно отнести к любой стране, его герои не имеют четко выраженной местных национальных или этнографических черт.

Более близким к реальности войны видится рассказ болгарского писателя В. Димова «Сквозь русские шеренги» («Между руските вериги») ³¹, который содержит ряд бытовых примет военной действительности и представляет собой описание неординарной ситуации, которыми обычно богата каждая война. Болгарский рядовой Пею Йотов был контужен взрывом гранаты и, очнувшись, обнаружил себя вроде бы среди своих. Но когда более тщательно пригляделся, то смекнул, что солдаты-то — русские! Форма вроде бы одна и та же — сапоги, шинели и фуражки у болгар и русских абсолютно одинаковые, а вот ранцы-то, совсем другие! Русские солдаты двигались вперед, а болгары отступали и виднелись где-то далеко внизу. Пею дополз до раненого, а тот оказался русским и стал костерить его на чем свет стоит: «сукин сын», «подлец», «явился биться с братушками». Другой русский солдат пальнул в него пару раз из винтовки, и тогда Пею, не дожидаясь третьего, более меткого выстрела, стреканул по кукурузному полю по направлению к своим. Петляя, как заяц, он сумел промчатся сквозь редкую цепь наступавших русских солдат и благополучно воссоединиться с родной 4-й ротой. Причем его не только не наказали, а выдали ему новую винтовку, шинель и ранец взамен брошенных и даже объявили благодарность за то, что он указал на слабое место русских на фланге.

Баталистическими можно назвать и военные рассказы писателя А. Страшимирова из сборника «Красные страницы». Мы не останавливаемся на них подробно, поскольку они были проанализированы в другой нашей работе ³². Можно лишь вспомнить здесь о некоторых преувеличениях А. Страшимирова по поводу численности находящихся под Добричем русских войск ³³. Аналогичным образом писатель сгустил краски и в очерке «Кровавый порог» («Кървав праг»), опубликованном в газете «Отечество» в декабре 1916 г. ³⁴ События вокруг Добрича в нем драматизируются и одновременно героизируются. По словам писателя, «судьба Добрича висела на волоске» ³⁵, потому что выбившие румын из города болгары, преследуя противника, столкнулись лоб в лоб «с несколькими русскими пехотными и кавалерийскими дивизиями» (sic! pl!) На самом же

деле там находилось несколько русских полков. Далее, однако, писатель возвращается к реальным фактам военной истории, говоря, что положение болгар в Добриче было исправлено 7 сентября после того, как туда срочно перебросили поездом болгарскую кавалерийскую дивизию и приданный ей Ловечский пехотный полк.

«Баталистические» рассказы обладают определенной художественной и исторической ценностью и по-прежнему продолжают волновать читателя. Но наибольший интерес вызывают стихи и проза болгарских авторов, воссоздающие тот эмоциональный фон, которым сопровождалось вооруженное столкновение болгар и русских на добруджанской земле в 1916 г. Они передают атмосферу массовых умонастроений, свидетельствуют о временном пересмотре характера взаимных отношений между двумя народами и странами. В них можно обнаружить новые нравственные и этические императивы, движение мысли и смятение душ болгар и русских, которые неожиданно по злой воле политиков и правителей были превращены во врагов. Хотя Д. Кёрчев и призывал соотечественников не отвечать на злые и обидные слова Л. Андреева, молчание болгарских писателей иногда нарушалось, находя косвенный отклик в их произведениях. У того же А. Страширова в рассказе «На Северный фронт» едущий в Добруджу молодой призывник с жаром говорит собеседнику следующее: «К счастью, здесь еще не было русских, а то бы я резал их, правду вам говорю. Если бы мне сам Леонид Андреев попался, я бы и его прикончил, не колеблясь»³⁶. Это отдельная, не играющая большой роли для контекста рассказа, фраза говорит о том, настолько глубоко запали болгарам в душу осуждающие слова Л. Андреева.

Своеобразный ответ на слова Л. Андреева заключается и в стихотворении патриарха болгарской литературы И. Вазова «Иуда ли?»³⁷. Убежденный русофил, автор хрестоматийных стихотворений «Здравствуйте, братушки», «Грянули винтовки», «Россия» и др., он испытывал страшную горечь от того, что болгарам приходится поднимать оружие против своих русских освободителей. Любовь к России в его сердце, как и в сердцах большинства болгар, еще жива, но она подверглась страшному испытанию. Он скорбит, что русские не стали в той войне союзниками болгар, а воюют на стороне румын, будто

желая «защитить вора от обворованного». В стихотворении «Союзники» он предполагает, что и русские испытывают чувство недоумения от творящегося абсурда и того, что им приходится воевать против болгар. А в написанном И. Вазовым в ноябре 1916 г. стихотворении «Тайна»³⁸ русский солдат из Тулы, случайно столкнувшись в корчме с болгарским бойцом из г. Кулы, растерянно вопрошает его, как случилось такое, что им нужно поднимать оружие друг на друга. Для него это большая загадка, чем причина рыбьей немоты или лая собаки, которая пытается у всех выпросить, а где же находится рай. Она сродни загадке несовершенства мира и тому, отчего в России один сыт — другой голоден, один бос — другой обут, один шьет — другой порет. И так и не разгадав главную загадку о причине братской бойни, русский солдат поднимает тост за болгарского брата.

Одно из ключевых вазовских стихотворений того времени носит название «Русским воинам»³⁹. В нем поэт недоумевает, каким образом на балканской земле русские воины оказались в качестве незваных и не дорогих сердцу гостей. Он пишет, что болгары готовы были встретить их цветами со слезами радости на глазах, но те пришли взвинченные, с озлобленными лицами. И. Вазов поражается тому, что, свергнув одно ненавистное для болгар иго, русские несут им теперь иго новое. По его словам, у болгар нет чувства ненависти к России — любовь к русским еще не угасла. Но во сто крат сильнее у болгар любовь к своей свободе, и за нее они будут сражаться не только с врагами, но и с кумирами. И такой же свободы поэт желает и русским воинам.

Своеобразным откликом на выступление Л. Андреева и приход русских солдат в Добруджу стало стихотворение «Детоубийцам» добруджанского поэта Любмира Бобевского⁴⁰. Оно адресовано России и русским, которые выступают в произведении как детоубийцы, поскольку они готовы умертвить свое собственное дитя — порожденную ими Болгарию. Они готовы развеять у болгар сан-стефанские грезы, которые сами же и распалили. По мысли поэта, русские пришли ныне на болгарскую землю не ради преклонения коленей перед прахом своих собратьев — павших освободителей и не ради выражения своего восторга перед их подвигами на Шипке, Шейново и под Плевной. И, конечно же, не ради того, чтобы отдать почести

царю-освободителю Александру II, поскольку нет у них в руках ни ладана, ни мира, ни елеса, ни хоругвей. Так же как нет среди них и певчих, хоть храм во славу русского подвига уже давно готов⁴¹. В руках у них винтовки и гранаты, в обозах — пулеметы, пушки, и стали вдруг врагами недавние «братушки» в союзе с ненавистными врагами. «Не братья мы враги мы, — восклицает далее поэт, — и каждый будет биться с иудами, как вы». В заключение Л. Бобевский проводит мысль о том, что любой посягнувший на болгарский народ, его храм и сладкую свободу «будет разгромлен и покрыт вечным позором». Особенно остро Л. Бобевский переживал тот факт, что значительная часть его «малой» родины — Северная Добруджа находится в руках румын. А теперь они пришли вместе с русскими, чтобы завладеть и в придачу закрепить навечно за собой и Добруджу Южную. Для поэта Добруджа неделима: и южная, и северная ее часть есть одно целое, которое по праву должно принадлежать болгарам. Л. Бобевский создал высоко поэтический гимн «О, Добруджанский край!», вызывавший у болгарских солдат прилив патриотических чувств — обычно они шли в атаку на врага со словами гимна на устах.

Стихи Л. Бобевского очень часто резки и воинственны, особенно много в них достается румынам, для которых автор не жалеет оскорблений и угроз. Верная оценка творчества Л. Бобевского и его выпадов против Румынии и румын присутствует в статье болгарской исследовательницы М. Цаневой⁴². Мы не станем здесь приводить из нее выдержки, поскольку они уведут нас в сторону от основной темы. Что же касается характера болгарско-русских народных отношений того времени, то наиболее точно, на наш взгляд, он отражен в «Записке» болгарского священника Атанаса Маджарова. Она была составлена им во время службы капелланом 48-го пехотного полка. Эта рукописная «Записка», хранящаяся ныне в Варненском окружном архиве⁴³, рассказывает о русских пленных и отношении к ним болгар. Священник сообщает, что русских пленных было много и все они «веселые, смеющиеся, довольные». Их поведение он объяснял тем, что эта странная война для них окончилась, и они перестали быть невольными врагами болгарских «братушек». Ведь и у тех самих по отношению к пленным — «никакой ненависти!». По словам А. Маджарова, болгары делились с русскими всем съестным, что имелось в их ранцах и торбах с су-

харями. «Вот и попробуй понять славянскую душу!» — восклицает автор напоследок.

Первая мировая война стала для болгар настоящей трагедией. Царь Фердинанд I в своем честолюбивом стремлении создать великую Болгарию, омываемую тремя морями — Черным, Эгейским и Адриатическим, прекрасно понимал, что поражение может стоить ему трона и жизни, тем не менее он вверг свою страну и болгарский народ в кровавую мясорубку. Его авантюра стоила болгарам 88 тыс. убитых и около 150 тыс. раненых, многие из которых стали калеками. Потери Болгарии в период с 1916 по 1918 г. многократно превышали людской и материальный ущерб, нанесенный ей во всех предшествующих войнах после освобождения 1878 г. Страна понесла такие большие потери, поскольку Германия не исполнила договорённости о более активном участии союзников на Балканском фронте. Кроме того, она грабила Болгарию, вывозя из нее продовольствие и материалы. То же самое происходило и в Добрудже с Македонией, хотя вывоз сырья и продовольствия из них запрещался специальными соглашениями. Сюда следует также добавить государственные займы Болгарии в германских банках на ведение войны и неизбежную инфляцию, сопровождавшуюся обнищанием болгарского населения. Военный союз с Германией стоил болгарам во время войны в общей сложности около 2 млрд. золотых левов⁴⁴. И все эти жертвы оказались напрасными, поскольку союзные Германия, Австро-Венгрия и Турция и не собирались передавать болгарам Северную Добруджу. На оккупированных северных добруджанских землях не была создана болгарская администрация — ими управляли совместно все четыре союзника. При этом местных болгар принуждали записывать себя румынами, а турки вынашивали свои планы в отношении Добруджи Южной и пытались настроить тамошнее турецкое население против болгар.

Существенными оказались после поражения блока Центральные силы и территориальные потери Болгарии. Согласно положениям Нейского договора, на северо-западе Болгария должна была отдать отбитые у румын болгарские земли. Румынская граница вновь сместилась к Южной Добрудже. Города Добрич, Тутракан и Силистра, где пролилось много людской крови, включая и болгарскую, отошли Румынии. Помимо

них ей достались болгарские черноморские порты Каварна и Балчик. В соответствии с договором, почти сорок лет болгары должны были выплачивать победителям огромные репарации в сумме 2 млрд. 250 млн. золотых франков. Для Болгарии всё это было настоящей национальной катастрофой. Один из главных ее виновников, царь Фердинанд I, был вынужден отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Бориса III и 3 октября 1918 г. покинул страну. Чуть позже, в ноябре того же года, ушло в отставку и болгарское правительство Александра Малинова — Стояна Костуркова, продержавшееся у власти менее шести месяцев.

Надо сказать, что выступление Болгарии на стороне Германии, Австро-Венгрии и Турции против России и ведение боевых действий непосредственно с русскими войсками вызвало массовое недовольство болгар. В некоторых частях страны вспыхивали бунты, против военного союза Болгарии с блоком Центральных держав выступали партия БЗНС (Болгарский земледельческий народный союз) и партия «тесных» социалистов БРСДП (Болгарская рабочая социал-демократическая партия). В 1918 г. в стране стала складываться революционная обстановка, вспыхивали подавляемые правительством солдатские восстания. В целом процесс выхода Болгарии из Первой мировой был затяжным и нелегким. Мирный договор с Россией Болгария заключила 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, и это было встречено в стране с облегчением.

Еще со времен Первой мировой войны большевики России, социалисты Болгарии, а затем и коммунисты обеих стран основными зачинщиками и виновниками Первой мировой бойни стали называть капиталистов и империалистов. Тем не менее неприятный осадок при воспоминаниях о военном столкновении болгар с русскими осенью 1916 г. полностью не исчез. Он может расти от непродуманных (или провокационных) действий властей. К счастью, в России считанные единицы знают или помнят о Добруджанской эпопее 1916 г. — где только не приходилось воевать русскому солдату за многовековую российскую историю! Несколько иначе обстоит дело у болгар — для них это борьба за составные части своей родины, это страницы летописи о временной утрате этих частей и их последующем обретении. Во время Второй мировой войны, осенью 1940 г., за несколько месяцев до того, как Болгария ста-

ла союзником фашистской Германии и ее сателлитов, Румыния осенью 1940 г. передала ей Южную Добруджу с городами Тутракан, Силистра, Каварна, Балчик и Добрич. Почти сразу же у добричан возникла идея увековечить память об обороне города и победных боях в его окрестностях в 1916 г. Около двух лет спустя, 14 мая 1942 г., учителя и учащиеся гимназии им. царя Бориса III установили в 4 км к северу от Добрича на Девинской могиле (холме. — *И. К.*) большой памятный Крест в честь павших 5–7 сентября 1916 г. Его воздвигли в том месте, где находился наблюдательный пункт генерала Т. Кантарджиева. 8 сентября 1944 г. в самый канун вступления Красной армии в Болгарию памятный Крест был уничтожен, но в 1999 г., после крушения тоталитаризма в стране, воспитанники упомянутой гимназии восстановили памятник⁴⁵.

Зародилась также идея создать памятнику генералу И. Коллеву на его любимом коне Пирин, и был организован сбор средств для её осуществления. К середине 1943 г. было собрано 350 тыс. левов — сумма вполне достаточная для реализации замысла, но близившееся вступление Красной армии в Болгарию в 1944 г. сорвало планы энтузиастов.

Лучшим памятником событиям того времени и по замыслу, и по его воплощению, очевидно, следует считать мемориальный комплекс, открытый 7 декабря 1974 г. в местности «Ярмарка». Он был воздвигнут там, где 5 сентября 1916 г. были захоронены тела 600 павших болгарских и иноземных солдат. Позднее неподалеку появилось кладбище русских, румынских и сербских военнослужащих. Мемориальный комплекс с музейной экспозицией и памятником генералу С. Кантарджиеву возник по проекту Х. Ямантлиева с участием скульптора Н. Фетваджиева и художника А. Радославова. Идея комплекса хороша тем, что она носит интернациональный характер: посетителей как бы призывают поклониться праху всех павших независимо от их национальности. Ведь Молох войны не знает разницы между правыми и неправыми.

Можно также добавить, что дань памяти погибшим и оставшихся в живых известным участникам добруджанской эпопеи отразилась в переименовании многих сел северо-восточной Болгарии, носивших прежде турецкие названия. Они теперь носят имена сражавшихся здесь в 1916 г. болгарских полков и военачальников: Чакрыча — Врачанцы, Гёкче дюлюк — Бдин-

цы, Каракурт — Приморцы, Чаир Харма — Генерал-Колево, Чаушкёй — Генерал-Кантарджиево, Геленджик — Победа, Сючук — Рильцы, Появились также такие названия сел, как Генерал-Тошево, Полковник-Минково, Полковник-Савово, Полковник-Чолаково и др.⁴⁶

В заключение скажем, что данная непростая тема о военном столкновении болгар и русских в 1916 г. возникла не случайно. Такое нужно знать каждому русскому, проявляющему интерес к Болгарии. В противном случае он может легко стать объектом для манипуляций со стороны болгарских русофобов или тех, кто, используя незнание исторических фактов большинством русских и болгар, стремится испортить отношения между двумя народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914–1918): Сборник от документи / Съст. М. Куманов, И. Коев, К. Еюп. София, 2004. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 27.

⁴ См. заметку в газете «Утро России» от 5 июня 1914 г. (с. 3), в которой помещена информация о приеме российским императором Николаем II румынского министра-президента Братиану и подписании российско-румынского соглашения.

⁵ См.: Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. / Под ред. Г. Д. Шкундина. М., 2002. С. 186.

⁶ *Зайончковский А.* Мировая война 1914–1918 гг. Т. 2: Кампания 1916–1918. М., 1938. С. 88–89.

⁷ *Добричката епопея 1916.* Историко-библиографски справочник. Добрич, 2006. С. 7, 56.

⁸ *Българската армия в световната война 1915–1918.* Т. 8. С. 282–283.

⁹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914–1918). С. 64–65, 114.

¹⁰ *Бойчев П.* Тутраканската епопея. Тутракан, 2003. С. 143; *Българската армия в световната война 1915–1918.* Т. 8. Война срещу Ромъния през 1916 година. Подготовка на войната и Тутраканската операция. София, 1939. С. 677.

¹¹ *Стефанов С.* Генерал-лейтенант Тодор Кантарджиев. Спасителят на Добрич. София, 2006. С. 138, 141.

¹² *Българската армия в световната война 1915–1918.* Т. 8. С. 727.

¹³ Там же. С. 282; Добричката епопея 1916. С. 14–15.

¹⁴ *Немирович-Данченко В. И.* Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877-1878. Т. 1. СПб., 1879. С. 33–36, 252–253.

¹⁵ *Немирович-Данченко В. И.* Указ. соч. С. 33–36, 252–253.

¹⁶ *Тошев С.* Действия на Третата армия в Добруджа през 1916 година. София, 2007. С. 39–40.

¹⁷ *Пачов Д., Кацев Д.* Ромънските жестокости над отвлеченото добруджанско население в Молдова. София, 1918. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 10, 11, 18, 20–22, 26.

¹⁹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914–1918). С. 7.

²⁰ Там же. С. 516–595.

²¹ Там же. С. 461–515; *Павлов П.* Български ордени и медали. София, 2002. С. 7, 37; См. также *Петров Т.* Български ордени и медали. София, 1982. С. 9, 37; *Владимиров В.* Граждански ордени, медали и възпоменателни знаци в България (1880–1944) // Известия на българските музеи. Т. 1. София, 1969. С. 258.

²² *Кюркчиев Н.* Николаевската академия на Генералния щаб в Санкт-Петербург. София, 2008. С. 40, 53.

²³ Об этих болгарских грезях, например, открыто заявляли в прогерманской газете «Колокол» («Камбана»). София, 1916. 13 сентября. № 13.

²⁴ Статья была опубликована в утреннем выпуске «Биржевых ведомостях», № 14470 (СПб., 1914. С. 3), а затем ее переиздали в сборнике «В сей грозный час» (Пг., 1915. С. 27–31), причем весь гонорар писатель пожертвовал на нужды сербских и русских воинов.

²⁵ Л. Н. Андреев имел в виду тех русских переселенцев, которые остались в Болгарии после ее освобождения от турок в 1877–1878 г.

²⁶ Там же. С. 28.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ *Кьорчев Д.* Вместо отговор на Леонид Андреев // Кьорчев Д. Студии. Статии. Есета. София, 1992. С. 496–499.

²⁹ *Йовков Й.* При езерото Туркойа // журнал «Отечество». София, 1917. 29 апреля. Кн. 17. С. 3 — б.; См. также: *Йовков Й.* Събрани съчинения. В 6 т. Т. 1. София. С. 332–342.

³⁰ *Йовков Й.* Белите ескадрони // Военни известия. София, 1916. 28 октябрия. № 237. С.2–3; См. также: *Йовков Й.* Събрани съчинения. В 6 т. Т. 1. София, 1982. С. 113–118.

³¹ *Димов В.* Между руските вериги // Отечество. София, 1916. 31 октябрия. № 40–41. С. 14.

³² *Калиганов И. И.* Малоизвестные страницы из «неровного» творчества Антона Страшимирова 10-х –20-х годов XX в. // Веков свързую-

щая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур. М., 2006. С. 384–385.

³³ Там же.

³⁴ Отечество. София, 1916. 15 декабря. № 46–47.

³⁵ Там же.

³⁶ *Калиганов И. И.* Указ. соч. С. 384.

³⁷ *Вазов И.* Юда ли? // Мир. София, 1916. 5 декабря. № 5024; См. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. 4. София, 1976. С. 178–179.

³⁸ *Вазов И.* Тайна // Мир. 1916. 2 декабря. № 5022; См. также: *Вазов И.* Събрани съчинения. В 22 т. Т. 4. София, 1976. С. 183–184.

³⁹ *Вазов И.* На руските воини // Мир. 1916. 11 ноября. № 5005; См. также: *Вазов И.* Събрани съчинения. В 22 т. Т. 4. София, 1976. С. 170–172.

⁴⁰ *Бобевски Л.* Под сенката на меч. 1912–1916. София, 1916. С. 110–111.

⁴¹ Л. Бобевски имеет в виду храм-памятник св. Александра Невского, построенный в центре Софии в ознаменование подвига русского народа, освободившему Болгарию от турок.

⁴² *Цанева М.* Войната в Добруджа и българската литература (непосредствени отклики). С. 209 // Тутраканската епопея и освобождението на Добруджа. Тутракан, 1996. С. 209–224.

⁴³ ОДА — Варна, ф. 75 к., оп. I, а. е. 761, л. 20–78, л. 108. Там же. С. 211–212; См. также *Шкундин Г. Д.* Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия Россия и Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII — XXI вв. Русско-болгарские научные дискуссии. М., 2010. С. 200.

⁴⁴ *Даскалов Р.* Българското общество. 1879–1939. Т. 1: Държава. Политика. Икономика. София, 2006. С. 142.

⁴⁵ Добричката епопея 1916. Историко-библиографски справочник. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 211–212.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ В БОЛГАРСКОЙ МАРГИНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-х — 40-х годов XX в.

Литература, обзор которой предлагается вниманию читателя, носит преимущественно маргинальный характер. Это определение не имеет негативного оттенка, а лишь отражает сравнительно небольшие масштабы распространения такой литературы, незначительность числа относящихся к ней авторов и созданных ими произведений. Она не сопоставима с бытовавшей тогда в стране обильной переводной советской и болгарской просоветской литературой. Гигантская машина советской пропаганды трубила об успехах строительства в СССР социализма, о раскрепощенном созидательном труде миллионов россиян, о рождении «нового» человека и «нового» общества, воплощавшего в себе вековые чаяния человечества. Под ее воздействием в энергичное идеологическое наступление большевиков включились и болгарские коммунисты, искренно верившие, что, пропагандируя достижения СССР, они тем самым борются за социалистические идеалы и светлое будущее Болгарии. Но не все болгары поддавались большевистскому идеологическому одурманиванию и утрачивали чувство реальности. Рассказы оказавшихся в Болгарии русских белоэмигрантов, аналитические репортажи о положении в большевистской России, публиковавшиеся в западноевропейской прессе, и отдельные правдивые материалы, периодически возникавшие на страницах советских газет и журналов, позволяли сделать думающим болгарам выводы, далекие от навязываемых им официальной советской пропагандой. И они открыто делились своими мыслями, выступая создателями своеобразной «маргинальной» литературы, о которой и пойдет речь в нашей статье.

Одновременно следует отметить, что отдельные создатели этой литературы были озабочены не уличением во лжи советских пропагандистов ради восстановления исторической истины: они стремились к дискредитации СССР как такового. В особенности это касалось болгарских фашистских авторов. Не вступая в полемику с историками и публицистами о наличии или отсутствии в 20-е — 40-е гг. XX в. фашизма в Болгарии¹, сошлемся на мнение болгарского исследователя Н. Поппетрова о бесспорном существовании в Болгарии того времени свыше полудюжины фашистских и профашистских организаций, которые накладывали определенный отпечаток на политический облик страны². Следует напомнить, что уже в 1932 г. в Болгарии была создана Национал-социалистическая болгарская рабочая партия (НСБРП), весной того же года — Союз молодежных военных легионов, а в сентябре — Национал-фашистская задруга. Важным представляется не столько употребление слова «фашистский» в названии того или иного политического объединения, сколько тот дух, который пронизывал их деятельность, а также их политическая самоидентификация. Так, например, НСБРП проповедовала идею «чистоты» болгарской крови как необходимого условия, дающего право считаться «полнокровным» болгарским гражданином, а другая болгарская политическая организация с весьма «правильным» названием «Родная защита» сама декларировала себя как фашистскую³.

Наклеивать ярлыки «фашистский» и «фашистское» на стоявших у власти в тогдашней Болгарии политических деятелей или образуемые ими правительства исторически неправомерно. Идеологическая окраска политических лидеров, сменявшихся у государственного кормила на протяжении двух десятков лет (1923–1944), была столь пестрой и изменчивой, что исключает какие-либо однозначные выводы. Александр Цанков, Андрей Ляпчев, Кимон Георгиев и другие главы болгарских правительств того двадцатилетия имели разные политические взгляды, разной была и проводимая ими внешняя и внутренняя политика, по-разному сложились и их политические судьбы.

А. Цанков, например, стал премьер-министром после реакционного переворота 9 июня 1923 г., с невиданной жесткостью подавил организованные коммунистами в том же году

июньский и сентябрьский мятежи, а когда в апреле 1925 г. коммунистические радикалы устроили взрыв в софийском соборе св. Недели*, А. Цанков развязал в стране настоящий террор, который вызвал сильное возмущение в Европе и заставил его в начале 1926 г. подать в отставку. Созданная им вскоре политическая организация «Народное социальное движение» копировала модели развития итальянских и немецких фашистов: она позаимствовала у них идеи отрицания парламентской власти, необходимости надпартийного руководства и решающей роли «вождя» в национальной истории, восприняла от них, как эстафету, и знамя борьбы с коммунизмом. Единственным отличием «социалдвиженцев» от зарубежных собратьев по духу являлся лишь отказ от преследования еврейства из-за незначительности его роли в болгарских землях. Незадолго до вступления советских войск в Болгарию А. Цанков бежал в Австрию, откуда перебрался в Аргентину и умер в эмиграции⁴.

Близкий А. Цанкову по взглядам премьер А. Ляпчев продолжал в общих чертах линию правительства своего предшественника, но ослабил гонения на коммунистов, легализовал Болгарскую коммунистическую партию (БКП) после изменения ею своего названия (она стала именоваться Рабочей партией) и даже позволил коммунистам участвовать в парламентских выборах, в результате которых они сумели получить 4 депутатских места. Неумение правительства справляться с охватившим страну экономическим кризисом вызвало в 1931 г. отставку кабинета А. Ляпчева, после чего он вскоре умер в результате неуспешной медицинской операции.

К. Георгиев также участвовал в осуществлении государственного переворота 9 июня 1923 г., но постепенно разошелся во взглядах с А. Цанковым и его единомышленниками, организовал 19 мая 1934 г. новый государственный переворот, проложивший путь монархической диктатуре царя Бориса III. Находясь у власти, К. Георгиев восстановил дипломатические отношения с СССР и стремился проводить сбалансированную политику, учитывавшую интересы всех великих держав. Впоследствии К. Георгиев сблизился с коммунистами, с 1942 г. во-

* Собор посвящен св. великомученице Кириакии (Неделе), пострадавшей в начале IV в. при императоре Диоклетиане. Культ подвижницы расцвел в Болгарии благодаря составлению ей похвального слова знаменитым болгарским патриархом Евфимием Тырновским в XIV в.

шел в руководство антифашистского Отечественного Фронта, а после сентября 1944 г. в течение двух лет возглавлял в стране Народное правительство и затем занимал важные государственные посты.

На примере деятельности этих политических лидеров видно, что характеризовать в целом период 20-х — 40-х годов XX в., как фашистский, антикоммунистический и антисоветский было бы некорректно. Можно констатировать, что отношения между Болгарией и СССР накануне Второй мировой войны значительно улучшились. В августе 1939 г. в Москву прибыла группа болгарских парламентариев, встретившая в Кремле теплый прием. Подписано было двустороннее соглашение об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Софией. В болгарской столице и Варне открылись магазины по продаже советской художественной литературы, газет и журналов на русском языке. Открыто было и развернуло свою деятельность общество болгарско-советской дружбы⁵. После нападения Германии на СССР Болгария, будучи союзником Германии во Второй мировой войне, вопреки давлению Гитлера не только не посылала свои войска на «восточный» фронт, но и не разрывала с СССР дипломатических отношений.

Широкая социальная база для антисоветских настроений среди болгар в то время отсутствовала. Это обстоятельство объясняется не просто русофильскими чувствами болгарского народа, но и историческими обстоятельствами. Причина для противопоставления русофильства и германофильства решительным образом поубавилась из-за неактуальности темы и исчезновения после Первой мировой войны самих исторических персонажей: Австро-Венгерская империя распалась, не существовало уже и империи Российской, а что представляло собой появившееся вместо нее советское государство в известной мере еще оставалось для болгар загадкой. Противопоставление же Германии и СССР в конце 30-х гг. XX столетия в глазах болгар выглядело бы абсурдным, если учитывать подписание двумя державами в 1939 г. пакта о ненападении и установление между ними дружественных отношений. Именно поэтому правительства, стоявшие в Болгарии у власти накануне новой войны, как правило, стремились поддерживать с обеими великими силами сбалансированные отношения.

Этот баланс постоянно пытались нарушить болгарские радикальные круги, оказывавшие давление на очередные правительства и слева, и справа. С одной стороны — болгарская коммунистическая эмиграция, которая через своих единомышленников пропагандировала в стране идеи большевизма и различными способами склоняла болгар накануне войны ратовать за заключение пакта о взаимопомощи с СССР, а с другой стороны — местные радикал-фашисты, которым даже крайне правое правительство А. Цанкова казалось слишком умеренным: они критиковали его за чересчур «либеральный» фашизм и мнимые связи с мировым масонством. Причем, если первая противоборствующая сторона была достаточно внушительной благодаря материальной поддержке СССР, то вторая являлась сравнительно маргинальной и не располагала большими финансовыми возможностями. И по этой причине объем выпущенной болгарскими фашистами литературы относительно невелик и насчитывает всего лишь несколько сот наименований.

Ряд болгарских фашистских авторов, как уже отмечалось, выпустил книги антисоветского содержания, что сразу перевело «маргинальную» литературу в разряд сомнительной и в дальнейшем сказалось на ее судьбе. Дело в том, что 6 октября 1944 г., т. е. через месяц после вступления советских войск на территорию Болгарии, пришедшее к власти Народное правительство ввело цензуру, в результате которой вся фашистская, профашистская и сомнительная литература была изъята из болгарских библиотек и уничтожена⁶. Сохранились лишь единичные ее экземпляры, которые, в соответствии с правительственным постановлением, должны были остаться в наиболее представительных библиотеках страны⁷. Однако некоторые из этих изданий, вероятно, погибли, ибо наши заявки на отдельные запрещенные книги в библиотеке Болгарской академии наук и Национальной библиотеке свв. Кирилла и Мефодия в Софии не были выполнены из-за отсутствия там этих изданий вопреки упомянутому постановлению⁸. Можно также предположить, что «черный» список, очевидно, составлялся в спешке, поскольку в него не попал целый ряд книг явно сомнительного содержания. Он был обнаружен нами в справочнике А. Булевой и Н. Буссе, выпущенном через четыре года после его обнародования⁹.

Обстоятельный обзор содержания подобной болгарской литературы 20-х — 40-х гг. XX в. — задача современных литературоведов и историков. Её невозможно решить в одной статье, потому что ознакомление со всеми изданиями «списка» требует значительного времени. Тем не менее названия фигурирующих в нем книг и брошюр отчасти раскрывают их содержание и позволяют предварительно их классифицировать. В списке прослеживаются следующие тематические группы: 1) переводная фашистская литература, включающая произведения Гитлера, Гёббельса и Муссолини; 2) переводные и оригинальные болгарские сочинения, направленные против еврейства; 3) книги, чрезмерно возвеличивающие историческое прошлое Болгарии; 4) произведения болгарских авторов, проводящие идею о неславянском, протоболгарско-арийском происхождении болгарского этноса и его культурном превосходстве над славянами; 5) литература с антисоветским или антирусским содержанием, призванная принизить или исказить значение СССР¹⁰.

Материалы нашей публикации касаются пятой тематической группы. При этом сразу следует оговориться, что избранный нами принцип подбора привлекаемых материалов был призван дать представление о собирательном образе большевистской России, который возникал в сознании болгарского читателя после знакомства с упоминаемыми нами маргинальными книгами. Анализ содержания отдельных произведений или же «творчества» подвизавшихся на данной стезе отдельных авторов не входил в нашу задачу. Отклонение от этого принципа происходит лишь тогда, когда освещаемая нами «подтема» оказывалась достаточно узкой (как, например, вопрос о тяжелой жизни болгарских переселенцев в СССР, проведение параллели между большевистской Россией и «красным апокалиптическим зверем») или затронутой единственным автором. Изложение материалов ведется нами с соблюдением определенной тематической очередности: **истоки большевизма, хозяйствование большевиков, террор против собственного народа, положение в России рабочих и крестьян, моральное разложение в стране (упразднение семьи, хулиганство, пьянство); чиновничество, бюрократия, партийная «элита» и ее нравы; положение русских в большевистской России, демонизация еврейства и экспорт**

революции, Россия и грядущий Апокалипсис, война с Германией и ее исход, положение болгар в России, СССР и славяне.

При ссылке на редкие книги в самом конце в квадратных скобках приводятся данные о месте хранения и шифры цитируемых уникальных изданий. При этом еще раз следует подчеркнуть, что сжатое резюме материалов этой маргинальной литературы подается нами с сохранением тональности повествования, лексикона и логики мышления ее авторов. Собственная краткая оценка упоминаемых нами книг дается в конце статьи.

Истоки большевизма. Беды большевистской России, по мнению болгарского автора С. Янева, во многом проистекают от ее «неправильного» прошлого. Она всегда являлась странной безмолвием с историей, которую Сергей Соловьев называл «степной», а Константин Аксаков — лаконичной историей «молитвенной тишины и смирения»¹¹. Отсюда возникла романтическая идея славянофилов об особой роли славянского духа русского человека, не тронутого цивилизацией загнивающего западного мира. И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и А. С. Хомяков оказались в плену страстного влечения к русской старине и идеализации допетровского патриархально-дворянского быта. Еще дальше пошел Ф. М. Достоевский, считавший, что призвание славянства состоит в спасении мира, и важную роль в нём должны сыграть русские — единственный народ-богоносец, грядущий обновить всю землю. На самом же деле, нетронутость русского человека цивилизацией есть не «плюс», а большой «минус». Она свидетельствует об отсталости России, где не зарождались великие идеи и не велась борьба за социальные и национальные права. В то время как на Западе расцветал Ренессанс и бушевали великие революции, русские мужики из века в век продолжали строить свои избышки из соломы и глины и жить в своем идиллическом земледельческом быту «без каких-либо законов и традиций» (sic!).

Хозяйствование большевиков. Коммунисты, в сущности, разоряют Россию. По свидетельству Рыкова*, Россия теперь только потребляет, но ничего не производит. Каждый

* Рыков А. И. (1881–1938) — председатель ВСНХ, председатель СНК, председатель СНК СССР и РСФСР, член Политбюро ЦК.

год убытки составляют 800 млн. золотых рублей¹². Хотя Советский Союз и совершил рывок в производстве чугуна и стали, выплавляя их сегодня больше, чем в Англии, но по производству этих металлов на душу населения он продолжает уступать развитым западноевропейским государствам в несколько раз. Неэффективным является и сельское хозяйство. Несмотря на хваленную «тракторизацию» и увеличение посевных площадей на 30%, рост производства зерна в стране возрос всего лишь на 18%¹³. Советский Союз не способен прокормить своих граждан. Каждый год в стране от голода умирают сотни тысяч граждан. Так было в 1921–1922 гг., когда похожие на скелеты, обтянутые кожей голодающие покорно ложились на землю в ожидании смерти¹⁴. Чтобы притупить чувство голода, дети, напоминающие своим обликом стариков и старух, ели землю и грязь, что влекло за собой несварение желудка и долгую мучительную агонию. Препятствуя бегству сельского населения в города, большевистские власти выставляли заградительные отряды, но умирающие от голода люди пробивались туда силой. В городах, где по карточкам выдавалось по 50 г. хлеба, не хватало гробов для погребения.

В общей сложности от голода в России пострадало около 21 млн. человек. Из-за отсутствия хоть какой-нибудь еды люди в Башкирии ели навоз. В Симбирске крестьяне варили болотные водоросли и употребляли их в пищу, смешивая с торфом¹⁵. Пытаясь избавиться от чувства голода, люди пили воду и страшно опухали. Голод толкал их на дикие поступки, часто приводя к людоедству. Из могил вырывали трупы, чтобы как-то насытиться. В Минске и других городах матери убивали собственных детей. Когда в Борисоглебске от голода умерла Елизавета, дочь Григория Башмакова, в могилу опустили только ее кости — семья съела тело усопшей ради собственного выживания¹⁶. В Новочеркасске рабочая Ирина Попова в приступе отчаяния задушила собственного младенца и поджарила, чтобы спасти умирающих от голода детей Мишу, Ваню, Ксению и Катю. Старший из них Миша сказал: «Мы съели Верочку, потом съедим Катю, потом Ксению, Ваню, и меня ты должна будешь съесть. Но кто будет есть тебя? Наверное, тебя зарежут для комбеда (комитет бедноты. — *И. К.*) на обед».

Террор против собственного народа. Большевики лицемерно заявляют, что испытываемые народом трудности — вре-

менные и неизбежные. Они затуманивают народное сознание идеями коммунизма¹⁷. Ленин утверждает, что причина трудностей заключается в текущей ситуации, когда капитализм уже разрушен, а социализм еще не построен. А Карл Радек* в своих теоретических рассуждениях проводит идею о том, что социалистическая власть неизбежно ухудшает положение, потом оно становится ещё хуже, но затем после мыслимых и немислимых страданий наступает коммунистический рай¹⁸. Особую ненависть у большевиков вызывает русская аристократия, интеллигенция и духовенство. На одном из митингов в Москве Лев Троцкий обещал трудящимся создать в России земной рай, но новое государство беззаветной братской любви, по его словам, может быть построено только на костях и крови русской аристократии¹⁹. Отсюда проистекает разжигание классовой ненависти и поощрение жестокости при расправе с представителями «верхних классов».

В первые годы советской власти в Самарской губернии живыми закопали в землю 300 священников, епископа Василия в Перми сбросили в реку с высокого моста, архимандрита Вениамина и монахов Соловецкого монастыря сожгли живьем²⁰. В Тирасполе священникам заливали в горло расплавленный свинец и скальпировали, а в Одесской, Киевской и Харьковской областях чекисты распинали их на воротах храмов. Уцелевших высших иерархов ссылали в самые отдаленные места России: Сибирь, Архангельск, Туркестан. Чтобы уничтожить память о них, на могилах устанавливали не кресты, а сатанинские пятиконечные звезды. Особыми зверствами прославилась ЧК, расправлявшаяся, разумеется, не только со священниками. Обычным делом здесь считалось забивание иголок под ногти, вырывание глаз, вливание в горло кипятка, заколачивание в голову гвоздей, вырезание на груди и плечах орденов и погон.

Объектами репрессий становились не только представители аристократии и духовенства, но и крестьяне, которых большевики явно не жаловали. Подтверждением этого могут служить слова Ленина, произнесенные им в беседе с итальянским коммунистом Джованни Паппини²¹. На вопрос последнего Ленину о том, что он думает о крестьянах, тот ответил с гри-

* Радек К. Б. (1885–1939) — секретарь Исполкома Коминтерна, зав. отделом международной информации ЦК.

массой отвращения: «Я их ненавижу. Ненавижу мужика, идеализированного этим мягкотелым западником Тургеневым и этим лицемерным вероотступником Толстым». Ленин заявлял, что при строительстве коммунизма может погибнуть 90% русского народа, зато оставшиеся 10% доживут до торжества светлого будущего. Представителям рабочего класса также не удалось избежать репрессий. Во время наступления Юденича на Петроград рабочие Путиловского завода были заподозрены в сочувствии к белым, в результате чего без суда и следствия было расстреляно 800 человек²².

Мечтой Ленина было превращение России в огромный дом мучений, и она, похоже, осуществлялась, ибо за пять лет революции и Гражданской войны в стране, по официальной статистике, число убитых составило свыше 1 млн. 850 тыс. человек. Среди них было 28 епископов, 1200 священников, 6000 учителей, 8800 врачей, 54 000 офицеров, 260 000 солдат, 192 000 рабочих, 815 000 крестьян и 355 000 представителей других профессий и классов²³. Репрессиям подвергались даже дети: по решению Совнаркома и ЦИК от 8 апреля 1935 г. было расстреляно около 8000 детей в возрасте десяти — двенадцати лет²⁴.

Положение в России рабочих и крестьян. Большевики сумели завлечь рабочих идеалами равенства, но после революции разделили людей на 17 разрядов²⁵. Органы народовластия — так называемые «советы», — остались только на бумаге. Рабочих снабдили трудовыми книжками, куда записывают все нарушения, и без таких книжек нельзя было устроиться на работу. Тем самым рабочих закрепили за фабриками и заводами, подобно крепостным: уйдешь — тюрьма. В то время как социалисты боролись за введение 7- часового рабочего дня, советские власти, напротив, постоянно повышают уровень эксплуатации рабочих. Труд последних становился всё более интенсивным и продолжительным. Так, в 1922/1923 г. трудящиеся работали 245 дней в году, а через три года — уже 263 дня. Им ввели шестидневную рабочую неделю без какого-либо повышения зарплаты. Сверхурочный безвозмездный труд становится нормой, не говоря уже о принудительных бесплатных субботниках. При этом в России неуклонно растёт число безработных. По данным советской «Рабочей газеты», в 1924/1925 г. таковых насчитывалось в стране около 850 000 человек, а в 1926/1927 г. — свыше 1 350 000²⁶.

Отвратительными являлись и жилищные условия, в которых жили советские рабочие. В газете «Труд» от 23 июня 1931 г., например, сообщалось, что в казарме «Франция» Московской губернии живет более 80 семей общей численностью свыше 250 человек, а другие рабочие живут поблизости среди блох, клопов и вшей, спят рядом со скотом среди сырости, плесени, гари и сажи на нарах, под нарами, на столах или прямо на полу²⁷. Еще хуже обстоит дело с жильем в провинции. Газета «Труд» от 19 января 1928 г. писала, что на Урале близ Екатеринбургa рабочие спят по 17–18 человек в девятиметровой комнате, где им не хватает места даже для личных кроватей, и поэтому они спят на общих кроватях по очереди. Рабочие начинают разбегаться, не выдерживая тяжелого быта в общежитиях и скверного питания в общественных столовых. Пища в последних напоминает жидкую грязь, в супе нередко плавают черви.

Если среди рабочих возникает протест, он сразу же жестоко подавляется, а зачинщиков ссылают на пожизненные принудительные работы на Соловки. В целом рабочий люд живет под ужасным гнетом, и поэтому слова о том, что в России установлена диктатура пролетариата, воспринимаются как лицемерная издевка. Здесь можно привести следующий характерный пример. Двое рабочих на Путиловском заводе, Василий Ельцов и Федор Кучин, переносили на плечах тяжелую медную плиту, уронили ее и слегка повредили лестницу. Обоих избили и отправили на принудительные работы. За опоздание на работу рабочим полагалось физическое наказание и тюрьма. Их зарплата составляла всего лишь 1/4 от дореволюционной и выплачивалась нерегулярно. «В России, — пишет болгарский автор М. Есив, — человека как такового отменили, его лишили права на голос, его семью уничтожили»²⁸.

Не лучше жилось и крестьянам. Русская деревня оказалась отброшенной назад на целое тысячелетие. Государство откровенно грабило крестьян, покупая у них хлеб по 10 коп. за кг, а продавая за 1 руб. В стране, располагающей огромными массивами приспособленных для сельского хозяйства земель, безземельными и безлошадными являются 8 млн. крестьян — т. е. больше, чем всё население Болгарии.

Моральное разложение в стране (упразднение семьи, хулиганство, пьянство). Стремясь добиться абсолютного и беспрекословного подчинения народа, власти занялись систе-

матическим разрушением института семьи как такового. Этому должен был способствовать новый закон о браке, вступивший в силу в СССР с 1 января 1927 г. Он отменял регистрацию брака, подталкивал людей к беспорядочным половым связям и фактически поощрял многоженство. Поскольку срок сожительства никак официально не оговаривался, девушки могли становиться женами мужчин на месяц, на неделю или даже на одну ночь. На тех же, «кто в любви ищет нечто большее, чем простая физиология, смотрят с насмешкой как на слабоумных или умственно ущербных субъектов». Свободный брак, по мнению большевистских юристов, не требует ни письменного, ни устного закрепления или наличия свидетелей — он представляет собой половое сближение при обоюдном согласии сторон²⁹. Станным выглядит и право признания брака законным в случае совместного проживания, ведения общего домашнего хозяйства, наличия общего имущества или обоюдной переписки. Ведь переписываться можно не только с физически близким человеком, а материальную помощь можно оказывать и без совместного проживания.

Принятие этого закона венчало собой борьбу против института семьи, которая развернулась в стране сразу же после окончания Гражданской войны. Один из неистовых борцов за «правое дело», правовед А. Г. Гойхбарг, в своей статье «Брачное право», опубликованной в 1922 г., декларировал следующее: «Коммунистическая партия должна покончить с семьей. Пусть там угаснет узколобая родительская любовь к детям, которая заставляет отца и мать привязываться к своим детям и растить из них эгоистов». Большевистский вождь Бухарин³⁰ в своей знаменитой «Азбуке коммунизма» утверждал, что ребенок принадлежит обществу, а, следовательно, Коммунистической партии. В газете «Правда» от 9 января 1927 г. констатировался особый «советский» характер отношений между супругами: «У нас не существует других связей между мужем и женой, кроме половых».

Беспорядочность половых связей возводилась в принцип. Сами они трактовались как элементарное удовлетворение физиологических потребностей, полезное для здоровья членов коммунистического общества. Поэтому советским женщинам следовало отказаться от права на выбор. «Каждая молодая коммунистическая девица, студентка, рабочая или школьница, на которой остановится взгляд какого-либо мужчины, должна

ему подчиниться, иначе она считается буржуйкой, недостойной носить коммунистическое имя» — писала большевичка Смидович* в «Правде» от 24 марта 1925 г. Большевики подвергли российских женщин обобществлению. Начиная с 18 лет, каждая советская женщина обязана была вступать во временные половые отношения и заключать брак даже против своей воли. Во многих городах были организованы комиссариаты свободной любви, подвергавшие женщин физическому наказанию за отказ вступать в половые связи. Эти учреждения издавали мандаты, дававшие право на «социализацию» девушек 16–20-летнего возраста³¹.

Формированию семьи и традиционных семейных отношений во многом мешало отсутствие нормальных жилищных условий или даже вообще крыши над головой. В одной лишь Москве в 1920-е гг. имелось около 70 000 бездомных. Те же, кто располагал пристанищем, чаще всего жил очень тесно и скученно. В 1926 г. на москвича приходилось в среднем всего 6, 8 кв. м, и положение не улучшалось, а только ухудшалось. Через три года из-за притока людей в Москву, бежавших с полуголодных российских окраин, упомянутая средняя крошечная норма жилья на москвича еще больше уменьшилась, составив 5, 2 кв. м на человека³².

Разложение института семьи, отсутствие настоящих духовных наставников и семейного воспитания вела к увеличению в СССР случаев хулиганства, распространению половой распущенности, росту числа изнасилований³³. Об этом можно судить по публикации в газете «Известия», помещенной в № 205 за 1926 г.: «Хулиганство, — пишется в ней, — разливается мутной волной нашей стране — в городах, селах, фабрично-заводских поселках в столицах...» По свидетельству прокурора Москвы, приведенному в другой советской газете, в столице ежемесячно арестовывали за хулиганство 3700 человек, а общее число рассмотренных судами дел в ноябре 1926 г. составило 5000. По сведениям газеты «Рабочий путь», в Иваново-Вознесенской губернии за период с 1923 по 1926 гг. число случаев хулиганства выросло в четыре раза. Нарушители обществен-

* Смидович С. Н. (1872–1934) — зав. женским отделом МК партии (1919–1922), зав. отделом работниц и крестьянок ЦК партии (1922–1924), позднее — аппаратчик ЦК партии и ЦИК СССР.

ного порядка устраивали драки, нередко пуская в ход ножи и финки, дебоширили, оскорбляли прохожих, били стекла, бросали под ноги артистов кирпичи и кошек, демонстративно мочились на тропинках в парках.

Характерно, что хулиганили в СССР не только простые рабочие и крестьянские парни, но и сами служители правопорядка. В качестве иллюстрации приводится случай с хулиганским нападением у Страстного монастыря (т. е. в центре Москвы) на шедшего с супругой писателя Демьяна Бедного. Когда же тот начал грозить милицией, хулиган рассмеялся ему в лицо: он сам оказался политруком 46-го отделения милиции, да к тому же и членом Коммунистической партии. Болгарский переводчик этой публикации откровенно потешается над заявлениями советских прокуроров, твердящих, что хулиганство есть наследие старого мира и вызвано пережитками капитализма. Он справедливо замечает, что совершающие хулиганские поступки парни являются преимущественно пролетариями и комсомольцами 17–25 лет, и формирование преступных наклонностей этого возрастного слоя произошло во время революции. Так что заявления судебных защитников, провозглашающих хулиганов «жертвами капитализма», равно как и их потуги взвалить вину за правонарушения на императора Николая II, ничего, кроме иронии, вызвать не могут.

Тяжелая, беспросветная жизнь подталкивала русский народ к пьянству. Всего лишь за несколько лет, с 1925 по 1928 гг., потребление крепких спиртных напитков в России возросло почти в десять раз: 49 млн. литров и 456 млн. литров соответственно. Почти в два раза выросло число смертных случаев по причине алкогольного отравления и более чем в сорок раз — случаи помещения людей в медвытрезвители³⁴.

Бюрократия, партийная элита и ее нравы. Гораздо лучше народа жила бюрократия и партийная элита. В большевистской России невероятно раздулся штат различного рода чиновников. Их число достигло неслыханных ранее размеров, резко возросло количество всевозможных справок и иной бюрократической писанины. Сформировалась громадная чиновничья машина, чьи бесчисленные колеса вращаются вхолостую без осязательного результата. Хищения приобрели невиданные масштабы. За взятки можно было получить всё, что пожелаешь, а без них не сдвинешься с места³⁵.

Чиновничество процветает, но наиболее разительный контраст с жизнью прозябающего в нищете народа составляют быт и замашки партийной большевистской элиты. Она купается в роскоши и предаётся «сладким» порокам буржуазии, к которой, на словах, испытывает непримиримую классовую ненависть. Представители большевистской элиты безнаказанно совершают преступления, предаются пьянству и блуду, устраивают скандалы и дебоши, тратят общественные и партийные деньги на личные нужды, демонстрируют равнодушие к страданиям окружающих, включая родственников. М. Литвинова³⁶, например, арестовали в Лондоне за сбыт банкнот, захваченных в результате вооружённого ограбления большевиками Тифлисского отделения Госбанка. Каменев (Розенфельд) занимал в Москве два дома, в одном из которых находилось 15, а в другом 20 комнат. Обслуживали Каменева и понаехавших к нему родственников из провинции несколько автомобилей и многочисленная прислуга из аристократии. Карахан в Варшаве имел полсотни рассыльных и лакеев. Идеолог красного террора Зиновьев (Апфельбаум) подарил своей подчинённой Адelaide Ганзен жемчужное ожерелье стоимостью 250 тыс. золотых руб.³⁷ Австрийский еврей К. Радек (Собельсон), спекулянт и аферист, в 1922 г. растратил 3 млн. руб. в Египте и Турции, гордо заявив, что деньги были израсходованы на пропаганду. Склянский превратил свою квартиру в игорный дом, где спускал десятки миллионов руб. 29 июня 1922 г. в квартире Семашко пьяные большевики устроили дебош, собравший огромную толпу зевак. Когда прибывшие чекисты попытались призвать буянов к порядку, пьянствовавшие там Каменев, Склянский, Косиор, Подвойский, Сокольников и Смилга открыли в ответ пальбу из револьверов, тяжело ранив одного из оперативников.

Положение русских в большевистской России. После организованной большевиками революции страной правит кто угодно, только не русские. У власти стоят главным образом инородцы: евреи, венгры, латыши, поляки, армяне, немцы, болгары — русских к кормилу власти не пускают. Причем иностранные правители России стараются скрыть свои истинные имена и фамилии и прикрываются русскими псевдонимами³⁸. С целью отстранения русского народа от власти иноземцы стремятся его всячески раздробить, неустанно размахивая ло-

зунгами с призывами к классовой ненависти. Интеллигенция нерусского происхождения всеми способами пытается ослабить в русских чувство патриотизма, называя его «чувством дикарей», «зоологическим патриотизмом» и другими нелицеприятными словами. Большевики умышленно топчут русский народ, чтобы им владеть³⁹. И это у них неплохо получается. Палата национальностей в СССР состоит их 839 членов, из которых 471 человек — евреи, 35 — кавказцы, а славян — русских, украинцев, поляков и болгар — почти вдвое меньше. Выходит, что интересы русских просто некому защищать⁴⁰.

Демонизация роли еврейства и экспорт революции.

Большевизм стал распространяться в Европе благодаря евреям. Он есть детище Маркса (его настоящая фамилия — Мордухай) и других евреев — Давида Рикардо, Франца Лассаля, Виктора Адлера, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, Карла Каутского, Александра Парвуса, Льва Троцкого⁴¹. Россию при поддержке Франции, Англии и Америки расшатывал Лев Толстой, подобно тому как это делал во Франции Анатоль Франс, которым манипулировала его супруга, еврейская миллионерша Лимпакт. В революционных событиях 1903 г. в Турции участвовали евреи Талаут-бей и Давид-бей. Революцию 1871 г. в Париже возглавлял еврей Леон Гамбетта. Русского прогрессивного реформатора Петра Столыпина застрелил еврей Мордко Вогров. Еврей Парвус финансировал возвращение в Россию русских революционных эмигрантов во главе с Лениным. Они ехали через Германию в семи запломбированных вагонах, в которых из 224 человек только 20 человек были русскими, а остальные — евреи. Лев Троцкий (истинные имя и фамилия которого Давид Бронштейн) был арестован в Галифаксе, но по настоянию американского правительства его выпустили на свободу. Ходатаями об освобождении Троцкого выступили лоббисты евреи Симон Вольф, Брандаш и Якоб Шифф. Позднее в Кремле Троцкого охраняли только нерусские — латыши и китайцы. Русского императора Александра III отравил в Ливадии лекарь-еврей по фамилии Сахарин, за что и удостоился ордена св. Александра Невского. Спустя время в Нью-Йорке издательство «Бони и Левит» опубликовало книгу еврея Эдгара Салтуса с описанием обстоятельств отравления русского императора.

В сегодняшней Советской России нет никакой диктатуры пролетариата, а осуществляется диктатура интернациональ-

ного еврейства над всем русским населением. Она всё больше и больше ухудшает жизнь российского населения. Цена хлеба за десять лет выросла с 9 до 75 коп. за кг. Около 6,6 млн. человек надрываются на непосильной работе в лагерях, которые являют собой настоящий ад. В них брошено более одного миллиона женщин. На строительстве Беломорско-Балтийского канала им. Сталина погибли сотни тысяч заключенных. Его прокладывание велось под руководством Ягоды*, Гершеля, Давидсона, Исаксона, Ротенберга и других большевицких деятелей с подобными фамилиями. Коллективизация в СССР стоила жизни 15 млн. человек.

Большевики жаждут распространить свою власть на весь мир. Захватив власть под лозунгом «Мир народам!», они тотчас же забыли о своем миролюбии: держат под ружьем 4 млн. человек и продолжают воевать⁴². Интернационал и ведающий им коммунист Георгий Димитров занимаются экспортом революции в другие страны⁴³. Именно из Москвы раздаются приказы Сталина коммунистическим партиям, какую позицию они должны иметь в военной, внутренней и внешней политике. Созданы планы по захвату власти посредством восстаний во всем мире, которые уже поднимались в Уругвае, Парагвае, Чили, Китае, Греции и совсем недавно в Испании. К счастью, в Европе уже есть кому защитить ее от большевизма: Муссолини и Гитлер. В целом большевизм является разновидностью духовной эпидемии, заразной болезнью духа, которая, как всякая болезнь, поражает прежде всего слабые организмы. Поэтому он распространяется и цветет преимущественно на Востоке, где царят бескультурье и то, что называют «ориентальщиной». Но как только большевизм начинает продвигаться на Запад, то сразу же слабеет, причем чем дальше, тем больше.

Россия и грядущий Апокалипсис. Крушение большевицкой России неизбежно из-за нарушения большевиками Божьих заповедей. Именно к такому выводу пытался подвести болгарского читателя С. Денев в своих брошюрах, изданных в середине 30-х гг. XX столетия⁴⁴. Обильное использование автором библейских цитат наводит на мысль, что он являлся священнослужителем или человеком, близким к церкви. По стилю брошюры напоминают Откровение Иоанна Богослова и од-

* Г. Ягода — глава НКВД, с 1924 г. заместитель председателя ОГПУ.

новременно ветхозаветные апокрифы-пророчества, приправленные фактами из жизни тогдашней России. Последняя предстает перед читателем как черная сила Апокалипсиса, которая на краткое время установит в мире торжество зла. Близится час, когда грянет всемирная война, и ее вещие знаки уже явились людям: в России работают общества безбожников, в школах введено преподавание атеизма, в Киеве установлен памятник Иуде Искаротию. Во время Великих Господних праздников коммунисты устраивают уличные представления и потешаются над Иисусом и Богородицей.

Сбываются слова из пророчества Даниилова: «будет угнетать святых Вышняго», и свидетельством этому служат постоянные расстрелы в России священнослужителей, издевательства над ними и глумления. Тихон, епископ Воронежский, например, был сожжен заживо, владыка Пермский — ослеплен, другого умертвили, разрезали на куски, сварили в котле и под страхом смерти принуждали священников есть его мясо. Население большевистской России напоминает служителей сатаны и обитателей ада одновременно. Огромная армия таких большевистских адовых исчадий двинется на Запад, одержит победы в Азии и Африке, дойдет до Палестины и займет Иерусалим, где пробудет семь лет. Однако Господь Бог сокрушит эту армию, и затем начнется контрреволюция во всем мире. Произойдет грандиозное планетарное землетрясение, атмосферные стихии разбушуются, на землю обрушатся метеоритные потоки и дожди с огнем и камнями. Разразится война, по сравнению с которой Первая мировая будет выглядеть небольшим приключением. Россия (северный царь) поднимется против Англии (южного царя). К первому присоединятся финны, эстонцы и, возможно, германцы, а также турки, арабы и египтяне, которые восстанут против англичан в колониях.

Развивая апокалиптическую тему, С. Денев через четыре года не только обратился к Святому Писанию, но и дал собственную интерпретацию 17-й и 18-й глав Откровения Иоанна Богослова. По его словам, Москва и есть тот самый город, который связан с красным апокалиптическим зверем. Москва есть новый Вавилон, где смешались толпы разношерстных языков и племен. Она большая блудница, «расположившаяся на больших водах» и пьянящая людей вином, настоенным на идеях интернационала и коммунизма. Сладкая на вид, она

очень коварна, ибо незаметно превращает человека в зверя. Красный зверь, на котором сидит эта женщина, и есть Россия. Коммунизм — это детище кровопийцы и человеконенавистника Сатаны. Коммунисты не стыдятся пролитой крови — они избрали красный цвет колером своего сатанинского знамени. Всего у красного зверя отрастут семь голов — семь великих держав, зараженных большевистской болезнью: Англия, Франция, Россия, Италия, Япония, Америка и Китай. Но именно Москва есть мать всех блудниц и всех земных гнусностей. Поэтому во время войны, когда наступят «последние дни», ее покинут все верующие — одни из-за гонений, другие из-за надвигающейся кары Господней. Что же касается вождей Москвы, то им будет воздано по заслугам вместе с их детьми: не останется от них и следа. Они будут гибнуть от голода, мора, грабителей и ножей убийц.

Война с Германией и ее исход. Самым активным комментатором этой темы сразу же после нападения фашистской Германии на СССР оказался Петр Лунгов — пресс-атташе, служивший в болгарском дипломатическом представительстве в Загребе. Он без промедления поспешил издать небольшую книгу под заглавием «Почему гибнет Советская Россия? Секреты германских побед»⁴⁵, уверяя читателя, что окончил работу над ней еще в мае 1941 г., но не опубликовал ее тотчас же, а лишь давал читать в рукописи друзьям и знакомым. Тем самым П. Лунгов пытался обрядить себя в тогу пророка, хотя на всякий случай и скрыл свое истинное имя под псевдонимом «Петр Дреновски». Автор явно лукавил, говоря о сроках завершения своего «опуса», ибо уже с первых его страниц становится ясно, что он был написан после 22 июня 1941 г. В нем пишется о вероломстве СССР, который якобы готовился вонзить нож в спину несчастной Германии, и той не оставалось ничего иного, как нанести предателю превентивный удар.

Согласно П. Лунгову, ошеломляющие победы германского оружия являются закономерными, равно как и неизбежность сокрушительного поражения СССР, поскольку оно предопределено объективными обстоятельствами. Наполеон не смог активизировать в России центробежные силы, склонив на свою сторону одну только Польшу, но фюрер сумеет использовать внутреннее недовольство в СССР. Пространство, погубившее армию Наполеона, сегодня для русских не преимущество,

а недостаток: оно делает невозможной охрану железных дорог, сеть которых, кстати, недостаточно разветвлена. К тому же вагоны не могут заменить русские грузовики, которых у них имеется меньше, чем нужно. И шоферов у русских тоже мало — в основном это трактористы, умеющие водить только танки, а они встанут из-за отсутствия у России необходимого запаса нефти. Ведь Азербайджан от нее отделится, а Северный Сахалин займет Япония, и это оставит русских без топлива.

Победа Германии над СССР предопределена, потому что немцы несут населяющим его народам свободу и экономическое процветание. Еврейско-большевистское правительство оказалось неспособным организовать эффективное производство в богатой природными богатствами России. Население ее обширных областей голодает и прозябает в нищете и недовольстве. По этой причине русские рабочие и крестьяне не станут защищать большевистское государство. Точно так же поступят и другие народы, которые уже провели генеральную репетицию сепаратизма в 1917 г., когда от Советской России отделились Украина, Грузия и Азербайджан. Но поражение России пойдет только на пользу ее побежденным народам, попавшим под власть Германии. Ведь еще в сентябре 1936 г. на Нюрнбергском съезде Нацистской партии фюрер недвусмысленно заявил: «Если бы Урал с его несметными богатствами полезных ископаемых и Украина с ее необозримыми полями принадлежали бы в Германии, то она (т. е. Россия. — *И. К.*), находясь под национал-социалистическим руководством, захлебывалась бы от изобилия». Война Германии с Россией, по мнению П. Лунгова, есть спасение для всей Европы, ибо к последней относится и европейская часть России.

Положение болгар в России. Желая рассорить болгар и русских, враждебно относящиеся к СССР, авторы сразу же после нападения на него Германии начали муссировать тему страданий своих соотечественников, нашедших приют в русской земле. Речь шла о болгарях, переселившихся в Бессарабию и Южную Украину после неудачных русско-турецких войн XIX в. Во время Второй мировой войны вслед за захватом немцами обширных советских территорий безымянный болгарский автор предпринял поездку по болгарским селам (Евгеница, Булатовка, Рухла, Серлу и Дулмени) в Бессарабии и в Одесской области. В результате этого путешествия появилась

обстоятельная брошюра «Страдания болгар в Советской России»⁴⁶, которая была снабжена большим количеством фотографий, подкреплявшими слова автора. Он подчеркивал, что болгары значительно более трудолюбивые и хозяйственные, чем русские (не отдавая себе отчет, что в этих селах или поблизости жили не русские, а украинцы или молдаване. — *И. К.*), дома у них были каменные, чистенькие, раскрашенные веселыми красками, и выгодно отличаются от местных мазанок. Болгарская зажиточность, по утверждению автора, вызывает у русских лентяев раздражение, зависть и ненависть, что нередко выливается в драки, учиняемые пьяными дебоширами. Причем русские жандармы защищают болгарских поселенцев только для вида — на самом же деле они во всем потакают своим соплеменникам.

Следуя народной традиции, болгарские переселенцы уделяли большое внимание просвещению. Они построили на свои средства великолепные болгарскую среднюю школу в Комрате (Тигинская околия) и реальную гимназию в Болграде (Бессарабия). Кабинет по физике и химии в последней выглядел получше, чем в Одесском университете. В Болграде переселенцы развели рыбу в озере Ялпуг, создали великолепные хозяйства, занимающиеся овцеводством, коневодством и овощеводством, служившие примером для всего юга России. Однако после большевистской революции этому благоденствию был положен конец: у зажиточных болгар отняли земли и дома. Новые хозяева привели хозяйство в плачевное состояние. Их неумение работать вылилось в то, что нивы заросли бурьяном, а присвоенные дома потонули в грязи и мусоре. Болгарских переселенцев насильно загнали в колхозы, реквизировали у них скот, обложили непосильными налогами, изымая даже посевное зерно. Села пришли в запустение, на месте добротных домов и амбаров возникли жалкие русские избушки и хибары. Тысячи болгар вместе с семьями были сосланы в Сибирь, часто неизвестно куда (автор приводит список фамилий таких бесследно сгинувших болгарских семей).

Схожая картина репрессий наблюдалась и в болгарских селах в той части Бессарабии, которая до 1940 г. была румынской. Как только сюда вошли советские войска, за непродолжительное время были сосланы или переселены в другие районы тысячи болгарских семей. В качестве доказательства автор

приводит снимки писем болгар, в которых описывались выпавшие на их долю страдания. Из Болграда, по его свидетельству, была выслана 1000 болгарских семей, православные церкви были разрушены или превращены в музеи атеистической пропаганды. По его выводу, в большевистской России болгары попали в рабство более страшное, чем турецкое. «Самый бедный крестьянин на нашей родине живет лучше этих несчастных, измученных людей!» — эмоционально восклицает он в своей брошюре и утверждает, что многие из болгар желают возвратиться на свою историческую родину.

СССР и славяне. Возврат к идее славянства в СССР, усиливавшейся по мере изгнания из родной земли фашистских оккупантов и приближения советских войск к границам славянских стран, довольно быстро был замечен в Болгарии и проанализирован в статье Б. А. Андреева⁴⁷. Автор писал, что идея славянской близости, основанная на сходстве славянских языков, начала эксплуатироваться в России еще императрицей Екатериной II, которая, разумеется, помышляла прежде всего об интересах российской державы. Использование данной идеи как средства для установления гегемонии России в славянской Европе продолжалось и в последующие эпохи. Однако после установления в России большевистской власти эта идея была забыта в угоду доктрине всемирного коммунистического интернационала. Поэтому идея единого славянства не может быть отождествлена с большевизмом. Возрождение ее в годы Второй мировой войны свидетельствует лишь о стремлении большевиков сделать из нее своеобразного «троянского коня» для славянских стран с целью насаждения в них своих коммунистических идеалов. Таким образом, идея славянской солидарности, извлеченная большевиками из праха забвения, всего лишь карта в более крупных большевистских политических играх.

Завершая наш обзор содержания болгарской маргинальной литературы 20-х — 40-х гг. XX вв. о большевистской России, выскажем несколько общих наблюдений по поводу создававших ее авторов и всей этой литературы в целом. Часть из авторов являлась госслужащими и выступила против СССР, не только руководствуясь своими личными политическими

взглядами, но и по должности. Таким деятелем был, например, дипломат П. Лунгов, скорее всего сочетавший дипломатию с другими «деликатными» обязанностями, работая на свои (а, может быть, и на германские) спецслужбы. Не исключено, что он сказал правду и начал создавать свое «сочинение» еще до вероломного нападения Германии на СССР, зная о его подготовке.

Абсолютно ясна ситуация и с основателем НСБРП, лидером болгарских фашистов Х. Кунчевым. Большинство его рассуждений о большевизме и жидомасонстве являются перепевами рассуждений его учителей из фашистской Германии.

Профессор Асен Цанков и его единомышленник П. Джидров были социал-демократами и, осуждая большевизм, тем самым стремились от него отмежеваться.

Хорошо понятны и чувства С. Денева, бывшего, по всей вероятности, лицом духовного чина или особой, близкой к Болгарской православной церкви. Он, конечно, не знал о секретном распоряжении В. И. Ленина, приказавшего расстрелять 100 тыс. священников, но утаить столь масштабное гонение на Церковь было попросту невозможно. Совершаемые с особой жестокостью массовые казни русских православных священников воспринимались глубоко религиозными людьми как первая фаза начавшегося Апокалипсиса, а сама большевицкая Россия представлялась как восставший из преисподней красный апокалиптический зверь.

Огромное воздействие на сознание болгар оказывал перевод на болгарский язык речи адвоката Шарля Обера, выступившего в Швейцарии защитником белогвардейцев Конради и Полунина — ликвидаторов советского посла Воровского в Лозанне. После блестящей речи адвоката и его красочного рассказа о преступлениях большевицкой власти против собственного народа швейцарский суд оправдал обвиняемых. Многие приводившиеся Ш. Обером факты позднее широко использовались в болгарской антибольшевицкой литературе.

Можно также отметить, что ряд публиковавшихся в Болгарии антибольшевицких авторов не были болгарскими по происхождению. Особенно активно проявил себя М. Есив, который собрал в своих работах множество свидетельств об антигуманной сущности большевизма, способных вызвать гнев и отвращение у любого нормального человека.

Не болгарскую, а скорее немецкую фамилию носит и автор брошюры о тяжелой жизни болгарских переселенцев в Бессарабии и Южной Украине Х. Дитнер. Видимо, по этой причине он предпочел не ставить на брошюре свою фамилию, сделав публикацию анонимной.

Анонимной осталась и брошюра «Моральное разложение в СССР». Она представляет собой подборку и комментарии материалов соответствующего содержания из советских газет. Ее составитель и переводчик был явно болгарин, а не белогвардейским эмигрантом, поскольку слово «анаша» (наркотик из конопли) он поместил в тексте с пометкой «непереводимый жаргонизм».

Содержание отдельных публикаций носит заведомо односторонний характер: их авторов можно упрекнуть в необъективности, незнании истории и манипулировании фактами. Так, например, утверждение о технической отсталости СССР опровергла Вторая мировая война. Вспомним хотя бы общепризнанную оценку советского танка Т-34 как лучшего танка Второй мировой войны или восторженные отзывы союзников о наших знаменитых «катюшах» и наводивших на врага ужас штурмовиках Ил-2.

Неверно и утверждение о том, что идея славянской близости возникла при императрице Екатерине II. Она появилась гораздо раньше: о славянской близости на основе сходства славянских языков писал, например, еще в XVII столетии хорватский просветитель Юрий Крижанич.

«Страдания» болгарских переселенцев в России и разорение их сел вызывали отнюдь не жестокость и зависть русских аборигенов — они отражали общую трагедию крестьянства в большевистской России.

«Демоническое» еврейство самым активным образом участвовало в захвате большевиками власти, заняло множество важнейших государственных постов⁴⁸, но, соорудив вместе с другими тоталитарную машину для массовых репрессий, оно само впоследствии понесло от нее жестокие потери и начало обвинять в «антисемитизме» советские власти.

Временами авторов можно уличить в прямом подлоге. Так, например, Бухарин в «Азбуке коммунизма» пишет о том, что ребенок принадлежит не только семье, но и обществу⁴⁹, а его болгарский интерпретатор добавляет за него: «а, следова-

тельно, Коммунистической партии». Точно так же и в случае с С. Н. Смидович, которая в своей публикации пишет, что «полигамия или, вернее, беспорядочные половые отношения, свойственные первобытному коммунизму, отнюдь не соответствуют нашему строю общества»⁵⁰. Убогая полигамная «философия» с претензией на коммунистическую прогрессивность, над которой С. Н. Смидович жестоко иронизирует, в вольной трактовке болгарского переводчика превращается в большевиcтский призыв к беспорядочным совокуплениям.

Одновременно можно констатировать, что большинство упоминающихся в маргинальной литературе фактов отражают реальную трагическую историю России и населяющих ее народов в 20-е — 40-е гг. XX в. Эти факты стали широко известны нашему обществу спустя более чем полстолетия — только вслед за крушением коммунистического режима и отмены жесточайшей идеологической цензуры. Большую роль в знакомстве с ними россиян сыграли книги А. И. Солженицына и публикации документов в общественно-политической периодике. Эти факты еще раз подтверждают аксиому о том, что для апологетов тоталитаризма идея есть всё, а человеческая жизнь — ничто, многомиллионная людская масса — всего лишь строительный материал, значительная часть которого должна неизбежно пойти в расход. Поэтому нелишне еще раз обратиться к таким фактам, чтобы извлечь из них соответствующие уроки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Спасов М.* Имало ли е фашизъм в България? Избрана публицистика. София, 1998.

² *Поптетров Н.* Авторитаризъм-фашизъм. Към модела за политическото развитие на България. 1918–1944. // Исторически преглед. София, 1997 № 2.; *Он же:* Теория за тоталитаризма и българския фашизъм // Ново време. София, 1992. № 2.

³ Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 215.

⁴ Об этом и др. лидерах см.: *Куманов М., Николова Т.* Политически партии, движения в България и техните лидери. 1879–1999. Кратък справочник. София, 1999. С. 217–220, 222–223.

⁵ Болгария в XX веке... С. 233, 235–236.

⁶ Съдът над историците. Българска историческа наука. Документи и дискусии. Т. 1. 1944–1956. София, 1995. С. 23–24.

⁷ Там же. Единичные экземпляры подобной литературы были оставлены в софийской Народной библиотеке им. свв. Кирилла и Методия [далее — НБКМ], библиотеке Болгарской академии наук [далее — БАН] и пловдивской Народной библиотеке им. Ивана Вазова [далее — НБИВ].

⁸ Это, например, такие издания, как книги (или брошюры?) *Ф. Поповой* «Религиозни гонения в Русия», *Л. Котева* «Режимът на СССР», *архиеп. Серафима* «Руска идеология», анонимного автора «Какво иска Съветския съюз от България?» и некоторые другие.

⁹ *Булева А., Буссе Н.* Библиографски справочник. Стопанска и социална книжнина в България. Библиография на българските книги и статии от началото до днес. 1850–1945. Под ред. на Т. Владигеров. Свищов, 1948.

¹⁰ В «черный» список попали также книги об Эгейской, Вардарской и Пиринской Македонии, подчеркивающие болгарское этническое происхождение проживавшего там населения. По большей части они носят достаточно объективный характер и вполне правдиво отражают тогдашнюю этническую ситуацию в указанных регионах. Однако в период Второй мировой войны Болгария, будучи союзницей фашистской Германии, ввела в эти области свои войска, идя по пятам за дивизиями вермахта. Тем самым возникли предпосылки для формирования здесь водораздела не по этническому, а социально-политическому признаку: местное население стало создавать партизанские отряды, сражавшиеся против немецких и болгарских фашистов. Изъятие книг об Эгейской, Вардарской и Пиринской Македонии предпринималось в Болгарии с целью затушевывания македонской проблемы ради улучшения политических отношений с соседними Грецией и Югославией — странами, чьи территории частично подверглись оккупации болгарскими войсками во время Второй мировой войны. Дипломатические отношения с Грецией, например, Болгарии удалось восстановить только в 1964 г.

¹¹ *Янев С.* За съветска Русия. Отношения и преценки. Дупница, 1940. С. 8–12. [НБКМ В 3913; БАН 179729].

¹² Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт (Съдържание на речта на женевския адвокат Шарл Обер). София, 1924. С. 20. [НБКМ 12863].

¹³ *Чавдаров М., Гърков И.* Защо болшевизма залезва. Общи недъзи на болшевизма. София, 1942. С. 11. [НБКМ I 541].

¹⁴ *Георгиев В.* Обещаха рай — създадох ад (Истина за болшевиците). София, 1925. С. 1–11, 14–15. [НБИВ II 273398].

¹⁵ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 13.

¹⁶ *Есив М.* Как живеят в Съветска Русия. София, 1936. С. 19. [НБКМ 100468].

¹⁷ *Кунчев Х.* Комунизм без маска. София, 1939. [НБКМ II 11352].

¹⁸ *Джидров П.* Империализъм, большевизъм и социализъм. София. Речи, държани в София на 17 април 1921 г. в салона на градското казино от д-р П. Джидров и Асен Цанков. С. 9. [НБКМ 60278].

¹⁹ *Есив М.* Как живеят в Съветска Русия... С. 5.

²⁰ Там же. С. 12.

²¹ *Янев С.* За съветска Русия... С. 19, 26–27; Красная чума. Какво носи большевизмът за духовната култура на човечеството. Пловдив, б.г. С. 9. [НБИВ 55813].

²² Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 15.

²³ *Янев С.* За съветска Русия... С. 27.

²⁴ *Есив М.* Как живеят в Съветска Русия... С. 13.

²⁵ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 14–15.

²⁶ Провалата на большевизма в Русия. София, 1929. [БАН III 186572].

²⁷ *Денев С.* Болшевишка Русия и бъдеща всемирна война. София, 1931. С. 20. [НБКМ 13373].

²⁸ *Есив М.* Как живеят в Съветска Русия... С. 4.

²⁹ Красная чума... С. 32.

³⁰ Здесь и далее см.: Провалата на большевизма в Русия... С. 42–51; Бухарин Н. И. (1888–1938) — академик, публицист, теоретик партии, в различные годы — член ЦК, гл. редактор «Правды», член Политбюро, ВЦИК и ЦИК СССР, член Президиума ВСНХ.

³¹ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 30.

³² Провалата на большевизма в Русия... С. 52–53.

³³ Морално падение в СССР: Превод от руски. София, 1927. [НБКМ I 2424].

³⁴ Провалата на большевизма в Русия... С. 57.

³⁵ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 17.

³⁶ Там же. С. 8–10. Следует напомнить читателю сколь ответственные посты занимали этот и другие фигурирующие далее представители партийно-государственной верхушки: Литвинов М. [Валлах Макс] (1876–1951) — советский полпред в Эстонии, зам. наркома и нарком Иностранных дел, член ЦК и ЦИК; Каменев С. С. (1881–1936) — зам. председателя РВС СССР; Карахан — [Караджанян С. В.] (1889–1937) — зам. наркома Иностранных дел, полпред в Польше, Китае и Турции, член ЦИК СССР; Зиновьев [Радомысльский] Г. Е. (1883–1936) — председатель Исполкома Корминтерна, член Политбюро ЦК, фактический глава правительства в период болезни Ленина; Семашко Н. А. (1874–1949) — нарком здравоохранения, затем член Президиума ВЦИК; Склянский Э. М. (1892–1925) — зам. председателя РВСР, член Совета

Труда и Обороны, член ВЦИК; Косиор И. В. (1893–1937) — зампред и председатель ВСНХ СССР; Подвойский Н. И. (1880–1948) — член РВС Республики, член ЦКК партии; Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888–1939) — дипломат, член ЦК; Смилга И.Т. (1892–1938) — зам председателя ВСНХ (1921–1923), член ЦК. Данные почерпнуты нами из советских энциклопедий и Указателя к полному собранию сочинений В. И. Ленина.

³⁷ *Есив М.* Как живеят в Съветска Русия... С. 24.

³⁸ Какво очаква България, ако комунистите дойдат на власт... С. 11.

³⁹ *Есив М.* Глас на истината (поучителни очерки от трагедията на Руската държава). София, 1927. С.40. [НБКМ 2034].

⁴⁰ *Георгиев В.* Обещаха рай — създадох ад... С. 8.

⁴¹ Здесь и далее см.: *Ваганов А.* Как е дошъл в Русия «Съветския рай»? (Болшевишките ужаси в Русия). Пловдив, 1926. [НБИВ II 273972].

⁴² Здесь и далее см.: *Кунчев Х.* Болшевизмът на теория и практика. Световният заговор на Георги Димитров. София, 1939. С. 13, 15, 30. [НБКМ 91000].

⁴³ *Тошев М.* Отворено писмо до Георги Димитров в Москва. София, 1942. [НБКМ I 52254].

⁴⁴ *Денев С.* Болшевишка Русия и бъдеща всемирна война. София, 1931; *Он же:* Червеният звяр (болшевизма) София, 1935. [НБКМ 2332].

⁴⁵ *Дреновски П.* [Лунгов Петър]. Защо пропада Съветска Русия? Тайна на германските победи. София, 1941. С. 14, 21–22, 24, 26, 34, 36.

⁴⁶ [*Дитнер Х.*] Страданията на българите в Съветска Русия. София, 1942. [НБКМ 149205].

⁴⁷ *Андреев Б.* Възможно ли е идеята за славянството да се отъждествява с комунизма? // Простор. София, 1943. № 6. С. 9–11. [НБКМ А 2148].

⁴⁸ Список фамилий “семивагонников” с указанием постов, которые они заняли после организации большевистского переворота 1917 г. приведен в приложении (с. 274–279) к сенсационной книге американского историка Э. Саттона, вышедшей в 1974 г. Русский перевод этого труда см.: *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевицкая революция. М, 1998.

⁴⁹ *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. Харьков, 1925. С. 173.

⁵⁰ См.: *Смидович С. Н.:* О любви (посвящается нашей молодежи) // Правда. 1925. 24 марта. № 67. С. 5.

РОССИЯ И СЛАВЯНЕ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА (ПОЛЬСКИЕ И ЧЕШСКИЕ РАКУРСЫ)

Каждый год 24 мая в нашей стране празднуется День славянской письменности и культуры. Это очень красивый и важный праздник, ибо бережное отношение славян к традициям собственных национальных культур есть неперемнное условие сохранения славянской идентичности и неповторимого славянского национального облика. И ежегодно во время торжеств к чувству праздничной приподнятости примешивается ощущение некоторой досады и неловкости, потому что всякий раз наряду с другими очень полезными призывами, звучит и такой: «За духовное единение славянских народов!» Похоже, что он выдвигается людьми, которые знают славянский мир весьма поверхностно. От него веет нафталином времен тоталитаризма и создается впечатление, что его извлекли из архива бывшие комсомольские и кэпээсэсовские вожаки, удобно устроившиеся в различных фондах и органах государственной власти.

У присутствующих зарубежных гостей из славянских стран подобный призыв вызывает недоумение или даже шок. О каком духовном единении славян сегодня может идти речь? Главным духовным стержнем бывшего соцлагеря были марксистско-ленинская идеология и задача построения коммунизма. Эта идеология рухнула вместе с соцлагерем, и славяне разбрелись по своим национальным квартирам. На месте прежних политических конгломератов возникли новые славянские государства с этнической основой: так было с русскими, украинцами и белорусами; сербами, хорватами, словенцами, боснийцами, македонцами и черногорцами; чехами и словаками. Без общей идеологической скрепы (марксизм-ленинизм) в сла-

вянском мире сразу обнажились загнанные внутрь противоречия, выплеснулись давно накопившиеся взаимные обиды.

К какому духовному единению сегодня можно призывать славян? Конфессиональному? Но славянский мир поражает своей конфессиональной пестротой. Русские, белорусы, болгары, сербы, македонцы и черногорцы — православные; украинцы — православные и униаты; чехи и словаки — протестанты и католики; поляки, хорваты и словенцы — католики, боснийцы — мусульмане.

Призывать к единению славян на основе единства славянской азбуки и сходства славянских языков? Но славяне используют различными азбуками: поляки, чехи, словаки, словенцы, лужичане — латиницей; русские, украинцы, белорусы, болгары, сербы, македонцы и черногорцы — кириллицей, хорваты — латиницей и до конца XIX — начала XX в. параллельно пользовались глаголицей. Что же касается близости славянских языков, то она не столь велика, чтобы представители различных славянских народов свободно понимали друг друга без специальной подготовки.

Несостоятельность призыва к духовному единению славян сегодня очевидна — этот призыв не просто провокативен, особенно если принимать во внимание напряженность в отношениях между славянами и в первую очередь между ближайшими соседями. Болгары враждуют с сербами, македонцы с болгарами, хорваты с сербами, чехи со словаками, украинцы с поляками, поляки и украинцы с русскими и т. д. Распутать этот клубок из старых межславянских обид и взаимных претензий — задача для небольшой статьи непосильная. Поэтому мы ограничимся здесь проблемами взаимоотношений России с Польшей и Чехией.

Начнем с Польши — второй по своему значению славянской страны после России. История недружелюбного, недоверчивого отношения поляков к России насчитывает не один век. Еще в 1770 г. Франтишек Микульский сравнивал Россию с ненасытным хищником, стремящимся сделать своей добычей всё, что попадает в его поле зрения¹. Именно из-за необычной русской кровожадности принадлежащая к цивилизованному миру Польша, по мнению поляков, постоянно становилась невинной жертвой варварской, азиатской России. Такая точка зрения крепла по мере следовавших один за другим разделами

Польши, которые осуществляли Австрия, Пруссия и Россия в 1772, 1793 и 1795 гг. Главную вину за эти разделы и ликвидацию польской государственности поляки возлагали и продолжают возлагать на Россию, не обращая внимание на то, что, в соответствии с договорами, ей отходили только украинские и белорусские земли. Собственно же польские области всегда доставались Австрии и Пруссии. Тем не менее, исторический счет поляки предъявляют одной России — в отношении же Австрии и Германии они предпочитают помалкивать. Нельзя же раздражать этих членов западноевропейского сообщества, мнение которых учитывается при определении места Польши в современной Западной Европе.

Еще более внушительен список польских обвинений, выдвигаемых против России, по поводу ее действий в 30-е гг. XX в. и в период Второй мировой войны. Это и высылка в Казахстан почти 40 тыс. поляков из приграничных областей Западной Украины и Белоруссии. Это и печально известный пакт Молотова—Риббентропа, приведший к уничтожению польского государства и оккупации его территории. Это и расстрел сотрудниками НКВД 15 тыс. военнопленных в Катыни, Осташкове и Старобельске и ликвидация польских заключенных, сидевших в украинских и белорусских тюрьмах. Это и арест с заключением в лагерь около 50 тыс. поляков в 1944–1945 гг., в том числе всех схваченных военнотружущих польской антифашистской Армии Крайовой. Это и нежелание Советской Армии помочь в 1944 г. восставшим против гитлеровцев варшавянам, в результате чего эсесовцы потопили восстание в крови, а саму польскую столицу стерли с лица земли. И много чего другого.

Но ворошить историческое прошлое, выискивая старые взаимные обиды, не говоря уже о требовании извинения ради некоего морального удовлетворения или обретения неких предпочтений — занятие неблагодарное и абсурдное. Почти все европейские страны-соседи в далеком и недавнем прошлом вели кровопролитные войны друг с другом. Они разрушали города, истребляли население противника, уводили людей в плен (и явно не с целью их бесплатного кормления), вывозили материальные ценности, лишали соседей государственности на долгие годы и упорно препятствовали ее возобновлению. И поляки в этом смысле тоже далеко не ангелы, несли славянским собратьям идеалы европейской демократии

и свободы. Достаточно вспомнить присоединение и удержание поляками начиная с XVI столетия украинских и белорусских земель, перманентные польские попытки включить в состав своего государства такие исконно русские города, как Псков и Смоленск².

Но самым показательным здесь, бесспорно, является разграбление поляками русской земли в начале XVII столетия в период Смутного времени. Польско-литовский огненный смерч прокатился тогда по русской земле почти повсюду. Сожжены, разрушены и разграблены были такие города, как Ростов Великий, Кострома, Псков, Смоленск, Изборск, Печора, Переяславль, Рязанская, Владимирская, Нижегородская и другие русские области. Польские отряды разбойничали даже на Русском Севере: разграбили Вологду, Сольвычегодск, Олонец, опустошили и сожгли Николо-Корельский и Ферапонтов монастыри, осаждали Каргополь, Холмогоры и Кирилло-Белозерскую обитель³. Огромный ущерб был нанесен русской столице Москве. Поляки устроили в ней настоящую резню, поджигая дома, монастыри и церкви, насилуя жен, матерей и дочерей на глазах близких и убивая всех попадавших под руку невзирая на пол и возраст⁴.

Носители «западноевропейской цивилизации» не только творили физические и нравственные насилия над русскими людьми, но и глумились над православной верой. Продолжавшаяся два дня резня была учинена накануне Пасхи в Страстную седмицу. Не литовцы, а именно поляки стреляли из луков и пищалей в русские иконы, осквернив в Московском Кремле особо почитаемые образы Спасителя и Богоматери. Это поляки повредили ковчег с мощами московского подвижника Василия Блаженного, превратили придел, где хранились останки святого, в стойло для лошадей и предавались здесь блуду. Именно при польском содействии первый русский патриарх Иов был низведен с престола и на убогой телеге сослан в Старицу, где вскоре ослеп. Приложили они руку и к мучениям другого предстоятеля Русской православной церкви — патриарха Гермогена, отказавшегося признать претензии на русский престол польского короля Сигизмунда III и рассылавшего в русские города воззвания с призывом бороться против польских завоевателей. За это его схватили прямо во время литургии в Московском Кремле, заточили в темницу и уморили голодом⁵.

Разорение и оскудение русских земель в период Смутного времени достигло неслыханных ранее масштабов. Целиком опустошена была государственная казна. Драгоценную царскую посуду вместе с запасами серебра и золота самозванцы пустили на чеканку монет для выдачи жалования польским солдатам. Крайне пострадал и второй главный резерв национальных сокровищ — имущество Русской православной церкви, которая обнищала в буквальном смысле этого слова. Изыскивать материальные средства, необходимые для изгнания из России польских оккупантов, пришлось, без преувеличения, с шапкой по кругу. Благодаря патриотическому почину нижегородского купца Кузьмы Минина русский люд жертвовал последнее ради собирания денег на содержание народного ополчения и закупку для него оружия. Без этого третьего и последнего средоточия национального богатства России её освобождение от иноземных захватчиков стало бы проблематичным⁶.

Во время польской оккупации русских земель погибало и мирное население. Об этом красноречиво свидетельствует, например, тот факт, что если в начале осады Смоленска войсками короля Сигизмунда III в городе находилось 80 тыс. человек, то к ее концу выжил лишь каждый десятый из осажденных. Принимая во внимание численность смоленского гарнизона, насчитывавшего всего 4 500 человек, можно сделать вывод, что за двадцать месяцев осады Смоленска в 1609–1611 гг. в нем погибло более 60 тыс. мирных жителей, искавших спасения от врагов в стенах города. Смоляне готовы были терпеть голод и холод, слушать почти непрерывный свист и гул смертоносных пуль и ядер поляков, жить и погибать в условиях вопиющей антисанитарии и скученности, лишь бы не покидать своего убежища. Они представляли, что их ждет за стенами смоленской крепости: грабеж иноземных мародеров, бесчестье и почти неминуемая смерть в случае сопротивления. И такое было на русской земле повсюду — во время осады Троице-Сергиева монастыря, при поджоге и разорении Пскова и десятков других русских городов⁷.

Таким образом, в период Смуты польские «жолнежы», равно как и ясновельможные паны, под началом которых они находились (Жолкевские, Лисовские, Тышкевичи, Зборовские и прочие, оставившие по себе недобрую память на русской зем-

ле), принесли в России отнюдь не цивилизацию и не пример веротерпимого поведения к инославным побежденным. Они вели себя как истинные завоеватели времен Средневековья: безжалостные, жестокие, чуждые какого-либо рыцарства по отношению к противнику и людям, живущим на земле, в которую они вторглись. Поэтому не удивительно, что ни одно русское сочинение той поры не содержит сведений о милосердном или уважительном отношении поляков к русским и их обычаям. Об этом молчат «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», «Псковская летописная повесть о Смутном времени», «Летописная книга» князя Семена Шаховского и другие русские литературные памятники Смутного времени. Один лишь Семен Шаховской упоминает, что осажденные в Кремле поляки освободили пленных, но данная акция на поверку оказывается хорошо продуманным ходом. Во-первых, осажденных поляков допек голод, а во-вторых, своим поступком они надеялись заслужить право на жизнь после почти трехлетних бесчинств в русской столице. И не прогадали, ибо были прощены по-христиански⁸.

Сравнивая Россию с ненасытным хищником и напоминая о нанесенных ей русскими обидах, Польша взывает к сочувствию Европы, но мгновенно меняет маску, когда речь заходит о ней самой. Она сразу же начинает играть роль капризной, склеротически забывчивой дамы, которая никак не может вспомнить о собственном нелицеприятном поведении по отношению к своей обидчице и неумном желании прирезать себе побольше земель соседей при каждом удобном случае. Так было с землями Украины и Белоруссии на протяжении нескольких веков, так случилось и после Смутного времени, когда, воспользовавшись слабостью России, поляки в результате Деулинского перемирия от 1 декабря 1618 г. присоединили к своему государству Смоленск, черниговские и новгород-северские земли⁹. Нечто подобное произошло и в XX столетии, ибо и тогда Польша не избавилась от захватнических устремлений. Стоило ей возродиться в 1918 г. после развала Австро-Венгерской империи и революционной неразберихи в России, как она сразу же отправилась в поход на восток, стремясь возвратиться к польским границам 1772 г.

Всего лишь за два года Польша оккупировала восточную Галицию, Волынскую и Подольскую губернии, часть Литвы и

почти вся Белоруссию. Продолжая наступление в восточном направлении, поляки 8 мая 1920 г. захватили Киев, но в том же месяце были отброшены конницей Буденного почти до Варшавы. Дальнейшие события интересны с двух сторон. Во-первых, напомним, что после победы одержанной над красноармейцами армией Пилсудского Польша снова ринулась на восток и сумела закрепить за собой по Рижскому договору от 18 марта 1921 г.¹⁰ западные районы Украины и Белоруссии. Что это, как не страсть к поглощению чужих территорий? Или же ввод советских войск в Западную Украину и Белоруссию в 1940 г. кающиеся русские, (а вместе с ними и не кающиеся украинцы и белорусы) должны, подобно полякам, называть «четвертым разделом Польши», плодом чудовищного сговора Гитлера и Сталина? Но тогда восточным славянам следует официально признать моральное право Польши рассматривать Западную Украину и Белоруссию как некие польские доминионы.

Вторая интересующая нас сторона событий, последовавших за поражением Красной армии под Варшавой в 1920 г., касается судьбы пленных красноармейцев. Они были отправлены в лагеря Пулавы, Домбио, Щелково, Тухоли, Стржалково, которые можно сравнить с концлагерями фашистской Германии. В нарушение Женевской конвенции военнопленных там избивали, заставляли работать по 10–12 часов в день без выходных, держали впроголодь, не оказывали медицинской помощи, не снабжали одеждой — большинство заключенных ходили и работали в нижнем белье и без обуви. Глумясь над красноармейцами, польские охранники впрягали их вместо лошадей в плуги, бороны и телеги для перевозки человеческих экскрементов, издевательски превращали прогулки в непрерывный изнурительный бег, приказывая пленным останавливаться лишь для того, чтобы падать вниз лицом в грязь. В ноте от 9 сентября 1921 г. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР обвинял польскую сторону в том, что в результате бесчеловечного отношения к советским военнопленным в Польше за два года умерло почти половина красноармейцев: 60 тыс. человек из 130 тыс.¹¹ Эти факты сопоставимы по своим масштабам с уже упомянутыми расстрелами подручными Лаврентия Берии польских военнопленных в Катыни или умершими поляками в сибирских и среднеазиатских лагерях.

И вообще история взаимодействия России и Польши как бы зеркальна. Она словно отражается в некоем фантазмагорическом зеркале, дающем то равновеликие, то искаженно малые или, наоборот, выросшие до огромных размеров отражения. Демоны зла, будто забавляясь поляками и русскими, подбрасывают им очередные черные козыри, злорадно наблюдая за тем, какой из двух народов одерживает верх в этой жуткой карточной игре: Тухоля — Катынь, арест и умерщвление русского царя Василия Шуйского по приказу польского короля Сигизмунда III — задержание и вывоз в Санкт-Петербург польского короля Станислава Понятовского после третьего раздела Польши. И т. д.

Сколь бы ни открещивались поляки от русских, приговаривая «чур меня», определенное сходство в ментальности и черт национального характера у обоих народов имеется. Поляки и русские схожи, например, в таких не самых лучших своих проявлениях, как склонность к пьянству, разгильдяйству и безалаберности. Есть у них, разумеется, и много общих положительных черт, таких, например, как склонность к романтизму, стойкость, храбрость, готовность к самопожертвованию. Можно также отметить здесь почти полное совпадение ряда приписываемых своему народу исторических заслуг. Оба народа считают себя, например, спасителями Западной Европы от татар, причем оба они по-своему правы. Киевская Русь ослабила татаро-монгольский напор в XIII в., приняв на себя основной удардвигающихся из Азии кочевников и рассредоточив их силы, поскольку завоеватели должны были оставлять гарнизоны на захваченной русской земле. А Польша противостояла экспансии крымских татар и турок в Европу, успешно отражая татарские набеги и разбив под стенами Вены в 1683 г. двухсоттысячную армию турок. После венской победы над турками польского короля Яна Собеского фактически и началось вытеснение турецких завоевателей из Европы.

Схоже и мнение поляков и русских о самих себе как кормильцах Европы — главных поставщиках для нее хлеба. И действительно, с середины XVI по первую четверть XVII в. вывоз польской пшеницы в Европу постоянно возрастал и достиг весьма внушительных объемов. Тем более что в состав польского государства входила тогда Украина с ее идеально пригодными для выращивания пшеницы почвами. Ситуация

повторилась в XIX — XX вв., когда Украина находилась в составе России и СССР — тогда уже русские считали себя хлебными кормильцами Европы и имели полное на то основание, поскольку поставки хлеба европейцам осуществлялись даже при нехватке его для внутренних нужд. Но и это не главное — прежде всего следует отметить, что в XVII в. Россия и Польша были вполне сопоставимы: по размеру государств, экономическому потенциалу, численности армий и их вооружениям. Более того, во многих областях — по уровню развития культуры и науки, степени развитости политических институтов власти, интенсивности духовных связей с Западной Европой — поляки превосходили русских на голову.

Однако ход исторических событий непредсказуем, как и воля Господня, и они оказались неблагоприятными для развития Польши. XVIII век стал для нее поистине фатальным: три раздела страны и ликвидация национальной государственности на многие десятилетия. В то же самое время Россия совершила цивилизационный рывок, окрепла и в дальнейшем сумела уйти далеко вперед, обойдя поверженную Польшу. Именно это начиная с XIX в. никак не может уложиться в сознании поляка. В модели отношения Польши к России лежит комплекс исторически нереализованного былого превосходства, глубоко запрятанная зависть и досада сестры-двойняшки от того, что не ее саму, а близнеца-сестричку обогрела и обласкала История-мать. И как же это несправедливо — ведь я умнее, образованнее, тоньше и читать начала не с семи лет, как моя сестричка, а с пяти! Вот какие чувства обуревают поляка при мысли о России, и это заставляет его всякий раз к месту и не к месту подчеркивать свои собственные достоинства, демонстрируя то, что принято называть польским гонором или польской спесью.

Нынешняя геополитическая ситуация в Европе отчасти напоминает политический расклад сил в XVII столетии. Россия перестала быть вторым после США военно-политическим и экономическим полюсом в мире, и ее внимание сосредоточено преимущественно на решении региональных проблем. Польша вошла в НАТО и гарантировала себе невозможность вмешательства России в ее внутренние дела. Она жаждет, кроме того, как можно сильнее обвязать себя военным союзом с США и дала согласие разместить элементы американской

системы ПРО на своей территории. Тем самым упомянутая гарантия будет возведена в квадрат, поскольку в случае ссоры с натовской Европой и отказа союзников в помощи, Польша сможет рассчитывать на поддержку своего заокеанского друга. Одновременно Польша пытается проводить собственную политику, не оглядываясь на европейских партнеров по НАТО и ЕС. Она претендует на роль лидирующей региональной державы в Восточной Европе и на Кавказе посредством ослабления здесь позиций России и оттеснения ее на задний план.

Некоторая схожесть с XVII в. заключается в том, что Польша начала энергично бороться за Украину, пытаясь окончательно оторвать ее от России и включить в свое гравитационное поле. В союзе с Украиной, в котором поляки, разумеется, намерены играть главную роль, Польша смогла бы стать нешуточной соперницей России, в особенности, если в качестве дополнительных союзников ей удастся привлечь и другие сравнительно небольшие страны в данном европейском регионе. Что, собственно, мы и наблюдаем. Польша активно поддерживала чеченских сепаратистов, обхаживает Грузию, Молдавию и Азербайджан, склоняя их к дружбе против России под знаменами русофобии. В былых бедах Польши, Европы, Кавказа и Азии, виноваты уже не русское самодержавие, сталинизм или брежневизм, а русские как особый зловредный этнос. Несколько лет назад* польский писатель Ярослав Рымкевич писал о России следующее: «Русский медведь тяжело раненный в борьбе с великанами Запада, отошел отсюда (видимо, ненадолго) и затаился в свой берлоге, оставляя здесь свои зловонные экскременты»¹².

Насколько опасны амбициозные планы Польши по восстановлению былого лидерства образца XVII в., вероятно, она и сама не подозревает. Стремление подмять под себя Украину (без которой Польша не сможет стать лидером Восточной Европы и более обширного прилегающего региона, а Россия не вернет себе статус мировой суперсилы) способно привести к тектоническим сдвигам и геополитическим разломам, влекущим за собой раскол Украины с добровольным присоединением ее левобережной части и Крыма к России. Эти политические потрясения чреваты возникновением военного

* Напомним, что данная работа писалась нами в 2007 г.

конфликта между Востоком и Западом, который не обойдет стороной и Польшу как одну из виновниц кризиса.

Можно констатировать, однако, что эпидемия русофобии охватила не всех поляков, и в стране имеется немало здравых умов, сохранивших способность к четкому политическому мышлению. Даже завзятый антисоветчик Адам Михник призвал соотечественников не распалять себя ненавистью ко всему русскому, не забывать о великой русской культуре и помнить, что народы не всегда виновны в том, что могут совершать стоящие у власти политики.

Известные шероховатости существуют до сих пор и в отношениях России с Чехией. Незаживающим рубцом на чешском сердце остается ввод советских войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. «Пражская весна», представляла собой замечательную попытку построить социализм «с человеческим лицом», которая была жестко пресечена ортодоксами Московского Кремля. На улицах чешских городов загромыхали советские танки, изрыгавшие клубы удушливого дыма, медленно воровавшие тяжелыми гусеницами и зловеще поводявшие по сторонам хоботами своих пушек. Прага и другие чешские города, в которые были введены советские войска, были взбудоражены как потревоженные муравейники. Чехи яростно спорили с советскими солдатами, пытались доказать им свою правоту, получали в ответ непонимание, наполнялись гневом и возмущением, стремились поджечь или перевернуть советские танки и грузовики.

К счастью, советское командование отдало приказ своим солдатам не открывать огонь даже в случае вооруженных провокаций с чешской стороны, и поэтому число жертв, связанных с событиями 1968 г. в Чехословакии, было крайне незначительным. Тем не менее подавление чешского свободомыслия танками следует расценивать как одну из самых позорных страниц в истории СССР. Родственному славянскому народу вывернули руки, изнасиловали его морально, запретили ему жить так, как он хочет. Ввод советских войск 21 августа 1968 г. в Чехословакию вызвал протест не только в ней самой и странах Запада, но и в СССР. Прогрессивно настроенная советская интеллигенция испытывала стыд за действия коммунистического Кремля, переживала разочарование от осознания того, что косная коммунистическая система не способна ре-

формировать саму себя изнутри и, следовательно, обречена на самоуничтожение. Советские правозащитники устраивали демонстрации на Красной площади, преподаватели и студенты, побывавшие в Чехословакии накануне августа 1968 г., запоем читали переводы наиболее интересных статей из «весенних» чешских газет «Студент» и «Литерарни листы», передавали из рук в руки знаменитое воззвание чешской интеллигенции «1000 слов», хотя за его распространение грозили репрессии*.

В СССР имелось немало людей, сочувствовавших чехам и испытывавших горечь из-за невозможности им как-то помочь. В отличие от этого, в Чехословакии едва ли кто-нибудь испытывал чувство стыда за действия своих соотечественников в России. Чехи едва ли знают, как вели себя солдаты чехословацкого корпуса в России в годы Первой мировой и Гражданской войн в 1917–1920 гг. Попытаемся бегло обрисовать события тех лет. Чехи и словаки не горели желанием проливать кровь за Австро-Венгрию и Германию в войне против России. Они предпочитали сдаваться в плен, по согласованию с Временным правительством организовали из военнопленных в России чехословацкую бригаду и постепенно довели ее до размера дивизии. Чехословаки неплохо дрались против немцев в составе ударной группы русской армии генерала Брусилова в районе Тернополя и Зборова, несли гарнизонную службу в Волынской и Полтавской губерниях. Но затем ввязались в России в Гражданскую войну и начали вести себя не совсем осмотрительно. Чехословаки сражались против революционного народа на улицах Киева, обезоружили восставший против Временного правительства гарнизон в г. Белая церковь, усмиряли крестьянские волнения в деревнях Дубовка и Мамаевка, расстреляли противившихся реквизиции крестьян в деревнях Иванково и Котельня, подавили голодную демонстрацию крестьян и жителей Житомира¹³.

С другой стороны, часть чехословаков после октябрьского переворота 1917 г. поддержала красных и в январе 1918 г.

* В 1969 г. на автора этих строк — тогда студента 4 курса филологического факультета Ленинградского гос. университета — написали донос с обвинением в «прочешской» пропаганде и завели на него персональное «дело», которое рассматривалось на заседании межфакультетского бюро ВЛКСМ. Лишь по чистой случайности «провинившегося» не исключили из Комсомола и не изгнали из университета.

приняла участие в борьбе за установление советской власти в Одессе. Однако, осознав сложность политической ситуации и непредсказуемость развития военно-политических событий в России, чехословаки объявили о вооруженном нейтралитете. Правда, «нейтралитет» этот был несколько странным. Чехословацкие легионеры нарушили предписание Совета Народных Комиссаров об оставлении 100 винтовок на каждую тысячу человек. Они самовольно увеличили эту цифру до 268 винтовок на тысячу человек и даже сверх того: прятали оружие под двойной обшивкой вагонов, под теплушками, среди ящиков с провизией и амуницией. Кроме этого, 17 мая 1918 г. в Челябинске чехословаки использовали факт задержания нескольких своих солдат за убийство соотечественника как повод для нарушения «нейтралитета» и не только освободили их силой, но и оцепили центр города, разоружили красноармейцев и захватили арсенал и вагоны с оружием, стоявшие на путях¹⁴.

Чехословаки оказались в далеком от западной границы Челябинске не случайно. Незадолго до этого чешское руководство во главе с президентом Т. Масариком приняло решение о переброске чехословацкого корпуса морем во Францию с тем, чтобы затем сделать его опорой возникшего на обломках Австро-Венгрии независимого чешского государства. Чехословаки начали двигаться через Урал и Сибирь к Владивостоку, так как возвращение домой более кратким путем через Украину или Польшу было невозможным: они попали бы в руки австрийцев и немцев, считавших их дезертирами и предателями. В то время численность корпуса возросла до 70 тыс. человек, и после захвата арсенала он превратился в грозную силу¹⁵. Последовало распоряжение Совнаркома о сдаче оружия, но чехословаки отказались его выполнить, что фактически явилось объявлением войны советской власти.

Чехословаки начали силой захватывать города и сёла и вскоре стали хозяевами Великого Сибирского пути, рассредоточив свои части на протяжении нескольких тысяч километров. Между Тамбовом и Пензой чехословаков находилось около 8000 человек, в Челябинске — около 9000 человек, в Сибири — 3000 человек, во Владивостоке — 14 000 человек¹⁶. Этой ситуацией не преминула воспользоваться Антанта, желавшая привлечь чехословаков на свою сторону и сделать своими союзниками во время интервенции в Советскую Россию.

Представители Антанты обещали чехословацким legionерам поднять зарплату в десятки раз: не только держать их на всем готовом, но и платить по целых 200 руб. в месяц вместо прежних 5 руб. Кроме того, они фактически выдавали индульгенцию на грабеж русских городов¹⁷.

Приманка оказалась слишком заманчивой, и ее сразу же заглотили. Более двух третей эшелонов с 50 тыс. чехословаков прекратили свое движение на восток и повернули на запад. Они передвигались двумя колоннами: одна на Екатеринбург — Пермь — Вятку, другая по Волге к Симбирску и Казани. 6 августа 1918 г. чехословацкий корпус захватил Казань и завладел государственной казной русского народа¹⁸. В руки чехословаков попало 30,5 тыс. пудов золота, что составляло более половины всего золотого запаса России. Контрнаступление Красной армии вынудило затем чехословаков отступить, но они забрали захваченные ими сокровища с собой. Золотой запас грузили в вагоны крайне небрежно, слитки и золотые монеты упаковывали в плохо сколоченные ящики, набивали ими солдатские вещмешки без всякой описи. В результате такого отношения к золоту и драгоценностям в Омске при пересчете дошедшей туда наличности была выявлена крупная недостача.

Дальнейшая судьба золотого запаса России была переменчивой. Чехословаки передали золото армии Колчака, но в январе 1920 г. по приказу высших чинов Антанты снова взяли под свою охрану состав с золотом, отгеснив в сторону колчаковских солдат. Этим актом они сразу же вызвали справедливое подозрение в нечистых помыслах как среди белых, так и среди красных. Партизаны пытались задержать «золотой» эшелон, предъявив чехословакам ультиматум, в котором, в частности, говорилось: «Де-юре вы спасаете Колчака от неминуемого позорного плена, а де-факто захватили русский золотой запас, ибо последний для вас гораздо интереснее и дороже Александра Колчака»¹⁹. Это полностью соответствовало действительности, потому что позднее под натиском обстоятельств чехословаки предпочли оставить золото при себе, выдав Колчака партизанам в качестве откупного. Тем самым они обрекали последнего на верную смерть: красные расстреляли его вместе с премьер-министром колчаковского правительства В. Н. Пепеляевым.

Отбить золотой запас России у чехословаков партизаны не смогли: уж слишком велика была разница в силах. Кроме того, командующий эшелонами генерал Сыровы пригрозил партизанам, что будет взрывать за собой пути, мосты и туннели и парализует Великий Сибирский путь. Осознание своей силы вызывало у чехословаков соблазн считать русское золото своим военным трофеем, что совпадало с замыслом внешнего чешского руководства. 13 февраля 1920 г. помощник президента Э. Бенеш телеграфировал чехословацким военачальникам в Сибирь следующее: «Союзники были бы рады, если бы поезд с русским золотым запасом был сохранен. Если он до сих пор в вашей власти, попытайтесь отправить его в безопасное место, при случае в Чехию»²⁰. Тем не менее золотой запас чехословакам пришлось все-таки передать красным, и 3 мая 1920 г. тот был возвращен в Казань²¹. Однако незадолго до передачи на перегоне между Иркутском и станцией Зима вблизи станции Тыреть бесследно исчезли 13 ящиков с золотом на сумму 780 тыс. рублей. Пломбы на дверях вагона, из которого было похищено золото, оказались поврежденными, веревочки оборваны, проволоочки обрезаны²².

Поведение чехословаков в Сибири в те годы можно расценивать как двурушническое. Они постоянно лавировали между красными и белыми, переходили на сторону то одних, то других, прикидывая, какую из этого можно извлечь пользу. В Поволжье чехословаки нередко без всякого предупреждения снимали свои части с фронта, оголяя фланги белых и подставляя их под удар противника. В Сибири они оказывали содействие белым: передевали в свою форму каппелевских разведчиков, укрывали в своих эшелонах белых офицеров²³. 30 января 1920 г. у станции Зима, где развернулись бои между каппелевцами и красными, чехословаки неожиданно ударили последним в спину, чем предопределили их полный разгром²⁴. А в марте того же 1920 г. на станции Оловянная чехословаки выбрасывали красным через окна вагонов ящики с патронами и винтовками, установили с большевиками контакт, провели эксгумацию трупов жертв, расстрелянных белыми, и устроили вместе с красными торжественное погребение павших за революцию²⁵.

Желая откреститься от белых, чехословаки издали меморандум, в котором тем не менее де-факто признавали свое со-

участие в преступлениях в период Гражданской войны. В нем, в частности, говорилось: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение местных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности — составляют обычное явление»²⁶. Чехословацкие штыки, однако, служили не только для защиты белых — они часто пускались в ход самими их обладателями. При отступлении из Казани чехословаки пытались силой мобилизовать местное население, сжигали целые деревни, устраивали массовые порки, производили аресты и расстрелы²⁷. В Сибири одного из чешских военачальников, капитана Гайду называли «палачом» рабочих. Несколько русских женщин чехословаки силой затащили в свои вагоны, зверски изнасиловали и убили, сбросив тела замученных в реку Онон²⁸. Сибиряки испытывали к иноземным легионерам глубоко запятанную ненависть.

Из Поволжья, Сибири и Дальнего Востока чехословаки уходили не с пустыми руками. При аресте атамана Семёнова они завладели восемью тысячами золотых рублей²⁹. Чехословаки прибирали к рукам всё сколь-нибудь ценное, что попадалось им на глаза. В Харбине они меняли на доллары и фунты золото, платину, алмазы, породистых лошадей, граммофоны, швейные машины, военное снаряжение, оружие — всё, что награбили по пути следования своих эшелонов по России. При отплытии на родину на пароходе «Президент Грант» 5 500 чехословаков погрузили на борт судна десятки тонн золота, платины, серебра и цветных металлов, легковые автомашины, рояли, мебель из красного дерева и прочие «трофеи». Газеты пестрили заголовками типа «Чехи вывозят награбленное из Сибири», «Чехи грабят Сибирь» и, наконец, со вздохом облегчения — «Чехи улепётывают»³⁰.

Если сравнить поведение солдат чехословацкого корпуса в России с тем, как себя вели солдаты введенного в Чехословакию в августе 1968 г. контингента советских войск, то сравнение окажется далеко не в пользу первого. Русские солдаты не расстреливали население в чешских городах и сёлах, не насиловали и не убивали чешских женщин, не пороли чехов за приверженность к идеям «пражской весны», не занимались

грабежами и не пытались вывести в СССР какое-либо чешское национальное достояние наподобие Пражской Национальной галереи.

Негативные факты из истории русско-польских и русско-чешских отношений приводятся в данной статье, конечно же, не ради омрачения и без того непростых отношений между нашими народами. При строительстве межславянского соглашения следует всегда помнить о двух золотых правилах — «Худой мир лучше доброй войны» и «Кто старое помянет, тому глаз вон». Данная статья писалась в надежде, что изложенные в ней факты (известные очень узкому кругу историков) станут достоянием более широких кругов нашего общества: студентов, преподавателей, политиков и дипломатов. Они могут быть использованы в качестве контраргументов при контактах россиян с русофобами из Польши и Чехии, любящих рассуждать на темы Катыни, августа 1968 г. и «исторической вины» русских в целом. Холодный душ из контраргументов позволит остудить излишне горячие головы и перевести диалог в более спокойное, взвешенное и уважительное русло.

Наш обзор отношений России с Польшей и Чехией показывает их неоднозначность и сложность. Он свидетельствует о наличии в славянском мире серьезных расхождений, о ситуации противостояния или даже соперничества, об отсутствии общего связующего стержня. Таким стержнем, как самая мощная славянская держава, способна стать Россия, но что она может предложить сегодня славянскому миру? В данный момент практически ничего.

I. Место России в мире существенно изменилось. Из супердержавы она превратилась в государство с региональными геополитическими возможностями. По численности армии, количеству и качеству обычных вооружений Россия во много раз уступает странам НАТО и не способна решать геополитические задачи. Единственным гарантом ее собственного суверенитета пока остаются ракеты с ядерными боеголовками. Она озабочена лишь своей национальной безопасностью, не помышляя о защите суверенитета славянских стран. Весьма показателен здесь пример с Сербией, отданной на растерзание США.

II. Российская экономика развивается гораздо медленнее, чем это возможно, несмотря на наличие огромных доходов, получаемых благодаря заоблачным ценам на энергоносители. Немырьевые сектора экономики продолжают оставаться рахитичными, испытывая инвестиционный голод, ибо стабилизационный фонд вывезен за границу и работает на экономику США.

III. Социальная сфера в российском обществе безнадежно запущена и требует кардинальных реформ. В России насчитывается три миллиона беспризорных детей, пенсии миллионов пенсионеров просто мизерны и не дотягивают даже до явно заниженного официального прожиточного минимума. Зарплаты бюджетников повышаются в год по чайной ложке, причем основная часть прибавки идет на покрытие инфляции и роста тарифов жилищно-коммунальных услуг, закрепляя за бюджетниками статус-кво малоимущего слоя общества. Большая часть населения сказочно богатой ресурсами страны живет в беспросветной нищете.

IV. Непомерно раздутый чиновно-бюрократический аппарат России насквозь пророс грибком коррупции. Слово «откат» в России знакомо даже школьникам. Разъевшиеся чиновники, так же как и значительная часть парламентариев, фактически обслуживают интересы крупного капитала. Много лет они тормозят принятие закона о коррупции и притворяются глухими, не слыша призывы российской интеллигенции о необходимости национализации природных ресурсов России и введения прогрессивного налога на сверхприбыли наших современных нуворишей.

V. За последнее десятилетие значительно ухудшилось положение с объективностью СМИ, но данная ситуация не есть результат возвращения России к тоталитаризму, как ошибочно полагают западные политики и обозреватели, а следствие возросшей продажности работников СМИ. Лживые выступления в СМИ или замалчивание в них животрепещущих проблем результат не нажима государства (оно фактически не вмешивается, хотя должно защищать интересы всего общества), а элементарного подкупа со стороны крупных промышленных и финансовых воротил. Зачем запрещать, когда можно полюбовно договориться при помощи пачки «зелени»? Два свежих примера. Крупнейший российский физик академик Страхов

недавно (2007 г.— *И. К.*) объявлял голодовку, протестуя против развала науки и выступая со своими предложениями по исправлению ситуации. Сообщение об этом промелькнуло в одной из газет, и затем о голодовке — ни слова. Второй пример. Оппозиция в парламенте недавно отвергла проект трехлетнего бюджета, ибо он фактически закрепляет существующий в России рост разрыва между уровнем доходов самых богатых и самых бедных. Массовая газета «Комсомольская правда» на следующий день в анонимной статье клеветнически утверждала, что оппозиция выступает против повышения размеров пенсий как таковых.

Единственное, что Россия может предложить славянскому миру сегодня — совместная борьба за сбережение культурного наследия славянских народов и развитие национальных культур в современном глобализирующемся мире. Что она может сделать в будущем, — это попытаться создать идеальную модель экономического, социального и нравственного развития человеческого общества. И начинать ей надо с самой себя: провести политические, экономические и социальные реформы, которые станут примером для славянских стран и для многих стран неславянских. Только так можно завоевать истинный нравственный авторитет в мире, ибо его нельзя узаконить официальным государственным постановлением, как это решил недавно Конгресс США, присвоив себе право судить целые страны и народы, полностью игнорируя существование ООН и Международного суда в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Прокоп Я.* Антирусский миф и польские комплексы // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 30.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. / Подгот. текста и статьи В. И. Малышева. М.; Л., 1952; *Платонов С. Ф.* Причины Смутного времени в Московском государстве в XVI — XVII вв. и отражение его на Пскове. Псков, 1900; *Мальцев В. П.* Борьба за Смоленск (XVI — XVII вв.). Смоленск, 1940.

³ *Пегов В.* Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1939. С. 22–30.

⁴ *Шаховской С. И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 409.

⁵ Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1906. Стб. 232–233; *Булгакова Е.* Патриарх Гермоген и Троицкая Лавра // Смутное время в Московском государстве: Сб. ст. М., 1913. С. 192–195.

⁶ *Забелин И.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999.

⁷ Сказание Авраама Палицына. / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955.

⁸ *Шаховской И.* Летописная книга... С. 421.

⁹ *Савич А. А.* Деулинское перемирие 1618 г. (Из истории польской интервенции начала XVII века) // Ученые записки Московского педагогического института им. К. Либкнехта. Т. 4. Вып. 2. М., 1939. С. 61–107; *Ткаченко В. А.* История России XVI — XVII вв. Деулинское перемирие 1618 г. М., 1998. С. 70–78.

¹⁰ *Ольшанский П. Н.* Рижский мир. Из Истории борьбы советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.). М., 1969. С. 15–16, 199–201, 207–255; *Манусевич А. Я.* Трудный путь к Рижскому мирному договору 1921 г. // Новая и новейшая история. М., 1991. № 1. С. 33, 42–43.

¹¹ *Иванов Ю. В.* Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей // Военно-исторический журнал. М., 1993. № 12. С. 22–24; *Николаев Д. А.* Русские в концлагерях Европы // Российская провинция в годы революций и Гражданской войны 1917–1922. Нижний Новгород, 1998. С. 266–267; *Райский Н. С.* Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. М., 1999. С. 34–35, 40.

¹² *Jrośław Marek Rymkiewicz.* Tygodnik Solidarności. 1996. № 18.

¹³ *Клеванский А. X.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 94, 110, 125, 130–131, 142–144.

¹⁴ *Хрулев В. В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. С. 10–12.

¹⁵ *Крушанов А.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962. С. 50.

¹⁶ *Хрулев В. В.* Чехословацкий мятеж... С. 10–12.

¹⁷ *Софинов П.* Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. М., 1940. № 12. С. 47, 50.

¹⁸ *Гак А. М., Дворянов В. Н., Патин Л. М.* Как был спасен золотой запас России // История СССР. М., 1960. № 1. С. 137–139, 142.

¹⁹ *Клеванский А. X.* Чехословацкие интернационалисты... С. 35б.

²⁰ *Kvasnička J.* Československé légie v Rusku. 1917–1920. Bratislava, 1963. S. 311.

²¹ *Гак А. М., Дворянов В. Н., Патин Л. М.* Как был спасен золотой запас России... С. 137–139, 142.

²² «Золотой эшелон» (Возвращение золотого запаса РСФСР. Март-май 1920 г.). / Подготовили *А. П. Клаудт, В. А. Кондратьев* // Исторический архив. М., 1961. № 1. С. 23, 44.

²³ Шли дивизии вперед. Иркутск, 1987. С. 43.

²⁴ Последние дни Колчаковщины. / Материал подготовлен к печати *М. М. Константиновым*. М.; Л., 1926. С. 38.

²⁵ За власть Советов. Чита, 1957. С. 324–326.

²⁶ *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты... С. 262.

²⁷ *Есив М.* Глас на истината (поучителни очерки от трагедията на Руската Държава. София, 1927. С. 21.

²⁸ Последние дни Колчаковщины... С. 39.

²⁹ *Есив М.* Глас на истината... С. 16–18, 22–23.

³⁰ За власть Советов... С. 320.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

адм. — адмирал
акт. — актер, актриса
антивизант. — антивизантий-
ский
ап. — апостол
апокриф. — апокрифический
афон. — афонский
библ. — библейский
болг. — болгарский
босн. — боснийский
валаш. — валахский
вел. — великий
венг. — венгерский
ветхозав. — ветхозаветный
визант. — византийский
вмч. — великомученик, -ца
восст. — восстание
ген. — генерал
греч. — греческий
древнегреч. — древнегреческий
евр. — еврейский
еп. — епископ
зограф. — зографский
имп. — император, императри-
ца
инд. — индийский
кн. — князь, княгиня
ком. — командир
константиноп. — константино-
польский
кор. — король
легенд. — легендарный
лейт. — лейтенант
лит. — литературный
макед. — македонский
миф. — мифологический
молд. — молдавский
мон. — монах

мон-рь — монастырь
моск. — московский
мч. — мученик
мц. — мученица
новозав. — новозаветный
обнов. — обновитель
осн. — основатель
патр. — патриарх
перв. — первый
первосвящ. — первосвященник
перс. — персидский
пол. — польский
полк. — полковник
прор. — пророк
просвет. — просветитель
равноап. — равноапостольный
реж. — режиссер
римск. — римский
рос. — российский
рум. — румынский
рус. — русский
свящ. — священник
серб. — сербский
слав. — славянский
словен. — словенский
софийск. — софийский
султ. — султан
тур. — турецкий
уч. — ученик
учен. — ученый
фр. — французский
хиланд. — хиландарский
хорв. — хорватский
христ. — христианский
худ. — художник
черногор. — черногорский
чеш. — чешский

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аарон, ветхозав. прор. 81
Аарон, один из легенд. осн. Зографского мон-ря 11
Абрахам, еп. из Фрейзингена 143
Аввакум [Петров], протопоп, лидер старообрядчества 95, 203
Авенир, инд. царь 57
Авраам, ветхозав. патр. 21, 81, 306
Агапий Критский, христ. писат. 119, 183
Адам, библ. персонаж 22, 33–34, 129, 175
Адлер Виктор 410
Адонис 150
Айвазовский Иван Константинович 288
Акиндин Григорий (Георгий?), последователь варлаамитства, еретик 63, 96
Аксаков Иван Сергеевич 304, 401
Александр I Баттенберг, болг. кн. 332, 339
Александр II, рос. имп. 238, 258, 289, 308–309, 384, 388
Александр III, рос. имп. 410
Александр Александрович, цесаревич 291
Александр Добрый, молд. воевода 76
Александр Ипсиланти, молд. кн. 251
Александр Македонский 14, 19, 56, 86, 141, 152, 160, 228
Александр, св., мч. 331
Алексей I Комнин, визант. имп. 45
Алексей Человек Божий, св. 18, 128, 168
Алексис Рартурос, греч. писат. 116
Амфитеатров Александр Валентинович, рус. писат. 324
Анастасий II Синаит, св., патр. Антиохийский, христ. писат. 17
Анастасий, св., мч. 230
Ангелина Бранкович, кн., св. 184
Андреев Б. А. 416
Андреев Л. М. 382, 386–387
Андреев, болг. капитан 381–382
Андрей Критский, христ. гимнограф 13
Андрей Пир, христ. гимнограф 13
Андрей, инок, болг. гимнограф 112
Андрей, св., ап. 25
Андрейчин Иван, болг. учен. 364
Андроник, уч. болг. патр. Евфимия Тырновского 90
Анна Комнина, визант. писат. 45
Анна, бабка Иоанна Грозного 135
Антоний Великий, св., осн. отшельничества 13, 18, 40, 128
Антоний Рафаил Эпактит, серб. писат. 136

Анфим, Угро-Валашский митроп. 66
 Аппендини Франьо 119
 Априлов Васил Евстатиев, болг. торговец, писат. 196, 198
 Аргиреску, рум. ген. 337
 Ариосто Лодовико 159
 Аристотель 20, 58, 122
 Арсений III (Чарноевич), патр. Серб. 134
 Арсений IV, патр. Серб. 184
 Асен (Иван Асен I), болг. феодал, царь 43
 Асен, сын болг. царя Ивана Александра 55
 Аспарух, болг. хан 30
 Артамонов Н. Д., рус. полк. 239–240, 243
 Афанасий Александрийский, св., архиеп. 18, 35
 Ахацел Матия 83

Б

Бабукич Виекослав 170
 Бакачич Самуил 185
 Балабанов М. Б. 332
 Баль, рус. мичман 242
 Баракович Юрай, хорв. писат. 156
 Баранович Лазарь 186
 Бароний Цезарь 194, 239
 Бартушевич Иероним 149
 Барчи Никола 169
 Башмаков Григорий, рабочий 402
 Башмакова Елизавета 402
 Баязид, тур. султ. 37, 78, 86–87
 Беккадели Лодовико 155
 Беклеш 305
 Бежаров, болг. капитан 381
 Белостенец Иван 165

Белькари Фео 150
 Бенетович Мартин 151
 Бенеш Э. 437
 Бенкендорф Александр Христофорович 226, 231
 Берия Лаврентий Павлович 428
 Бернард, св. 140
 Бернардин Сплитчанин 154
 Берон Петр 196, 198, 323
 Бетондич Йосип 169
 Бобевский Любомир, болг. поэт 330, 387–388
 Бобриков Г. И., рус. полк. 239–240
 Бова-королевич, лит. персонаж 140
 Богоров Иван, болг. просвет. 197, 263, 412, 426
 Богородица (Богоматерь, Дева Мария) 26, 33–34, 46, 65, 89, 103, 132, 142, 154, 175
 Божков Д. 364
 Бозаджи Мехмед Гуридова 340
 Бозвели Неофит, болг. писат. 198. 350
 Бомарше Пьер Огюстен Карон де 180
 Бончев Нешо, болг. критик 356, 358–359, 361, 364
 Борил, болг. царь 85–86, 93, 130
 Борис I, св., болг. кн. 10, 13–14, 28. 32, 35, 40, 56–57
 Борис III, болг. кн. 380, 390–391
 Борис, св., мч., рус. кн. 124, 137
 Ботев Ботю Петков, болг. просвет. 354
 Ботев Христо, болг. поэт 354, 356, 358
 Боткин Сергей Петрович, врач 291
 Бохорич Адам 174

- Бочев, болг. капитан 381
Боэреско, рум. гос. деятель 337
Бояджиев, болг. капитан 381
Брандаш 41
Бранковичи, серб. династия 184
Брезовачки Тито 168
Бруеревич Марко 169
Брычков Христо, болг. торговец 243
Брэкенбери, англ. корреспондент 245
Буденный Семен Михайлович 429
Будинич Шиме 160
Булгарин Фаддей 358
Бунич Вучич Иван 158, 169
Бурмов Тодор Стоянов 332
Бусилов, рус. ген. 434
Бухарин Николай Иванович, рос. гос. деятель 406, 418, 421
- В**
Вазов Иван, болг. писат. 361–362, 380, 386–387
Вальватор Янез Вайкард 176–187
Вапцаров, болг. подполк. 377
Варлаам Калабрийский, проповедник 38
Варлаам, отшельник 57, 131
Варлаам, еретик 36, 63
Варух, библ. прор. 129
Василий II Болгаробойца, визант. имп. 37, 67
Василий Блаженный, св. 426
Василий Великий, христ. писат. 12, 14, 17, 20, 53, 71, 127–128, 131
Василий, богомилский вожак 45
Василий, болг. пресвитер, архиеп. 93
Василий, еп. Пермский 403
Василик, дьякон, визант. писат. 49
Васкидович Эмануил, болг. просвет. 196
Васнецов В., рус. худ. 284–285
Ватсон М. В., рус. поэтесса 274
Везилич Алексие 189
Венеамин, архимандрит Соловецкого мон-ря 403
Венелин Юрий Иванович 196, 253, 279, 300, 304, 313
Венера 150, 198
Венцлович Гавриил 186
Вергилий Марон Публий 162, 169
Верещагин Василий Васильевич, рус. худ. 288
Ветранович Мавро 150, 191
Видакович Милован, серб. писат. 190
Витгенштейн П. Х. 214, 217
Витезович Павел Риттер 162–163, 165–166
Витовт, литовский. кн. 78–79, 89–90
Витте, рус. ген. 215
Владимир (Расате), болг. кн., сын Бориса I 40
Владимир, св., рус. кн. 248
Владислав Грамматик, серб. писат. 96–100, 124, 192
Власко, хорв. бан 148
Влачич Иллирик Матия 155
Вогров Мордко 410
Водник Валентин, словен. писат. 178–179, 181
Водовозова Елизавета Николаевна 278–285
Воейков В. В., рус. ротмистр 302, 305

Войников Добри, болг. писат., драматург 362
 Вольгер (Мари Франсуа Аруэ) 180
 Вольф Симон 410
 Воронский 417
 Воронцов Михаил Сергеевич, граф 219
 Враз Станко, хорв. поэт 172
 Вревская Юлия Петровна, баронесса, медсестра 288
 Вукан (Волкан), сын Ст. Немани 134
 Вукашин, серб. деспот (кор.) 52, 102
 Вукотинович Людевит 17
 Вылчев Ночу, болг. проводник 322

Г

Габарев Т., болг. полк. 377
 Гавриил Лесновский, св., отшельник 50
 Гавриил, архангел 26
 Гаврило Мстиславич 185
 Гай Людевит 170–171
 Гайда, чеш. капитан 438
 Гамбета Леон 410
 Ганзен Аделаида 409
 Ганчев Борис, болг. акт. 363
 Ганчев Христо, болг. акт. 363
 Гасан-ага, тур. военачальник 220
 Геббельс 400
 Гекторович Петар 148–149
 Геннадий Схоларис, патр. Константиноп. 115
 Георгиев Кимон, болг. гос. деятель 396–398
 Георгиев Неделчо 342
 Георгий (в мон. Максим), митроп. Валашский, затем Белградский 183
 Георгий Амартол, визант. хронист 19, 135
 Георгий Бранкович, св. — см. Юрий
 Георгий Бранкович, граф 386
 Георгий Новый (Средецкий) Софийский, св., мч. 104–112, 116–117, 124–125, 193, 249, 357
 Георгий Писида, визант. писат. 70
 Георгий Скилица, визант. писат. 42, 64, 101, 129
 Георгий Хировоск, христ. писат. 17
 Георгий, ктитор болг. Рильского мон-ря 97
 Георгий, св., вмч. Победоносец 11, 26, 32–33, 49, 89, 98, 114, 118, 140
 Георгий, софийск. свящ. 107
 Герасим Афонский, греч. писат. 119
 Герберштейн Карл 179
 Гердер Иоанн Готфрид 169
 Геркулес (Геракл), миф. персонаж 146
 Герман II, патр. Константиноп. 47
 Гермоген, патр. рус. 416
 Геров Найден 198
 Гершель 411
 Гиденбург, герм. канцлер 375
 Гитлер 400, 414, 429
 Гицев Иван 312
 Глеб, св., мч., кн. 124
 Гледжевич Антун 159
 Гоголь Николай Васильевич 353–356, 358–368

- Гойхберг А. Г. 406
 Головин В.И., рус. поэт 274
 Гольдони Карло 18
 Гораций Флакк Квинт 169
 Грабац Матия 155
 Грабовец Филипп 168
 Грейг А., рус. адм. 218, 220
 Григорий Цамблак, болг., серб., молд. и рус. писат. 76–90, 95, 103, 120, 123–124, 132, 138,
 Григорий (Георгий?) Акиндин, еретик 86
 Григорий Пресвитер, болг. книжник 13, 127
 Григорий Богослов (Назианзин), христ. писат. 11, 20, 114, 127.
 Григорий Великий, св., папа Римск., писат. 20
 Григорий Двоеслов 13
 Григорий Нисский, еп., христ. писат. 17, 20
 Григорий Палама, св., архиеп. Солунский 58–59
 Григорий Синаит, св., визант. исихаст 53, 58
 Григорий, чудот. 26
 Григорович Виктор Иванович 255
 Груев Иоаким 198
 Гундулич Иван 157–158, 162–163
 Гундулич Дживо 159
 Гундулич Шишко 159
 Гурко Иосиф Владимирович, рус. ген. 317, 322, 336
 Гусейн-паша 222
 Гюго Виктор, фр. писат. 288
- Д**
- Давид Рильский, болг. книжник 99
 Давид, один из обнов. Рильского мон-ря 97–98
 Давид, царь иудейский 31, 141
 Давид-бей 410
 Давидсон 410
 Давидюк Роман, наводчик 241
 Давыдов, рус. дипломатический агент 350
 Далматин Антун 154, 265
 Далматин Юрий 174
 Дамаскин Габровский, св., мч. 113
 Дамаскин Студит, греч. проповед. 114, 116, 193
 Дамаскин, иеромон., книжник хиланд.
 Дамиан (Дамян) Дрыстрский, перв. болг. патр. 28
 Даниил, библ. прор. 43, 81, 123, 412
 Даниил, болг. книжник 117
 Даниил, тырновский мон. 205–206
 Даниил, уч. Иоанна Лествичника 17
 Данило II Баньский, серб. архиеп. 135, 137
 Данило III Баньский (младший), серб. патр. 136, 138
 Дарий, перс. царь 86
 Даскалов Х. К. 279, 281
 Дебевец Янез 179
 Дев Феликс 178
 Дели Хасан, болг. разбойник 344
 Деметр Димитрия 173
 Демокрит, древнегреч. философ 20
 Демьян Бедный 408
 Денев Симеон 411–412, 417
 Деренчин Эмелин, хорв. бан 148
 Дефо Даниэль 199

- Джидров Петр 417
 Джурджевич Игнат 163–165
 Диана 157
 Дибич Иван Иванович, рус. ген. 214–217
 Дивкович Матия 191
 Димитр, болг. свящ., книжник 121
 Димитрий Кантакузин, серб. писат. 100–103, 124, 192
 Димитрий Солунский, св., вмч., 19, 66, 89, 103, 118
 Димитрий Хоматиан, визант. писат., архиеп. Охридский 44, 129
 Димитрий Якшич 183
 Димитров Георгий 411
 Димов В., болг. писат. 384
 Диоклетиан, римск. имп. 19, 146, 152
 Дион Кассий, хронист 19
 Дитнер Х. 413
 Дмитрий Донской, рус. кн. 74–75
 Добрев, болг. капитан 381
 Добротица, болг. деспот 52
 Довре, рус. ген. 215
 Долничар Янез Грегор 177
 Доментиан, иеромон. 135
 Дондуков-Корсаков Александр Михайлович 334
 Дорфей авва, христ. писат. 86
 Досифей, митр. Угро-Валашский 208–209
 Достоевский Федор Михайлович 309, 313, 326, 401
 Дошен Вид 167
 Драбосняк Андрия Шустер 181
 Драгневич Н. Г. 287, 295–297
 Драгомиров Михаил Иванович, ген.-майор 243, 246
 Дракула, валаш. феодал 111
 Држич Джоре 147
 Држич Марин 150–151, 156
 Друмев Васил Николов 358, 362
 Дубасов, рус. лейт. 242
 Дуклянин поп, аноним. автор 133, 147, 161–162
 Духонин, рус. ген. 311, 345
 Душанов Д. Т., болг. переводчик 362
 Дюгамаль О. А. 255
- Е**
- Ева, библ. персонаж 34, 175
 Евгений Савойский 164
 Евсевий Кесарийский, еп., христ. писат. 15
 Евфимий II, патр. Константиноп. 79
 Евфимий Великий 25
 Евфимий Тырновский, патр. болг., писат. 59, 61–71, 74, 79, 88, 90–92, 94–95, 100–101, 103, 111, 117, 120, 125, 131–132, 397
 Евфимия (в миру Елена), вдова серб. деспота Углеши 78, 137–138
 Екатерина II, рос. имп. 305, 413
 Елена Балшич 138
 Елена, кн., супруга серб. деспота Углеши 132
 Елена, св. равноап., мать имп. Константина Великого 55, 65, 132
 Ельцов Василий, рабочий 405
 Енох, библ. патр. 21–22, 28, 129
 Епифаний Кипрский, архиеп., христ. писат. 56
 Есив М., болг. писат. 405, 417
 Ефрем Сирин, св., христ. писат. 16, 127–128

Ефрем, патр. Серб. 136, 138

Ж

Жабдоров, рус. ком. 384

Жинзифов Райко Иоаннов 355

Жолкевские род пол. панов 427

З

Заварович Динко 161

Зайончковский А. М., рус. ген. 374–376

Захария, последний из евр. прор., первосвящ. 26

Захария, хиланд. книжник 427

Зборовские, род пол. панов 427

Зевс, миф. персонаж 19

Зейдлиц Карл, военврач 223, 226, 228, 232–233

Зиновьев (Апфельбаум, Радомысльский Г. Е.) 409

Злата Мыгленска, св., мц. 113

Златар Андрей 147

Златарич Доминико (Динко) 155

Зоранич Петар 149, 156

Зринский Никола 153, 162

Зринский Петар 162

Зринский Франкопан 162

И, Й

Иаков, ап. 63

Иаков, ветхозав. патр. 82

Иафет, библ. персонаж 152, 160

Иван (Иоанн) IV Грозный, рус. царь 135, 185, 305

Иван (Иоанн) Рильский (Рыльский), св., болг. подвижник 23, 40–42, 48–50, 63, 96–103, 111, 116–117, 120, 129–130, 192

Иван Асен I, болг. царь 42, 48

Иван Асен II, болг. царь 47–48

Иван Калита, рус. кн. 73

Иван Селина, один из легенд. осн. афон. Зографского монастыря 11

Иван Срацимир, болг. царь 55, 67, 70

Иван Урсин, св., еп. Трогирский 164

Иван Шишман, болг. царь 61, 63, 70

Иван Александр, деспот, болг. царь 53–55, 131

Иванко, болг. деспот 52

Иванов Петр 312

Иванчу, болг. лоцман 239

Игнатий Старозагорский, св., мч. 113

Игов Светлозар, болг. учен. 6

Иеремия, библ. прор. 33, 69

Иеремия, пресвитер, болг. писат. 33, 129

Иероним, св. 141, 146, 152, 154

Иешил Мехмед Эфенди 345

Иешил Ходжа Софта Али 340

Иисус Навин, ветхозав. персонаж 13

Иисус Христос 23, 28, 33–34, 50, 59, 89, 123, 137, 139–140, 412

Иларион Мыгленский, св. 48, 50, 63, 72, 111, 120, 130, 132

Иларион, рус. митроп. 136

Илья (Илия), ветхозав. прор., св. 81

Ио, миф. персонаж 19

Иоаким I, патр. Болг. 47, 50, 150

Иоаким Осоговский (Сарандапорский), св., отшельник 50, 72

- Иоанникий Картанос 116
 Иоанн I Цимисхий, визант. имп. 37
 Иоанн V Палеолог, визант. имп. 84
 Иоанн VIII, папа Римск. 133
 Иоанн Богослов, ап., евангелист 27, 34, 40, 100, 411
 Иоанн Бранкович, св. 185
 Иоанн Владимир, св., мч., кн. Дулянский 133
 Иоанн Дамаскин, св., архиеп., визант. богослов, философ, поэт 13, 20, 127–128
 Иоанн Златоуст, св., архиеп., христ. писат. 12–15, 17–18, 20, 35, 63, 71, 101, 119, 127–128, 132, 193, 205
 Иоанн Зонара, визант. хронист 56, 131
 Иоанн Калека, патр. Костантиноп. 205
 Иоанн Креститель (Предтеча), прор. 26, 100
 Иоанн Лествичник (Синаит) 17, 127
 Иоанн Малала, визант. хронист 19
 Иоанн Милостивый, патр. Александрийский 54
 Иоанн Мосх, христ. писат. 15
 Иоанн Новый Белгородский (Аккерманский), св., мч. 76, 88–89, 132
 Иоанн Пелагонийский, мон. 202
 Иоанн пресвитер, болг. книжник 13, 18, 127
 Иоанн Раифский, игумен 17
 Иоанн Рильский (Рьльский), болг. подвижник, св. см. Иван Рильский
 Иоанн Синайский 17–18, 74, 128
 Иоанн Экзарх Болгарский, писат. 13, 18, 20, 31, 36, 60, 127–128
 Иоанн, еп. Поливотский 64, 132
 Иоанн, мон., сын Стефана Бранковича 133
 Иоанн, старец, афон. книжник 61
 Иоанникий I, архиеп., перв. серб. патр. 135
 Иоасаф Бдинский (Видинский), митроп., писат. 66–69, 99
 Иоасаф, один из обнов. Рильского мон-ря 97–98
 Иоасаф, сын инд. царя Авенира 131
 Иов, праведник, ветхозав. персонаж 81
 Иов, патр. рус. 42
 Иосиф II, австр. имп. 168, 187
 Иосиф Брадатый, болг. книжник 118–119, 194, 206
 Иосиф Песнописец, визант. гимнограф 13
 Иосиф, ветхозав. персонаж (сын Иакова) 31
 Иосиф, молд. архиеп. 71
 Иосиф, библиограф 81
 Ипполит Новоместский 176
 Ирина, жена болг. царя Ивана Срацимира 54
 Исаак Сирин, христ. писат. 56
 Исаяя авва, христ. писат. 15
 Исаяя Серский, старец, серб. писат. 52, 136
 Исаяя, библиограф. прор. 42–43, 129
 Исаяя, серб. домостроитель 103
 Исаксон 411
 Иуда Искарот 412
 Иуда Маккавей, евр. военачальник 48

Йовков Йордан, болг. писат. 380, 383

Йонков, болг. капитан 381

Йотов Пейо, болг. солдат 335

К

Каванич Иеролим 163

Кадрини Мола 334

Каишев, болг. капитан 381

Кай, папа Римск. 152

Кайми Хасан 191

Калайдович Константин Федорович 196

Калиганов Игорь Иванович 478–479

Каллист, патр. Константиноп. 53

Калоян, болг. царь 48, 68

Калчев И. 364

Кальдерон де ля Барка 180

Каменев С. С. (Розенфельд) 409, 421

Канавелович Петар 163

Канижлич Антун 167

Канизий Петр 160

Кантарджиев Тодор, болг. ген. 380, 391

Капудан-паша 219

Кара Мустафа 204

Каравелов Любен Стойчев 279, 305, 358–359

Караджич Вук 171, 181, 190, 196

Карамзин Н. М. 172

Караславов Георгий 364

Карастоянов Никола, болг. печатник, издатель 197

Карахан (Караджанян С. В.), сов. гос. деятель 409, 421

Карл V Габсбург, имп. 154

Карнарутич Брне 153, 156, 162

Кароль I, рум. кн. 312

Касия, мон., визант. поэтесса 13

Кастелец Матия 175

Катанич Матия Петар 167

Катранов Димитр 354

Катранов Н. Д., болг. студент 252

Катулл Гай Валерий 147, 169

Каутский Карл 410

Качич-Миошич Андрия 168

Кашич Бартул 160

Кёниг София Александровна 289–295

Кёрчев Димитр, болг. писат. 383, 386

Кипиловский Анастасие Стоянович 198

Киприан, свящ., Московский митроп. 66, 70–75, 79–83, 90, 95, 122, 132, 248

Кирджали, лит. персонаж 250–252

Кириевский Иван 401

Кирилл (Константин), св., слав. первоучитель 10, 15, 24–25, 27, 32, 36, 39, 44, 50–51, 62, 93, 122, 127–128, 130, 151, 399

Кирилл Александрийский (Великий), св., христ. писат. 13, 54

Кирилл Скифопольский, христ. писат. 29

Киров Гено, болг. акт. 363

Киселев, рус. ген. 215

Кисимов Константин, болг. акт. 363

Клавдиан Клавдий 147

Климент I (Римский), св., вмч., папа Римск. 26

Климент Александрийский, христ., писат. 114

Климент Охридский, св., еп., болг. писат. 12–13, 24–29, 35, 38–39, 44, 80, 127–128

Кнобл Павел 183

- Кожич Николай, еп. Модрушский 157
 Кожичич Бенья Шимун 154
 Кожухаров Стефан, болг. учен. 66
 Козьма Маюмский, еп., христ. гимнограф 13
 Козьма Пресвитер, болг. писат. 34–35, 130
 Колев Иван, болг. ген. 377, 391
 Коллар Адам Франтишек 170
 Колчак Александр, рус. адм. 436
 Конради 417
 Констанций Хлор, виз. имп. 40
 Константин Бдинский, царевич 67
 Константин Великий, имп. 40, 55, 64, 132
 Константин Костенецкий, болг. и серб. писат. 90–95, 123–124, 132, 138–139
 Константин Манассия, визант. хронист 54, 56
 Константин Островицкий 183
 Константин Преславский, еп., писат. 12–13, 24–25, 28, 30–31, 36, 127–128
 Константин, жених преп. Филофеи 68
 Константинов Георги 364
 Концул Степан 154, 165
 Копитар Ерней 179, 181
 Копыткин, рус. инженер 350
 Корвин Матвей, венг. кор. 153
 Корытко Эмил 183
 Косиор И. В. 409. 422
 Костурков Стоян, болг. гос. деятель 390
 Крайков Яков, печатник 114
 Крель Себастиан 173
 Крестовский Всеволод Владимирович 256, 259, 261, 265, 267, 270, 302, 322
 Крижанич Юрий 418
 Крестичевич Марин 147
 Критянин Агапий — см. Агапий Критский
 Кронос, миф. персонаж 19
 Круглов А. В., рус. поэт 274
 Крум, болг. хан 56–57, 228
 Крчелич Адам Балтазар 166
 Крылов Иван Андреевич, рус. баснописец 197, 358
 Кукулевич-Сакцинский Иван 171–172
 Кулин, бан, босн. феодал 141
 Кумани, контр-адм. 220
 Кумердей Блаж 178–179
 Кунчев Х. 417
 Купидон 150
 Купреянов Павел Яковлевич, рус. ген.-майор 225
 Курц Йозеф 187
 Кутузов Михаил Илларионович 214
 Кучин Федор, рабочий 405
 Куюмджиев, болг. капитан 381
 Кыржалу 340
 Кырчовский Иоаким 197
 Кючуков Петр, болг. акт. 363
- Л**
 Лаврентий, священноинок, болг. книжник 54
 Лавровский П. 263
 Ладыженский М. 315
 Лазаревичи, серб. род 184
 Лазарь, евангельский персонаж 26, 36
 Лазарь Баранович 183
 Лазарь, св., серб. кн. 136, 138, 185
 Ламбринов, болг. полк. 377
 Лассаль Франц 410
 Лев VI Философ (Мудрый), визант. имп. 30

- Лев Аникита Филолог 183
Лежан Гильом 279
Лейбниц Готфрид Вильгельм 188
Ленин 365, 403–404, 410, 417
Ленский А. П., рус. реж. 363
Лех/Лях, миф. персонаж 152
Либкнехт Карл 410
Лимпакт 410
Линхарт Антон Томаж 179–180
Липранди Иван Петрович, ген.-майор 251–252
Лисовские, род пол. панов 427
Лист Ференц 288
Лихачев Дмитрий Сергеевич 125
Лонгин Зограф 185
Лука, Евангелист, ап. 139
Лукьянович Николай Андреевич, подпоручик 218, 226, 232
Лунгов Петр (Дреновский Петр), болг. атташе 413, 417
Лупетин Балдо 155
Лулич Ганибал 148
Люксембург Роза 410
Лючич Иван 161
Ляпчев Андрей, болг. гос. деятель 397
- М**
Маджаров Атанас, болг. свящ. 388
Мажибрадич Марое 156
Мажибрадич Хорацие 156
Мажуранич Иван 175
Макарий Великий, св., идеолог священножительства 15
Макарий Македонский, мон. 202
Макарий, священноиннок, печатник 113
Макаров С. О., адм. 341
Макензен Август фон, нем. ген. 375
Максим Исповедник, христ. писат. 17
Максим Плануд, визант. писат. 57
Максимов Николай Васильевич 304
Максимович Михайло 189
Маламир, болг. хан 40
Малинов Александр, болг. гос. деятель 390
Манаф Ибрагим 204
Мандельц Ян 174
Мануил Комнин, визант. имп. 101
Мардарий Рильский, болг. книжник 99
Марина, св., мц. 103, 105, 109
Марино Джамбаттиста 158
Маринов, болг. воевода 158
Маринов, болг. судья 314
Мария (Мара) Бранкович, дочь серб. деспота Георгия Бранковича, жена султ. Мурада 97, 99, 102
Мария Александровна, рос. имп. 288
Мария Магдалина, мироносица 159
Мария Терезия, авст. имп. 187
Марк Евангелист 26
Марк Подвижник, христ. писат. 56
Марки Иван Петар 163
Марко (Марк) Печский, серб. патр. 138
Марко, поп, книжник 150
Марков Илия, болг. воевода 343
Маркс (Мордухай) Карл 410
Марлиан Амвросий 195

- Мартинец, поп 141
Марулич Марко 146–147, 150, 152, 156
Масалитинов Н. О., рус. акт. и реж. 363
Масарик Томаш Гарриг 435
Матвей Корвин, венг. кор. 153
Матей Грамматик, болг. писат. 105–114, 125, 193
Матфей, Евангелист 26
Матфей, патр. Константиноп. 70
Мелеколу 340
Менчетич Шишко 147–148, 156
Меншиков, рус. ген. 21
Меримо Проспер, фр. писат. 169
Метастазио Пьетро (Трапасси) 180
Мефодий Святогорец, афон. книжник 61
Мефодий, св., слав. первоучитель 10, 15, 19, 24–26, 29, 36, 39, 44, 62, 99, 122, 127–128, 133, 151, 399
Мехмед II, тур. султ., см. Мохаммед II 97, 102, 112
Мехмед IV, тур. султ., см. Мохаммед IV 121
Мехмед Соколович, вел. визирь 153, 184
Миклоушич Тома 170
Микульский Франтишек 424
Милица (в иночестве Евгения, в схиме Евфросиния), серб. кн., вдова кн. Лазаря 78, 156
Миловец Балтазар 165
Милутин, серб. кор. 98, 137
Милутинович Сима 171, 191
Минин Кузьма, нижегородский староста 427
Минков Йордан, болг. реж. 363
Минчев, болг. разведчик 245
Мирослав, кн. Хумский (серб.) 134
Мирчу Чобан, валаш. воевода 110–111
Митяй, рус. иерарх 75
Михаил VIII Палеолог, визант. имп. 47
Михаил, архистратиг 25
Михаил Воин (Потукский), св. 49–50, 64–65, 130, 132
Михаил, царевич, сын Ивана Александра 55
Михаил, архангел 16, 26
Михайлаки, лит. персонаж 281
Михайлов, болг. капитан 331
Михайловский Стоян, болг. писат. 383
Миханович Антун 170
Михних Адам 433
Модриняк Штефан 181, 187
Моисей, один из легенд. осн. Зографского мон-ря 11
Моисей Египетский 15
Молотов Вячеслав Михайлович, сов. гос. деятель 445
Мольер Жан Батист Поклан 180
Мольтке Г., нем. военный историк 217
Мрнявич Иван Тонко 160
Мурад II, тур. султ. 97
Мурад III, тур. султ. 112
Муржеско, рум. майор 442
Муса, тур. разбойник 344
Муссолини Бенито 400
Мушицкий Лукиан 189
Мушкатиринович Йован 189
- Н**
Нагловский, рус. полк. 243
Налбуров Васил 362

Наполеон 169, 413
Наум Охридский, св., пресвитер
13, 25, 29, 36. 127
Наумов Александр 24
Начович Г. 332
Негош Петр 171
Неделев В. 350
Неделя (Кириакия), св., вмиц. 65,
111, 132, 337
Некрасов Игнат, атаман 286
Некрасов Н. А. 365
Неманичи, серб. династия 134
Немирович-Данченко Василий
Иванович 256, 272, 275, 294,
297, 299, 301, 303, 306, 310–
311, 313, 315–318, 320, 378
Немчич Антун 173
Ненадович Матей 191
Неофит Бозвели 198
Неофит Рильский 196, 198
Непокойчицкий А. А. 243
Несторий, еретик 86
Нестор-летописец 137
Никифор I, визант. имп. 30, 56–
57
Никифор, рус. воевода 75
Никодим Тисменский, игумен
66
Никодим, серб. архиеп. 137–138
Никола (Новый) Софийский,
болг. св., мч. 104–112, 124–
125, 193
Никола, св. — см. Николай Мир-
ликийский 103, 114
Николай I, рос. имп. 215–216,
218
Николай II, рос. имп. 408
Николай Николаевич, Вел. кн.,
брат имп. Александра II 244
Николас Софианос, греч. писат.
116

Никон Иерусалимец 138
Нифонт II, патр. Константиноп.
105
Новак Давид 181
Новосельский М.П. 239–240,
316–317
Нума Помпилий 190

О

Обер Шарль 417
Обрадович Досифей 187–190
Обручев Н. Н., ген.-лейт. 243
Овидий Назон Публий 151, 162,
169
Огнянович Константин 197
Окрейц С. С., рус. писат. 310
Олег, рус. кн. 248
Ольга, рус. кн., св., равноап. 124
Омуртаг, болг. хан 56
Онуфрий Габровский, св., мч.
113
Орбини Мавро 160, 195, 249
Орлов А. Ф., граф 234
Орфей 150, 158
Орфелин Захария 187

П

Павел, ап., св. 89, 164
Павлов, рус. военачальник 376
Павлович Христаки 196
Павурджиев (Поварджиев) Вы-
лко, болг. торговец 259, 302
Пагловец Франц Миха 176
Пазвант-оглу, тур. паша 204
Паисий Хилендарский, св., пи-
сат. 194, 209, 249, 353
Паисий Яневец, серб. патр. 185
Палаузов Христо 354
Пален, рус. ген. 222
Палеологи, династия 59
Палладий, еп., христ. писат. 14

- Палладио Фоско 146
 Палмотич Юние 159
 Панкратий Тавроменийский, св., мч. 18
 Пантелеймон, св., вмч. 120
 Паппинни Джованни, итал. журналист 403
 Параскева (Петка) Пятница, св., см. Петка (Эпиватская)
 Парвус Александр 410
 Паренсов Петр Дмитриевич, рус. ген. 239–240, 243
 Парменид 20
 Парфений Пелопонесский, греч. писат. 119
 Парфений, мон. 257, 307, 319
 Парфений, епископ, христ. мч. 48
 Пасквалич Людовик 147
 Пафнутий, св. 150
 Пахомий мон., болг. книжник 53, 99
 Пахомий Серб (Логофет) 183
 Пейо, пресвитер, болг. агиограф 105–112, 125, 193
 Пелегринович Микша 148–149
 Пенев Боян, болг. учен. 6
 Пенев, болг. капитан 381
 Пепеляев В. Н. 436
 Персин, мичман 242
 Петка (Эпиватская) Тырновская, св. 48–49, 58, 63, 67, 77, 96, 116, 120, 130, 132, 139
 Петканова-Тотева Донка, болг. учен. 205–206
 Петкович Константин 354
 Петр I, рус. царь, имп. 163, 249
 Петр Делян, болг. феодал, предводитель антивизант. восст. 43
 Петр, дьякон, христ. писат. 15
 Петр, св., митроп. Московский 72–75, 132
 Петр, ап., св. 63, 89, 154
 Петр, болг. свящ., книжник 121, 193
 Петр, болг. феодал 43
 Петр, св., болг. царь, писат. 14, 29, 33, 42–43, 64
 Петрарка Франческо 58, 146, 148, 155
 Пешаков Георгий 198
 Пиккио Риккардо, итал. учен. 24
 Пилсудский, пол. маршал 429
 Пирон, болг. еретик 86
 Платон 20
 Поварджиев (Павурджиев) Вылко, болг. торговец 259, 302
 Подвойский Н. И. 409, 422
 Полонский Яков Петрович, рус. поэт 252, 288
 Полунин 417
 Помпор Иван, наводчик 241
 Понятовский Станислав, пол. кор. 430
 Попов Ваня 402
 Попов Иван, болг. реж. 363
 Попов Миша 402
 Попов Штилян, болг. акт. 363
 Попов, болг. капитан 381
 Попов, рус. адм. 241
 Попова Вера 402
 Попова Ирина, рабочая 402
 Попова Катя 402
 Попова Ксения 402
 Попович Георгий, печатник 203, 210
 Попович Димитр 210
 Попович Константин, печатник 203
 Попович Михаил, печатник 203
 Попович Райно, болг. просвет. 196
 Поппетров Н., болг. историк 396

- Попрадев Георгий 312
Попский Димитр 198
Посилович Павел 191
Потемкин Таврический, рус. кн.
305
Похлин Марко 177
Прибоевич Винко 152
Примович Паское 156
Прохор Пшинский, св. 50
Псевдо-Дионисий Ареопагит 71,
136
Псевдо-Каллисфен 57
- Птолемей II Филадельф, египет.
царь 31, 85
Пуич Солтанович Вице 159
Пушкин Александр Сергеевич
250–252, 256–257, 306, 319,
358–359, 365
Пыпин Александр Николаевич
256–257, 319
- Р**
Равникар Матевж 181
Радевский Христо, болг. поэт
364
Радек (Собельсон) Карл 403, 409
Радославов А., болг. худ. 391
Раду VII Паисий Калугер, валаш.
воевода 110
Раич Йован 187–188, 195
Раковский Георгий, болг. писат.
358, 360–361
Раньина Динко 155
Раньина Никша 147
Растко, см. Савва I, св., архиеп.
Серб.
Ратткай Юрай 161
Редигер А. Ф., рус. ген. 316
Релькович Матия Антун 166–
167
- Решид-паша 221–222
Риббентроп Иоахим 425
Ридигер, рус. ген. 222
Риккардо Давид 410
Рихтер Йозеф 160
Родионов, рус. полк. 244
Рожалия, св. 167
Роман Сладкопевец, св., христ.
поэт 13, 25
Романов В. А., рус. артиллерист
241
Ромил Бдинский (Видинский),
св. 59
Рот, рус. ген. 217, 221–222
Ротенберг 411
Рудзевич, рус. ген. 216, 234
Рус, миф. персонаж 152, 160
Руссо Жан Жак 188
Руфь, ветхозав. персонаж 13
Рыбыленко, рус. хорунжий 383–
384
Рыков Александр Иванович, сов.
гос. деятель 401
Рымкевич Ярослав 432
- С**
Савва I, св., перв. серб, архиеп.
(Савва Сербский) 72, 134–135,
185
Савва Освященный, св., игумен,
создатель Иерусалимского
мон. устава 19, 128
Савва, дечанский иеромон. 184
Савов Стефан, болг. акт. 363
Садиналу Ахмед, тур. разбойник
340
Салтус Эдгар 410
Самойлов С. И., артиллерист 241
Самуил, болг. царь 57
Самуил, ветхозав. прор., св. 81
Саннадзаро Якопо 149

- Сарафов Борис, болг. акт. 363
 Сарафов Крыстё, болг. акт. 363
 Сарра, библиографический персонаж 307
 Сахарин 410
 Светокрижский Янез (Тобия Лионелли) 175
 Святослав, рус. кн. 248
 Севериан Гевальский, визант. писат. 20, 54
 Селим I, тур. султ. 104
 Селим II, тур. султ. 121
 Семашко Н. А. 409
 Семенов, атаман 428
 Сергиевский И. Л., рус. протоиерей 263
 Сергей Радонежский, св. 74
 Сергей, патр., христ. гимнограф 13
 Сивилла, прорицательница 130
 Сигизмунд III, пол. кор. 78, 426–427, 430
 Силуан, мон. 137
 Симанский, рус. ген. 377
 Симеон Метафраст, визант. писат. 39, 56, 60, 131
 Симеон Новый Богослов 56
 Симеон, болг. кн., перв. слав. царь 11, 13–14, 29, 31–32, 35, 40, 43, 56–57, 94, 122–123
 Симеон, мон., болг. книжник 55
 Симеон, св. — см. Стефан Неманя 72, 85
 Скалич Павел 155
 Склианский Э. М. 409, 422
 Скобелев Михаил Дмитриевич, рус. ген. 346
 Славейков Пенчо Петков, болг. поэт 353, 355
 Славейков Петко Рачев, болг. поэт 353–356, 358
 Смедеревский проповедник, анонимный серб. автор 139
 Смидович Софья Николаевна 407, 418
 Смилга И. Т. 409, 422
 Собеский Ян (Ян III Собеский), пол. кор. 163, 470
 Созомен, церк. историк 15
 Соколович Мехмед 153, 184
 Сокольников (Бриллиант) Г. Я., сов. гос. деятель 409, 422
 Солженицын Александр Исаевич 419
 Соллогуб Владимир Александрович, рус. писат. 25, 80, 259, 264, 319
 Соловьев Сергей 401
 Соломон, ветхозав. персонаж 81
 Солон 147
 Солтанович Вице Пуцич 159
 София, св. 39, 107
 Софокл 156
 Софроний Врачанский, болг. еп., писат. 195, 197, 201–202
 Софроний, патр. Иерусалимский 13
 Софронов, болг. капитан 381
 Спиридов А. М. 300–301, 316, 318, 323
 Спиридон, иеромон. 195
 Срацимир, царевич, сын болг. царя Ивана Александра 55
 Сребров Г. 364
 Сталин 365, 411, 429
 Станич Валентин 181
 Степан Дабиша, босн. кор. 143
 Степан Томишевич, босн. кор. 153
 Стефан (св. Симеон) Неманя, вел. жупан серб. 134–135, 137
 Стефан Бранкович, св., серб. деспот 183
 Стефан Дечанский, св., серб. деспот 77, 99, 111, 132, 137, 185

- Стефан Душан, св., серб. кор., царь 52, 101, 135, 137
Стефан Лазаревич, св., серб. деспот 91, 93, 132, 138
Стефан Охридский, мон. 202
Стефан Первовенчаный, серб. кор. 134, 137, 185
Стефан первомч. 108
Стефан Фивейский 15
Стефан Штилянович, серб. кн. 185
Стефан Якшич Старший 185
Стефан Якшич, воевода 183
Стефан, софийск. христ. 109–110
Стойкович Атанасие (Афанасий) 190
Стойчева Теодорина, болг. акт. 363
Столетов Николай Григорьевич, рус. ген. 332
Столыпин Аркадий 346
Столыпин Петр Аркадьевич 410
Страшимиров Антон, болг. писат. 380, 385–386
Суворин Александр Сергеевич 301
Суворов Александр Васильевич 202, 215, 305
Сулейман II, тур. султ. 153
Сулейман-паша 317, 336
Сухтелен, рус. ген. 218
Сыровы, чеш. ген. 437
Сюлейман-паша 343
- Т**
Талаут-бей 410
Тамерлан 146
Танев, болг. капитан 381
Танеев Тачо, болг. акт. 363
Таслаков, болг. капитан 381
Таслаков, болг. подполк. 377
Тассо Торквато 156–157, 162
Теодоров-Балан Александр, болг. учен. 205
Тепляков Виктор Григорьевич, рус. поэт 254, 262
Тефик-бей 343
Тибулл Альбий 169
Тихон, архиеп. Воронежский 412
Толмачев, болг. милиционер 334
Толстой Лев Николаевич 404
Толстой Никита Ильич 23
Томашевич Степан, босн. кор. 153
Тошев Стефан, болг. ген.-лейт. 375, 382
Траудцшен 199
Трефолев Л. Н., рус. поэт 274
Трлаич Глигорие (Герлаич Григорий), серб. писат. 146
Троцкий Лев (Бронштейн Давид) 403, 410
Трубар Примож 155, 173
Туберон Людовик Церва 152–153
Тудор Доксов, болг. книжник 13, 127
Тургенев Иван Сергеевич 252, 288, 365, 404
Тышкевичи, род пол. панов 427
Тютчев Федор Иванович 304
- У**
Угleshа Деспотович, серб. деспот 137
Угleshа, серб. деспот 52, 192, 137
Урош I, серб. кор. 102
Урош IV — см. Стефан Душан
Урош V, серб. царь 185
Успенский Глеб 260
Ушаков Федор, рус. адм., св. 218

Ф

Фалес 20
 Фекла, св. 140
 Фенелон Франсуа 199
 Феодор Куфара 57
 Феодор Стратилат, вмч. 114, 118.
 Феодор Студит, св., христ. писат.
 13, 25, 219
 Феодор, игумен Симоновского
 мон-ря 74
 Феодора, супруга болг. царя
 Ивана Александра 55
 Феодорит Киррский, еп., христ.
 писат. 15, 23, 93, 132
 Феодосий Тырновский, св., от-
 шельник, исихаст 53, 59, 61,
 70, 84
 Феодосий Хиландарец 135
 Феодосий, мон., книгоиздатель
 187
 Феодосий, рус. инок 137
 Феотокос Никифор 205–206
 Феофан, один из обнов. Риль-
 ского мон-ря 97–98
 Феофана, виз. имп. 66
 Феофилакт Охридский, архиеп.,
 визант. писат. 26, 38–39, 44, 129
 Феррапонг, св. 241
 Фердинанд I Кобург, болг. царь
 389, 390
 Ферич Джууро 169
 Фетваджиев Н., болг. скульптор
 391
 Филаретов Савва Вылчев, болг.
 просвет. 313
 Филастре, кардинал 90
 Филипп II, отец Александра Ма-
 кедонского 228
 Филипп Станиславов, болг. като-
 лический еп., проповедник 114
 Филипп, поп, болг. книжник 54
 Филофей Коккин, патр. Конс-
 тантиноп. 53, 70–71

Филофея, св. (Тёмникская) 50,
 53, 63, 67–68, 99, 132
 Фирас, миф. персонаж 152
 Фолкмер Леопольд 181
 Фома Сплитский, архидиакон,
 хронист 146, 161
 Фоско Палладио 146
 Фотий, митроп. Моск. 79, 90
 Фотий, патр., христ. гимнограф
 13
 Фотинов Константин, болг. про-
 свет. 196
 Франкопан Фран Крсто 162
 Франс Анатолий 410
 Фролов, казачий есаул 384
 Фудул (Феодосий), визант. ере-
 тик 63, 86

Х

Хабделич Юрай 165
 Халил-паша 220
 Харизанов Иван 312
 Хвал, свящ. 143
 Хеваи Ускофи 191–192
 Херасков Михаил Матвеевич 190
 Хиджи Джууро 169
 Хилми-паша 376
 Хомяков Алексей Степанович
 304, 401
 Хрвой Вукчич Хорватинец, гер-
 цог 141, 145
 Хрелё, болг. феодал, ктигор
 Рильского мон-ря 59
 Хрен Томаж 174
 Христов, болг. подполк. 377
 Христос, см. Иисус Христос
 Христодул, болг. книжник 32
 Хюсеин-паша 214, 243

Ц

Цамблак Григорий, митроп. Ки-
 евский, см.: Григорий Цамблак

Цанев Петр Дюлгерин, болг. милиционер 341
Цанева Милена, болг. учен. 388
Цанков Александр, болг. гос. деятель 396–397, 399
Цанков Асен 417
Цеко, болг. воевода 314
Цойс Сигизмунд 179–180
Цриевиц Илия (Элий Цервин) 146

Ч

Чандек Янез 174
Чарноевич Джурдже, властитель зетский 184
Челаковский Франтишек Ладислав 169
Черкасский Владимир Александрович 349
Черноризец Храбр, болг. писат. 32, 54, 93, 120, 128
Чернышевский Н. Г. 366
Чех, миф. персонаж 152, 160
Чинтулов Добри 198
Чобан Хасан 340, 344–345
Чуйкевич, рус. майор 301

Ш

Шафарик Павел Йосеф 196
Шаховской Семен, рус. кн. 428
Шекспир Уильям 180
Шёнблен Янез Людвиг 175–177
Шестаков, рус. лейт. 242
Шижгорич Юрай 147
Шиллер 359
Шифф Якоб 410
Шишманов Иван, болг. учен. 307, 355
Шишманова Н. Д. 307
Шмидт Криштоф 181
Шмидт Христофор 199
Шпорер Юрай 169

Штилянович Стефан 185
Шуйский Василий, рус. царь 430
Шумнулу Эрибакан 340

Э

Эдлинг Янез Непомук 178
Эзоп 57, 131
Энравота, христ. мч. 40
Энсгольм, рус. ген. 228–230

Ю

Юденич, рус. ген. 404
Юдифь, ветхозав. персонаж 147, 164
Южаков Е. П., рус. писат. 258–259, 262, 265–266, 269, 271, 279, 307–308, 316, 318, 322
Юлий Африкан, античный хронист 19
Юлий Цезарь 19, 154
Юстиниан I, визант. имп. 19
Юсуф Хаджи 191
Юсуф-паша 218–219

Я

Ягода Генрих 411
Яклин Михаел 181
Яков, болг. еп. из Крупника 97
Яков, пловдивский протопоп 97
Якшич Дмитрий 183
Якшич Стефан 183
Якшичи, серб. род 183–185
Ямантлиев Х., болг. архитектор 391
Янакиев, болг. капитан 381
Янев Симеон, болг. писат. 401
Яновец Паисий, патр. Серб. 185
Япель Юрий 179
Ярник Урбан 182
Ярослав Мудрый, рус. кн. 248

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Австрийская монархия 177
Австрия 125, 162, 169, 180, 187–188, 196, 200, 204, 214, 229, 301, 351, 397, 425
Австро-Венгрия 333, 374, 389–390, 398, 428, 434–435
Ада, дунайский остров 243
Адрианополи (Эдирне) 162, 215–216, 222, 226, 229, 233–234, 236–237, 243, 246, 321
Адрианополиская область 335
Адриатическое море 50, 56, 329, 339
Азербайджан 414, 432
Азия 52, 229, 412, 430
Айтос (Айдос), болг. город 221, 227, 230, 232–233, 235
Айтосский округ 340
Аккерман (Белгород днестровский) 76
Албания 230
Альпы 227, 290
Америка 410, 413
Аморея Памфилийская 68
Анапа 218, 220
Анатолия 221
Анастасское озеро 230
Англия 204, 221, 279, 333, 402, 410, 412–413
Анкара 136
Анхиало, болг. город 220–221, 230–231, 235
Аравия 304
Аргентина 397
Архангельск 403
Астрахань 223
Афон (Святая Гора) 11–12, 50, 53, 59, 61, 66, 70, 76, 79, 84, 105, 112, 120, 124, 131–132, 134, 136–137, 185, 193, 195, 257, 307, 360, 363
Африка 335, 412, 435
Ахтополос 230

Б

Бавария 143
Баглар-Бурну, мыс 230
Баладжа (Стожер), болг. село 379
Балканский полуостров 127, 133, 143, 228
Балканский хребет 215, 256
Балканы 6, 16, 37, 52, 57, 94–95, 104, 112, 114, 121–122, 126, 130, 139, 160, 167, 170, 193, 196, 207, 214–216, 222, 224, 226, 228–229, 231, 233, 239, 250, 272, 280, 287, 316, 336, 340, 372–373
Балчик, болг. черноморский город 226, 375, 379, 391
Банско, болг. город 343
Баня, болг. село 343
Барбош, городок в Румынии 241
Бачковский мон-рь, в Болгарии 88, 90
Башкирия 402
Бдин (Видин), болг. дунайский город 52, 54, 67–68, 77–78, 95, 139, 245
Бей, рум. местечко 344
Белая Церковь, укр. город 434
Белград 91, 121, 183–184, 189, 194, 210
Белово, болг. село 344–345
Белоруссия 425, 429
Бельгия 279
Берлин 333, 347, 372–373, 382
Бессарабия 231, 414–415, 418
Ближний Восток 16, 24, 30
Бобошево, болг. село 334
Болгария 6–7, 11, 10–20, 22–23, 26, 28–29, 34, 36–37, 39, 43–45, 51–52, 70, 72, 76–77, 82–83, 85, 88–89, 94–97, 110, 115–116, 120, 122–124, 127, 130–132, 143, 145, 187, 192, 196, 202, 214–216, 226, 228,

- 231, 234, 242, 246, 248–251, 253–257, 261, 271, 278–281, 284–285, 287–289, 297, 336, 355, 358–359, 363–368, 372–375, 380–382, 389–390, 395–398, 400, 416
- Болград, город в Бессарабии 415–416
- Болонья 155
- Большие Балканы 227
- Борисоглебск 402
- Боровец, болг. село 334
- Босния 139, 141–142, 183, 191
- Босфор 214, 234, 303–304
- Бояна, болг. село 43
- Браила, рум. город 215, 239, 241, 245
- Брашов, рум. город 204
- Брегальница, река 50
- Брезник 334
- Брест-Литовск 390
- Бруса 78
- Буда 153, 186, 189
- Будапешт 374
- Булатовка, болг. село 414
- Бураново, село 334
- Бургас 215, 221, 230, 233, 235, 363, 373
- Буржиреску, остров на Дунае 243–244
- Бухарест 196, 203–205, 210, 300–301, 316, 332, 339
- Буховский мон-рь, в Софийской околии 103, 192
- Бяла, болг. село, город 258, 288
- В**
- Вавилон 411
- Ваксово, болг. село 344
- Валахия 70, 110, 113, 115, 123, 194, 204, 214–215, 234, 301, 304, 319, 338
- Вараждин, хорв. город 163, 166
- Вардим 246
- Варна 158, 215–216, 218–219, 221–222, 224, 232, 234, 242, 310, 316, 321, 334, 344, 363, 373, 375, 378, 398
- Варшава 158, 416, 429
- Ватропен, пещера 49
- Великая Моравия 10, 13, 35–36, 39, 122, 127
- Великий Сибирский путь 435, 437
- Великий Табор 161
- Вельбужд 51
- Вена 162, 167, 169–172, 180, 189
- Венгрия 142, 145, 162, 167, 183, 200, 301
- Венецианская республика 121, 145
- Венеция 114, 145–146, 148–149, 151, 154–157, 164–165, 168, 187, 191, 194, 199
- Видин (см. Бдин)
- Видинское царство 69
- Византия 12, 17, 24, 35–37, 48–49, 52–53, 58–59, 70, 78, 115, 122, 128–129, 133, 282
- Вильно 119
- Виттенберг 174
- Витоша, гора близ Софии 41, 43, 220
- Владивосток 320, 435
- Владимирская обл. 426
- Влайна, высота 344
- Влахи, болг. село 342
- Водина (Эдесса), гор. 280
- Водица, мон-рь в Румынии 66
- Воеводина, серб. обл. 188–190
- Военная Граница, обл. на границе с Венгрией 166, 169, 200
- Волга 436
- Вологда 426
- Волынская губерния 428, 434
- Восток 271, 432
- Восточная Болгария 254
- Восточная Европа 432
- Восточная Римская империя 126
- Восточная Румелия 333
- Восточная Фракия 333
- Врбас 142
- Вршац, город в Воеводине 178
- Второе Болгарское царство 45, 61, 66, 93, 130, 132

Вуковар 187

Вырбица, болг. село 341

Вятка 436

Г

Габрово, болг. город 196, 316–317

Габсбургская империя 166

Галац, рум. город 215, 239, 245, 379

Галифакс 410

Галиция 70, 384, 428

Галле 188

Ганчево, болг. село 340

Гёкче дюлюк (Бдинцы), болг. село 391

Геленджик (Победа), болг. село 377, 392

Генерал-Тошево, болг. село 392

Генерал-Колево (Чаир Харма), болг. село 392

Генуэзский залив 226

Герловска долина, в Добрудже 341

Герман (Джерман), река 98

Германия 70, 145, 155, 168, 174, 188, 196, 200, 279, 333, 364, 374, 389–390, 398, 401, 413–414, 417, 434

Герцеговина 141, 183

Гиген, болг. село 313

Голенищево, подмосковное село (ныне в границах Москвы) 71

Гоямо Чамурлий (Смолница), болг. село 377

Горадж 184

Горна Митрополия 121

Горна Оряховица, болг. село 336

Грабово 343

Грац 170, 182

Грачаница, мон-рь 184

Греция 115–116, 188, 196, 200, 232, 234, 333, 337–338, 411

Гробницкое поле, место битвы в Хорватии 172

Грузия 414, 432

Гюргево, рум. город на Дунае 245, 332

Д

Далмация 138, 145–146, 149, 152, 154, 160–161, 163, 166, 168–169, 176, 188, 199

Далматинская Хорватия 160

Дальний Восток 438

Данжены, рум. местечко 379

Дарданеллы, черноморский пролив 52, 214, 234

Девинска могила, холм в Добрудже 377, 391

Девня, река в Северной Болгарии 218

Дели-Орман, болг. город 340

Дечанский мон-рь, в Сербии 77, 132

Джумая, болг. город 343

Добрич, болг. город 350, 375, 377, 379, 385–386, 389

Добруджа, обл. в Северо-Восточной Болгарии 226, 323, 335, 372, 375, 378, 380–382, 387, 389

Долина Роз, в Болгарии 290, 292

Долно Драгалиште, болг. село 343

Домбио 429

Доспатлу, болг. село 341

Драгалевский мон-рь, в Софийской околии 103, 192

Драгалевцы, болг. село близ Витоши 19

Драгден, болг. село 334

Драгоево, болг. село 315

Драма, греч. город 373

Драч (Дурас), албанский город 56

Дрезден 166

Дрина, река 142

Дряново, болг. село, город 306, 336, 348

Дубовка, деревня 434

Дубровник 145, 148, 150, 155–159, 164, 199

Дубровницкое архиепископство 142

Дулмени, болг. село в Бессарабии 414

Дунай 30, 40, 56, 78, 201, 214–217, 221, 228, 238–244, 246, 280, 282, 301, 305, 312, 321, 326, 333, 335, 349, 375–376, 378–379
Дунайские княжества 222, 300, 316
Дупница, болг. город 344

Е
Евгеница, болг. село в Бессарабии 414
Европа 58, 69, 163, 196, 229, 258, 270–271, 281, 292, 337, 347, 356, 397, 416, 428, 430–431
Египет 15, 409
Ежово, село в Македонии 58, 97
Екатеринбург 405, 436

Ж
Житомир 434

З
Загорье, забалканская обл. Болгарии 6, 91, 139, 272
Загреб 155, 163, 165–167, 171–172
Задар, хорв. город 145, 149, 154, 157, 164, 167
Запад 348, 433
Западная Болгария 28, 37, 44
Западная Европа 58, 187, 279, 425
Западная Македония 342
Западная Римская империя 126
Западная Украина 429
Западная Фракия 373
Западное Болгарское царство 57
Западный Восток 30
Запорожская Сечь 357
Збров 434
Земенский мон-рь 59
Зета (Черногория) 183
Зима, жд. станция в Сибири 437
Зимница, рум. город близ Дуная 243, 245–246, 296
Златарица, речка 290
Зографский мон-рь, на Афоне 11, 47, 61, 84, 120, 131

И
Иванково, деревня 434
Иваново-Вознесенская губерния 407
Иверон, афон. груз. мон-рь 12
Иерусалим 43, 69, 412
Изборск 426
Измаил 215
Илиенский мон-рь, в Софийской околии 103, 193, 192
Иллирик (Иллирия) 44, 86, 147, 153, 163, 165, 169
Имитли, болг. село 322
Иркутск 437
Исакчи, рум. город 241, 245
Искыр, река в Болгарии 322
Испания 411
Истрия 154, 166
Италия 115, 145–146, 153, 155, 162, 174, 188, 199–200, 227, 413

К
Кавала, греч. порт на Эгейском море 373
Каварна, болг. черноморский город 223, 375, 379, 391
Кавказ 214, 432
Казанлык, болг. город 49, 292, 321, 347
Казань 436–437
Казахстан 425
Калараш, рум. город 379
Калофер, болг. город 307
Камчи-бой 340
Каппадокия 51
Каракурт (Приморцы), болг. село 392
Караборун, болг. село 340
Караесен, болг. село 312
Каранлар, болг. село 341
Карантация, область в Словении 143
Каргополь, город на Русском Севере 426
Каринтия, область в Словении 180
Карлово, болг. город 196

Карловская околия 343
 Карнобат, болг. город 215, 230, 235
 Карпаты 76
 Катынь 425, 430, 439
 Кидония 196
 Киев 75, 79, 88, 90, 119, 188, 198, 322, 354, 412, 429, 434
 Киевская обл. 403
 Киевская Русь 79, 472
 Кизилпириг, болг. село 340
 Килифаревский мон-рь, близ Тырнова 53–54, 61, 70
 Килия 251
 Кипр 15, 121
 Кирилло-Белозерский мон-рь 426
 Китай 411, 413
 Кишинев 198, 238, 322, 354
 Княжество Болгария 33, 336, 340, 344
 Ковил, мон-рь 188
 Козлуджа, рум. черноморский порт 218
 Кокалянский мон-рь, в Софийской околии 103, 192
 Комрат, город в Бессарабии 415
 Константинополь 12, 28, 37–38, 43, 52, 57–59, 61, 67, 70–71, 75, 83–85, 88, 93, 101, 111, 126–127, 133, 143, 158, 163, 183, 188, 193, 196, 214–215, 220–221, 225, 229, 239, 246, 248, 257, 282, 301, 306, 373
 Констанц, город в Германии 89
 Констанца, рум. черноморский порт 375
 Корчул, остров в Адриатическом море 149
 Косово поле, место битвы между турками и сербами 52, 97, 136, 138, 143
 Костенец, болг. село 90
 Кострома 426
 Котел, болг. город 196
 Котельня, рус. деревня 434
 Котор, черногор. порт 147

Крагуевац, серб. город 196
 Крайна, обл. в Словении 176, 182
 Крайова, рум. город 204
 Крань, словен. город 175
 Кратово, макед. город 105
 Крбавское поле, место битвы хорватов и турок 141
 Кресна, макед. город 342–343
 Кронштадт 240
 Крупник, болг. город 97, 343
 Крушедол 184
 Крым 287, 432
 Куванджиляри, болг. село 342
 Кукуш, болг. село, город 323
 Кула, болг. город 387
 Кулевча, болг. село 216, 222, 225
 Курская губерния 324
 Кюстенджа, рум. порт 223
 Кюстендил, болг. город 223, 333, 344

Л

Лейпциг 188, 197
 Лемнос, греч. остров 61, 84
 Лесновский мон-рь 54
 Лешок, болг. село 121
 Ливадия, местность в Крыму 410
 Лисия, болг. село 334, 344
 Литва 70, 75, 78–79, 123, 428
 Ловеч, болг. город 53, 91, 102, 185
 Ловечский округ 317
 Лозанна 417
 Лом-Паланка, болг. село 313
 Лондон 188, 409
 Лопушна, болг. село 340, 344
 Луцк 375
 Люблина 173–178, 180, 182
 Лясковецкий мон-рь 119
 Лясковец, болг. город 336

М

Малая Азия 70, 88, 280, 335
 Македония 29, 88, 104, 112, 130, 280, 333, 336, 351, 373, 389
 Малые Балканы 232
 Мальга 164
 Мамаевка, рус. деревня 434

Мангалия 223
Марица, река 52, 91, 102, 185
Мачин, рум. город 241
Мекиш, болг. село 312
Мелник, болг. город 343
Мелникская околия 343
Месемврия, болг. черноморский город 227–228, 232, 235
Мехомия, местечко около г. Разграда 342
Мехул, болг. село 343
Мечикчилер, болг. село 341
Мизия, историческая обл. на Балканах 104
Милешево, мон-рь, серб. село 184
Минск 402
Мирково, болг. село 121, 193
Млет, остров 164
Молдавия 70, 76, 83, 88–89, 123, 132, 214, 234, 301, 338, 383, 432
Моливот 68
Молмезон, рум. местечко 379
Морава, река 55
Моравия 29, 44, 333
Морея 131, 183
Москва 70, 73, 75, 79–80, 89, 119, 149, 198, 203, 205, 249, 253, 263, 322, 349, 354, 398, 403, 407–409, 412–413, 426
Московская губерния 405
Московское государство 112, 185
Мохач 121, 194
Мунтрис-гёль, озеро 230
Мыглен, макед. город 72

Н
Наварино 221
Несебр, болг. черноморский город 55
Нижегородская обл. 426
Нижняя Паннония 133
Николаев 198, 240
Николо-Корельский мон-рь на Русском Севере 205
Никополь, бог. город на Дунае 78, 98, 205, 215, 313

Ниш, серб. город 121, 194
Новгород 70
Нови-Сад, серб. город, центр Воеводины 187, 189–190, 210
Ново Брдо, серб. город 183
Ново Место, словен. город 175
Ново село, болг. село 342
Новороссийский край 280
Новочеркасск 402
Нью-Йорк 410
Нямецкий мон-рь, в Молдавии 76

О
Овчаро-Кабларское ущелье, в Сербии 184
Одесса 196, 198, 210, 218, 221, 231, 322, 354, 435
Одесская обл. 403, 414
Окоп, местность в Болгарии 49
Оловинная, жд. станция в Сибире 437
Олонец 426
Олтеница, рум. город 245
Омск 436
Онгыл, болг. историческая область 56
Онон, река 438
Ораново, болг. село 343
Орловская губерния 324
Орлица, подворье Рильского мон-ря 98
Осиек, хорв. город 167
Осман-Пазар, болг. город 341
Османская империя 103–104, 121, 145, 194, 197, 216, 219, 234, 248–249, 309, 335, 344
Осташков 425
Островица 183
Охрид 12, 24, 29, 37–38, 220, 280
Охридское архиепископство 39, 44, 56
Охридское озеро 29
Ошава, болг. село 342

П
Падарлык, болг. село 341
Пазарджик, болг. город 231, 321, 344, 347

- Палестина 93, 134, 212, 412
 Паннония 122, 152, 167
 Парагвай 411
 Париж 410
 Парория, пограничная болгарско-византийская местность 84
 Паскалево, болг. село 59, 376–377
 Пезар, город в Италии 160
 Пенза 435
 Пенковцы, болг. село 105
 Первое Болгарское царство 10, 18, 35–36, 57, 128
 Переяславль 426
 Пермь 403, 436
 Перник 41
 Персенлик, болг. село 341
 Персия 214
 Петербург 287
 Петреш, болг. село 312
 Петроград 404
 Печора 426
 Пешт, венг. город 167, 170, 186, 189–190
 Пиридж, болг. село 340
 Пирот, серб. город 121, 194
 Планиница, высота в Македонии 343
 Плевна (Плевен) 121, 246, 295, 312–313, 363, 378, 387
 Плевненский округ 316
 Плиска, древняя болг. столица 11–12, 56
 Пловдив (Филиппополь, Филибе) 52, 229, 240, 280, 314, 322, 332, 347, 363
 Пловдивская околия 90
 Плочник 52
 Поволжье 437–438
 Подольская губерния 428
 Подунавье 55, 239
 Полковник-Минково, болг. село 392
 Полковник-Савово, болг. село 392
 Полковник-Чолаково, болг. село 392
 Полтавская губерния 434
 Польша 7, 19, 158, 183, 413, 425, 428–433, 435, 439
 Поморие, болг. черноморский город 55
 Потука (Стара Загора), болг. город 49, 130
 Праводы (Провадия), болг. город 215, 221, 340
 Прага 7, 433
 Прекмурье, местность в Словении 181
 Преображенский мон-рь, в Болгарии 119
 Преслав, древняя болг. столица 11–12, 20, 24, 31, 44, 57, 127, 341
 Придунавье 261
 Придунайские княжества 280
 Причерноморье 52
 Провадия (Праводы), болг. город 215, 221, 340
 Провадийский округ 340
 Пруссия 169, 425
 Псков 70, 426–427
 Пулава 429
Р
 Раб, хорв. остров 156
 Раваница, мон-рь 138
 Равна, болг. село 11
 Рагуза, город в Далмации 146
 Разград, болг. город 215, 321, 342
 Разлог, болг. город 342
 Раифский мон-рь 17
 Рача, серб. мон-рь 184
 Рахов, балканский город 245, 313
 Ревель (Таллин) 223
 Реджеб-Мехле, болг. село 344–345
 Рени, рум. город 241
 Риска, хорв. порт 154
 Рила, гора 102
 Рильский мон-рь 54, 59. 96–100, 119, 139, 192
 Рильская пустынь 41

- Рим 15, 24, 30, 36, 43, 114, 120, 122, 126–127, 133, 139, 146, 159–161, 164, 194, 239
- Римская империя 143, 151
- Рогос, греч. город 139
- Росита (Росица), река 98
- Россия 71, 79, 120, 169, 185–187, 189–190, 196, 200, 203–204, 209, 214, 219, 229, 234, 238, 240, 248, 250, 255, 270, 301, 307, 309, 315, 322–324, 335, 350–351, 354, 358–359, 363, 366–367, 373–375, 380, 383, 386–387, 395, 400–405, 408–409, 411–413, 418–419, 428–431, 440–441
- Ростов Великий 426
- Руен, гора в Западной Болгарии 41
- Руйно, мон-рь 184
- Румелийское бейлербейство 103, 152
- Румелия 297
- Румыния 78, 196, 200, 203, 238–240, 188, 312, 333–334, 337–338, 351, 372–376, 382, 388
- Русе (Руцук), болг. дунайский город 175, 215, 240, 242, 245, 321–332, 348, 363, 375
- Русский Север 426
- Русь 57, 70–71, 75–76, 80, 82–83, 88–89, 120, 123–125, 135, 183, 185, 205, 248–249, 258
- Рухла, болг. село в Бессарабии 414
- Рымник, рум. город 195, 202–205
- Рязанская губерния 324
- С**
- Савово, болг. село 392
- Салоники 51, 373, 375
- Самарская губерния 403
- Самоков, болг. город 52, 113, 197
- Самок, греч. остров 15
- Санкт-Петербург 187, 203, 234, 249, 279, 322, 349, 354, 381, 430, 436
- Сан-Стефано, село близ Константинополя 246, 373, 375, 381
- Сарматия 153, 160
- Сарукуванлык, болг. село 339
- Св. Анастасия мон-рь 230
- Св. Архангелов мон-рь, на Охридском озере 29
- Св. Афанасия Лавра, на Афоне 84
- Св. Афанасия мон-рь, близ болг. села Лешок 121
- Св. Екатерины мон-рь, на Синае 17
- Св. Иоанна, острова 230
- Св. Константина, мыс 218
- Св. Маманта мон-рь, в Византии 61, 70
- Св. Пантелеймона мон-рь, на Афоне 12, 120
- Св. Троицы мон-рь, близ Тырнова 53, 61, 85
- Св. Ферапонта мон-рь, на Руси 426
- Свиштов, болг. дунайский город 196, 243, 246, 259, 264, 296, 301, 307, 321, 344
- Святая гора 192, 362
- Святая земля 360
- Севастополь 220, 321
- Северная Болгария 50, 335–336, 345–346, 349
- Северная Добруджа 245, 333, 376, 378, 388
- Северная Хорватия 161, 163, 168
- Северный Сахалин 414
- Северо-Восточная Русь 72, 390
- Севлиево, болг. город 317, 336
- Селимно, болг. село 215
- Сент-Андре, город в Венгрии 186
- Сень, город на Адриатике 154
- Сербия 52, 57, 70, 77–78, 89–90, 93, 95–96, 101, 112, 123, 130, 133–136, 139, 200, 234, 295, 301, 333–334, 373, 382, 439
- Сербское княжество 189–190

Сремски-Карловцы, серб. город 186–188
 Серес, город в Македонии 342, 373
 Серет, река 239
 Серлу, болг. село в Бессарабии 414
 Сибирь 403, 435, 437–438
 Сигет, венг. город 153, 256
 Сиена 150
 Силистра (Силистрия, Систов, Дристр, Доростол), болг. дунайский город 145, 215, 217, 224, 242, 321, 334–335, 343, 379–380, 389, 391
 Силистринский санджак 217
 Симбирск 402, 436
 Симитли, болг. село 343
 Симоновский мон-рь, близ Москвы (ныне в границах города) 74
 Синоп 183
 Сирия 15
 Скадарское озеро 138
 Скандинавия 160
 Скифия 153
 Скрино, болг. село в Софийской околии 41
 Славония 161, 165–167, 169, 183, 200
 Сливен, болг. город 227, 292, 347
 Словения 154, 173–176
 Смедерево, серб. город 95, 139, 183
 Смирна, тур. Измир 197
 Смоленск 4, 426–428
 Смядово, болг. село, город 315
 Советский союз (СССР) 395–396, 398–399, 401–402, 406, 408, 413, 416–417, 431
 Созополь (Аполлония), болг. черноморский город 220, 230, 235
 Солин (Салона), хорв. город 151–152
 Соловецкий мон-рь 403
 Соловки 405

Сольвычегодск 426
 Сопочаны, мон-рь 185
 София (Средец) 42–43, 52, 98, 103, 105, 110–112, 129, 192–193, 210, 215, 229, 249, 280, 332, 346, 357, 363, 378, 382, 398–399
 Сплит 145–146, 163
 Средиземное море 280
 СССР (см. Советский союз)
 Стара Загора (Потука), болг. город 49, 52
 Старица, рус. город 426
 Старобельск, город в Восточной Украине 425
 Странджа, горы 59, 229
 Страстной мон-рь, в Москве 408
 Стржалково, польск. город 429
 Струма, река 41, 334, 343
 Струмица (Тивериуполь) 40
 Студеница, серб. мон-рь 134, 184
 Студийский мон-рь, в Константинополе 61, 70, 84
 Супрасльский мон-рь, в Польше 19
 Сучава (Сочава), древняя молд. столица 439, 441
 США 431
 Сячук (Рилцы), болг. село 392

Т
 Тамбов 435
 Татар-Пазарджик, болг. город 229
 Текир-дере, придунайская лощина с речушкой 243
 Текия, болг. село 334, 344
 Тернополь 435
 Тивериадское море 34
 Тигинская околия 415
 Тирасполь 403
 Тисменская обитель, в Румынии 66
 Тишаново, болг. село 344
 Торнео 240
 Трансильвания 301, 304, 374–375

- Триест 173, 188
Трогир. хорв. город 161
Троице-Сергиев мон-рь (Лавра), в России 74, 427
Трын, болг. село, город 334
Трявна, болг. город 336
Тула 387
Тулча, рум. город 245
Тунджа, река в Болгарии 292
Тузлу-Алан 341
Туркестан 403
Туркойя, озеро 383
Турция 158, 188, 214, 220, 234, 238, 281, 304, 333–334, 337, 373, 376–377, 389, 409
Тутракан, болг. город 245, 342, 379–380, 389, 391
Тухоля, чаща в Западной Белоруссии 429–430
Тыреть 437
Тырново, бывшая болг. столица 48, 50, 66, 68–71, 76–77, 81, 83, 86, 96–97, 99–100, 121, 130, 132, 192, 230, 281, 291–293, 296, 301, 336, 367
Тырновская обл. 269
Тырновское царство 69
Тюбинген 154, 173
- у**
Ужице 184
Украина 78, 89, 123, 132, 414, 425, 428–431, 435
Урал 405, 414, 435
Урах, нем. город 154
Уругвай 411
- Ф**
Фавор, гора 59
Факи, болг. село 215
Ферапонтов мон-рь, близ Исакчи 241
Фессалия, истор. обл. в Греции 280
Фессалоники (Салоники) 19, 37, 66, 196
Филиппополь (Филибе, Пловдив), болг. город 228–229, 240, 280
- Флоренция 152, 155
Форос, бургасская бухта 230
Фракия 90, 104, 228–229, 280, 333, 336, 351, 376
Франкское государство 143
Франция 168, 188, 221, 280, 333, 410, 413, 435
Фрейзинген 143
Фролеш, болг. село 334, 344
Фрушка гора 184
- Х**
Халкидический полуостров, в Северной Греции 11
Харбин, город в Китае 438
Харьков 198
Харьковская обл. 403
Хвар, остров в Адриатике 145, 148, 152
Хилендарский (Хиландарский) мон-рь, на Афоне 12, 61, 120, 134–135, 138, 184, 188
Холмогоры 426
Хоповский (Хопово) мон-рь, в Сербии 188
Хорватия 139–140, 151, 154–155, 160–163, 165–166, 168, 170, 176
Хотин 158
Хырсов, рум. город 245
- Ц**
Цариброд 334
Царьград 50
Целовец 175
Центральная Хорватия 166, 168, 170
Церковна, болг. село 222
Цетинье 18
Цырверица, болг. село 344
Цырквисте, болг. село 334
- Ч**
Чаир Харма (Генерал-Колево), болг. село 392
Чакав, рум. город 188
Чақырча (Врачанцы), болг. село 391
Чалыкавак, болг. село 215
Чанаджик, болг. село 341

Чаушкёй (Генерал-Кантарджиево), болг. село 392
 Челебикнё, болг. село 345
 Челябинск 435
 Ченгя, болг. село 340
 Чермет, болг. село 294
 Чернец 204
 Черноводы, гор. в Румынии 375
 Черногория 183, 284
 Черное море 50, 216, 219, 221, 223, 233, 240, 333, 389
 Черномен, место битвы между турками и сербами 52
 Чехия 7, 168, 239, 424, 433–434, 439
 Чехословакия 433, 434, 438
 Чили 411
 Чингане, озеро 230
 Чипровцы, болг. село 121, 194
 Читак (Тича), болг. село 341

Ш

Швейцария 115, 155, 227, 279, 417
 Шейново, болг. село 387
 Шайтан, горы 230
 Шибеник, хорв. порт. 146–147, 161
 Шипка, болг. село, перевал 246, 305, 387
 Шишатовецкий мон-рь 190
 Штирия, область в Словении 181
 Шумен (Шумла), болг. город 215, 217–218, 221–222, 224, 242, 281, 344
 Шуменская околия 344

Щ

Щелково 429

Э

Эгейское море 61, 333, 373, 389
 Эдесса (Водина) 280
 Эленский округ 341
 Эмине-Даг, мыс в южной Болгарии 230
 Эпир 280
 Эски-Арнаутилар, болг. село 221

Ю

Южная Болгария 333, 335, 346–347, 350
 Южная Добруджа 375, 379, 388–389, 391
 Южная Украина 414, 418

Я

Ялпуг, озеро 415
 Ямбол, болг. город 230, 311
 Янина, греч. город 105, 110
 Янтра, река в Болгарии 258, 291
 Япония 413–414
 Яссы, город в Румынии 379

СПРАВКА

о публикуемых в книге материалах

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Зарождение и развитие болгарской литературы в конце IX — первой половине XVIII в. — написано в качестве разделов для «Истории литератур западных и южных славян» — много-томного коллективного труда, подготовленного учеными ИСл РАН; опубликовано в 1997 г. См. том I указанного издания, разделы «Болгарская литература»: М., 1997. С. 111–187, 807–833.

Южнославянские литературы в эпоху Средневековья (Краткий историко — литературный очерк) — создавалось для коллективного труда ученых ИСл РАН «Лексикон южнославянских литератур» (М., 2012. С. 430–445). К сожалению, название данного издания не соответствует его содержанию из-за отсутствия должного внимания редакторов к южнославянскому литературному средневековью. Статьи о древних южнославянских писателях здесь отсутствуют, данные о переводах их сочинений на русский язык были выброшены, убраны даты жизни книжников и указания на датировку памятников. Написанный автором краткий очерк о развитии средневековых литератур южных славян был редакторами «перелицован» и уподоблен статьям издания по отдельным литературным направлениям: он подвергнулся сокращению четырежды (последний раз без авторского ведома). В результате в тексте возникли несуразности вроде того, что Наум Охридский сменил на епископском престоле Климента Охридского, чего просто не могло быть: Климент скончался в 916 г., а Наум ушел из жизни за шесть лет до этого (последний просто замещал своего патрона во время его отлучек в Великий Преслав). В первоначальном, неискаженном виде данная работа будет опубликована в подготавливаемом автором труде «Литературы южных и западных славян в эпоху Средневековья».

Движение южнославянских литератур от Средневековья к Просвещению и Национальному возрождению (XV — первые десятилетия XIX в.) — данная работа, как и предыдущая, готовилась автором для «Лексикона южнославянских литератур» (М., 2012. С. 287–299) и также была подвергнута редакторами

сокращению, хотя и менее существенному. Ее первоначальный объем по большей части здесь восстановлен.

«Недельник» Софрония Врачанского и его время (историко-культурные аспекты) — работа была написана в 2006 г. и прочитана в качестве доклада на Международном симпозиуме в Софии, посвященном 200-летию выхода в свет «Недельника» — первопечатной книги на новоболгарском языке. В дальнейшем по причине чрезмерной задержки публикации материалов симпозиума (в печатном виде они так и не появились) данная работа была опубликована в сборнике «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе». М., 2010. С. 541–548.

РУССКИЕ И БОЛГАРЫ: ВЗАИМНОЕ ПОЗНАНИЕ

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и воспоминания о Болгарии и болгарях ее русских участников — данная статья представляет собой расширенный вариант доклада автора на Международном симпозиуме «Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах», состоявшемся в Москве в мае 2012 г.; опубликована в сборнике, повторяющем название симпозиума (М., 2012. С. 32–49).

Начало русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и переправа наших войск через Дунай — работа была написана по заказу журнала «Родина» и опубликована в нем под названием «Переправа. Начало Освободительной войны 1877–1878 гг. для русской армии» // Родина. М., 2010. № 11. С. 101–104.

Болгария и болгары глазами русских в XIX столетии (в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и до нее) — в данную статью вошел доклад на Международном симпозиуме «Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве», который состоялся в Москве в мае 2009 г.; опубликована в сборнике, повторяющем название симпозиума (М., 2009. С. 41–62).

Русские стереотипы в отношении болгар и Болгарии накануне ее освобождения от турок (очерк о стране Е. Н. Водовозовой) — работа была написана в качестве доклада на российс-

ко-болгарском симпозиуме «Болгария и Россия. XVIII—XXI вв. Стереотипы и деконструкции» (София, 17 мая 2013 г.); публикуется впервые.

Болгария и болгары глазами русских женщин во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (воспоминания медсестры С. А. Кёниг и врача Н. Г. Драгневич) — отдельные части помещаемой здесь статьи прозвучали вначале в виде докладов на Международном симпозиуме «История и культура славян в прошлом и настоящем», организованном в Москве 23–24 декабря 2010 г. по инициативе НИЦ «ЭСТРИКА» (Славянские Культуры: Корни и Крона), и на Международной филологической конференции 29–30 марта 2012 г. в Санкт-Петербурге); были опубликованы под названиями «Болгария и болгары глазами русской женщины XIX в. (воспоминания военного врача Н. Драгневич)» // IV Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Материалы XXI Международной филологической конференции 26–31 марта 2010 г. СПб., 2012. С. 25–30; и «Болгария и болгары глазами русской женщины XIX в. (Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. медсестры С. А. Кёниг)» // Славяноведение. М., 2013. № 1. С. 99–104.

Болгарский народ глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимное восприятие) — в данный материал вошли доклады автора на Международных конференциях «Славянский мир в глазах России», состоявшейся в Москве в марте 2008 г. и «Болгария и Россия в XVIII — XXI вв. Quo vadis? Пути и Перепутья», проведенной в Софии 16 мая 2011 г.; опубликовано в сборнике: Славянский мир в глазах России. М., 2011. С. 107–148.

Конец турецкого господства и первые годы свободной жизни (малоизвестные публикации и эмоции в болгарской печати конца 70-х — 80-х годов XIX в. — в статью вошел доклад «Освобождение страны от турок в болгарской периодике (малоизвестные публикации и эмоции в XIX столетии)» на Международном симпозиуме в ноябре 2011 г. в Варшаве; опубликована в сборнике: Образ России на Балканах. Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи». М., 2011. С. 29–46.

Гоголь и развитие болгарской культуры во второй половине XIX — начале XXI в. — в материал вошел доклад автора «О рецепции творчества Гоголя в Болгарии» на Международной конференции «Гоголь и славянский мир», Москва, 10–11 ноября 2009 г.; опубликован в виде расширенной статьи под названием «Н. В. Гоголь и развитие болгарской культуры в XIX — XXI вв.» в сборнике: Гоголь и славянский мир. М., 2012. С. 417–432.

СЛАВЯНСКИЕ РАСПРИ

Сквозь прорезь ружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже осенью 1916 г. — в статье отражен доклад автора «Концепция русского врага в Болгарии в период Первой мировой войны» на Международной междисциплинарной славистической конференции «Концепции и концепты в истории и культуре славян», проведенной 18–19 декабря 2012 г. в Москве по инициативе НИЦ «ЭСТРИКА» (Славянские Культуры: Корни и Крона); опубликована в сборнике: Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1250-летию Велико-Моравской миссии Кирилла и Мефодия». М., 2013. Ч. 1. С. 314–333.

Большевицкая Россия в болгарской маргинальной литературе 20-х — 40-х годов XX в. — статья написана на основе доклада автора на Международном симпозиуме в Софии в 2008 г.; опубликована в сборнике: Болгария и Россия. (XVIII—XX вв.). Взаимопознание. М., 2010. С. 98–121.

Россия и славяне вчера, сегодня и завтра (польские и чешские ракурсы) — в материал вошли доклады автора на Международных симпозиумах в Москве «Россия и славяне в XX в.» (май 2007 г.) и «Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность — новые факторы консолидации». (31 мая 2008 г.); опубликован в сборнике, повторяющем название последнего симпозиума (М., 2008. С. 70–87).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калиганов Игорь Иванович — родился 1-го марта 1946 г. в Ленинграде в семье военного преподавателя, морского летчика. Рос в различных городах у Балтийского, Азовского, Черного, Охотского, Японского и Каспийского морей. Окончил школу-одинадцатилетку в Баку, славянское отделение филологического факультета Ленинградского Гос. ун-та (1970) и аспирантуру Института славяноведения и балканистики СССР в Москве (1975). Защитил кандидатскую (1976) и докторскую (1998) диссертации. Специалист по истории и культуре славян, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стажировался в Болгарии, Австрии и США. Автор книг «Родник злато-струйный. Памятники болгарской литературы IX — XVIII веков» (М., 1990, в соавторстве с Д. И. Польшянским), «Георгий Новый у восточных славян» (М., 2000), «Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур» (М., 2006) и более 160 статей, а также свыше 70 докладов на международных форумах в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Греции, Словении, Польше и Украине.

Более 30 лет по совместительству читает лекции и ведет спецкурсы и семинары в МГУ им. М.В. Ломоносова, ИРЯ им. А.С. Пушкина, Дипломатической академии МИД СССР, Военном институте, МГИМО и Государственной академии славянской культуры (ГАСК). Получил ученое звание доцента (1992) и профессора (1997). Основал в ГАСК кафедру славянских языков и культур и научный Центр «ЭСТРИКА» (Славянские Культуры: Корни и Крона), проводящий ежегодные международные конференции. Декан факультета филологии ГАСК (2004–2009, 2009–2014).

Читал лекции по истории и культуре славян за рубежом: в Чехии, Словакии, Болгарии и Италии. Последняя зарубежная лекция «Принятие эстафеты кирилло-мефодиевского дела Болгарией от Великой Моравии» состоялась в Брюсселе 26 февраля 2013 г. в Европарламенте. Неоднократно участвовал в международных научных пресс-конференциях. Периодически выступает на историческом телеканале «365 дней» в программе «Час истины» по вопросам истории и культуры Болгарии.

Имеет ряд отечественных и зарубежных наград: первый лауреат возрожденной Макариевской премии (1997), кавалер ордена «Стара-Планина» I степени — высшей президентской награды Болгарии для иностранцев и международной премии свв. равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия (2006), удостоен почетного знака им. Марина Дринова — высшей награды Болгарской академии наук, почетный работник науки и техники РФ (2007) и др. Член Правления «Союза друзей Болгарии» и международной комиссии *Patrologia Slavica*.

Научное издание

Калиганов И.И.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Редактор *О.В. Трефилова*

Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Художественный редактор *Л.Г. Ордынская*

Подписано в печать .11.2014 г.

Формат 60x90/16

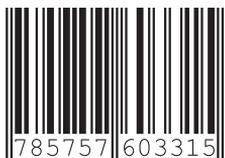
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30. Тираж 300 экз.

Институт славяноведения РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96

ISBN 978-5-7576-0331-5

9 | 785757 | 603315 |